

История европейских народов

Иоганн Георг Коль

Geschiedenis der Europeesche Volken

Johann Georg Kohl

The Project Gutenberg eBook of History of the European Peoples.

Эта электронная книга предназначена для бесплатного и почти без ограничений использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей света. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: История европейских народов

Автор: Иоганн Георг Коль

Иллюстратор: Альберт Кречмер

Дата выхода: 12 ноября 2006 [eBook #19774]

Последнее обновление: 1 января 2021 г.

Язык: голландский

Аккредитация: Подготовлено Йеруном Хеллингманом и командой Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net/>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF THE EUROPEAN PEOPLES ***

История европейских народов

Нидерланды

История европейских народов.

Адаптировано из Ашкенази

Ж. Г. Коля.

С цветными табличками.

По оригинальным рисункам

А. Кречмера.

Гаага - Йох. Икема - 1874.

Европа.

"Эта старая Европа мне надоела", - сказал когда-то Наполеон. И многие, уставшие от этого континента, вторили ему впоследствии.

Вероятно, Наполеон сказал это, когда достиг вершины своего могущества, когда увидел всю Европу у своих ног и ему больше нечего было желать. А те, кто, как и он, устал от Европы, говорили это потому, что им безнадежно нечего было ни приобрести, ни потерять в старой Европе.

Это мрачное высказывание, порожденное либо изнуренностью, либо отчаянием и вдохновленное им.

Ни история, ни спокойное рассмотрение существующих отношений не заставляют нас согласиться с этой поговоркой; скорее, и то, и другое приводит нас к убеждению, что наша добрая Европа не является ни утомительной, ни, как выражаются американцы, слабой по возрасту.

Во всем мире, вплоть до новейших времен, нет зрелища более занимательного и развивающего ум и сердце, чем созерцание жизни и деятельности бодрствующих европейских народов; нигде люди не возлагают больше надежд на молодость, прогресс и новые перспективы, чем на нашем маленьком континенте, который, хотя и стар, но всегда сохраняет свой пыл к жизни.

Со времен афинян Европа была колыбелью цивилизации. "С христианством, - говорит Арндт, - все гении устремились туда. Она стала сердцем мировой истории. С открытием Колумба Европа стала центром земного организма, и с тех пор можно почти с уверенностью сказать, что она останется на все времена духовным и физическим центром нашего земного шара".

Эта уверенность подтверждается для нас, когда мы пристальнее вглядываемся в удивительный и единственный на Земле план, по которому Творец создал наш континент; ; когда мы рассматриваем, насколько удачен тот природный нрав, который был свойственен европейским народам с самого начала и остался им по существу присущ.

Когда греки наделяли верховной властью бога дождя и облаков и его брата, "сотрясателя земли" Посейдона, бога моря, а богиню Земли изображали всего лишь восприимчивой,

страдающей женщиной; когда их великий поэт Пиндарус начинал одну из своих од знаменитым изречением: "Конечно, лучше всего вода", - взгляд на земной шар показывает, насколько правильно они и ими руководствовались.

Все древние и молодые цивилизованные страны мира располагались вблизи воды. От Китая через Индию до Персии, Аравии, Египта и Европы они образуют длинный пояс замкнутых в море полуостровов. Дальше вглубь материка, дальше от моря, вне досягаемости его оплодотворяющих облаков и баров, вдали от судоходных рек, цивилизация никогда не пускала самостоятельных корней.

Однако Австралия, раздробленная на бесчисленные куски суши и вечно варварская, где острова теряются в водной пустыне со своими маленькими дикими племенами, доказывает, что даже по отношению к воде хорошего может быть слишком много.

Кажется, что в браке между сушей и водой оба должны противостоять друг другу как супруги почти с одинаковой силой; в окружности огромного океана, где Гея живет как карлик, это выглядит так же неприятно, как и в недрах бескрайних массивов суши, которые не подвластны электрическому трезубцу Нептуна.

Однако ни в одной части света отношения между водой и сушей не являются столь благоприятными и выгодными, как в Европе.

Омываемая с трех сторон соленой водой, она разделена на несколько мощно развитых стран крупными морскими бассейнами. У него очень изящное и крепкое телосложение, стройная, хорошо пропорционированная фигура с четко развитой головой, хорошо сформированной грудью, тонкой талией и сильно развитыми мускулистыми руками.

Поэтому Европу справедливо сравнивают с человеком, а ее название берут от имени божественной девы, как будто сама природа уже заранее определила высокую судьбу этой части света, как будто хотела сказать: ты будешь первой среди частей света, царицей Земли.

По сравнению с нашей Европой другие материки - Азия, Африка - кажутся лишь широкими, пухлыми, немодными массаами, которые никак нельзя сравнить с человеческой фигурой, самое большее, как это делали индийские легенды в отношении Азии, с панцирем большой черепахи или с листьями гигантских растений, плывущих по океану.

Гладкие, прохладные, соленые воды, соединяющие страны, в которых купается Европа, омывают голову и грудь девицы во Франции и Испании, укрепляют ее мускулистые руки в Англии и Италии. В Черном море и дальше на север в Белом море они увлажняют ее ноги; и, подобно богине любви, она выходит из этой ванны все более счастливой, здоровой и прекрасной.

Прародитель Океан, в чьем чреве лежит Европа, каким бы подвижным он ни был, обладает определенной ровностью характера. Поскольку он, в отличие от страстной женщины Геи, не так легко нагревается солнцем и даже зимой сохраняет в крови некоторое тепло, то, где бы он ни появился, он проявляет умеренность. Он отламывает шипы стрел южного бога солнца, а также его мягкое дыхание делает гибкими окоченевшие члены северного Бореаса.

В Европе, благодаря стечению чрезвычайных обстоятельств, он делает это чаще, чем в любой другой части Земли.

Часть Земли, которую мы населяем, обращена лицом к тому замечательному океаническому течению, которое выходит из Мексиканского залива в виде горячего потока, называемого

Гольфстримом, и возвращается к нам с юго-запада в виде мягкого нагретого потока, оттесненного берегами Америки.

Обремененное влажными облаками и сопровождаемое мягкими западными ветрами, цветущий Фавоний или Зефир древних, это течение проникает через Геркулесовы столбы (Гибралтар) в Средиземное море, которое отделяет нас от раскаленной топки Африки. Так же как оно охлаждает юг, оно согревает холодный север. Проходя через Бискайский залив, оно повышает температуру на Британских островах, переносит множество тепла вдоль берегов Норвегии к Северному мысу и из года в год сохраняет море открытым вплоть до Шпицбергена.

Этому благодатному течению, под чьим - до недавнего времени неверно понимаемым - влиянием находилась и находится вся Европа и ее цивилизация, скандинавы обязаны тем, что могут жить как европейцы; что они могут покидать свои гавани, в которых тает лед, с большими кораблями так же легко, как итальянцы могут покидать свои; Что их поля, увлажняемые парами Гольфстрима, почти такие же зеленые, как в Германии и Голландии; что у них процветает сельское и лесное хозяйство на широте, где повсюду на Земле - в Америке, а также в Азии и Австралии - ледяной король размахивает своим грубым совком, а в крайнем случае лишь эскимосы или пещеры ведут жалкую жизнь.

Расстояние от самых северных березовых лесов Норвегии до самых южных сосновых лесов Греции и Италии составляет почти 40 градусов широты. За исключением Европы, нигде в умеренном полушарии нет региона, где климат так мало отличался бы друг от друга на одной и той же широте, как указано выше.

Как в Азии, так и в Америке, даже в южной части, крайние точки такой области противопоставлены друг другу как жизнь и смерть. У реки Торнеа, высоко на севере, находится один из самых плодородных, привлекательных и богатых регионов Швеции, где летом кукурузные поля чередуются с прекрасными лугами, где трава растет необычайно густо и высоко. Да, на Альфен-Эльфе, расположенном чуть севернее, до сих пор растут сосны высотой 60 футов, в то время как за пределами Европы на том же круге широты не растет ничего, кроме мха и мелкого кустарника. К востоку по европейскому склону Уральских гор, вдоль рек Оки и Волги, раскинулись самые чистые и плодородные ландшафты Российской империи; здесь чередуются изысканные луга, богатые кукурузные поля, которые сейчас являются житницами Восточной Европы, и красивейшие дубовые рощи. На восточном или азиатском склоне тех же Уральских гор картина резко меняется. Там очень скоро можно не заметить настоящего европейского дерева, мужественного, царственного дуба, который растет здесь повсюду, который европейские народы считали священным и который все они, греки, кельты, германцы, выбрали своим национальным деревом, как символ долговечной силы.

Возможно, в этом океанском течении мы должны объяснить *самую важную* и убедительную причину положения Европы по отношению к другим частям света; ведь, возможно, это течение с юго-запада, которое, возможно, протекало гораздо быстрее в более ранние периоды развития Земли, также было той силой, которая сделала наши берега такими волнистыми, наш материк таким красочным, таким открытым и доступным; которая, одним словом, постепенно породила эту женственную форму. Поэтому Гольфстрим можно назвать одним из самых влиятельных физических факторов, определивших судьбу европейского человечества. Поскольку он придал нашему континенту черты передвижной оранжереи, его также называют настоящим отцом западной цивилизации.

Западные и юго-западные ветры, сопровождающие это течение, являются преобладающими в Европе. Они несут пары и туманы океана над всем континентом, увлажняя его повсюду, обильно поливая его источники и реки и превращая его в хорошо орошаемый и богатый источниками *дождя пояс*, а именно в отличие от того широкого, безводного земного пояса, который проходит на юг через Персию, Аравию и Африку.

Судоходные, плодородные и весело текущие реки, образцы и примеры неугомонной деятельности, пронизывают, как сеть живых вен, все части и подразделения нашей великой европейской родины. Даже на крайнем севере они приводят в движение мельницы и весла шотландцев и скандинавов и круглый год несут их суда, тогда как на той же широте в других частях света реки покрыты вечным льдом и представляют собой лишь образцы неподвижности и мертвого спокойствия.

Дожди и реки делают плодородными самые южные регионы Европы и страны, прилегающие к Средиземному морю, в то время как в соседнем поясе, в пустыне Сахара, по мере того как воды стекают и высыхают, все живое, включая человека, погибает.

В зонах, где нет дождей, почва, естественно, гораздо менее пригодна для возделывания. Это можно исправить только искусственным поливом и усилиями, которые порой превышали силы жителей. Но если этого не делать, искусственно выращенное растение вскоре завянет, как это произошло в новое время.

В Европе, где небо всегда увлажнено, почва и растительность не испортились бы и не погибли так быстро, как там. Этот континент содержит в себе элемент вечной молодости. Он будет оставаться сильным до тех пор, пока океан, Гольфстрим и возвращающиеся пассаты будут приносить в Европу освежающую влагу.

Подобно благотворной влаге из облаков, плодородная почва расстилается по всему континенту. Плодородные сельскохозяйственные угодья простираются до внутренних долин гор.

Европа - единственная из больших частей света, где нет непригодных для жизни пустынь, которыми так изобилуют Северная и Южная Америка, Африка и Азия. Степи России, которые иногда называют пустынями, обязаны этим названием в основном своему однообразию. Они, так же как и болота Польши, плодородны и пригодны для работы, если только человек приложит усилия. И если песчаные равнины Пруссии называли природной пустыней, то это была пустыня, которую можно было превратить в сад с помощью дождя, усилий и труда.

Спорадическая, то есть лишь местами нарушенная льдом, голая скала или болота небольшой протяженности, покрывает всю вечнозеленую Европу; в этой картине, созданной природой, ключевое значение имеет *цвет надежды*.

Европа относится к умеренному поясу. Лишь незначительная часть у Северного мыса относится к холодной зоне, а от жаркой зоны ее отделяет прекрасное море на всем своем протяжении.

В этом отношении мы также отличаемся от других частей света. Отчасти они, как Африка и Южная Америка, почти всей своей поверхностью относятся к экваториальным странам; отчасти, как Азия и Северная Америка, их широкая грудь полностью подвержена влиянию беспощадных северных ветров.

Вполне справедливо люди искали главную причину процветания европейских наций. Там, где, как в полярных областях, самые большие усилия, самые сильные начинания не получают

никакой или только очень скудной оплаты, там разум, как и природа, впадает в вечную спячку - там, где, как в тропических областях, дюжины хлебных деревьев достаточно, чтобы прокормить семью, там изобилие убивает дух людей, которые не могут вынести ничего более трудного, чем "череда счастливых дней". Там же, где, как в наших умеренных широтах, бережливая, но не неблагодарная природа зовет нас в бой, и этот бой не слишком тяжел, там дух пробуждается, там труд, мать развития и прогресса, процветает.

Насколько практичным, насколько стимулирующим, насколько подвижным является не свойственное нашей европейской зоне природное явление - смена времен года. В регионах, где прекрасный бог солнца никогда не появляется в своем полном великолепии, а сияет однотонным блеском, вечно улыбаясь, он вряд ли может заставить людей бодрствовать. Однако с нами, европейцами, он играет в захватывающую игру, исчезая и появляясь вновь.

Какой только образ нашей собственной жизни не вызывает у нас этот очаровательный танец хорей. Когда приближается юная весна, а с ней и обновленный свет, когда щебечут птицы и радуется земля, "кто не вспоминал всегда о мечтах своей юности и не чувствовал своего божественного предназначения? И не только весна, когда все пробуждается к новой жизни, или лето, когда все достигает полной зрелости, но и постепенно завершающийся финал, осень, производят глубокое впечатление на наше сознание.

Как вдохновляющее, как развивающее зрелище такого волшебного разнообразия, должно быть, действовало на умы наших народов, которые всегда помнили о борьбе и победе и которые, таким образом, могли жить и наслаждаться всеми небесами земли в своих домах и без путешествий.

Стихи о лете, осени и весне составляют половину поэзии европейских народов. Действительно, если вспомнить, как греки сделали Аполлона, который возвращается весной, покровителем поэтов, и как в Северной Европе песня детей страны снова звучит в мае, одновременно с песней жаворонка, то возникает соблазн искать источник и причину нашей поэзии в этом чередовании времен года.

Самые красивые и трогательные саги и представления, не только римские и греческие, но и славянские и германские теории богов, ссылаются на чередование времен года, которое заставляло всех европейцев думать, сравнивать и узнавать о жизни человека и о себе.

Да и сама Библия высоко оценивает влияние чередования времен года, когда говорит: "Пока стоит Земля и пока живут на ней люди, будут продолжаться сев и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь" - разве даже основатель религии, ставшей по сути европейской, не упоминает об этом всегда? Разве не из нее он почерпнул многие наиболее понятные для нас образы и самые прекрасные учения? Все они - образы, притчи и уроки из чрева умеренного неба; Из этого капризного пояса земли, который то окунает своих детей в огонь, то в воду, который всегда держит их умы в напряжении, всегда пробуждает их склонности, их тоску или их печали, иногда наполняет их печалью, иногда счастьем и радостью, и который поэтому населен *только* такими народами-фениксами, как европейские, которые, подобно птице Phoenix, всегда строят свое разрушенное гнездо заново, и с которыми никогда не нужно сомневаться в возрождении.

Как во *внешнем облике* материка и его *слиянии с морем*, столь *благоприятном* для взаимного движения, так и в климате, не знающем крайностей, и в составе почвы, которая не знает пустынь, но везде пахотна, здесь больше, там меньше; так и везде во всей остальной природе Европы, в ее оригинальных продуктах, в ее флоре и фауне можно найти определенную эффективность, определенную особенно благотворную умеренность. Нигде

не встретишь индийского изобилия, азиатского великолепия и тропического избытка. Но почти везде есть необходимое и полезное, или его можно получить.

В других частях света, например в Южной Америке, есть страны, где на равнине, почти такой же большой, как вся Европа, не найти ни одного твердого камня, где дорожные и строительные камни так же редки, как алмазы. В Европе старые кости Земли повсюду богато торчат над землей или разбросаны по ее поверхности в виде обломков, чтобы европейские народы могли оттачивать на них свой ум и создавать долговечные произведения из камней, которые они могут добыть.

По своей природе мы бедны жемчугом, драгоценными камнями, золотом и серебром. Зато мы богаты металлом, с помощью которого эти сокровища можно добыть самым верным способом. Железо можно найти по всему нашему континенту: оно встречается в болотах Финляндии, в горах Скандинавии и Великобритании, в скалах и на островах стран, прилегающих к Средиземному морю. Из этого металла европейцы делали свои пики, свои плуги, свои мечи, свои машины, с помощью которых они перевернули для себя земной шар. С помощью этой железной руды, которую она предлагает почти везде, Европа говорит своим детям: "Работайте и властвуйте!" "Работа - это по-королевски", - знаменитое изречение одного из закованных в железо европейских правителей: истинно европейская королевская идея, *bon mot*, в которой никакой азиатский Навуходоносор не опередил македонского Александра. Эта пословица составляет резкий контраст с поговоркой, пришедшей из Азии и широко распространенной там: "отдыхать лучше, чем идти, спать лучше, чем смотреть, а смерть - лучшее из всего".

Характер животного мира также соответствует указанной материковой физиономии. Как в устройстве тела прекрасно и умело соблюдены правильные размеры, и на материке не встретишь такой непосильной дробности, как в Австралии, или таких колоссальных и неуклюжих размеров, как в Азии и Африке, так и в животном мире нашего материка нет видов, которые по характеру или по размерам были бы чудовищны. После потопа в нашей Европе не было слонов, носорогов и других диких животных. Тех немногих львов и тигров, которых Греция когда-то могла бы прокормить, европейские геркулесы вскоре задушили.

Ни в видовом, ни в численном отношении существа, которых боится человек, не были у нас очень многочисленны. Волк, лош и медведь, а также некоторые более мелкие животные - единственные, кого мы можем считать коренными жителями, в то время как в некоторых других частях света человек с трудом защищается от хищников и налетчиков и вынужден вести с ними непрекращающуюся борьбу.

Ядовитые растения почти полностью запрещены в наших здоровых лесах; ядовитые растения, которых так много в других местах, а также ядовитые змеи и другие ужасные и чудовищные ползучие животные почти совсем неизвестны у нас.

Наши птицы не сравнятся с птицами других регионов мира по размеру и окраске, но они выделяются среди них своим прекрасным звучанием. Ни одна часть света не богата певчими птицами так, как Европа. Щебечущие маленькие пернатые менестрели бороздят наши горы и леса и радуют наш слух, а фламинго и какаду из тропических регионов ослепляют глаз своими причудливыми красками. Как будто сама природа в Европе более благоразумна и не так стремится к голым материальным благам и показухе, как в других странах.

В растительном мире тоже красивое преобладает над прекрасным, полезное и пригодное для человека - над великолепным. -Хлебосольные растения, веселящее вино, множество освежающих и полезных фруктов, которые Творец подарил Адаму в раю, Европа с радостью

приняла, и они в наших оранжереях, благодаря нашему умеренному климату, до сих пор так изысканно обработаны европейскими мастерами, что изысканный вкус вряд ли предпочтет сладкие, сильно приправленные и вкусные плоды Юга букету нашего виноградного сока, сладкоцветным плодам наших яблонь, груш, слив и лимонных деревьев.

Лесные и луговые цветы, характерные для нашей страны, не отличаются таким внешним великолепием, как декоративные растения других частей света, которые могут похвастаться всеми цветами радуги. Наши настоящие европейские ночные анютины глазки и незабудки, наша мирра и резеда, наша лаванда, наш маленький розмарин, подснежники и майские цветы, так сказать, прячутся. Их нужно обнаружить, распознать их скромную красоту, и зачастую ими можно наслаждаться только обдуманно. У них нет того пьянящего аромата, который характерен для растений Аравии, и все же европейская фиалка или прекрасно пахнущая "как-долго-так-долго" скорее порадуют поэта, чем чашечка великолепного кактуса или сильно пахнущая магнолия.

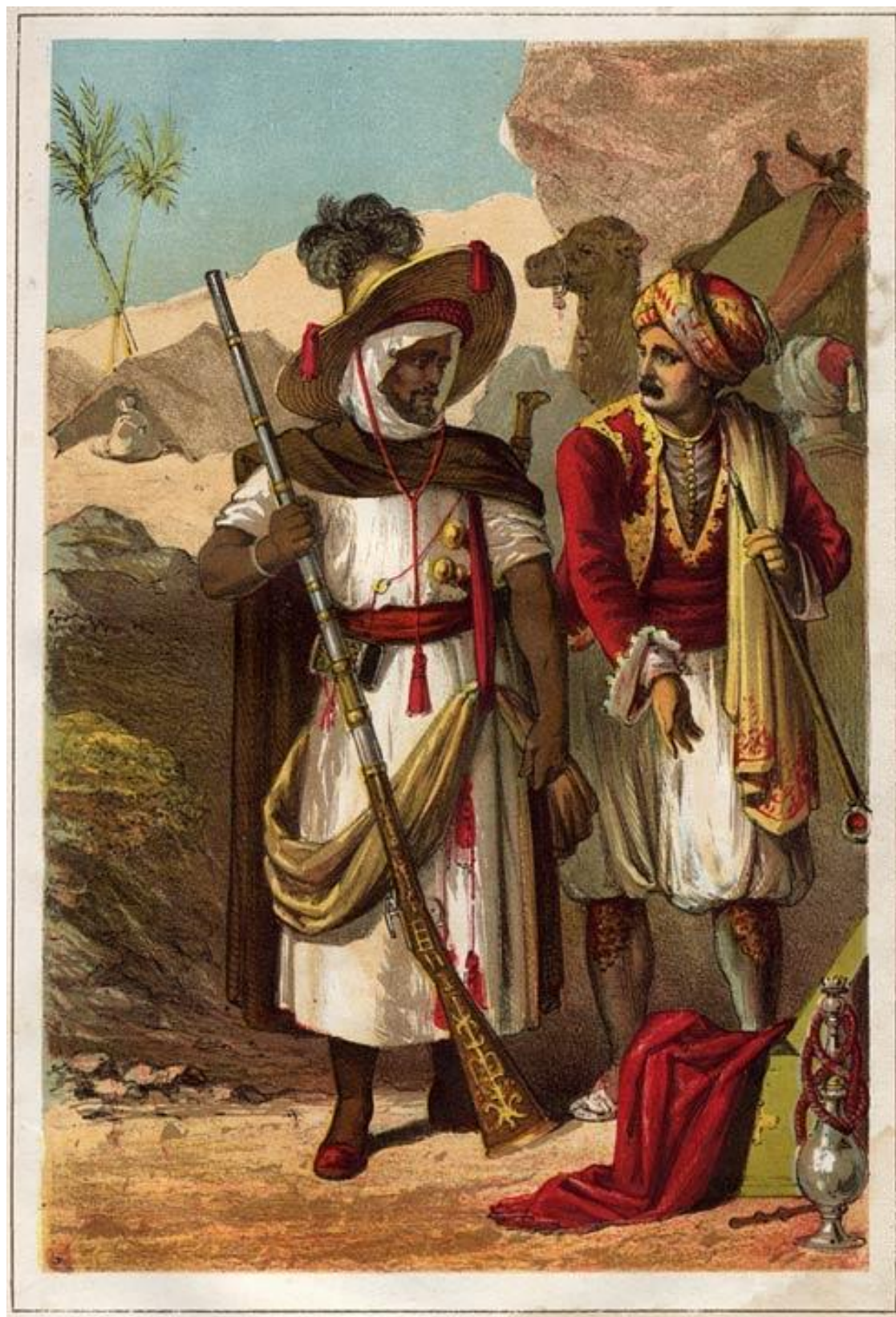
Одним словом, куда бы мы ни обратили свой взор, везде оказывается, что золотая середина проходит прямо через Европу. Нигде природа не обошла Европу вниманием, но нигде она не расточила рог изобилия. И именно в этой умеренности, преобладающей в европейском творчестве, кроется его неотъемлемая сила. Природа везде положила начало, везде дала начало строительству, оставив человеку использовать и завершить работу. Рама для вышивания и ткань для вышивки были очень выгодны, но сама вышивка была только подготовлена. Европейцу предстояло завершить эту работу.

Шем, азиат, как первенец Ноя, был наследником творения, так сказать, по праву первородства; он оставался на унаследованной ферме и следовал древней традиции предков. Иафет же, европеец, был младшим сыном, который мало что унаследовал, которому предстояло вступить в жизнь и завоевать свое царство в мире.

Южные соседи Европы.

(Финикийцы, арабы, мавры, варвары).

Длинная цепь пригодных для земледелия ландшафтов между пустыней Сахара и Средиземным морем часто, как физически, так и с точки зрения истории цивилизации, является исключением из большого континента Африки, частью которого она является. Возможно, было время, когда она была полностью отделена от него, а именно, когда ныне возвышающаяся чаша этой большой пустыни была также заполнена морской водой.

Арабы и мавры

Во многих отношениях она примыкает к странам Южной Европы и составляла с ними единое целое, когда еще не существовало Гибралтарского пролива. Теперь она лежит на берегу того же моря, на котором расположена Южная Европа, имеет с ней общий климат и растительность, часто подвергалась тем же завоевателям и королевствам, обменивалась с нами воинами, колониями, населением и развитием до нашего времени, до появления

африканских турок под французским знаменем на нашем севере и до повторных вторжений испанцев в Марокко в 1862 году.

В связи с этим возникает важный для нашей темы вопрос: какие элементы народа, какое влияние на характер и развитие, какие изменения в нравах, обычаях и языке получили и претерпели европейцы с этой стороны, и какие остатки и впечатления от этого мы находим у себя до сих пор?

Страны Северной Африки, как и Европа, принадлежат к умеренному поясу, в котором, как и наш континент, они простираются с востока на запад. Они по-прежнему, хотя и не в такой степени, подвержены влиянию юго-западного пассата и поэтому, по крайней мере в большинстве своем, являются *страной дождей*, как и Европа. Даже южная граница снега, выпадающего на поверхность моря на одной и той же высоте, пересекается с некоторыми из самых высоких точек северной Африки. То тут, то там можно встретить этот вид вплоть до подножия Атласских и других гор внутренней части, вплоть до края Сахары, великого песчаного моря без воды, принадлежащего к всегда дождливому и жаркому поясу.

Как и характер климата, растительность Северной Африки гораздо больше похожа на европейскую, чем на внутреннюю. Да, эта Северная Африка фактически образует одну и ту же ботаническую провинцию с Южной Европой. Здесь растут общие с южной частью Европы важнейшие лиственные и плодовые деревья, в том числе полезное оливковое дерево, сочные лимоны, апельсиновые яблоки и другие европейские южные фрукты. Кроме того, это еще и винодельческая страна, но южная граница виноградной лозы проходит как раз по южной границе этих прибрежных стран. Северная Африка поделилась с нами зерновыми культурами, и, наоборот, в Испанию и Сицилию были завезены сахарный тростник, хлопок и финиковая пальма, которые являются уроженцами тропических регионов, а на болотистых берегах некоторых рек острова до сих пор растет папирус, принадлежащий Нилу.

Как и растительный, животный мир в некоторой степени похож на растительный, хотя эти две части мира отличаются друг от друга. Некоторые животные и виды обитают как на северном побережье Африки, так и на юге Европы. Так, если привести лишь несколько примеров, то и там и там можно встретить лань, кролика, журавля, различных хищных птиц и еще более многочисленных ползающих животных, насекомых, капелл. И надо заметить, что они не улетают на юг, через южную границу этих прибрежных африканских стран на Средиземном море. -То, что мы, европейцы, ежегодно обмениваемся с Северной Африкой многочисленными весело щебечущими стаями певчих птиц, а также местными аистами, общеизвестно, как и то, что на скалах Гибралтара поселилась колония африканских обезьян, и что, по крайней мере в древности, африканский лев рычал и в Европе, пока булава Геркулеса не свалила его в Греции.

Поэтому, учитывая все эти обстоятельства, многим древнегреческим географам не составило труда включить Северную Африку в состав Европы под названием "Ливия" и полностью отделить ее от остальной Африки, которую они предпочитали называть "Эфиопией" (землей негров).

Исконные обитатели Африки, черные дети Чама, негритянские племена, чья кожа и мозги были опалены солнцем, хотя и были такими же близкими соседями нашего континента на обширной территории, как монгольские кочевые племена Азии, никогда не вбивали себе в голову воевать с Европой, разрушать ее или переселяться туда со своими домами. Глубоко погруженные в вековое варварство, эти бесчисленные народы, не обладающие ни малейшей энергией, не принесли ни малейшей пользы остальному человечеству, ничего не изобрели и не придумали для него. Подобно барам большого, мрачного внутреннего моря,

народы с самого начала мира двигались взад и вперед. Каждый бар, как бы высоко он ни поднимался, падал обратно в пределы этого моря, и нигде оно не переполнялось предприимчивостью. Мы не видим ничего, кроме бесчисленных однообразных изменений и диких потрясений, всегда повторяющихся одинаково; нигде нет бодрого роста, нигде нет великого развития, нигде нет значительного прогресса. Они никогда не были опасны для нашего континента, но и никогда не были полезны. Да, насколько можно судить по истории, они никогда не задерживались на северной границе своего собственного континента. Там они тоже появляются (как и время от времени в Европе) только в сопровождении более могущественных рас, с которыми они обращаются как с рабами. Мы можем оставить эти негритянские народы в стороне при изображении народов Европы.

С незапамятных времен Северная Африка имела своих земледельцев и фермеров отчасти из Европы, отчасти из областей Хаша, то есть страны Солнца (Morgenland) - Азии, главным образом и преимущественно из последних областей, особенно в самые ранние времена, когда все распространение человечества и цивилизации, оттуда с Востока на Запад, было направлено.- Поэтому мы рассмотрим прежде всего отношения Северной Африки к Азии.

Обе страны соединены весьма примечательным мостом - Суэцким перешейком и его продолжением в Сирии. Они также слабо отделены друг от друга на всем протяжении узкого залива Красного моря, который легко судоходен и по библейской легенде когда-то переходил вброд целый народ. Здесь смешиваются и братаются африканские и азиатские особенности. Через Аравию, восточное продолжение Сахары, и через Персию и Белуджистан это родство простирается до Ост-Индии. Поэтому старые писатели часто спрашивали, не следует ли часть Северной Африки, а именно Египет и всю долину реки Нил, считать частью Азии; другие поступали наоборот и причисляли части Азии, особенно Аравию, к Африке. И мы, со своей стороны, также можем включить эти регионы в круг, который мы будем исследовать, и, говоря о северном побережье Африки, включить в него Сирию, Финикию, Аравию и соседние с ними страны.

Достоверная история учит нас, что северная Африка неоднократно подвергалась наводнениям и колонизации оттуда, и весьма вероятно, что все, что северное побережье Африки дало нашей Европе в плане населения, изначально пришло из Аравии и других соседних азиатских регионов, а североафриканские земли играли лишь роль посредника, земли, которую нужно пересечь, или моста для народов.

Это очень хорошо согласуется с восточноафриканским побережьем, на которое наш взгляд падает в первую очередь; на древнейший путь западной цивилизации, на загадочную страну сфинксов и древних руин, с остатками храмов и захоронений которой мы разговариваем пять тысяч лет. Сходство построек, возведенных древними египтянами, с постройками еще более древних жителей Хиндостана, их жреческое правление и деление на касты, народный и государственный строй, а также другие отличительные особенности позволяют с большой долей вероятности считать их переселенцами с азиатского Востока. Предположительно, эти поселенцы сначала прибыли на кораблях на южное побережье Аравии, в так называемую "счастливую Аравию", а затем прошли через Баб-эль-Мандебский пролив (*ворота смерти*), который, ввиду внедрения восточного развития, должен был быть назван "воротами жизни", в соседние районы средней долины Нила.

Из этих центральных областей, на которые древнейшие египетские традиции также указывают как на отправную точку их цивилизации, их колонии и империи двинулись на север, вдоль берегов всего Нила к Средиземному морю, где в плодородной дельте

египетская пальма развернула свою крону, а затем снова на юг, вглубь Абиссинии и Эфиопии.

Замкнутая в долине Нила, живущая вдоль русел рек, египетская цивилизация - замкнутый в себе мир - цвела долгое время. Наконец, некоторые из ее семян и черенков были перенесены через Средиземное море в Европу, где они упали на самую плодородную, а именно греческую, почву. Египтянин (Кекропс) основал Афины; египтянин (Данаус) построил царский замок Аргос; Минос, законодатель Крита, возможно, имел больше, чем сходство имени, общего с древнеегипетским государственным деятелем Менесом. Да, египетский царь Сесострис, воюя и завоеывая, однажды прошел через весь греческий полуостров до Дуная и в страну скифов.

Через Грецию, чье древнее искусство, пока оно еще не воспарило на собственных крыльях, очевидно, нашло свою колыбель в Египте; чьи мыслители отправлялись к египтянам, чтобы почерпнуть мудрость из древних источников - Платон, среди прочих, который, подобно Геродоту, Солону и Пифагору, посещал Египет и учился там, безоговорочно ставил египтян на первое место, называя их изобретателями арифметики, геометрии и астрономии; по словам Диодора, вся религия греков, их боги и героические легенды Африки пришли от египтян; Но греки представляли все, что происходило в Египте, так, как если бы это происходило в Греции - через этих греков, говорю я, которых египтяне сначала ругали за детей, за очень молодых людей и неразвитых варваров, полученная цивилизация была затем далее передана остальной Европе; И поэтому мы, новые европейцы, чье современное летоисчисление имеет египетское происхождение, и сегодня в какой-то степени несем на себе египетскую печать, и наши мысли движутся по путям, истоки которых следует искать в Ниле.

Александр Македонский, а за ним и римляне впоследствии разорвали лоно Древнего Египта, скрывавшее его развитие, как закрытая раковина устрицы, и слили его с европейским. Египетские жрецы строили свои храмы в Италии, европейские (греческие и римские) ученые основывали свои школы на Ниле, а их торговцы и воины проникали в самое сердце Эфиопии. Византийские императоры, а затем турецкие падишахи, которые еще позже завоевали Египет и всю Северную Африку, как Александр и Рим до этого, вывели жителей нильского региона на берега Дуная, как во времена Сесостриса, и у этой реки, под полумесяцем, до сих пор можно увидеть лица смуглых египтян и темных эфиопов, стоящих перед немецкими войсками.

Влияние, которое египтяне оказали на Европу, как по времени, так и по манере поведения, схоже с влиянием другого народа, так называемого "пурпурного народа" (финикийцев), жителей сирийского побережья. Это сирийское побережье, одновременно восточный придаток и боковое крыло Египта и Африки, составляет одну из важнейших частей южного побережья Средиземного моря, рассматриваемого нами. Мореплаватели и торговцы Сирии, ученые древней мудрой Вавилонии, рано проникли в Средиземное море и, как на африканских, так и на европейских берегах, распространили цивилизацию и колонии по всему великому бассейну, который и теперь у восточных народов носит их имя и называется Сирийским морем (Bahr el Scham, вода Шама).

Уже за 1500 лет до нашей эры финикийские мореплаватели, поселенцы, торговцы, плантаторы и завоеватели прибыли в Грецию. Их капитан (Кадмус) построил Фивы в Беотии и принес в Грецию финикийскую письменность. От него произошли все остальные европейские алфавиты. Также, что не менее важно, финикийцы первыми принесли в Европу железо и железные орудия труда - Крит, Родус, Кипр, да почти все острова первого позднего

"Греческого архипелага" были заняты ими. Они проникли гораздо дальше на запад и построили свой всемирно известный "*Карм Чадата*" (Новый город), который римляне называли "Карфагеном", в окрестностях современного Туниса. С победоносными флотами и армиями финикийцев и их могущественным городом-матерью семитские племена, а вместе с ними и другие покоренные жители Африки, вторглись в Испанию. Они наводнили и завоевали почти весь Пиренейский полуостров, возделывая и эксплуатируя его; кроме того, они торговали с европейскими островами, Сицилией, Сардинией и Корсикой, где они основали несколько городов.

Их морские походы простирались даже далеко за Геркулесовы столбы на север, вплоть до Британии, где их имя так глубоко запечатлелось в памяти жителей, что даже сегодня многие ирландцы пребывают в заблуждении, что их народ - прямые потомки пунийцев или финикийцев. Пунические и африканские народы пересекали южную Францию и Испанию даже при Ганнибале, точно так же как в наши дни при Наполеоне мы видели африканских воинов, таких же свирепых, как солдаты Ганнибала, шедших вместе с французами к Рейну из тех же регионов, в тех же странах. -О том, что таким и другими способами, благодаря вмешательству финикийцев и их колонистов, европейское и североафриканское население неоднократно смешивалось, свидетельствует и тот факт, что они организовали работорговлю в больших масштабах по всему Средиземному морю, обычно продавая рабов, украденных в Европе, в Африку, а африканских - в Европу, как уже было сказано. То, что финикийцы бесследно исчезли в Европе, что они полностью умерли и вымерли здесь, не может быть предположением; например, то, что, по общему признанию, довольно измененные письма главного писателя Европы, все еще возобновляются под нашей рукой и пером. Разве призраки изобретателей стекла все еще не заглядывают через наши окна в наши дома?

От египтян и финикийцев я перехожу к западным странам и народам на южной стороне Средиземного моря.

Книги по истории Египта сообщают нам о нескольких набегах древних врагов с востока, пастушеских народов, которых они называют "хиксосами". По всей вероятности, это были предки наших арабов. Они наводнили Египет и значительную часть северного побережья Африки, по сведениям, полученным еще за 2000 лет до Рождества Христова. Персы и медяне, а вместе с ними и арабские кочевые племена, вторглись под предводительством Камбиза и покорили Египет и другие части северного побережья Африки.

В более поздние времена мы видим аналогичное вторжение из тех же регионов, с которыми мы лучше знакомы. Возможно, до магометанских арабов и до Камбиза, а также до так называемых "хиксосов" имели место и другие вторжения; история и даже саги об этом умалчивают.

Сколько мы знаем народы Северной Африки, к западу от Египта, которых европейцы называли и продолжают называть назамонами, тулси, нумидийцами, варварами, мавританцами или маврами, столько мы видим в них расу, совершенно отличную от южных африканцев, негров, по телосложению, цвету кожи, волосам, по умственному развитию, языку и обычаям. С неграми у них гораздо меньше общего, чем с арабами и другими народами юго-западной Азии, которые, как уже говорилось, предположительно начали свое движение в эту часть Земли в самые ранние времена. Уже древние греки утверждали, что выходцы из Северной Африки происходят из Азии. Геркулес, этот неутомимый странник, полубог, которому они приписывают все великие дела, привел азиатов из Индии, через Аравию в Африку. Даже римлянин Саллюстий, который долгое время был проконсулом в

Западной Африке и перевел исторические книги Гиемпсала, старого нумидийского царя, придерживавшегося мнения, что мавры и нумидийцы произошли от армян, персов, медяков и арабов, которые поселились здесь вместе с жителями.

Название "мавритуны" или "мавры", которым римляне, а за ними испанцы и португальцы называли всех жителей Северной Африки без различия расы, было, как говорят, азиатского происхождения; даже старое название всего континента "Африка", как и исконное название великих африканских гор "Атлас", данное греками, может быть заимствовано из арабского. Конечно, эти азиаты, проникшие в Африку в самые ранние времена, как и самые ранние азиатские жители Европы, превратились в совершенно разные племена и народы. В них, смешиваясь друг с другом, мы можем распознать остатки различных колоний, основанных в Азии.

Последним и для нас, современных европейцев, важным вторжением азиатских племен в Северную Африку было вторжение арабов, приведенных в движение Мухаммедом и обращенных в ислам. В конце VII века они распространились по всему побережью, по всей стране, которую они называли своим Вестландом ("Магриб", от которого происходит Марокко). Их власть простиралась до океана, до Гибралтарского пролива, откуда они переправились в соседнюю Испанию и вторглись в эту страну. Это было движение, подобное тому, которое в прошлом совершили хиксы и предки древних ливийцев и жителей Барбарийского побережья.

Арабы, а вслед за ними мавры и другие африканские народы, традиционно родственные им, завоевали, как когда-то их предшественники, финикийцы и карфагеняне, почти весь Пиренейский полуостров. Во время наибольшего расцвета и расширения своего халифата они вновь овладели всеми главными островами Средиземного моря: Кипром, Критом, Сицилией, Сардинией, Корсикой и Балеарскими островами, жители которых, как утверждали греки, прибыли из Африки еще в античные времена и которые, как уже говорилось, в прошлом были завоеваны финикийцами и карфагенянами. Таким образом, через эти европейские острова, как и через Испанию, прошло множество народов из Северной Африки.

Примечательно, что магометанские арабы и мавры в период своей наибольшей экспансии контролировали почти такую же часть Европы, как финикийцы и карфагеняне в период своего наибольшего могущества. Ни те, ни другие не закрепились по эту сторону Пиренеев; и те, и другие были разбиты в Галлии и Италии европейцами, пунийцы - римлянами при Сципионе, арабы - германскими франками при Карле Мартелле. В обоих случаях Европе, казалось, грозила опасность быть побежденной и африканизированной Африкой.

Влияние, которое это афро-азиатское вторжение под предводительством сыновей Мохаммеда оказало на современные европейские народы, было гораздо более значительным, чем любое народное движение из тех же регионов, когда-либо происходившее ранее, и это объясняется уже тем, что оно произошло в гораздо более позднее время, а также большей продолжительностью арабского владычества. Ход этого влияния, о котором мы лучше осведомлены, также может быть рассмотрен более четко. Живые и страстные арабы, промчавшись через самые красивые и богатые страны во все четыре стороны света, "победив больше врагов, чем они могли сосчитать, приведя под свое иго больше земель, чем они могли описать", начали заниматься искусствами и науками, когда у них было больше мира. Они завладели сокровищами знаний, накопленных греками и римлянами, собрали труды их ученых, перевели их на арабский язык и стали строить на этой почве, проявив больше таланта и быстроты, чем медлительные индогерманские племена,

которые лишь много позже прониклись классическим духом и наукой античности. Арабы, неся факел познания, который еще слабо горел среди других народов, возглавили первый далеко идущий *ренессанс* или возрождение науки. Им принадлежит замечательная и великая пословица: "Люди либо ученые, либо изучающие. Все остальные люди - ничтожные мошки". До Тартарии и монгольских земель, да даже до закрытого Китая они донесли самые благородные сокровища знаний и самые лучшие идеи человеческого духа. Их примеру последовали и европейцы, среди которых они основали далеко разбросанные школы в Испании, на Сицилии и в других местах, где развивали хороший вкус и разум.

Эти арабские академии, в которых они готовили новый дом для Муз, напр. Кордова, Севилья и Гренада в Испании, школы Салерно в Италии, которые были доведены до вершины великолепия и престижа арабскими учеными, умевшими читать и писать на всех мертвых и живых языках мира, посещались в XI и XII веках не только магометанами из всех частей Африки, даже из внутренних районов Феса и Марокко, но и христиане из всех уголков Европы, даже люди, которым суждено было однажды надеть тройную корону папства, подобно тому, как позднее итальянская Болонья, а затем Париж и немецкие университеты. Тех, кто, хорошо обученный арабами и наделенный богатыми способностями и дарами ума, возвращался обратно, невежественные европейцы называли магами и часто преследовали как колдунов. В начале ^{XIV} века в нескольких европейских городах - Париже, Болонье, Оксфорде и Риме - были учреждены профессора восточных языков, чтобы использовать рудники арабской цивилизации.

Наибольшие заслуги арабов заключались в математике, естественных науках и медицине, в которых они стали учителями Европы в еще большей степени, чем греки и римляне. *Алгебра* и *химия* и сегодня называются арабскими именами. В астрономии, науке, которая зародилась под чистым небом, в безоблачной, сверкающей атмосфере Северной Африки, Египта и Аравии, мы до сих пор ежедневно используем арабские слова: "надир", "зенит", "азимут", "альманах" и так далее.

Искусством арифметики мы почти полностью обязаны арабам, как и знаками цифр, изобретенными, возможно, в Индии, которые были намного эффективнее тех, что использовали древние римляне и греки. Название "цифра" также арабского происхождения, как и сами знаки, возможно, произошедшие от роста верблюда. Также и в химии некоторые выражения, используемые в повседневной жизни, имеют арабское происхождение, например, слова: "алкогол", "щелочь", "эликсир" и многие другие.

Однако во многих видах искусства руки арабов были связаны предписаниями Мохаммеда, например, в живописи и скульптуре, поскольку им запрещалось использовать в качестве примера человеческое лицо и оболочку человеческого духа. Тем не менее, даже там, где они могли свободно развиваться в этой области, например, в архитектуре, они создали множество прекрасных и величественных произведений.

В храмах, которые они построили в соответствии со своими идеями, в Азии (например, великая мечеть в Дамаске), в Африке (например, великолепная мечеть в Кайрване) и в Европе (например, знаменитая мечеть в Кордове), они добавили к семи чудесам света совершенно новые. Через Испанию их мастера-строители, которыми все восхищались, оказали влияние и на остальную Европу, и многое из того, что мы называем готическим стилем и вкусом, на самом деле является не чем иным, как идеей и изобретением арабов.

Язык арабов был, и вряд ли могло быть иначе при всех их усилиях по развитию, всех отраслей человеческой науки и знаний, более цивилизованным и утонченным, чем любой другой в то время. Только музыка, которой не способствовали ни религиозные обряды, ни национальная

предрасположенность, кажется, не представляла для них особого интереса. "В древности арабы были скорее ораторами и поэтами, чем певцами, музыкантами и художниками. Для рифмы и мелодии языка арабы, чья народная поэзия была очень оригинальной и многовековой, и которая несла на себе отпечаток их огненного и фантастического национального характера, всегда обладали самым тонким чувством, и именно для этого они впервые сделали все еще грубое ухо европейцев снова доступным". Провансальскую поэзию, когда в ^{XII} и ^{XIII} веках вновь забрезжил рассвет новоевропейской поэзии и литературы, навязали и воспели европейцам соседи арабов, их враги в то же время. Как и эти, каталонская и сицилийская поэтические школы, истоки испанской и итальянской поэзии, также черпали свой огонь из точек соприкосновения христиан с арабским миром. И в этом "радостном искусстве", как и в архитектурном стиле, в математике, медицине и химии, арабы брали пример и во многих других областях.

Они не только привезли в Европу лучшие породы лошадей, не только сами были превосходными наездниками и рыцарями, но и, совершая смелые подвиги, ища приключений по всему миру, часто воспитывали в европейцах ту же жажду приключений, то же рыцарство, тот же аппетит к великим свершениям. Вместе с ними развивалось (по крайней мере, частично) то, что мы могли бы назвать "арабским духом". Институты нашего европейского рыцарства были в основном подражанием тому, что издавна было принято у арабов. И даже если наше рыцарство было в основном германо-римским, оно достигло совершенства только тогда, когда нордическая мужественность сменила пылающий энтузиазм на блеск и учтивость восточной утонченности. Войны, которые европейцы вели с арабами во время своих крестовых походов, на юге и на востоке, заставили их перенять многие воинские обычаи и боевые искусства арабов. Наши христианские рыцарские ордена впервые возникли на краю широкой границы сражений с сарацинами, в Испании, Египте или Святой Земле. Рыцари Храма во всеуслышание заявили, что свои правила поведения они позаимствовали у мусульман. Гербы (геральдика) также пришли к нам от арабов и мавров, и, в частности, согласно исследованиям виконта де Бомона, знаменитая лилия на гербе Франции имеет восточное происхождение.

Не менее примечательным и не менее масштабным было арабское влияние на европейскую торговлю и промышленность. В IX и X веках арабские мореплаватели, купцы и их флоты проплывали и путешествовали через все три части Земли, с одной стороны - в Атлантический океан, с другой - в Ост-Индию и Китай. Они соединяли концы света, торгуя с самыми отдаленными народами. Они возглавляли караваны во внутренних районах Африки, они же сопровождали караваны в сердце Азии. Торговля почти всех других народов Земли, особенно европейских, тоже была не чем иным, как ответвлением великой арабской мировой торговли, от которой произошли также генуэзская и венецианская. Ответвлением этого могучего потока была и торговля через Россию по Волге до древнего Новгорода, и процветающая "Биармия" у самоедов, и там, на пляжах Ледовитого и Балтийского морей, до сих пор находят арабские монеты.

Как и эти монеты, многие выражения, относящиеся к торговле и мореплаванию, которые пришли от арабов и были введены в наш язык итальянцами и испанцами, до сих пор используются нами и всеми европейцами без исключения: "адмиралтейство", "арсенал", "тариф", "склад", "караван", "базар" - вот некоторые из этих слов, как и названия знаменитых ветров: "монсум", "сирокко", "самум", с которыми ходили арабские корабли. Многие широко распространенные товары и продукты также сохранили арабские названия на протяжении всей истории, например, сахар (*альзукар*), который арабы впервые научили нас кристаллизовать; кофе (*каве*), который они выращивали с незапамятных времен в

счастливой Аравии; камфора и лак, которые их купцы привозили из Индии; а также "шафран", "артишок", "жасмин", "тамаринд", "древесная шерсть", (*хлопок, аль гутон*) и ткани "мусселин" и "бязь" из него. Точно так же "газель", "жираф", "циветта" и некоторые другие животные в европейских словарях называются арабскими именами.

Арабы также стали примером и учителями европейцев в различных отраслях. Например, в эпоху Средневековья они были самыми важными и искусными мастерами по изготовлению шелка. Арабские шелковые ткани из Альмерии в Испании, сырьем для которых служило Марокко, были знамениты. Известно, что даже древние получали свои самые драгоценные пурпурные одежды из Финикии, так было и в Средние века. Золотая отделка и кайма, великолепные цветные ковры, золотые и серебряные нити, драгоценные ткани, в которые золотой нитью вплетались декоративные узоры, поступали почти исключительно от так называемых "сарацин" (восточных людей), то есть арабов и их соседей. Нормандские короли в Нижней Италии и их преемники Гогенштауфы имели в Палермо крупные и всемирно известные фабрики по производству хлопка и шелка. Чертежниками и рабочими на этих фабриках были сарацины. Восточный колорит в украшениях и арабские пословицы, вплетенные в них, убедительно свидетельствуют об этом. Эти фабрики поставляли великолепные одеяния для королей и великих людей Европы. Некоторые из украшений короны германских императоров происходят из них. Арабские заведения в Палермо стали школами шелкового и гобеленового ткачества в Верхней Италии. Отсюда эти исконно арабские искусства в XV веке попали в Нидерланды, где продолжали процветать и развиваться.

Арабы также познакомили нас, европейцев, с искусством изготовления духов и дистилляции вина, и хорошо известно, что первые механические часы, появившиеся к северу от Средиземного моря, были родом из Аравии; так же как и первое введение пороха и компаса, этих изобретений, имеющих такое огромное значение в истории цивилизации, вероятно, следует приписать арабам. Все это показывает, что как поэты Европы того времени включали в свои романы арабские сказки и рыцарские истории, так и наши художники и рабочие включили в свои произведения арабские фантазии; Как стихи провансальцев и трубадуров содержали арабские образы, так и наши императоры и короли носили арабские вышивки и украшения на плечах, груди и поясах, и как рыцари и воины, так и ученые и мудрецы Европы неоднократно перенимали обычаи и законы завоевателей, пришедших из Африки.

Однако европейцы не всегда вели себя пассивно во время этого слияния двух соседних стран на юге. Они не просто ждали пунийцев, египтян, сарацинов и иже с ними. Во все времена они сами в разных местах вторгались на свою обширную родину и, неоднократно приводя различные части прибрежных стран Африки в соприкосновение со своими европейскими странами, теснее с ними сближались и переносили оттуда сюда африканские обычаи и кровь.

Полуострова Греции, Италии и Испании, расположенные на юге Европы, предпочтительно были мостами, через которые европейцы, со своей стороны, пробирались в Африку. Можно сравнить эти полуострова и островные цепи Сардинии, Корсики и Сицилии в определенной степени с большими кусками сталактитов, свисающих с основного тела Европы в глубокой пещере Средиземного моря. Африканское побережье, которое везде имеет одинаковую форму и продолжается по прямой линии, является плоским дном этой пещеры. Как известняковая вода стекает по сталактитам и образует на дне пещеры четкие очертания, так и европейские народы всегда стремились выйти вдоль этих стран, создавая на противоположных оконечностях то африканскую Грецию, то африканскую Италию или Испанию. Так, уже в древности, после разрушения Трои, эллины пришли на африканский

полуостров Барка, лежащий чуть ниже их страны, и основали там свою знаменитую колонию Киринею. Так и римляне, вскоре, в первые времена своего растущего величия, вступили в контакт с той частью Африки, которая лежала чуть ниже их полуострова Италия. Пройдя через Сицилию, они направились в Африку, разрушили Карфаген и покорили эту африканскую страну. Точно так же испанцы - тоже в наши дни - через Гибралтарский пролив вошли в ближайшую к ним часть Африки, так называемый Тингитанский полуостров, и часто занимали его, как принадлежащий их родине, как *Hispania Transfretana* (Испания за проливом).

Закрепившись сначала в таком пункте по соседству, европейцы затем, подобно завоевателям из Азии, распространились по всему северному побережью или, по крайней мере, по значительным его частям. Начиная с Кирены, греки основали множество других колоний вдоль этого побережья, и эти африканские греки, которые, по недвусмысленным свидетельствам древних писателей, помимо родного европейского языка, владели еще и африканским; которые были полуевропейцами и полуафриканцами по своим нравам и обычаям, долгое время составляли важную связь между двумя частями света. После греков римляне подчинили себе все северное побережье от Египта до Марокко, основали ряд процветающих колоний и разделили его на несколько провинций, управляемых и обрабатываемых на европейский манер. Они настолько прижились там, что почти не было различий между римскими провинциями на северном и южном побережье Средиземного моря. Они также проникли вглубь страны и привезли оттуда гетульских и нумидийских всадников, которых они включили в свои армии и с которыми они вели войны во всех частях нашего материка. Их африканские легионы, их полки зуавов, в которых были как римские африканцы, так и уроженцы Африки, показали во многих сражениях на европейской земле высокую степень стремительной храбрости и особые способности, которые они приобрели на охоте на львов и в вечных партизанских войнах диких племен в скалистых горах Гетулии.

После римлян, во время миграции, даже германские племена, жители северной Европы, смешались с африканцами, хотя это было лишь временно. Вандалы были отброшены от Одера, через Испанию, в Мавританию, и когда-то контролировали как европейские земли к северу от Геркулесовых столбов, так и африканские к югу от них, на восток до Карфагена. Под предводительством своего короля Генсерика они вернулись в Европу в сопровождении африканцев и, возможно, частично африканизировались сами, и вывели из того же порта (Карфагена) самый важный город нашего континента, который когда-то постигла столь тяжелая участь от рук европейцев из Рима. Даже в более поздние времена люди хотели видеть потомков этих германских племен в каких-то светловолосых горных племенах Африки.

В период расцвета арабского могущества, последовавшего за переселением германцев, владычество европейцев было как никогда исключено из Африки. Однако после распада великого арабского халифата, как и Римской империи, во время крестовых походов в ^{xii} и ^{xiii} веках, европейские народы вновь оказались, так сказать, в центре Юга и Востока. В Сирии, Палестине, на собственно северном побережье Африки, в Египте, в Тунисе и Марокко они появлялись бесчисленное количество раз под знаменами Людовика Святого и других королей, вплоть до времен Карла V и Себастьяна Португальского, и привозили оттуда в Европу южные обычаи, взгляды, нравы, натуральные и художественные продукты.

Затем, под длительным владычеством турок, целый ряд прекрасных африканских стран, развитие которых до этого шло по-европейски при карфагенянах, а также греках и римлянах, а затем и арабах, вернулся к состоянию старого варварства. Возникли так называемые разбойничьи государства, и в течение нескольких столетий европейцы попадали на африканскую землю только как рабы и военнопленные. Окончательно ситуация

изменилась в XIX^{веке}, когда романские народы начали расселяться по противостоящим им побережьям.

С 1830 года французы, которые иногда считают себя наследниками римлян, вошли в страну и основали европейско-африканскую колонию. Они открыли дорогу потомкам германских племен, которых здесь когда-то так боялись, и трудолюбивым немецким фермерам, которые своим трудолюбием и доброжелательностью заставляют нас забыть о злодеяниях своих предков-вандалов.

Вот уже несколько лет испанцы следуют примеру французов. Полные энтузиазма, они возродили старую вражду между Европой и Африкой и, помня о былых традициях своей страны, похоже, хотят вновь завоевать свою "африканскую Испанию".

Оттуда Наполеон III переправил на наш континент свои африканские легионы, полки зуавов или афроевропейцев и полчища свирепых туркосов (туземцев, прирожденных охотников на львов) и с их помощью одержал быстрые победы в Италии в 1859 году.

Это лишь краткий обзор огромной цепи событий, которые привели к переплетению и слиянию европейских и африканских элементов. Правда, результаты многих из этих слияний были сметены, а точнее: они растворились в европейской атмосфере настолько, что их уже невозможно обнаружить и тщательно изучить. Но есть и такие регионы нашего континента, где результаты этого давнего контакта с Африкой все еще более или менее заметны, и которые мы можем рассматривать в определенной степени как сарацинский регион посередине между нами или, по крайней мере, как заметный африканский оттенок на лице наших народов.

Наконец, я попытаюсь указать на эти теперь уже более или менее африканизированные части Европы: среди наших европейских турок арабский язык является органом религии и обучения. В самом турецком племени еще много замаскированной арабской крови, и в их армиях, как на Геллеспонте, так и на Дунае, все еще служит много арабов, египтян и мавров. В их торговых портах часто появляются арабские купцы, а на их галерах - рабы и пленники из всех стран к северу от пустыни. В остальной части нетурецкой Европы есть места, где сарацины существуют и по сей день, если хотите, в лицо, хотя и со значительно изменившейся национальностью и обычаями. На Мальте, например, жители говорят на арабском диалекте, как известно, и нечто подобное можно заметить у жителей Балеарских островов, которые так часто находились в руках африканцев, и чьи обычаи и язык все еще имеют арабский оттенок. -Население южной Италии и больших островов Сицилии, Сардинии и Корсики, которые в течение долгого времени так часто и так долго находились под влиянием африканских рас, и сегодня демонстрирует множество арабских и африканских элементов.

Многие из современных жителей Сицилии и соседнего Абруццо больше напоминают жителей Востока, чем христианских стран Европы. Полуварварские вожди, паликары и клефты, появляются здесь под измененными именами.

Обитателей гор внутренней Сардинии во времена римлян Страбон описывал примерно так же, как мы сегодня знаем кабилы Северной Африки. "Цивилизация, - пишет он, - распространена на Сардинии только на побережье. Горные же люди живут только скотоводством и грабежами; они грубы и пугливы, как дикие". И то, что этот римлянин говорит о полуафриканской природе древних горных жителей Сардинии за 2 000 лет, в большей или меньшей степени относится к ним и сегодня.

Даже корсиканцы, с чьим народным именем связано название ремесла "корсаров" (пиратов), в глубине своего острова с незапамятных времен были не намного цивилизованнее древних коренных жителей Северной Африки, варваров. Разбой, кровная месть, грубость скотоводческих народов, ненависть и презрение ко всем новшествам и переменам царят среди них и сегодня, хотя они уже столетие принадлежат к цивилизованному государству, и Франция сделала многое, чтобы управлять ими по тем же правилам, что и другими французами. Смуглый цвет лица, цвет волос, выражение лица и вся форма тела так называемых "итальянских" островитян, по-видимому, указывают на то, что они в какой-то степени являются переходной формой от Африки к Европе.

И, наконец, население Испании и Португалии, особенно в южной части этих стран, и сегодня часто содержит в себе африканские (мавританские) элементы. Хотя поздние христианские короли Испании самым жестоким образом преследовали мавров и морисков на своей земле, и хотя им удалось "очистить" свое королевство от тех, кто остался верен своей вере, как они это называли, они не смогли полностью искоренить мавританский или африканский характер жителей Андалусии, Гранады, Мурсии, Валенсии. Отчасти он древний, укоренившийся здесь еще во времена финикийцев и карфагенян. Отрасли арабской промышленности процветают, хотя и в более жалком виде, чем во времена Абдерхамов, даже сейчас; а под черными вуалями арабского покроя и дизайна прекрасных дам Кадикса и Севильи сияет тот же блеск темных глаз, о котором уже пели арабские поэты. Очень многое в образе жизни, одежде, манерах, танцах и народных песнях жителей южной части Пиренейского полуострова имеет африканское происхождение. Многие географические названия, которые до сих пор используются в этих регионах, - это арабские названия, слегка измененные испанцами. Такие названия носят реки, например, Гвадалквивир, арабское *Werd al Kebir* (большая вода); города, например, Гибралтар, арабское "*Dschebel al Tarik*" (скала Тарик); провинции, например, *Algarvia*, арабское *El Garb*; горные цепи, например, *Alpujarras*, арабское *Alboscharat*. Очень известная горная страна и сегодня называется *по-мавритански*: "Сьерра-Морена".

Подобные географические следы и памятники миграции людей из Африки в Европу мы находим и гораздо севернее, например, в долине Гельветических Альп. В кантоне Вале до сих пор в ходу целая серия названий горных троп, обрывов, гор и деревень, которые явно выдают свое арабское происхождение. *Piz del Moro* (мавританская вершина), *Monte-Moro* (мавританская гора), *Fontane More* (мавританские источники), а также географические названия "Allalie", "Alangel", "Algabi" - вот некоторые из арабских названий в этой стране. Считается, что в то время, когда арабы и мавры были сильны в Испании и южной Франции, некоторые сарацины из Северной Африки поселились на горных перевалах Альп, в основном в ущельях Сен-Бернара, откуда они неустанно нападали на южную и восточную Швейцарию до 954 года, в котором они даже угрожали Сен-Галлену. От них, как говорят, произошли арабские названия в этом регионе, столь далеко от арабов и мавров, черноволосые и смуглые жители которого, по замечанию одного путешественника, и сегодня выдают свое арабское происхождение, хотя в остальном они ничем не отличаются по манерам, языку и образу жизни от своих белокурых соседей из Германии и Франции.

Да, недалеко от ваадландской деревни Саас эти жители долины до сих пор пользуются старым водопроводом, который сарацины высекали в скалах высоко над деревней и над верхушками деревьев, чтобы поливать свои альпийские коврики. Итак, это самый дальний путь на внутреннюю часть нашего континента тех замечательных перемещений, завоеваний и влияний из Африки; самый близкий след слияния и смешения населения обеих частей света, на который я могу указать, и на этом я закрываю эту главу.

Восточные соседи Европы.

Татары, монголы и т. д.

Есть достаточно веские основания предполагать, что когда-то не только Каспийское море и Аральское озеро составляли единый водоем, но и это великое внутреннее море простиралось к северу от Кавказа и соединялось с Азофским и Черным морями, а на западе омывало плодородный регион Восточной Европы, а на севере - южное подножие Уральских гор. На востоке это внутреннее море доходило до начала Центрально-Азиатских гор. Если бы это доисторическое внутреннее море существовало постоянно, наш континент был бы отделен от внутренних районов Азии почти непреодолимой природной границей. Неизвестные нам изменения в природе, в результате которых Черное, Азофское, Каспийское и Аравийское моря распались на отдельные бассейны и ушли в нынешние более узкие границы, привели к тому, что с тех пор юго-восток Европы несколько раз тесно соединялся с Азией. Горные народы теперь могли продвигаться на запад от Кавказа на сухих ногах. Но, прежде всего, это создало широкий проем между северной оконечностью Каспийского моря и южным подножием Урала, и это всегда было одними из самых замечательных этнических ворот в Европу. Каспийское море, очистив северную часть своего глубоко затопленного дна, оставило после себя обширную и пустынную землю, состояние которой и сегодня свидетельствует о том, что когда-то она была покрыта водой. Это обширная, безлесная, соленая степь, покрытая песком, галькой, раковинами мидий и бесчисленными песчинками соли - остатками бывших бушующих морей. И эта негостеприимная степная природа продолжается на юг до равнин Персии, на восток - до начала высокой горной стены Болортага, с которой стекают две великие реки, орошающие знаменитые плодородные оазисы древней Бактрии.

На северо-востоке эта неудобная местность без определенных границ простирается до Сибири, а на севере заканчивается у южного подножия покрытых лесами Уральских гор. На западе она проникает между Уралом и Каспийским морем, через область нижней Волги, в Европу, где эта пустынная равнина встречается с плодородной землей, поднятой хотя бы немного над поверхностью древнего моря. Вся эта большая котловина, в центре которой находится Аральское озеро и в которую с Кавказа впадает Каспийское море, представляет собой одну из самых странных глубин земной поверхности. Со всеми своими озерами и реками оно лежит даже ниже Черного и Средиземного морей. Поэтому Александр фон Гумбольдт и другие ученые говорили о "бездне" Каспийского моря, а весь этот дикий край, отданный Европе на буксир, называли колоссальным, широко открытым "кратером". Раньше его называли "Арало-Каспийским бассейном", по имени двух основных вод, которые до сих пор покрывают его самые глубокие места, или "Туранской низменностью", по имени старого персидского слова, которое означает "земля тьмы", в отличие от Персии или Ирана, что означает "земля света".

Из "пучины" Каспийского моря в определенное время года выходят различные виды рыб: целые стаи лосося, осетра и других крупных водных обитателей мигрируют вверх по течению через большие каналы Волги, вглубь запада и севера Восточной Европы, где разделяются на ветви этой области. Точно так же целые стаи сухопутных и водоплавающих птиц постоянно мигрируют на запад и север из южных низменностей. Они прилетают из окрестностей Каспийского моря и Аральского озера, проходят через вышеупомянутые ворота между этим

морем и Уралом и весной распространяются по России, откуда осенью возвращаются в те края, откуда прилетели. Также и губительные стаи летающей саранчи, которая имеет здесь свой дом вместе с другими, менее опасными видами саранчи, летят, причиняя повсюду разрушения, часто и большими стаями через эти ворота из Азии в Европу.

Одним словом, большая часть живой природы здесь как бы перемещается с юго-востока на северо-запад и запад. Как и в случае с животными, так и в случае с людьми. За исключением некоторых плодородных речных районов и оазисоподобных плодородных областей на востоке и юге, которые уже в древности были очагами развития народов, имевших там постоянное место жительства, и в которых процветали города Ташкент, Самарканд, Бучара, Чива и их древние предшественники, весь регион был населен кочевниками, кочующими туда-сюда. Уже в древнейшие времена, во времена Кира, упоминаются "массагеты", а позднее и другие бесчисленные племена, жившие вдоль южной границы в постоянных конфликтах с более развитым населением Ирана или Персии. За высокими горами на востоке, в глубине Азии, есть и другие засушливые бассейны, похожие на Арало-Каспийский, которые, как и эти, были заселены кочевниками с древнейших времен: пустыня Гоби, Шамо или "песчаные моря", так называемые китайцами.

Часто кочевники этих восточных "песчаных морей" через горные перевалы пробирались в западную котловину Каспийского моря, принося его жителям новый приток людей и новых хозяев. Часто западные кочевники отправлялись к своим соседям на востоке. Но еще чаще они собирались и проникали в Европу через Урало-Каспийские племенные ворота, подобно упомянутым нами птицам, и рассеивались там, подобно стаям летающей саранчи, чтобы сеять повсюду хаос.

Можно сказать, что люди, живущие на этом лишенном воды морском дне, переняли беспокойный характер соленых волн, которые когда-то здесь шумели. Как и море, их дух бушует и штормит здесь веками, и лишь время от времени, в мирные и спокойные времена, он успокаивается, как и море.

С самого начала истории такие наводнения и прорывы были здесь в порядке вещей. Но если мы посмотрим на историю веков, то увидим, что время от времени эти наводнения увеличиваются в размерах, бары поднимаются выше и, подобно второму потопу, заливают цивилизованные страны и сотрясают весь мир от Китая до Рима, как будто если человеческая раса не будет истреблена, то, по крайней мере, все цветы цивилизации будут стерты с лица земли.

В результате таких насильственных движений Китай неоднократно попадал из одного конца в другой в руки кочевых племен, пришедших из глубины Азии, но благодаря непреодолимой твердости характера и своему государственному управлению ему всегда удавалось оправиться и, переработав оставшиеся чужеродные элементы, сохранить свою независимость.

Точно так же и другие цивилизованные полуострова Азии, Индия, Персия и Малая Азия, неоднократно получали новое население и правителей из этих странствующих кочевых племен, надолго нарушали свое внутреннее развитие и могли восстановить свою независимость и свое собственное развитие только после долгих борений, как и Китай.

Наша Европа, которая иногда даже не рассматривалась нашими натуралистами как самостоятельный континент, а скорее как большой придаток Азии, как один из азиатских полуостровов ("так же как Бретань - придаток Франции", - говорит Гумбольдт); Эта Европа также, по-видимому, с незапамятных времен рассматривалась этими кочевыми племенами

как часть Азии, и они входили и выходили из нее так же часто, как из полуостровов Китая и Индии, как будто она тоже была частью их родины и территории, на которой они считали себя вправе пастись.

Обычно эти вторжения касались только восточных частей нашего континента, и особенно народов обширных равнин России, которые, должно быть, казались кочевникам особенно подходящими. Лишь дважды, в виде исключения, они проникли на наш континент настолько глубоко, что казалось, будто они хотят все там монголизировать, как в Азии. Один раз в начале V века, когда Риму грозила гибель из-за драки между скотоводческими народами, вспыхнувшей у китайских границ; когда Атилла, бич Божий, взбудоражил народы вплоть до Франции и Италии и погнал их, как штормовой ветер, перед облаками, и заставил их пронестись в Испанию и Африку, как куча мякины. А второй раз - в начале XIII века, когда Чингиз-хан и его кровожадные преемники пронесли по всем странам вдоль Дуная и Волги, вытаптывая поля под своими конями вплоть до границ Германии. Оба раза развитие немецкой силы спасало наш континент от неминуемой монголизации. В первый раз это были вестготы под командованием Сетиуса на равнинах Шалона, а во второй - немецкие рыцари под командованием Генриха Благочестивого Силезского на поле битвы у подножия Судет близ Вальштатта, где и сегодня ежегодно отмечается памятная для населения битва, нанесенная варварам и столь знаменательная для них.

Поскольку эти два азиатских вторжения, произошедшие с разницей почти в тысячу лет, были самыми важными для Европы, то и названия, под которыми выступали кочевники в то и другое время, стали самыми распространенными.

Всадников Атиллы называли *гуннами*. Это название они принесли с собой из китайских пределов. Историки Поднебесной называли их "хунну" или "хионгну", и поскольку под этим именем они стали наводить ужас на Римскую империю, которую они разорили, и на германские племена, которые они повергли в смятение, то долгое время после этого все варвары, приходящие из Азии и имеющие с ними одинаковые нравы, объединялись под именем гуннов, как в древности греки называли те же дикие племена под общим названием "скитены".

То же самое было сделано и во время второго великого нашествия кочевников под предводительством Чингиз-Чана. В это время в Азии среди них стало известным название "тата" или "татары". Изначально "Тата" было названием небольшого кочевого племени, но оно все больше и больше распространялось благодаря своей славе и силе. Сначала оно вошло в обиход у китайцев, затем у персов и арабов, и, наконец, когда кочевники взяли штурмом и русский Киев, и польскую королевскую резиденцию Краков, а хриплые крики их верблюдов были слышны даже на Одере, оно вошло в моду и в Европе. Здесь к названию, чисто азиатскому "Тата", но напомнившему европейцам Тартар по звучанию и значению, добавили букву "р". "Утешьтесь, - сказал король Франции Людовик IX своей матери Бланш, когда она умоляла его о помощи христианству, разоренному азиатскими ордами, - утешьтесь! Ведь милость небес будет с нами во всех случаях, сбросим ли мы этих злодеев обратно в адскую бездну Тартара, из которой они вышли, или же они сами уничтожат нас и отправят в рай". С тех пор их стали называть татарами, и это название стало применяться к народам, пришедшим с Чингиз-Чаном, какими бы разными они ни были по языку и происхождению, и даже в наши дни это название по-прежнему применяется к коллективным кочевым народам Центральной Азии, точно так же, как восточные люди называют всех европейцев, к какому бы народу они ни принадлежали, "франками". Позже было осознано, что среди кочевников есть два совершенно разных племени, с совершенно разными языками и выражениями лиц: более западная раса, которую называли "тюрками", и более

восточная группа, которую называли "монголами". Последнее название было введено самим Чингиз-Чаном, первоначально как почетный титул для элиты его храбрых товарищей по оружию. "Я хочу, - говорил он, - чтобы этот мой народ, который можно сравнить с драгоценным кристаллом, который был так верен мне в любой опасности, назывался "монгол", то есть гордый или бесстрашный, и был самым высоким из всего, что движется на земле. ". Вскоре каждый из восточных татар мог похвастаться этим почетным титулом, принесенным в честь нового гешеля Божьего. "Монголы и монголы" стали названиями широко распространенных народов и империй, и в конце концов этим именем стала называться одна из пяти основных рас человеческой расы.

Если проследить ход этих великих движений народов и могущественных империй, которые по своим размерам превосходили даже Римскую империю, а также истоки многих знаменитых завоевателей стран и губителей народов, вышедших из азиатского Тартара, то, как и в случае с гигантскими реками Земли, протекающими через несколько ландшафтов, обычно приходишь к истоку, скрытому в отдаленном регионе, и к очень незначительной причине великого движения.

В дымном шатре татарского вельможи, посреди безводной равнины, рождается мальчик, которого, как и тысячу других, мать по деревенскому обычаю приучает к простой пастушеской жизни. Отец и мать умирают, и юноша наследует стадо; некоторые из слуг и вассалов его семьи становятся непокорными ему. Он возвращает их к повиновению, выходит победителем из кулачного боя, и это пробуждает в возбужденном и опьяненном победой мальчике-пастухе героический дух, жаждущий новых свершений. Он находит в своих окрестностях еще больше вопросов, связанных с борьбой за право пастбы и пастбищные земли, и решает их, собирая вокруг себя лучших из своих людей, которые начинают воспевать его в своих песнях. Вскоре главы пастушьих племен из ближних и дальних стран приносят ему свои дела. Он объявляет себя на одной стороне, другую сторону объявляет мятежниками и, если они сопротивляются, уничтожает их огнем и мечом. Добровольно и из страха многие другие вожди племен подчиняются мальчику-пастуху по имени Темудшин, который изначально рос ягненком, но чей голос вскоре разносится по полям подобно львиному рыку. "Народ восстает, буря разражается", и страсти, ожившие в травянистых степях, возбужденные похоти, теперь, перейдя все границы, поджигают земную почву.

Из скалистого ущелья вырывается горный поток.

Яростный, громогласный, вниз,

неся в своем потоке

Дубы, каменные глыбы.

Вскоре Темудшин, как молодой орел, движется все большими и большими кругами. Он долетает до китайских границ, пересекает со своими "сынами Тартара" самые красивые долины, грабит с ними самые богатые города, ведет их к неведомым рекам, заставляет пить из их вод по впечатляющим церемониям, клянется, что они, как он изящно выражается, "хотят разделить с ним как неприятное, так и приятное в этой жизни". Святой отшельник, сын пустыни, подходит и объявляет собравшемуся народу в великом "Куралтае" (день монгольской империи), что боги отдали этому Темудшину всю землю, лежащую вдоль реки, и что отныне он будет называться "Чакан" (князь князей) или Чингиз-Чан (Великий Чан).

Вскоре этот Чингиз-Чан пьет игристое вино из черепов своих врагов, царей Азии, которые он носит с собой как знаки своего гнева и наказания, заключенные в серебро и золото. "Я не

хочу покидать стремя, - клянется он, снова поднимаясь на коня, - прежде чем смогу перевернуть всю Азию, как маленький жернов"... Он покоряет полмира. Древние империи, прославившиеся своим оружием, искусствами и науками, а также мудрым государственным регулированием, сметаются вихрем, зародившимся в этом дурацком шатре, и, по позднейшим подсчетам, шесть миллионов человек оказываются погребенными, скошенными, как трава.

Схожие с этой историей, но с множеством вариаций, предания о том, как возникли другие кочевые движения, зафиксированные в мировой истории. Но как быстро росла мощь основанных ими империй, так же быстро они распадались. Подобно горным потокам, они быстро увеличивались в размерах и силе, некоторое время угрожали, повергая все в смятение, и снова исчезали, как снежные лавины. У Аттилы и Чингиз-Чана не было преемников. После них не было такой череды могущественных людей, как длинный список римских императоров или китайских сыновей Неба, заставляющий нас читать. Великие императоры-пастухи стоят, как одинокий колосс в пустыне. Как ревущие волны, возбужденные народы устремлялись к его короне, но вскоре "так завоевано, так завоевано" стало для них явью. Они не возвели никаких зданий, лишённые прочного фундамента незыблемых устоев и глубоко укоренившихся обычаев. В их истории нет материала, из которого Тацит или Гиббон могли бы составить труд, способный увлечь ум. Правда, есть масса действий, но их нельзя сгруппировать, между ними нет согласованности. Нет ни органического роста, ни отмирания по законам природы. Максимум - степной поэт поет о них дикую песню. Лишь в более цивилизованных странах, где при их появлении обнаруживались столь древние догматы и где они постепенно делали их своими, правление их преемников длилось дольше.

В степях их родины, после того как исчез все затмевающий гений, великая комета с хвостом, протянувшимся вдоль половины горизонта, и после того как, например, Чингиз-Чан был похоронен под одиноким деревом посреди голой степи, без всякого памятника или монумента, среди конфликтующих элементов снова вспыхнула рознь. Уже при первых преемниках возникли разногласия между ордами и в империи, и вернулась старая хаотичная обстановка.

Перечислить все подобные восточные племена на протяжении веков и в их последовательности, а также описать читателю все племена, появляющиеся и исчезающие под разными именами, которые вошли в Европу через каспийско-уральские племенные ворота, каждое само по себе, не может быть моей целью. Для нас, которые в основном следят за тем, что существует в Европе и сегодня, это мало что даст; ведь почти ни одно из этих бесчисленных вторжений не дает о себе знать в наши дни. Исключение составляет лишь последнее вторжение под Чингиз-Чаном. Благодаря этому население Восточной Европы было постоянно смешано с татарской частью, которая и сегодня немалая, потому что после упадка великой империи Чингиз-Чана ее европейские владения в течение столетий оставались под властью особых татарских правителей. В период своего наибольшего расширения эта европейская империя татар, или то, что он называл "Кипчакским ханством", включала большую часть нынешней России, от Каспийского моря вдоль Волги до Нижнего Новгорода и Москвы и на запад до Днепра, на границах Литвы и Польши. Это была территория, почти в четыре-пять раз превышающая размеры Германии. Его также называли царством Золотой Орды, потому что царский шатер чанов, расположенный в главном войсковом городе "Сарай" на нижней Волге близ нынешней Астрахани, был покрыт и усыпан орнаментом из золотых нитей.

Владычество татар продолжалось около 200 лет, с 1224 года, когда русские были разбиты в битве на Калке, до конца XVI века, когда русские снова подняли голову и одержали первую великую победу над татарами, на Куликовских полях вдоль Дона, при Дмитрии Донском (в 1380 году). Не то чтобы в этот долгий период вся юго-восточная часть Европы, расположенная в указанных границах, была полностью заселена татарами. Чисто тартанское население ограничивалось юго-восточной и самой восточной частями, но все финские и славянские жители этого королевства подчинялись татарам и часто смешивались с ними. Тартарские вельможи и чиновники, собиравшие дань, разъезжали по стране во всех направлениях, а также жили среди покоренных народов; европейским (славянским) князьям приходилось ездить в упомянутое золотое войско на Волге, чтобы склонить свои спины в качестве вассалов перед кнутовищем Чана.

В качестве вспомогательных войск татар часто можно встретить среди поляков и литвинов, с которыми они часто вступали в союз против русских и с которыми они также частично смешивались как колонисты и соседи. Также в это время европейские татары иногда получали пополнение из великой Тартарии в Азии.

Последней значительной татарской и монгольской армией, вошедшей через каспийско-уральские племенные ворота, была армия "хромого человека с железной ногой", Тамерлана или Тимурленка, который из кузнеца и разбойника, не имевшего поначалу ничего, кроме тощей лошади и старого верблюда, превратился во владыку Азии.

Между тем этот Тамерлан не очень далеко продвинулся в Европе, которая казалась ему бедной и холодной. Он довольствовался тем, что унизил сопротивлявшихся ему кипчакских татар, продвинулся лишь на небольшое расстояние по Волге и вскоре вернулся в Азию, где он, грабитель богатых Индии и Персии, собрал в своей столице Самарканде, расположенной посреди каспийско-уральской бездны, гораздо большие сокровища, чем могли предложить ему Россия и Европа.

Это путешествие Тамерлана в Европу скорее сломало власть татар в нашей части света, чем укрепило ее, потому что европейские или кипчакские татары были истреблены тысячами, а после отступления и смерти Тимура через несколько лет великая империя золотой орды распалась на несколько мелких ханов в Касанском, Астраханском и Крымском княжествах.

Эти маленькие татарские империи, хотя и жили в конфликтах между собой, не давали русским покоя еще целое столетие. Их дикая конница часто наводила страх на Москву и другие русские города. Но наконец, после ряда кровопролитных сражений летом 1552 года татарский царский город Касан на Волге перешел в руки христиан. А всего через два года после падения Касана, в 1554 году, русское войско впервые проплыло по всей Волге и, захватив Астрахань, покорило татарские земли вплоть до устья реки, до берегов Каспийского моря. Так была завоевана спасительная линия на востоке нашего континента, для России и для европейцев.

Татарский ханство Крыма по-прежнему существовало почти на 200 лет дольше, чем Касан и Астрахань. И именно с этого полуострова в 1571 году был совершен очередной набег на Москву, взятую и сожженную кавалеристами. Это был последний раз, когда столица России пострадала от кочевых народов.

С этого момента Россия все больше расширяла казачьи линии, оборону и военные границы против азиатов, ограничивая их все более узкой территорией. В 1738 году, по замыслу Петра I, Уральская линия была проведена прямо через уже упомянутые международные ворота между Азией и Европой, а в центре этого проема был построен город Оренбург как хранитель

Европы и ее цивилизации. Рождение и возвышение этого города и крепости, с помощью которых была остановлена злополучная брешь, знаменует собой основание европейского господства у этих ворот, ключ от которых теперь был передан России. С этого момента наш континент - впервые в истории - получил прочную границу против кочевников Азии. С тех пор новых опустошительных вторжений азиатских скотоводов в Европу не было; великие тысячелетние миграции кочевников с Востока прекратились; небольшой изолированный остаток в Крыму, который больше не получал оттуда снабжения и помощи, вскоре, вскоре после середины ^{XVIII} века, был обезврежен и подчинен русскому владычеству.

В результате русских завоеваний часть татар, попавших в Европу вышеописанным путем, была обращена в христианство, многие их князья в ходе событий даже крестились, и они постепенно перешли в русское подданство. Большинство, однако, сохранило свою магометанскую религию, язык и обычаи и лишь утратило свой прежний воинственный дух и независимость. В качестве регионов, где они все еще более или менее преобладают, но теперь часто смешиваются с русскими, можно назвать: 1°. область на левом берегу Волги, между Волгой и Уральскими горами и 2°. долины и степи в Крыму, иногда называемые Малой Тартарией.

По сообщениям барона фон Герберштейна и других ранних путешественников, кажется, что в прошлом (примерно до 300 года) монгольский тип в физическом развитии высших классов кашанских, астраханских и крымских татар был еще достаточно силен. В то время многие их мурзы (дворяне) и чаны были еще монгольской крови. Все их государи говорили, что они происходят от Чингиз-Чана. Однако этот восточноазиатский или монгольский элемент постепенно смешался и был утрачен. Позднейшие путешественники изображают этих татар гораздо более отличными от монголов, и теперь они составляют очень красивую турецко-татарскую битву мужчин.

Эту перемену, это усиление европейских монголов можно легко понять, если учесть, что во всем так называемом монгольском нашествии толчок исходил от монголов. Уже в армиях, с которыми Чингиз-хан, Бату и Тамерлан вторглись в Европу, турецкие или западные татары, вероятно, составляли большинство. Из монгольской или восточно-татарской расы элиту войска составляли только князья, командующие армией. Поскольку первоначальные поселения монголов находились далеко от нашего континента, а Туран, традиционно населенный турецкими племенами, был расположен очень близко к Арало-Каспийской низменности, постоянно прибывающие новые войска, рекруты и поселенцы должны были быть турецко-татарского происхождения.

Как и монгольская кровь, кочевой дух также был утрачен (по крайней мере, большей частью) среди этих татар, покоренных Россией. В центрах жизни на Волге, в Касане, Астрахани, Симбирске, которые они делят с русскими, также поселившимися там, они теперь занимаются всеми видами городских ремесел, особенно кожевенным производством. Но даже в самых маленьких деревнях нет недостатка в ремесленниках, кузнецах, плотниках и кожевниках. Их трудолюбивые женщины прядут шерсть, коноплю и лен; татарские крестьяне, где они приобрели землю, славятся как очень рачительные хозяева. Но прежде всего их хобби - пчеловодство. Среди них повсюду можно найти грамотных и состоятельных пчеловодов. Было бы не совсем верно считать, что татары овладели всеми этими мирными искусствами только во время своего подчинения России. Нам, европейцам, эти народы показывали, так сказать, свою грубую сторону. Но за спинами их всадников, превращавших наши города в руины и пепел, всегда шли купцы и ремесленники, пришедшие вслед за ними, и занимались своими делами. Русские ничего не изменили, разве что вырвали факел войны из рук татарских всадников и лучников и развили в них мирный элемент.

Поскольку татары после покорения были включены в состав Российской империи как равные с остальными подданные, поскольку они, как и русские, могли торговать и ходить по всем частям этой большой империи, то теперь почти во всех крупных российских городах, в Москве, Петербурге, Новгороде, можно найти их небольшие колонии, которые имеют свои магометанские места поклонения в этих христианских местах. В качестве слуг они используются на различных работах, и особенно старые друзья-лошади часто используются империей в качестве водителей для перевозки товаров, а также как востребованные кучера и хозяева конюшен. Даже на равнинной территории России, среди полностью славянского населения, можно встретить небольшие районы, населенные татарами, разбросанные к востоку от Москвы. Предположительно, это потомки татарских военнопленных, которые заставили царей селиться то тут, то там среди их населения.

Довольно многочисленная группа татар, как уже упоминалось, и сегодня проживает в Крыму. Там они живут в основном в живописных долинах небольшой горной области, которая образует южную половину Таврического полуострова и заканчивается Черным морем с прекрасным так называемым "южным берегом", столь высоко оцененным русскими. Там, на всех склонах гор, татары имеют свои маленькие селения с плоскими крышами, свои маленькие, усердно посещаемые мечети и минареты, в которых они усердно совершают свои молитвы и исполняют часто трудные обязанности своей религии. Там, в своих садах, они выращивают самые благородные фрукты, которые отправляют даже в Москву и Петербург, мирно, как наши альпийские жители, прогуливаясь по высоким пастбищам "Чатырдага" и других высоких вершин Таврических гор. В живописной столице Бакчисарая до сих пор стоит, окруженный садами и каналами, старый дворец, так называемое "разбойничье гнездо" чанов, которых когда-то так боялись русские, из монгольского рода Чингиз-Чан.

Поразительно, насколько все поведение крымских татар в этих маленьких городках похоже на то, что можно увидеть в Константинополе и в городах османов в Малой Азии и Европе. Строительство домов, магазины, мастерские ремесленников, одежда, манера общения, манеры и выражение лица - все точно такое же, как в Турции. И все же, в результате различных событий, эти тартарские турки к северу от Черного моря прибыли в свои нынешние поселения совершенно другим путем и в совершенно другое время, чем те, что живут к югу от этого моря; они почти никогда не принадлежали к одной империи с ними, и их политическая судьба в связи с монголами была совершенно иной. У них нет ничего общего с османами, кроме изначальной родословной, которая когда-то объединяла их в степях Турана на протяжении многих веков. Но в том-то и особенность азиатских народов, что в расе и нравах они кажутся неизменными, как скалы, а их политические творения испаряются, как облака песка и пыли.

Почти все турки-татары в пределах Европейской России в настоящее время являются трудолюбивыми деревенскими или городскими жителями. От так называемой Нагайской орды, названной по имени одного из их вождей, остались лишь несколько подвижных и беспокойных остатков в степях на севере Кавказа и в Крыму.

Что касается родственных тюрко-татарам истинных монголов, то их тоже можно в какой-то мере встретить в Европе, где до сих пор сохранилось одно из их племен, ветвь калмуkenов или "калимиков", то есть отступников. Однако этих европейских монголов, называющих себя "Оэлоэт", не следует рассматривать как остатки более ранних монгольских нашествий, скорее они являются новыми. Только в начале ^{xviii} века, во времена Петра Великого, они пришли на наш континент, уже не вдохновленные планами уничтожения Земли, а как беженцы, ищущие защиты. Похоже, что всякий раз, когда великие цивилизованные империи

на их границах усиливались и вторгались, азиатские кочевники бунтовали, боялись и волновались. Тогда орды часто бежали в дальние страны, чтобы спастись от зависимости, пришедшей вместе с цивилизацией. Такое движение или бегство произошло в ^{xvii} веке среди монголов в результате прихода к власти китайского императора Маньчжура.

Однако, поскольку одновременно с этой властью на Востоке великая европейская цивилизованная империя русских также решительно выступила против Азии на Западе, реальная свободная территория кочевников в глубине Азии становилась все более узкой, и поэтому мы видим, как распавшиеся орды неоднократно переходят из одной империи в другую, из Китая в Россию или из России в Китай, в зависимости от того, считают ли они, что смогут спасти что-то из своей прежней свободы здесь или там.

Этим обстоятельствам Европа обязана своим современным монголам, вышеупомянутым ордам Kalmucken. Отступая за императором Маньчжурии и конфликтуя с другими народами на своем пути, они продвигались все дальше и дальше на запад к Уральским воротам и, наконец, в 1703 году оказались вблизи российской территории.

В том слабом состоянии, в котором они оказались, они подчинились российскому господству. Петр Великий выделил им участок земли в низовьях Волги, где они могли пасти свои стада, и с тех пор эта монгольская колония живет на перевалах и перегородах между Азией и Европой, а также перемещается в пределах естественных границ нашего континента.

Вначале они имели значительную численность, но в 1771 году она была значительно сокращена и уменьшилась до половины благодаря весьма примечательному событию. Калмуки, приверженцы индийской религии Будды, не чувствовали себя удовлетворительно даже в России, не совсем забыли свою азиатскую родину и в конце концов были поощрены и убеждены вернуться, в том числе и тайными посланиями императора Китая. Когда их решение созрело, внезапно семьи 50 000 калмукских кибиткенов собрались вместе, насчитывая, как говорят, более 300 000 "ртов", подняли свои штандарты и бежали с женами и стадами на восток, в Китай, чтобы, как говорит китайский император Хиенлун (воспевший хвалу этому возвращению в стихотворении, классически упоминаемом китайскими поэтами): "не считаясь с опасностями и обременениями, связанными с великим путешествием, не считаясь с нападениями и сражениями во время дальнего пути, наслаждаться сиянием Неба вблизи царства Середины и счастьем быть вассалами величайшего монарха вселенной". Это великое бегство калмуков очень важно, потому что это одно из немногих азиатских переселений народов, которое мы знаем более точно, в его причинах и обстоятельствах, при которых оно произошло, и потому что оно также проясняет для нас причины и обстоятельства других более ранних переселений населения.

Те калмуки, которые бежали на восток, до сих пор живут на Алтае и зависят от Китая. Тех, кто остался в Европе (России), кому были предоставлены большие свободы и льготы, чтобы сохранить, сейчас насчитывается 300 000 человек. Поскольку они превратили несколько тысяч квадратных ярдов леса и безводных степей в богатый питомник лошадей и скота для Российской империи, они стали очень полезными подданными, которые заслуживают того, чтобы их ценили. Сало и шерсть из их стад помогают европейцам на севере России, скрашивая и согревая их темные зимние ночи.

Когда в новое время их дикие лучники на грубых лошадях появились с русской армией, как во время Семилетней войны, так и во время войн с Наполеоном, в Германии и в остальной Европе, они вызвали там почти такой же переполох, как когда-то их предки при Чингиз-хане и Аттиле. Их описывали как волосатых дьяволов, обвиняли в том, что они едят сырое мясо,

даже человеческую плоть, и что они не владеют никаким другим искусством приготовления пищи, кроме как умягчения мяса под седлом.

Подобные страшилки оказываются полной неправдой, если посетить этих добрых людей в их собственных городах. Затем вы узнаете, что, хотя они и привыкли класть под седло немного мяса и жира, чтобы залечить возможные раны своих лошадей, они настолько не любят сырое мясо, что удивляются, как европейцы могут есть сырую ветчину. Затем обнаруживается, что эти варвары получили от основателя своей религии свод законов, настолько тонких, мягких и разумных, что они почти соперничают с христианской моралью. К сожалению, однако, их законодатель, Чингиз-Чан, в отличие от Мухаммеда, который так заботится о чистоте, запретил им мыть одежду и кухонную утварь, и этот запрет они неукоснительно соблюдают.

Они пользуются языком, старомонгольским, сила и выразительность которого тщетно пытались передать на других языках. "Меланхолические стихи и песни этих пастухов, живущих грабежом, - говорит китайский историк, - когда они эхом разносятся в тихой ночи над великими степями, как бы просты и бесхитростны они ни были, заставляют слезы литься из глаз слушателя. ".

За этими замечательными калмуkenами, в глубине Прикаспийско-Уральской низменности, живут хищные киргизы, в трех многочисленных ордах и на далеко обширной территории. Поскольку они редко добираются до европейских границ на своих кибитках (небольших транспортных средствах), я упомяну лишь, что это племя произошло от смешения турок и монголов; однако они говорят на более чистом турецком диалекте, чем константинопольские османы. Они частично признают верховенство царя, частично - Сына Неба в Пекине, и когда им представляется возможность, они грабят подданных обеих этих великих империй. Из-за своих светлых волос некоторые историки приняли киргизов за потомков наших готских предков.

Помимо упомянутых выше монгольских и турецких племен, которые принесли с собой миграции людей из Азии в Европу, они время от времени привозили с собой образцы и остатки других азиатских народов, в том числе не мало из пределов Персии и даже небольшую колонию из далекого Хиндостана.

На северных границах Персии, в плодородных оазисах южной части Турана, среди кочевников традиционно жил оседлый, городской и образованный народ, древние "согдийцы" и "бактрийцы", среди которых процветали торговля, искусства и ремесла. Их связь с кочевыми степными народами, которым они продавали свои художественные изделия, имеет древние корни. В истории азиатской торговли мы встречаем их и под другими именами. У грубых монголов, которые при Чингис-Чане завоевали их древние города и княжества и сожгли их библиотеки, они назывались "бакхар", то есть "ученые люди", и под этим именем, введенным монголами, они известны европейцам и сегодня.

"Бочара" и сегодня является названием одной из их столиц, а вся их страна называется Бучарье. Как их купцы, как предводители их караванов и отчасти финансисты и владельцы фабрик, бучары путешествовали с монголами по всему миру, распространяясь, как замечательная каста странствующих купцов, на восток по всем дорогам, по которым шли те, кому они подчинялись, на восток до Китая; они также шли с ними на запад в "Кипчак" или Европу. И сегодня, после исчезновения Монгольской империи, они посещают - теперь уже под покровительством России - те же регионы вдоль Волги, большие ярмарки в Новгороде, Харькове, Касане, а также приезжают в Москву и Петербург, да, они известные гости даже на Лейпцигской ярмарке.

Эти бухарцы - стройные, хорошо сложенные люди, со свежим, ясным цветом лица, большими черными и выразительными глазами, благородным изогнутым ястребиным носом, черными волосами и густой бородой. Они спокойнее, гибче и менее горды, чем турецкие татары, не имеют склонности к скотоводству и странствиям, но обладают талантом к мирным искусствам и весьма преуспевают благодаря торговле и промышленности. Они называют себя "таджиками", что является древним названием персов. Поскольку они обычно говорят по-персидски, то, несомненно, имеют не монгольское, а персидское происхождение, как иногда утверждалось. Обычно они посещают Европу лишь на короткое время, возвращаясь на родину к югу от Аральского озера, когда их дела закончены. В Астрахани, Касане и некоторых других российских городах также можно встретить зажиточных бухарцев, поселившихся там со своими семьями.

Как уже говорилось, мы наконец-то видим далекий индусский мир, так сказать, кончиком пальца касающийся нашего континента. На Волге, в Астрахани, есть небольшая колония индусов, исповедующих учение Брахмы. Считается, что они переселились туда только в конце ¹⁴ века в результате монгольского нашествия под предводительством Тимура. Это тот самый Тимур, чей преемник также изгнал цыган из Индии в Европу, или так считается.

Общая численность индусских, бухарских, калмыкских, касанских, астраханских и крымских татар, как потомков среднеазиатских народов, пришедших через Урало-Каспийские ворота и живущих среди нас по сей день, составляет не более 2 миллионов человек. Однако мы бы недооценили влияние этого движения народов на Европу, если бы хотели оценить их только по их численности по сравнению с населением континента.

Татары и монголы оставили после себя гораздо больше останков и следов своего присутствия, чем эти несколько прямых потомков. Кроме того, они в большей или меньшей степени тюркизировали или монголизировали несколько наших исконно финских народов, болгар, чувашей, башкир, смешавшись с ними, и частично навязали им свой язык и даже религию, ислам, (об этих тюркизированных финских народах я буду говорить при рассмотрении финского племени) - кроме того, татары и монголы оказали немалое влияние на одну из величайших европейских империй и народов, на русскую, и влились в нее. Русский народ, некогда подчиненный татарам, обнаруживает, как в своем политическом положении, так и в своем физическом и умственном типе, многие черты, наклонности и учреждения, пример которых мы, вероятно, должны искать в сердце Азии, среди кочевников-монголов и на Прикаспийской низменности. Совершенно неограниченное правление царей имеет много общего с образом правления азиатских вождей. Суровость их обычных наказаний напоминает бамбуковые тростники китайских монголов. Презрение и щедрое использование человеческой жизни во время военных походов и других случаев у них не меньше, чем у монголов. Их хлопотливый порядок в социальном положении, так называемый "цзин", кажется копией этикета, преобладающего среди монголов и китайцев. Их меланхолические и трогательные народные песни также вызывают слезы на глазах слушателей, как это делали монгольские песни.

Многие татары, монголы, калмыки и другие азиаты традиционно включались в русско-славянскую национальность, когда их переводили в глубь России в качестве военнопленных, когда цари хотели наградить их русскими почестями или завоевать их. Даже среди самых знатных семей империи до сих пор можно встретить имена, которые сразу выдают татарское происхождение рода. Например, имя известного, ныне русского, князя Кочубея, то есть "маленького бая". Возможно, читатель иногда слышал имя княжеского рода Дандеркоф-Кораковых. Сейчас они являются российскими магнатами, но их родословная изначально зародилась в калмыцкой пастушьей хижине.

Форма черепа и черты лица монгольского типа, четырехугольная голова, выступающие скулы, маленький висячий нос, удлиненные глаза, плоское лицо, хотя и не так бросаются в глаза, как у собственно монголов, также очень четко проступают в русских национальных чертах, под более круглыми и овальными линиями индоевропейского племени.

И если, наконец, принять во внимание, что те же самые формы лица встречаются также у всех племен Китайской империи, которые очень решительно несут в себе монгольский тип, что, кроме того, даже индейские племена Северной Америки, по своему физическому состоянию кажутся лишь слегка приглушенными проявлениями того же типа, тогда действительно поражаешься необычайному распространению этого типа по поверхности Земли, и можно почти сказать, что треть человеческой расы принадлежит к тартаро-монгольской или монголоподобной расе.

Да, даже в горах центральной Европы, на юго-восточной оконечности Германии, встречаются следы монголов или монгольских типов. У подножия Ортелеса, в верхних долинах долины Этш, в так называемом Бинтч-Гау, черепа жителей, которые сейчас говорят там по-немецки, согласно исследованиям доктора Голдрейнера, являются "монгольскими". Считается, что в этих горах остались разрозненные отряды солдат Аттилы, и странные негерманские названия местностей - "Tschars, Tartsch, Latsch, Compatsch" и т. д. - пытаются объяснить азиатскими языками. Швейцарцы считают, что эти люди произошли от особого народа в Аннисьерсе, долине в Верхнем Валлисе в шести часах езды от Ситтена, который они называют "гуннами" (то есть монголами), но славянские антиквары полагают, что они произошли от славян, вероятно, славян, которые последовали за Аттилой и оставили свои армии в горах. В предыдущей главе я уже отмечал, что самые восточные следы сарацинского или арабского рассеяния также обнаруживаются в том же кантоне Вале. И поэтому это очень примечательное место, в котором до сих пор можно распознать крайние следы двух великих племен, противостоявших друг другу в сердце Европы; одного, пришедшего из Аравии и Передней Азии и с северного побережья Африки, раскаленной печи Европы, через Испанию и затерявшегося во Франции и против Альп, и другого, пришедшего из глубины Азии, из Европы на Востоке, так сказать, "Тартар", вырвался на свободу, миновал ворота урало-каспийских народов, многократно затопил всю Восточную Европу, а также угас против Франции и Альп, где оставил самые ясные следы посреди горных пещер.

Эллины и новые греки.

Между Малой Азией, Греческим полуостровом и островом Крит находится четырехугольная котловина небольшого внутреннего моря, отрезанного от остального водного мира Средиземноморья. Этот водный параллелограмм можно рассматривать как большое внутреннее море, имеющее несколько выходов, ведущих к крупным морским сторонам. Внутренняя часть бассейна как бы усеяна и усыпана множеством гористых островов вулканического происхождения, которые по природной красоте, плодородию и другим достоинствам могут сравниться с немногими другими островными группами в Европе.

Над ними нависает блестящее небо. На них мягкая зима, а морской воздух защищает от чрезмерной жары. Все они пригодны для жизни и имеют прекрасные долины, перемежающиеся с равнинами, которые идеально подходят для выращивания винограда; оливковые и лимонные деревья дают пчелам множество медовых садов.

Как и острова, побережья окружающего материка очень разнообразны. С севера, востока и запада суша заканчивается морским бассейном с множеством красивых полуостровов. Глубокие изгибы и волны, а также особенно безопасные гавани пронизывают сушу и повсюду приглашают к навигации. Все Эгейское море, благодаря богатству якорных стоянок и маршрутов, можно рассматривать как один большой порт. А Грецию в целом вполне можно назвать миниатюрной Европой.

Как Европа превосходит все остальные части Земли благодаря своим разным частям, благодаря особенно удачному соотношению суши и воды, так и Греция превосходит всю остальную Европу. И как европейским народам, как только они пробудились, казалось, было суждено изучить все другие народы мира, судоходство, торговлю, движение, работу, энергию, цивилизацию и науку, так и Эгейскому или Греческому морю, кажется, было естественно суждено стать колыбелью и школой европейской активности и силы.

Когда и как первое человеческое население распространилось по этому удивительно красивому бассейну, по этим дружелюбным островам и полуостровам, покрыто непроницаемой пеленой неизвестности. Но язык эллинов показывает, что они и их предки, которых обычно называют "пеласгами", пришли с Востока через Малую Азию и принадлежали к великому индогерманскому племени, давшему Европе самые значительные и развитые народы. Их язык свидетельствует о близком родстве с кельтскими, романскими, германскими и славянскими народами. Происхождение греков, как и их самих, следует искать в Индии и Гималаях.

Под чьим руководством, при каких обстоятельствах и в соответствии с какой судьбой предки эллинов, так называемые пеласги, проложили себе путь; что отличало их уже тогда, и как они смогли пробиться через западную часть Азии и Малую Азию - все это не дошло до нас с такой же точностью, как, например, происхождение и ранняя история израильтян.

Именно два народа, которые приобрели наибольшее значение в древности и были наиболее развитыми, греки и римляне, разделяют судьбу, что их древнейшая история и самые ранние жители этих стран почти более неопределенны, чем история многих других, менее развитых рас, и это отчасти является естественным следствием их раннего развития и процветания, которые затушевывали, презрели и предали забвению все, что напоминало о более ранних временах и происходило из более древних времен. Да, даже мы не имеем ничего, кроме весьма неясного и весьма сомнительного представления о том, каким образом эллины вышли по языку и развитию из великого материнского рода своих пеласгийских предков или предшественников, утвердились и научились ощущать себя самостоятельным народом. В истории человечества такие вопросы часто столь же трудны для понимания, как, например, в природе то, как и каким химическим путем в корнях розового куста поднимается и утверждается капля, призванная образовать бутон, и как из бутона раскрывается прекрасный цветок. Вскоре весь сантиметр стоит и восхитительно пахнет, и мы даже не успеваем показать, как и почему он стал таким, а не иным.

Все, что мы можем сказать, это: Что так называемые пеласги, особенно их преемники или дети, "эллины", должны были быть родом, традиционно наделенным прекрасными способностями, и что удача привела их на родину, которая была настолько благоприятна, насколько можно было пожелать, для развития этих прекрасных способностей, а именно в тот красочный бассейн Эгейского моря, о главных особенностях которого я только что упомянул.

Гордясь этими благосклонностями и дарами природы, кажется, что даже у греков, как и у всех других европейских народов, зажигательная искра должна была прийти извне. В

легендах эллинов упоминаются эмигранты, прибывшие в страну из-за рубежа, как события, породившие в них стремление к упорядоченной жизни: пришедший из-за границы учитель земледелия, Деметра (Церера), основавшая брак, принесшая в Грецию смоковницу, как Минерва - оливковое дерево, иноземный Прометей, научивший греков всем искусствам, в которых они должны были использовать огонь. Даже использование железа они получили из-за границы. Введение лошади, искусство прядения и ткачества приписывалось Посейдону, богу моря, что, вероятно, означает следующее: оно пришло на кораблях к доселе невежественному островному народу.

Точно так же из Финикии и Египта к ним на кораблях через Кадмуса, Даная, Пелопса прибыли первые законодатели, правители государств и основатели их городов и поселений, их оракулы, многие имена их богов, их религиозные предания и институты. Все принципы цивилизации были принесены грекам мореплавателями и купцами. Одним словом, их развитие было порождено морем. Благодаря своему местоположению и почвенным условиям, они росли с помощью моря. С древнейших времен сами греки стали нацией мореплавателей и торговцев. Древнейшее название жителей страны "Пеласген" также (по крайней мере, по мнению некоторых людей) происходит от греческого слова Pelagos (море) и означает не что иное, как "моряки". После великого бога всеохватывающего неба, несравненного Зевса, главным божеством у них был Посейдон, бог вод и ветров. Он был более могущественным и имел большее влияние на их судьбу, чем другие боги. Самые горячие молитвы возносились к нему в многочисленных храмах, возведенных на островах и мысах. Из соленого моря поднялась Афродита, их богиня красоты, а в самом море у бога солнца Гелиоса был свой дворец, где он покоился в объятиях Фетиды, владычицы вод.

Первые важные совместные предприятия греков, в которых они выступали как самостоятельный народ и учились чувствовать себя самими собой, путешествие аргонавтов, Троянская война, были большими морскими экспедициями, и как во времена Агамемнона вся Греция вышла из Эгейского моря, так и несколько позже она черпала силы из этого же моря, из своих островов, гаваней, кораблей - возрождение. Как Антаус, сброшенный Геркулесом, всегда получал новую жизнь от своей матери - Земли, так и Греция, будучи сброшенной (даже в наши дни), вновь восставала от своей матери - моря.

Их самые древние и распространенные песни, поэмы Гомера, рассказывают о пиратах, морских приключениях и мореплавании. Эти поэмы и сегодня, как и 3 000 лет назад, лучше всего понятны греческому народу, так же как кочевые народы арабов понимали традиции своих пастухов-патриархов Авраама и Исаака.

Разбуженный внешними влияниями, плодотворный гений греков, подвижный, как вода, развил удивительно разностороннюю деятельность во всех направлениях человеческого духа. Энтузиасты - это прекрасное слово греческого изобретения - гении, одаренные живой фантазией и воображением, обнаруживали следы божества повсюду - на высоких вершинах своих горных островов, в лесах своих прибрежных долин, на ландшафтах, покрытых цветами и увлажненных прекрасными источниками и ручьями по берегам. Каждый уголок их земли был прославлен и увековечен поэзией. Они научились поклоняться этим богам, и в каждом уголке Греции появились оракулы, храмы и места паломничества. Каждый дюйм земли стал классическим и освященным.

Все высоты были заселены Ореаденом,

В каждом маленьком деревце живет дриада,

А прозрачная, чистая, пенящаяся речная вода течет

Из урн приветливых Наджадов.

Как и их земля, их жизнь отличалась резкими контрастами. Корабельная жизнь была богата разнообразием и яркими событиями, и ее хватило бы, чтобы раскрыть уста сказителей, ораторов и поэтов. Но на фоне этой насыщенной событиями, бурной морской жизни были маленькие, очаровательные домики в уголках островов, домашние очаги на склонах гор, плодородные поля вдоль чистых ручьев и идиллическая пасторальная жизнь на горе Ида, Пелионе, Геликоне и в аркадских лесах.

В таких природных условиях и контрастах греки должны были почувствовать себя поэтами. Они потянулись к лире, играли и пели, как никто другой после них.

По образцу общин, созданных египтянами и финикийцами, они основали и управляли процветающими городами, республиками и государствами вокруг Архипелага. Укрепившись там, они поплыли дальше по влажным морским путям, основали свои колонии в Италии и Сицилии, зажгли маяки цивилизации на всех варварских берегах Черного моря, осветили ими все северное побережье Африки, заложили первые принципы цивилизации от Массилии до далекой Галлии и даже вышли в океан через колонны Геркулеса.

Познавая таким образом размеры мира, они, чей дух был идеален и практичен, начали торговать по всему миру и на своих рынках, заполненных товарами, и в своих шумных гаванях, кишачих торговлей и людьми, выступали как острые и глубокие мыслители, естествоиспытатели и философы, основывая различные системы, школы и секты в соответствии со своим видением мира.

Торговля с народами столь разных натур породила среди них богатство и роскошь, пробудила в них желание украшать повседневную жизнь и изящные искусства. Появились Апеллес, Пракситель и многочисленные ученики этих мастеров, под их руками мрамор обретал форму и жизнь, возникали великолепные храмы и залы, на стены которых наносились самые прекрасные росписи.

Ведь на родине греков не было ни княжеского Нила, который подчинялся исключительно его прихотям, ни великого властного Ганга, ни обширной и однообразной Месопотамии; потому что здесь, напротив, все было раздроблено, отличалось друг от друга и имело изящную форму - природа, которую легко было покорить и которая не была непосильной для человечества - маленькие долины, узкие равнины, многочисленные довольно высокие горы, и все это было тесно связано и сплавлено воедино гладким зеркалом моря, так что сама природа духа греческого народа стала многоугольной, драгоценным камнем, отполированным со всех сторон.

Совершенно не похожий на другие народы, например, на ту однообразную и монотонную массу, которая и сегодня предлагает нам русский земельный и народный дух, эллин напоминал дерево, изящно группирующее свои многочисленные ветви во всех направлениях. Их язык делился на различные диалекты, их племя - на многочисленные роды, каждый из которых обладал совершенно различными характеристиками, но все они имели прекрасные достоинства, и все они, несмотря на то, что простирались в совершенно противоположных направлениях, тем не менее были связаны узами общих симпатий и целей, как и их острова - протекающим между ними морем.

Те же отношения, которые создали различные диалекты, архитектурные стили и философские школы дорийских, юнических и эолийских греков, также создали в них такие же различия в политической организации и гражданских условиях. В этом смысле за время

своего существования они создали, так сказать, все, что только можно себе представить. Демократии, монархии, олигархии и аристократии, правление народом и деньгами, военный деспотизм и жреческое насилие чередовались у них, в зависимости от их происхождения, времени и места. Во всем остальном мире нет ни одной формы государства, для которой маленький греческий мир не послужил бы образцом и для которой греческий язык не придумал бы специфического названия, до сих пор используемого всеми цивилизованными народами Земли. Грек Аристотель, хотя и не знал ничего, кроме политических творений своих соотечественников и их ближайших соседей, философствовал о всех возможных формах государственного регулирования, как будто он, как и мы, имел в виду все политические государства мира.

Сравните государственное устройство, гражданское бытие и политические пристрастия двух греческих государств, напр. серьезную, суровую, воинственную, монархическую или аристократическую, так сказать, британскую Спарту, с изящными, изобретательными, великолепными, пышными, демократическими, несколько французскими Афинами, - вряд ли можно считать возможным, чтобы люди, говорящие на одном языке и приписывающие себе одну и ту же национальность, могли составить такой резкий контраст в характере и интеллекте. Скорее можно поверить в то, что самые странные компоненты - Северный и Южный полюса - находятся в непосредственной близости друг от друга. Крайности - необузданная свобода и безжалостная тирания под игом одного человека - у греков, кажется, тянутся друг к другу, а между этими двумя крайностями мы находим множество государственных институтов, возникших в результате мудрейших размышлений и тщательнейшего учета человеческой природы и различных составляющих общества.

Революция и смена хозяев были в порядке вещей для этих беспокойных людей, которые так стремились к новизне. В их истории тщетно ищут солнечную полную остановку отдыха, подобную той, что предлагал Рим во времена Августа, в которой, по нашим понятиям, легко могли бы процветать мирные искусства и науки. Орудия мечом, могущественные греки написали историю так кратко, как она никогда больше не писалась. Испив дармовую чашу, которую им поднесли нетерпимые сограждане, греческие мудрецы дали учение о терпимости и любви, которое до сих пор не забыто. Посреди мирской суеты улиц, под ажиотажем Форума их философы спокойно и тихо размышляли о сверхземных вещах. Среди вечных партийных разборок и кровавых столкновений их поэты и художники воздавали почести Грациям и создавали такие совершенные, мелодичные и гармоничные языковые образы, какие никогда не удавались мирному народу в такой степени. В их устах греческий язык превратился в самый красивый, величественный, мужественный и в то же время нежный язык, на котором люди когда-либо думали и писали, в чрезвычайно богатый язык, синтаксис которого так легкий, так беглый, так приятен для рта, так значим для ума и так тесно связан, и который послужил отчасти косвенным, отчасти непосредственным источником для всех современных языков. Когда вы смотрите на греков в целом, вам кажется, что вы видите смелых, изобретательных людей, которые знали, как заставить цветы цвести в огненных кратерах вулканов, и которые строили храмы музыки на краю вечно текущих потоков лавы.

Как и на родине, в Элладе, так и в колониях. Дочерние греческие города возникали в основном в результате внутренних раздоров и страстных партийных споров, а сами колонии, которыми они окружали варварские берега Средиземного моря, были, кажется, такими же кратерами, которые, подобно вулкану Этна, разрушали окружающую землю и одновременно делали ее плодородной. Только на берегу небольшого залива Таранто в Великой Греции укоренилось полдюжины таких вулканов, извергающих огонь и цветы: гордая Кротона, роскошный Сийбарис, Гераклея, Таранто и некоторые другие незабываемые города.

Подобно Афинам и Спарте в Элладе, Эфесу и Милету на побережье Малой Азии, Сиракузам, самой многолюдной и могущественной из всех греческих колоний, и Катане на Сицилии, которая всегда разорялась Этной и всегда снова расцветала, эти города жили в вечном раздоре, а их граждане, пока могли себя заставить, воевали друг с другом и совершали самые беспощадные набеги на территории соседей. Иногда эти греческие республики можно сравнить с полудикой Черногорией. Ничто из того, что турки впоследствии совершили против христиан, не осталось неопробованным этими эллинами в никогда не прекращавшейся партийной ярости. Убийства, огонь, разрушения, жестокое рабство, да истребление до последнего человека, пока не оставалось камня на камне. И все же эти города порой были богатыми, большими, расточительными и роскошными, их граждане исчислялись сотнями тысяч, в них было много поэтов, художников, скульпторов и учеников Пифагора.

Однако, вероятно, в особенно яростном и вспыльчивом характере греков было заложено, что весь период их процветания и самых прекрасных творений был коротким, а вся их творческая мощь выразилась лишь в одном мгновении, пролетевшем как мимолетный сон. Ко времени Перикла, в V веке до н. э., они достигли пика своего расцвета. Вокруг личности этого "эллина всех эллинов" сложились самые выдающиеся греческие имена, которые благодаря своим достижениям стали известны и прославлены во всем мире. Греков называют нацией молодых людей. Да! Гегель назвал все их национальное бытие и стремление "единым актом молодости". Можно сравнить их национальную общественную жизнь со своеобразным существованием других гениальных молодых людей, стремящихся к величию, например, с жизнью Рафаэля, который рано развился в пылу своего труда, но впоследствии оставил потомкам наследие своих произведений, которым они могут радоваться во все времена. С таким наследством в руках, оставленным современниками Перикла, национальный дух древних греков проявляет себя мощным и влиятельным до сих пор, хотя после смерти Перикла их сменяет одно иноземное владычество за другим, и никогда больше они не достигали такой могучей независимости, как в те короткие годы, когда они могли безнаказанно воевать между собой и бороться за пальму первенства.

Сначала они попали под власть Филиппа и Александра. Но эти варварские цари Севера эллинизировались, почитали дух греков, переняли их язык и одновременно со своими завоеваниями распространили их по всему Востоку. На границах Индии и монголов, а затем и на Ниле они основали империи, которые, согласно господствовавшему там языку и развитию, должны считаться греческими основами.

Македонцы были облегчены римлянами как в мировом господстве, так и в обладании властью над Грецией, и, подобно им, они тоже стали учениками своих эллинских подданных. Хотя римляне, как и соседние македонцы, не переняли язык и обычаи греков, они вынуждены были считать их своими мастерами и образцами, поскольку сами не могли создать ничего лучшего. Захваченная Греция сама захватила свои дикие территории и перенесла искусство на крестьянские земли латинян. Римляне были подмастерьями греческих ораторов. Их стихи были лишь отголоском греческих песен, их музыканты, их педагоги были греческими рабами. Их храмы, города, рынки украшали и оживляли статуи, которые дышали вечной жизнью и были спасены от гибели Грецией. На крыльях римского орла греческая цивилизация распространилась по всему Западу, как в свое время македонская фаланга пробила себе путь к Инду и Гималаям, источникам всей эллинской и индогерманской жизни.

Золотом разума, которое римляне отняли у Греции, они, так сказать, позолотили весь мир, а греки, вслед за македонскими и римскими пехотинцами, шедшими по Земле, проникли и в

глубь всех земель, куда, будучи древним мореходным и прибрежным народом, они никогда бы не пришли сами.

Македонцы, которые с незапамятных времен были соседями и родственниками греков, были поглощены греками, так сказать, языком, интеллектом и нравами, как я уже говорил. Где они командовали и обитали, там командовали и сами греки. Римляне же, жители другого полуострова и чужой расы, хотя и были во всех отношениях потомками греков, но всегда оставались римлянами и распространяли то, что получили, по-своему. Именно поэтому греки никогда не чувствовали себя так же уютно на Западе, где они выступали почти исключительно в качестве слуг, как на Востоке, где действовали македонцы. Да, римляне романизировали даже целые регионы, где в прежние времена преобладали греческие нравы, язык и кровь, например, Южную Италию и Сицилию. Вот почему, когда Римская империя разделилась на две большие половины, одна из них, Западная и Восточная Римская империи, имела в своем конце полностью романизированный, а другая - преимущественно греческий характер, сдобренный македонско-греческими элементами развития.

В Восточной Римской империи, столицей которой был Новый Рим или Бизантиум, после раздела греческий язык, греческие племена, греческое дворянство, греческая цивилизация снова взяли верх, и можно рассматривать этот раздел империи в определенном смысле как политическое возрождение греков. Хотя с тех пор возрожденное дитя не только носило имя "Рим" (Рум, Румили) среди восточных народов, но даже сами греки на протяжении веков называли себя "ромайер", а свой греческий язык - ромайским. Поскольку греческий язык был предпочтительным языком литературы на всем Востоке, он стал носителем *новой веры*, возникшей во времена расцвета римской державы. Как только христианство покинуло Иерусалим, именно греческий язык распространился по всему миру.

Бассейн Архипелага с его островами и выступающими странами, который можно сравнить с сетью, распахнутой на Восток, принял первых христианских апостолов, приплывших к финикийским берегам, так же как и профессоров древнеегипетской мудрости, отплывших оттуда за тысячу лет до этого. Греческий народ первым предложил великому сеятелю местность, где его семена не упали на каменистую почву, а, напротив, вскоре пустили глубокие корни в Коринфе, Фессалониках, Эфесе и других городах. В азиатских городах первые христианские общины тоже почти без исключения состояли из греков. На их языке повсеместно поклонялись единому Богу, и проводились первые проповеди миссионеров. Наши священные книги были написаны на их языке. На этом же языке проходили первые христианские соборы. Греки принесли христианство в Рим и распространили его по всей Европе; поэтому большинство выражений, обозначающих церковные вопросы, даже название "церковь" и название книги книг, "Библия", имеют греческое происхождение.

Из всех христианских церквей греческая - самая древняя; из Греции язычество было сначала подорвано христианством и, наконец, полностью упразднено при основании Нового Рима или Константинополя. Во время нашествий варваров, которые вскоре последовали за разделением Римской империи, Восточная империя греков продержалась гораздо дольше, чем Западная империя римлян. Несгибаемые, варварские римляне, которые основывали свою империю в основном на своей доблести и материальном превосходстве, вынуждены были уступить, когда этой доблести стало не хватать и им стала противостоять более мощная сила, чем они сами. Греки, которые за время своего процветания приобрели, помимо собственного мужества и патриотизма, высокую степень интеллектуального развития, особенно высокую степень политической ловкости и другие соответствующие качества, сохранили эти более жесткие качества после того, как улетучилась безудержная

самоуверенность и чувство свободы, и оставались, подобно китайцам в их борьбе с монголами, много раз побежденными даже после поражений. В то время как вся Западная Европа была захвачена нордическими ордами и на века погрузилась в кромешную тьму, греки тоже не раз принимали на себя набеги захватчиков. Но они, как быстрые воины, умело уклонялись от ударов и часто отводили их, а если и терпели поражение, то снова поднимались, подобно кустарнику в высоких горах, подгоняемому бурей.

Начиная с V и VI веков, великий славянский поток проник на греческий полуостров и проник во все материковые европейские провинции Греческой империи, вплоть до Афин и Пелопоннеса. Славяне теперь приходили туда не только как воины и владельцы территорий, но и с женщинами, детьми и стадами, они оседали на этих землях своими домами, через некоторое время начинали возделывать землю, основывали многочисленные славянские деревни и поселения, давали славянские названия землям, горам, долинам, рекам, ручьям и пещерам. Но среди этого славянского наплыва города и порты на побережьях, повсюду по Эгейскому морю, даже в самые страшные времена оставались во владении греческих граждан и византийских оккупантов. Поскольку у славян не было кораблей, они оставили острова Эгейского моря практически нетронутыми. Даже в самые опасные моменты, когда авары, булгары и сербы штурмовали Константинополь и в то же время на азиатской стороне Босфора, в Скутари персы были под оружием; Даже в такие моменты, когда казалось, что все потеряно, греки держались за свой флот, с помощью которого связь между центром империи и островами и побережьями почти никогда не прерывалась, и снова и снова, в самых отчаянных обстоятельствах, спасался внешний периметр и грубое здание древней эллинской колыбели, Архипелаг (главное море) и его принадлежности. Вокруг этой колыбели всегда оставался остаток эллинизма, и из этого древнего дома и места рождения, то есть с кораблей, из гаваней Коринфа, Фессалоник, Патр, Монебаси и многих других, этот эллинизм снова распространился в IX веке. После того как за 300 лет нашествия славяне утратили свой первоначальный дикий характер, после того как из грабителей, разорителей и разбойников они превратились в земледельцев и землевладельцев, они оказались восприимчивы к цивилизации, которая пришла в страну с греческих берегов. Даже греческое оружие, в основном при императоре Василии I, во второй половине IX века, вновь оказалось удачным против них, и многие провинции и местности, занятые славянами, были затем отвоеваны греками.

В новообращенных провинциях появилось многотысячное духовенство, говорившее на греческом языке. Возводились монастыри и церкви, строились новые города и укрепленные поселения, в которых греки предпочитали селиться снова. В результате болгары, поселившиеся там, вскоре стали понимать и говорить по-гречески, а также по-славянски, а в Пелопоннесе и на побережье Фессалии, Македонии и Фракии славянские названия были либо подавлены, либо возвышены. Новая Греция, населенная греками или грекоговорящими людьми и таким образом воссозданная, по сути, была того же размера, что и страна, которую когда-то занимали древние эллины.

Таким образом, в Греции произошло то же самое, что в то же время (после Карла Великого) произошло в Германии. В Германии, как и в Греции, славяне заполнили своими племенами почти всю восточную половину древней Германской империи во время своего первого дикого наводнения большого числа древнегерманских областей. Но и там была взята реванш. Карл Великий и сменившие его германские императоры, покорив и окрестив

вторгшихся славян и заставив их принять немецкий язык и обычаи, восстановили границы древней Германской империи, подобно тому как Василий и сменившие его греческие императоры восстановили старые границы Греции. На обширных территориях, расположенных в глубине Византийского полуострова, миграция с побережья была менее заметной. Там многочисленные вторгшиеся варвары сохранили свой язык и обычаи. Лишь время от времени греки присоединялись к ним в городах и крепостях. И снова все было точно так же, как во времена древних эллинов, с той лишь разницей, что теперь вместо прежних македонцев, фракийцев и иллирийцев на старых, всегда варварских местах, которые никогда не были в большом количестве заселены греческими кораблями и прибрежными жителями, обитали славянские болгары, сербы, хорваты и т.д.

Так и оставалось, с небольшими изменениями, до следующего крупного нашествия на Грецию, до вторжения турок. Два крупных вторжения западных народов Европы, славянское в VI веке и турецкое в XIV веке, известные как крестовые походы, могут иметь лишь незначительное значение в истории греческого племени, как я пытаюсь ее обрисовать, поскольку они оказали относительно малое влияние на язык, нравы и кровь народа. В этом отношении следует иметь в виду то общее наблюдение, что греков принято считать восточными народами Европы; как таковые, они унаследовали от западноевропейских народов меньше, чем даже от азиатов. В древности народы Западной Европы, народы Италии и т.д. были грубыми варварами, а греческая цивилизация находилась в гораздо более тесных отношениях с высокоцивилизованными в то время азиатами. Жители Италии, хотя в разное время полностью или частично господствовали над Грецией, изменили там национальность очень незначительно - даже римляне, более 400 лет державшие бразды правления в Греции, истребившие целые многолюдные города, например, Коринф, и заселившие его итальянскими (римскими) гражданами, не смогли слить греческую национальность со своей. В настоящее время, а также вскоре после окончания римского господства, в Греции почти не осталось их следов. Они не романизировали и не романизовали ни один регион страны. В Элладе нет никаких следов их языка, как и в земле даков или нынешних валахов. Все римские поселенцы в Греции были вскоре уничтожены или превращены в греков.

То же самое можно сказать и о нашествии итальянских крестоносцев и других западноевропейцев, которые завоевали Византийскую империю в начале ^{XIII} века и на некоторое время поделили ее между собой. Венецианцы, генуэзцы, французы и знатные семьи других народов Западной Европы в результате этого события остались в Греции, основали множество небольших княжеств на островах и в прибрежных греческих городах и управляли ими в течение короткого или более длительного периода времени, да, венецианцы в период своего наибольшего могущества контролировали весь Пелопоннес, большинство островов Эгейского моря, несколько прибрежных областей северной Греции, а также Кипр и Крит, так сказать, одним словом, вся племенная область греков под их властью, но это не меняет того факта, что на характер, язык и кровь этого народа господство западноевропейцев не оказало решающего влияния. Только на Ионических островах в говоре появилось много итальянских выражений, а на Кикладах и сегодня есть потомки французских и итальянских семей, сохранивших верность Римско-католической церкви. Римско-католическая церковь западноевропейцев, как и их язык и обычаи, так и не прижилась среди греков, как бы ни старались папы. Здесь я должен добавить следующее замечание, которое можно легко развить, что и германские племена, как часто они появлялись в Греции в разное время, сначала как готы, завоевавшие целые провинции полуострова, затем как норманны, которые часто оставались среди греков как императорские приспешники, как пираты, как угроза Константинополю, и, наконец, в более

поздние времена как баварцы, которые организовали молодое Королевство Греции в 19 веке, не оставили важных следов на народе или его характере.

После первых вторжений турок в Грецию в XIV^{веке} и после завоевания Константинополя османами в 1453 году грекам снова пришлось склониться перед чужим племенем, племенем азиатского происхождения. С точки зрения политической независимости это было такое же полное поражение, какое греки уже потерпели однажды, а именно от римлян. Турки подчинили своей власти как в Азии, так и в Европе, почти без исключения, все места и регионы, принадлежавшие грекам. Турецкая империя включала в себя почти все, чем обладала Восточная Римская или Византийская империя в период своего наибольшего расцвета. И первый акт, захват Константинополя, казалось, нанес грекам совершенно уничтожающий удар. Вскоре после сдачи города завоеватель Мухамед II приказал безжалостно убить всех сановников и примасов разрушенной им греческой империи, а места убитых заняли османы. И тогда, и позже, когда греки терпели поражение, пытались вернуть себе независимость, несколько раз казалось, что несчастные греки попали в логово циклопов и что все они будут истреблены, как спутники Одиссея. Но, подобно этому проницательному герою, уступчивые греки тоже выходили живыми из пещер. Едва турецкий султан решил, что Константинополь не останется руиной, что греков можно использовать хотя бы в качестве рабов и слуг, а на фундаменте старого возвести новое здание государства, как понял, насколько ему нужны греки, знакомые с отношениями в стране и хорошо разбирающиеся в государственных делах. В первую очередь он почувствовал необходимость в греческих переводчиках, чтобы понимать новый народ. Поэтому должность главного государственного переводчика вскоре стала очень важным делом, которое, естественно, перешло в руки греков. Такие влиятельные греческие переводчики, секретари и посредники постепенно окружали турецких пашей. О внутреннем управлении христианской церковью турки-магометане понимали еще меньше, чем о регулировании государственных дел в своем новом регионе. Как только султаны решили терпеть греческую церковь рядом с исламом, даже поддерживать ее в борьбе с папой и католической Западной Европой, им пришлось найти людей, способных мобилизовать эти мощные и разрозненные тела. Они поставили греческих патриархов и высшее греческое духовенство, в дела которых они сочли бы унижением вмешиваться, в такое независимое положение, в какое их, вероятно, не поставила бы ни одна католическая держава-завоевательница. Поэтому даже под властью турок греки по своему усмотрению занимали из своей среды не только высшие церковные должности в исконно греческих городах и областях, но и среди покоренных народов негреческого происхождения. Архиепископы и епископы валахов, сербов и болгар почти всегда принадлежали и принадлежат по сей день к греческим семьям, тогда как только низшее духовенство состоит из самих славянских деревенских детей.

Греки, которые с древних времен отличались особой способностью к морским путешествиям, также не могли остаться в стороне от турецкого флота. Они были очень важным его элементом. Главным чертежником императорского флота почти всегда был грек. Торговый флот, разумеется, оставался в их руках по собственной воле. Из всего этого можно сделать вывод, что греки, хотя и находились в турецкой зависимости, всегда были очень влиятельным народом.

В определенном смысле можно даже сказать, что с увеличением размеров Османской империи увеличивалась и зона влияния греков и их языка, подобно тому, как когда-то она расширялась, когда они сопровождали триумфальные походы македонского Александра. Турки нашли среди греков Византии много талантов к политике и интригам, которые они умели хорошо использовать и в своих азиатских делах, а когда они поставили в полную

зависимость от себя великие дунайские княжества Молдавию и Валахию, княжеские короны этих стран были отданы греческим семьям из так называемого Фанара, то есть из той части Константинополя, где жили вместе все значительные греческие семьи. В результате греческий язык стал общим языком двора и знати во всей древней Дакии, и в таком виде он проник на север до Буковины, вплоть до современной Галлии, где на нем пишут и говорят до сих пор. До сих пор, даже во времена Александра, греческий язык не проник в страну Скайтен в качестве языка (или хотя бы языка племени). Когда, наконец, Порта постепенно все больше отождествлялась с Европой и в какой-то степени считалась членом европейской семьи государств, греки очень часто показывали себя наиболее подходящими дипломатическими агентами при дворах Парижа, Лондона и Вены.

На некоторых субъектах греческой нации турецкое иго не тяготило в обычные времена. Некоторые из греческих островов, например те, которые платили лишь небольшую дань женщинам императорского гарема в качестве пин-денег, регулировали свое управление в соответствии с древнегреческими обычаями. Греческие клефы со своими паликарами жили то тут, то там в горах Фессалии и Беотии, будучи свободными, как цари. Другие греческие общины, например, потомки древних спартанцев, майноты, никогда не были полностью подчинены туркам. Потому что османы, как они говорили, "стояли лагерем" только в Стамбуле, где у них были армейские кварталы, потому что они появлялись во внутренних районах страны без всякой связи, как солдаты, чиновники, оккупационные войска в крепостях, и во всех случаях как спахи или помещики, потому что они вели себя только как гордые завоеватели, и редко смирялись, чтобы применить себя к городскому хозяйству или земледелию; Так как, одним словом, они, как правило, не проникали во все отдаленные части страны с тем любезным земледелием, которое лучше всего покоряет народ, и всегда оказывались лишь скобами или гвоздями во всем здании народов своей империи, тогда как само здание оставалось из первоначального материала, то из всего этого легко заключить, что при них первоначальные обычаи греков были мало изменены в своих главных чертах.

И действительно, если мы сравним эти основные черты, как они существуют сегодня, с теми, какими они были почти за 400 лет до Рождества Христова, во времена Перикла, то увидим, что и сегодня они соответствуют друг другу, и что все войны турок и славян, все миграции, перевороты, перемещения и истребления населения привели лишь к едва заметным изменениям.

Даже сейчас - можно сказать, снова сейчас - Эгейское море окружено периферией греческих деревень и городов. Греки или люди, ставшие греками, то есть говорящие по-гречески, населяют весь Пелопоннес, почти всю Ливадию или провинции Аттика, Беотия, Эвбея и далее Фессалия. Как узкая область, греческое население окружает всю прибрежную границу Македонии и Фракии. Вблизи Константинополя они населяют довольно большую часть треугольника тракийских земель вплоть до Адрианополя, а также живут по обе стороны Пропонтиды, Геллеспонта и фракийского Босфора. Отсюда, смешавшись с турецкими колониями повсюду, они движутся на восток через Синоп в Трапезунд, а затем через Трою, Смирну, Эфес в Родус, откуда они снова движутся на восток к южной окраине Малой Азии. Кроме того, они населяют, и здесь они составляют большую часть населения, все острова греческого Архипелага, а также Крит и Кипр, где их число исчисляется сотнями тысяч, и, наконец, они составляют большую часть жителей на западе Ионийских островов.

Только в западной половине Средиземного моря, на Сицилии, которая когда-то была почти такой же греческой, как Кипр и Крит; в южной Италии, где когда-то существовала процветающая греческая колония, так называемая Великая Греция, и далее, на Корсике и в южной Франции, Испании и т.д., все греческие народные элементы были утрачены. Но даже

сегодня в диалектах и обычаях некоторых мест Неаполитанского королевства, а также в ветхом, захудалом районе Марселя сохранились следы дорического и юнгианского происхождения.

Однако в более поздние времена греки, вдохновленные, как и их предки, духом торговли и путешествий, основали торговые поселения, конторы и фабрики во многих других городах Европы, даже если они не были столь могущественны и независимы, как их предки. Эти греческие поселения, разбросанные по всей Европе, частично восходят к временам крестовых походов, которые вызвали оживленное движение греков с Западом. В Венеции греческие моряки и купцы жили во все века. С ^{xvii} века они обосновались в Москве, а вскоре и в Вене, где и по сей день к этой нации принадлежат некоторые из самых крупных банкиров и где обширная сеть греческих контор простирается по всей Венгрии и Зигбургу. В южнорусских портовых городах Одессе и Таганроге греческие дома до сих пор, вернее, снова, играют такую ведущую роль, что можно подумать, будто в этих городах вновь появилась с измененным названием старая греческая "Ольвия", которая когда-то процветала здесь, в Небесной стране, еще до рождения Христа. Кроме того, со времен Екатерины в Крыму снова появились греческие деревни, а также город, населенный исключительно греками, Балаклава, так часто упоминаемый в последней русской войне, и, наконец, вдоль Азовского моря есть небольшой участок земли, занятый сельскохозяйственными колониями греков.

То, что со времени возвышения греческого народа и оживления его торговли и развития греки неоднократно появлялись и в других частях Европы, в Лондоне, Париже, Лейпциге и на других крупных рынках и пунктах взаимного сообщения, как посредники в торговле с Востоком, а во французских и немецких городах-академиях как ученики и студенты наук, я могу считать общеизвестным.

Как и в границах своего исконного обитания на Эгейском море, чьи гавани в течение 2000 лет не сужались и не загромождались и которые по сей день остаются самыми чистыми по утрам; как и в своем духе мореплавания и торговли, который всегда гнал их в широкий мир, нынешние греки во многих отношениях остались древними в своих физических и интеллектуальных данных, в своем языке и в особенностях своего характера.

Даже сегодня, и не только у островных греков, которых так часто хвалят за это, мы находим самые красивые формы тела и фигуры, и нередко видим среди них истинно эллинские, так высоко оцениваемые основные черты, как их показывают нам работы Праксителя. Это "глубокое положение глаз в изогнутых глазницах", "благородная форма и высокие дуги век, короткая приподнятая верхняя губа, полный подбородок, перпендикулярное положение лба и носа, широкая, крепкая шея, а главное, волосы, разделенные и завитые самой Афродитой" - все это и в наши дни не редкость среди них. Не менее древней является и одежда новогречанок, которой они украшают свои стройные тела. Старые картины и скульптуры достаточно убедительно доказывают нам, что то, что мы сейчас называем восточной или новогреческой одеждой, во многом не отличается от обычной одежды древних эллинов.

Лохматый шерстяной плащ современных греков и феска турок происходят от древних шапок лодочников, которые в той же форме и с теми же красными цветами изображены на древних вазах. Древнюю, так называемую фригийскую шапку в наши дни носят аркадские мальчишки-пастухи. Нагрудные нашивки из серебряных монет, сшитых каскадом, которые являются приданым ливадийских девиц, живо напоминают нам нагрудные доспехи Минервы, известные нам по нашим музеям. Форма серег, ожерелий и браслетов новогречанок, их привычка посыпать темные волосы невесты золотой пудрой - все это и многое другое в

женских украшениях напоминает нам об античности. Даже сегодня они умащают кончики своих прелестных пальчиков красноватым веществом, не думая о том, что Гомер уже воспел хвалу "розовым пальчикам" Авроры.

Старый фригийский костюм, который был весьма распространен среди греческих колонистов в Малой Азии, иногда даже в мельчайших деталях напоминает тот, который мы сейчас называем турецким или новогреческим, например, на старых картинах, изображающих историю Ахилла, появляются распространенные сейчас желтые и красные цвета турецких тапочек. Даже привычный головной убор из ткани и платков, так называемый тюрбан, был известен грекам задолго до прихода турок. Жестокое и внезапное воздействие солнца в этих странах традиционно заставляло мужчин носить тканевые головные уборы.

Не менее чем традиционные костюмы, другие обычаи и нравы новых греков демонстрируют столь явные остатки древности, что часто возникает соблазн поверить, что во многих отношениях они мало изменились с 2000 года. Даже церковные и религиозные обычаи, такие как обычаи на свадьбах и похоронах, которые, как можно было бы ожидать, будут изменены со сменой религии, сохранили некоторые пережитки язычества. Как и в древние времена, гранат по-прежнему дарят новобрачным как символ супружеского блаженства, и даже сегодня, как и в те времена, их осыпают рисом, когда они входят в свой дом, в знак того, что годы их счастья могут стать такими же многочисленными, как и количество зерен. Как и в прошлом, ячмень, сушеный виноград, лепешки и вино приносят и кладут на могилы во время ежегодного поминовения усопших. У изголовья могил ставят маленькие свечи, так что ночью все кладбище кажется освещенным множеством мерцающих огоньков. Старый Харон и сейчас, как и тогда, является олицетворением смерти. Даже сейчас такие выражения, как "Аид" и "Тартар", являются общеупотребительными и часто встречаются в причитаниях простых, поэтичных и суеверных пастухов, которые летом бродят по высокогорным долинам Парнаса. Размышления новых греков о жизни после смерти, далеко не всегда отличающиеся от христианского учения о рае и аде, очень древние в поэзии этих детей природы, и все это можно объяснить только прямой связью с языческой старостью, сохранившейся в течение веков.

Древние эллинские танцы почти все исполняются и сегодня, как и танец военного оружия, танец пастухов и танец Ариадны или так называемый "геранос". Последний, называемый "ромайка", является одним из самых любопытных остатков древнеэллинского происхождения. "Фигуры этого танца, сопровождаемого пением, и сегодня, как и до рождения Христа, напоминают нам о блужданиях по лабиринту, в котором Тесей, ведомый нитью Ариадны, отправился на встречу с чудовищем. Страх возлюбленной Тесея ярко выражен в пантомиме юной танцовщицы, которая, размахивая белой тканью, ведет за собой длинный ряд своих спутниц и манит цепочкой цветов девушек, чьей головой и украшением она является, то порознь, то вместе. Гомер описывает этот танец в восхитительных стихах, как одно из представлений, которые были образно прикреплены к щиту Ахилла.

То же, что мы говорили о танцах девушек, можно наблюдать и в играх юношей. Примером может служить игра в астрагал, которая в древности сопровождалась болезненными ударами, и в которой Патрокл, играя в нее с сыном Амфидамаса, имел несчастье убить последнего, из-за чего ему пришлось бежать и искать защиты в доме царя Пелея, где он затем завязал свою знаменитую дружбу с Ахиллом, сыном царя. По свидетельству немецкого профессора Ульриха, новогреческие дети на Геликоне до сих пор играют в эту игру, прославленную в поэтических стихах, по тем же правилам и с теми же классическими ударами и историческими побоями.

Древние гречанки до сих пор готовят те же самые заклинания, которые когда-то сделали фессалийских женщин такими знаменитыми или, скорее, печально известными. Чеснок, который уже в гомеровской "Одиссее" Гермес использует как средство против колдовства Цирцеи, вешают на шею греческим детям в качестве амулета, отгоняющего силу дурного глаза.

Сельскохозяйственные орудия и домашняя утварь настолько полностью повторяют древние формы, что современные греческие фермы могли бы служить для наших музеев самыми настоящими образцами. Даже овчарки этих новогреческих крестьян напоминают знаменитых молосских пастухов, которых мы видим изображенными и нарисованными мастерами античности в галереях Флоренции и Ватикана. Сосуды для воды современных фессалийских женщин имеют поразительное сходство с древними вазами и отчасти до сих пор носят те же названия, что и эти.

Как и все это, круглое ручное зеркало с ручкой, которое мы видим в руках многих мраморных Венер, осталось неизменным. Так же как и ручные мельницы, которыми греческие женщины на островах мололи зерно, сопровождая свою работу пением, и другие бесчисленные предметы повседневной жизни.

Но еще интереснее то, что эхо древнего языка, красноречивого и мужественного тона голоса, самого чистого, благородного и богатого языка, когда-либо произнесенного человеческими устами, доносится до наших ушей с этой земли. Правда, современный новогреческий или романский язык, подобно прекрасной статуе, зарытой в землю на века и изъеденной старыми элементами, претерпел ряд изменений; он перенял кое-что от славянского, турецкого и итальянского. Что касается синтаксиса, то он был искажен и изменен. Кроме того, акцент, с которым язык произносится сегодня, несколько странный, возможно, славянский. Примечательно, что он утратил все следы различий между старыми диалектами. По мнению некоторых ученых, он развился только из эолийского диалекта. Однако по своей сути он остался прежним и может по праву называться древнегреческим языком в гораздо большей степени, чем, например, итальянский можно приравнять к древнеримскому. Кроме того, современный немецкий язык гораздо дальше от древнего готского, чем современный русский от древнего славянского, чем диалект афинян нашего времени от языка современников Гомера.

Греческий язык и сегодня пишется теми же буквами, что и в прошлом. Да, жители греческих деревень до сих пор пишут на бумаге тем же способом - на коленях, на длинных полосках, которые потом сворачивают, как древние.

И по сей день слагаются и поются народные песни на этом прекрасном языке, о котором Гете свидетельствовал, что "ни один другой народ не может указать ничего подобного". Гимны свободы, исполненные Ригасом в начале этого века, приобрели непреходящую славу.

В диалекте многих жителей новогреческих долин не только сохранились древнегреческие слова, которые больше не известны разговорному языку византийских греков, но даже можно найти несколько корневых слов, которые старше, чем известная нам древнегреческая письменность.

Во всех этих отношениях греческий язык является уникальным в своем роде в Европе. В своей богатой форме он старше и менее изменен, чем любой другой. Ведь за тот же период, в течение которого греческий язык оставался таким неизменным, многие другие европейские языки не только несколько раз меняли свой алфавит, но и изменялись своеобразным образом, а некоторые из них сформировались сами по себе посреди всех этих

изменений и модификаций. Одно это обстоятельство является достаточным доказательством того, что греки своей цивилизацией и своим языком всегда побеждали варваров, вторгавшихся на их землю, и что должно было остаться достаточно греков, чтобы сделать это побеждение возможным.

Даже саги, мифы и истории, которые люди рассказывают друг другу на своем языке, вся поэтическая обстановка, в которую они их облачают, все еще остаются в основном старыми. На Пелопоннесе, например, крестьяне до сих пор рассказывают друг другу истории о деяниях и операциях Геракла, которые они связывают с близлежащими пещерами и болотами, и даже сегодня греческий поэт может взять из их уст тему для "Гераклида", как это делали древние мифологи из уст своих предков. Но при этом они меняют имя Геракла на имя героя христианства, а именно святого Иоанна.

В характере нынешних новых греков, которых считают мнительными и дурными в делах и поступках, совсем не узнаешь возвышенного, патристического, быстро соображающего, способного на самые лучшие добродетели национального духа древних эллинов. Но даже в этом у них гораздо больше общего с древними, чем готово признать общее мнение. Ловкость, хитрость, лукавство и притворство, в которых почти повсеместно обвиняют новых греков и которые обычно приписывают угнетению турок и игу славян, были, по словам Гомера, присущи уже древним эллинам, а находчивый Одиссей был одарен всеми этими чертами, а также жадностью воровства, стяжательства и хитроумных уговоров. Так что эти пороки новых греков также перешли из древности в наши дни.

С другой стороны, несмотря на гнет и рабство турок, новые греки и сегодня, как и древние, отличаются живостью чувств и фантазии, живости, остроты ума и жизнелюбности! Любовь к родному дому на горах и островах, как и огромное желание двигаться подобно морским волнам, вдохновляет их не меньше, чем их предков, и славные примеры практического смысла и героической самоотверженной защиты отечества не были лишены в новое время столько же, сколько и в старое, как и поводы для рвения, партийной ярости и страстной мести.

Рядом с величайшими интриганами в нынешней Греции иногда можно встретить самых честных и порядочных людей; рядом с самыми плохими характерами и самыми большими пороками - людей чистой и твердой воли, да, пожалуй, и самого большого героизма. Мне достаточно упомянуть Андреаса Мьялиса, чьи кости покоятся рядом с памятником Фемистоклу, Лазаря Кондуриотти - имена, которые многие из нас помнят с юности, как примеры храбрых, верных и честных людей, людей, одушевленных твердой волей. Иоганнис Колеттис сам был объявлен своими врагами самым благородным героем Греции, как это было с Периклом в древние времена. И действительно, на пепелище почти каждого новогреческого племени, когда на него обрушивалось какое-нибудь большое несчастье, время от времени вспыхивала искра героизма, доказывая тем самым, что древний дух еще не исчез.

В греках никогда не угасала тяга к знаниям и науке, и даже когда гнет турок в Константинополе был самым тяжелым, все еще оставались потомки греков, среди которых цивилизация и научное развитие были традиционными, и из среды которых время от времени возникали великие ученые, светлые умы, которые распространяли вокруг себя много света и привлекали внимание даже на Западе. Даже в прошлом веке, когда турецкое господство окутало все глубоким мраком, древние путешественники среди нуждающихся соседей Акрополя обнаружили послевкусие знаменитой древней аттической соли и изобретательности.

В новейшие времена все население, насколько оно стало свободным, вновь посвятило себя учебе; возродилось желание учиться и учить, в его лоне возникли гимназии и народные школы.

Что касается изящных искусств, то и здесь народный вкус не был полностью утрачен. Очень скоро после обретения свободы новые греки добились новой славы в этой области: греческие женщины всегда славилась как лучшие вышивальщицы во всей Турции, а их мужья - как садовники, которые, заботливо высаживая фруктовые деревья, смогли обеспечить многие восточные города красивыми аллеями. Аристократическое искусство Праксителя, некогда составлявшее славу и гордость древних греков, никогда не было полностью чуждо его потомкам. В Греции всегда в почете было такое направление скульптуры, как резьба. Хотя муза греческой живописи прожила жалкую жизнь в тени церкви, в средние века она была более одаренной, чем ее сестры во всех других странах христианства, и когда в начале XIII века французы, венецианцы и другие крестоносные варвары на короткое время завоевали греческую Византию, они начали подражать грекам и писать красками. Так называемые итальянские школы живописи XIV и ^{xv} веков почитают эту греко-византийскую музу как свою мать. И теперь, в новое время, после Войны за независимость, несколько молодых греческих художников этой музы также с почетом упоминаются за рубежом. Даже гречанка, дочь примаса острова Специя, Букурис, нашла поклонников в Италии за свои картины; а в музыке грек Халкиопулос, среди прочих, создал композиции, которые поют на всех греческих островах. Однако по сравнению со своими предками эти художественные произведения и таланты новых греков все еще очень малы и могут рассматриваться лишь как семена на земле, где когда-то так богато расцвели музы.

Поэтому вполне понятно, что современные новые греки рассказывают о славных достижениях своих предков в своих преданиях, как будто они были из рода титанов, и что в своих легендах они смешивают то, что слышали об этом роде, с мифами о циклопах и гигантах, которые будоражили мир. Новые греки показывают на одном из своих мысов надгробие такого древнегреческого Титана, которого они называют "Эллинос". Дух этого Эллиноса - я имею в виду могущественный дух древней Эллады, к которому нас вернуло наше созерцание, - который, кажется, имеет такую же нетленную и вечно юную природу, как и сами боги Греции, никогда не был полностью подавлен на Земле до сегодняшнего дня.

Напротив, совершая подвиги, более великие и прекрасные, чем подвиги Александра, он путешествовал за границей, и везде, даже когда его собственный народ бездействовал, он освежал, радовал, делал счастливыми и укреплял народы, которые давали ему место жительства и где их дух соединялся с его духом. Действительно, все развитие и цивилизация арабов в Средние века были обусловлены прежде всего соответствием этому древнему эллинскому духу. Древние греки были учителями арабов, которые посылали свои произведения в завоеванные ими провинции, читали их, переписывали на свой язык и вводили в свои школы. И даже свет, падавший из мавританской Испании на остальную варварскую Европу, был не чем иным, как отражением сияния, исходившего от эллинского солнца.

Как и в арабском развитии, так и в европейском так называемом возрождении науки в ^{xv} веке, изгнанный титан Эллин был тем, кто помогал этому возрождению, да, он был просветителем и отцом. Ибо когда турки в 1453 году завоевали Константинополь, и беглый грек Ласкарис привез оттуда произведения Гесиода, Еврипида, Софокла, Эсхила, Аристофана, Платона, которые неграмотная Европа знала почти только по арабским переводам, на чистом языке оригинала, в Италию, где они вскоре были напечатаны; тогда, наконец, в Европе снова зажегся новый, ярко горящий и согревающий свет. Человечество, черпая теперь из

первоисточника - греческой науки, отбросило средневековье и начало заново, с помощью Сократа, Платона и его соотечественников, этот более развитый, этот более мягкий, этот гораздо более христианский новый век.

С тех пор эллинский дух больше не покидает нас. С тех пор греки, которые чувствовали и раскрывали божественное в человеке более глубоко, чем любой другой народ, стали образцами во многих вещах, а староклассический греческий образ жизни настолько вплелся в нашу жизнь, что кажется, будто мы вообще не можем без него обойтись и обошлись бы без него только во вред. Кажется, нам грозит опасность отстать от жизни, если мы не будем постоянно поддерживать связь с древнегреческим языком. Разве не древнегреческий дух олицетворяют наши историки, для которых Фукидид всегда был недостижимым примером, наши философы, получившие от Платона и Пифагора импульс для своих новых идей и исследований, наши астрономы, для которых грек по имени Аристарх уже за 300 лет до н.э. создал солнечную систему Коперника с Солнцем в центре в качестве гипотезы, - и наши естествоиспытатели, которые черпали то, что знали, долго и почти исключительно у Аристотеля и Птолемея, а теперь все еще часто учатся у них многому новому и многому, что еще не было замечено? Разве не стоит он со своими вдохновителями за нашими политиками, нашими губернаторами, нашими представителями народа? Разве не уверяют нас ежедневно лучшие и красноречивейшие ораторы английского парламента, предоставить неопровержимые доказательства, что в ванне грека Гиппокрена они укрепили себя и подготовили к борьбе за свободу и справедливость?

Но самое большое чудо странствующий и неустанно работающий эллин, этот *вечный* грек, этот брат мрачного Ахазуэра, вечный еврей, сияющий небесным светом, этот дух, вечно разбрасывающий богатые семена и распространяющий благословения, совершил для возрождения искусства. Да, в этом смысле, в этой исключительно своей области, древние эллины были еще более великими, но, к сожалению, дошли до нас в меньшей степени, чем в любой другой. Они создали столько прекрасных произведений искусства словами и красками, кистью и резцом, что если бы они еще были у нас, мы могли бы украсить ими все наши города и дать им множество примеров. То, что создала их кисть, то, что мелодично исполняла их лира, почти исчезло и потускнело, и даже от их произведений из камня и металла осталось лишь несколько фрагментов, капителей и торсов. И все же эти остатки их творений выражают такую совершенную красоту, такой мощный дух, что почти каждое открытие и раскопки одного фрагмента, одного торса Венеры Милосской, Аполлона Бельведерского или Лаокоона всегда вызывают большую сенсацию в образованном мире, да, можно сказать, обозначают или создают точку во времени в развитии наших художников.

Совместный и столь восхитительный новейший расцвет европейского искусства по сути своей, как и духовное развитие македонян, римлян и арабов, итальянские школы живописи ^{XIII} века и возрождение наук в XV ^{веке}, опять-таки является продуктом восставшего из могилы греческого духа.

Действительно, то, что было создано этими греками, должно наполнить нас изумлением; Особенно если учесть все, что они внесли в цивилизацию человеческой расы, и наше восхищение становится еще больше, когда мы замечаем, что, хотя они получали мало помощи извне, в целом они стали помощниками и спасителями всех нас, и что почти все у них было собственного происхождения, они создали это из своего собственного разума и вскоре, быстро и энергично завоевав весь Олимп, словно штурмом, довели все до своего величайшего совершенства.

Свидетельством тому может служить еще один взгляд на тот небольшой морской бассейн, на берегах которого я показывал своим читателям колыбель и древние жилища греков: Там, на Архипелаге, где начиналась наша Европа, лежат корни нашей цивилизации; из этого, можно сказать, священного моря (*Агио-Пелагос*) возникли наша духовная жизнь, свобода и нравственность; оттуда семена человечества перекинулись на крайний север и запад нашего континента, а затем в новый мир и по всей нашей планете.

Османы.

На двух больших полуостровах - Греции и Малой Азии, разделенных лишь узким проливом, - две части Европы и Азии одновременно обращены друг к другу. словно материковые страны протягивают друг другу мускулистые кулаки, чтобы либо обняться, либо скрестить мечи.

Судьбы этих двух полуостровов всегда были тесно связаны. Один из них (Западный) обычно служил европейцам опорой и портом в борьбе с азиатскими народами, которые, в свою очередь, всегда использовали Восточный как мост для своих путешествий и походов в Европу. Народы, перешедшие по этому мосту и слившиеся в великие империи, в целом и общем были почти всегда одни и те же. По одну сторону - старые европейские народы, греки, иллирийцы, римляне, славяне, с очень разнообразной народной жизнью; по другую - западноазиаты, сирийцы, персы, арабы и т. д., с их однообразным бытом, с деспотическими государственными учреждениями Востока.

С течением времени изменилась лишь гегемония двух враждующих сторон. Первыми в авангарде европейцев шли эллины, затем македонцы и еще позже римляне. А знамя Азии сначала держал персидский царь, затем халифы и, наконец, турецкие султаны.

В большинстве случаев за две тысячи лет сражений европейцы одерживали победу и сохраняли преимущество. Ахейцам удалось разрушить Трою, основать процветающие колонии в Малой Азии, а позже отразить нападение великого царя Ирана. При Александре Македонском они свергли самого Великого Владыку с его трона на Евфрате и в течение столетий правили всей западной Азией, сначала при преемниках македонцев, затем при римлянах и под их властью и, наконец, снова при византийских императорах.

Ни в древности, ни в средние века ни одна переднеазиатская империя с восточным деспотизмом какой бы то ни было степени не могла в конечном итоге обосноваться в Восточной Европе. Лишь в более поздние времена замечательному народу османов удалось добиться триумфа азиатских великих владык, которых так боялись афиняне, по эту сторону Геллеспонта.

По языку, крови и нравам эти османы первоначально принадлежали к тому большому племени, которое в Европе обычно называют *тюркским* и которое, подобно монголам, тунгусам и финнам, является другой ветвью еще более многочисленной группы народов, которую наши этнографы называют татарской или туранской, также "высокоазиатской" и "алтайской".

Традиции и мифы о происхождении всех этих народов указывают на Алтай, высокий центральный горный хребет Азии, на границе Китая и России. У тюрков, которые сами считают себя родственниками монголов, тунгусов и других кочевых племен Центральной Азии, есть следующий миф или сага об их изоляции от своих собратьев, который, возможно,

основан на исторических основаниях, но в остальном, как вы легко заметите, очень поэтично приукрашен.

Однажды, как рассказывают тюрки, во время уничтожения большого кочевого племени (а именно так называли империю северных хуннов древние китайские писатели), только два молодых хуннских или татарских принца, Кайан и Рагос, и их жены спаслись от общей резни. Они собрали оставшиеся орудия труда, верблюдов, лошадей и стада своих поверженных друзей и направились на северо-запад, в высокогорные районы Алтая, чтобы найти убежище. Углубляясь все дальше и дальше в эту горную цепь, они наконец обнаружили чрезвычайно узкую тропу, которая была обязана своим существованием следам горной дичи и была настолько узкой, что между ущельями и обрывами мог проехать только один всадник. След серны, по которому они шли, наконец привел их на приятное, широкое плато, пересекаемое ручьями и богатыми лугами. В этом желанном и легкодоступном месте они поселились со своими стадами, построили хижины и палатки и прожили там много лет, питаясь зимой мясом, а летом молоком и дикими фруктами. Свое место жительства они называли Эркене-ком, то есть долиной высоких гор.

Потомки этих двух князей-кочевников, не потревоженные извне и совершенно неизвестные остальному миру, росли в числе и разделились на несколько племен или орд. После четырех веков жизни в своем убежище, которое стало слишком тесным для них с их большими стадами, они решили на общем собрании, подобно евреям Египта, снова выйти в мир. Но их старейшины забыли, где находится знаменитая узкая горная тропа, по которой бежали их предки. И все поиски этой тропы в отвесных скалах, окружавших их "Эркене-ком", эту колыбель всех турецких племен, были тщетны. "Один кузнец, обследовав отвесные скалы, которые окружали долину, словно многочисленные стены, наконец нашел место, которое было не таким толстым, как другие, и где проход было бы сделать тем более легко, что здесь были только железоносные камни. По его совету здесь развели большой костер. Семьдесят больших мехов были размещены на сайте, и с их помощью металл был расплавлен, образовав пролом и узкий проход, через который мог пройти груженный верблюд. Так весь народ во главе со своим тогдашним чаном или герцогом, которого называли "Бертезена", вышел в мир и разлился по окрестностям, как давно покоренный горный поток. Они отправили посланников ко всем соседним племенам, предлагая им помощь и защиту, если те откажутся от своих пастбищ и подчинятся им. Они отбили несколько таких племен, пообещавших сопротивляться, и вскоре стали великим и могущественным народом, из которого вышло множество знаменитых семей и правителей.

Позднее память о чудесном исходе из долины Эркен-Ком все тюркские племена отмечали ежегодным праздником: в большом костре со множеством мехов поджигали большой кусок железа, по которому верховный чан ударял первым молотом, а за ним и все остальные главы орды. Хотя подобные рассказы - а их немало у азиатских народов о природе и способах происхождения - нельзя считать историей во всех ее деталях, в целом они довольно точно отражают то, что происходило бесчисленное количество раз, и даже в своих поэтических приукрашиваниях, как характер и фантазия народов, носителей этих мифов, они являются указаниями, достойными внимания. Кроме того, как предметы позднейших народных верований, они обладают по крайней мере ценностью *субъективной* исторической правды.

Из народов, разбросанных по странам к западу от Алтайских гор, некоторые пришли в Европу другими путями задолго до наших османов.

Первые вторжения тюркских народов на наш континент происходили не через Малую Азию, а на север от Черного моря через Россию. К этой широко рассеянной расе тюрков

принадлежали османы, половцы, печенеги и после них несколько других орд, пришедших в Европу в 13^е веке вместе с Чингиз-Чаном и основавших там более или менее прочные империи. Но имена северных тюрков по большей части давно исчезли, и лишь небольшие их остатки живут сейчас в Крыму, на Урале и на Волге. Из всех различных племен османы - единственные, кто сумел произвести неизгладимое впечатление на Европу и даже получить место и голос в Европейском народном собрании, подобно тому как мадьяры, наиболее развитые и талантливые из многочисленных финских племен, преуспели в могуществе и славе.

Предшественники и братья османов в Азии, турки-сельджуки, основавшие в XI веке на остатках халифата могущественную империю, в саму Европу почти не заглядывали, хотя и сильно ограничили власть европейцев в Азии, еще до того, как заговорили об османах. Они лишили византийских греков многих азиатских провинций, которые оставались за ними при арабских халифах. Также были империи, основанные турками-сельджуками, с которыми западноевропейцы во времена крестовых походов вступили в конфликт. Великая и длительная борьба европейцев с турками в этих регионах, таким образом, началась уже в XI веке во Внутренней Азии, с турками-сельджуками, которые уже имели полумесяц на своем знамени и от которых османы унаследовали этот знак.

Крестовые походы почти все были преимущественно турецко-сельджукскими, и поскольку они не имели никакого значения для своей главной цели (христианизации Западной Азии), поскольку они еще больше ослабили главную стену обороны Европы против Азии, Византийскую империю, эти неэффективные крестовые походы, конечно, не внесли мало вклада в открытие ворот нашего континента для турок, ислама и Востока. Османы продолжили турецкое завоевание на Западе, где их братья-сельджуки (разделившиеся во время своего путешествия и еще до того, как они достигли Европы) были вынуждены его оставить.

Сага об особом происхождении османов и их отделении от других турецких племен в какой-то степени напоминает о первых истоках Рима. Главные роли в ней играют волк и разбойница Сабын. Согласно османскому мифу, их предки, жившие мирными пастухами на берегу *западного моря* (Каспийского), были атакованы, изгнаны из своих очагов и разорены соседним диким племенем, не уважавшим ни возраст, ни пол. Спасти удалось только маленькому мальчику, которого враги бросили умирать в озеро. Дикий зверь, волк, сжалился над мальчиком, вытащил его из воды и накормил грудью, которой суждено было стать прародительницей турок-османов, как когда-то волчица оказала ту же услугу Ромулу и Рему. Так и не найденный, молодой пастух жил со своей волчицей в одиноком логове, вырос в мужчину и родил 10 сыновей от женщины, которая тоже была в бегах. Когда они подросли, то стали похищать женщин из соседних племен и умножать свой род. Когда в долине стало тесно, они выступили против своих врагов с волчьей головой на знаменах и наполнили окрестности страхом и ужасом. Это происходило в самые древние времена. Но даже в начале ^{XIII} века, за 300 лет до того момента, когда они станут державой, тревожащей три части света, османы, подобно народу Израиля при Аврааме, были всего лишь ордой из нескольких тысяч конных пастухов и пастушьих детей, которые, спасаясь от вторжения монголов, вышли из провинции Корасан и из окрестностей Каспийского моря на запад и бежали через Армению в Малую Азию.

Из этой небольшой группы всадников, значительно уменьшившейся по пути за счет дезертиров и вернувшихся домой, выросла великая Османская империя; так же как римляне, покорившие весь известный мир, выросли из стен небольшого городка в Сабыне; так же как

буря рождается из почти незаметного на горизонте облачка , которое проносится по всему небу.

Как многие беженцы, изгнанные со своей родины, увидев открывшийся перед ними широкий мир, были поражены этим зрелищем, так и эта кучка хищных пастухов, бродившая среди древних городов страны вдоль Евфрата, вскоре пробудила в них великую жажду героизма, славы и сокровищ. Их вожди, подобно праотцам иудеев, с ранних лет мечтали о славе и величии своего народа. Эртогул, один из самых первых правителей и предводителей первых орд, однажды во время одного из своих военных походов увидел во сне, что в своем шатре он видит прекрасный чистый родник, который с все возрастающей силой в своем бурном течении превращается в великую реку и затем затопляет землю далеко-далеко. Один из мудрых шейхов истолковал этот сон так, что вскоре у Эртогула родится сын-герой, который поведет народ на великие подвиги, - и еще прекраснее и яснее был сон самого сына, Османа (довольно зловещее - "крылатый" - турецкое название хищной птицы, королевского орла) - самого прославленного героя народа османов, названного в его честь.

Когда юноша был влюблен в дочь старого шейха Эдебалиса, однажды вечером, закончив молитву, юноше Осману показалось, будто он видит седого отца своей возлюбленной, покоящегося рядом с ним, и будто растущая луна, поднявшись из груди старика, вскоре скроется в его собственной груди (Османа) в виде полной луны. На том месте, где исчезла полная луна, выросло прекрасное дерево с огромными ветвями, усыпанными драгоценными плодами, и под его сенью покоилась *вселенная* со всеми ее горами и долинами, богатыми лугами и прекрасными реками, провинциями и городами, населенными активным населением, которое, казалось, радовалось своему существованию в тени прекрасного дерева. Осман проснулся в полном восторге от этого прекрасного зрелища и с изумлением описал увиденную во сне сцену своему старому другу. Тот, до сих пор отказывавший молодому искателю приключений в дочери, теперь решил, что увидел во сне знак небес в пользу объединения своего дома с домом Османа, и, отметив растущее благосостояние объединенных племен, дал свое согласие на союз, из которого, подобно череде метеоров, истекает поистине великолепный род могущественных османских султанов.

Почти все легенды и предания османов, связанные с детством их народа, носят весьма благочестивый, призрачный и пророческий характер. Кроме того, их историки (а их у этого народа всегда было много) позаботились о том, чтобы мы могли проследить развитие и путь нации от пустынь Турана, через Евфрат до Босфора, нога за ногу, лучше, чем происхождение и прогресс многих других азиатских народов.

Гробницы первых султанов, до сих пор известные в Турецкой империи, посещаемые и почитаемые народом, являются в то же время указателями и памятниками на их победном пути. Сулейман, дед Османа, который во главе своей орды на коне ворвался в Евфрат, был похоронен на берегу этой далекой реки. В честь его сына, вышеупомянутого Эртогула, его же, полвека спустя, воздвигли надгробие в 200 милях к западу, на берегу реки Сангариос, в центральной части Малой Азии. А внук, наконец, Осман, основатель турецкой державы, нашел свое пристанище уже совсем близко к европейскому морскому пространству, в так называемом "серебряном склепе" вифинского города Пруса, окрестности которого стали первой постоянной племенной территорией и колыбелью Османской империи.

До этого времени орда, совершив немало подвигов, беспокойно пробиралась по северной части Малой Азии, огибая более могущественные государства Сельджукидов на юге и частично находясь у них на службе. Однако здесь, в древней Вифинии, на границах Азии и Европы, куда уже не дотягивалась рука Сельджукидов и где уже не процветала Византийская

держава, они обосновались под началом Орхана, знаменитого сына Османа, и, как свежие передовые отряды бессильных Сельджукидов, сначала в их древнейшем царском городе Прусе, утвердились, как клин, который хотел проникнуть справа и слева в обе части света.

Оттуда они обложили как запад в сторону Европы, которая была впереди, так и восток в сторону Азии, которая была позади них.

Поскольку впереди их ждал Запад, а со своими соплеменниками - сельджукидами - они изначально жили в дружеских отношениях, то сначала направили свое оружие преимущественно против нашего материка. Покорив одного за другим мелких византийских ставленников и феодальных князей, а также греческих князей на Геллеспонте и у Мраморного моря, они в середине ^{xiv} века двинулись в саму Европу. Они прибыли туда отчасти как вольные разбойники, совершавшие набеги то тут, то там и подавлявшие раздоры среди византийцев силой оружия, отчасти как друзья и приспешники греческих императоров, которые использовали этих храбрых всадников против своих мятежных ставленников или контр-императоров, - наконец, и как мирные эмигранты, у которых в Константинополе задолго до взятия города уже была многочисленная колония, - однако вскоре, сняв маску дружбы, они стали императивными завоевателями, которые уже в 1358 году построили гробницу, первую в своем роде, по эту сторону Геллеспонта для одного из своих принцев, Сулеймана, внука Османа, подающего надежды. От могилы этого юного Сулеймана они вскоре проникли вглубь европейских стран, захватывая один греческий город за другим, и уже через несколько лет, в 1361 году, взяли штурмом Адрианополь, крупнейший провинциальный город греков, где основали первую европейскую резиденцию своих султанов.

Вскоре все соседние греческие и славянские народы склонились перед их саблями, которые один из их предводителей сравнил с тучей, несущейся над Европой, проливая кровь вместо дождя. Отсюда они лишили древнегреческую империю, так сказать, корней и ветвей, прежде чем на поле появился ствол - трехстенная столица. В 1389 году, в кровавой битве при Амсальфельде, они уничтожили объединенные силы сербов, болгар, валахов и венгров, и теперь распространились почти на весь полуостров.

Наконец, в середине следующего века, в 1453 году, окружив город со всех сторон, разделившись, так сказать, по полной программе, они ворвались в корпус древней Византии, полностью и окончательно растоптав последний, еще содрогавшийся в конвульсиях член Римской империи которая за стенами одного города, ползая, как улитка в своей раковине, нашла свой конец, так же как когда-то, от узких стен одного города, протянула свои цепкие руки по всему миру.

Здесь, на золотом роге, в узловом пункте движения между Азией и Европой, где турецкие султаны основали свою вторую и постоянную европейскую резиденцию, сбывалась блестящая мечта героического вождя орды Османа. Действительно, при ряде могущественных, талантливых и счастливых принцев, от Мухаммеда II до Селима II, Османская держава в течение столетия выросла в такое гигантское дерево, заслонившее собой народы трех частей света, самых знаменитых и благословенных стран земного шара, какие видел Осман в своем сне.

Орда, такая маленькая поначалу, насчитывавшая всего несколько тысяч голов, по мере того как она частично размножалась внутри себя, частично поглощала своих собратьев, турок-сельджуков, чьи империи поглощались одна за другой, - но частично всегда набиралась из числа покоренных народов и наполняла многих новообращенных в ислам духом османов, и почитая их этим именем, - разбухли до могучего многомиллионного потока, овладевая

повсюду поселениями истребленных или поработанных туземцев, распространяясь, как землевладельцы и помещики в аренде европейских империй, командуя и занимая все города Сирии, Месопотамии, Египта, да, пожалуй, даже все протяженное северное побережье Африки.

На пике своего процветания и могущества в середине ^{xvi} века, после того как они завоевали Венгрию под предводительством своего грозного пади Сулеймана Великолепного и даже напали на немецкий имперский город Вену, когда двор турецкого султана стал самым роскошным для своего времени, В Европе их империя простиралась на север до Карпат, на запад - до Альп и близ Венеции, на восток - через Цевенберген и Молдавию, через всю южную Россию, вплоть до набегов конницы их вассала, чана крымских татар.

Почти полтора столетия, в течение ^{xvi} и части ^{xvii} века, они оставались на этой высоте. С этого времени их внутренняя энергия, а также внешняя сила пошли на спад. Среди них больше не появлялось великих и могущественных людей. Султаны растворились в гаремах, в которых они воспитывались. Семейные распри и братоубийство не раз пятнали ступени трона. Как у правителей не было конкретного закона о престолонаследии, так и у народа отсутствовал старый дворянский элемент, основанный на родовом и имущественном цензе. Жадность, скупость и взяточничество стали набирать силу среди турок и подрывать те социальные добродетели, которые они так превозносили в прошлом.

Вскоре после этого застой и гниение коснулись и внутренних районов, и доселе трепетно державшиеся соседи стали действовать против турок с большей удачей. Вся Восточная Европа, немцы, поляки, русские действовали энергично. Небольшие христианские армии теперь иногда прогоняли турецкие войска, которые были вдвое сильнее. Даже ранее так боявшиеся янычары больше не пугали их. Австрия, освободившая Венгрию, восстановившая ее и объединившая со своими государствами, первой сломила турецкую власть на Дунае в ^{xvii} веке. За ней последовала Россия, которая в течение 17 и 18 веков завоевала татарские княжества Касан и Астрахань, проникла до Кавказа и Черного моря и, наконец, подчинила себе турецких вассалов в Крыму, а также все, чем владели турки за Прутом. В нашем веке - в основном с помощью России - от господства турок освободились дунайские княжества Молдавия и Валахия, сербы, черногорцы и, наконец, греки в границах древней Эллады.

И во всех этих освобожденных странах, которые они занимали только как солдаты, где они жили рядом с местными жителями только как солдаты, не вторгаясь в многочисленные отношения и ремесла гражданской жизни, они теперь практически бесследно исчезли. Лишь многочисленные печальные руины свидетельствуют об их былом присутствии. Они не оставили после себя ни зданий, ни артефактов, разве что местами обвалившиеся стены бывшей турецкой крепости - или на рынках городов водопроводные трубы и колодцы, с которыми османы были очень дружны - а также во многих местах, например, в городе Офен, среди возрожденных христианских церквей, могилу магометанского святого, к которой время от времени вдоль Дуная все еще совершают паломничество благочестивые турки. Живые свидетели, поселенцы-земледельцы, общины, занимающиеся гражданскими ремеслами, не остались в стороне от христианского владычества, как это произошло с их соплеменниками, турецкими татарами в Крыму, в Касане и Астрахани.

Более того, если бы их можно было так легко проверить и отличить от туземцев, мы бы обнаружили отпечатки их прежнего присутствия в манерах, языке и характере народов, когда-то покоренных, а теперь освобожденных. Несколько турецких слов проникли в венгерский, валашский, сербский и новогреческий языки, а вместе с ними, разумеется, поскольку иностранные слова никогда не приходят без иностранных понятий, также многие

турецкие идеи и образ мышления. Венгерские писатели ^{XVII} века жалуются, что во времена турецкого владычества в среде венгерской и цевенбергской знати большая часть повседневных обычаев и домашних укладов стала турецкой, и следы этого можно обнаружить и сегодня. Часто жаловались, что валахи, греки и сербы еще не полностью преодолели влияние деспотического давления турецкого владычества.

Даже в некоторых провинциях, все еще подчинявшихся непосредственно султану, сегодня редко можно встретить настоящего турка-османа. В Боснии, например, которая населена славянами, дворянство страны мусульманское и турецкое по своим нравам, но по происхождению и языку это дворянство все еще состоит из исконных славян.

Даже в других европейских провинциях, до сих пор удерживаемых турками, в Болгарии, Македонии, Фракии, Албании и т. д., наземное и сухопутное население - славянское, греческое, албанское и т. д., и так называемые османы имеют там лишь, так сказать, спорадические поселения. В городах они живут как гражданские и военные чиновники, в деревне - как землевладельцы, лишь изредка - как самозанятые сельские жители и трудолюбивые ремесленники. Сплошные ландшафты, населенные исключительно османами, можно встретить лишь в нескольких местах во всей европейской Турции. В городах они составляют почти половину населения, а в целом число настоящих османов во всей Европе вряд ли может превышать 1½ миллиона человек, большинство из которых проживает в Константинополе. Там к османам принадлежит почти полмиллиона жителей.

Попробуем теперь обрисовать нравы и особенности характера этого своеобразного народа, который когда-то заставлял трепетать всю Европу во время своего процветания и который и сегодня, хотя и не столько угрожающей силой, сколько вопросом, кто воспользуется его слабостью, занимает всю Европу. Прежде всего следует различать, какими они были на своей первоначальной родине и какими они стали с течением времени, когда распространились по стольким странам и вступили в контакт со столь разными народами.

Первым и главным подарком, который получили османы после первых встреч со своими соседями из Передней Азии, стала религия Мухаммеда. Первоначальная религия тюрков в их азиатских степях была грубой религией природы, в которой они в основном поклонялись четырем стихиям: огню, воде, воздуху и земле, а также приносили лошадей и овец в жертву верховному духу небес. Ислам пришел к ним на их исконную родину уже через арабов и персов. Они обращали в ислам всех пленных, захваченных в войнах с соседними разбойничьими племенами кочевников, а те обращали в ислам своих соплеменников, когда те возвращались на родину. Уже около 1000 года нашей эры несколько кочевых турецких племен стали добрыми магометанами, некоторые все еще придерживались старого шаманизма, а другие даже были обращены китайцами в буддизм.

Наши турки-османы уже давно были ревностными последователями Пророка, когда они мигрировали с равнин вдоль Каспийского моря на Запад. Через ислам они переняли многое из той религиозной серьезности, которая была характерна для всех жителей Востока с незапамятных времен. Как у евреев и арабов, влияние религии на нравственность, целеустремленность и деятельность народа гораздо более разительно, чем у европейских народов, и как у них, все их действия и мысли, так сказать, пронизаны религией.

Строго и скрупулезно они выполняли свои религиозные обязанности и соблюдали связанные с ними обычаи во все времена. И даже сейчас трудно придумать что-то более торжественное, чем молитвы турок в церквях, которые они совершают в подчеркнуто скромной манере, полностью наполненной благочестивыми намерениями. Торжественная тишина и впечатляющая серьезность наполняют благоговением даже христианского

зрителя. Молчаливые, мягкие и босые, как монахи-подвижники, мужчины - почтенные, старые, белобородые седобородые, а за ними их послушные мальчики и юноши - подползают ближе, опускаются на колени на ковры мечети, бьют себя в грудь, как кающиеся грешники, и погружаются в немое созерцание и поклонение Невидимому, или внимательно слушают молитвы и речи своего имана.

Внешне религия у них осталась такой же, почти неизменной, до наших дней. Даже сегодня истинно ортодоксальный османли считает чуму наказанием Божьим, которого бесполезно и грешно пытаться избежать; он не носит с собой зонтик или тент от солнца, поскольку ему кажется греховным держать благословение Аллаха подальше от себя; он предпочитает щетки для одежды из растительной материи обычным, поскольку Коран запрещает прикасаться ко всему, что происходит от кабана. Их благоговение перед Кораном настолько велико, что они приписывают чудеса простому его чтению. По их мнению, чтение определенных отрывков Корана излечивает болезни, и самое странное, что психическое воздействие благочестивой, искренней веры в непогрешимость их священных писаний часто оказывает на них поразительное целительное действие. Способы заглядывать в будущее бесчисленны, и столь же многочисленны способы защиты от злых влияний. В этом они превосходят древних язычников-римлян. Как и они, они читают добро или зло по кишкам только что убитых животных, делают предсказания по полету птиц, определяют часы и дни, на которые астрологи указывают в своих календарях, и ни один осман не отправится в путешествие, не построит дом, не женится и не предпримет ничего важного, не убедившись в благоприятности момента и созвездия звезд. Если он болен или видит дурные сны, он берет у имана горшок, в котором находится несколько изречений из Корана, наполняет его водой, дает изречениям, написанным чернилами, раствориться в воде, а затем, уповая на лучший результат, выпивает разжиженные священные изречения.

Крыша дома, нос корабля, шапка детей, шея лошади, клетка птиц - все украшено амулетами и противоядиями от "дурного глаза" или других заклинаний. Большая часть этих суеверий до сих пор берет начало в степях, во времена языческого кочевничества. Однако истинно магометанским, и это привито им исламом и свойственно всем последователям Пророка, является их непоколебимая и собственная вера в неизбежный фатум; вера, которая, с одной стороны, сделала их такими неуступчивыми и победоносными, а с другой - сделала их недоступными для все большего развития.

Убежденность в том, что в бою, под ливнем пуль, ни один выстрел не сможет поразить их, не предназначенный для них Богом, придавала туркам непобедимое мужество. Но мысль о том, что Бог управляет и руководит всем здесь, независимо от вмешательства человека, также делала их праздными и вялыми. В счастливые дни эта вера увеличивала силы завоевателя, но в дни несчастий она наполняла его такой покорностью, что он равнодушно взирал на упадок и вырождение своего народа.

Смирившись со всем, что с ним может случиться, турок спокойно идет навстречу, находя свое величайшее удовлетворение, свое надежное утешение в знании того, что, что бы ни принесло ему будущее, оно уже предопределено заранее. Если несчастье сделает его бедным и заставит отказаться от удобств, к которым он привык за долгие годы, если он потеряет своего единственного сына, своего самого дорогого ребенка, он никогда не будет роптать. "Бог велик! Он дал, он и взял"... Министр падает, губернатор приговорен к смерти. Без противоречий он отказывается от своей работы и жизни, прося лишь о том, чтобы ему дали время для совершения молитвы. Хотя они, как и другие люди, открыты для нежных чувств и глубоких переживаний, они никогда не страдают так, чтобы это было вредно для их здоровья и духа, и поэтому длительные нравственные страдания, постоянные нарушения в

деятельности ума, редко среди турков. А покорность, проявляющаяся в жизни, не покидает их даже в самой мучительной болезни и в последний час. Ни у одного народа нет столько упреков врачу, когда его лекарства не помогают, как у турков. Они всегда оправдывают его тем, что "на это не было воли Аллаха".

В противовес талантливым, но проницательным грекам, можно похвалить простую, незатронутую округлость и искреннюю честность османцев, которые всегда привыкли выражать свое мнение прямо. Они избегают извилистых дорог, по которым любят ходить льстивые южане на Востоке (арабы и их соседи персы), - они мало говорят, а то, что говорят, говорят медленно, четко и с выражением, так что даже незначительные вопросы с ними быстро решаются. То, что говорит, например, турецкий купец, является его первым и последним словом; торг ему неведом.

Их внешний вид свидетельствует о том, что они были правящим классом. Их походка величественна. Их движения размеренны и величавы. Лишь изредка они внешне демонстрируют то, что творится в их душах. Там, где мы громко смеемся, на устах османов играет лишь улыбка. Там, где мы хлопаем в ладоши, он лишь слегка кивает головой в знак согласия или чуть громче раздувает свою трубку.

"Отсутствие у турок какой-либо аристократической кастовой или сословной системы является причиной того, что не только высокопоставленные, но даже самые низкие люди имеют некое подобие отличий. Помимо различий, связанных с различными профессиями, все турки равны, и ни одна должность не является настолько высокой, чтобы каждый мог достичь ее, если ему благоприятствуют удача, талант и обстоятельства. Бедный и простой человек среди них по природе своей вежлив и достоин. Он никогда не забывает и не отдает себе чести. Кажется, он сознает, что, родившись в хижине, он может умереть во дворце. И, помня об этой возможности, он всегда ведет себя так, как будто час перемен уже настал. Это делает взаимные контакты между турками очень легкими. Когда бею нечего делать, он без комплиментов усаживается рядом с рабочим, эффенди - рядом с рыбаком, как будто они рождены для одной судьбы. На каждом празднике, на каждой семейной вечеринке или публичной церемонии двери богатых и больших открыты для худых и бедных гораздо шире, чем дома".

Хотя злодеяния их воинов сделали их известными нам как суровых и жестоких, в мирное время нельзя отказать туркам в большой склонности к добру и жалости. Они способны рискнуть всем ради своих любимцев, они относятся к своим рабам как к своим детям. Похоже, они в полной мере применяют на практике древний постулат римских завоевателей: *"De bellare superbos et parcere subjectis"* ¹. Непокорных они жестоко изгоняют, а покорных лелеют. Отсюда их огромная любовь к невинным детям. Не довольствуясь собственными детьми, они очень легко и часто усыновляют нуждающихся детей и сирот. Этих приемных детей они называют *"детьми души"*. Из этого же источника проистекает и достойное похвалы радушие, с которым они относятся к своим матерям. Именно поэтому мать султана, так называемая Султан Валиде, является вторым человеком в королевстве.

Те, кто хладнокровно пролил столько христианской крови на войне, не способны мучить животных. Они испытывают врожденное сострадание ко всем бессловесным тварям, более того, сам Коран предписывает им щадить пчел, муравьев, ворон, ласточек и рыб. Если европейский путешественник по тому или иному случаю подстрелит птицу ради забавы, его обвинят в убийстве его турецкие попутчики. Вблизи турецких деревень в Малой Азии можно увидеть клетки для птиц, в которых за государственный счет выхаживают и кормят старых орлов, которые уже не могут жить, или куропаток, у которых парализовало крылья, или

аистов, сломавших ногу и пойманных. Турки воздерживаются от заклания ягненка, которого еще не отлучили от груди, чтобы не слышать криков матери-овцы. Лошадей воспитывают и кормят, как детей, и вместо того, чтобы приучать к кнуту, с ними ласково разговаривают; на шеях и гривах у них, как у детей, висят амулеты, защищающие от дурного влияния и колдовства.

Таким образом, непокорная и упрямая лошадь была и остается большой редкостью среди турок, и в прошлом было известно, что когда лошади с таким характером попадали в плен во время войн с венграми, немцами, поляками и русскими, то под ласковым руководством турецких конюхов они становились такими мягкими и послушными, что радостно скулили и преклоняли перед хозяином колени, чтобы ему было легче сесть. Даже сейчас, когда знатный турок проводит весну в деревне, он любит поставить палатку под деревом рядом с загоном для лошадей и часами наблюдает за тем, как его жеребята и кобылы играют, дерутся и прыгают.

Турки также не были суровыми или тираническими в качестве школьных учителей и воспитателей молодежи. Даже в своеобразных учебных заведениях султанских приспешников и янычар дисциплина и порядок были строгими, но в них не было тех педагогических средств принуждения, которые до наших дней считались полезными в христианских странах, - цепей, чума, темного подвала, дурного расположения к воде и хлебу. Единственное наказание, розги, могло применяться лишь изредка, и число ударов было весьма ограничено; розги никогда не применялись турками с такой суровостью, количеством или безжалостностью, как, например, русскими, и нередко случалось, что турецкие военнопленные, когда им приходилось подчиняться тамошней дисциплине, громко тосковали и восхваляли турецкую систему правосудия.

Очень благоприятный свет на душевное состояние турок проливает то, как тепло и трогательно они поминают своих мертвых. Их кладбища всегда украшены цветами и пышными кипарисами и обычно расположены в очаровательных долинах или на пологих холмах, где мы бы построили виллу, монастырь или прогулочный сад. В праздники эти кладбища - обычное место сбора народа, где дети играют рядом с могилами своих предков, а взрослые наслаждаются свежим воздухом, трубками и серьезными воспоминаниями. Османы также очень любят тихие семейные праздники в своем кругу, и некоторые из них, например, ежегодный фестиваль тюльпанов, на который возвращается каждая семья, имеют очень милый характер.

Природа не обделила ни голову, ни сердце турок. Они не иначе как глупы и невежественны. Напротив, они, как правило, отличаются быстротой понимания и особенно крепкой памятью. Их развитию мешает не столько неприспособленность, сколько отсутствие активности. Неизменная инерция, в которую они погружены, ограничивает их таланты. Им не хватает упорного рвения, желания работать, неутомимого любопытства к новостям и знаниям европейцев, чтобы использовать свои хорошие таланты для создания чего-то великого.

Как и мы, они не привыкли делать ставки и играть в азартные игры, гоняться за счастьем. Если им благоприятствуют обстоятельства или если ветер благоприятствует, они принимают это и счастливы жить в мире и покое. Поэтому, в отличие от европейских народов, они не играют в азартные игры, как это часто бывает у их греков, валахов и славян. Даже их молодежь не участвует в соревнованиях по ставкам и не пробует свои силы в гимнастических играх и скачках. Танцы они считают ниже своего достоинства; в лучшем случае они позволяют своим женам или одалискам танцевать для них. Не занимаются они и другими

искусствами, которые требуют постоянной практики. Хотя они любят слушать музыку, они практикуют ее так же мало, как и танцы. Греки и армяне - их музыканты и певцы, а турецкие вельможи с изумлением смотрят на то, как эмиссары наших царей в Константинополе рисуют или играют на фортепиано, и спрашивают: зачем им самим заниматься этим, если они достаточно богаты, чтобы самим оплачивать труппу музыкантов?

Они посвятили себя одной лишь поэзии. У них не только много прекрасных народных песен, но и множество прекрасных поэтов и небедная литература. Известный немецкий писатель по истории Турции, господин фон Хаммер, составил антологию в четырех томах из произведений не менее 2200 турецких поэтов, не все из которых, однако, достойны награды в Капитолии.

Прежде всего, турки - что вполне естественно для народа, совершившего столько славных деяний, - часто посвящали себя написанию истории и породили множество историков. Действительно, на протяжении 300 лет - а этим может похвастаться далеко не каждое христианское государство - у них была постоянная должность государственного историка, в обязанности которого входила запись событий, войн, мирных договоров и внутренних изменений. Однако эти турецкие историки, как и их стихи, описывают историю в свойственной персам, арабам и, в основном, всем восточным народам манере, причем очень широко. Обзор цветистых названий их исторических трудов показывает это со всей очевидностью. То, что наши прозаичные историки называют просто "генеалогическим реестром", они называют "четками праведников" или "цветником лучших". То, что мы называем просто "историей мира с древнейших времен до наших дней", они дают ей возвышенное название "бурлящее море и обильно текущие источники в науке о первых и последних вещах". С ними "собрание биографий" превращается в "пучок роз из сада человеческих знаний". И если мы делим книгу на восемь глав, они предпочитают разделить ее на столько же "цветочных клумб" или, более того, "раев". Этот же помпезный и величественный стиль они ввели и в титулы своих чиновников, в результате чего то, что мы называем "страница", носит имя "служителя мантии блаженства", а главный придворный - "владыки врат благодати и чести".

Более простые и приземленные, чем они показывают себя в своих стихах и учебниках истории, турки более откровенны в пословицах, которыми они пользовались с древних времен и в которых содержится множество практической жизненной мудрости, а также множество доказательств здравого смысла, тонкого проницательного ума и человеческих знаний.

Особенно настоящие старотюркские пословицы, происходящие из времен кочевников, которые легко узнать по форме и содержанию и отличить от правил и поговорок, скопированных ими у арабов и персов, отличаются очень сильным, ярким и острым остроумием и экспрессией. Поскольку дух, характер и нравы народов так часто отражаются в их пословицах и поскольку, говоря о турках, мы говорим об этом гораздо меньше, чем об их варварских обычаях войны или цветистых рифмах, я хотел бы обратить внимание читателя на некоторые истинно турецкие пословицы и поделиться небольшой их коллекцией.

Нередко встречаются пословицы, в которых осман рекомендует говорить правду, например:

"Сиди на моем пути криво, сын мой, но говори прямо".

"Тот, кто держится подальше от лжи, приближается к Богу".

"Не ходи по хрупкому мосту лжи; лучше, друг мой, плыви по течению".

Очень характерны столь же многочисленные пословицы, в которых молчаливый и осторожный турок, подобно Соломону, выступает против языка и остроты языка.

"Язык, - гласит одна из них, - это бескостная змея, которая, тем не менее, ломает кости".

"Ножевая рана оставляет след на конечности, но рана, нанесенная языком, неотъемлема".

"Язык убил больше людей, чем меч".

"Кто сдерживает свой язык, тот бережет свою голову".

"Кто говорит, тот сеет, сам не зная что. Тот, кто слышит, пожинает, и у него есть выбор".

"Сердце глупца на языке его, а язык мудрого - в сердце его".

"Тысячу раз *слушай*, один раз *говори*".

Презрение к болтливым и клеветническим людям выражает прямо-таки турецкая пословица:

"Собака лает, волк идет своей дорогой" - и с приятной вариацией:

"Собака воет, караван проходит мимо", которую можно было бы привести в пример многим глупым насмешникам над старыми почтенными обычаями и институтами.

Некоторые фразы, содержащиеся в турецких пословицах, можно было бы легко упомянуть на одном дыхании с изречениями наших лучших отцов церкви, например

"Если ты сделал что-то хорошее, брось это в море; даже если рыба не заметит этого, Господь знает об этом".

Или вот это:

"Добро человека прячется в тесной комнате, а зло ходит по широким дорогам".

Или следующее:

"Поступай хорошо с тем, кто поступает с тобой плохо, и ты найдешь милость у него и у Бога".

Можно было бы почти поверить, что турки, к которым мы обычно относим старую поговорку "око за око, зуб за зуб", получили бы ее извне, если бы не было установлено, что она уже была принята среди турецких племен даже во времена Мухаммеда.

Не менее удивительно, что даже греческое "познай самого себя" так высоко ценилось этими османскими варварами.

"Кто понимает себя", - говорили они с ударением, - "тот понимает Бога".

Какое прекрасное значение не имеет и эта поговорка:

"Тот, кто ночью еще плох, никогда не будет хорошим". По всей видимости, речь идет о благочестивом человеке, который после вечерней молитвы отказывается от всех злых и мстительных планов дня.

"Гнев - враг твой, размышление - друг твой".

"Кто вскочил в гнев, тот садится пристыженным".

"Протяни палец несчастному, и Бог протянет тебе правую руку".

Неблагодарность осуждается турками достаточно строго, ибо "неблагодарный", по их словам, "не считается с людьми".

Ни одна добродетель не превозносится ими выше, чем терпеливое ожидание, ни один промах не осуждается с большей горечью, чем чрезмерная щедрость.

"Быстро шел, скоро устал".

"Быстро помылся, скоро расцвел".

"Идешь не спеша, а потом догоняешь зайца".

"Терпение - ключ ко всем удовольствиям".

Свою твердую веру в неизменность судьбы они также своеобразно выражают во многих пословицах, например:

"Никакой щит разума не отразит стрелу из лука судьбы".

"Человек говорит, судьба смеется". ("l'Homme propose, Dieu dispose").

"То, что тебе предназначено, посылается тебе даже оттуда". (из самых отдаленных уголков турецкого владычества).

"Тот, кому повезет, поймает гуся даже с ослом; невезучий же не поймает и мыши даже с царским соколом".

Многие уроки мудрости, содержащиеся в их пословицах, свидетельствуют о высокой проницательности в бизнесе и жизни:

"Не делай из себя овцу, волки скоро будут рядом".

"Не путешествие вредит человеку, а его попутчики могут навредить ему".

"Тот, кто ищет друга без нужды, остается без друга".

"Глупый друг хуже мудрого врага".

"Остерегайся врага один раз, а друга, с которым имеешь дело, - тысячу раз".

"Когда ты даешь своему господину даже песок, вежливо положи его в карман".

Шиллерс: "Привяжись к отчизне, к той дорогой земле, там истинные корни твоей силы", говорят истинно кочевые, но прямолинейно понятные, по: "собака сильнее всего в своем загоне".

Нас: "бьет мешок и верит ослу", они описывают более изящно:

"Дочь моя, я говорил с тобой, но невестка услышала".

О "глазе хозяина" они говорят:

"Где нет тебя самого, там нет и глаз".

"Любовь слепа" читают следующим образом:

"Прекрасен тот, кого любят всем сердцем".

"Для влюбленного даже Багдад недалек".

У нас: "Новая ткань на старую одежду", у турок читается как:

"Здоровый вол для ущербного плуга".

Время, когда турки придумали и составили эти и многие другие золотые пословицы и уроки, о которых я здесь рассказываю, уходит далеко в прошлое.

Было время, когда они, подобно спартамцам по их законам, также действовали в соответствии с этими уроками.

За ним последовало другое, в котором их дух, движимый внутренней силой, мощно поднялся и, приведя в движение все свои пружины, они приблизились к миру и наводнили его почти римской энергией. Турки лучше, чем любой другой кочевой народ, понимали, как осторожно и по определенным правилам распространить и утвердить свое господство над Европой, Азией и Африкой. Этого обстоятельства достаточно, чтобы доказать, что наряду со способностью к войне у них должен был присутствовать некий организующий инстинкт, а рядом с разрушительной также и созидательная сила, какой не обладало ни одно другое племя азиатских завоевателей.

Однако сейчас они напоминают, как уже было сказано, дерево, с которого ураган сорвал листья, ветви и корни еще сохранились, и можно различить всю структуру, но древесина стала хрупкой. И хотя его окончательное падение, "изгнание болезненных турок из их европейского лагеря в Азии", вероятно, еще встретит большое сопротивление, хотя до этого конца мы переживем много непредвиденных всплесков, упадок все же настолько заметен, что угасание пламени кажется неизбежным.

"У турок нет будущего в Европе. Их национальность и религия закалились по сути и форме, лишены живительной силы и способности к высшему развитию, которое в качестве консервативного элемента могло бы обеспечить будущее, отвечающее растущим требованиям времени. Похоже, их ждет полное поражение. По крайней мере, как я уже сказал, до сих пор все провинции и государства, освободившиеся от османского владычества, полностью отказались от этой иностранной национальности. Вероятно, государства, которые в дальнейшем возвысятся над графами турок, будут действовать аналогичным образом, и тогда последующему этнографу Европы будет нечего больше сообщить об этих османах.

1 Судить гордых, быть милостивым к смиренным. Верт.

Южные славяне и албанцы.

Все протяженные тугаи на южной стороне среднего и нижнего Дуная, а также южная Венгрия, юго-восточная оконечность Германии и северные и средние провинции европейской Турции населены теперь целым рядом народов славянского племени. Они завладели победоносной родиной Александра Македонского (Македонией), великой землей Орфея (Фракией), бывшими римскими провинциями: Моезией, Иллирией, Паннонией и частью Норикума (Штирия и Каринтия), заполненного последними горами Альп. Они составляют значительную часть населения Венгрии и Австрии и, безусловно, самую большую часть европейских подданных турецкого султана.

Они образуют замкнутую компактную группу славянских племен, связанных между собой как географически - близостью, так и этнографически - сходством происхождения, и, наконец, исторически - общей судьбой.

Однако от других основных славянских народов и рас их отделяет длинная полоса между ними. От русских на востоке их отделяют валахи или румыны, от поляков и карпатских славян - мадьяры или венгры, а от своих западных собратьев, моравов и чехов, - широкий клин, образованный немецким населением Австрии. Не только по своему географическому положению, но и по расе и характеру они составляют довольно резкий контраст с остальными славянами, хотя они больше сходятся со своими северными братьями (русскими), чем с западными (поляками и чехами).

Поскольку во многих отношениях они представляют собой отдельную группу, люди пытались найти для них название. Поскольку они являются самыми южными из всех славян, их обычно называют южными славянами. Все племена южных славян можно сгруппировать в соответствии с их диалектом и народным характером под двумя названиями, а именно болгары и сербы.

Название болгары относится к восточной части южных славян, в низовьях Дуная, на Черном и Эгейском морях, с провинциями Моезия, Фракия, Македония. Напротив, название "сербы" относится к жителям западной половины, на среднем Дунае и Адриатическом море. Оба основных подразделения южных славян, болгарское и сербское, почти одинаковы как по численности населения, так и по протяженности территории, на которую они распространяются.

Принято считать, что основная масса южных славян овладела большей частью своих нынешних поселений только во время великого переселения населения в VI веке при императоре Юстиниане. Столь же несомненно, что большинство из них были потомками "фракийцев", "македонцев" и "иллирийцев", которые были им совершенно чужды.

Другой вопрос, по которому мнения расходятся, - не жили ли уже славянские племена среди первоначальных жителей в горах Хямус, Родопы, на македонском Стримоне, на фракийской Марице и в иллирийских горных лабиринтах. Несколько древних названий гор, городов и рек, уже распространенных среди эллинов, делают это вероятным. Современные нравы, обычаи и образ жизни славян также указывают в этом направлении. Многие из этого соответствует тому, что древние рассказывают нам о своих северных соседях - фракийцах и иллирийцах.

Трудно поверить, что совершенно чужой народ, совершенно новый, недавно прибывший в эти края издавна, мог так полно идентифицировать себя с образом жизни и обычаями страны, сохранив при этом свой язык. Естественнее представить, что так называемое "вторжение славян в VI веке" не принесло в страну ничего совершенно нового, а скорее, наоборот, найдя уже однородные, братские, но угнетенные части населения, только укрепило их и придало им авторитет среди славянского, фракийского и иллирийского населения, что было наиболее важно.

Однако мы должны представить себе, казалось бы, столь внезапное и энергичное появление южных славян в странах к югу от Дуная, будь то вторжение нового элемента, будь то внутренний, усиленный извне поток из давно существующих источников; Несомненно то, что во время этого нашествия славян другие народы, существовавшие столь же долго, были истреблены, уничтожены подряд, слились в могучую славянскую массу, или загнаны в горы и ограничены узкой областью.

Из этих более ранних исконных обитателей греко-турецкого полуострова, либо только присутствующих, либо, по крайней мере, доминирующих, мы до сих пор находим значительный остаток в древнем Эпире; народ так называемых арнаутов или албанцев. Поскольку их история и география, в результате того, что я только что сказал, тесно связаны с историей и географией "южных славян", лучше всего связать их описание с описанием их соседей, сверстников и национальных врагов.

Поэтому все, о чем я хочу рассказать в этом разделе, я разделю на следующие три части:

- 1) Болгары.
- 2) Сербь.
- 3) Албанцы или арнауты.

Болгары.

Болгары, число которых будет около 3 - 4 миллионов душ, занимают теперь, составляя главную часть населения, почти всю старую Македонию, большую часть Фракии или Румении и старую дунайскую провинцию Нижнюю Македонию.

После того, что я уже сказал, возможно, что славянские племена жили в этих регионах с древнейших времен, но они не выходили на первый план. Лишь после великого переселения населения в V веке они зашевелились, а поскольку с ними вступили в союз несколько их славянских соплеменников с севера, они стали под именем "склябен", "славен" или "антен" опасны для восточных римлян; в VI ^{веке} они совершили опустошительные вторжения в Византийскую империю, по случаю которых проникли даже в Афины и на Пелопоннес.

Эти "склябенцы" пришли по устью Дуная из большой русской области, и поэтому и сегодня их потомки кажутся настоящими братьями-близнецами русских по языку, характеру и обычаям, особенно малороссы из Киевской и Украинской областей.

Название "*болгары*" поначалу было им неизвестно. Как это неоднократно случалось с другими славянскими племенами, славяне Балкан очень скоро попали под власть другого могущественного народа. Это были финно-татарские болгары, которые последовали за славянами с Урала и Волги в конце VII века, когда они пересекли Дунай и основали большую империю у подножия Балкан, подобно тому, как их братья, мадьяры, сделали это немного позже в Венгрии.

Большинство подданных болгар составляли славяне, но короли и знать были финско-татарского происхождения. Ведомые иноземными правителями, в армиях которых они служили голыми солдатами, балканские славяне истребили или поглотили почти всех исконных обитателей древнемакедонских и фракийских племен в этих регионах и заняли их место повсюду, даже в Фессалии.

Империя болгар, которые на протяжении четырехсот лет вели почти непрерывную кровопролитную войну с византийскими императорами, включала в период своего наибольшего размаха не только вышеупомянутые провинции к югу от Дуная, но и древнюю Дакию (Сигбург) и значительную часть Венгрии, которую, однако, они вскоре уступили мадьярам. Как Сигбург достался мадьярам, так и южные провинции Македонии и Фракии иногда доставались византийским императорам, когда они брали бит, не искореняя

иноземного населения. Долше всего болгарские цари оставались в дунайской провинции Моезия, где они проживали в своем царском городе Тирново, Москве болгар. В результате название "Болгария" сохранилось за этим регионом до наших дней.

Судьба финских болгар на Балканах сложилась иначе, чем у их братьев, проникших в Венгрию, мадьяр. Если те продолжали существовать среди славян как отдельный народ до наших дней, то болгары постепенно терялись среди своих славянских подданных. Они переняли язык, образ жизни и греко-христианскую религию славян и постепенно превратились в славян. Это произошло в VIII и IX веках. От них осталось лишь финское название "булгары", которое славянские племена, некогда подчинявшиеся великой империи своих ханов к югу от Дуная, приняли в качестве своего общего национального имени, подобно тому как старые галлы приняли от составлявших их народов франков германское название франки.

С X века болгары мало напоминают финнов и татар; скорее, по нравам и обычаям они кажутся настоящими славянами, только в их языке еще заметны некоторые татарские следы в структуре и синтаксисе. Как и татары, они бреют голову и, подобно им, оставляют на черепе длинный пучок волос. Болгарские славяне могут похвастаться тем, что первыми среди всех славян приняли христианство, создали письменность и литературу. Несомненно, этой привилегией они обязаны близости к Константинополю. Библия была первой из всех славянских диалектов переведена на болгарский язык. Староболгарский язык, от которого немного отличается новоболгарский, удостоился чести стать священным церковным языком русских и всех остальных не католических славян.

Однако, похоже, что с растворением мощного, чужеродного, тартаро-финского элемента, с превращением болгарской знати и царей в славян, а также с принятием христианства исчезла и дикая энергия народа. Хотя старое болгарское царство в Тирново в Мосии еще несколько веков существовало в ограниченных границах, хотя оно вело много войн с византийцами, сербами и другими соседями, большая часть славянских болгар была подчинена этими соседями и, наконец, после XV века стала легкой добычей для турок-османов. Из всех европейцев болгары дольше всех несли иго турок, и с того времени, о котором только что говорилось, они были, относительно говоря, самыми верными или, скорее, самыми терпеливыми подданными турок, которым они никогда не причиняли столько беспокойства, как дерзким сербам и их соседям - храбрым албанцам. Более того, они полностью подчинились туркам. Среди них нет таких независимых горных республик, какие есть у черногорцев, как у сербов, как у албанцев, как у мирдитенов (т.е. храбрецов) и других. Все болгары разделены по так называемым "спахиликам", то есть вотчинам, и выполняют дворянские услуги и обязаны платить подати спахи (феодалу), который всегда турок; которому они, таким образом, подчинены так же, как русский крепостной своему дворянину. В регионах, которые они занимают, они являются фактическими жителями и работниками. Все работы по обработке земли и ручному труду выполняются ими. Плуг, лопата, пчелиный улей, скотный двор, ежегодный рынок - все это они любят превыше всего. Подобно немецким голландцам, они целыми толпами отправляются в соседние районы или провинции, чтобы скосить траву или собрать урожай в качестве поденщиков.

Совершенно иначе, чем воинственные сербы и албанцы, болгары со времен гибели своего не маленького прошлого, то есть уже более 500 лет, позволяют убийственной шумихе перекачиваться за их спинами, не принимая в ней активного участия. Они боялись войны и сражений, а их солдаты редко совершали героические подвиги. Да, гордый Османли даже несколько раз презрительно исключал их из своей армии, в которой основное место занимали боснийцы и албанцы. В современную эпоху у болгар был только один вид героев -

их так называемые хайдуки, разбойники, которых всегда можно было и можно найти в горах Балкан, но число которых в смутные времена, когда пробуждается их патриотизм, часто возрастает до больших и опасных цифр.

Когда болгары не могут больше терпеть несправедливое отношение к себе со стороны османских владык, когда у них похищают невесту или крадут землю и имущество, когда, подобно Мельхталю из Швейцарии, жестокий правитель лишает или убивает их отца, когда они присоединяются к заговору с целью освобождения своей страны или грешат против законов своего края, они говорят: "Я стану Хайдаком!", то есть отправляется в дикие и отдаленные уголки Балкан и ведет с единомышленниками дикую, вольную разбойничью жизнь, бросая вызов турецким властям. Из лона этих патриотических и бунтарских обществ хайдуков временами возникали большие потрясения для страны, когда в них устремлялись влиятельные семьи.

И под татарским, и под византийским, и под турецким владычеством, под тяжелейшим давлением и вековыми мучениями болгары сохранили свои исконные обычаи, свой славянский национальный характер и свой язык. Это, как мы уже говорили, мирный, но крепкий народ, терпеливый, но упорный, послушный, но трудолюбивый. Где бы они ни побывали, например, на юге России, который со времен Екатерины принял многие тысячи болгарских эмигрантов, их называют отличными земледельцами и бережливыми домохозяевами, иногда не менее трудолюбивыми и работающими, чем немецкие поселенцы. В России лучше всего заметить, насколько они похожи на русских по языку и манерам, хотя и не всегда симпатизируют великому царю в политическом смысле.

Поселения, деревни и дома, которые болгары построили на обоих склонах Балкан, поросших дикой вишней, сливой и другими деревьями, и в Родобах, да во всех горах и долинах до подножия Олимпа, вплоть до границ Фессалии, очень похожи на жилища малороссов и казаков в южной России. Как и там, их жилища наполовину врыты в землю, а остальное сделано из суглинка, камыша и плетня. Как и казаки, болгары также строят отдельные конюшни для лошадей, еще одну - для волов, еще одну - для овец или коз, кур или собак. И вся такая усадьба выглядит как пестрая коллекция корзин, сплетенных из ивовых веток, разных по размеру и форме.

В этих живых и хозяйственных корзинах они поддерживают порядок по-своему, на полях и в садах используют каждый уголок, возделывая его и обеспечивая каждое место плодоносящим растением.

Как и русские, и почти все славяне, болгары стараются развеселить свое зачастую унылое существование пением. Рано утром, когда они выходят в поход, и поздно вечером, когда они возвращаются с полей со своими войсками, мужчины и женщины поют свои меланхоличные, монотонные песни, которые далеко разносятся по полям и часто наполняют ночь меланхолическими звуками. Они также выходят петь во главе своих стад, которые следуют за их мелодиями. Инструмент, которым они сопровождают свои песни, похоже, имитирует флейту, на которой дули пастухи Феокрита. Древнегреческое двуструнное до сих пор сохранилось у болгар в той же древней форме, что и у южных славян. В глубине их населенных долин, равнин и холмов встречаются моменты и сцены, напоминающие о жизни пастухов и пастушек Аркадии.

Одним из самых примечательных древних обычаев, сохранившихся до наших дней, является так называемое "пробатимство" (братство). Как и древние фракийцы, с которыми греки уже нашли этот обычай, и от которых болгары, вероятно, переняли его, они неоднократно принимают любимого человека за брата или сестру. Священник благословляет этот союз так

же, как и брак. На головы двух друзей возлагают венок над могилами родителей. Затем они дарят друг другу братский поцелуй и теперь связаны друг с другом как "Probatim" (братья по вере) на всю жизнь в счастье и несчастье. Иногда подобным образом связывают целые семьи. Однако этот красивый обычай не является исключительно болгарским. Он встречается и у других южных славян.

Болгарские женщины - одни из самых красивых в Турции. Высокие, стройные, сильные и в то же время очень хрупкие, они вызывают восхищение, когда проплывают мимо с волнистыми волосами, украшенными живыми цветами, в этой варварской стране. Не раз, когда такая болгарская Елена похищалась османами, вся страна приходила в смятение, как Греция, когда была ограблена супруга Менелая, и, как следствие, происходили события, которые можно считать небольшим повторением Троянской войны.

Следы мифа об Орфее, околдовавшем лесных зверей за 1250 лет до рождения Христа, и других подобных поэтических саг, которые греки почерпнули у древних фракийцев, можно найти и у современных болгар, а болгарские деревенские сцены могли послужить основой для таких идиллических жанровых образов, как те, что рисовали Гомер и Феокрит, например, повседневные события в стране царевны Наусицы или сикельских пастухов.

Как известно, один немецкий ученый жестоко пробудил наших филэллинов от их сна, когда попытался доказать им, что нынешние греки - не потомки древних эллинов, а в основном лишь славяне. Однако, наблюдая подобное в Славяно-Болгарии, можно почти наоборот поверить, что и остальные упомянутые славяне - все те же древние и неизменные современники Гомера. Кажется даже, что у этого старого певца до него были одни и те же люди под разными именами. Хотя это может быть не более чем видимость, во Фракии, как и в любой другой части света, существует некий дух, не народный, а национальный, который стал настолько коренным, что захватывает все племена, которые вступают на его территорию, и объединяет их с ним.

Даже в крупные города страны, в Софию, Варну, Филиппополь и т. д., вторглись болгары, хотя они не стали там такими господствующими, как на равнине, где они захватили все. Ни один из этих городов они не построили сами. Это древние греческие и римские устои, которые выделяются на общем славянском наводнении, как стоячие деревья, и в которых ядро составляют все те же греческие граждане и наряду с ними евреи и армяне, а во главе всего стоит турецкий паша со своими спахиями и травантами. Даже в городах, которые, подобно Адрианополю и Галлиполи, уже полностью находятся в зоне греческого населения, рыночный торговец, поденщик и мелкий служащий - болгары. И даже в Константинополе есть очень значительное славяно-болгарское население.

Здесь, в Константинополе, разумеется, как и для всех народов великого греко-иллирийского полуострова, так и для южных славян, с незапамятных времен существовало широкое поле для приобретения богатства, влияния и власти. Многие славяне здесь были обращены в ислам и нередко поднимались до высоких постов в качестве отступников. Некоторые из самых выдающихся министров или великих визирей в истории Османской империи были славянского происхождения, например Хосрев-Паша при Мураде IV, а также могущественный Мехмед Соколис, которого бедным болгарским славянином притащили в Стамбул, а затем привлекли к службе, опорой которой он должен был стать.

Да, даже во времена византийских императоров нередко такие славяне, из рабов или простых солдат, пробивали себе путь к короне. Не один знаменитый император Восточной Римской империи был славяно-болгарских кровей. Даже Белисарий, прославленный герой и

полководец Юстиниана, судя по его рождению и имени, был настоящим славянином. Даже сейчас все знают значение слова "Белисарий" (Белый царь = белый князь).

Как и в Россию, многие болгары отправлялись в Венгрию по разным поводам, и, наконец, из Константинополя болгары иногда сотнями тысяч переправлялись в Малую Азию. Но здесь, в обзоре Европы, мы не обязаны следить за их судьбой там.

Сербы.

Очень отличаются от болгар, по духу и сути являясь их братьями и соседями на Западе, славянами сербского происхождения, которых обычно называют иллиро-сербами или иллиро-словаками. В отличие от терпеливых, трудолюбивых болгар, они породили одни из самых воинственных и предприимчивых племен турецкой империи, которые в то же время являются ее худшими земледельцами и садоводами.

От славян этого племени сначала произошли жители княжества Сербия, которые в новейшие времена отстаивали свою независимость в ряде кровопролитных войн, - храбрые босняки, которые когда-то были лучшими рекрутами для янычарского корпуса, - непримиримые черногорцы, кучка горцев, которые с незапамятных времен бросали вызов могуществу османов. К основному славянскому племени принадлежат также морлаки и далматинцы, которые иногда были ужасом Адриатического моря как пираты, а также, как правило, лучшие моряки дождей Венеции; наконец, славонцы и "хорваты" или хорваты, которые, если не полностью сербы, то очень тесно связаны с сербами, чьи полки под венгерскими или австрийскими командами часто наводили страх на иностранные государства.

Название "серб" когда-то было одним из великих национальных или общих имен славян. Как у немцев название "Allemanden", которое у французов до сих пор является общим названием для них, так и название Serb осталось только за подразделением славян.

Первоначальное место жительства сербов и хорватов, которые всегда братались с ними и соседними хорватами, как говорят, было у северного подножия Карпат в нынешнем королевстве Галиция, и они, как говорят, происходят от рутенов или малороссов, живших там. Даже сегодня их язык, тесно связанный с русинским, указывает на их происхождение из этих северных регионов.

Кроме того, многочисленные литовские выражения, сохранившиеся в сербском языке, доказывают, что они пришли с севера Карпат, из соседства с литовскими и финскими племенами.

В свои нынешние поселения в бывшей римской провинции Иллирия они, должно быть, вторглись в начале VII века, когда там правили финно-татарские авары. В тех краях сербы уничтожили правление аваров и покоренное ими первоначальное население и объявили всю страну в рабстве. Однако то тут, то там можно распознать следы сербских аваров, например, в манерах и внешности сербских морлаков Далмации.

От Дуная и гор Иллирии, где они впервые появились, эти сербские славяне проникли до Адриатического моря в окрестностях Венеции, а затем распространились по Драве и Саве до границ Тироля, Зальцбурга и Верхней Австрии по всем восточным долинам Альп.

Таким образом, они распространились от северных границ Македонии и Албании до Германии, на большом пространстве, почти таком же большом, как королевство Пруссия, в котором и сейчас проживает от 6 до 7 миллионов славян.

Вряд ли какой-либо другой славянский народ распался на такое количество мелких подразделений, подплемен и диалектов и имел столь разнообразную судьбу, как иллирийский или сербский народ. На их обширной территории мы встречаем множество различных народных и провинциальных названий. Семейно-родовые отношения, которые издревле наблюдаются у всех славян, взаимосвязаны, содержат различные подразделения и остаются неизменными у этих сербских славян и по сей день. Когда дочери выходят замуж, зятья и сыновья со своими женами переезжают к ним, по возможности под одну крышу, разделенную на разные комнаты. Если это уже невозможно, они, по крайней мере, переезжают в дом отца семейства. Если семья разрастается еще больше, она завладевает полем, ближайшим к дому главы племени; главой семьи остается старейший в племени. Таким образом, как правило, каждая деревня образует единую самоуправляющуюся семью, которая контактирует с остальным миром и государственным правительством только через своих "старейшин", своего патриархального вождя. Даже более крупные гражданские деления и районы обычно совпадают с кровнородственными связями. Почти у каждой семьи, у каждого племени есть своя речная долина, свой горный хребет, своя закрытая высокогорная равнина. В отдаленных и труднодоступных уголках страны эти семьи с древних времен часто бросали вызов римлянам, византийцам и туркам и сохраняли свою независимость как свободные люди. О том, насколько семейная жизнь вплетена в природу этих племен, можно судить по тому, что среди тех, кто ходит в море, буквально каждый корабль, на котором они работают, является, так сказать, парусной семьей, плавучим кланом. Вся команда, от капитана до корабельного мальчишки, состоит из кровных родственников.

Именно из этих отношений и тенденций, как я утверждаю, вероятно, и возникли бесчисленные племенные и народные имена иллиро-сербских славян. Однако, чтобы иметь представление о создавшейся из-за этого путанице названий, можно разделить эти племена на следующие основные группы: 1) Сербь в узком смысле слова, к которым можно причислить славян, боснийцев, черногорцев, далматинцев и жителей нынешнего так называемого Княжества Сербии. 2) хорваты в Турции и Австрии; 3) так называемые словенцы или венды в Истрии, Штирии и Крайне. Ряд обстоятельств доказывает, что все они принадлежат к одному большому славянскому региону, который, хотя и похож сам на себя, но сильно отличается от других больших славянских регионов, болгар на востоке и чехов и поляков на севере. Нет никаких сомнений и в том, что все вышеупомянутые племена симпатизируют друг другу и считают друг друга братьями одного племени. Даже образованный австрийский офицер, родившийся на Драве под властью Германии, приветствует полудиких черногорцев как своих друзей, когда присоединяется к ним в их скальных гнездах, и его сердце бьется быстрее, когда он слышит их дышащие патриотизмом песни.

Из трех вышеперечисленных частей славян-иллирийцев первые, сербы в узком смысле слова, всегда характеризовались как живой, храбрый, поэтический и свободолюбивый народ. Они заняли земли дарданов, трибаллеров и других народов, часто упоминаемых в древности из-за их непокорности, и унаследовали кое-что из их нравов и духа, если не были связаны с ними изначально.

Вся область, которую они населяют, от Дуная до Адриатики, покрыта крутыми горами и красивейшими древними лесами, богатыми различными видами деревьев, в которых то тут,

то там обитают волки, медведи и другие дикие животные. Среди покрытых каштанами холмов, которые на местном языке называются "Планина" (Альпы), раскинулись прекрасные зеленые плодородные долины и луга, перемежающиеся с водой, которые на местном языке называются "Ливада". Эти два слова "Планина" и "Ливада", которые путешественник встречает в Сербии повсюду, наиболее четко указывают на характер регионов, населенных сербскими племенами.

Подобно древним трибаллерам и дарданам, сербы в древности спустились со своих гор и, как и болгары, совершали опустошительные походы на юг до Пелопоннеса. Первые века их истории - это череда непрерывных войн с соседними булгарами и византийскими императорами, которым они часто приносили беды и опасности, но и от которых время от времени зависели. Наивысшего расцвета своего могущества они достигли в XIV веке. Тогда они объединили всю восточную половину Иллирии в одно королевство. Да, на короткое время (1336-1356) в состав этого сербского королевства вошли даже Македония и несколько провинций Греции. Все это было под властью сербского короля Стефана Душана, который, соответственно, носил великий титул "Император Родины". Но из зенита своего могущества сербы вскоре пережили стремительное падение.

Турки вторглись в Европу, устроили в 1389 году сербам и союзным с ними венграм и валахам битву на Амсельвельде, одном из "ливадов" или котлов в Верхней Сербии, который так часто обливался кровью - и с тех пор сербы стали - по общему признанию, не очень послушными - подданными турок. Даже сегодня на сайте в их памяти живо воспоминание о той битве на Амсельвельде, в которой турки уничтожили их короля, их дворянство, их духовенство, цветок их нации, всю их едва созданную империю. Это трагическое событие - великое национальное несчастье сербского племени. С тех пор их народная поэзия печально и тоскливо бродит по могилам "Амсельвельда", так же как народ с тоской смотрит на зенит своего бывшего могущества при так называемом "императоре" Стефане Душане, как на цель, которой, по их представлениям, они когда-нибудь достигнут.

Однако до сих пор они ничего не достигли на этом пути, кроме основания маленького княжества Сербия в долине-лабиринте реки Морава и того любопытного маленького государства баронов-разбойников на недоступных мрачных скалистых вершинах Чорна-Горы или Черногории (Черной горы), где воинственный епископ со стилем правления, смешанным с деспотизмом и республиканством, управляет героической общиной и ведет со своим народом жизнь, которая, кажется, была известна во всех деталях уже Гомеру, который, кажется, воспел ее в своих изображениях хищных факийцев и их царя.

Сербы, когда они пришли в Иллирию, были язычниками, но вскоре они, как и почти все южные и восточные славяне, были крещены византийцами и обращены в греческую церковь. Большинство народа и сегодня принимает эту веру, объединившую их с соотечественниками, русскими и болгарам: только среди одного племени сербов, босняков, туркам удалось завоевать последователей Корана. Гордая и богатая знать босняков приняла ислам во время турецкого завоевания, чтобы гарантировать себе привилегии и земельные владения при новой власти. Их примеру последовали гильдии и купцы боснийских городов по той же причине. И вот, к большому огорчению сербских патриотов, босняки в центре Иллирии образовали славянское племя, высшие слои которого, хотя и не были турецкими, стали магометанскими, а отступники, как обычно, фанатично магометанскими. Все нововведения и реформы, принятые турецкими императорами в последнее время, встретили упорное сопротивление среди боснийских последователей Пророка. Хотя они в значительной степени сохранили свой старославянский язык, хотя их магометанство смешалось с христианством - (мусульманские дворяне Боснии до сих пор

отмечают в своих семейных кругах старые праздники святых покровителей, почитаемых их христианскими предками, а С^т. Элиас - С^т. Георгия и С^(т)ефана. Праздник Петра; иногда папы-христиане молятся на могилах своих отцов, совершают мессы за их души) - несмотря на то, что настоящего османа в их стране вряд ли можно найти (султаны, как правило, назначали губернаторами провинции славянских дворян, родившихся в стране, и если визирь, присланный из Стамбула, был османом, то он должен был ждать, чтобы покинуть свою цитадель в Травнике, и ему даже не разрешалось оставаться в столице страны, Босна Серай, более трех дней). Однако эти фанатичные и воинственные боснийцы, часто даже против самого султана, разворачивали свои лопатки во имя Мохаммеда и старых турецких институтов. Мужчины иногда называли их "*вендами Турции*".

Традиционно они поставляли султану его лучшие войска, а янычары, которых Махмуд II преследовал и истреблял мечом и топором в первые двадцать лет этого века, были в основном славянскими боснийцами. Не раз они выступали против своих братьев-христиан в княжестве Сербия, которое они презирали и относились к нему с высокомерием, и угрожали уничтожить свободы, дарованные султаном.

Сербские племена проникли вплоть до Адриатического моря, до прибрежных стран Далмации и Либурнии, упоминаемых с древних времен, и даже заняли все многочисленные скалистые острова и утесы, лежащие вдоль восточной стороны этого моря. Там они обнаружили ряд древних, процветающих римских торговых городов: Раузиум или Рагуза, Салона и другие. Сербские славяне проникли и в эти города, даже в старый великий дворец императора Диоклетиана, который содержал в своих разрушенных стенах целую муниципию, город Спалатро, и наполнили их оба своими гражданскими и знатными семьями. Республика Рагуза, столь процветающая и знаменитая в Средние века, была сербской общиной. Ее иногда называли "сербскими Афинами", а ее патрицианские семьи до сих пор ищут свои корни в планинах и ливадах Боснии и Сербии. Однако с незапамятных времен это побережье Адриатического моря подвергалось влиянию Италии. Во времена римлян здесь, естественно, преобладали римский язык и обычаи. С X века и до современной эпохи здесь властвовали дожи Венеции. В результате проживавшие там славяне немного оправились и смешались с приглашенными ими итальянскими семьями. Наиболее образованные из них, находящиеся сейчас под австрийским владычеством, как правило, говорят на обоих языках - итальянском языке торговли и литературы и языке славянских крестьян.

На этих берегах сербские горные народы, как я уже говорил, селились на кораблях. Здесь они стали такими же старательными и способными моряками, сначала пиратами, потом торговыми моряками на службе у Венецианской и Рагузской республик, как и их предшественники, либурны, прославившиеся вместе с римлянами. В их честь назван *Рива деи Скьявони* (берег славян) в Венеции. И сегодня, как и в прошлом, славяне появляются в гавани и на рынке Венеции; и сегодня большинство командиров кораблей и матросов австрийского военного флота - из племени прибрежных сербов, или, как они сами себя называют, "морлаков" (от *mora*, т.е. море). Несколько сербских семей проникли и в ряды венецианской знати, а их итальянизированные славянские имена записаны в венецианской *libro d'oro*. Как и среди знати Республики, среди живописцев венецианской школы также можно встретить иногда человека славянского происхождения. Вспоминаются известные *Николо Далмата* (Николай Далматинец) и *Медола Скьявоне*, которого обычно называют только *Скьявоне* (Славянин). Кроме того, из Адриатического моря сербы распространялись во многие части света. Они поступили на службу к неаполитанским королям в качестве моряков, и их и сегодня можно встретить вместе с итальянцами во всех средиземноморских

портах; да, они даже основали небольшие колонии в Америке, например, в Новом Орлеане на Миссисипи.

Северо-западные братья и соседи собственно сербов, *хорваты*, еще глубже проникли в земли западноевропейских народов. Все они, даже те, кто жил в так называемой турецкой Хорватии, самом западном конце Турецкой империи, были обращены в римско-католическую религию. Среди них нет ни магометан, ни греческих христиан, или, по крайней мере, их очень мало. Хорваты, как и сербы, в свое время тоже пережили период процветания и в X веке под властью своих государей образовали собственное, не очень маленькое королевство. Но это хорватское процветание длилось еще меньше, чем процветание собственно сербов. Уже в 1091 году хорваты были разгромлены мадьярами, и после этого они почти всегда разделяли судьбу этого народа, будучи придатком Венгрии. Лишь небольшая часть была подчинена туркам и остается таковой по сей день. Название их королевства и сегодня фигурирует под титулами императора Австрии и короля Венгрии. Можно сказать, что они были янычарами Венгрии и Австрии, так же как боснийцы - Турции.

Поначалу хорватам и сербам было позволено распространиться с их горных земель в Иллирии на север вдоль Дуная и по равнинам Паннонии, но позже, на их беспокойной родине, постоянно угнетаемой турками и богатой кровавыми восстаниями, нашлось достаточно причин для переселения. Уже в 1427 году Георгий Бранкович, деспот Сербии, уступил королю Венгрии Сигизмунду знаменитый Вейсенбург (Белград), столицу Сербии, а взамен получил несколько областей в Венгрии, где тысячами селились его угнетенные соотечественники. Подобная миграция повторялась неоднократно, и даже в последние два столетия, во время австрийского расцвета, большое количество сербов, боснийцев и турецких хорватов неоднократно переселялось на австрийскую территорию и оседало на обширных пространствах мадьярской страны, особенно в тех районах вдоль южного Тисса и Дуная, которые были лишены своих исконных жителей во времена турецкого владычества. Кроме того, даже в мирное время из сербских земель постоянно происходило переселение в Венгрию. Оттуда мы видим не только Славонию и австрийские военные границы, но и так называемый Банаат, плодородную местность на Тиссе и несколько других регионов вдоль среднего Дуная, полных сербских колоний. Крайняя, чуть более крупная сербская колония лежит на Дунае, частично выше, частично ниже Пешта. Круг хорватских деревень проходит вдоль западной границы Венгрии и у подножия Штирийских Альп, высоко на севере; а самые крайние хорватские колонии сгруппированы в небольшую группу на озере Нойзидлер, недалеко от Вены.

Помимо Адриатического моря, эти потомки сербского племени добрались на лодках до Дуная и стали здесь одной из самых важных судоходных и торговых наций. Почти на всем протяжении реки, от Пешта до Белграда, они отняли работу у мадьяр, которые плохо разбираются в торговле и судоходстве. Они перевозят продукты своей родины вплоть до Венгрии, главным образом тех животных, которых так мало ценят магометане и евреи и которые сделали покойного князя Сербии Милоша таким богатым. Они, конечно, в основном перевозчики этих животных по рекам Саве и Драве. В Венгрии лодочников и купцов, пришедших из Сербии, обычно называют "Разен", а их большие корабли на Дунае - "Разины", по названию страны раисиев, которая является сербской провинцией. Из этих и других сербских элементов буквально в каждом из венгерских дунайских городов образовался так называемый Разенский городок, населенный сербскими лодочниками, рабочими, лоточниками и ремесленниками, подобно тому, как в некоторых наших городах есть особый еврейский квартал. Последний такой разенский или сербский квартал в северо-западном направлении находится в самой Вене, а последний в противоположном или юго-

восточном направлении - в Константинополе. Совместное славянское население южной Венгрии, начиная с Пешта, можно считать преимущественно сербским, а его численность в Австрии, включая славонцев, хорватов и сербских жителей военных границ и так называемой Воеводины, составляет почти 3½ миллиона.

Западная часть большого племени южных славян, состоит из *словаков* или *виндов* в Каринтии, Крайне и Штирии. Хотя история их вторжения неясна, несомненно, что их язык является сербским и хорватским диалектом и что они принадлежат к этому южному, а не северному славянскому племени чехов и поляков. Это подтверждается также тоном и характером их народной поэзии, которая мало похожа на чешскую. В ней совершенно иная манера созерцания и выражения, и, как и в сербской поэзии, в ней есть что-то очень трагическое. Многие в ней полностью сербские, особенно в тех песнях, которые касаются истории и национального прошлого и основаны на народных легендах с болезненным и многозначительным содержанием.

Уже в IX^{веке} Карл Великий начал войну против славян, которые слишком глубоко вторглись на германскую территорию, подчинили их себе и разделили их земли на пограничные марши; после этого они почти всегда подчинялись немцам. Их дворянство уступило немцам, а буржуазия городов их страны сформировалась исключительно из немецких элементов; сами они - не более чем пастухи, земледельцы и виноградари своей страны. Теперь эти самые западные из южных славян не простираются дальше Венеции, до Изонцо и высоких альпийских вершин Терглу или Триглова, славянское название, означающее "трехголовый", и дальше Клагенфурта. Первоначально, однако, они продвинулись еще дальше, в долины на реке Грош-Глэкнер и вплоть до Тироля и Верхней Австрии.

Но здесь отголоски событий в Германии подорвали их силы. В Тироле, Зальцбурге, Верхней Австрии и в северных частях Штирии и Каринтии все славянские элементы были вновь полностью утрачены победившим немецким элементом.

Вероятно, географическое положение всех южных славян, тот факт, что они были оттеснены к оконечности Адриатического моря, этот замечательный исторический и географический поворотный пункт в истории Европы, в наибольшей степени способствовали тому, что у них были такие разные судьбы. Как и славяне, итальянцы, немцы, венгры и турки стремились к этой естественной и важной границе и углу, а более слабые, уже естественно раздробленные славяне были разогнаны и уничтожены. Одни, как уже говорилось, были германизированы, другие получили итальянскую окраску. Одни были присоединены к Венгрии, другие смешались с татарскими и турецкими элементами. Они также разделились по вероисповеданию, что привело к большим различиям и разногласиям между ними, причем трех типов. Одни следовали исламу, как уже было сказано, другие - папе римскому, третьи - греческому патриарху.

Наконец, как я уже говорил, я хочу упомянуть о народе, который, хотя по языку и происхождению имеет мало общего с южными славянами, легче всего может быть связан со славянами, потому что они их соседи, разделили с ними одну судьбу и, если не по крови, то, по крайней мере, по манерам очень похожи на них, - и, наконец, потому, что, по-видимому, являются остатком того рассеянного, древнего, иллирийского племени, которое раньше составляло большую часть земель, ныне населенных южными славянами, и на территорию которого продвинулись славяне. Я имею в виду албанцев или арнаутов, известных во всем мире своим воинственным духом, но называющих себя "скипетариями" (детьми скал).

Албанцы, или "белые люди" (по мнению восточных людей, которые все королевское и независимое называют белым: *свободные независимые люди*), насчитывающие сейчас

почти полтора миллиона душ, населяют, как древние первобытные жители, северо-западную половину Греческого полуострова, или часть южной Иллирии и древнего Эпира, которая отделена от северо-восточной половины (Фессалии и Македонии) горным хребтом Пинд. - Как Фессалия лежит между Пиндом и Архипелагом, так и Албания, или Эпир, простирается между Пиндом и Ионийским морем. Она изобилует изрезанными, каменистыми и часто заснеженными горами (), между которыми раскинулись пологие и пышные долины, заполненные виноградниками, апельсиновыми и фиговыми деревьями, и несколько озер - то тут, то там вдоль скал тянутся тучные луга и высокоплодородные, красивые участки земли, один из которых, у подножия Пинда, сегодня, как и в древности, называется Елисейскими полями. На одном из этих озер находилась священная дубовая роща Додона, столь высоко почитаемая греками. Но сильным контрастом этим маленьким смеющимся раям служат гораздо более многочисленные страшные пейзажи, мрачные горные ущелья которых словно бороздами прорезают землю и в которых греки помещали входы в подземный мир - Эребос и Ахерон; а также неопишимо дикие, изрезанные и пронзенные скалы-лабиринты, одна из которых уже древними была названа "*infames scopuli Acrocheraunii*", угрожающе торчащая в Адриатическое море.

Племена, населявшие эти горные дебри, долины и морские побережья, с древнейших времен славились своим дикарским духом и воинственными обычаями. Мирмидон Ахилл, самый свирепый из троянских героев, родился неподалеку от этих земель. Судя по тому, как Гомер описывает его силу и грубую храбрость, он, похоже, был настоящим албанцем. В более поздние времена героический царь Пирр пришел оттуда в Италию со своими паликарцами, чтобы напугать Рим. Один из таких паликарских вождей, прославленный Георгий Кастриота или Скандербег, вышел из Ахеронтских ущелий, когда в ^{xv} веке турки хотели подчинить себе этот горный народ, но им это так и не удалось. И снова в наше время мы видим третьего Пирра - грозного Али-пашу из Янины, выходца из рода албанских "тосков", бросившего вызов власти султана. Со времен Ахилла и до наших дней в этой земле царит тот же мрачный дух, откликающийся на вечное столкновение оружия, эта, по словам лорда Байрона, "*суровая кормилица дикарей*", и всегда здесь господствует одно и то же древнее племя, один и тот же национальный тип, один и тот же язык. Даже потоп славян, который нес все в своем потоке, который беспрепятственно проник до Пелопоннеса, обошел этих крепких людей-скал и оставил их в горах, как старые корни дуба, который когда-то широко раскинул свои ветви, как остатки древней крепости.

По внешнему виду эти арнауты сильно отличаются от своих соседей - славян, валахов и новогреков. Они обычно высокие, сильные и мускулистые, с длинными шеями и выгнутой грудью. Их черты лица уже выдают мужественных мужчин, которых никогда не приручало рабство. В целом они имеют тип индогерманской расы, к которой они принадлежат, как недавно доказал один ученый, изучающий их язык, хотя в прошлом в этом сомневались. Их женщины не уступают мужчинам в красоте и выразительности. В статной фигуре и походке албанских амазонок есть что-то величественное и властное. Их богатая, со вкусом подобранная одежда в немалой степени придает албанцам живописность и внушительность. Это тот самый наряд, Тристанелла, сделанный из ста сложенных вместе кусков льна, "Шеллек" (жилет), перекинутый через грудь, красный головной убор со свисающими шелковыми кистями (Фес), вышитыми золотом, который в последнее время, как новогреческий наряд, известен всем по всей Европе. Возможно, он возник у арнаутов и перешел от них к новогрекам.

На своей родине они, как и сербы, разделены на многочисленные роды и племена, живущие во вражде между собой в бесконечной кровной мести и иногда, когда сильный враг угрожал

им извне, выступавшие как единое целое. Некоторые из этих племен, например храбрые чимариоты в Кераунских горах и их соседи мирдиты (то есть храбрецы), всегда сохраняли свою независимость от турок, как и черногорцы. Сулиоты, прославившиеся на весь мир героической защитой своей скалистой долины, также албанского происхождения. Эти племена, которые никогда не были покорены, носят гордое имя "Арматоли" (братья по оружию). Поскольку они всегда должны быть готовы к смерти - либо принять ее, либо отдать, - они всегда вооружены до зубов, даже в самых мирных занятиях, и Церера ходит по их земле с копьем и щитом Минервы, и даже Эндимион носит доспехи Марса.

Эти люди, такие же быстрые и смелые альпинисты, как наши швейцарские и тирольские горные охотники, живут, подобно кавказским народам, в мрачных жилищах, похожих на пещеры и крепких, как крепости; кажется, что они *сложены* из каменных блоков, а не *построены*, и вместо окон у них бойницы. Их земля также покрыта множеством маленьких, одиноких сторожевых башен, которые возвышаются над всеми скалами, и с которых жители могут наблюдать за каждым движением на земле, словно из орлиных гнезд. На горах они пасут овец и коз, у них также есть отличный рогатый скот, а в долинах они занимаются виноградарством и выращиванием маиса и других злаков. Если время от времени в долине или на горе затихает шум войны, утихает месть и сопровождающий ее страх, то в такое время в этом диком краю можно в полной мере насладиться прелестями идиллической деревенской жизни, особенно когда прекрасные эпиротические крестьянки, украшенные майскими розами, уходят в лес, чтобы танцами отпраздновать свадьбу Флоры и Весны. Однако, когда султану или его паше требуются солдаты и он тратит большие деньги, арнаутские "булукбашчи" (вожди племен) спускаются с гор, набирают, каждый в зависимости от своей силы и количества денег, которые могут предложить, большую или меньшую массу молодых мальчиков-пастухов и ведут их, как они их называют, "соседей" ("приемных детей"), за пределы страны на войну.

Кого они продали, тот и есть, кому они храбро и преданно служат. Так можно встретить этих слуг Востока под султанскими лопатками, в сералях Багдада и Каира, в залах молдавских господарей, не так давно в папской гвардии, в королевском замке в Неаполе, да, даже среди прихвостней территорий Туниса и Триполи, где они не раз свергали и назначали дейев, и, наконец, у ворот дворца императора Марокко. С детства играя с оружием и умея пользоваться своим длинным ружьем, кинжалом, ятаганом и пистолетами, они становятся отличными лучниками и воинами еще до того, как покинут свою деревню, и поэтому их везде принимают в качестве солдат и приспешников.

Смело и с громкими криками они беспорядочной кучей бросаются на врага и привычно одерживают победу. Их военный марш под названием "Броковалас", который товарищи Скандербега пели в начале битвы и который, вероятно, берет свое начало со времен царя Пирра, должен производить ужасное впечатление и достаточно часто был ужасом Востока и Запада. Привыкшие к изнурительной жизни на родине и не знающие нужды, они считают усталость похода и военной жизни незначительной. Быстро насыщающиеся, темпераментные и активные, они довольствуются в путешествиях вареным рисом или овощами. Их увлечения - пение и танцы, и вряд ли можно встретить кучку албанских солдат без мандолиниста или певца. Кроме того, с ними часто бывает задорный рассказчик. По особым случаям или праздникам им подают "коче" (жареного козла) или барана, которые готовятся и используются точно так же, как описано у Гомера. Животное целиком вместе со шкурой жарится на вертеле, вырезанном из леса, и посвящается целиком, затем разрезается на куски Одиссеем (имеется в виду Булукбаша), который делит дымящиеся

куски и жир между соседями по рангу. Те протыкают его своими кинжалами и употребляют под непринужденное веселье.

Кстати, каста воинов - не единственное сословие среди этих людей. Несколько эллинизированные албанцы в городах страны с усердием и успехом занимаются ремеслами. Многие из них часто путешествуют по всей Турции в качестве каменщиков, помогая восстанавливать места, разрушенные их воинственными пастухами. Албанцы также широко известны в Турции как мясники.

Однако у них есть одно искусство, которое, похоже, является их специализацией. Искусство "сутерацци" (мастеров колодца), которое славится в Турции, происходит из Албании. Эти художники по воде приходят из долин Албании, чтобы снабжать города Востока свежей родниковой водой, копать колодцы, строить акведуки и бани. В Константинополе, город которого они окружили такими акведуками, у них были большие привилегии и льготы, а следы их деятельности можно найти во всех провинциях Турции. Не будучи научно развитыми, албанцы умеют очень быстро и точно определять высоту гор, расстояние между местами и преимущества рельефа каждой местности. Они используют определенные технические приемы, которые унаследовали от своих предков и сохранили в неизменном виде, не совершенствуя. Их водопроводные трубы длиной от пяти до десяти миль, уклон которых очень хорошо рассчитан, настолько похожи друг на друга, что вряд ли можно отличить вчерашний водопровод от построенного 2000 лет назад, так же как можно отличить различные сооружения, построенные бобрами с начала мира.

Будучи фермерами, многие албанцы также расселились по соседним провинциям. Они строили небольшие деревни на склонах Геликона в Беотии; они были рассеяны около Афин и Аттики и даже по Пелопоннесу, где они распространились уже в конце средних веков в качестве вспомогательных войск многочисленных мелких тиранов и герцогов, под властью которых Греция страдала от крестоносцев после завоевания Константинополя; где они часто возвращали себе собственность в различных случаях, когда, по наущению турецких пуштунов, подавляли восстания греков и делили между собой завоеванные земли. И хотя многие из них, последовавшие исламу, были изгнаны из Аркадии и Лаконии во время греческих революций, треть крестьянского населения Греческого королевства все равно будет скипетарской или албанской. У значительной части греческих соотечественников (не в городах) албанский язык является фактическим языком дома и семьи.

Они также захватили некоторые острова Архипелага, и поэтому героические Гидриоты и Специоты, которые так прославились во время греческих революций, могут похвастаться тем, что они арнаутской крови. Так называемое греческое восстание, которому обязано своим существованием Новогреческое королевство, в определенном смысле также было албанским.

И наоборот, многие греки также распространились по старой родине скипетров. Их можно встретить во всех тамошних городах, в основном в южных районах страны, древней Аркадии и Эпире в более узком смысле. Южный Эпир сильно грецизирован и принял веру и обряды греческой церкви, в то время как арнауты в центре страны присоединились к исламу, а жители северной части страны были обращены римскими миссионерами в католическую церковь. Современное церковное деление арнаутов, похоже, также основано на очень древних различиях и отношениях. Ибо видно, что греческая церковь господствует в настоящее время, как уже указывали древние писатели; древний Эпир был наполовину греческим, представляя собой смесь эллинов и варваров.

В северных частях Турции, в иллирийских провинциях Сербии, Боснии и т. д. о древних иллирийцах, прародителях албанцев, можно найти лишь несколько старых названий местностей, рек и гор, которые еще свидетельствуют о прежнем широком распространении этой ветви населения.

Как и древний эпирский царь Пирр, его более поздние потомки часто совершали обратные путешествия через Адриатику в Италию. Упомянутый выше албанский вождь, знаменитый Скандербег, однажды совершил путешествие в Италию, которое было очень похоже на путешествие Пирра. Мы также располагаем письмом Скандербега, написанным на итальянском языке, в котором он сравнивает себя с Пирром и Александром Македонским и пытается доказать, что албанцы не заслуживают оскорбительных имен, данных им итальянцами, а являются гораздо более благородными потомками благородных предков древних македонцев и Епифанов. Войны и вторжения турок в Албанию неоднократно гнали многих представителей акрокеранской породы к морю, и они нашли приют у папы в Риме, но особенно в Неаполитанском королевстве, где в Калабрии и Сицилии они и сегодня живут как фермеры в нескольких деревнях. Некоторые из албанских семей, бежавших в Италию, достигли там славы и престижа, например, августейшая княжеская семья Альбани, приехавшая в Рим в ^{xv} веке и обеспечившая папский двор столькими кардиналами, *мир*, папа Климент XI и искусство, знаменитый художник Франс Альбани и прекрасная вилла Альбани.

Турецкие и другие перевороты также привели в конце концов колонию этого замечательного народа в Австрию. В 1740 году несколько тысяч албанцев из племени так называемых "клементи" в свите сербского патриарха Арсения Ивановича отправились в Венгрию. Они построили несколько больших и красивых деревень под Белградом на Сейве и до сих пор живут под именем "клементинов" среди мадьяр и сербов, верные своим нравам и обычаям, под покровительством немецкой династии.

Валахийцы или романи.

Это похоже на сказку, когда рассказывают, что в то время, когда могущественная Римская империя, подобно Вавилонской башне, рухнула и распалась на несколько мелких государств и народов, остатки римских граждан и солдат удалились в далекий и дикий горный район и позволили бурям переселения бушевать в своих убежищах; Они жили там в течение столетий вместе с исконными жителями региона, заселили своими многочисленными потомками большие участки земли у подножия гор и таким образом стали *ядром* или закваской нового, большого и очень широко распространенного народа, который существует и по сей день и все еще говорит на римском языке совершенно ясно, хотя и с частыми добавлениями и изменениями; в котором также сохранились память и имя римлян, и более того, это сохранение имени и языка римлян происходило в регионе, который прежде всех других был великими воротами для народов, настоящим местом перехода для самых разных миграций; в регионе, где, прежде всего, можно было бы ожидать, что если бы *где-нибудь*, то все римское и древнее было бы сметено до последнего следа - все это, скажу я, кажется почти невероятным, и все же это древняя и достоверная история того памятного народа, который мы привыкли называть валахийцами или молдо-валахийцами.

Основное ядро ландшафтов, населенных этим народом, составляют лесистые высоты и травянистые альпийские плато южных Карпат, большие и изрезанные горы современного Зевенбургена, которые сами жители называют "*Монте*" (*Montes*, Альпы).

Из этой высокогорной страны, почти повсюду окруженной обширными равнинами и лишь в двух местах узкими, низкими и еще более изломанными горными хребтами, с других гор, на севере с польскими Карпатами, а на юге с сербскими, во все стороны текут реки. На севере и западе - многочисленные воды, впадающие в Тиссу и венгерские равнины; на востоке - Днестр, Прут и Серет, впадающие в Черное море; на юге - Алута и множество других мелких рек, которые впадают в Дунай, как в водосток. Широкая река Дунай опоясывает страну по всей южной половине, являясь естественной границей, отделяющей ее от земель большого Иллирийско-Греческого полуострова.

Внутренние районы горного ядра страны по красоте и богатству природы соперничают с самыми красивыми частями немецких Альп. Здесь мы видим множество леденящих душу скальных ущелий величайших размеров, здесь древние кости Земли вздымаются на головокружительную высоту, словно творение титанов. В глубине журчат водопадами и водоворотами горные потоки. То тут, то там террасы и склоны украшены живописными пышными лесами. На вершинах возвышенных и обширных хребтов бросаются в глаза украшенные цветами луга и зеленые дорожки. С башен и куполов колоссальных вершин открываются красивейшие виды как на юг, до Понтуса и старого Хемуса во Фракии, так и на север, до Польши и Венгрии.

На огромных пространствах колоссальные стены этих величественных высот, настоящие горные крепости, недоступны для караванов, армий и передвижения населения. Однако то тут, то там крепость пробита естественными проломами или воротами, через которые с древних времен входили и выходили воды и ветры, а также народы, и эти ворота или перевалы: "железные ворота", "перевал красной башни", "перевал вулкана" - с незапамятных времен известны в истории страны. Ущелья и жилы гор богаты полезными ископаемыми самых разнообразных видов. Здесь можно найти горную смолу, железо, медь, серебро и золото. Даже ртуть, столь редкая в других местах, здесь не лишена недостатка. По их краям отложены богатейшие массы чистой кристаллической соли. Чтобы добыть многие из этих сокровищ, часть гор с древних времен пробивали. Однако многие из них до сих пор скрыты в их чреве, неиспользованные и неоткрытые.

Вдоль низкого края высоких гор через Верхнее Валахию и Молдавию до самой Буковины вьется венок приветливых холмистых ландшафтов. Здесь очаровательно сменяют друг друга красивые долины с лесными, не слишком крутыми возвышенностями, плодородные сельскохозяйственные угодья с травянистыми поймами. Яркие буковые леса и приятно пахнущие липы предстают здесь в своем величайшем великолепии, перемежаясь с холмами, покрытыми виноградниками, а также нежно цветущими дубами и фруктовыми деревьями различных видов, которые весной покрывают целые ландшафты морем цветов и делают страну похожей на приятный сад. В то время как медведь, лош и дикая кошка обитают в ущельях высоких гор, липовые и буковые леса на холмах оживляются щебетанием всевозможных певчих птиц, которые прилетают и гнездятся здесь в таком необыкновенном количестве, какого нет ни в одной другой части Европы. В лесах также обитают несколько видов оленей и косуль, множество диких кабанов и других видов дичи.

Наконец, холмистые районы теряются в совершенно плоских ландшафтах, которые, как большой ковер, расстилаются вдоль Дуная, на Понте, Днестре и Тейсе, вокруг упомянутого горного ядра страны. На этих равнинах реки от начала сотворения мира сбрасывали свой влажный ил и образовывали на их просторах мощные пласты плодородных пахотных земель. Как в дельте Нила, так и здесь, в устьях Дуная, урожай сторицей, и неисчерпаемое

плодородие этих придунайских равнин, которые в разные времена были житницами Константинополя и стоят почти в таком же отношении к греческому полуострову, как пейзажи вдоль реки По или Ломбардии к итальянскому, стало буквально пословицей как у старых, так и у новых писателей.

Я не могу подробно описать эту, здесь лишь набросанную в общих чертах, картину населенной валахами части Европы, которая включает в себя так называемые Дунайские княжества Молдавию и Валахию, российскую провинцию Бессарабию, австрийское герцогство Буковина, королевство Зибенбург, так называемый Темешварер-Банаат и значительные части Венгрии, и по протяженности примерно равна Пиренейскому полуострову. Принимая во внимание все вышесказанное, можно сказать, что этот комплекс стран естественным образом предлагает все, что нужно народу в качестве сырья для развития цивилизации и искусств; если бы эту территорию можно было вырезать из массы стран, на которые она разделена, и поместить ее как остров в море или перенести в другое благоприятное географическое положение и заселить трудолюбивым племенем, то здесь могла бы возникнуть одна из самых процветающих империй и наций.

Вольтер где-то сказал, что климат оказывает большое влияние на характер наций, но в десять раз большее влияние оказывает форма правления, и в сто раз большее - религия. Он вполне мог бы добавить, что, помимо всего прочего, решающее значение имеет географическое положение страны и народа; что прежде всего и всеми должно приниматься во внимание то, какое место отведено ей в великом кругу стран и народов, каким образом и каким образом она занимает место в великом гобелене стран континента. Самая прекрасная страна в мире не сможет породить и воспитать процветающее общество, влиятельную семью, если ее местоположение на нашей планете неблагоприятно для ее развития, если по соседству с ней находятся препятствующие влияния. Тучные поля Валахии граничат и перемежаются с одной стороны с бескрайними степями юга России. Между южными предгорьями Трансильванских Альп и Понтусом остаются широкие открытые ворота, через которые дуют холодные степные ветры, делающие климат зимой почти таким же, как в России, и здесь, на одной широте с Флоренцией, на несколько месяцев погребаящие Дунай и всю страну под толстым слоем снега и льда.

Как и северо-восточные ветры, "криваны", которых так боятся в стране, беспокойные степные народы вторглись сюда с незапамятных времен и неоднократно превращали прекрасные поля в пустоши на долгие периоды и использовали их только как пастбища для лошадей.

Величественный Дунай, крупнейшая река Европы, которая была бы достойна выйти замуж за океан, здесь испытывает печальную участь быть поглощенным узким и далеким бассейном Черного моря. Поскольку она протекает по северному основанию великого греческого полуострова, цивилизованные империи, раскинувшиеся на полуострове и уходящие корнями в Пропонтиду и Эгейское море, рассматривали ее не столько как спасательный круг, сколько как пограничный канал или ров, вдоль которого они устанавливали свои военные границы и оборонительные сооружения. И поэтому они оставили земли за границей варварству и северу. Народы севера и востока, напротив, всегда рассматривали эти дунайские пейзажи как конец своей территории, до которого они еще могли доехать в свое удовольствие, в то время как юг цеплялся за них как за крайние рубежи, которые он еще мог защитить. В результате Дунай почти никогда не был влиятельным центром жизни народов. Здесь так и не сложилось мудрой, сильной и авторитетной нации, как в дельте Нила, Рейна и других крупных рек. Сколько свидетельствует история, здесь никогда не было ничего, кроме спорной пограничной территории, которая всегда была игрушкой могущественных соседей,

всегда меняла своего правителя, и которая имеет много общего с морским бассейном, в котором пена народов - крайних барок - бьется о него и делает ямы.

Весьма вероятно, что это столкновение народов, эта двойственная и смешанная ситуация, укоренившаяся в землях Нижнего Дуная и существующая с незапамятных времен, как мы можем проследить на протяжении веков, предшествовала тому времени, историю которого мы знаем из достоверных источников. Древние труды греков, впервые упомянувших об этих землях, причисляют их обитателей к так называемым фракийским племенам, под которыми постепенно появляются "геты" и "даки", или даки, как особые народы, населяющие наши Дунайские княжества и Цевенбургские Альпы. Последнее название даков возобладало в конце концов у римлян и долгое время оставалось народным.

Валлахский язык и сегодня имеет много слов и корней, которые мы не можем вывести из турецкого, славянского, латинского или любого другого ныне соседнего и известного языка, от которого он получил элементы, и которые поэтому, вероятно, принадлежат тракийским "гетенам" и "дакам", упоминаемым римлянами и греками в качестве первоначальных жителей. Как и в языке, в расе, нравах и во всем образе жизни жителей по-прежнему много исконно "дакийского". Тот, у кого была возможность, видел крупного и пухлого валахского пастуха, ноги которого были одеты в козью шкуру, бриджи подпоясаны кожаным ремнем, на голове - овчина, и кто сравнил эту фигуру с теми дакийскими военнопленными, как они изображены на скульптурах, прикрепленных к колонне Траяна в Риме, согласится с нашим выводом. Фигуры, которые древнеримские скульпторы высекали в камне на протяжении 2000 лет, похожи на тех, кого мы видим сегодня на нижнем Дунае, в горах древней Дакии, как хороший портрет на оригинал. Введенный в римские комедии слуга, который всегда играет мальчишеского и варварского дурака под именем "Давус", также считается рисунком с рабов, привезенных из Дакии. Подобные свидетельства укрепляют подозрение, что в сегодняшних валахиях мы видим в значительной степени древних даков.

Во времена наибольшего расцвета Римской империи даками правил царь по имени "Децебал", который проживал в древней знаменитой и ныне существующей в нескольких руинах "Сармизегетусе", в одной из альпийских долин Зибенбурга, и оттуда управлял окружающей страной. Римляне при императоре Траяне одолели этого монарха после упорной битвы, построили каменный мост через Дунай, направили в страну войска и поселенцев, построили дороги и горные сооружения и превратили всю Дакийскую империю в римскую провинцию. Покоренные варвары выучили римский язык, который, однако, вероятно, с самого начала смешивался с дакийским и другими элементами.

Хотя император Адриан приказал разрушить постоянный мост через Дунай, а затем при императоре Аврелиане провинция, постоянно находившаяся в смятении, вскоре была оставлена совсем, и хотя римляне правили там не более ста пятидесяти лет, они, тем не менее, запечатлели на туземцах свой итальянский язык за такой короткий срок, что их потомки не забыли изученный язык и до сих пор называют свою страну "*Зара Руманески*" (земля римлян).

Примечательно, что границы территории, на которой сегодня распространен этот язык и народ, почти в точности соответствуют границам римской Дакии. Эта провинция граничила на востоке с Днестром, на западе с Тиссом, на юге с Дунаем и на севере до Зевенбургена, то есть везде, где и сегодня проживают "романи".

Трудно привести второе, столь же веское доказательство энергии капральских палок и учительских посохов римлян. На протяжении бесчисленных веков варвары-"крыши" населяли свою нордическую землю в одиночку и без помех, по-своему. Они ничему не

учатся ни у македонцев, ни у греков, которые иногда посещают их страну как друзья, иногда как враги. Затем, однако, приходят римляне, эти неодолимые покорители земель и народов, и они, на короткий срок в 150 лет, становятся их учителями и владыками, и хотя даки впоследствии еще почти две тысячи лет, подобно кустарнику, растущему на берегу моря, их то и дело сносило пожарами и бурями, они сохранили то, что получили от римлян, до такой степени, что путешественник на каждом шагу обнаруживает в них римский элемент. Сколько бы мостов ни было построено через Дунай со времен Мильтиада и персидского царя Дария, римский мост, построенный Траяном, - единственный, сохранившийся до наших дней (по крайней мере, в части остатков, не разрушенных Адрианом). Некоторые явные следы римских дорог можно найти и сегодня в передней части страны. Несмотря на то, что римлянам приходилось разбивать молотом и ломом каждый блок в своих горных работах, вырытые ими шахтные штольни и шахты, ныне заброшенные, гораздо более многочисленны в Дакии, чем те, которые позже, после изобретения пороха, было гораздо легче добыть прыжками. Все сколько-нибудь значительные интересные руины страны происходят от римлян, а монеты, мозаики и другие произведения искусства, которые массово выкапывают из земли, несут на себе чучела и печать римских императоров. Сам народ презирает все другие имена, под которыми он известен остальному миру, с большой любовью хранит только свои римские традиции и воспоминания, и не имеет более почетного национального имени, чем римляне, "руманье" или "романи", которое он применяет к себе и сегодня.

Кто знаком с трудами остроумной графини Доры д'Истрия, дочери валашского князя Гики, тот вспомнит, с каким живым патриотизмом эта ученая дама всегда говорит о Валахии, как и об Италии, словно последняя - страна ее отцов, и как горячо она сочувствует стремлению к свободе итальянцев, которых она называет братьями валахов. Во время национальных войн, вспыхнувших на Дунае в 1849 году, даже эти валахийцы представили изумленной Западной Европе странное зрелище: они шли в бой под предводительством "центурионов" и "декурионов" и ставили на своих знаменах и оружии классические буквы S.P.Q.R. (*Senatus Populusque Romanus*). Даже сегодня эти римляне часто ссылаются на Рим в своей национальной поэзии, как будто Рим - это их настоящая родина, их отечество, потеря которого наполняет их меланхолией.

Где же тот Рим? Некогда грозный, защищавший своих сыновей!

И что теперь звучит лишь мрачными жалобами!

Под чужой властью и давлением она теперь меланхолично вздыхает!

Отечество, столь дорогое для всех, потеряно.

Признайте нас, живущих как иностранцы в чужих королевствах,

Вы, кости и графы римлян, столь почтенные!

Признайте нас, достойные ростки, дочери и сыновья

Из великого рода того Ромула, столь прославленного!

Вознесите к небесам свои законные скорбные стенания,

Что римская слава исчезла навсегда!

Вы, холмы и горы, оплакивайте свое горе и скорбите.

А также ручьи и источники в долине внизу;

И птичка, свободная от всех уз,
Оплакивай и ты свое пение, которое все еще с нами!
О дорогая Италия! прекраснейшая из стран!
Как враг удалил тебя от нас!

Эти стихи и излияния я нашел однажды в элегии, подаренной мне одним из патриотически настроенных потомков римских поселенцев в Дакии, в окрестностях руин древней царской резиденции Децебала, "Сармизегетузы". Отсюда видно, что римское национальное чувство, ностальгия по Риму, проявляется на протяжении всей истории валахов и по сей день. При виде таких стихов живо вспоминаются элегии, написанные римлянином Овидием 1800 лет назад в этой же стране, где он жил в изгнании. Не правда ли, причитания старого Насо переходили из рук в руки, из уст в уста, в тех краях среди римских колонистов, и всегда получали новое гражданство в качестве вековых национальных причитаний вплоть до сегодняшнего дня?

И вот язык, на котором поются эти песни и на котором говорит весь народ, даже если он уже не совсем овидийский, то в массе языка, как кристалл кварца в массе гранита, вы везде найдете или чисто римские, или слегка измененные римские выражения. Не без удивления путешественник садится рядом с одним из этих варваров на берегу Днестра или Прута и слышит, как во время разговора с ним о его кочевых делах одно латинское слово за другим слетает с его грубых губ, как будто оно принадлежит к национальному языку. Сам он, ваш валахский попутчик, с которым вы завели разговор, называет себя "*pescator*" (рыбак) и обращается к вам "*Domne*" (господин, господин), желая вам "*bundi*" (доброго дня) или "*bun venit*" (удачи); эти странные приветствия, от Тибра до Днестра, отдаются эхом на протяжении многих веков. Если спросить его "*Que eș*" (к какому народу ты принадлежишь?), этот суровый кочевник, одетый в овечью шкуру, ответит: "*Eo sum Romanie*" (я римлянин). Траву, на которой вы сидите, он называет "*frunse vârdje*" (*frons viridis*, зеленая трава). Если вы спросите его о валлахских названиях скота, пасущегося вокруг вас, вы снова получите латинские слова. Все они - "*капрас*" (козы), "*ваккас*" (коровы), "*бус*" (быки), а охраняющая их собака - "*кин*" (*canis, chien*). Как римлянам удалось научить древний горный народ выражать на латыни, а не на дакийском языке то, к чему они так долго привыкали? Когда он идет считать своих животных, то говорит "*uno, duo, tri*". Сам счет, как и римляне, он называет "*numerare*". Дикие грушевые деревья, усыпанные плодами на зеленом берегу Прута перед вами, он называет "*pieras formassas*" (*pirus formosa*), черные сливы рядом с ними - "*prungus negros*" (*pruna nigra*), а орехи - "*nukus*" (*nuces*). Разговаривая, он также много говорит о своем "*Imperatu nostru*" (Императоре Ностре); и вы почти не знаете, в кого он хочет целиться - в старого императора Траяна в Риме или в царя Николая в Петербурге. Когда, наконец, разговор окончен и степной костер, мерцавший рядом с вами, погас, варварский ребенок, как это делал римский центурион вечером в своем лагере, кричит: "*extinso fusco*" (наш костер погас), и идет с вами через "*podu de leno*" (*pons ligneus*), который лежит через воду, к своей "*casa*" (хижине), которая находится неподалеку.

Этих примеров, которые можно было бы значительно умножить, вполне достаточно, и я могу ограничиться общим замечанием, что те, кто пытался проанализировать элементы валлахского языка, пришли к выводу, что более половины этих элементов имеют римское происхождение; очень любопытно, что валлахское произношение латыни очень похоже на произношение современных итальянцев. Например, валахи, как и итальянцы, произносят "*Tschitschero*", а не *Sisero* (Цицерон), "*dscheme*", а не "*gemit*" (он вздыхает), *dschoku* (итальянское *gioco*, сладкий); *noi*, мы; *voi*, ты; *uovo* (*ovum*, яйцо). "*Gli*" итальянцев валахийцы

усовершенствовали таким же образом, например, *tagliari* в валахийском и итальянском означает "резать". Люди пытались вывести это из более поздних связей валахийцев с современными итальянцами. Но гораздо естественнее предположить, что римские граждане и солдаты-земледельцы, переселенные на Дунай, говорили на своем языке (*lingua rustica*) примерно так же, как современные итальянцы, и принесли его из Италии на Дунай. После того как римляне покинули Дакию, она оказалась (вероятно, не без борьбы) под властью германских народов, "готов" и "гепидов". Значительные части дакийской земли и народа, валашская Буковина, Зевенбурген, восточная, полностью валашская, половина Венгрии, даже сейчас все еще находятся под властью германцев (австрийцев). Кроме того, с XII века вся внутренняя, горная часть Дакии пересекается небольшими ландшафтами немецких поселенцев, а Молдавия и Валахия тоже приняли не мало немецких эмигрантов. Сегодня в Рومении даже есть государь из немецкого рода.

Вряд ли можно сомневаться в том, что такие периоды немецкого владычества и вмешательства не могли не повлиять на развитие валашской национальности. Язык до сих пор содержит некоторые элементы готских времен, и впоследствии валахи Зевенбурга многое узнали и переняли от своих немецких соседей, немецких управителей или немецких судей.

Однако народы, поселившиеся на родине славян вскоре после ухода готов на запад и юг, всегда оказывали неизгладимое влияние на историю валашской народности. Со славянами, которые с незапамятных времен были им роднее и вызывали у них симпатию, романизированные дьяки сблизилась гораздо теснее. Славяне, которые, как и германские племена, были ввергнуты в смятение нашествием Аттилы и его гуннов, в конце V века продвинулись в низовья Дуная, а также наводнили древнюю Дакию, где поселились вместе с покоренными ими туземцами. Многие из них остались там даже тогда, когда в последующие века господство над страной перешло от финно-татарских кочевников к булгарам, мадьярам, печенегам и куманам, которые последовательно овладевали всей Дакией или ее частью на короткие или более длительные периоды времени. Именно под гнетом этих иноземных правителей произошло тесное смешение славянских и дако-романских элементов. Однако последние держали верх, вероятно, потому, что вторгшиеся славяне были в меньшинстве по сравнению с коренными жителями.

То, что смешение со славянами имело большое влияние и долговременный характер, доказывает многое в сегодняшней Молдавии и Валахии. На каждом шагу встречаются как славянский, так и римский элемент, как в манерах, так и в языке и других внешних чертах народа. Во всем своем физическом строении, физиономии, образе жизни и поступках валашский народ часто имеет много общего со своими славянскими соседями в Болгарии и на юге России. Его дома обставлены так же, как у русинов и казаков. Его пчеловодство, земледелие и ведение домашнего хозяйства часто такие же, как у его соседей. Многие из этого, возможно, не было скопировано непосредственно у славян, но обязано своим происхождением схожести климата.

Также в языке валахов мы находим явные следы славизма, глубоко запечатлевшегося в народе. Половина валашской лексики, которая не может быть заимствована из Италии, является славянской, согласно утверждению славянского ученого Шафарика. Да, даже несколько своеобразных корневых тонов, вокалов, согласных и сложных звуков славянского алфавита перешли в валлахский язык. Однако мы не можем сказать, не является ли это отчасти следствием изначального родства между славянским и валлахским или фракийским языками, которое возникло еще до начала истории. Следует также отметить, что лексика, заимствованная из славянского, осталась неассимилированной в валлахском, не повлияв на

форму и структуру валлахского, и что этот язык, таким образом, *остался* в основном романским, родственным итальянскому, и не *стал* славянским, как полагают некоторые.

Неоднократно весь валахский народ, или, по крайней мере, значительная его часть, попадал одновременно со славянскими племенами в одну и ту же империю или в одно и то же рабство. Так, например, в VIII и IX веках она попала под власть великой Валахо-Болгарской империи, в которой славяне составляли большинство подданных. И впоследствии славяне часто переселялись на земли валахов с татарских территорий, и наоборот, валахи на территории, населенные славянами. Еще позже Валахия несколько раз попадала под власть славян. Галицкие (русинские) князья в XII ^{веке} правили значительной частью Бессарабии и Молдавии. Валахия также присоединилась к одной христианской церкви, греческому или восточному патриархату, вместе с южными славянами.

Поэтому долгое время, вплоть до XVII века, славянский язык был не только церковным, но и государственным и юридическим языком валахов. Законы, отправление правосудия и договоры писались на славянском, как в других странах на латыни. Валахи и сегодня используют славянский алфавит для письма и печати на своем языке. Почти все высшие придворные должности и сановники, даже поздние валахские князья, получали и сохраняли славянские имена и титулы. Вся государственная и церковная структура была в определенном смысле славянской.

Даже бояре, высшая аристократия валахов, по мнению некоторых, имеют славянское происхождение, чего сами бояре не хотят признавать; они даже утверждают, что происходят от истинно римской крови. Национальное название валахов, под которым они довольно хорошо известны в Европе, также было введено в оборот славянами. Славяне называли всех потомков или подданных римлян "влахами". Саму Италию они также называли землей валахов (валахией). "Влах" и сейчас в переводе с польского означает итальянец. Это то же самое слово, которое немцы используют в форме "Wälsche" (странный, итальянский). Таким образом, славянское и германское название валахов еще раз подтверждает итальянское и римское происхождение нынешних жителей Дакии, хотя сами они не любят слышать это название.

Даже в своих бытовых привычках и повседневных обычаях нынешние цыгане часто демонстрируют большое сходство со славянами, и хотя ученые не придают такого значения, как изучение алфавита, причастий, союзов и сочетаний слов, их также следует рассматривать как инструменты для доказательства существующего родства. Вот несколько примеров: как в славянских странах, так и в Дакение деревенские жители покидают свои зимние жилища, танцуя по старинному обычаю, когда деревья расцветают; украшенные цветами девушки идут отдельными хорами, а в других хорах - мальчики, возглавляемые своими передними танцорами, размахивающими шелковыми одеждами. "У них, - говорит Димитрий Кантемир, некогда сам валахский государь и один из лучших знатоков обычаев своего народа, - более сотни различных ладов и мер и множество очень элегантных танцев, которые можно на них исполнять". Таким образом, десять дней между Вознесением и Пятидесятницей проходят в постоянном движении, проезжая через все места и деревни во время танцев.

Это почти точно так же, как у казаков и болгар; Также и то, как у полуславянских латышей и литовцев увлеченный юноша посылает кого-нибудь к родителям своей возлюбленной просить руки дочери, - и тот, делая предложение влюбленному, тщательно и с обычной торжественностью, как бы для обручения принца с принцессой, Как уклончиво относятся к нему родители, как он, по его словам, пришел искать потерявшегося ягненка, выслеженного,

но заблудившегося оленя, голубя, которого однажды увидели, но потом снова улетели, сначала нарочно знакомят его с другими дочерьми, - как их он хвалит, но в то же время критикует и отвергает как неполноценных, и как наконец, когда предложение становится все более настоящим, один из них представляет настоящую голубку, которая в потайном уголке уже была украшена самым красивым образом, и что происходит дальше, - все это настолько близко соответствует валашским обычаям по тем же поводам, что даже сравнения и образы, используемые говорящими, почти полностью совпадают с теми, которые используют полуславяне-полулитовцы и латыши, которых, тем не менее, отделяют от полуславян-полувалашцев огромные пространства земли.

Помимо этих обычаев, в валахии, как и во всем славянском мире, укоренилось несколько особых суеверий. Например, валахи верят, что в день святого Иоанна солнце начинает свой путь не прямо, а дрожащим движением, прыгая и скача. Поэтому валашские крестьяне встают в этот день рано, чтобы понаблюдать за восходом солнца и этим "дрожащим движением" на его светящейся сфере. Они считают это хорошим знаком и поводом для радости, если им удастся его заметить. Я также знаю по собственному опыту, что во многих, ранее славянских регионах Германии, *нынешние немецкие* крестьяне переняли точно такое же суеверие своих славянских предков, и даже сегодня, желая увидеть, как солнце "скачет и прыгает" в День святого Иоанна, они рано утром отправляются на возвышенности возле своих деревень. То же самое можно сказать и о многих других обычаях, мнениях и привычках валахов. К примеру, в их суевериях фигурирует богиня неба и облаков славян Вила, которая обитала там так же, как со времен императора Траяна "колдунья Тина" или Дина, то есть римская Диана.

Такие вещи, на мой взгляд, так же ясно указывают, как и языковые корни, грамматические формы и привычные выражения и слова, на очень важную и длительную примесь славянского языка среди валахов, потому что только этим можно объяснить, что нечто подобное проникает во все места и домохозяйства народа и может утвердиться там как повседневный и очень распространенный образ и форма жизни. Новые законы, развитие религии и часто даже новый язык навязываются народам скорее, чем новые *семейные привычки, домашние обычаи и деревенские нравы*.

Даже в более поздний период славяне (русские) оказали значительное влияние на валашский народ. Они присоединили к своей империи большую провинцию (Бесс-Арабию), населенную валахами, а также несколько лет в течение этого столетия были господами в других цыганских провинциях, а именно в Молдавии и Валахии; своими реформами они сделали их довольно равными себе. В особенности цыганские бояре в новое время неоднократно брали за образец и пример русское боярство.

Эти постоянные и часто повторяющиеся влияния славян на цыганский народ, которые, как уже говорилось, восходят к VI веку, были, однако, пересечены и изменены в течение этого долгого периода многими другими чуждыми влияниями, исходившими от финских, монгольских и турецко-татарских народов, а также на родине самих славян. Кочевые всаднические народы авары, мадьяры, булгары, печенеги и половцы, затем монголы и, наконец, турки последовательно завоевали сначала даков, смешанных с римлянами, а затем славян, и поглотили их полностью или хотя бы частично в своих меняющихся, быстро растущих и быстро распадающихся империях. Во время этих кровавых завоеваний и смены власти большие части страны часто уничтожались, целые группы людей изгонялись, а их места занимали чужеземцы. Когда старых правителей свергали новые кочевники, их имена исчезали из истории, но, вероятно, то тут, то там в стране оставались остатки их племени и крови, которые, как и сами цыгане, становились подданными новых правителей и вливались

в массу уже угнетенных. Как бы то ни было, многое из духа, нравов и языка кочевых народов осталось у цыган, как и у русских.

В языке валахов, помимо древнедакийского, готского и славянского элементов, мы до сих пор находим несколько слов финского, турецкого или татарского происхождения, что, несомненно, связано с попеременным господством восточных народов. Ни у одного из этих народов-завоевателей не хватило моральных сил лишить бывших жителей страны языка, который они получили от своих первых могущественных завоевателей - римлян. Одним из последствий кочевого правления, вероятно, является тот факт, что валлахи, хотя и населяют самые прекрасные пахотные земли, предпочитают пастушество земледелию; и что даже их сельское хозяйство, не имеющее ограждений на земле, с открытыми молотильными площадками на открытом поле и без молотильных машин, кроме лошадиных копыт, имеет кочевой характер. Занимаясь пчеловодством, римляне кочуют, как и башкиры по полям своей страны. Они страстно любят скотоводство, и у оседлого валлахского фермера часто бывает больше волов и лошадей, чем он сам знает или считает. Особенно в качестве пастуха валахинец кажется в своей стихии, когда он медленно идет по лугу перед мирными волчицами с трубкой из оленьего рога во рту. Он добр к своему скоту и относится к нему как отец, и поэтому он всегда ведет себя очень послушно, охотно и покорно, как хорошие дети. Святой Георгий, покровитель стад, является для них самым большим и знаменитым святым календаря.

Валлахские альпинисты и скотоводы уходят со своими стадами вглубь мира. Они уводят свои стада вплоть до Турции, где им принадлежат пастбища и луга на Балканах, где они имеют право пастись. Они также контролируют большую часть торговли скотом на Понте, вверх по Дунаю, вплоть до Венгрии и Вены. Их можно встретить повсюду в качестве грубых погонщиков стад. Эта кочевая пастушеская жизнь очень им по душе, и во всех европейских провинциях Турецкой империи "*влах*" и "*пастух*" практически идентичны. В Румелии, Македонии, Фессалии эти водители из придунайских стран опять-таки сталкиваются с очень любопытными и широко рассеянными остатками своей собственной национальности, так называемыми "кутзо-валахерами". которые пасут своих овец и коз даже в Пелопоннесе и которые, как полагают некоторые, являются потомками тех дако-римлян, которых римские императоры, после нашествия готов, пересадили на юг с Дуная.

Из всех перечисленных урало-азиатских кочевых народов мадьяры, превратившиеся с X века в оседлый придунайский народ, дольше всех держали валахов под своим началом. Они объединили большую часть древней Дакии, Севернбурген, Банат и всю страну вдоль Тейса, и даже сейчас они все еще управляют этими регионами под верховенством Австрии. Они вторглись в страну не только как правители, солдаты, чиновники, властители и феодалы, но и в некоторых местах как землевладельцы и фермеры, так что даже посреди Валахии теперь можно найти целые ландшафты и долины, где старое романо-дакийское население было полностью утрачено и заменено мадьярской кровью, как это было в основном вдоль всего Тейса. Кроме того, само римское население, подвластное венгерской короне, часто подвергалось мадьяризации, особенно высшие слои народа, более образованные представители знати. Вот почему среди 1½ миллионов валахов Венгрии и Севернбургена почти не встречается старых римско-богемских семей. Дворяне-землевладельцы там, как правило, мадьяры, а народ существует в этой части своей старой дакийской племенной земли в основном только как часть так называемого "*misera contribuens plebs*"¹.

Последнее большое народное движение с Востока вспыхнуло у дако-римлян в начале XIII века, когда преемники Чингиз-Чана отправились покорять запад обитаемого мира, после того как сам Чингиз-Чан уже покорил восток и юг. Однако владычество монголов в этих

западных регионах Европы, которых уже образовались тесно связанные между собой королевства германцев, поляков и мадьяр, было очень недолгим. Вскоре они ограничились исключительно Восточной Европой, нынешней Россией, и, поскольку за ними не последовало новых миграций, валахи преуспели в своих многократных попытках получить независимую национальность.

Вскоре после отступления монголов в середине ^{xiii} века среди цыганского народа, бежавшего вместе в горные долины Зигбурга, появились два правителя, которые привели его обратно в придунайские страны у подножия гор, разрушенные монголами и спорадически захватываемые славянами.

Один из них, называемый "Драгош", двигался, по выражению валашских летописцев, "с молодым цветком цыганского народа" от Мармароша у истоков Тейса на восток. Первая текущая на восток вода, которой он достиг при весьма авантюрных обстоятельствах, - патристические историки создали об этом прекрасный миф - называлась "Молдава", и поэтому Драгош дал завоеванной и заселенной цыганами земле, основанному им государству название "Молдавия".

Другое цыганское государство-форматор под названием "Радул" или "Рудольф Черный", проживавшее в части Зибенбурга у истоков Алуты, которая традиционно называлась "Фогараш", также за некоторое время до Драгоша покинуло горы и направилось на юг вдоль упомянутой реки, захватив расположенные там на Дакене земли, заселив, окультуривав и объединив их в единое государство, которое называлось "Валахия" *par excellence*.

На эти два своеобразных государства - Драгош и Радул, которые существуют до наших дней, хотя и с очень несовершенной и постоянно отстаиваемой независимостью, а в крайнем случае лишь как вассальные государства соседних империй, цыгане смотрят с особым удовольствием, как на период возрождения и обновления своей национальности, которая, как они верят, когда-то пережила свой золотой век при Децебале и Траяне, затем дремала под тысячелетним переселением в горах Фогараш и Мармарош, но спокойно сохраняла язык и нравы, а теперь, при двух народных героях, упомянутых выше, некогда пронеслась над равниной, как горный поток, прорываясь и оплодотворяя ее. Несколько областей древней Дакии, на Дунае и на Понте, были снова деакрализированы, и цыганский элемент, сияющий под пеплом, который, конечно, никогда полностью не угасал даже среди татар, снова всплыл на поверхность. В XIV и ^{xv} веках валахи мужественно сопротивлялись полякам, венграм и другим соседям, которые постоянно вмешивались в их дела. Тогда у них появился свой Александр, свой Стефан и другие князья, прозванные историками воскресшими Децебалами, "добрыми", "великими" и т.д.

Но и эта национальная независимость длилась недолго, потому что уже в середине XV века на южном горизонте собиралась новая буря - власть турок, надвигавшихся на Малую Азию и Константинополь. Валлахи поначалу сами призвали этих новых азиатских соседей в свою страну, так как надеялись воспользоваться их помощью в борьбе с венграми, а турки, со своей стороны, пощадили их до тех пор, пока власть христианских соседей была в почете. Однако когда в роковой битве при Мохаче (в 1526 году) империи мадьяр пришел конец и полумесяц затрепетал на востоке и под стенами Вены, валахи постепенно перешли под власть турок. Поначалу на них был наложен небольшой долг благодарности, который, однако, с годами только увеличивался.

Статус туземного государя, который после изгнания старых династий Драгош и Радул перестал быть наследственным, а стал выборным, вскоре перешел под все более прямое влияние султанов, и в конце концов валлахские князья, как и пуштуны, были удостоены

отличия "трех хвостов" и, как и пуштуны, назначались и смещались султаном. Поначалу падишахи были настолько сговорчивы, что выбирали своих королевских вассалов из старых валашских барбарийских семей, родившихся в стране. Постепенно, однако, они отказались и от этого обычая и стали сажать на трон иностранных авантюристов из Эпира и Албании, кто больше предложит, а с начала XVIII века это стало постоянным обычаем среди турецких императоров, валашских и молдавских князей, охраняющих их границы, и, как некогда Мильтиад стал для Дария, их дунайских землемеров и дунайских мостостроителей, из греческих семейств, живущих в Константинополе, и обыкновенно назначают в это достоинство тех греков, которые служили им государственными переводчиками и которыми они были довольны. Султаны в указах, которыми они продвигали этих переводчиков, назначенных князьями нижнедунайских стран, говорили о них на своем цветистом, но очень значительном восточном языке, как о "растении, выращенном их рукой, свече света, которую они зажгли". Они задували эти свечи, когда считали нужным, не имея для этого ни малейшей причины, и поэтому, с тех пор как эта система была введена в действие, в Валахии на их вассальном троне в течение столетия появилось и исчезло не менее 40 различных греков.

Эти "греческие господа" добавили греческий язык ко всем национальностям и языкам, уже существовавшим среди цыганского народа. Греческий стал не только придворным языком господарей, но и разговорным языком цивилизованного класса, а также повседневным языком всех зависимых от двора или менее зависимых от двора бояр, которые были сильно грецизированы или мистифицированы под властью турок. Греческий язык пустил такие глубокие корни, что и сейчас среди валашских дворян австрийской провинции Буковина он является общим разговорным и письменным языком, как и французский в Петербурге. Следовательно, несколько греческих слов и элементов также полностью перешли в дако-румынский язык и национальность.

Только с начала этого столетия далеко идущее господство России свело на нет влияние этих греческих семей, ставших столь многочисленными благодаря туркам. С помощью России на престол взошли возрожденные валашские роды, а русские, помимо *своих обычаев*, заставили *французский язык* заменить греческий во многих отношениях в главных кругах княжества.

Постоянная смена правительств, нестабильность настоящего и неопределенность будущего в течение всего периода правления греков, введенного турками, должны были сделать для валахов невозможными любые прочные начинания и полезные реформы. Изредка появляющиеся зачатки промышленности всегда подавлялись, торговля и все патриотические движения были парализованы и подавлены. Народ, который греки считали хорошей добычей и обременяли налогами, не подавал никаких признаков жизни в своем крепостном состоянии, подобно перуанцам, истощенным испанцами, в то время как все их соседи развивались.

Если к этому добавить тот факт, что, если рассматривать историю валахов в целом и в целом, то окажется, что все перемены и все неопределенности с древнейших времен почти всегда были печальной судьбой этого народа, оказавшегося в столь неблагоприятном положении, Расположенный на таком неблагоприятном ветру, в углу, который в то же время был местом, через которое все народы входили и выходили из Европы, легко понять, что при таких обстоятельствах не могла сформироваться ни великая и счастливая, ни очень трудолюбивая или промышленная нация.

Действительно, когда попадаешь к валахам, будь то с запада от энергичных мадьяр, или с востока от столь же неторопливых казаков, или с юга от мужественных и покоренных сербов, можно подумать, что ты сделал шаг вниз по склону.

Дороги, по которым повозки тянут привязанные веревками дикие лошади, в зависимости от времени года представляют собой либо глубокое болото, либо пыльную песчаную местность. Дома жителей, вернее, их соломенные или соломенные хижины, их вырытые в земле ямы, их нахлобученные летние палатки и их жалкие зимние норы, которых почти не видно, так как они всегда боком прячутся от дороги, в глубине страны еще менее пригодны для жилья, чем у венгров и казаков, а их поля еще более запущены. Облик людей, которых вы видите в окружении, пастухов, перегоняющих свой рогатый скот, которые по сравнению с ними выглядят приятными, чистыми, изящными и, можно сказать, цивилизованными, с грубым "привет";-пухлые крестьяне, которые с упряжкой из шести весел медленно тянут жалкий и очень старомодный плуг по жирным блестящим фермерским угодьям; -постильщики, конюхи, хозяева ночлежек и их прихвостни, обслуживающие путешественников и мажущие свои остrokонечные волосы беконом, - все они выглядят очень дикими и мрачными. Даже в деревенском школьном учителе и проповеднике скорее можно увидеть хайдука, чем мягкий горящий свет прихожан. Невозможно, чтобы среди подданных Децебала, о котором когда-то сетовал Овидий, дела обстояли хуже, и можно согласиться с высказыванием молдавского князя Кантемира, который назвал своих крестьян "самыми жалкими жителями под солнцем".

"Среди этого народа редко встречаются властные, решительные и великие люди, сильные и благородные характеры, хотя главной чертой их характера является дерзость, и они любят ссориться. Их сердца недалеки от их уст, и так же, как они быстро забывают начатую вражду, они недолго хранят верность закрытой дружбе. Они скорее хитры, чем осторожны, и, обладая непостоянным характером, не знают меры в своих чувствах. Когда дела идут хорошо, они самоуверенны и жизнерадостны, но когда случается несчастье, они быстро падают духом. На первый взгляд ничто не кажется им сложным, но, столкнувшись с трудностями, они приходят в замешательство и отказываются от своих планов. По отношению к завоевателям и подчиненным они попеременно то добры, то жестоки".

"Верность среди них встречается редко, и, скажу откровенно, - говорит князь Кантемир, за которым я следую здесь, как за земляком и компетентным судьей валахов, а не за собой или другими репортерами, - в характере и нравах валахов, моих земляков, я нахожу мало похвалы, кроме их врожденного гостеприимства и строгой прямоты. Они решительно противятся всем новшествам, что, кстати, очень легко понять, поскольку все новое, приносимое к ним извне, всегда было новой чумой и тиранией".

Всеми ремеслами, искусствами и науками занимаются поселившиеся у них иностранцы: немцы, русские, французы, армяне и евреи. Сами они не только не являются любителями и почитателями искусств и наук, но "почти все они", как утверждает государь, "презирают их так же, как и иностранных "авантюристов", которыми они занимаются. ". Для настоящего валахийца, по их мнению, достаточно, если он умеет отмечать своих рогатых волов, лошадей, овец и пчелиные ульи черточками и прочерками в блокноте, который представляет собой их текущую бухгалтерскую книгу. Все остальное кажется им излишним.

Бояре и вообще валашское дворянство не вызывали никаких похвал. Дворянство делится на несколько классов; помимо дако-римлян, родившихся внутри страны, в княжествах появились богатые греки, армяне, евреи, поляки, татары, да, пожалуй, даже цхеркессы. Следовательно, эта аристократия едва ли не более пестрая, чем сам простой народ. Жестокое обращение, которому подвергались в прошлом эти бояре, как придворные

господарей или как слуги турецкого султана, а также их собственные крестьяне, угнетаемые и терзаемые ими, подорвали их чувство благородных удовольствий жизни и всех тонкостей сердца.

Правда, в более поздние времена они утратили свою национальную одежду, а западноевропейские моды и обычаи, пришедшие к ним в основном из России, но отчасти и из Австрии и Вены, были привнесены; однако это не отменяет того факта, что в своих нравах, в своих наклонностях и энтузиазме они во многом остались *прежними*: франко- или немецкоговорящие, похожие на европейцев восточные люди.

Они испытывают сильное отвращение ко всякому напряжению тела или ума. Любое движение, связанное с каким-либо усилием, им неприятно. Их почти никогда не увидишь пешком. Верховая езда и другие физические упражнения, даже охота, которые являются любимыми занятиями многих высших классов других народов, им не по душе. Они почти не передвигаются иначе, чем в легких каретах. Роскошь в одежде велика как среди мужчин, так и среди женщин и пагубно влияет на их домашние обстоятельства и достаток. Их жажда расточительности соперничает с их желаниями, временами ими управляет безграничное хвастовство, временами - страшная скудость.

Полностью отдавшись пышности, чувственным удовольствиям и не очень приятному общению, они мало заботятся о прекрасной природе своей страны. Они хотят жить только в княжеских резиденциях, где с незапамятных времен раздавались и получались грамоты и должности, титулы и пребенды. Самые славные места их родины, следовательно, одиноки и заброшены; долины и самые красивые пейзажи, в которых могли бы расположиться рыцари и короли, населены лишь медведями и орлами да бедными, грубыми пастухами. Иногда им приходит в голову построить здесь или там красивый загородный дом, но они почти никогда не реализуют часто высказываемое намерение жить в нем, и поэтому в течение короткого времени они превращаются в руины. Лишь в редких случаях они могут заставить себя покинуть, независимо от времени года, город, чьи круги притягивают их непреодолимо. "Великие, оригинальные гении и великие мысли живут среди них так же мало, как великие добродетели и дух самопожертвования". Но то, чему они могут быстро научиться, они с готовностью и очень легко делают своими собственными, поскольку, как правило, не обделены способностями.

Это не слишком назидательные замечания, но их делали почти все, кто искал потомков древних дако-римлян в своей стране. Однако нельзя не заметить, что при общих описаниях народа не следует слишком сильно макать перо в черные краски, потому что везде можно найти слишком много поводов для догадок и недовольства. Тот, кто пытается набросать черты народа или общества несколькими слабыми и общими мазками, не должен забывать, какое большое и многогранное существо - народ, разделенный несколькими миллионами душ на огромном пространстве. В условиях так много нюансов, которые можно подчеркнуть только точным описанием деталей; При таком описании целые общины, целые племена показывают физиономию, значительно отличающуюся от той, которая указана как общая - много исключений из правила - несколько благородных личностей, которые далеко возвышаются над общим средним типом, описанным этнографом, и которые в высокой степени овладели теми добродетелями, вкусом и развитием, которые должны быть отрицаемы для всей массы.

Так, валахийцы, гордясь тем, что, по свидетельству их древнего князя Кантемира, они мало уважают науку, произвели на свет ученого и правдивого писателя, друга Петра Великого, и кроме него еще несколько ученых знаменитостей, среди которых я хотел бы еще раз

упомануть о любезной, остроумной и ученой графине Доре д'Истрия, которая в наши дни с таким глубоким чувством восхваляла свое настрадавшееся отечество и светлые стороны своих так часто упрекаемых соотечественников, в то же время справедливо расплачиваясь за влияние немцев. Так, валахи могут похвастаться, помимо многих других прославленных героев, тем, что когда-то подарили венграм своего великого Иоганна Хуньядеша (мать которого, по крайней мере, была валахиной) и его сына Матиаша Корвина. Несколько болгарских князей, часто упоминаемых в истории, также были валашского происхождения, а в древние времена даже римские императоры Аврелиан и Галерий, как говорят, родились от дако-римлян, и всех их валашские патриоты с неменьшей гордостью считают своими соотечественниками.

Точно так же на земле валахов то тут, то там встречаются очень аккуратные и респектабельные жилища, которые совсем не похожи на общую картину, которую мы только что нарисовали, - обычные соломенные хижинки и землянки в земле. В горах иногда попадаются деревни, жители которых особенно заботятся о своих садах, особенно об айве, любимом фрукте валахов.

Если тяжелая судьба, всегда постигавшая их землю, делала их вялыми и неповоротливыми, поскольку они лишь изредка могли наслаждаться плодами своего труда, то постоянные войны и грабежи научили их также легко расставаться с тем, что им принадлежит или что они любят. Никто не принимает потерю так легко, как валахинец с его часто повторяющимся лаконичным восклицанием: "Как Богу угодно". Выросшие без особых потребностей, строгие и закаленные, они редко позволяют себе быть сбитыми с ног несчастным случаем. Осыпания, наводнения, пожары и тому подобное они считают просто "от Бога", а потому не тратят на них слез. Лишь изредка они просят милостыню.

Их гостеприимство, которое, как уже упоминалось, их критический поэт и судья, князь Кантемир, называет их самой выдающейся добродетелью, проявляется при каждом удобном случае; там, где несколько валахов сидят вместе и едят только сухой кукурузный хлеб, изредка откусывая в качестве приправы кусочек стебля чеснока длиной в палец, путешественник обязательно будет любезно приглашен ими присоединиться к их трапезе. На свадьбах и других празднествах, где царит разгул, стучащийся к ним в дверь путник всегда получает свою долю, а на похоронах в доме покойного всегда кормят и одаривают, чем могут, несколько бедняков.

В общем, каждый, кто хоть раз проехал по Люнебургской пустоши и открыл для себя множество дружелюбных, даже очаровательных образов природы в этом печальном краю, который справедливо называют "пустошью", знает или думает, что на болотах валахского народного духа тоже можно найти много дружелюбного и доброжелательного. Каким верным и стойким был, несмотря на "легкомысленную забывчивость", обычно присущую его народу, например, старый Абрам Бабеч, которого немецкий путешественник однажды встретил в Валахии и который, по валашскому обычаю, 12 лет оплакивал безвременную смерть своего сына, то есть всегда ходил с голой головой. И сколько еще подобных черт можно было бы добавить.

Как красноречивы и трогательны не многие песнопения "варваров" валахов, которые, как и у славян, всегда поются в простецком кротовом тоне. Как трогательны и поэтичны песни и стихи, распространенные в народе. Во время моих путешествий по Валахии я собрал некоторые из них, и что может быть трогательнее следующих стихов, которые один из уроженцев Валахии передал мне как народную песню своего народа и под названием: "*Impartire a florilor*". (разделение цветов) записал для меня.

Флорилор, о Флорилор

Di livada reserite!

о! Цветы да цветы!

Возникшие из земли!

Каждый должен славить тебя

И здесь и там вокруг.

Вы, дочери природы!

Украшенные солнечным светом

Желтым, зеленым и лазурным

Небесной синевы, такой нежной.

В венок я вплел кеур,

из цветов прекрасных;

По форме и цвету

Точно девы образ.

Ты, о Флора, прелестное создание

С глазами твоими, нежными и прекрасными,

Твои уста, никогда не знающие похвалы,

С твоим прекрасным нравом.

Я с радостью дарю фиалку, тихую и маленькую.

Как символ твоих добродетелей, многочисленных и чистых.

А тебе, Исаа, служат символом

Прекраснейшая роза, полная огня и сияния,

Поскольку ни существо твое, ни речь твоя никогда не скрывают

Теплоту крови сердца твоего.

Мария, твое сердце так чисто и так хорошо,

Как капля росы, что блестит в поле.

Ты напоминаешь нам цветок без колючек,

И не ставя перед собой задачи.

Лилию я предлагаю тебе в образе,

Которая, распустившись утром,

Восхищает все творение,

От аромата которой не исходит ничего, кроме любви.

Такие поэтические строки способны примирить нас с "варварским" народом, который их написал. И каждый, кто читал очень важные валашские народные сказки, собранные и опубликованные немцем несколько лет назад, не сможет отказать валахам в большой фантазии.

И, наконец, учитывая удручающую судьбу и пренебрежение этим народом, следует отметить тот факт, что в последнее время по крайней мере две части этого народа, еще более раздробленные, чем поляки, вновь объединились, а Молдавия и Валахия, по крайней мере, предприняли попытку объединения и национального укрепления. Впервые со времен Децебала столько даков находятся под властью государя, которого они выбрали сами. Станет ли это началом восстановления старой Дакийской империи во всей ее полноте, о чем мечтают цыганские патриоты, которые в своем воображении видят "нетронутые степи и леса Валахии с золотыми кукурузными полями, пересеченные дорогами и железными дорогами, усеянные фабриками и населенные 10 миллионами образованных цыган", покажет только время.

Однако определенную надежду на то, что эта мечта когда-нибудь сбудется, вряд ли можно извлечь из печальной истории прошлого страны и народа. Кажется, что несколько национальностей, как в силу своей природной предрасположенности, так и в силу места, которое они занимают в мире, обречены постоянно играть подчиненную и неопределенную роль. Кроме того, едва ли можно без страха думать о кровавых дорогах и страшных потрясениях, с помощью которых только и можно было бы объединить всех валашских соплеменников, на спинах которых в России, в Галлии, Венгрии, Севернбургене построились другие народы и государства, и избавить их от всех инородных составляющих.

1 Несчастные, обремененные общностью.

Мадьяры.

На юго-востоке Европы, в районе и вблизи самого большого потока нашего континента, природа образовала ряд больших горных стран, которые в физическом смысле имеют некоторое сходство друг с другом. Богемия, Моравия, Венгрия, Валахия (с Болгарией) - все они сходны между собой тем, что представляют собой обширные низменности, окруженные со всех сторон большими горными хребтами, а в середине находятся ровные и обычно очень плодородные равнины, которые в прежние времена, вероятно, образовывали большие внутренние моря, воды которых теперь, однако, сжаты в крупные текущие вены.

Из всех этих примечательных бассейнов Венгрия является самым примечательным, а также самым важным в историческом плане.

На севере и востоке она окружена Карпатами, словно резко извилистым полукругом; на западе и юге ее ограничивают Альпы и их ответвления. На северо-западе, где сходятся Альпы и Карпаты, есть отверстие, через которое Дунай впадает в бассейн у Пресбурга, перерезая его под углом, как большой канал. На юго-востоке, где сходятся Сербские и Зевенбургские горы, есть второе отверстие, с древних времен так называемые "железные

ворота", у которых Дунай через галерею высоких скал длиной в несколько миль снова прокладывает себе путь через всю страну.

Со всех сторон воды спускаются с гор и соединяются с Дунаем, образуя большие озера. С запада текут Драве и Саве, с востока - рукава Тейса, самой богатой реки Европы.

На севере и востоке Карпатские горы отделяют страну от Сарматской равнины и обуславливают разницу в климате между Польшей и Венгрией почти такую же резкую, как Альпы между Германией и Италией. Пересекая Карпаты с севера, вы вскоре попадаете из сосновых лесов и заснеженных болот Польши в плодородную винодельческую страну, где под гораздо более чистым и сухим небом выращивают южные вина. На севере Венгрии многочисленные ответвления Карпат образуют множество прекрасных холмистых ландшафтов. Почва богата всевозможными сокровищами, целебными источниками, минеральными водами, железом, серебром, медью и даже золотом, а между богатыми рудой горными жилами раскинулась сеть плодородных, взаимосвязанных долин, включая так называемую "золотую землю Венгрии", большой остров Шутт в рукавах Дуная.

Ветви и предгорья Альп на юге и западе, хотя и беднее металлами, полны самых ярких и очаровательных пейзажей. Объединенные воды земли, склоняющейся к югу, с древних времен толкали ее вверх и, как в дельте Нила, создали в Валахии жирное грязевое дно, которое на площади в 50 миль встречается в ландшафтах Банаата, Батшки и долины Драве, столь известных своим плодородием. Там прижились миндальные и оливковые деревья и даже хлопковый куст, а в прекрасных лесах растет сладкий каштан.

Центральные области Венгрии образуют обширную равнинную страну, которая осталась настолько свободной от потрясений, наводивших хаос на наш земной шар, что ее поверхность на всем протяжении кажется похожей на гладкую водную поверхность внутреннего моря. Во всей горной Европе по эту сторону русских гор не найти второй такой равнины. Куда бы ни вступал человек, выходящий на эту равнину с пограничных гор, он думает, что видит перед собой другой континент. Можно подумать, что Европа вобрала в себя часть азиатских степей посреди своих гор. Все свободно, открыто и просторно, везде горизонт безграничен. Песчаные холмы или бывшие дюны - единственные возвышенности. Поверхность в целом бесплодна, безлесна и лесиста, по большей части бедна водой, покрыта травой или необъятными пустошами. Некоторые участки плодородны и пригодны для возделывания. Оба региона вдоль Дуная и Тисса большую часть года покрыты водой и образуют обширные болота. В других частях полностью отсутствует плодородная почва и трава, и они напоминают голые, безводные, безлесные и безтенивые песчаные пустыни. Традиционно их называют "Пюстен" (пустыня), под этим названием, впрочем, впоследствии стали называть и всю внутреннюю равнину Венгрии - земли, как застроенные, так и пустынные. Как и в российских степях, в венгерских "пюстах" встречаются многочисленные соленые и содовые озера - остатки бывшего внутреннего моря. Климат этих пустынь также очень похож на климат азиатских степей: он очень сухой. Летом солнце над венгерской равниной палит так же ярко, как над Сахарой. Часто на небе месяцами не бывает ни облачка, а воздух горяч и неподвижен. Зимой, однако, над равниной дуют сильные ветры, но они не такие суровые и холодные, как в восточных странах, благодаря горной цепи, защищающей ее с севера и востока. В большинстве случаев можно смело оставлять стада на улице и летом, и зимой. Однако в исключительных случаях с востока приходят *очень* суровые зимы, и тогда скот, как в степях России и Тартарии, гибнет тысячами.

Все общие и особенные черты природы и жизни в этих венгерских пюстах до такой степени гармонируют с тем, что мы видим на Каспийском море и на Понте, что можно подумать, что

по эту сторону Карпат мы снова видим ту же землю, ту же почву, тот же прежде сплошной ковер, от которого Карпаты, поднявшиеся впоследствии из недр земли, лишь случайно отрезали и отгородили часть. Несомненно, что степная природа внутренней части Венгрии составляет ее существенный характер и оказывает решающее влияние на всю страну. Если бы Венгрия, как и вся Европа, была изрезана холмами и горными хребтами, она имела бы другую историю; она была бы более тесно связана с Западом, но теперь, как обширный богатый животными луг, окруженный горами, как прекрасный скотоводческий район, окаймленный Карпатами, она должна была быть известна среди азиатов и рассматриваться ими как земля обетованная.

С древнейших времен азиатские и кочевые народные элементы, влившиеся в это широкое лоно Венгрии, всегда накладывали свою печать на землю и народ и задавали тон обоим. Теперь мы видим посреди этих пастбищ народ восточного происхождения, который со всех сторон оказывает давление и властвует над горными народами иного характера. И так было почти на протяжении всей истории.

Уже в 50 году нашей эры, во времена Клавдия, римского императора, кочевой народ под названием язиджен мигрировал из восточных степей Причерноморья, перешел через Карпаты в Венгрию и поселился в нижних частях внутренних районов страны. Римляне описывают язигенов как "народ диких и мужественных всадников, которые, не имея ни деревень, ни городов, постоянно жили верхом, в легко разбиваемых поселениях, и перевозили свои повозки и стада туда и обратно, когда им это казалось нужным или необходимым. Это были свободные люди, которые долгое время сохраняли свою независимость даже в борьбе с римлянами. Однако горные народы, жившие вокруг них, были им подчинены и обязаны.

Эти немногие подробности, сообщенные римлянами, похоже, указывают на условия, которые существуют в стране и по сей день. *После* язигов в страну пришло множество похожих на них племен всадников, и кто знает, как часто подобные племена приходили в страну таким же образом *до* них.

На каком языке говорили язидженцы, к какому из великих азиатских кочевых племен они принадлежали, мы не знаем, как не знаем и того, к какому роду принадлежали найденные ими туземцы и жители гор. Славянские писатели, однако, считают, что последние были славянами. И если бы это было так, что вполне вероятно, мы уже в древнейшие времена имели бы здесь картину продолжающейся в Венгрии борьбы между трудолюбивыми, земледельческими, покоренными славянами и скотоводческими, вольными захватчиками с Востока, которые навязывали себя в глубь страны.

После язынцев, власть которых была сломлена всеобщим восстанием их (славян?), но чье имя сегодня увековечено в географии Венгрии, в районе "Язийга" на Тейсе, в страну вторглись полчища так называемых гуннов, а их предводитель Атилла, как и вожди Язийга до него, расположился лагерем посреди равнин Дуная и Тейса. Его появление было не смелым и изолированным начинанием отдельного племени, а результатом больших государственных перемен и народных движений на Востоке. Он пришел во главе великой народной лавины среди бурлящего потока народов. Национальные элементы, взбаламученные этим приливом в Венгрии, были, конечно, очень разной природы. Среди них были монгольские, финские, турецкие и, вероятно, тунгусские воины, хотя первые, возможно, и были лидерами.

Во времена Атиллы, в середине V века, Венгрия впервые сыграла важную, но страшную роль в мировой истории, и с тех пор западноевропейцы стали называть ее "землей гуннов" или "Хунгарном" (Унгарн-Венгрией). Именно из венгерских пюстов, с кавалерийских позиций на

реке Тайсс, были предприняты первые походы против Римской империи, которые всколыхнули германский мир и пронесли знамя революции по всей Европе. Оттуда Атила со своими армиями проскакал в Германию, Францию и Италию, а оттуда вернулся, обойдя Альпы, нагруженный добычей, взятой на Западе. Там, в своих войсках на Тейсе и Дунае, Атила принимал эмиссаров императоров с Запада и Востока и дань многих народов.

После упадка империи гуннов, частично из-за внутренних разногласий преемников Атилы, частично из-за восстаний их славянских и германских подданных, власть над Венгрией перешла к германским племенам - гепидам, готам и лангобардам, но и они недолго удерживали Венгрию под своей властью, потому что почти каждый век приводил новые народы с Востока и Запада.

Затем, в VI веке, пришли авары. Они пошли по стопам гуннов, чтобы повторить их пример в еще более худшем виде. Как и Атила, их чаканы (вожди орд) обосновались на равнинах вдоль Тейса и Дуная и оттуда, как и гунны, нападали на остальную Европу, повсюду причиняя разрушения. В Венгрии до сих пор сохранились остатки так называемых *аварских колец* - больших круглых укреплений, в которых укрывались авары со своими всадниками и стадами.

Как и гунны, они совершали набеги в основном в трех направлениях: на юг до Константинополя, на запад по Дунаю в Германию, на юго-запад по Адриатике в Италию. Они удерживали свои позиции почти 200 лет, пока, наконец, в конце VIII века Карл Великий не выступил против них вдоль Дуная, разбил их силы в большой битве на Раабе и вместе с немецкими поселенцами основал против них свою "*марку Аварен*", Аваренгрен, также известную как "*Восточная марка*", позже названная "*Австрией*".

Уже задолго до этого другой финско-татарский народ, *булгары*, вплотную следовал за аварами со стороны Урала. Захватывая опустевшие провинции в тылу своих предшественников, которые постоянно двигались вперед, они после поражения аваров пришли и в Венгрию и контролировали страну от восточной границы до Дуная у Пешта. Тем временем основные силы болгар повернули к низовьям Дуная и Константинополю, и их власть в Венгрии не была ни очень обширной, ни долговременной. В своих самых северных владениях на Тиссе и Дунае они уступали мадьярам.

В конце IX века в страну пришли мадьяры. Подобно своим предшественникам, булгарам, аварам, гуннам и язарам, они также сели на коней на границах Азии и Европы, сражались, *выигрывали* и *проигрывали* битвы, то побеждая, то уничтожая врагов и обращая их в бегство, долгое время покорные хазарам, двигались на запад по той же дороге великих народов на севере Понта, по которой пришли все их предшественники; пересекли горные перевалы Карпат на севере Зибенбурга и, наконец, остановились, как и их предшественники, на хороших пастбищах вдоль Тейса и Дуная. Там, посреди равнины, их первые полководцы и герцоги, Альмус и Арпард, создали свою армию, как когда-то Атила, и оттуда они и их преемники на своих многочисленных маленьких лошадках, подобно гуннам и аварам, распространились по привычным дорогам через всю Европу, грабя и разрушая Византийскую империю на юге, Италию у начала Адриатического моря и Германию вверх по Дунаю. Если принять во внимание схожесть этих походов и путешествий на протяжении веков и их схожесть почти во всех аспектах, как в отношении цели, так и в отношении дорог, которые должны были привести к этой цели, то можно почти склониться к мысли, что народы действовали по уговору, или будто бы существовала традиция, что венгерская земля, пастбища на Дунае, окаймленные горами, пользовалась большой славой во всей Азии, и будто бы с древнейших времен каждый всадник отправлялся в путь с намерением достичь

этой цели. Отчасти это может быть правдой, но отчасти сходство и регулярность этих перемещений можно объяснить природными условиями этих стран.

Весь юг России представляет собой травянистую равнину, которая была очень удобна для кочевников для передвижения и расширения экспансии. Суровый климат и густые леса центральной России мешали их продвижению на север, а на юге на их пути стояло Черное море.

Поэтому они предпочли *двигаться на запад*. В этом направлении они столкнулись с Карпатами, которые в Зигбурге представляли собой высокое, широкое и труднопреодолимое препятствие, но от истоков Днестра и Прута до истоков Тиссы - низкие, узкие хребты и легкие перевалы. На севере этого региона Карпаты снова поднимаются выше, так что у Тейсы образуется небольшая впадина, переходная точка, очень естественный приток, гораздо более эффективный и естественный, чем уже упомянутые "Железные ворота" на юге, через которые течет Дунай. Через нее и сейчас проходит один из главных путей из России и Буковины в Венгрию.

Язары, авары и мадьяры, которые, как уже говорилось, не всегда продолжали свой путь в качестве победителей, а чаще всего приходили к подножию Карпат в качестве беженцев, гонимых другими ордами, отваживались переходить горы, когда слышали о славных краях за ними. За горами они могли быть уверены в своих преследователях хотя бы на время, а на равнинах, где они находили империи своих азиатских предшественников или славян, живших там с незапамятных времен, в разладе и упадке, они могли действовать как завоеватели и конкистадоры со свежей кочевой отвагой.

То, что все они в конце концов остановились на Дунае, как будто теперь они достигли своей цели, как будто они прибыли в землю обетованную, так же естественно, как и для остальной Западной Европы. Если бы они нашли бесконечные равнины, луга и проезжие дороги, кочевники достигли бы конца света. Однако во время своих исследований и набегов из бесплодных пюстов они всегда обнаруживали, что по ту сторону нет ничего, кроме лесных и горных земель, полных людей, городов, стен и пересекаемых морскими лонами. Их часто возвращали туда с окровавленными головами, и поэтому они оставались в своем пюсте, где их никто не искал, и который был последней частью континента, напоминавшей их азиатскую родину. Даже сегодня, если мадьяру дают описание гор и узких долин, он привык говорить с отвращением: "Это ужасно! Венгр должен там *задохнуться*".

Как и в том, что касается дорог, по которым они попадали в придунайские земли, и условий, в которых они там селились, эти народы, вплоть до мадьяр, все были похожи друг на друга в плане своей национальной истории. Под предводительством военачальников и грубых правителей, которых боялись повсюду, все они один за другим, как мрачные грозные тучи, оседали на Дунае и оттуда в течение некоторого времени совершали свои опустошительные походы во всех направлениях. Но ни один твердый принцип, ни одно наследство от княжеского престола, ни одна склонность к цивилизации или прогрессу не укоренились в них, и так получилось, что все эти грозные тучи растворились в тумане. Порывистый дух предпринимательства угас. Такие великие и талантливые вожди, как Атила, больше не возвращались. Орды расходились и дробились, и поэтому всегда становились добычей другой, вновь прибывшей орды, которая была еще одушевлена той свежей отвагой и юношеским единодушием, которые так характерны для разбойников в начале их походов.

Мадьяры были первыми и остались единственными, кому хватило таланта или удачи избежать этой общей участи всех политических устоев азиатов в Европе. Они одни не растворились в пыли, они одни остались среди нас, присоединившись в качестве

постоянного члена к венку других европейских народов. Едва оказавшись по эту сторону Карпат, они основали монархию с наследственной династией, и из их среды вышло несколько героических князей. Вскоре после того, как они, подобно гуннам и аварам, были наказаны и отброшены назад кровавыми ударами западных народов за свои набеги, они, подобно этим народам, не отказались от своих захваченных земель по-азиатски, поспешно бежав, но, напротив, вскоре опомнились и, приняв западную цивилизацию и христианство - западное, а не восточное, как русские, - решили *остаться в Европе европейцами*, поскольку, будучи азиатами, они не могли стать коренными жителями. Они облачились в тяжелые доспехи западных народов, призвали немцев и итальянцев, основали с их помощью города и крепости, взялись за плуг и научились земледелию у германцев и славян.

Тем временем неисчерпаемая Азия продолжала, как и прежде, посылать на Запад новые конные народы. Сначала в X веке печенег, которые всегда внимательно следили за венграми, затем в XII ^{веке} дикие куманы или половцы, оба турецкого происхождения, и, наконец, в XIII ^{веке} татары из Чингиз-Чана. Как и их предшественники, все они стучались в эту карпатскую стену, да, пожалуй, даже частично взбирались на нее. Но мадьяры, которые оставались сильными и становились еще сильнее, оказали им надежное и мощное сопротивление. Турецкие печенег и куманены входили в Венгрию только отдельными отрядами, да и то лишь в качестве приспешников и подданных венгерских королей, и вскоре исчезали в массе венгерского народа, с которым смешивались. Даже татары XIII ^{века} были окончательно покорены в Венгрии, разорив всю страну, и вынуждены были довольствоваться владычеством на обширных землях к востоку от Карпат, и лишь много позже могущественная Россия смогла ограничить эту азиатскую миграцию на Урале, как до нее это сделали мадьяры на Карпатах.

Начиная с *Германии*, которая после времен Карла Великого и Генриха Фогелаара прочно объединилась, вооружившись городами и стенами, через Венгрию и Россию, можно наблюдать медленный процесс кристаллизации и консолидации европейских народов на протяжении веков, который с развитием сельского хозяйства, цивилизации, строительством городов, военных границ, казачьих линий и т. д. постепенно продвигается все дальше на восток, подобно системе насыпей немецких крестьян-маршей, ограничивает море азиатских народов все более узкими границами и реагирует на политические потрясения, исходящие из Азии, постепенно продвигается все дальше на восток, подобно системе насыпей немецких фермеров-маршей, ограничивает азиатское море все более узкими границами и позволяет политическим потрясениям, исходящим из Азии, все меньше и меньше разделять наш континент.

Первоначально, когда мадьяры вошли в страну через Карпаты, их численность не превышала 300 000 голов. На Дунае они размножились до нескольких миллионов, не растворившись в первоначальном населении, как франки и готы в Испании и Галлии. Сохранив верность языку и идиосинкразиям своих предков гораздо больше, чем эти два народа, и даже частично навязав их другим, они сами основали здесь империю, которая просуществовала долгое время и в пору своего наибольшего расцвета в XIV и XV ^{веках} охватывала почти все средне- и нижнедунайские ландшафты, от Карпат до Адриатического моря, а при Людовике Великом даже Польшу до Восточного моря.

При этом Людовике из Анжуйского дома, а затем при их знаменитом Матиаше Корвине, который не только преуспел на полях сражений, но и занимался науками и искусствами, обладал такой большой и ценной библиотекой, как ни один европейский государь его

времени, и которого венгерские крестьяне и сегодня восхваляют, говоря: "Король Матиас и справедливость мертвы", венгры достигли наивысшего уровня национальной славы и престижа. Счастье и прогресс этого народа могли бы быть более продолжительными, если бы не разверзлась новая страшная пропасть, которая поглотила столько процветающих европейских народов. В то время как венгры достигли зенита своего могущества, турки обрушили все стены христианства на юге и, наконец, встали у границ Дуная.

У великих венгерских королей, которые некоторое время были героическими поборниками христианства против мусулман, были недостойные преемники, которые потеряли корону, империю и жизнь в неудачных сражениях с турками. С важными битвами под Варной (1444), где король Владислав был разбит вместе со своими героями, и под Мохачем (1526), где король Людовик II утонул со своими людьми в болоте, закончилось национальное величие и независимость мадьяр. Будучи подданными или союзниками турок, венгры сами погрузились в пучину бессилия и опустошения.

Почти 200 лет турки оккупировали мадьярское ядро внутренней части Венгрии - Пюстенланд. Соседние карпатские земли славян так и не перешли в их руки. Под полумесяцем мадьяры стали заметно маневрировать: они начали брить головы, как турки, пользоваться восточными банями, строить мечети в своих городах, переняли многое из языка, манер и обычаев османов. Многие из них даже приняли ислам, служили мусульманам в качестве вассалов, вышивали на своих знаменах полумесяц и писали под ним: "За Аллаха и отечество". То, что им не совсем повезло, как албанцам и боснийцам, и то, что в конце концов они также сохранили основные черты своей национальной идентичности от *этой* опасности, "что они", как выразился один из их историков, "смогли постепенно снова показать надлежащий христианский облик", "Они во многом обязаны победам Карла Лотарингского, принца Евгения и своей связи с австрийским домом императоров, с чьей помощью они в течение трех веков общей борьбы и противостояния поднялись к новой надежде и новому развитию своей национальности".

Откуда, собственно, взялась эта мадьярская самобытность и сильная национальность, что они собой представляли и какие крупные племена должны быть причислены к мадьярам, - это до сих пор является предметом долгих споров.

Русские писатели, у которых мы находим первые сообщения о венграх, выводили его из страны "Угриен", старой родины финнов на Урале. Венгерский ученый Саинович, который в 1769 году сопровождал знаменитую научную экспедицию на север земли саамов для наблюдения за прохождением Венеры, разделял это мнение и написал книгу, в которой доказывал, что саамский и финский языки по сути своей одинаковы с мадьярским. И до сих пор большинство ученых считают, что мадьяры изначально были ближайшими родственниками финских восточных яков, вокуленов и башкир, чья страна в средние века долгое время называлась "Великой Венгрией". Знаменитый французский путешественник и посланник Рубруки утверждает, что в его время, в ^{xiii} веке, язык жителей этой "Великой Венгрии", башкир, был еще точно таким же, как у мадьяр на Дунае.

Кроме того, старые предания самих венгров указывают на район средней Волги и Камы как на место, откуда начинались их походы в Западную Европу. Там и сегодня живет финское племя, носящее почти то же название, что и мадьяры, а именно "мещеряки". И, наконец, к югу от этих районов и к югу от Волги, на реке Каме, находятся руины города, который до сих пор называется "Мадшар" и который, как считается, является первоначальной родиной мадьяр.

Однако большое разнообразие нынешнего венгерского языка с другими финскими диалектами, а также существенное различие в теле и духе этих двух народов заставили других искать происхождение венгров в другом месте и объяснять это сходство их более или менее длительным *пребыванием* среди финнов. С самых ранних времен бийские писатели обычно называли венгров "турками". А так как венгерский язык имеет не только много слов, но и много особенностей в строении и механизме, общих с языками многочисленных турецких племен; так как телосложение венгерского народа выдает скорее что-то южно-азиатское, чем что-то лапландское или финское, многие ученые считали их тюрко-татарами. Другие снова причисляли их к древним гуннам и монголам. Однако, поскольку и в языке, и во всей сущности мадьяр еще многое не является ни тюркским, ни финским, ни монгольским, и поскольку в основном сами венгерские патриоты, которым родство с восточными яванцами или саамами - император России отдал приказ доказать это на научных основаниях - казалось недостаточно лестным или, возможно, даже опасным, всегда предпочитали придерживаться этой самой особенности, этого нечего, которое они называли "Mag", т.е. ядро народа (от тюркского или финского языка). И вот в недавнем прошлом один из них, молодой, полный энтузиазма Чома фон Кёрёс, в окружении финнов, турок и монголов отправился на исконное место обитания всего европейского человечества, в индийские высокие горы, чтобы обнаружить долины у истоков всех азиатско-европейских народных потоков, из которых, возможно, и возникло ядро мадьяризма. Но затея этого ученого венгерского патриота, потерявшего при этом жизнь, мало способствовала решению этого вопроса, хотя сам он был лично убежден, что родину венгров за Гималаями следует искать вблизи Тибета.

Однако наиболее вероятным результатом, к которому, по крайней мере, за исключением Венгрии, пришли в целом, и который, как уже было сказано, основывается главным образом на изначальном родстве мадьярского и финского языков, было и остается то, что мадьяры в своем первом зарождении должны рассматриваться как финский героический род, который впоследствии смешался со многими иноземными компонентами, и в котором, как в современном смешанном английском народе, путем химического смешения и растворения элементов образовался весьма своеобразный дух, из которого возник самостоятельный организм, сознающий свою силу, которого мы не можем найти ни в одной из смесей, продуктом которых он является, ни в одной из них мы не можем *полностью* растворить и объяснить.

Несомненно, еще до того, как они перевалили через Карпаты, в своем долгом походе и во время своих неуверенных и беспокойных вылазок с Урала через степи России, они вбирали в себя много иноземного; турецкие, славянские племена лежали на пути этой кучки воинов. В рабстве у хазар и в войнах с иноземцами они объединялись с ними и брали многих из них с собой. В самой Венгрии этот процесс продолжился еще дальше, ибо там повсюду встречались как славянские народы, так и остатки азиатских племен. От аваров, от древних гуннов, от еще более древних езидов, когда они спускались в глубь венгерских гор, всегда оставалось несколько остатков, которые при всех потрясениях и сменах правителей в стране сохраняли кочевое ядро населения. Мадьяры переняли эту, наиболее подходящую для них, азиатскую закваску. Когда они услышали о великих деяниях гуннов и аваров и когда сами впоследствии совершили такие же великие деяния, тогда в народном сознании мадьяр предыстория полностью слилась с настоящим, имеющим с ней так много общего.

Они присвоили себе, так сказать, всю былую славу занятой ими земли. Они приняли традиции аваров и гуннов как свои. Они отождествляли себя со всем тем, что завоевало и разрушило их бассейн Дуная с востока и вновь ушло оттуда. Так Атила стал венгерским национальным героем, деяния которого мадьярские писатели приукрашивали с еще

большим увлечением и с большим количеством добавлений собственного изобретения, чем германцы и франки приукрашивали деяния своего великого Карла. Атила и его гунны, Баян и его авары, по их представлениям, были в определенном смысле лишь авангардом того же великого и длительного переселения народов, аррьергардом и хвостом которого теперь стали мадьяры, а венцом всего этого дела они завершили угнетение и консолидацию страны.

Но большинство жителей страны, которую венгры приняли за свое отечество, составляли славяне, которых, как уже говорилось, можно было встретить повсюду, как на юге, так и на севере, как на востоке, так и на западе. Во многом за счет этих славян новый побег с Востока вырос в большое дерево. Он неизбежно перенял многое *от этого элемента* в своей среде: почти треть слов в венгерском языке славянского происхождения, как и многие фамилии (даже имя самого известного мадьяра нового времени Луи Кошута), а также многие их политические институты, например, земельные деления. Например, их земельные деления или комитаты, их королевские судебные учреждения, их крестьянские отношения возникли из славянского подполья.

Германцы, наконец, составили третий элемент, который оказал модифицирующее влияние на характер мадьяр. Старые германские правители Паннонии, лангобарды, готы и гепиды вскоре исчезли, но уже с переселенцами Карла Великого в его Аварнской марке немецкое население пустило корни в Венгрии.

Когда мадьяры сами вели войну с германцами, а затем были ими завоеваны и обращены в христианство, когда после 1000 года немецкие миссионеры и апостолы, призванные крещеным королем Стефаном, а вскоре после них немецкие рыцари, придворные, и когда после 1000 года немецкие миссионеры, призванные королем Стефаном, а вскоре после них немецкие рыцари, придворные, поселенцы и горожане в большом количестве прибыли в страну, и когда это прибытие немцев в страну, начиная с 1000 года и по сей день, продолжалось почти непрерывно, то в мадьярский язык должно было перейти много немецкой крови, а также немецкий образ мышления, язык и манеры поведения. Король Стефан принял, на первый взгляд, несколько странный, но для истории Венгрии очень характерный, основной принцип: *Unius linguae uniusque moris regnum fragile est* (империя одного языка и одинаковых нравов губительна). Его преемники рассматривали этот постулат как священную заповедь, поэтому венгры принимали самые разные народы. Поэтому просто чудо, что эта маленькая кучка мадьяр, посреди стольких иностранных влияний, действующих на них и призываемых ими, несмотря на славянское большинство, немецкое моральное превосходство и турецкое господство, все же сохранила столько индивидуальности в ядре своего национального духа, отличающего ее от всех других народов. Однако вполне понятно, что в то же время их раса и образ жизни настолько изменились, что в имеющихся у нас портретах древних урмагяров мы с трудом узнаем нынешних.

Летописцы германцев, славян и византийцев, похоже, сходятся во мнении, что эти предки венгров были настоящими мерзостями как телом, так и духом. "Внешне, - говорит один из древних, - венгры отвратительны, у них глубоко посаженные, маленькие глаза, угловатые и резкие черты лица, они похожи на столбы с топорами. Они маленькие и тщедушные, а в их поведении и манерах много от диких животных". "Приходится восхищаться терпением и снисходительностью Божественного Провидения, которое позволило этой отвратительной расе захватить для себя столь райские земли", - добавляет другой автор.

Удивительно отличаются от этих отчетов древних высказывания и впечатления современных путешественников. Среди рас, населяющих их землю, почти все новые путешественники сходятся во мнении, что настоящие мадьяры - *ядерные люди* - сейчас занимают

выдающееся место, а по своим физическим и моральным качествам они занимают почетное и впечатляющее место. Как правило, их тела хорошо сложены, а мускульная сила велика. Они почти всегда имеют крепкое и стройное телосложение. Их осанка мужественна. В каждом их движении и походке заметны решительность и воинственная гордость. Лицо у них благородное, глаза большие, темные и полные огня, прикрытые тяжелыми кустистыми бровями, верхнюю губу украшает чучело, которое они считают своим национальным атрибутом, а под ним виднеется ряд крупных белоснежных зубов. Трудно найти более живописное сочетание красивых и выразительных мужских физиономий и статуй, чем в венгерских полках. Среди женского пола, как среди низших, так и среди высших сословий, не редко можно встретить не меньшее очарование и красоту. Женщины высшего сословия венгров прославились своей чарующей грацией, естественной и непринужденной прелестью. Император Александр, увидев себя однажды в окружении таких мадярок, наверное, сказал, что ему показалось, будто он находится в окружении королевы. Большой ужас, который внушали грубые предки этих точеных красавиц, как солдаты и землевладельцы, вероятно, заставлял тех ранних портретистов смотреть на несколько мрачноватым взглядом. Многие, однако, ищут объяснение этой разнице в изменениях нравов, происходивших на протяжении веков, а также во влиянии более мягкого климата на расу. Венгры променяли свои первоначальные поселения в самом суровом климате старого континента на проживание в южной Европе, на плодородных равнинах, где массово растут кукуруза и вино. Они отказались от привычек диких, изнеженных охотников и перешли к цивилизованному образу жизни. В результате, как говорят, за тысячу лет они превратились из уродливого народа в красивый, с правильными кавказскими чертами лица, а вместо желтоватого североазиатского цвета у них теперь прекрасный красновато-белый оттенок, характерный для народов Европы. Возможно, этому способствовало смешение рас, как у англичан и американцев. Маловероятно, что мадяры изначально привозили с собой много женщин финского происхождения. Долгое время они женились на славянских и германских женщинах. В Сибири было замечено, что даже от брака русских с монголками, которые не отличаются красотой, рождаются удивительно красивые дети.

В моральном смысле поворот мадярского народа, похоже, не был столь полным. В этом отношении старые отчеты больше соответствуют тому, что мы видим позже, а отчасти и сегодня. Мадьяров всегда обвиняли в грубости, варварстве, диком и трудноукротимом духе. Черты беспощадной жестокости в истории внутренних движений среди мадяр, даже в революциях нашего времени, часто ужасны, и даже повседневные события слишком часто им соответствуют. Даже в страшном уголовном кодексе, который они разработали и который долгое время применялся ими, очевидны врожденная суровость и огромное, возможно, истинно азиатское презрение к человеческой жизни. На войне хищность всегда была их выдающейся чертой, да и в мирное время разбой у них буквально ремесло, "опасное ремесло, говорят они, но не бесчестное", потому что мужество, сила и храбрость, говорят они и сегодня, больше подобают человеку, чем болезненная нравственность. Знаменитые вожди разбойников прославляются в песнях и записях почти так же, как герои своей страны, а во главе их стоит король Этцель.

Героическая твердость их характера сопровождается большой степенью суровости. Они прославились на весь мир своими пресловутыми ругательствами, "которыми мадяр за один день грешит против добрых форм больше, чем француз за всю свою жизнь". Сами венгры выводят эти и другие слабости, или, если хотите, избыток силы своих соотечественников, "из благородного, пламенного, пылкого темперамента", который они приписывают себе, особенно в сравнении с немцами, которых называет флегматичными и слабонервными. Немцев, или, как они их называют, "швабов", они сравнивают с их холодным, кислым вином,

а себя, однако, с огненным tokaijer. Будучи чрезвычайно сильными и чувственными натурами, они любят пряные, острые напитки, а также острую, твердую и резкую пищу, которую не переносит ни один иностранный желудок. В этом их кухня имеет некоторое сходство с кухней могущественных англичан.

Если бы только этот огонь, который так легко разгорается в них по определенным поводам, не был связан в другом отношении с вялостью, которую трудно привести в движение, с глубоко укоренившимся отвращением ко всем новинкам и усовершенствованиям! Старая немецкая пословица говорит о них: "Венгр не делает ни шагу за пределы своего венгерского пути". В этом они больше всего выдают свою восточную природу и напоминают нам османов. Как и восточные люди, они тоже традиционно считаются очень сдержанными в выражениях и неразговорчивыми. Уже аббат Регино из монастыря С^т. Прюм, первый немец, давший их описание, называет их "*natura taciti*". "Можно наблюдать за мадьярским крестьянином, когда он сидит перед своей дверью и курит. Он мечтает, курит и молчит. Ему кажется, что он теряет часть своего достоинства, если много говорит. Он открывает рот только через большие промежутки времени и только тогда, когда ему нужно что-то сказать своему соседу". Общительный и разговорчивый немец кажется мадьяру настойчивым лепетом болтуна, лишенного достоинства, а Слау - настоящим гончаром.

Однако бывают обстоятельства, когда даже венгр становится очень разговорчивым, например, во время судебных разбирательств. Как и все воинственные народы, он никогда ничего не боится меньше, чем судебной тяжбы. Даже у римлян юридические вопросы были не более многочисленны, чем в Венгрии, где право - один из предметов обычного образования и где почти каждый играет в адвоката.

Молчаливость - черта гордых характеров. И действительно, мадьяр смотрит на все расы, живущие рядом с ним в его стране, с чувством собственного достоинства, которое нередко перерастает в снисходительность, а иногда и в совершенно нелепое самомнение.

В своей гордой смелости он часто бывает виновен в величайшей жестокости. Он даже пословично говорил о своем славянском соотечественнике: "Славянин - не человек". Он не терпит никакой критики в адрес своей национальности и своей страны. Однако поклонника ее он вскоре делает своим другом. "Тот, кто льстит его тщеславию, легко становится его хозяином и повелителем. Хитрые незнакомцы, ослепляя его лестью, легко умеют воспользоваться этой слабостью". При этом они ведут гордого мадьяра, как быка за рога. Не раз именно из-за его национальной гордости весь народ попадал в зависимость. Мария Терезия с помощью лести полностью подчинила их своей воле. Бедный император Иосиф, желавший осчастливить венгров, обогатить их и цивилизовать, но обидевший их национальность, потерпел неудачу в своих планах по отношению к ним, и человека, который хотел стать их величайшим благодетелем, они и сейчас ругают как своего злейшего врага. "За пределами Венгрии, - говорят они, - нет жизни ("*extra Hungariam non est vita et si est vita non est ita*")", а если там и есть жизнь, то она не такая, как здесь". Поэтому, став поселенцами, они почти никогда не покидали свою, окруженную Карпатами, землю обетованную. Они ютились в своих Пюстенах, держась очень компактной массой.

Исключение составляют только шеклеры, живущие в самых южных долинах Зигебурга. Эта часть мадьяр всегда была более или менее отделена от основного ядра народа своеобразным государственным устройством. Нет единого мнения о происхождении этого своеобразного народа Szekler, который имеет примерно такое же отношение к мадьярам Венгрии, как казаки к русским. Некоторые считают, что они происходят от турецких половцев, которые были переселены в горы и мадьяризированы. Сами шекелы заявляют о

своим прямым происхождением от Аттилы и гуннов и считают, что один из потомков рода Аттилы, поселившийся в Дакийских горах с остатками гуннов после падения его империи, был основателем их народа. Другие же утверждают, что до того, как основная армия мадьяр под командованием Арпада была уничтожена, разрозненные группы мадьяр, спасаясь от врагов, укрылись в горах и сохранили свою независимость. Тот факт, что их название "Szekler" на венгерском языке означает "беженец", по-видимому, подтверждает последнее мнение. Аналогичным образом, по типу и привычкам Szekler выдают себя за настоящих мадьяр. Они говорят на совершенно несмешанном венгерском языке, а также сохранили старые мадьярские обычаи и государственные порядки в особенно чистом виде.

Кроме своего "Пюстена" и Карпат, венгры не рассеяны и не живут больше нигде в Европе. Исключение составляют лишь несколько замечательных колоний мадьярских эмигрантов в Молдавии и Бессарабской Аравии, куда они были загнаны гуситскими волнениями и куда мадьяры неоднократно возвращались; в последнее время также шеклеры, которые выделяются над ленивыми валахами своей активностью, чистоплотностью и умом.

Даже самый ничтожный мадьяр считает себя дворянином, полным величия, по сравнению с валахом, славянином и простым немцем. Короли следовали этой особенности своего народа и иногда, при малейшей возможности и часто с весьма сомнительными заслугами, возводили в пэрство целые деревни, даже целые районы страны, со всеми живущими в них крестьянами, и давали им все привилегии венгерского дворянина, освобождение от налогов, личную неприкосновенность и, следовательно, почти полную безнаказанность. Тем самым они давали еще более широкое поле для презренного народного воображения и всех сопутствующих ему пороков, на котором свирепствовала лень и ее сестры. Можно проверить, какие препятствия должны были стоять на пути развития народа, где до сих пор целые общины, состоящие из вожаков овец и коров, паромщиков и гайдуков, обладали большими правами, столь же большим невежеством в отношении лошадей и дворянских прав.

На фоне этих вопиющих недостатков венгры обладают весьма похвальными качествами. Если мадьяр хамоват и суров, то он также праведен и честен. Споры не являются для него характерной чертой, как для славян. Он тих и серьезен, не весел в компании, а решителен и склонен к грусти и меланхолии, но при этом не навязчив, не любопытен, очень сдержан, не криклив, не буйный - качества, в которых его сосед, валлах, превосходит всех. Его национальная *гордость* соответствует его *любви к свободе*. Как противник новых усовершенствований, он также является другом старых законов и обычаев. С великим упорством, с великой силой сопротивления он всегда присоединялся к почетному государственному устройству своей страны, к историческому прошлому своего народа. Он верно сохранил, вопреки всем посторонним вмешательствам и влияниям, которые он всегда преодолевал, все, что составляло физиономию, своеобразную черту народного характера. Как гранитная гордость, он стоял с самого начала, посреди дунайских стран, раздвигаемых бурями народов. Он также способен *на великодушие*. Он любит играть великую роль, но при этом позволяет участвовать в ней другим. Среди венгров гостеприимство - одна из самых распространенных добродетелей, поддерживаемая богатством страны. Не только в канавах с *благодарностью* принимают визит путника, даже в рабочую хижину паломник и бедняк не стучатся напрасно, и если их *платных* жильцов, чей ответ на вопрос "что мы можем получить?" обычно сводится к встречному вопросу "что вы принесли?", критикуют как нерадивых и услужливых, они показывают себя как хозяева, *которые сами оплачивают свои расходы*, тем более услужливые и в своей стихии. Их открытая конфиденциальность, бесхитростная и наивная откровенность настолько велика, что они раскроют всю историю

своей жизни и свои самые большие сердечные тайны любому, кто окажет им честь посетить их и выпить с ними бокал вина.

Во многих случаях в их истории проявлялось благородное и рыцарское чувство народа. Когда Мария Терезия с маленьким сыном на руках, умоляя о помощи, входит в собрание венгерских магнатов, они забывают и прощают всю былую вражду с Австрией и восторженно восклицают: "Да здравствует наш король!" и своей храбростью и самопожертвованием спасают загнанную в угол княжескую семью, которую они на самом деле не считают никем, кроме как иностранцами.

Даже место, которое венгр отводит слабому полу, доказывает, что в нем живет великодушие сильного. Он действительно считает себя неограниченным правителем своего дома и семьи; "Урам" (мой господин) называет его женой, она никогда не обратится к нему на "ты" или "твой"; но никогда, подобно Славе, он не будет плохо обращаться со своей женой, которую он часто называет своей "розой", своей "звездой" и которая уверена, что имеет в нем друга, поддержку, защитника. К тем, кого он называет "своими людьми", то есть своей семьей, он относится с благосклонностью и добротой.

Как и сами мадьяры, их язык полон энергии и силы. Он очень четкий, резкий и определенный. Он богат изречениями и образами, чрезвычайно графичен и, по мнению знатоков, обладает красивым и мужественным звучанием. Одна из его особенностей, которая очень характерна для единства основной венгерской национальности, заключается в том, что в нем нет ни диалектов, ни патуа. Крестьянин говорит так же чисто и хорошо, как мадьяр, или даже чище, потому что он не использует в своей речи столько латинских и немецких выражений и не изменяет ее образности и поэтичности. Мадьярский язык сегодня является самым развитым из всех языков финского происхождения. Со времен Людовика Великого его материал формировался и цивилизовывался во всех направлениях различными писателями, поэтами и учеными. История венгерской литературы насчитывает множество имен, которые, однако, мало известны за пределами своей родины. С незапамятных времен у них было - и в этом они имеют много общего с римлянами и почти со всеми народами-завоевателями - особенно много ораторов, юристов и историков. К великой заслуге всего венгерского народа следует отнести то, что он никогда не испытывал недостатка в людях, которые, восстанавливая исторические памятники и проводя критические исследования, смогли доказать целое и части своей национальной истории и обогатить поле исторической правды. Господин фон Энгель, немецкий историк Венгрии, упоминает длинный список мадьярских имен, которые кажутся ему достойными уважения в этом отношении.

Тот факт, что венгерский народ предпринял такое замечательное и разнообразное героическое путешествие, во время которого он, подобно комете, перелетел из Азии в Европу, чтобы поселиться у Дуная, кажется, дал ему ранний импульс к эпосу, пристрастие к героическому. Немецкие и венгерские летописцы упоминают песни, в которых мадьяры прославляли своих древних арпадских князей и хранили память о национальных подвигах. В этих песнях рассказывается о вождях семи орд, под предводительством которых люди вошли в страну, и о первых диких и героических набегах их "лехелов" и "ботондов" на Константинополь, Италию и даже Испанию. Сага об Аттиле стала темой и древней венгерской поэзии. Однако настоящих великих поэтов, известных всему миру, влиятельных информаторов мира, венгры пока не создали. Лира лишь немногих их современных певцов была достаточно сильна, чтобы ее иногда можно было услышать по эту сторону Карпат, в Западной Европе. Более широкую известность получили имена двух братьев Кисфалуди и гениального Александра Петёши.

Другие сыновья муз, например, те, кто осмелился сказать "*anch'ioson' pittore*", редко упоминаются среди венгров. С римлянами их объединяет и то, что они позволяли чужакам исполнять музыку и другие искусства на своей территории; как римляне нанимали греков в качестве флейтистов, так и венгры традиционно использовали цыган в качестве бардов и музыкантов на своих битвах и танцах.

Да, даже малые искусства повседневной жизни мадьяры не практикуют ни с любовью, ни с мастерством. Почти всегда технические навыки выполняют немцы или славяне. Мадьяры совершенно не любят торговать и традиционно оставляют это занятие немцам, итальянцам и израильтянам. Он смотрел на промышленность и тех, кто ею занимался, почти с тем же презрением, которое так характерно для марсианских учеников при упоминании торговли и промышленности.

Единственный вид деятельности, который он высоко ценил, - это сельское хозяйство, а к скотоводству он имел *естественное* пристрастие. Но и его возделывание земли ясно показывает, что он впервые научился этому в Европе. Его выражения, обозначающие все сельскохозяйственные орудия, имеют германское или славянское происхождение. Из рога изобилия Цереры он взял только самое необходимое - выращивание зерна. Выращивание овощей, фруктов и садоводство все еще более или менее чужды ему. Его деревни голые и неприветливые, расположенные посреди сельскохозяйственных угодий, без дружелюбного чередования фруктовых деревьев, декоративных деревьев и растений, без цветочных или овощных клумб. Там, где в Венгрии можно найти такие маленькие оазисы со всеми украшениями и приспособлениями, необходимыми для того, чтобы сделать из почвы всевозможные партии, там среди цветущих кустарников всегда можно найти немецких поселенцев, которые переняли нравы страны, где под старательными руками рушатся леса, высыхают болота, бесплодные равнины превращаются в виноградники, и которые первыми открыли сокровища, скрытые в горах. Мадьярские деревни составляют резкий контраст с разбросанными повсюду "швабами", и даже сегодня они похожи на солдатские лагеря, разбитые на ровных полях.

Долгое время после прибытия в Европу венгры жили в палатках. Лишь постепенно они сменили палатки на небольшие деревянные, выбеленные дома, которые получили название "хаш" (дома), которому их научили немецкие мастера-строители. Однако они сохранили план армейского городка - очень широкие улицы, пересекающиеся под прямым углом, сделанные как будто для движения конницы, а в центре, где раньше находилась главная палатка кавалерийского начальника, теперь стоит церковь. Уже стало пословицей, что мадьяр, как и любой всадник, любит просторное жилье и облегающую одежду. За исключением этой одежды, он любит, чтобы все было легко, просторно и пышно. Он не любит ничего узкого и ограниченного и не умеет обходиться без этого.

Их большие города, так называемые города, построены по тем же просторным планам, по которым были построены их деревни, в которых нет отдельных и автономных домов, нет фиксированной группировки "*полгаров*" (горожан), нет общинного и органичного совместного проживания. Немцы впервые построили крепкие каменные города с архитектурным орнаментом и прилегающими домами, как у тесно связанных между собой горожан, в Венгрии, и их с первого взгляда можно четко отличить от подобных мадьярских творений. Главный город Офен-Пешт, который уже в XIII ^{веке} летописцы называли "*magna et ditissima Teutonica villa*", а сегодня можно причислить к красивейшим городам Европы, можно считать великим памятником немецкого трудолюбия и немецкой промышленности посреди мадьярской страны.

Мебель в небольших домах мадьярских крестьян, как правило, более чем проста. Во времена турок возродился восточный обычай заменять несколько предметов мебели коврами и подушками.

А тогда (едва ли 200 лет назад) движимое имущество даже мадьяр иногда ограничивалось несколькими драгоценными коврами, которыми они украшали свои комнаты и столовые вместо обоев и статуй, несколькими безделушками, несколькими драгоценными камнями и множеством одежды и оружия. Как бы ни была бедна и обшарпана мебель, эти мадьярские деревни, по сравнению с валашскими, выглядят очень хорошо и опрятно; кроме того, чистота в доме - очень распространенная добродетель среди мадьярских крестьян. Во всех, даже самых крупных венгерских городах, ощущается недостаток ремесленников и мастеров. Только портные и сапожники, умеющие сшить венгерский костюм, да кузнецы, способные подковать лошадь, всегда присутствуют среди них в большом количестве; поэтому жители, даже дворяне, живущие на свои товары, вынуждены каждый год посещать большие рынки и города страны, чтобы купить необходимые припасы на всю зиму, как если бы им пришлось совершить путешествие через пустыню.

Но когда наступает лето, только тогда можно заметить кочевой характер венгерского хозяйства. Тогда мадьяр, которого всю зиму угнетали стены его дома, отправляется со своим скотом на пюстен, на эти бескрайние равнины, где солнце восходит и заходит с таким несравненным великолепием, где бури и грозы разряжаются так свободно и внушительно, где ночи озаряются таким чистым, свежим и несравненно ясным звездным светом. Так же, как моряк тоскует по морю, венгр тоскует по пюстену, о котором он поет в своих песнях, как араб поет о песчаных пустынях. Если он не может отправиться на пюстен, то, по крайней мере, чтобы создать иллюзию, он переносит свой военный пост под открытым небом на крыльцо своего дома и спит там со всей семьей под галереей, пристроенной к его хижине.

Все сельские работы на службе у Цереры также выполняются под открытым небом. Здесь нет ни зернохранилищ, ни молотилок, ни амбаров. На полях воли выбивают зерно из соломы, а кукуруза часто хранится только в ямах. Они несут плуг по полю, словно процессию азиатского божества. Его запрягают 4 или 6 волами, а на каждую телегу ставят полдюжины отважных лошадей. На полном ходу эти животные с повозкой за спиной идут сквозь толщу и бездорожье. Таким образом, даже на своих тяжело нагруженных повозках, соревнуясь друг с другом, венгерские крестьяне, предваряемые тяжелыми облаками пыли, прибывают на рынок со своей продукцией, как будто это место они взяли штурмом с помощью своей кавалерии.

Однако, как уже говорилось, венгр предпочитает отправляться в степи летом, как и его уральские соплеменники. Тогда он мыслит как Ленау:

Когда я шел по далекой венгерской стране,

Радость сердца моего была велика.

Когда в стране исчезли деревни, леса и деревья.

И пустошь расстилалась так буйно.

Там он по-прежнему находит все, как на Востоке: бескрайние равнины, на многие мили ни одной изгороди, бесконечные дорожки, бесчисленные стада скота и лошадей. Говорят, что даже большие, черноволосые, белые венгерские овчарки пришли из Азии и произошли от собак, которых древние мадьяры привезли оттуда; они и сегодня похожи на баскских собак. Венгерские лошади тоже татарской породы - маленькие, худые, но быстрые, неутомимые и

выносливые, "сделанные из чистого дыхания". Они нужны мадьярскому пастуху во всех его нынешних мирных занятиях, для охраны и пастбы своих широко разбросанных стад, для выездов на дальние поля, для посещения соседей, живущих далеко от него, так же как раньше они были нужны ему при браконьерстве в Германии.

Венгр учится ездить верхом с ранней юности. Он прирожденный всадник, кентавр. "Мадьяр приходит в мир верхом на лошади", - гласит венгерская пословица. Уже в четыре года отец поднимает его на маленького длинношерстного коня, в гриве которого еще сохранились колючки, почки чертополоха и веточки кустарников, через которые он продирался, и говорит ему, когда он делает свой первый галоп, не падая с лошади: "Ты мужчина!"

"Прекрасная жизнь, жизнь всадника,

Это жизнь, только это".

снова поет Ленау, и эти слова исходят из самого сердца венгра. В то время как венгр, как можно было заметить, становится меланхоличным, когда пьет вино, он чувствует себя бодрым и храбрым, когда сидит на веселом коне. Именно поэтому лучшим и самым героическим отрядом венгров всегда была легкая кавалерия. Как пехотинцы они совершали меньше великих подвигов, зато их стремительные "гусары" - изобретение и мадьярское слово - прославились и стали объектом подражания во всех странах Европы. Наряду с названием "гусары" во все европейские языки вошло и несколько других военных выражений, например, слова "Schako", "Dolman", "Haiduck" и многие другие. Гусарская форма, которую мы и сегодня видим в наших армиях, является настоящей, старой венгерской национальной одеждой. Это, несомненно, один из самых богатых и красивых национальных костюмов в Европе, и, как все костюмы со вкусом, он, вероятно, происходит из Азии, которая с древнейших времен умела одеваться лучше, чем Европа.

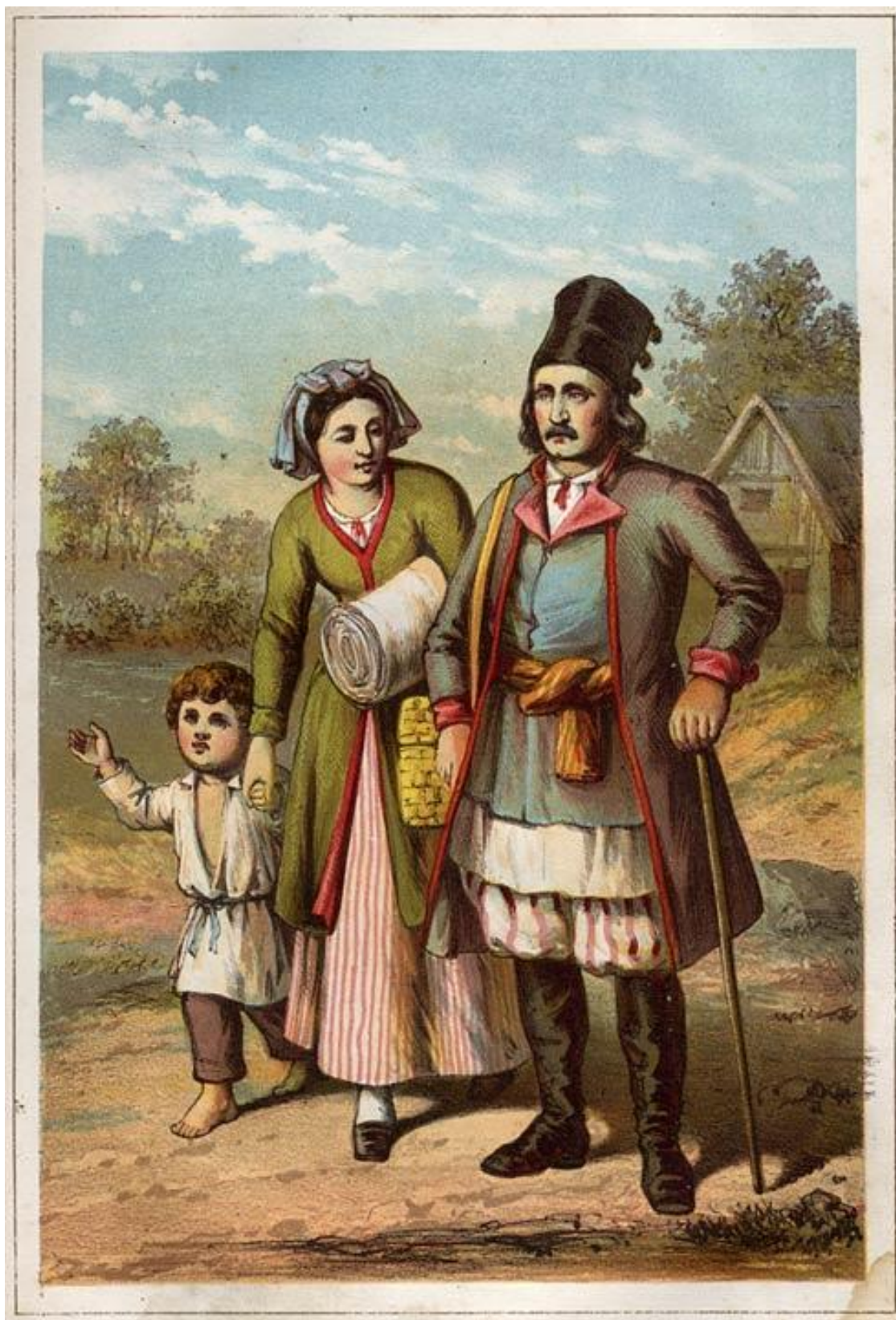
О том, насколько кочевым было поведение и работа конных мадьяр, свидетельствует их язык. В то время как последние, как уже говорилось, переняли у германцев и славян большинство выражений, связанных с сельским хозяйством, ремеслами и искусствами, все технические выражения *пастухов* являются истинно мадьярскими. Более того, эта мадьярская пастушеская терминология чрезвычайно обширна и совершенна. Так, например, каждый вид стада имеет свое особое название, как и каждый вид пастуха. Волowie стадо называется "Гулияс", кабанье - "Канаш", пастух - "Юхаш", а храбрый конный пастух - "Чикос", как будто все они являются особыми кастами или классами общества. И каждая каста, в свою очередь, имеет бесчисленное множество выражений, для которых у нас нет специальных слов. В этом венгры также похожи на татар, казаков, валахов и всех других современных жителей некогда кочевой или скитской Европы, у всех которых, даже если они теперь стали земледельцами, старое любимое занятие, скотоводство, имеет необычайно богатую терминологию.

Удивительно, повторяю, и это часто называют загадкой, что такой самобытный азиатский народ, пригодный только для самых грубых занятий, для пастушеской жизни, принесший и развивший так мало способностей к другим занятиям, ремеслам и искусствам буржуазной жизни, вынужденный перенимать так много от других народов, в среде которых он поселился, смог сохранить свою национальную идентичность и удержать свое положение до сегодняшнего дня. Не раз мадьяры оказывались настолько наводнены чужеродными элементами, настолько под ногами, что их почти забывали и стирали из ряда европейских народов, и все же они всегда выходили из этого хаоса снова как "мадьяры". Даже в конце прошлого века венгерский язык снова оказался в таком пренебрежении, что им почти не пользовался самый низкий рабочий класс, а латынь предпочитали все классы, которые хотели претендовать на звание цивилизованных. Иосиф II думал, что легко нанесет ей

последний удар , но с того дня, как император издал указ об отмене латинского языка и введении в течение трех лет немецкого, который должен был изучаться и пониматься во всей Венгрии, народный дух вновь воспрянул духом, и вновь развил свои силы так, что, словно ожидался новый *Арпад* или второй *Матьяш Корвин*, он привлек внимание всей Европы, а венгры в Восточной Европе по любви к свободе, мужественности и другим моральным качествам стоят там на первом месте. В этом смысле они высоко стоят над своими соседями, валахами, сербами, болгарами и славянами. Они также сохранили свою национальность лучше, чем поляки. Как и османы, они не относятся к *большим* народам Европы, исчезновение которых можно предсказать с уверенностью. Однако удастся ли им занять *независимое место* среди народов Европы и восстановить, как они мечтали, центр мощного мадьярского государства прямо посреди своего пюстена на реке Тиссе, история последних трехсот лет не гарантирует. Ведь справедливо замечено, что иногда она бурлит с поразительной жизненной силой, а затем несется вперед, как поток, словно желая силой осуществить нечто великое, "но вскоре волнение этих гордых, величественных, рыцарских и надменных мадьяр снова исчезает, и они садятся на мель на каменистой и бесплодной почве".

Чехи и поляки.

После времен великого переселения народов, разрушившего Римскую империю, история показывает нам к северу от Карпат, в долине Вислы, славянский народ, который жил там под названием "лехен". Под именами "Оботритен" и "Вагриерс" другие славяне проникли в буковые леса Мекленбурга и Гольштейна. Как "венды", "помераны", "лузицеры" и под множеством других названий они населяли песчаные области, которые сейчас принадлежат Пруссии, вплоть до Эльбы и Люнебургских болот. Славянские "силезцы" занимали всю территорию Верхнего Одера, а "тшеченцы" не только заполнили долины Богемии и Моравии, но и вторглись оттуда на юг, под именем "словаков", в горную область Верхней Венгрии. Да, несколько славян даже достигли материка, вплоть до Вюрцбурга и Фульды, если не в качестве завоевателей и правителей, то, по крайней мере, в качестве подданных, поселенцев, земледельцев, пересаженных туда немецкими епископами и князьями.

Польша

Все эти славяне имели много общего в языке, нравах и характере и во всех этих отношениях более или менее существенно отличались от своих восточных и южных собратьев, русских, болгар, сербов и хорватов. Поэтому люди объединили их в одну группу, поместив рядом с русскими и рядом с южными славянами, как третью основную ветвь семьи славян, под названием "передовые" или "западные славяне".

Судьба этой ветви славян в новейшее время, вплоть до последнего раздела Польши, была очень печальной. Многие народы, принадлежавшие к западным славянам, исчезли с лица земли. Ни один из них не сохранил и не восстановил прочной и постоянной независимости, как, например, русские среди восточных славян, сербы и черногорцы среди южных славян. Все остатки западных славян оказались в подчинении у чужих народов и государств.

При первом своем появлении в истории (в V и VI веках) они предстают как разные, самостоятельные племена, пришедшие с далекого Востока, и, по-видимому, без особого труда, без особой борьбы овладевают Восточной Германией, лишившейся германцев в ходе великого переселения народов. Возделывая поля, пася стада, воздвигая в лесах алтари своим богам, они распространились по обширным равнинам Вислы и Одера, по значительной части Эльбы и вдоль Балтийского моря. Похоже, что они были скорее мирными, чем воинственными. Во время их экспансии в Германии мы не слышим ни о великих полководцах и героях войны, ни о таких масштабных разрушительных кампаниях, как во время вторжения южных славян в Византийскую империю или, позднее, во время действий диких аваров и мадьяр.

Похоже, что распространение этих славян на Запад происходило очень тихо, пока они распахивали одно поле за другим и добавляли одно пастбище за другим к своим деревням.

У них не было общего вождя. У каждого племени был свой простой патриарший совет, но даже в этом случае на ранней стадии некоторыми из них правили небольшие королевские семьи.

Даже иностранные писатели изображают их как добродушных, трудолюбивых, гостеприимных людей, которые любили музыку и поэзию, но в остальном вели очень трезвый и варварский образ жизни. Жестокие обычаи, кровавые жертвоприношения и бесчеловечные привычки, похоже, не существовали у них, как это было у древних кельтов и других рас из жесткого теста. Они жили дружно в населенных деревнях и селах. Они строили горы, выплавляли металлы, шили лен, варили медовуху и сажали фруктовые деревья. Повсюду они строили деревянные города, в которых, по описанию патристических летописцев, торговля и ремесла начали достигать разумных высот. Так наступило Средневековье, золотой век западных славян, о котором так любит мечтать славянский патриот, как немцы до сих пор любят вспоминать время германских народов, изображенное Тацитом.

С Карлом Великим эти счастливые времена закончились. При нем их стали беспокоить немцы. Этот могущественный император повернул лицо Германии, которое со времен готов всегда было на юге и западе, обратно на восток. Он и его первые преемники острием меча принесли христианство западным славянам. Однако во всей Европе введение христианства стало знаком возрождения, объединения, основания великих политических и национальных держав. Те, кто принял его, были наполнены христианством героическим духом. Созданные епископские и архиепископские кафедры повсеместно становились палисадами, вдоль которых вырастали государства крещеных язычников. Племена и мелкие морские княжества скандинавов также выкристаллизовались под влиянием христианства в великие королевства Дании, Норвегии и Швеции. Венгры тоже впервые образовали государство и постоянную национальность благодаря кресту, насажденному в их среде немцами.

В результате и среди западных славян постепенно возникло несколько крупных империй. Во-первых, знаменитая великая Моравская империя, которая во времена Каролингов властвовала над западными племенами до самого позднего времени, но просуществовала недолго. Далее - Богемская империя, которая некоторое время была самой высокочтимой

среди этих славян. И наконец, Польская империя, которая превосходила их всех по долговечности и блеску, но в конечном итоге, как и они, должна была прийти в упадок.

Славянские племена, в которых семена христианства не нашли благодатной почвы, но которые упорно сохраняли верность своему старому язычеству, со временем были покорены немцами, жаждавшими обращения и завоевания, и в конце концов полностью уничтожены ими. Такая судьба постигла "вагров" в Голштинии, "оботритенов" в Мекленбурге, "померанов" на Балтийском море, "укереров" в Укермарке, "хевеллеров" в Гавельмарке, "полабенов" на Эльбе - да! Кто может назвать все имена малых языческих славянских народов, которые упорно держались за свои древние святыни, за поклонение своим "чернобогам" и "белобогам", в течение веков после Карла Великого, бесчисленное количество раз терпели поражение от немцев и столь же часто возрождались, то объединялись друг с другом, то ссорились, так и не смогли достичь прочного национального объединения - одно за другим включались в пограничные марши и епархии, созданные немцами, и в конце концов все погибли в великом плавильном котле германизации. Язык и обычаи этих самых западных славян были утрачены под сильным влиянием немцев, которые строили в их стране крепости, города и церкви и вторгались в нее с многочисленными поселенцами и горожанами.

В большинстве мест только названия деревень, гор и рек свидетельствуют о мире славян, который когда-то существовал на востоке Германии. Названия нескольких крупнейших городов Германии (Дрезден, Лейпциг, Бреслау), а также нескольких немецких провинций (Померания, Лужица, Укермарк, Силезия) имеют славянское происхождение. В Саксонии и Пруссии среди темнокожих жителей сохранилось много старых славянских обычаев и суеверий. Кроме того, некоторые остатки их языка присоединились к немецким диалектам на востоке, и даже в произношении немцев были заметны некоторые особенности славянской речи. В некоторых местах (например, в Альтенбурге) при полном изменении языка и обычаев сохранилась старая славянская национальная одежда, как если бы вместо того, чтобы избавиться от кожи змеи, они сохранили кожу и лишь обменяли плоть и костный мозг.

В физиогномике, телосложении и других характеристиках славянство среди немецкой цивилизации все еще просвечивает во многих местах Померании и других частях (за Эльбой) половины немецкой родины. Так, даже сегодня в Голштинии границы областей, населенных славянами во времена Карла Великого, довольно четко отличаются по обычаям, телосложению и характеру жителей от населенных германскими саксами. Да, даже по эту сторону Эльбы в Ганноверском королевстве, в юго-восточной части Люнебургерхайде, до сих пор существует область, называемая "Венденланд", где славянский язык только недавно истек кровью и где теперь говорят на чистом немецком языке, но где нравы, одежда, методы строительства и вся физиономия страны все еще часто очень четко несут на себе славянскую печать.

Вся восточная Германия, территория, по которой распространились западные славяне, была наводнена немецкими колониями почти из всех провинций Рейна и Везера. Некоторые из этих поселений сохранили здесь и там верность своей культуре и языку, но иногда они более тесно смешивались со славянами. В некоторых регионах славяне были полностью уничтожены, в других они остались вместе в более компактном виде и были, так сказать, переименованы в германцев. Легко понять, что здесь, хотя немецкий язык и обычаи восторжествовали почти повсеместно, различные пути и оттенки славизма все еще можно найти среди этой немецкой нации.

Сегодня в центре Германии есть только два региона, в которых славянство все еще существует как два языковых и народных оазиса или острова. Во-первых, на Балтийском море между Штольпеном и Данцигом, к западу от Нижней Вислы в Западной Пруссии, территория, населенная "кассюбенами" и родственными им славянами, и, во-вторых, по обе стороны Верхней Шпрее в Лужице, под властью пруссов и саксов, земля и народ так называемых "сорбен-венденов". Эти ныне славяноязычные, мыслящие и чувствующие Sorben-Wenden лежат там, вырванные из гармонии с другими своими племенными собратьями, окруженные со всех сторон немцами, как будто немцы забыли уничтожить их, а они сами спастись. Их слабая национальность, о которой мы не должны здесь больше беспокоиться, также кажется, как и национальность других западных славян, обреченной на дикую гибель и обреченной истекать кровью.

Единственные западные славяне, которые до сих пор сопротивлялись настояниям немцев и других соседних государств и которые сегодня, хотя и не имеют политической независимости и национальной автономии, все же образуют две компактные нации - с которыми не потеряна надежда на возрождение - и которых мы должны поэтому упомянуть здесь как две влиятельные и важные части населения Европы, - это *чехи* и *поляки*.

Замечательная страна, которую чехи населяют уже более тысячи лет, имеет такое своеобразное природное состояние, какого вряд ли можно найти в Европе. Четыре длинных горных хребта соединяются почти под прямым углом, образуя довольно правильный и просторный четырехугольник, окружающий частично плоскую, частично волнистую местность. Реки стекают со всех сторон с высот и соединяются посередине в Эльбу, которая пробивает горную стену и вытекает на северогерманскую равнину. Страну можно сравнить с бочкой, в которой есть только одно отверстие для губки. Все это имеет вид большой горной крепости, расположенной в центре Германии. Густые леса и негостеприимные районы на высотах пограничной стены усугубляют эту изоляцию.

Плодородная центральная область, пологие долины, холмы, богатые минералами и другими сокровищами, которые таит в себе этот котел, вероятно, были открыты уральскими или финскими древними европейцами за много веков до рождения Христа, и здесь, как и в других местах, вымерло множество родов, о которых история умалчивает. Первые люди, упоминаемые нами в бассейне Верхней Эльбы, "Бойеры", как говорят, были кельтского происхождения, и от них земля получила свои названия "Бойенхайм", "Бохайм", "Богема". Во времена рождения Христа этим бассейном завладел народ германского племени, "маркоманы". Они удерживали его в течение 400 лет, угрожая и пугая даже римских императоров из своей горной крепости под Марбодами.

Нашествие гуннов под предводительством Атилы также сломило власть германцев в Богемии и привело народные цветы к резне на Каталаунских полях и на других полях сражений народов, ввергнутых в смятение переселением. Теперь, в конце V века, потомки третьего великого рода славян вошли в обезлюдевший богемский котел. Естественно, они нашли там много германцев, так же как германские племена, несомненно, встретили и покорили многих кельтов в прошлом. Славяне приходили разными племенами с Сарматской равнины. Но среди них было одно главное племя, и его вождь, должно быть, назывался "Щех", который обосновался в центре страны и занял господствующее положение; со временем пришедшие с ним другие племена славян, а возможно, и остатки кельтов и германцев, остававшиеся в стране в прежние времена, слились в один народ под именем "Щех", который и одержал верх.

Как и мадьяры в венгерском бассейне, тщенцы с самого начала, завоевывая богемский котел, предпочтительно завладевали самыми ровными тучными землями и красивыми холмистыми ландшафтами; Многие германцы, загнанные им в угол, бежали в леса и убежища гор, окружавших страну, где постепенно подчинялись богемцам, но все же оставались в неприступных землях скалистых долин и горных районов и сохраняли там свой язык и обычаи, подобно кельтским горцам в Каледонии, когда англосаксы и норманны вторглись в их низины. Позже, когда повсюду в Чехии германский элемент одержал победу над славянским, немецкие горные рабочие и немецкие промышленники были призваны в горы самими чешскими князьями, чтобы раскопать сокровища, содержащиеся в почве, или использовать их для производства мельниц или других работ, которые могли быть приведены в движение горными потоками, то первоначально небольшое племя немецких горных народов значительно увеличилось, распространилось, вытеснило или затмило славян даже там, где они первоначально одержали верх в долинах гор, и места обитания этих племен постепенно приняли тот вид, который они имеют сегодня. Славяне сохранили за собой внутреннюю часть страны, в то время как круг германских хуторов, деревень, городов и ландшафтов окружал их со всех сторон, по всему четырехугольнику гор и лесов.

Среди всех западных славян чехи с самого начала отличались мужественностью и политическим чутьем. С незапамятных времен их называли "самыми беспощадными среди славян", они были искусны в государственных делах, проявляли единство в вопросах, касающихся их родины, и сохраняли бескомпромиссный национальный дух. Возможно, все это - то, что было свойственно их исконному сословию и их крови. Но, скорее всего, многое из этого впервые пришло к ним благодаря географическому положению страны, в которую они попали. В этой прекрасной горной котловине, где все воды текли одним потоком, дети страны должны были сблизиться. Вскоре должна была появиться единая доминирующая точка жизни, политический центр, город, подобный Праге. Должно было возникнуть мощное государственное единство, единый государственный организм. Укрывшись за своими горами, защищенные ими, чехи в том диковинном положении, которое они заняли, могли лучше, чем их славянские собратья на северных равнинах, противостоять наступающему Германскому государству.

Это сильное политическое чувство, заложенное в чехов состоянием их страны, проявлялось неоднократно на протяжении тысячелетнего существования этого народа. Несколько раз - сначала при могущественном правителе Само в VII веке, затем при герцоге Болеславе в X веке, еще позже при короле Оттокаре в XIII ^{веке}, и снова столетие спустя при императоре Карле IV - чешские земли и народ формировали зачатки мощного государства. Прага, столица страны, в эту последнюю эпоху не превосходила по великолепию и цивилизованности важнейшие города материка. В ее университете работали самые знаменитые профессора, а в начале ^{XV} века обучалось 20 000 студентов, большинство из которых были славянами, чехами, моравами и поляками. Прага была для католического славянского мира тем же, чем Киев был для греко-русского мира - ярким светом и образцом, святым городом храмов и муз.

Несколько раз чехи приходили в упадок, но так же часто поднимались и снова объединялись, оттесняли врагов от своих границ, переходили через свои горы во внешние страны и присоединяли их: Моравию на юге, Силезию на востоке, лужичан на севере, франков на западе, они присоединялись к замкнутому телу своей империи в качестве побочных стран. Чехи несколько раз с триумфом брали с собой, так сказать, все земли и людей, которые находились у внешнего подножия их горного хребта. Временами их короли правили в глубине Венгрии и вплоть до границ Италии, как когда-то из этой же страны правил

маркоман Марбод. Но всегда эти так называемые "соседние страны" отнимались у них и отсекались, как слишком пышные ветви. Они не осваивали их достаточно долго, чтобы и там сделать свою славянскую национальность, расу и язык постоянными. С ними они всегда оставались ограничены своей крепостью - бассейном Верхней Эльбы.

Но даже в глубине своей горной крепости они неоднократно подвергались наводнению, смешению и проникновению немецких элементов. Потому что их духовные лидеры и церковные учителя часто были выходцами из Германии; потому что их короли были возведены в курфюрсты и сановники Германской империи; потому что, особенно после германизации Силезии в XIII веке, они становились все более и более интегрированными в Германскую империю; потому что немецкое право, немецкие законы часто действовали в их отношении - наконец, после исчезновения старого славянского королевского рода Пшемисловичей в начале XIV века немецкие князья и императоры проживали в столице Чехии - княжеские дворы, монастыри, епископские резиденции и города все больше заполнялись немцами. Города чехов, как и города Венгрии и Польши, почти все были построены немцами и первоначально заселены немецкими гражданами, которые, однако, среди старых, истинных богемцев часто превращались обратно в славян.

Так называемые гуситские войны, вспыхнувшие в начале ^{xv} века, вполне можно считать последним великим национальным движением чехов и их последней сильной интервенцией в Германию. Хотя непосредственной причиной этих страшных войн были религиозные споры, вскоре они приняли *национальный* характер, поскольку Гус и его идеи стояли на старой славянской почве и земле, а с другой стороны империя и император немцев присоединились к "религиозной" партии.

Как и при Само, при Болеславе и Оттокаре чехи в течение более 10 лет со всех сторон выходили из своих горных массивов и уничтожали немецкие земли на востоке, севере, западе и юге вокруг своих горных массивов под предводительством одноглазых и страшных Зисков и лысоголовых Прокопов.

Однако битву на Белой горе, в которой (в 1620 году) немцы и чехи столкнулись друг с другом, как уже не раз бывало, и последующую страшную реакцию при императоре Фердинанде II, можно считать очень кровавым и жестоко использованным триумфом немцев над чехами.

Эта битва, продолжавшаяся 250 лет, долгое время оплакивалась чешскими историками как "*конец Богемии*", подобно битве при Амсельфельде, которую южные славяне проиграли туркам, как конец Сербии, или как битва при Мацеевичах как падение Польши. После этой битвы немецкий язык был насильно внедрен среди чехов. Старые богемские дворянские семьи вымерли, а их имущество было поделено между немецкими господами. Несколько областей, разрушенных во время 30-летней войны, были заняты немецкими поселенцами. Несколько тысяч чешских семей были изгнаны из страны, а их славянские имена до сих пор можно встретить среди жителей Дрездена и других саксонских и прусских городов. Отныне чешский язык стал называться "крестьянским", чехи также отказались от своей старой национальной одежды.

Однако это не было полным концом нации. В течение двух столетий, последовавших за злополучной 30-летней войной, чехи постепенно размножались и укреплялись вновь. И когда после падения деспотичного Наполеона над всеми национальностями континента повеяло дуновением свежего воздуха, чехи, как и венгры, сербы, валахи и греки, вспомнили о своих истоках. Среди них поднялись патриотические поэты, ученые мужи, искусные историки и антиквары, которые прославили историю народа, обогатили его литературу, очистили его старый "крестьянский язык" и вернули ему честь.

Из всех уголков страны, из старых рвов и монастырей, даже из церковных башен выходят следы и свидетели ее былого национального величия. В ручке церковной башни богемского города Кенингингоф они нашли собрание древнеславянских эпосов и лирических стихов, которые в наше время стали для чехов такой же ценностью, как для немцев песни Нибелунгов.

На древней почве расцвела новая, богатая цветами чеховская литература, которая распространилась и завоевала авторитет далеко за пределами древней Чехии. Славяне-моравы в Моравии, словаки в северо-западной Венгрии, которые с самого начала были ближайшими родственниками чехов по племени и языку и часто объединялись с ними под одним началом, возобновили свои симпатии к чехам, присоединились к их литературным изысканиям и стали рассматривать себя как один народ. Они приняли разговорный язык чехов, этих ревностных защитников национальности их общей этнической группы, в качестве своего литературного языка. И вот все, что говорят, думают, исследуют и печатают пражские богемцы, имеет теперь большой резонанс среди более чем 8 миллионов славян, которые считают друг друга братьями и которые, при различных потрясениях новой эпохи, уже мечтают о восстановлении Великоморавской или Великой Чешской империи, как она существовала во времена императора Арнульфа между Дунаем и Карпатами, от саксонских Рудных гор до окрестностей Зевенбургена.

Среди славян чехи - а сказанное о них в большей или меньшей степени относится также к близким к ним морavam и словакам - считаются представителями холерического темперамента, в то время как полякам и русским приписывается сангвинический, а южным славянам и сербам - меланхолический темперамент. У них нет рыцарских манер и веселого жизнелюбия поляков. Они более мрачные, более замкнутые и менее подвижные, чем русские. Немцы называют их жесткошеими, упрямыми, хитрыми и изворотливыми, мрачными и подозрительными. Считалось, что их наследственными дефектами являются сдержанность и желание всегда быть правым. "Большая серьезность и мрачная гордость", которые отличают чехов от других, гораздо более шумных и легкомысленных славян, возможно, отчасти стали их собственными, в результате общения и борьбы с немцами. Причину этого не следует, как считают некоторые, искать в их трагической национальной истории. Ведь уже в IX и X веках, когда о них начинают упоминать немецкие летописи, мы видим в чехах "серьезных и упрямых людей". Многие иностранные писатели по энергии и гениальности отводили полякам первое место среди славян. Однако превосходный поляк Мацейковский отдает эту честь чехам и ставит их выше поляков, говоря, что они среди всех славян одарены самым живым воображением, самым острым глазом и "наиболее склонны к высоким чувствам и возвышенной поэзии".

Их "политический талант", рано проявившийся в создании собственного независимого королевства, долгое время противостоявшего их наследственному врагу - Германии, и сегодня находит широкое применение в великой австрийской монархии, к которой они принадлежат. Административные учреждения Вены, Галлии, Венгрии и соседних стран укомплектованы большим количеством квалифицированных и подходящих чиновников из Богемии. То, что они, оторванные от своей большой славянской семьи, без национальной или географической принадлежности к более крупному целому, сохранили свой собственный образ жизни даже под часто тяжелым давлением немецкой лопаты, доказывает более чем что-либо другое, что они представляют собой мощный, прочный сырой материал, обещающий дальнейшее развитие.

Чехи, как и все славяне, любят музыку и танцы. Нет в мире страны, из которой ежегодно выходило бы столько музыкантов, как из Богемии. В Парижском музыкальном лексиконе

большинство виртуозов, упомянутых там, - чехи. Среди 2650 музыкальных знаменитостей Европы 709 богемцев, 701 итальянец, 517 немцев, всего 134 француза и не более 27 испанцев и португальцев. Следует, однако, отметить, что Богема производит виртуозов, но редко композиторов, поэтому при всем своем мастерстве и податливости, что в целом характерно для славян, они лишены дара изобретения. И потом, конечно, значительная часть тех, кого называют "богемой", - это не чешские, а немецкие богемцы, которые, вдохновленные музыкальным духом своих славянских соседей, в соответствии со своим столь же восприимчивым и изобретательным духом, развили это искусство у себя.

В деревнях любящих музыку чехов и моравов часто можно наблюдать нечто подобное тому, что происходит в России, где иногда даже самая тяжелая работа выполняется под музыку. Люди, собравшиеся на службу к господам, выходят со скрипками и гобоями, и некоторые из их виртуозов играют музыку во время выполнения работы, которую потом им будет легче делать; иногда управляющий именем позволяет косарям играть концерт в часы отдыха, что часто увлекает их танцевать и петь в свободное время. Поэтому народ не считает эти приятные господские услуги бременем, а скорее веселым праздником, и, отменив господские услуги, из народной жизни уходит часть поэзии.

В Венгрии также каждый год можно видеть словаков, этих восточных братьев чехов и моравов, которые с музыкой и песнями мигрируют из карпатских долин на богатые дунайские равнины, чтобы помочь мадьярским землевладельцам с урожаем.

Эти венгерские словаки, хотя в остальном по своей физиономии, по курносому носу, по маленьким глубоким глазам, по тяжелым скулам, являются настоящими славянами, более усовершенствовались в плане телосложения в южном, пышном климате страны. В них полностью исчезли коренастые формы великороссов и чехов. Их тела стали более длинными и зрелыми. Среди них можно найти красивые черты лица, необычайно красивые мужские фигуры.

Они обладают высокой квалификацией во многих мелких отраслях промышленности. В качестве разносчиков, поденщиков и ремесленников они рассеяны по всей Венгрии, и там, где они проникают и оседают в большом количестве, они вскоре вытесняют исконную национальность. Есть несколько мест, ранее бывших немецкими, а также мадьярскими, которые теперь, хотя они все еще носят свои старые немецкие и мадьярские названия, полностью уничтожены постоянно растущими и наступающими словаками. Примечательной этнографической особенностью является то, что в остальной Европе они стали наиболее известны благодаря войне, которую они рьяно вели против некоторых мелких бедствий немецких князей. Как веселые гости, мало заботящиеся о нужде и удобстве и занятые истреблением кротов, крыс и мышей, а также изготовлением всевозможных вещей из гнутой или плетеной проволоки, таких как мышеловки, крышки для мяса, щетки для ламповых стекол, трубочисты, откуда их называют, под разными другими именами, "проволочниками", словаки кочуют не только по всей Германии, но и по северу и западу нашего континента и даже по Азии. Они прославились в этом искусстве уже много веков назад. Странно, что такие особые таланты разделены по национальному признаку и что даже такие маленькие роли и профессии в европейской семье могут принадлежать к особому племени.

Словаки и чехи присоединяются к другому великому западнославянскому народу, считавшемуся первым среди всех славянских народов и прославившемуся в мире как своими блестящими делами и своим героическим характером, так и постигшим его великим национальным бедствием, к полякам, которых мы теперь сделаем предметом нашего рассмотрения.

О стране, населенной поляками, чтобы дать представление о ее необычности, часто говорили, что тот, кто видел одно ее поле, знает всю империю. "Везде, - говорят они, - один и тот же печальный колорит в природе и в мире людей, везде одни и те же нравы, язык и образ жизни жителей, везде одни и те же условия почвы, ее обработки и плодородия. Природа по всей стране одинаково сурова, люди везде одинаково плохи. Это огромное болото, усыпанное камнями и гранитными глыбами и покрытое густыми лесами, между которыми то тут, то там разбросаны убогие жилища и нелюдимые обиталища". Такую картину, говорю я, дали некоторые поляки, населявшие страну, и они думали, что сказали все. Да, французы даже, попав в эту страну, задавали знаменитый вопрос: "*Est ce, qu'on appelle ça une patrie?*" "Можно ли назвать это родиной?". Но подобные обобщения, зачастую несправедливые по отношению к творческим натурам, задевают патриотизм мужчин. Первое не оставило своего следа даже в Польше, а ведь и там второе нашло немало того, что заслуживает любви и восхищения. Поэтическая мрачность вековых темных сарматских лесов дала польскому Байрону, поэту Мецкевичу, материал для многих прекрасных сонетов. А часто улыбающиеся поля по берегам рек были способны на это не меньше. На юге Польша соединяется с одним из крупнейших горных хребтов Европы - Карпатами, которые некоторые считают древнейшей прародиной славян, чья история и природа не лишены романтики. На севере, в направлении Балтийского моря, как в Польше, так и в Пруссии, простирается круг мелких и крупных озер, на берегах которых леса, луга и заросшие холмы образуют множество очаровательных природных картин.

Даже обширные степи, в которых Польша теряется на юго-востоке рядом с Россией, не лишены очарования. На Волыни и в Подолии, насколько хватает глаз, раскинулись бескрайние луга, которые весной украшаются красками различных цветов. Однако сухим летом и бурной зимой они достаточно пустынные. Но как удивительно посреди этих безлюдных равнин не увидеть долины, прорезанные в травянистом плато многочисленными притоками Днепра, Днестра. Эти речные долины степей, называемые поляками "*яры*", прорытые природой в виде широких каналов, прорезают пустынную землю, как сеть длинных протяженных, приветливых оазисов.

В этих долинных каналах, ширина которых часто достигает мили и которые, подобно подвальным каналам, обеспечивают защиту от бурь и засухи, властвующих в степях, сосредоточена вся жизнь и природная красота региона. В них растут рощи и леса из всех видов деревьев, в изобилии водятся певчие птицы, обитают как дикие животные, так и прирученные стада. В них, как костный мозг в костях, лежат все города и поселки страны, а в глубине между ними текут воды чистых ручьев и тихо текущих рек. Такие образы тем более поражают воображение, что в бескрайних одноцветных степях они кажутся лишь нитями золота, и тем более, что они внезапно возникают перед замороженным взором путешественника - не видимые издали, не известные заранее и так же незаметно. Словом, даже поляк, с детства впитавший в свою душу и воображение все эти разнообразные прелести и формы, под которыми природа проявляет себя на его великой родине, не постесняется ответить на вышеупомянутый невежливый вопрос французов.

Какая раса первой заняла и заселила большую страну между Карпатами и Балтийским морем, и в результате каких изменений и событий славяне окончательно распространились в ней, - все это лежит в глубоком мраке.

Согласно Тациту, во времена римлян германские народы господствовали здесь на востоке вплоть до Вислы. Однако неясно, следует ли считать этих германцев землевладельцами, которым принадлежал весь регион, или же они были просто владыками и завоевателями, подобно нынешним пруссакам и австрийцам, которые правили и управляли этими землями и славянским населением, которое, возможно, уже было славянским. Также "скитены" и "сарматы", кочевые народы из Азии, вероятно, пришли на эти земли с востока во времена римлян, как и германцы с запада, точно так же, как мы видим подобные кочевые народы тартарийского происхождения, появившиеся позже при Аттиле, а еще позже при Чингизхане и Бату-хане. Тогдашние славяне, от которых мы почти не можем найти следов в этих краях, хотя они, несомненно, существовали там задолго до рождения Христа, вероятно, играли лишь пассивную роль еще до появления этих активных и властных рас, и поэтому ускользнули от первых репортеров.

Только после миграции населения, разрушившей Римскую империю и заставившей германцев двигаться на запад и юг, славянский элемент, по-видимому, пробудился здесь, и после исхода германцев мы вскоре обнаруживаем, что область Вислы, как и восточная половина Германии, была населена большим количеством славянских племен, ставших свободными. Веками они жили без национального единства и без общего названия, в небольших княжествах или мелких волостях с патриархальным управлением, но уже тогда они должны были нести с собой те своеобразные нравы и язык, которые впоследствии объединили их, сначала под именем "ляхов", а затем под именем "поляков", и превзошли русских, чехов и других славян.

Колыбель польского имени и корни народа и государства, выросшего под этим именем, находятся недалеко от границ Германии, в Позене, ныне аннексированном Королевством Пруссия. Здесь хранятся древнейшие польские королевские легенды, легенды о Пястах. Там же находилась их старейшая королевская резиденция, Гнесен (Гнесна), их старейший город. Как и мадьяры, как и скандинавы, чье древнейшее и первое королевство Дания, простиравшееся на север, также граничило с Германией, поляки, по-видимому, получили первые импульсы к национальному и государственному развитию, а также к христианству, в своей связи с германцами. Вскоре, однако, они двинулись от своей западной колыбели дальше на восток, как датчане на север, а венгры на юг. На западе, где Германия поглотила оставшихся западных славян, где она позже отняла у поляков и их Пястов всю область Одера и германизировала Силезские провинции, пути поляков на *протяжении* веков были *снова* и *снова* перекрыты. В результате от своих корней на Варте они распространились преимущественно на дальний восток. Там у них было самое широкое поле, и туда они всегда обращали свои лица.

Расширить свою территорию в этом направлении, перенести цивилизацию и христианские учения, приобретенные на Западе, защитить Европу от угрожавшего оттуда варварства - такова была, так сказать, миссия поляков. Во все времена они были более дружелюбны к Западу, сначала как вассалы германских императоров, всегда как члены Римско-католической церкви, почти всегда как ученики немецкого народа в искусствах и науках, позже чаще как подданные этой страны, князья и короли, приезжавшие из Венгрии или Швеции, из Франции или Саксонии, но *чаще всего* как союзники против монголов, татар, русских или как спасители от турецкого бедствия.

Но с Востоком, с русскими, с которыми они вступили в войну еще в ^{XI}веке при первом великом князе Болеславе, которому император Оттон III присвоил бы титул короля; с литовцами, которых они обратили в христианство, с татарами, которым они дали больше

сражений, чем любой другой западноевропейской державе, они вели 800-летнюю борьбу с тех пор и до наших дней.

Первыми и главными на этом пути на Восток стали поляки, вышедшие из своей узкой колыбели на Варте и овладевшие всей Вислой, которая течет от Карпат до Балтийского моря. В районе этого потока поляки и их растущее королевство теперь предпочитали селиться. Они перебрались в этот регион, как во вторую колыбель, или как в фактическое главное географическое ядро и центральное русло их политического и национального развития. Висла стала для поляков тем же, чем Рейн был для немцев и голландцев, для великороссов - Волгой, для малороссов - Днепром, для венгров и южных славян - средним и нижним Дунаем, - главным жизненным путем, главной артерией их национального организма, исходной линией их завоеваний, а также линией обороны в трудные времена. В плотных массах и в качестве доминирующего наземного населения они не распространялись далеко за пределы бассейна реки Вейхзель. Таким образом, Висла и Польша - два названия, которые можно считать одинаково значимыми словами в географии и истории.

В долине Вислы, от ее истоков в Татрах до устья, находятся самые знаменитые места, старые и новые королевские города, многочисленные шляхетские замки, самые известные поля сражений и парламентские суды Польши. Это их самые яркие воспоминания. В том месте, где Висла покидает горы и ее последние рукава выступают на равнину, на месте многовековых легенд, некогда великолепный, а ныне одинокий, полуразрушенный королевский замок Ягеллонов, смотрит вниз на знаменитый город, который долгое время был столицей и коронным городом Польской империи и ее королей. С многочисленными башнями, красивыми костелами, старомодными зданиями, богатыми памятниками архитектуры, Краков раскинулся вдоль подножия гор в долине Вейхзель. Старые курганы, высокие, как пирамиды, разбросаны по ландшафту, как немые свидетели великого прошлого, и среди них холм, на котором был воздвигнут последний поляк (Костюшко), на строительство которого каждый патриот вносил свой кусок земли. Некогда богатые и знаменитые аббатства украшают фон этого старого Персеполиса поляков. Руины многочисленных замков, отчасти родовых замков знатных и знаменитых родов, отчасти построенных князьями для защиты страны, возвышаются на скалах в лесах и образуют живописный венок вдоль подножия Карпат и вдоль притоков Вислы, на запад до Силезии и на восток до российских границ.

Ниже Кракова Висла все еще течет через множество красивых долин до Сандомира, столицы древнего одноименного воеводства. Там она орошает самые плодородные поля страны. Родовые дома августейших родов Оссолинских, некогда могущественных Зборовских, множество старых бенедиктинских и цистерцианских аббатств украшают ручей, который на левом берегу до сих пор повсюду украшают живописные скалы. Не менее плодородны холмистые равнины бывшего Люблинского воеводства вниз по течению от Сандомира, где пшеница дает самый богатый урожай и где на одном из притоков Вислы расположена старая, некогда многолюдная столица того же имени, украшенная множеством дворцов известных дворянских семей, костелов и монастырей. По самой Висле следует Казимеж с руинами замка, построенного Казимиром Великолепным, далее вниз - всемирно известные Пулавы, богато украшенные знатными Чарторыйскими, воспетые польскими и французскими поэтами и разрушенные русскими; а в стороне, на берегу притока Собеска Воля, резиденция Юхана Собеского, освободителя Вены. К востоку пейзаж приобретает иной характер: вместо холмов появляются обширные равнины, которые далее теряются в бескрайних волынских болотах. Сама Висла полностью выходит из южных высот только в устье Пилицы, примерно на середине своего течения. Теперь ее высокие, окаймленные

леса, часто романтические берега исчезают, и она спокойно течет на север в широкой долине. На ее западном берегу, на приятных возвышенностях, появляется резиденция поздних польских королей, прекрасная и несчастная Варшава, которая всегда, как и вся Польша, была обращена головой (плацдарм Прага) на восток, и на территории которой было проведено столько великолепных сражений против старого восточного наследственного врага.

Немного найдется стран и народов, вся история и развитие которых вращались бы вокруг одной реки так же сильно, как жизнь поляков вокруг их Вислы. От нее, служившей им опорной базой во всех их передвижениях, поляки разошлись по трем основным направлениям, в которых они расширяли свое влияние. Сначала на юго-восток в направлении Днепра, где на Волыни и в плодородных холмистых районах Подолии они подчинили себе несколько мелких русских племен и княжеств, где они завоевали и контролировали старый русский Киев и полонили русинскую шляхту страны. Затем на северо-восток, в леса и болота на Немане и Дуне, где они столкнулись со все еще далекими варварами и язычниками-литовцами, которые сначала были для них губительны в результате бесчисленных разрушительных набегов, но которых они все больше втягивали в круг своей национальной жизни начиная с ^{XIV} века. Наряду с немецкими рыцарями полякам принадлежит заслуга принесения христианства в эти регионы и народы Европы и объединения их с Римско-католической церковью. Великие князья Литауэнские, Ягеллоны, получившие польскую корону в результате брака с последней Пястинской Хедвигой, сами стали поляками. Со временем все литовское дворянство перешло на язык поляков, более цивилизованной нации, а поскольку оно было окончательно колонизировано во всех отношениях, то до сих пор разделяет польские симпатии. Наконец, в прямом восточном направлении поляки наткнулись на собственно русские основные страны. Здесь они бесчисленное количество раз маршировали вдоль притоков Днепра, по той самой отмеченной природой дороге, по которой величайший завоеватель нашего века Наполеон также напал на Восток, и под началом Ягеллонов и при их героических королях Стефане Батории и Юхане Собеском они одержали множество блестящих побед над русскими.

В середине и до конца ^{XVI} века владычество поляков пережило свое наибольшее расширение. Тогда они, как сегодня русские, были самым могущественным народом в Восточной Европе. Тогда они даже удерживали всю линию Дуны и Днепра. Белый польский орел распростер свои крылья от Балтики до Черного моря. Затем польская партия и армия, даже в Москве, неоднократно действовала по своему усмотрению, и более половины русских народов оказались под польским влиянием.

Распространение римско-католической церкви, с которой также многие русско-греческие народы были объединены под польским владычеством, и с которой они объединены даже после только частично успешного возвращения объединенной греко-русской национальной церкви императором Николаем, можно рассматривать как все еще существующее следствие расширенного польского владычества, а также большого распространения польского языка и нравов на русской земле. На бывшей великокняжеской территории Галлии, в Волыни и Подолии до "святого русского Киева", во всей западной половине Малороссии или Русской страны русская национальность была в значительной степени стерта. Ничего не осталось от родов русских князей, потомков и наследников Владимира Великого, разделивших между собой империю. Польский язык и польские нравы одержали замечательную, решительную и прочную победу над более древними русскими и постепенно проникли во все высшие слои и классы общества. Даже греко-славянское священство забыло там свой русский язык. Даже в

самых конфиденциальных, повседневных разговорах используется польский язык, а русское наречие осталось присущим только нецивилизованным деревенским жителям.

Затем, также в течение всего ^{xvi} века, в славное время Сигизмунов, последних Ягеллонов, язык, литература и развитие поляков достигли своего пика, и это время называют их "золотым веком". Науки пользовались необычайной практикой и благосклонностью. Короли и магнаты основывали академии. Пражский университет в Кракове, членом которого был Коперник, имел не менее 50 печатных станков. Поляки посещали гимназии как там, так и за границей, в Германии, Франции и Италии. У польских дам также были свои процветающие школы в монастырях, где они читали даже греческих и римских поэтов. Поляки посвящали себя литературе и поэзии не меньше, чем оружию. И когда после середины ^{xvi} века некоторые из этих образованных поляков появились в Париже, чтобы приветствовать избранного ими короля Генриха Анжуйского, известный французский историк того времени описал их следующим образом: "Весь парижский народ, - пишет де Ту, - был поражен внешним видом этих польских посланников; их прекрасными мехами, их элегантными и инкрустированными драгоценностями одедами, их достойной и мужественной манерой держаться, и особенно той легкостью, с которой они изъяснялись на французском, немецком, латинском и итальянском языках. Они говорили на этих иностранных языках так, как будто они были их родными. Они говорили на нашем французском языке так четко и ясно, что можно было поверить, будто они родились не на Висле, а на берегах Сены. Наши французские придворные стыдились их, будучи невежественными, и большинство из них, когда их польские гости начинали говорить с ними о научных вопросах, отвечали только знаками и смущенно молчали. Во всем французском дворе нашлось только два человека, которые могли ответить полякам на латыни".

Не менее лестное свидетельство дает полякам Муретус, один из величайших ученых ^{xvi} века, вызванный в Краков из Италии королем Стефаном Баторием. "Среди наших итальянцев, - так говорит этот знаменитый человек, - едва ли найдется один из ста, понимающий латынь или имеющий вкус к наукам. Среди поляков, напротив, есть множество людей, которые прекрасно понимают оба языка и имеют такой вкус к наукам, что посвящают им всю свою жизнь".

Дела городов и их жителей в то время также находились в относительно благополучном и регулируемом состоянии, защищенные городскими привилегиями. И даже бедный крестьянин был еще далек от тех унижений, нищеты и рабства, в которые он попал впоследствии. Время великого Казимира, который в 14 веке получил почетный титул "крестьянского короля", было не за горами. Многие даже утверждают, что в XIV, XV и ^{xvi} веках все почести и достоинства в Польше были более открыты для конкуренции и участия всех сословий, чем в других европейских странах. Некоторые из самых известных польских деятелей того времени первоначально принадлежали к крестьянскому сословию.

После исчезновения наследственного рода Ягеллонов (в конце ^{xvi} века) благосостояние и могущество польского народа пошли на убыль, а в ^{xvii} веке наступил быстрый и все более стремительный упадок. Монархия превратилась в избирательную империю. Выборы королей стали вызывать ожесточенные споры, и тысячи шляхтичей собирались с оружием в руках на Варшавском поле и разбивали там лагерь, разделяясь на ожесточенные группировки, часто даже как враги страны, на противоположных армейских позициях. Способ избрания короля и условия, предъявляемые королям, постоянно менялись. Одно новшество следовало за другим. И на каждом шагу прерогативы короны, столь полезные для целого и единства, ослабевали; тем временем власть и высокомерие дворянства продолжали расти, а низшие

классы, попираемые ногами дворянства, все глубже погружались в нищету и становились все менее защищенными.

Дворянство присвоило себе такие большие личные привилегии и свободы, что в конце концов уже не смогло сформировать политическое образование. Каждый из этих польских шляхтичей обладал правами государя на своей земле и участке; он был как бы независимым королем. Законодательство народа и государства касалось только его ранга. По отношению к своим вассалам, подчиненным и холопам он сам регулировал закон, был судьей и неограниченным государем. Польское государство, которое называли республикой, в конечном итоге было не чем иным, как союзом бесчисленных мелких деспотий. И эти деспоты объединялись между собой не только против своих крепостных, короля и империи, но и против враждебных фракций своей собственной касты.

Однако самым странным и пагубным политическим институтом совершенно особого польского изобретения стало печальной памяти пресловутое "свободное вето". Представления об идеале личной свободы и индивидуальной неограниченной власти шляхтича выродились у поляков до такой степени, что они установили следующее правило, никогда не звучавшее ни в одном другом цивилизованном государстве: члена республики, то есть шляхтича, ни при каких обстоятельствах, даже большинством нации, нельзя заставить принять какое-либо решение, закон или выбор, если он не хочет дать свое свободное личное согласие. Каждому человеку было дано право поставить свое "*Nie pozwalam*" (не хочу) против воли большинства, и один-единственный твердолобый человек или человек, поддавшийся иностранному влиянию, мог тем самым сделать большинство бессильным. История не дает нам второго примера такого государственного института. Все более и более развивая и упорствуя в этом вздорном принципе, поляки отняли у своего государства всякую устойчивость, сделали его и народ, так сказать, *невозможным*. Нация с такими аристократическими идеалами в голове вскоре *была обречена*. Это открыло двери и ворота для партизанских движений внутри и для вмешательства иностранных держав снаружи. Польша превратилась в неутихающий вулкан, разрушающий сам себя, втягивающий в себя иностранцев и в конце концов погребенный под собственными руинами.

Двойники поляков, их соперники и соседи, русские, которые с начала ^{xvi} века при династии Романовых составляли все более мощное и все более окруженное государство, теперь начали освобождаться от влияния поляков, которые когда-то подавляли их и отнимали у них то одну восточную провинцию, то другую.

Вскоре после середины ^{xvii} века они получили южную половину провинций, издавна принадлежавших полякам, к востоку от Днепра, Украину, всю землю казаков и во второй раз Смоленско, которое они уже однажды завоевали, в 1500 году - в течение ^{xviii} века через серию так называемых разделов стремительно тонущей Польши, которые следовали один за другим, сначала в 1772 году остаток страны к востоку от Днепра, Витепское княжество; затем в 1793 году - страна к западу по Днепру, Подолия и остальная Малороссия, два года спустя в 1795 году - основная часть Литвы, а также Курляндия и Волынь. Страна Вислы также на короткое время отошла к Австрии и Пруссии при этих разделах. Но с 1815 года Россия завладела и этой важной частью, всей средней частью старой польской национальной страны Вислы, и с тех пор большая часть земель, некогда населенных или занятых поляками, была покорена их братьями-врагами, русскими. Пруссии досталась лишь маленькая старая польская колыбель на Варте и краю Балтийского побережья, а Австрии прекрасные польские пейзажи на северном краю Карпатской стены.

Несмотря на огромный талант, храбрость и рыцарский дух, в природном характере поляков, по-видимому, отсутствовали многие качества, которые особенно подходят для счастья государств и народов. Их называли гениями, но чрезмерными, а также "блудным сыном" матери-Европы. Прежде всего, им, по-видимому, не хватало бережливости, домашнего хозяйства, промышленности и трудолюбия, которые среди многих других хороших качеств присущи германским народам. От них происходит пословица: "На охоте убей петуха, а на ужин съешь быка". А выражение "похоже на польский язык" стало у нас пословицей в смысле беспорядочного правления и неуправляемого быта.

Будучи большими любителями поэзии и музыки, они никогда успешно не занимались торговлей, ремеслами и искусствами и не находили среди себя терпеливых, деятельных, высоко ценимых средних слоев, которые так полезны и необходимы для любого человеческого общества и которые в первую очередь делают его полным. Они всегда были крайними. Поскольку военная слава, господство, великолепная, безудержная жизнь обладали для них наивысшей возможной привлекательностью, то, чтобы все это досталось *одним, многие* должны были быть обречены на зависимость и тяжелый рабский труд. Скромные идеалы свободного, трудолюбивого крестьянина или честного, трудолюбивого горожанина - это то, что поляки никогда не могли себе представить. Шляхта была стержнем, вокруг которого вращалось все. Тот, кто владел даже самым незначительным количеством земли, стремился стать городским шляхтичем и магнатом. От поляков никогда не исходили творческие торгово-промышленные колонии, только шляхетские и военные.

В этих тенденциях поляки сильно контрастировали с соседними немцами, которые были столь серьезны, упорны и трудолюбивы во всех отраслях человеческой деятельности, и в основном благодаря этому они одерживали такие замечательные победы над поляками. Будучи трудолюбивыми и предприимчивыми купцами, немцы отняли у поляков протяженную прибрежную область вдоль Балтийского моря и основали здесь, от Данцига через Кенингсберген, Мемель и Либаву до Риги, вдоль всего побережья старой Польской империи, ряд процветающих немецких торговых колоний. Повсюду поляки были отрезаны от живительного дыхания моря. Однажды (в прошлом 15 веке) они на время отвоевали этот район немецких колоний, снова расширили свои границы до моря и, говорят, когда увидели тогда Балтийское море, то заплясали от радости. Поляки танцевали и пели, но не знали, как использовать море. Немцы, даже при польском господстве, продолжали пользоваться морем, оставаясь фактическими владельцами и бенефициарами пляжа. Через некоторое время они восстановили свою политическую независимость от поляков, полностью отрезали их от моря, германизировали все побережье и заставили поляков довольствоваться болотами и лесами в глубине страны. Трудолюбивые немцы также проникли во многие части этой внутренней территории и составили существенный элемент населения городов среди поляков, а также среди чехов и мадьяр.

Вместе с немцами, но в гораздо большем количестве, чем они, в страну пришли евреи и занялись, по преимуществу, ведением некоторых гражданских предприятий, к которым у поляков не было ни склонности, ни желания. Они, сыны Израиля, нашли у поляков столь благоприятные условия, что во всех городах, селах и деревнях, где жили и властвовали поляки, в качестве ремесленников, художников и разносчиков они заняли пустое пространство, которое они нашли в польской национальности, и процветали здесь больше, чем в любой другой стране Европы. Они составили замену отсутствующему в Польше среднему классу и, так сказать, третье сословие народа, поскольку стояли между самоуверенными господами и жалкими невежественными крепостными. Если в других странах "третий класс" - это благо, то в Польше эти еврейские общины среднего класса часто

были бичом для страны и в то же время необходимым дополнением. Национальные враги поляков, русские, как и немцы благодаря своей высокой цивилизации и евреи благодаря своей мирной промышленности, со временем одержали над ними победу благодаря одному качеству - быть послушными и подчиненными руководящей воле, которое русские в значительной степени сохранили или сделали своим, хотя в остальном, по своим интеллектуальным и физическим способностям, они, конечно, не выше поляков.

Поляков часто называли французами Севера. Как и они, они живые, быстрые и умные, но в то же время неуравновешенные. Они всегда в первых рядах на танцах, в драках и пьянках. Даже пожилые поляки, чьи головы уже поседелели, все еще сохраняют в себе что-то от стремительности университетских драчунов. Как и французы, поляки обладают эластичностью, которая заставляет их приспосабливаться к любым обстоятельствам, следовать любым впечатлениям и не принимать ничего постоянного. Их действия и мышление находятся в постоянном конфликте друг с другом. Как человеческой душе вообще свойственно впитывать самые сильные противоречия, так и поляки умеют это делать в значительной степени.

Годами они живут беззаботной, веселой жизнью, но вдруг собирают все силы для достижения той или иной цели, вызвавшей их энтузиазм, и некоторое время действуют с огромной энергией. Равнодушные, поверхностные и осуждающие все, они созерцают и обсуждают людей и вещи, но однажды зарождают ненависть или любовь к человеку или делу. Сегодня они отмечают праздник с покаянием и молитвой, завтра - шумный карнавал в веселье и безделье. В один час они с энтузиазмом говорят о свободе и правах человека, а в другой, возможно, по легкомыслию, грешат против них в обращении со своими слугами и подчиненными.

Пытливость и апатия, рвение и небрежность, покорность и противодействие, расточительность и скупость - все эти противоположные качества проявляются как в истории поляков, так и в их повседневной жизни. Так же как и величайшая гордость соседствует с самой унижительной покорностью. Ярким доказательством тому служит уже упомянутое "*Nie pozwalam*", которое польский шляхтич, чувствуя свое суверенное величие, противопоставил решениям парламента и воле всего народа, а также столь распространенная в Польше фраза "целую ваши ноги" или "падаю вам под ноги", выражение, которое среди всех сословий поляков является столь же распространенным выражением благодарности. Но "- говорит один талантливый писатель, писавший о поляках, - нарисовать все эти различные, чередующиеся, переплетающиеся, часто трудно различимые черты польского национального характера почти так же трудно, как пытаться проанализировать цвета створки часовни. Просто прикоснувшись к ней, можно стереть тонкую и красочную эмаль".

Высокоэластичное чувство, которое преодолевает все, не боится будущего, не жалеет о прошлом, быстро забывает обиду - но часто и пользу, старается при любых обстоятельствах придать хорошее лицо плохой игре, со смехом переносит все, - такое чувство является достоянием всех поляков. -С изумлением иностранец, даже самый избалованный из них, видит, как они мирятся с неудобствами путешествия, с неприятностями бедного временного жилища, с проступками своих крестьянских слуг, с неприятным вторжением еврейских торговцев - все это они переносят с самым приветливым юмором.

Они смеются над неприятностями и веселятся над тем, что могло бы разозлить или, по крайней мере, возмутить других, а именно над недельщиками или грубыми немцами по сравнению с ними.

"Польских дворян и князей, которые в своих домах окружены всевозможной роскошью, которые обычно много путешествуют и знакомы со всеми прелестями больших столиц, можно увидеть бродящими *con amore* в маленьких, грязных еврейских городках их страны - в нечистых ночлежках, занимающих их помещения, в узких, Делают покупки в темных лавках, развлекаются жалкими представлениями той или иной странствующей труппы в прокуренных театрах больших городов, или бьющей по ушам игрой того или иного странствующего виртуоза, или едут несколько дней подряд в жестких штанах по ухабистым дорогам, чтобы принять участие в охоте на волка или северного оленя. И все это они делают с такой приятной веселостью и естественностью, что остается только восхищаться ими, которые находят удовольствия там, где другие видят только трудности".

С этой эластичностью, свойственной полякам, сочетается их неугомонность, которая заставляет их переезжать из города в деревню, из одного замка в другой, которая прививает им стойкую жажду странствий, да, заставляет их постоянно менять назначение и расположение комнат и расстановку мебели в доме, и таким образом вечно напоминает им о кочевой природе, укоренившейся в Восточной Европе, рука об руку. Можно подумать, что польская семья - это миниатюрное изображение их прежнего дома, в котором, как в калейдоскопе, все смешалось.

Страсть к игре - тоже одна из теневых сторон характера поляка, связанная с его легкомысленностью, изменчивостью, непостоянством, авантюризмом, жаждой острых ощущений. Эта страсть, похоже, до сих пор преобладает во всех классах поляков, как и у немцев во времена Тацита. Не только господа в зале, но и слуги в прихожей, солдаты в казармах, крестьяне перед своими хижинами могут быть замечены играющими в карты и кости. Иногда, однако, над этой страстью к игре торжествует другое, более благородное стремление, которое, к несчастью, разрушает счастье многих семей, а именно любовь к танцам. Это тоже врожденное у поляков, как и у всех славян. Они предаются ему как в старости, так и в молодости, и танец может даже пробудить безжизненные ноги под мазурку, этот живой, грациозный, переменчивый, электризирующий все конечности, полувоенный национальный танец, который кажется самым выражением веселой природы Польши, быстро переходящей в страсть.

Гостеприимство поляков, как и всех славян, всегда славилось. Они проявляют его в наибольшей степени. К этому их побуждает не только жажда трат и украшений, удовольствие от пышности и роскоши, желание быть в кругу людей, которых они защищают и почитают, но и природная добросердечность и сострадание. Поэтому эту национальную добродетель можно найти по всей стране, как среди скромных, так и среди великих, каждый в соответствии со своими силами и обстоятельствами, и даже в нынешних, столь зависимых, угнетенных и растерянных обстоятельствах народа.

В старой Польше было принято, чтобы богатые магнаты или "паки" принимали в своих домах дворян, родственников или вассалов с женами и детьми, которых они называли "жильцами" и которые не имели других обязательств, кроме как участвовать во всем укладе замковой жизни и вносить посильный вклад в великолепие семьи. В те времена в польских лесах можно было встретить такие большие дворцы, как, например, дворец знаменитого рода Паков, на котором издаലെка виднелась гордая надпись: "этот дворец принадлежит Паку, и этот дворец достоин Пака", и в которых иногда жили тысячи людей, кроме главной семьи, "жителей" при дворце и солдат, которых обычно собирали польские государи-магнаты.

Сегодня этого уже нет, но в Паках, Браницких, Потоцких и Сапрехах, а также в более мелких дворянских усадьбах по-прежнему размещаются целые семьи с прислугой, лошадьми и

карементами, часто отказывая себе в привычных удобствах в угоду иностранцам. За обедом накрывают столы для неожиданных гостей, и даже проезжие путешественники, которых никто не знает, избавлены от неприятного отдыха в неудобных жилищах. И вот, к своему великому изумлению, проезжий путешественник часто оказывается вдруг, как по волшебству, посреди польских болот и степей, в очень приятном кругу, где он может некоторое время предаваться всем уютным удовольствиям замковой жизни, охоте, бегу, танцам и играм, театру, живым статуям, приятной беседе и другим удовольствиям, на польский манер. Поляки настолько привыкли к этому уютному образу жизни, что уже не могут без него жить. И когда им говорят, что, например, в Англии или Голландии хозяин дома часто сидит один с женой и детьми за обеденным или чайным столом, они восклицают: "*Ah, que c'est triste!*" и совершенно забывают, что это тоже очень похвальная домашняя обстановка, в конце концов.

Поляки рождаются, так сказать, в атмосфере давления и удовольствия от общения и воспитываются в нем с колыбели. Как только молодой польский дворянин может самостоятельно сидеть на стуле и стоять на ногах, он ужинает и танцует, общается и веселится с великими людьми, предположительно не ради своего физического и психического здоровья, хотя это способствует развитию привязанности к общению, которая так необходима в Польше. Поляки также не любят умирать в одиночестве, предпочитая умирать в окружении множества людей. Я расскажу вам об одном примечательном случае, часть которого я пережил сам: одна знатная польская дама, прожившая восемьдесят лет в водовороте своего большого домашнего круга, больше не могла лично присутствовать на празднествах в своем доме. Поэтому она перенесла свою больничную койку поближе к красивому залу, где каждый вечер ее гости предавались всевозможным удовольствиям. Время от времени они заходили за перегородку, разделявшую две комнаты, чтобы рассказать ей: кто танцует мазурку с прекрасной графиней Т., кто танцует с госпожой П.; а когда она уже не могла больше выносить танцев и музыки: какие партии в вист были сделаны, кто выиграл и кто проиграл, и, кроме того, о чем говорили в комнате. Однажды вечером, когда гости уже некоторое время сидели вместе, как обычно, вдруг что-то зашептали от стола к столу. Элегантные джентльмены отложили карты, встали и тихонько ушли. Их старый друг и хозяйка просто заснули во время званого вечера.

Достаточно провести некоторое время в таком польском доме, чтобы понять, насколько влиятельны в Польше женщины. Как правило, они отличаются миловидностью и изяществом, разделяя живой, легкомысленный и рыцарский дух противоположного пола. Кроме того, они часто обладают большей степенью развития, а зачастую даже большей силой воли и твердостью характера, чем мужчины. Они являются фактическими хранительницами уютного общества и всегда посвящены в самые важные планы мужчин. Да, они часто руководят ими с большим умением и благоразумием, что доказали политические и кровавые события в этой стране до недавнего времени, ведь польские женщины не только щедро жертвовали ради отечества, но и участвовали в борьбе за него, не жалея опасностей. Одной из таких прекрасных и благородных борцов за отечество, героической графиней Еленой из патриотического рода графов Платер, все восхищались и сожалели о ее печальном конце. Но можно было бы заполнить целую книгу историями жизни нежных польских женщин, которые, подобно Орлеанской девице, вооружили свою грудь на службе отечеству и орудовали уланским копьем против русских и других врагов. В самоотверженности и самопожертвовании эти польские женщины многократно превосходили партизан и ревностных мужчин, и поэтому один французский историк не совсем ошибочно сказал, что клич: "*Finis Poloniae*" никогда бы не прозвучал, если бы за ними последовали польские женщины.

Это "*Finis Poloniae*" - причитание, которое часто повторяется, но содержит правду и имеет вес только в отношении старого политического государственного здания Польши. Оно действительно рухнуло и умерло, но как народ поляки ни в коем случае не распались и не умерли. Их род, как таковой, не что иное, как увядающий или больной. Напротив, как и прежде, у них повсюду рождаются самые сильные женщины и мужчины, и в течение этого столетия они вновь с присущим им мужеством сражались за пределами своей родины, в Италии, Испании и других странах, а также проявляли чудеса храбрости против русских и казаков в границах Вейхзельланда. Не более чем по крови и расе, поляки, в том, что касается их морального состояния, подобно распутным римлянам во время распада их империи, могут считаться полностью выродившимися или разложившимися. Религия, важнейший элемент любой "родины", все еще остается священным благом для народа. Во многих древних благочестивых обычаях и привычках проявляется их религиозное чувство. Под внешним видом веселой мирской жизни можно заметить, даже среди высших сословий, явную склонность к фанатизму и ревности. Можно обнаружить юношеское чувство возвышенного, таинственного, чудесного, в которое они так любят погружаться. Даже седобородые поляки часто болтают, как молодые, а у других народов, например у французов, молодые часто болтают, как седобородые.

Но в языке и литературе поляков нет абсолютно никаких признаков томления. Напротив, посреди политической зимы для их языка и литературы наступила новая весна. В прошлом веке в Польше было мало интеллектуального движения. Действительно, некоторые части Польши, например, Галиция, в начале нынешнего века все еще считались литературным Китаем. Во всей Польше не появлялось ни одной газеты или периодического издания, чтобы доказать миру, что здесь когда-то была сигизмундианская эпоха.

Однако со времен Наполеона, затем с 1830 года и еще позже с 1848 года ситуация значительно изменилась. И хотя и в эти годы, в тщетных попытках, на поляков обрушивались новые политические катаклизмы, они снова брались за лиру, и свежий поток поэзии проистекал из старого, еще не высохшего колодца. Их язык постоянно обогащался и облагораживался. То, что они не осмеливались думать, писать и печатать в самой Польше, на своем оригинальном и естественно сильном языке, они публиковали в Париже, Лондоне, Германии, Америке и других странах. В мире мало мест, известных своей печатной продукцией, где бы не печатались и польские книги. А такого количества знаменитых поэтов, какое есть у поляков сейчас, у них почти никогда не было раньше. Все эти поэты, отнюдь не сомневаясь в выживании своего народа, скорее в пророческом тоне возвещают о славе, воскресении и могучей славе своей несчастной родины. Да, первый поэт поляков, их Байрон Мицкевич, истинный сын земли, даже называет свой народ "будущим центром, животворным средоточием всего славянства".

Все это, конечно, не признаки внутреннего упадка духа народа, растворения его крови и расы. Напротив, все это дает нам право с гордостью верить в печальное "*Finis Poloniae*" Костюшко, в популярное "*Польша еще не потеряна*", если мы не можем сказать, как то, что мы считаем себя вправе предвидеть, станет реальностью.

Русские.

В обширных центральных областях нынешней России, в лесистых весенних областях Дона, Волги, Дуны и Днепра, в холмистой и плодородной стране московитов славянские предки

нынешних русских с незапамятных времен возделывали землю и наполняли ее своими деревянными домами и деревнями. Уже отец истории, вероятно, упоминает о них, когда говорит о "земледельческих или царских скифах", а более поздние византийские писатели часто говорили о них под именем "антен" (или вантен?), которое, вероятно, есть не что иное, как наши "венды".

Как и когда они пришли в эти края, мы не знаем. Однако многое (даже несколько первых названий рек, донесенных до нас греками, которые явно славянского происхождения) говорит за то, что их старая европейская родина находилась именно здесь. Их племена, уже современники Константина Великого называли их очень многочисленными и многолюдными, заполняли внутреннюю часть "*immensa spatia*" широкой восточной оконечности Европы.

От морских бассейнов, бывших колыбелью европейской цивилизации, они были отстранены другими народами и странами, поставленными перед ними: на юге от Черного моря - великими степями, которые всегда были населены скотоводческими народами, на западе - болотами Балтийского моря, населенными литаврами и финнами, на севере Белого и Ледовитого морей - обширными лесами и живущими в них финно-уральскими народами. На востоке их ждала великая Азия татар и монголов. От среднегерманской Европы их отделяли другие славянские народы.

Время их детства, большей частью неизвестное нам, должно быть, прошло в бесчисленных войнах и борьбе с соседними народами, и, похоже, предки русских играли скорее пассивную, чем победоносную роль. Если бы их предыстория была особенно блестящей и славной, она не была бы такой мрачной.

Уже самые ранние сумерки истории показывают нам русских славян, как находящихся в попеременной зависимости, с *одной* стороны от *германских племен*, которые традиционно контролировали Балтийское море, а с *другой* - от *азиатских кочевников*. С обеих сторон их неоднократно принуждали к покорности и рабству, что влияло и меняло их характер и образ жизни.

Уже первые люди, которых задолго до рождения Христа древние эллины называли "кочевыми скитами", вероятно, состояли из таких татарских пастушеских племен, как они часто появлялись здесь впоследствии. Их владычество охватывало значительную часть нынешней России, и даже северо-восточные славяне были так же известны под именем "скиитенов", как ныне бесчисленные народы исчезают под торжествующим именем "русских", хотя они совсем другой крови и племени.

В третьем-четвертом веке нашей эры германские готы пришли через Восточное море, завоевав и пройдя по великим ландшафтам вплоть до Понта. Славяне, поселившиеся здесь, стали подданными готского короля Гермариха, обладавшего огромной властью на востоке Европы. После победы над готами татарский или гуннский король Атила снова приковал славянских подданных готов к своей колеснице и повел их как своих рекрутов или приспешников на убой на выбранные им поля сражений в Западной Европе. Вслед за гуннами с Востока пришли их братья, норманны-авары и хазары, которые опять же во времена Карла Великого основали за счет русских славян такие огромные империи и размахивали над их головами гезелем.

Против хазар обеспокоенные славяне вновь призвали на помощь своих западных национальных врагов, скандинавских норманнов, и те пришли с середины ^{IX}века, опять через Восточное море, тем же путем, которым в более поздние времена пользовался шведский

король Карл XII, под началом своего знаменитого вождя Рюрика (Родерика?) и его соратниками, шведские варяги или варагеры (то есть союзники) освободили Славенланд от азиатов, но подчинили его себе.

Этим тевтонским воинам, которые, должно быть, обладали многими прекрасными качествами государственных деятелей и законодателей, впервые удалось объединить славянские племена в прочное целое, в государство, чего славяне до тех пор не могли сделать самостоятельно. Поскольку Рюрики и их преемники полностью оторвались от своей родины, обосновались сначала в Новгороде, а затем в Киеве, ассимилировались и объединились с покоренными иноземцами, как это сделали франки в Галлии, вестготы в Испании, с их помощью была создана национальная, великая и могучая Русь, государство Запада, Великая и могучая Россия, единый русский народ, получивший от этих северных германцев и свое название - (говорят, что оно германского происхождения и впервые появилось у берегов Швеции), и свое единство, и свои первые законы, и своих древнейших государей и знатных родов.

До XI ^{века} на Русь часто заходили новые скандинавские авантюристы или "Waräger", призванные в страну русскими великими князьями. На Руси, как и в Швеции, скандинавских государей окружала дружина советников, так называемая "дружина"; также и на Руси эти завоеватели, по старому германскому обычаю, делили народ для военной службы на подразделения по 10, 100 и 1000 человек, которыми командовали так называемые "сотники" и "тысячники". В русских деревнях такое деление населения, зародившееся в Швеции, существует и по сей день. Ряд русских историков придерживается мнения, что на Русь были перенесены и древние скандинавские саги, что самые древние поэмы русских, как и их законы, выросли на скандинавской почве. Так, например, обстоит дело с древнейшей русской эпической поэмой, так называемой "Песнью о походе Игоря на хазар", своего рода русской Илиадой, которая недавно стала известна в Германии благодаря переводу. Довольно хорошо известно, что и сегодня несколько первых русских магнатских родов, например, знаменитые князья Долгорукие (то есть длиннорукие), ведут свое происхождение от Рюрика и его шведов.

В этот период самого раннего создания постоянного русского государства, происходящего от скандинавов, происходит и событие, столь важное для развития народа и его характера, - введение христианства, основание греческой церкви среди русских. К Владимиру I из скандинавского рода Рюрика, которого возмущало старое язычество, около 1000 года пришли римско-католические и греко-католические священники, которые ознакомили его с догматами их веры. Поначалу он также мог слышать иудеев и даже магометан. Однако в конце концов ему больше всего понравились пышность и церемонии греческой церкви, которая уже была представлена другим братским славянским племенам, например, болгарам, и Владимир, которого в некотором роде можно считать Карлом Великим русских, сделал ее национальной церковью русских.

Русские, чьи основные сухопутные реки текли в Понт и византийские провинции, с самого начала были связаны с Константинополем как военными, так и мирными отношениями. Оттуда к ним уже давно присылали товары, купцов, миссионеров, других гостей, даже принцесс императорского дома. Окончательное принятие греческой религии теперь еще больше сближало их с греческой империей.

Поэтому русские часто оказывались вне круга цивилизации Западной Европы. Они не принимали участия ни в энтузиазме католиков, направленном на освобождение Гроба Господня, ни в крестовых походах, ни в других вдохновляющих импульсах Римской церкви,

которые проникали в систему всех западных народов, включая поляков, чехов и других западных словаков, и приводили их в движение. Ничто так не повлияло на национальный дух русских, как вмешательство византийской цивилизации и жесткой греческой догмы. Они настолько сблизились с ней, что их можно было с такой же легкостью лишить национальности, как и греческой религии. Первые епископы русских были урожденными греками, а Россия стала церковной провинцией Константинопольского патриархата. И даже если этого патриархата больше нет, греческая иерархия и греческое церковное право по-прежнему действуют среди русских. Кроме того, русские монастыри, естественно, создавались по образцу греческих, а несколько религиозных сект, разделявших Восточную церковь в Греции, были перенесены в Россию. Строительство церквей и монастырей привело к внедрению византийского архитектурного стиля и некоторых смежных искусств, греческой живописи и церковной музыки. Церкви в России украшались по образцу знаменитого Софийского храма императора Юстиниана в Константинополе. Также в своей резиденции в Киве русские графы построили дворцы и "золотые ворота" в стиле построек византийских императоров. А поскольку другие русские города также брали за образец свой святой Киев, как и греческую столицу, все это распространилось по всей Европе.

Даже гораздо позже, после завоевания Константинополя турками, многое из византийского перешло к русским. Тогда русские великие князья приняли титул царей (*кесарей*), который долгое время носили византийские императоры, и теперь двуглавый орел греческой империи стал гербом русских правителей, как и многие византийские обычаи при дворе москвичей. Византийская пышность, придворный этикет и придворные обычаи расцвели в Москве при русском царе Иоганне III, который также женился на дочери греческого царя, после того как они были давно утрачены в Константинополе при турках. Церемонии царской коронации были подражанием византийскому церемониалу. Самые ранние основы русской литературы и образования также проросли из греческих корней. В русских монастырях первыми стали переводить греческих летописцев и отцов церкви, и знаменитый древнерусский летописец Нестор - выходец из этой греко-русской школы. Поскольку русские таким образом приобретали и мирские навыки, например, переводили истории или легенды об Александре Македонском, это привело и к созданию своеобразных русских вариаций на эти и другие традиции и легенды.

Поскольку в Рюриковой палате не был принят принцип неделимости империи, вся империя, основанная и объединенная Рюриком и Владимиром очень скоро превратилась во множество мелких княжеств, которые впоследствии, в XIII-XIV ^{веках}, вновь были разгромлены, как в прежние времена восточные славяне неоднократно терпели поражения от нашествия кочевников из Азии.

Монголы, как и их предшественники скифы, гунны, авары и хазары, распространились по всей Восточной Европе. В отличие от скандинавских воинов, они пришли не только в качестве вспомогательных народов, вождей народа и правителей поля. Они вошли на Русь целыми полчищами караванов и пастушеских племен. Они образовали здесь родину, в которой остались единственными хозяевами. Следовательно, кроме принятия восточного или греческого христианства, ни одно событие, относящееся к развитию русского национального духа, не было более важным, чем последнее владычество татар или монголов, длившееся долгое время и имевшее глубокое влияние на национальную жизнь.

Они то тут, то там превращали страну в пустошь, чтобы получить пастбища для своих стад. Они посылали своих чиновников и сборщиков налогов в каждую деревню и хижину. Они заставляли русских князей и великих князей приезжать в "золотую орду" в устье Волги, жить там, брать там жен, проявлять покорность и азиатское дворянское служение. Вот почему

русские так часто предстают как монгольские порождения, чьими преемниками в овладении Востоком они могли стать, только освоив грубые методы правления, восточного управления и татарской дисциплины, которые использовались там с начала мира.

Великие князья московские собирали дань первыми, от имени своих правителей - татарских ханов. Пока они еще чувствовали себя слабыми, они также отдавали дань татарам, но когда они стали сильнее, они оставили ее себе. Татарская манера оценивать и требовать повиновения осталась у них в моде. В старой, управляемой германцами России детей Рюрика были государи, которым помогала "дума" (совет вельмож), в остальном - независимое правительство и лично свободное население. Из ее лона вышли даже такие мощные республики, как Новгород и Плесков. Новая Русь, преобразованная монголами, в своих попытках возрождения все это отменила. Чтобы восстановить силу и единство, она породила неограниченных самодержцев, которые покончили с этими республиками и подавили вольности волостей. А когда попытки возрождения вскоре выродились в далекие завоевания, то постепенно весь народ впал в жесткую зависимость и крепостное право.

Даже в своих церковных обычаях, в образе и способах отправления религиозных обрядов русские, похоже, многое, хотя и в христианской форме, скопировали у восточных народов. Все их существо, как и у восточных людей, пропитано религиозной серьезностью. Они соблюдают посты, крестные ходы и коленопреклонения так же скрупулезно, как мусульмане соблюдают омовение и молитвы. *Слава Богу*", которая звучит из уст русских по сто раз на дню и по многим поводам, в их устах часто звучит не иначе как перевод турецкого "Аллах велик". И русский проявляет едва ли меньшую степень (часто весьма похвальную) покорности воле Бога и судьбы, чем магометанский фаталист.

Как и в своих религиозных и политических нравах, русские многое сохранили от кочевников и азиатов в своем языке. Многие ветви дерева русского языка, так сказать, сплошь покрыты монгольскими словами, например, выражениями, обозначающими дела и искусства, свойственные кочевникам, например, многое, относящееся к скотоводству, и почти все, относящееся к передвижению, путешествиям, езде, транспорту, каретам, лошадям, конным экипажам и т. д. С монголами среди русских появились тюрки и другие азиатские народы, и в целом вся славянская империя была, так сказать, полностью втянута в азиатский образ жизни и движения. Поэтому неудивительно, что многие турецкие, персидские и другие азиатские языковые элементы, обычаи, искусства и промыслы остались среди русских и распространены по всей России до сих пор.

Все названия драгоценных камней, которыми обычно пользуются русские, имеют восточное происхождение, что лишь отчасти характерно для нас. Некоторые садовые растения, например арбузы, которые теперь растут даже в губерниях Балтийского моря, распространились по России вместе с азиатами, как и их азиатское название "*арбузи*"; так же как и азиатские названия некоторых восточных животных, например, верблюда (*верблюд*). И наоборот, некоторые славянские названия северных животных, например, бобра, соболя и т. д., попали в Аравию и Персию.

В торговле, ремеслах и русской промышленности некоторые предметы и выражения имеют азиатское происхождение. Например, название и планировка русских базаров. Не только кафтан русского купца, но и его легкий халат (*тулуп*), пояс (*кушак*), сумка для денег (*кесе*), чемодан (*сундук*), магазин (*анбар*) имеют персидские или турецкие формы и названия. Точно так же карандаш (*Karandasch*), лак (*Surgutsch*). Даже распространенное русское название "торговые товары" (*тавар*) - монгольское. Даже знаменитая счетная доска, без которой не обходится ни один русский купец и которая оказалась настолько удобной для обучения

арифметике, что ее пытались ввести в некоторых наших школах, имеет монгольское происхождение. В том же виде, в каком она встречается у русских, она распространена даже у китайцев.

Многие отрасли промышленности, процветающие в России и широко распространенные там, имеют одно и то же (монгольское, турецкое, бухаринское или персидское) происхождение. Например, знаменитые фабрики сафьяновых тапочек и сапог с золотым шитьем в Торжке и производство дамасской стали в Слатоуфе. Садоводство и виноградарство на юге России, вероятно, впервые были завезены туда восточными людьми. Своим, в прежние времена применявшимся там, искусственным увлажнением, они сделали многие участки земли там плодородными, чего уже нет. Упоминается также производство мыла и лака как отрасли промышленности, завезенной в Россию азиатами. Можно проследить применение таких реликвий с Востока, с одной стороны через Африку в Андалузию, с другой стороны через Кавказ в районы Москвы и далее в Европу.

Наши западноевропейские армейские учреждения также указывают на такие реликвии с татарских времен. Например, гусары достались нам от венгров, уланы - от татар. У татар "улан" (по-турецки "оглан" - мальчики, юноши) был предпочтительным названием молодых рыцарей орды, которые составляли гвардию чана и получали от него вотчины и должности. Их название и легкое вооружение перешло от татар к русским и полякам, а от поляков - к другим народам Европы.

Наконец, нынешняя национальная физиономия русских живо напоминает татарский или монгольский тип; низкий лоб, сильно выступающие скулы, маленькие глаза, сжатый и слегка вздернутый нос, имеющий меньше сходства с орлиным носом римлян или прямым носом греков, чем с каким-либо другим народом. Если славяне имеют в своей природе нечто оригинальное, то, что мы называем азиатским типом и характером, то это в большей степени подтвердилось в русских в результате монгольского владычества.

Почти 200 лет Русь страдала под татарским игом, а то, что монголы не забрали, литовцы и поляки завоевали на западе и присоединили к своей империи, которая в то время пользовалась беспомощностью своего русского соседа. Только на севере, на озере Ильмень, сохранилось независимое русское государство - Новгородская республика, процветавшая в 14 и 15 веках.

Когда они погрузились в глубочайшую пучину, а потомки Тамерлана были в раздоре между собой, русские наконец, и теперь уже впервые, собрались воедино из своих собственных национальных сил, без помощи немцев или других иноземцев. Со времени первой победы над татарами, одержанной на знаменитом Куликовом поле на Дону в 1380 году, Россия постепенно начала отвоевывать у своего сердца (Москвы) все страны, ранее принадлежавшие империи. Больше всего этому способствовало то, что в этой Москве с самого начала сохранялся принцип неделимости империи и единства народа. В ряде удачных побед и завоеваний, при энергичном царе Иване Великом и Иване Грозном, она оттеснила азиатов за Дон и Волгу, воссоединила с собой старый, давно разделенный Новгород, взяла под руководство своего удачливого царя из дома Романовых, и при своем великом Петре Первом, вершителе русского национального могущества, отразила последнее нашествие скандинавов при Карле XII, пришедшем через Балтийское море под именем Рюрика-воеводы.

И с тех пор политическое могущество русского народа, вплоть до новейшего времени, постоянно прогрессирует и развивается. С тех пор она вышла из своих лесов, как великан, и проложила себе путь ко всем морям, которые помещаются как окна или ворота в теле

государства, на севере к Белому и Балтийскому морям, на юге к Черному и Каспийскому морям. Да, если на Востоке она полностью свергла свои древние тизеры, навсегда засорив истоки миграций кочевников, то там она пробилась даже через Сибирь, к берегам Великого океана. На Западе оно окончательно подчинило себе братские племена литовцев и поляков, которые ранее установили для себя закон, и таким образом проникло и в центр Европы. Когда (на 400 лет) к власти пришел царь Юхан III, он управлял территорией, не намного превышающей современную Пруссию. Но Петр Великий уже управлял империей, более чем в шесть раз превышающей размеры Германии, а империя императоров Николая и Александра, как подсчитал Александр фон Гумбольдт, по площади равна той части Луны, которая обращена к нам.

Как русские в течение долгого периода своего подчинения народам, которые ими правили, приняли много иноземцев, так и впоследствии на пути своих побед они встретили несколько иноземных народов, которых они частично ассимилировали, так сказать, в своей массе, но от которых они сами также испытывали влияние в ходе этого процесса.

Почти все некогда независимые финно-уральские народы были влиты в русское национальное тело. К ним были присоединены или подчинены калмыцкие, башкирские, самоедские племена, многочисленные народы Кавказа, грузины, черкесы и армяне. Кроме того, они присоединили земли литовцев, поляков и валахов, а также многие немецкие провинции. И все эти смешения и аннексии не обошлись без ответной реакции против русских. Однако самые важные и примечательные столкновения произошли с немцами. Ибо *после* греков и *после* татар ни один народ не оказывал на русских такого влияния, как немцы; правда, это влияние не столько зависело от расы, крови, темперамента и природных склонностей, сколько от их цивилизованности и интеллектуального развития, а также от их политических и научных знаний. Многие немецкие художники и ремесленники попали в западные районы России вместе с ганзейскими купцами в XIII веке. В великом Новгороде они, похоже, долгое время были главными художниками. Даже знаменитые, искусно вырезанные двери Новгородского собора, которыми любуются сегодня и которые раньше называли "херсонскими", потому что долгое время считали их произведением греческого искусства из Херсона, происходят, как выяснилось позже, из Германии, и на них мы видим, в частности, портрет немецкого мастера Викмана из Магдебурга. Русский летописец того времени по случаю строительства в России большой церкви называет особенным то, что она была построена только русскими "без помощи немецких мастеров-строителей". То, с каким ударением он упоминает это обстоятельство, доказывает, насколько привычны были в те времена к помощи немецких зодчих.

Когда в Москве появились великие князья, они снова стремились развивать свой народ с помощью немцев. Большинство посланников первых московских великих князей при немецких королевских дворах, помимо политических целей, ставили перед собой главную задачу - красивыми обещаниями убедить немецких ремесленников, художников и ученых приехать в их страну. Уже в ^{xv} веке в Москве существовал отдельный район, где проживали призванные в страну немецкие колонисты.

Со времен Петра I и Екатерины II немецкий народ и немецкие обычаи хлынули в страну в еще больших масштабах. Целые немецкие провинции - Курляндия, Лифляндия, Эстляндия - были присоединены к империи, немецкое дворянство которой с тех пор поставляло России полевых господ и дипломатов. Новая императорская резиденция, Петербург, возникшая посреди этих прибалтийских провинций, стала наполовину немецким городом. Немецкая партия с тех пор также становилась все более влиятельной при дворе. Многие внутренние области империи были заняты немецкими поселенцами, которые служили образцом и

стимулом для русских, и почти все русские города, вплоть до Иркутка в Сибири, постепенно приобретали что-то немецкое, вид более или менее значительной немецкой колонии.

Внутреннее управление этих русских городов, их гильдейские советы, их магистратура, а также городские постановления, введенные Петром I и Екатериной II, были основаны на немецком образце. Из 179 периодических изданий и газет, выходивших в России в 1858 году, не менее 30, то есть $\frac{1}{6}$ часть, были написаны на немецком языке. Даже в организации армии, во всех военных учреждениях Россия всегда училась у Германии. Даже правящий княжеский дом изначально немецкого происхождения, а благодаря постоянным бракам с немецкими царскими домами, всегда сохранял немецкую кровь.¹

Следует, однако, отметить, что почти все, что Россия переняла у Германии, она модифицировала в соответствии со своими обычаями и потребностями. Да и немецкие особы, попавшие в Россию, начиная с государева княжеского дома, слишком легко и скоро позволили себе стать русскими. "Энергия и ассимиляционная сила этой удивительной ветви славянского племени человеческого, - говорит один русский писатель, - так сильны, что в соприкосновении с народами, более или менее родственными ей, она всегда сообщает им *свой язык, свой дух и свои обычаи*". Поэтому, даже если русские, как уже говорилось выше, многое переняли у других, они все же в основном сохранили свой старый славянский национальный характер, и он всегда, среди всего перенятого, выплывал на поверхность. - Да! Размеры страны, слава и, наконец, счастье народа, теперь единственного славянского племени, существующего независимо и задающего тон в большой империи, привели к тому, что многие славянские национальные и племенные черты и оригинальные способности, которые должны были дремать среди их менее благоприятных и теперь еще не независимых собратьев, получили более широкое поле для развития и большую энергию.

Их язык также ставит их на первое место среди славян. Среди славянских языков русский язык - самый красивый, самый развитый и самый мощный. Это один из самых странных и богатых языков в Европе. В нем больше гласных, больше алфавита, чем в других языках нашего континента. Вот почему говорят, что ни один алфавит не выражает и не переписывает так легко многочисленные тона и тональные сочетания других языков, как алфавит русских, который так богат числом и точностью знаков. И русский язык, обученный правильному обращению с этой длинной тоновой лестницей, в то же время настолько же хорошо подготовлен, насколько способен подражать звукам любого языка, в котором русский не скоро найдет ту или иную языковую технику, которой его родной язык уже не научил его. Их речь очень богата формами, их словарь особенно полон материала для ономастической живописи природы. Русский чрезвычайно зорко подмечает тончайшие нюансы в царстве красок и звуков. Точно так же он располагает множеством выражений для чистого выражения душевных волнений и впечатлений человеческого сердца и ума.

Победы народа, его величие и завоевания часто оказывали благотворное влияние на его язык. В ходе политической карьеры в столь далеких странах перед русскими вставали различные вопросы для обсуждения, и их язык был способен решать самые разные и многообразные задачи. Как и сами русские, их язык, таким образом, приобрел большую легкость в понимании и усвоении. Большая гибкость позволяет им относиться к иностранным словам как к своим собственным, сохранять их и изменять в свойственной русским манере, так что из перенятых сокровищ, как и из их собственного первоисточника, возникают новые ветви и слова.

До Петра I в России бок о бок существовали разные языки, а письменным языком в литературе был старославянский церковный язык. Он впервые дал великорусскому наречию

определенное преобладание, возвел его в ранг национального языка, сам упорядочил его алфавит и приказал напечатать первые книги на этом наречии. С тех пор Россия произвела, за исключением богословия и философии, почти во всех отраслях литературы, прекрасных и талантливых писателей прозы и поэзии, историков, лириков, драматургов и эпических поэтов, больше, чем все остальные славяне вместе взятые в современную эпоху. И они еще больше развили изначально такой податливый язык во всех направлениях. В результате русский язык одинаково подходит как для банального, так и для возвышенного, как для легкомысленного и комического, так и для серьезного и трагического жанра. В нем столько же силы и серьезного акцента для обращения к истории, сколько изящества и остроты для басни и эпиграммы; он превосходит, по мнению знатоков, прежде всего своей естественностью. По богатству и гибкости он очень близок к греческому. Гомеровские сочинения, такие как "всеобъемлющее море", "чистые замки" или "розовоперстые богини", переносились на русский язык так же легко, как на немецкий или голландский.

Некоторые из новейших российских поэтов действительно национальны, рождены психикой народа. Блестящий и самобытный Державин, Шиллер русских, автор знаменитой "Оды к Богу", - истинно русский поэт. Крылов, русский Буало, рассказывал басни и сказки своим соотечественникам в такой классической манере, что они стали популярны среди них. Большое влияние в народе приобрел Пушкин, русский Байрон, чьи стихи с теплотой относятся к радостям, печалям и славе народа и ярко их изображают. Малороссийский Гогель, второй Гольдони, с большой ясностью изображал русскую жизнь. И многие другие, в чьих произведениях говорит с нами народный дух, также могли бы быть упомянуты здесь. В целом, однако, следует сказать, что русская художественная поэзия, ее высшая литература, не является или еще не является такой же национальной, как испанская или французская. Большинство ее продуктов - это лишь то, что было привнесено в нее, пересажено извне. Она живет отчасти как тепличное растение, жизнью, изолированной от массы народа. Она не получает от них так много и не оказывает на них такого влияния, как литература в других, более развитых странах Запада.

Однако гораздо более характерной и весомой для нашей этнографической картины является русская *народная поэзия*, в многочисленных, живых духовных цветах которой заключено подлинное откровение национального характера. С незапамятных времен русские, как и все славяне, были большими любителями музыки и песни, для которых так хорошо подходит их мелодичный язык. Уже в VI веке нашей эры, по свидетельству византийских летописцев, посланцы северных славян рассказывали константинопольскому императору, что рифма, стих и песня были любимыми украшениями их полноты и что они повсюду носили с собой цитроны, унизанные струнами, которыми они сопровождали свои песни, исполняемые хором. У русских до сих пор сохранились эти старинные цитры, которые они называют "гусли" или "балалайкен", и многие другие весьма своеобразные музыкальные инструменты.

В целом, однако, они не столько инструменталисты, сколько вокалисты, и пение для них так же естественно, как для птиц. Пением они сопровождают, так сказать, все жизненные действия, не только свои танцы, вечеринки и светские рауты, но и самые утомительные занятия. Русский всадник, гонясь в одиночку по степи за своей упряжкой из трех человек, все время поет, даже когда холодный ночной ветер овеивает его рот; русский дровосек, когда он один посреди леса валит деревья и превращает их в бревна, поет бесконечную песню. Как будто в этой песне человек говорит сам с собой.

Хоровому пению обучены почти все русские: не только поэтичные пастухи, крестьяне и лесные жители, но и лоточники и торговцы в городах. Молодые купцы, даже в небольших внутренних рыночных городах, имеют между собой певческие общества, где они упражняют

свои таланты и удовлетворяют свою жажду музыки. Крестьянские отряды выходят на поля с хоровым пением и возвращаются домой с хоровым пением. Да, даже жнецов можно слышать, когда они долго идут по скошенным колосьям, несмотря на влияние палящего полуденного зноя в Южной России, покрытые пылью, солнцем и потом, - и все же, говорю я, их можно слышать, наполняя знойный воздух прекрасными хоровыми песнями. То же самое с вождением делают бедные, измученные солдаты во время своих долгих походов. Как и плотники, которые строят дома, и так называемые "бурлаки", лодочники и баркасы, которые тысячами разбросаны по рекам империи и выполняют изнурительную работу галерных рабов, буксируя тяжелые речные суда вверх и вниз. В отрядах по 50 и 100 человек, натянутых на веревку, эти сильные мужчины шаг за шагом, день за днем, тянут тяжелые волжские суда по большим рекам. Во время этой монотонной и тяжелой работы почти непрерывно слышны их песни, которые так же длинны, как и сами реки, подбадривая друг друга. Иногда, в особенно плохую погоду или когда судно едва поспевает за течением, бедные "Бурлаки" так устают, что уже не могут двигаться вперед. Их судно начинает дрейфовать назад, и крепкий линь тянет за собой сильных людей. Однако те не дают себя одолеть и не сдаются. Вскоре они снимают ремни с груди, поворачиваются, прижимаются к песчаному берегу и пытаются предотвратить дальнейшее дрейфование корабля. Таким образом они немного отдыхают, и, к удивлению путешественника, эти неутомимые певцы уже тогда слышат напев - пусть и тоскливый, - который вскоре сменяется веселой мелодией, когда они снова начинают двигаться вперед.

Если вы зайдете в русский монастырский храм, где идет ремонт, то увидите, как на высоких подмостках сидят художники, украшая купол храма красками и позолотой. Их старательные кисти не отдыхают весь день, как и их неутомимые губы, над которыми с купола церкви, словно ангельские голоса, срываются прекраснейшие хоровые песнопения. Услышав подобное, становится понятен греческий миф о том, что камни городских стен Сард были сложены в ритм музыке и игре на флейте. Во всех русских церквях и монастырях ценится прекрасный состав хора, а в Императорской капелле в Санкт-Петербурге - самый лучший и лучший в мире.

Даже бедные, старые, белобородые нищие, сидящие перед русскими церквями, не выпрашивают пожертвования прозаическими словами. Они сидят и поют, привлекая внимание прохожих чтением благочестивого старинного церковного хора.

Среди самих русских, однако, нет племени более песенного и богатого песнями, чем племя южных малороссов или малороссов. Многие малороссийские песни удивительно красивы и оригинальны в своих глубоко меланхолических мелодиях. Содержание некоторых из этих песен, как говорят, древнее и имеет историческое значение. Есть среди них такие, в которых воспеваются подвиги, даже не записанные древними летописцами, а в других даже фигурируют языческие божества или, по крайней мере, заметны следы древних суеверий. Однако большинство из них, как у малороссов и казаков, так и у русских, имеют не историческое или эпическое, а лирическое содержание. Среди славян эпос имел некоторую удачу только у воинственных сербов. Среди русских гораздо более распространена поэзия чувства. В своей народной поэзии они представляются чрезвычайно мирными, тихими, можно сказать, нежными и сентиментальными натурами. И это касается даже русских казаков, народа, который, в конце концов, возник после войны и был полностью организован до войны.

В своих песнях они всегда показывают себя полными чувства к окружающей их природе, и часто черпают свои стихи из того, что показывают им лес и поле. Липа, бузина, клен,

можжевельник, шалфей, рута и другие растения играют важную роль. Даже наша незабудка не осталась без внимания этих казаков.

Когда я грустил, тосковал, давился,

бродил по лесу и лугу,

Забывчивые мелюзга ощипала в позу,

Я горько плакал и говорил:

Не забывай меня, любимый!

Никогда не забывай меня, жизнь моя!

Любимый, всегда вознаграждай мою любовь,

Но не подарками.

Ведь как поможет мне твое золото!

Что за богатства твои, которые восхищают всех?

Тогда сначала ты овладеешь мной,

Когда ты прижмешь меня к своему сердцу

И воскликнешь: "Никогда я не забуду тебя, верный!"

Кукушка, возвещающая о наступлении весны, веселый львенок-рик, спрашивающий у людей "почему так грустно?", сизый голубь, с которым сравнивают девушку, белый сокол, с которым сравнивают юношу, и многие другие создания животного мира играют в песнях казаков не меньшую роль, чем прекрасные растения.

Наряду с глубоким и проникновенным чувством к природе, в этих русских народных песнях проявляется и дух сердечной любви к месту своего рождения и к своим подданным:

Издалека, по горам, по долинам и озерам,

Однажды кукушка прилетела.

В Дунае, коснувшись пера

С хвоста, так изящно изогнутого.

Как то пестрое перышко,

Которое гонит поток,

Так я тоскую в чужом царстве,

Одинокий, покинутый жизнью.

Связь между матерью и сыном, между братом и сестрой очень метко показана в тех песнях, в которых русский казак, словно предчувствуя, поет о своей смерти на поле боя, как о часто повторяющейся теме:

Когда бури ревели и трава шевелилась,

На земле лежал казак, умирающий и бледный,
Прислонясь головой к кусту, что склонился,
И взор его был устремлен на вереск вокруг.
Рядом с ним лежала его большая белая сабля,
Лошадь терпеливо стояла у его ног,
Маленькая птичка, сияющая сквозь пух и перья,
Сидела над его головой и т. д. и т. п.

Почти всегда эти песни заканчиваются тем, что жалующийся всадник в свой смертный час посылает матери или сестре письмо или нежное послание через своего "черного коня" или "тысячецветную птицу", если в его распоряжении нет никого другого. Одна из них заканчивается следующим общим изречением:

Молитва старца защищает в опасностях,
Делает наши души чистыми даже от самого тяжкого греха,
И на суше, и на море нас хранит.

Как и в своих песнях, эти бородатые русские в повседневной жизни и в общении друг с другом выглядят гораздо более радушными и живыми, чем мы. Все целуются и обнимаются перед каждой разлукой и после нее. Даже мужчины и седобородые целуют друг друга направо и налево в соответствии с предписанными правилами. Их также легко растрогать до слез.

Нередко можно увидеть седобородого русского геркулесовского телосложения, плачущего и громко причитающего о том, что он один на свете, без отца и матери, или о каком-нибудь другом несчастье. "Где можно найти, - спрашивает писатель, передающий это, - в Англии или Германии, или в любой другой стране маленького нежного сердцем германского народа, что-либо подобное?"

Этот мягкий и нежный нрав русских и славян в целом также объясняет их покорное подчинение власти царя и церкви. Ни один народ германской крови не нес бы иго рабства так терпеливо на протяжении веков, как эти песенные, легкомысленные, лирико-поэтические русские.

Другие черты и особенности русского национального характера можно найти в богатой сокровищнице пословиц, вошедших в их язык с течением времени и получивших вместе с ними гражданство. Они свидетельствуют об острой наблюдательности и тонком человеческом знании, полны ярких сравнений и пикантных выражений. Поскольку в них отчасти по-новому и удивительным образом заключены старые уроки, содержащиеся и в наших пословицах, а отчасти очень ярко выражены особенности русской жизни и сердца, я хочу взять на себя смелость привести несколько ценностей из этой сокровищницы. Я хочу поделиться ими с читателем без особых комментариев. Он легко поймет их смысл и применение.

В нескольких русских пословицах, так сказать, несколькими словами рассказывается целая басня, например:

"Когда кто-то похвалил голос соловья, тележный конь начал скулить".

Или: "Глупая овца плакала от горя, когда пастух убил дубиной волка".

Очень резко обличается глупый эгоизм людей в следующих лаконичных словах:

"Какая жалость к моему прекрасному кораблю, плакал шкипер, когда он тонул вместе со всеми своими людьми". А как метко переданы мысли и скрытые поступки скупца в:

"После того как жадный продал весь лес, он захотел продать и каждое дерево в отдельности".

"Пчелы собирали воск и мед, но скупец хотел, чтобы они варили еще и медовуху".

"Дайте одноногому скряге табуретку, и он поставит ее в печь как дрова".

Он, уныло сетуя на постигшие его беды, в русской крестьянской пословице восклицает:

"Не смотри так печально на дыры в своем дублете, а надень на него лохмотья!" А тому, кто не воспринимает радости и тяготы жизни в истинном смысле слова:

"Ешь мед, маленький отец, который ты можешь, и пей полынь, которую ты должен употреблять". Слишком строгий упрек предупреждает:

"Если вы даже снег называете грязным, то как же вы будете называть сажу?"

Что касается опасности восхваления, то здесь говорится следующее:

"Даже у самого мудрого в конце концов вырастают ослиные уши, если его слишком много хвалить"... А о ловкости людей скрывать свои ошибки и затирать свои дела:

"Самый глупый достаточно мудр, чтобы извиниться".

Нежелание, которое мы испытываем, когда люди хотят навязать нам счастье, выражается в следующем:

"Заприте волка в полной овчарне, и он не будет думать ни о чем, кроме как о том, как лучше убежать обратно в лес".

Английская *любовь в коттедже*, называется у русских:

"Ни одна любовь не горит так жарко, чтобы раскалить печь".

В похвалу той добродетели, в которой славяне преуспели с незапамятных времен, - гостеприимству и доброжелательности - русская пословица неисчерпаема:

"Как кто гостям дает, так и Богу дает".

"Кто воробью крошки не даст, тому Бог хлеба не даст".

"Выполняйте просьбу гостя еще до того, как он ее произнесет".

"Прибереги последний кусок меда для позднего гостя".

"Сначала накорми толстую лошадь гостя, а потом свою тощую корову".

"Если одеяло длинное, свободно вытяни ноги; если короткое, довольствуйся тем, что есть, и подтяни ноги к себе", - читается вместе с ними:

"Пряди лен, братишка, если не можешь ткать шелк".

Наше "так господин, так слуга" - с ними:

"По кошке ребенка видно, сколько побоев он получает от родителей".

Об истинной внутренней ценности и внешнем облике они говорят следующее:

"Грязное серебро ценится выше, чем белое олово", или: "Медь! имела бы ты только ценность золота, раз ты еще обладаешь гордостью его", или: "Корнишон хочет выдать себя за дочь дыни".

Прямо из жизни и чувственного мира русские говорят и о вольнодумстве молодых трусов:

"Нет горше меди, чем та, что выходит прямо из молота".

Точно так же они советуют поступать со страстными людьми:

"Если друг твой горяч, как порох, не подпускай его к огню!".

Или вот что они отмечают по поводу любви:

"Ливень, обрушивающийся на влюбленных, состоит только из капель росы", - и что они напоминают вспыльчивому человеку: "Жгучая крапива, зачем ты жжешься, если не можешь свариться?"

Силу предрассудков они понимают очень хорошо, ибо говорят о них:

"От подагры избавляются быстрее, чем от предрассудков".

Литварь: "Сделай из себя овцу, и волк будет с тобой" - так называют ее русские:

"Кто делает из себя коня, тому все хотят подложить седло".

А наше: "Яйцо хочет быть мудрее курицы", они выражают своим: "Гриб хочет преподать лесу урок".

Беспомощность наших воспитателей перед лицом своенравных натур они выражают следующим образом: "Из утиных яиц даже лебедь не может вывести потомство, кроме уток".

Тому, кто пытается доказать что-то, что говорит само за себя, они очень мудро восклицают: "Да, очень верно, мой друг, на равнине горы имеют конец".

Этой небольшой антологии с избытком хватит, пожалуй; поэтому я перейду к другой теме.

Если, согласно вышеизложенному, Каллиопа почиталась народом так ревностно, как русскими, то ее сестра Терпсихора не могла быть в презрении, особенно у славянских народов, у которых эти две ворожеи, как и везде, представляются двумя ближайшими сестрами-близнецами, у которых поэзия, песня и танец, гораздо больше, чем у нас, были соединены самым благородным образом. У русских, как и у всех славянских народов, танцы всегда были популярным развлечением. "*Slavus saltans*" (танцующий славянин) уже вошло в поговорку у латинских писателей Средневековья. Их подвижный темперамент, стремительность привели к тому, что они очень естественно практиковали это искусство. Германская и романская Европа заимствовала у славян полонез, польку, мазурку и многие другие свои любимые танцы, хотя исполняет их так, что сами славяне остаются недовольными. Однако они также переняли наши танцы и на своих многочисленных

танцевальных вечерах, которые проходят зимой во всех городах вплоть до Сибири, исполняют их гораздо более очаровательно, чем сами изобретатели.

Наши крестьяне также танцуют повсюду, на свадьбах, в праздники и в своих танцевальных залах. Но это не доказывает, что танец у них так же популярен и исконен, как у славян, и особенно у русских, у которых склонность и аппетит к нему настолько всеобщ и всегда так велики, что не требуется никаких предварительных приготовлений, формальных приглашений, специальных мест и т. д., чтобы пригласить людей к симметричному группированию, к грациозным движениям, к своеобразному выражению лица, к радостным движениям мускулов. Русский танцует, как поет, если у него есть время и если он может найти пространство, чтобы правильно двигать ногами. Посреди диких степей путешественник с удивлением видит южнорусского пастуха, *танцующего* в одиночестве в пустыне, под чистым небом. Молодой длинноволосый юноша бросил перед собой в траву свою надутую волынку и положил на нее камень, так что инструмент издает свой собственный звук, и под эту музыку он движется быстрой и грациозной походкой, которая так ему присуща, не замечая никого поблизости, кроме своего скота, пасущегося неподалеку. В особняках русских графов иногда можно наблюдать, как слуги в узкой клетушке под лестницей, часто единственном свободном пространстве, которым располагают эти бедные дьяволы, бьют свои бальные дубы и исполняют танцы в этом тускло освещенном пространстве площадью всего в несколько квадратных футов.

Также можно увидеть - и, конечно, к своему изумлению, - как русские солдаты, закончив утомительный марш, вскоре поют, танцуют и бьют в свои балконы. Сейчас полдень, они пять часов маршировали утром с вьюками и мешками по лесам и болотам. Их офицеры дают им час отдыха. Благосклонный хозяин и владелец замка, в окрестностях которого они отдыхали, велел каждому человеку из полка дать рюмку бренди и кусок хлеба с сыром. Они с удовольствием наслаждались этим. Вскоре после этого весь полк, как лес после освежающего дождя, освежился, забыл все свои неудобства и усталость и, разделившись на несколько групп, двинулся, ликуя, распевая и пританцовывая в такт, вокруг бивачного костра, винтовок и тяжелых ранцев, которые через несколько минут нужно было нести и снова надевать. Надо было видеть нечто подобное, надо было удивляться людям в таких обстоятельствах, чтобы судить о том, что танцы действительно им присущи и насколько они стали национальной потребностью.

Если вы попадете в русскую деревню, то увидите еще более идиллические сцены. Там вы не найдете ни трактира, ни танцевального зала, но вся деревня - это один танцевальный зал. Там, на Пасху или на Витсун, вас встречают длинные вереницы молодых девушек, украшенных цветами. Это "Веснянка" (весенний танец), который они исполняют. Они берутся за руки. Самая красивая девушка ведет остальных и определяет, какие фигуры и повороты будет делать венок девственниц. Иногда они выстраиваются в прямую линию, прыгая вперед, а иногда замыкают круг и некоторое время стоят на одном месте, поворачиваясь вокруг себя. Затем танцевальная труппа сливается в узел, который они разворачивают в правильную цепочку, радостно распевая. Это поэтический оригинальный тип так называемого полонеза наших салонов. Вся деревня поднимается на ноги. Старики сидят на скамейках перед своими домами, радуясь грациозности своих дочерей. Все больше и больше молодых девушек выходят из своих домов, смеясь, и присоединяются к пению предыдущих. Даже дети, которым не нашлось места в хоре старших, образуют отдельные группы и со смехом и криками следуют за старшими, стараясь подражать их движениям. Обычно женский пол исполняет эти прекрасные сцены в одиночку, но иногда к ней присоединяются мальчики с другого конца деревни в таком же длинном хоре. Они тоже

танцуют, поют и иногда добавляют к танцующим кого-нибудь, играя на скрипке или гобое. Когда они наконец объединяются, царит величайшее веселье, а построение фигур заканчивается только при свете луны.

Как и везде, русские развивают в своих танцах значительный талант к мимике, и многие из их танцев одновременно являются небольшими драматическими представлениями.

Например, так называемая "косаточка", которая получила свое название от казаков, но распространена по всей России. Этот танец исполняет молодая пара. Юноша играет роль пылкого влюбленного, который добивается руки красавицы, своей танцовщицы. Он подходит к ней во время танца. В такт музыке он делает всевозможные грациозные движения, чтобы завоевать ее расположение, и в зависимости от того, удастся ему это или нет, он впадает в поэтический восторг или, в такт музыке, в отчаяние. Танцовщица играет ханжу, которая долго отвергает его, изредка кокетливо манит, но, насмехаясь и шутя, снова и снова ускользает от него во время танца, но в конце концов позволяет завоевать себя и под ритм музыки получает объятия и нежный поцелуй, после чего счастливая пара удаляется быстрыми, скачущими шагами назад.

Желание и усилия влюбленного, робость и сомнения возлюбленной, переплетение эпизодов лицемерного отворачивания и всевозможных мелких ссор, возникающих между влюбленными, часто выражаются танцорами с восхитительным талантом. Конечно, танцуют и двигаются в такт музыке не только ноги и ступни - танцуют и двигаются в такт музыке руки и кисти, глаза и лицевые нервы.

Однако все это лучше наблюдать у российских танцоров-солистов. Сольные танцоры не встречаются в нашей повседневной жизни, мы видим их только на сцене. У русских же один танцор часто берет на себя обязанность развлекать целую компанию. Тот, кому скучно, может попросить своего русского камергера, своего мальчика на побегушках, солдата, с которым он живет в каюте, развлечь его в этот вечер сольным танцем; он явится без долгих колебаний, разукрашенный, великолепно украшенный разноцветными тряпками и тряпками, которые у него под рукой, со скрипкой в руке - ведь он сам является своим оркестром. А если между стулом и столом столько же места, сколько птице для прыжка в клетке, то вы непременно увидите то, что стоит не только увидеть, но и обдумать. Актер начинает переставлять ноги во всевозможные сомнительные положения, двигаясь в такт музыке, скрещаясь, раздвигаясь и соединяясь. Среди них есть и шаги, которым французский танцмейстер никогда не учил своих учеников. Он выбрасывает ноги вперед, как бы отбрасывая их в сторону. Он отводит их назад и снова сцепляет. Иногда он внезапно подгибает колени к земле. Кажется, что он упал на землю, но вскоре он снова вскакивает, ликуя. И во всех этих бурных движениях тела его не покидает ни певческий голос, ни аккомпанемент на скрипке. Все остальные части тела также участвуют в этом движении, исполняемом в такт. Плечи тянутся вверх и вниз, голова запрокидывается в сторону и назад; по всему телу пробегает нервная судорога. Как будто каждая мышца должна быть натренирована отдельно, как будто танцор исполняет ритмы по предписанию врача. Не забыто и лицо: рот двигается вперед-назад, веки поднимаются и опускаются, борода изгибается и колыхается, как у живой змеи. Все заканчивается тем, что танцор снова вскакивает, топает ногами, аплодирует, свистит, наконец, ударяет по всем струнам скрипки, а затем на мгновение замирает, как статуя, удовлетворенно улыбаясь самому себе и ожидая ваших комплиментов.

Наблюдение за такими вещами в деталях не лишено важности для этнографа. В них очень ярко отражается весь дух этого быстрого, ловкого, трудолюбивого, поэтичного, игривого,

красноречивого в слове и деле русского народа, самого живого из славян, сохраняющего бодрость при самых тяжелых испытаниях и умеющего помочь себе в самых трудных ситуациях. Легко понять, что из таких артистов, таких упругих людей, можно сделать все, что угодно, без особых усилий: пехотинцев, кавалеристов, трубачей, литаврщиков, или что там им подкинет правительство, жонглеров, ремесленников, купцов, или что там случай захочет из них сделать, - клерков, камергеров, а через их положение камергеров и государственных чиновников, и, наконец, даже гранд-сеньоров, которым и дух, и фортуна помогают, и куда воля богатого толстосума или самого царя их призовет.

Ибо русский из легкого, мягкого и прочного дерева (в отличие от гораздо более упрямого дубового материала немцев) очень быстро чувствует себя как дома в любых обстоятельствах и кругах. Бесчисленное множество русских прошли путь по социальной лестнице от самых низких до самых высоких ступеней. Многие рыцари и заслуженные генералы увидели свет в избе своих родителей, которые были крепостными. Многие выдающиеся русские поэты родились крестьянскими сыновьями под соломенной крышей. Ломоносов был сыном рыбака на Белом море, Козлов - сыном пастуха, Карамзин - ребенком татарина на Урале.

Если удастся, крестьянский мальчик играет дворянина, придворного, вельможу, словно Ной уже сохранил дворянские грамоты; И если царь изгоняет одного из вельмож со своего двора или ставит его с бритой головой рядовым солдатом в один из своих кавказских полков, то и этот потомок Рюрика умеет играть роль с самоотречением и покорностью, которыми можно было бы восхищаться, если бы в таких делах не превозносили и не желали обратного.

Весьма вероятно, что эта более или менее свойственная всем русским черта - чувствовать себя дома везде и при любых обстоятельствах - была следствием их народного воспитания и истории, нанимавшей их на самые тяжелые службы - жестокость их хозяев, привыкших требовать от них всего - суровость их деспотических правителей, по прихоти которых они должны были жить и вести себя. -С другой стороны, в их характере тоже было нечто вроде Протея-природы, и эта изначальная предрасположенность должна была оживлять, поощрять и облегчать все: монгольское владычество, крепостное право, царский деспотизм. Самодержцы не могли желать лучшего народа, чем люди, из которых можно сделать все, что угодно, которые не считают ничего слишком трудным или невозможным, которые перед лицом всех препятствий, даже самых больших, произносят свое любимое слово: "Ничтожество! (ничего страшного), которые умеют играть любую роль и в которых (можно взять любого из них по желанию) всегда можно найти или ожидать найти почти одинаковые способности и таланты.

Такая общая одаренность часто является несчастьем для народа, где все обладают одинаковым интеллектом, где, казалось бы, не часто встречаются выдающиеся таланты, высшие и великие гении. Хотя русские, как правило, прирожденные мимики, они не вывели на европейскую сцену Тальма Гаррика или Шредера. И хотя они, как правило, более приспособлены к танцу, чем мы, Эльсцлер скорее встречается среди немцев, чем среди них. Если каждый из них - настоящий ремесленник, умеющий пользоваться топором и стамеской, иглой и токарным станком, то ни одного крупного механического изобретения они так и не сделали. Правда, наименьший из них, кажется, обладает большей общей оригинальной проницательностью, большим поэтическим талантом, чем большинство наших прозаических соотечественников, и все же эти дары не настолько сконцентрировались в творческих гениях, которые поразили мир, возвысившись над массами. Кажется, что они легко, слишком легко, преодолевают первые трудности, но затем не прилагают больше усилий и пускают начатое на самотек. Как в их никогда не угасающих летних ночах, освещенных солнцем, так и в зимних ночах, освещенных северным сиянием, в пейзажах их

сознания царит вездесущий полумрак, но мощных теней и ярких огней мало. Редко светлая пыль уплотняется в алмазы, редко вода собирается в глубокие озера. Повсюду одинаково масштабные наводнения. Находясь в России, иногда представляешь себе, что вся эта многомиллионная масса людей, запеченная и равномерно вылепленная и сформованная в одном корыте. Русский народ кажется самым большим количеством единомышленников, одинаково одаренных, единомышленников и единомышленниц, какое только можно найти в Европе. Это великое единообразие русского народа проявляется как в его физическом развитии (одни и те же физиономии встречаются и в древних лесах, и при дворе императора, здесь только бритые и украшенные блестящими золотом мундирами), как и в их изначальной проницательности, - (то же язвительное, едкое, проницательное и ленивое остроумие встречается и в крестьянской избе, и в Петербурге, только здесь оно переведено на французский язык), - так и в их социальных условиях. Ибо врожденные и исторически созданные позиции и резкие различия социальных расколов не существуют в стране, где калмук так же легко может быть возведен в тайный совет и в дворяне первого ранга, как княжеский сын может быть низведен до безымянного сибирского поселенца, где никогда не возникала гражданская свобода, где общественное здание не строится как готическая церковь со множеством частей, лестниц и шпилей, а все напоминает тополь или сосну - верхушка, ствол и ничего, кроме маленьких коротких веточек.

Это отсутствие группировки, высоты и глубины, этого одинакового цвета, которое кажется естественным предрасположением и исконной склонностью, глубоко заложенной в русском характере, проявляется, наконец, в том, что русские как народ и раса с самого начала были раздроблены на так мало подразделений, так мало разделились и обособились на самостоятельные, резко очерченные ветви. На великой родине русского народа нет почти столько различий в самостоятельных племенах, нет столько оттенков в наречиях, как в других европейских странах.

Каких только контрастов мы не найдем в гораздо меньшей Германии, в границах одного языка и племени. Достаточно поставить высокого восточнофризца рядом с маленьким жителем Эрзских гор, прозаичного нижненемецкого рядом с поэтичным швабом, лохматого баварца рядом с воспитанным саксонцем, гениального австрийца рядом с флегматичным поммеранцем. Каких только разновидностей не встретишь во всех наших провинциях, городах и поселках! Все они - вариации на одну и ту же тему, но вариации, сильно отличающиеся друг от друга. Если сравнить с этим русских, то у них, кажется, всегда одна и та же тема или, по крайней мере, лишь заметные вариации на нее.

Русские этнографы, правда, более ранние, чем современные, различают красных, белых и черных русских, малороссов и великороссов, новгородцев, кривичей, суздальцев и т. п. Лишь отчасти эти диалектные и племенные нюансы, подобно широким болотам на больших пространствах, тянулись длинными линиями, отчасти между ними было так мало различия, что если бы захотели обозначить их цветами на карте, то, не преувеличивая, пришлось бы раскрашивать серым по серому, то и дело выбирая лишь другой нюанс серого, тогда как разветвления других народов можно было бы обозначить всеми цветами радуги. Наконец, даже эти небольшие различия теперь частично исчезли. Единственное, что выделяется в этой однородной массе, с древних времен и по сей день, - это различие между так называемыми русинами, или малороссами, и москвитями, или великороссами. Это различие лучше всего сравнить с различием между северными и южными немцами.

Малороссов можно встретить на всей южной части Европейской России, от Карпат до Дона. Великороссы распространены по всему центру северной и восточной половины империи, вплоть до Северного Ледовитого моря. Первые ближе к западным и южным славянам

Австрии и Турции и сохранили в своем языке многие старославянские формы и образы, которые были утрачены великороссами: Русские потеряны. Их язык более близок к старому русско-славянскому церковному языку. Великороссы рассматривались русинами как новообразованный смешанный народ, и их ученым разрешалось выдавать себя только за славянских финнов. Малороссы основали священный город Кий, - древнейшую колыбель русского государства, великороссы - новую Москву, где сейчас находятся основные корни страны. В результате малоросс в целом более старомоден и косен, чем великоросс, к которому особенно применимо то, что я сказал выше о скорости русских в целом: малоросс больше любит сельское хозяйство. Ему нелегко покинуть родные места, не хватает коммерческого духа и промышленных талантов. Он не любит путешествовать и ходить в походы. Тепловцы отличаются и по внешнему облику. У малороссов чуть более южные черты, темные глаза, смуглое лицо и черные волосы. У великороссов, напротив, более свежий цвет лица, обычно голубые или серые глаза и, как у финнов, светлые волосы. О том, насколько сильны разделение и неприязнь между этими двумя контрастными племенами, свидетельствуют малороссийские пословицы, которые они часто используют, говоря о великороссе: "Да, может, он и хороший человек, но он все равно москвич". В связи с этим они также говорят: "Подружись с москвичом, если хочешь, но держи камень под рукой".

В целом, особенно активные и жизнерадостные великороссы задают тон в империи. Они составляют главное племя в России. Они подчинили себе своих малороссийских собратьев и захватывают земли и города этих, не буйных колоний повсюду. Их дворянство преимущественно принадлежит вельможам империи. В то время как малороссийский язык стал языком крестьян, великорусский стал языком литературы, права и общения.

Во всей Европе нет другого племени, которое за последнее столетие так выросло в численности и силе, как великороссы. Точное знание его численности в разные времена имело бы огромное значение для философии истории. В 1722 году, когда Петр I приказал провести перепись населения своей империи, вся Европейская Россия в то время насчитывала всего 12 миллионов душ. Русский статистик Арсеньев подсчитал, что численность великорусского племени в 1850 году составляла 35 миллионов человек.

Из этой москвитянской или великорусской центральной массы всего народного организма исходило, да и до сих пор постоянно исходит, особое народовольческое движение, особенно циркулирующее в пределах Российской империи, усеявшее всю Северную Азию русскими городами и колониями, обеспечившее русскими поселенцами каждый немецкий город на Балтийском море, каждое племя, каждую деревню многочисленных финских народов и, наконец, приведшее к тому, что в столь короткий срок многие области и инородческие народы в границах великой империи стали полностью русскими.

Замечательная склонность к путешествиям и переездам, свойственная в особенности великороссам, поощряется отчасти правительством, которое иногда основывает военные или каторжные колонии или строит новые города в отдаленных частях империи; отчасти помещиками и великанами, которые то здесь, то там возделывают новые земли, осваивают новые горные хребты или создают промышленные заведения, и по приказу которых великорусские крестьяне покидают свои деревни и селятся за сотни верст от прежних мест жительства. Наконец, этой мобильности великороссов способствовал или способствовал так называемый "оброк" (налог на наследство). Это означает, что землевладельцы взяли за правило давать своим Глебам разрешение выходить в мир, делать то, что им нравится, и обеспечивать себя всем необходимым, где и как они могут, в обмен на небольшую ежегодную плату.

Активные великороссы, которые по пословице говорят: "Посади меня, если хочешь, на камень в степи; дай мне несколько копеек в карман, и я найду дорогу в мире", охотно пользуются этим разрешением, чтобы предаваться тому, что они называют "промыслом". Истинно русское слово "промыслы", которое так же непереводаемо, как и английское "спорт", относится ко всем возможным видам ремесел и бизнеса, но в основном к торговле ремесленными изделиями, перевозке товаров и розничной торговле. Те, кто занимается этими "промыслами", "промысленники", составляют своеобразный класс великорусских промышленников, которые, желая заработать, выходят в мир, чтобы найти работу и продвинуться дальше со своим топором, ружьем, сетью или лопатой. Часто они могли бы делать это очень хорошо дома, если бы хорошо ухаживали за своими садами и полями, но утомительное садоводство и земледелие не по душе великороссам. Они начинают с малого, нанимаясь в слуги или кучера, или в прислугу к плотникам или другим начальникам, чью работу они хорошо знают или которую вскоре осваивают. Приобретая таким образом небольшой капитал, они открывают лавку, торгующую всякими безделушками, которые вскоре сбывают в той или иной губернии, или везут свой товар в дальние концы Сибири. Удачливость и склонность к торговле у них обычно не меньше, чем у евреев, которым Петр I поэтому советовал не смешиваться со своими великороссами, потому что они найдут в них своих хозяев. И такие русские кочевники-крамеры часто становятся миллионерами в Москве, Петербурге, Новгороде или Касане.

Другие же уходят на восток, в сибирские леса, или на юг, в киргизские степи, где эти "промысловики" являются такими же первопроходцами или предтечами русской власти, как и ловцы силки и бобров в Соединенных Штатах. Движимые неугомонным желанием заработать и жадной приключений, они также отправляются на дальний север империи на очень бедных лодках и углубляются в Ледовитое море, преследуя белых медведей и пушных зверей вплоть до Шпицбергена и Новой Земблы. Эти промысловики, которые также выслеживают драгоценных морских выдр в Южных морях, открыли для России Камчатку и северо-западную часть Америки, а также расширили пределы российского влияния до Китая. Как будто в русских все еще живет что-то от старого скандинавского [духа викинга](#)².

Наиболее примечательно, что этот старый викингский дух проявился среди русских казаков и в тех обстоятельствах, которые сопутствовали развитию этого племени русских. По-видимому, это произошло так же, как и в случае с происхождением исландских, английских, французских и итальянских норманнов от старого скандинавского племени. Как в Скандинавии викинги или морские короли пересекали море, так и предприимчивые молодые всадники русских пересекали степи, собирались там под именем казаков (то есть "нерегулярных") в воинственные, часто просто хищнические походы против татар и других соседних народов, а также совершали набеги даже на другой берег Черного моря, во многом так же, как это делали до них старые скандинавские викинги. Поскольку с падением татарского владычества их численность и влияние возросли, они стали опасны для всех своих соседей при гетманах, которых они сами выбирали. К ним присоединились даже многие татары и перебежчики из других народов, и из этой смеси возник своеобразный народ. Однако, поскольку казаки сохранили язык и религию русских, они по существу остались народом славянского и особенно русского типа.

И у малороссов, и у великороссов были свои казаки. Так называемые запорожцы, или водопадные казаки, возникли в самом сердце Малороссии, на Днепре. Аналогично, так называемые донские казаки возникли в сердце Великой России, на Дону. Со временем последние, как и сами великороссы, стали самыми главными. От них на Восток распространилось еще несколько своеобразных казачьих племен. Сначала, уже в конце ^{xvi}

века, как разбойничья колония, *уральские казаки*, которые теперь, смешавшись с черкесами, татарами, персами, образуют красивый и сильный народ и небольшую зажиточную нацию, в которой нет нищих, а, напротив, есть люди, владеющие от 10 до 20 000 овец и верно служащие царю. -Тогда *сибирские казаки*, которые впервые вторглись в Сибирь как вооруженные промысловики под предводительством Ермака и, поскольку они смешались со многими народами на всем пространстве от Дона до Амура в Манджурии, показывают много нюансов в нравах и обычаях.

Однако весьма примечательно, что эта жажда путешествий, которая в границах Российской империи так живо гнала туда-сюда лоточников и крестьян, рыбаков, охотников и казаков, подобно сокам на дереве, что эта повсеместная кочевая миграция людей почти никогда не пересекала границ Российской империи. Почти нигде вы не найдете русских, кроме как в их собственной стране. Как и римлянин, он колонизирует землю лишь постольку, поскольку он ее завоевал. Везде, где властвуют его императорские орлы, пусть даже на границах Китая, он чувствует себя как дома. Но за пределы своей великой императорской родины он не выходит. Исключение составляют лишь несколько сект, разрозненных фанатичными преследованиями. Несколько русских "раскольников" или сектантов обосновались в Турции, Швеции и других соседних странах.

В остальном, как в Новом Свете, где встречаются все народы Европы, так и в многочисленных государствах Западной Европы, русский нигде не появляется как поселенец; в наших городах восточный тюрбан или кафтан и даже негр вызывают меньший ажиотаж, чем русский национальный костюм, который является для нас чем-то совершенно необычным. Отчасти в своей собственной стране, занимающей половину земного шара, для русских еще долго будет открыто широкое поле для новых начинаний; отчасти их самодержцы и правители, насколько они допускают передвижение своих подчиненных в пределах границ, скоро будут противодействовать желанию их пересекать; отчасти все ремесла, искусства и таланты русских, насколько они пригодны для своей страны, малоценны в других местах.

Русские и их родина в значительной степени составляют свой собственный мир, и они придерживаются этого своего патриотического мира с большой любовью и патриотизмом. Они называют свою московскую родину, которая является единством как в политическом и национальном, так и в религиозном смысле, поскольку второй такой нет, "святой Русью". Они любят эту святую Русь со всеми ее особенностями, достоинствами и недостатками. Они даже любят ее климат и жалеют те страны, где нет снега и зимы, как у них. Точно так же они почти страстно радуются величию и неограниченному правлению своего царя и чувствуют себя великими в своем великом правителе - конституция, ограничивающая власть царя, показалась бы истинному москвичу умалением его собственного веса.

И этот патриотизм, это желание остаться в отечестве, это сильное национальное чувство пронизывают все классы общества в России в такой высокой степени, какую можно было бы ожидать найти среди равноправных римских граждан, но какую очень редко можно встретить при первом взгляде на такой народ, среди столь деспотически управляемых подданных.

1 Голландцы, особенно из Овейсселя, также поселились в России, по крайней мере временно. В 1813 году казаки были не мало удивлены, когда в Алмело и Вризенвене к ним обратились на русский манер и поставили на место. Когда несколько лет назад ныне

покойный учитель из Вризенвеена праздновал свой сороковой юбилей, один из его сыновей приехал из России на праздник и привез альбом, в котором были портреты около 40 бывших учеников, ставших к тому времени в России торговцами.

Господин Шолтен из Гронингена имеет одну из своих фабрик в Тарнове, которой управляет голландец. ВЕРТ.

2 *Викингер*, так старые норвежцы называли своих морских героев. ВЕР.

Литовцы и латыши.

Между немцами на западе, финскими племенами на севере, славянскими поляками на юге и русскими на востоке, в Европе с незапамятных времен живет племя, которое, по названию двух наиболее известных его подразделений, называется литовцами или латышами. "Литва" или "Летува" (Латвия), по-видимому, является старым и исконным названием их страны. Под другими названиями земля и народ были известны, вероятно, еще в самые ранние века истории.

Ныне эти литовцы и латыши населяют низовья великих рек Дуны и Немана, вдоль Балтийского моря весь Курляндский полуостров, часть Восточной Пруссии до Кенингсбергена, южную половину Ливонии, на север до Дерпта, почти всю Литовскую губернию, названную их именем, и часть Польского королевства между Неманом и прусской границей до Августово. Это большая территория, покрытая лесами, болотами, топами и песчаными равнинами, изредка перемежающимися плодородными лугами, по площади почти такая же, как Королевство Венгрия, с населением чуть более трех миллионов человек.

Литовцы и латыши, хотя и переняли многие языки и манеры поведения от всех своих вышеупомянутых соседей, с которыми они часто находились в состоянии войны или мира, которые иногда их контролировали, но которые они также время от времени контролировали, остались очень разными и своеобразными людьми. То, что они имеют индогерманское происхождение и, следовательно, принадлежат к одному большому первоначальному племени со славянами, греками, латинянами и германцами, никем не оспаривается. На это в достаточной степени указывает их язык, который по структуре и корням имеет все общее с языками индогерманского племени. Почти несомненно также, что из всех этих племен они являются ближайшими родственниками славян, хотя не следует думать, что это родство дает нам право считать литовцев славянами так же, как чехов или хорватов - славянами. Литовцы возникли из Славонии не в современную эпоху и не на европейской земле. Это древнее и резкое разделение, которое, должно быть, произошло уже на азиатской родине и о котором нет больше никаких исследований.

От своих германских соседей на юге литовцы, однако, отличались больше, чем от славян, и еще большая пропасть отделяет их от соседей на севере, финнов, по крайней мере в первоначальном племени, по языку и быту; Ибо то, что у них есть общего с финнами в их внешнем облике, в их манерах, а также в их образе мыслей и настроении, является главным образом следствием общего климата и трудностей, разделяемых всеми народами Севера с древнейших времен, но, конечно, также частично результатом смешения и долгой жизни бок о бок.

Как и когда литовцы попали из индогерманской Азии на свою нынешнюю родину на Балтийском море - тоже непроницаемая тайна. То, что они добрались туда под предводительством героических капитанов, маловероятно, потому что в их сагах и поэмах так же мало героизма и указаний на великое прошлое, как и на современный, не вызывающий высоких стремлений характер этих людей, которых уже один древний писатель назвал "*pacatum hominum genus omnino*" (чрезвычайно мирный человеческий род). Они были *вытеснены* туда, где находятся сейчас, другими народами, в ходе великих миграций, имевших место до начала истории, и где они затем чудесным образом, несмотря на все дальнейшие побуждения, оставались на протяжении веков и сохранили свою самобытность. Они лежат там, подобно валуну, принесенному из других мест, одинокие и оторванные, среди других странных, но отдаленно родственных веществ. Мы узнаем далекий горный хребет, с которого была взята эта глыба, но какими путями она попала сюда в хаосе потоков народов, вряд ли подскажет даже сага.

Литовцы и латыши, как это часто бывает с угнетенными народами, развитие которых сдерживалось, во многих отношениях сохранили исконное и древнее более чисто, чем другие народы с более энергичной жизнью и более энергичным стремлением к развитию. Их язык и сегодня указывает на их высокоазиатское происхождение более отчетливо, чем язык германских и славянских народов. Он сохранил ранние формы и корни старого индогерманского языка в гораздо более неизменном виде, чем, например, современный немецкий или русский. Божество, солнце, стихии, части человеческого тела и многие другие важные и похожие вещи по всей Земле до сих пор называются литовскими и латтскими крестьянами почти теми же именами, которые мы находим в священных браминских писаниях. В целом в Европе, пожалуй, нет языка, который был бы ближе к исконному родному языку, чем язык литовцев и латышей. Многие звуки и слова материнского языка почти без изменений сохранились в дочернем. "*Esmi*" (я есть) говорит латыш, "*asmi*" (я есть) говорит гималаец; "*eimi*" (я иду) называется на Балтийском море, "*aimi*" (я иду) называется в Индии; "*Diewas*" (Бог), "*sunus*" (сын), "*wissa*" (все), звучит на Немане, "*dewas*" "*sunis*". и "*висва*" снова звучат на Ганге.

Да, люди даже пытались составить некоторые санскритские диалекты, которые житель литовской Дуны, познакомившись с ними, без особого труда понимал так же хорошо, как и язык своего соседа. Существует удивительная связь между формированием языков, разделенных в пространстве многими сотнями километров, а во времени - столетиями. Это явление, из которого многие пытались вывести доказательство того, что литовцы и латыши покинули свои азиатские поселения позже всех остальных европейцев и были последними жителями европейской земли среди индогерманцев, но это доказательство неверно; Возможно, дело отчасти объясняется тем, что литовский язык никогда не был письменным, и, следовательно, как и все другие языки, не имеющие литературы, не развивавшиеся дальше, он остался неизменным и застывшим - в большей степени, чем славянский и немецкий, - на своем первоначальном месте. Даже в лишенном литературы фламандском языке¹ мы видим, что старые формы родного нидерландского языка сохранились в большей степени, чем в голландском, который развился более грамматически, в прозе и поэзии, и через изменения, которые он претерпел, сохранил свою молодую силу.

Если немного менее неопределенной, но все же почти такой же неясной, как в самый первый период их существования, является более поздняя история латышей и литовцев, этих "*inter septentrionales populos obscurissimi*" (самых темных среди северных народов), как называет их старый славянский писатель, в их поселениях в болотистых и лесистых городах на Балтийском море. По-видимому, они издревле были земледельческим народом, потому что

даже в первых греческих и римских сообщениях о них, относящихся ко времени рождения Христа, упоминаются их зернохранилища, "которые они отапливают большими печами, чтобы ускорить высыхание кукурузы из их всегда влажной земли", и римляне описывают эти зерновые печи почти так же, как сегодня их можно увидеть в Курляндии, Ливонии и Литве.

Они жили, похоже, под властью общего первосвященника, своего рода папы "*Криве* или *Криве-Кривейто*" (т.е. Старые, почтенные дубовые рощи, знаменитые "Ромове" в современной Восточной Пруссии и другие, упоминаются как места обитания таких жрецов-литовцев и языческих божеств, от имени которых они правили. Считается, что "*Вайдавут*", своего рода литовский Моисей, был первым из этих первосвященников и основателем жреческого правления. *Криве-Кривейто*" был доверенным лицом богов, которые предпочитали говорить с ним в грозе и громовых раскатах - он возвещал их волю людям и был в таком высоком почете, что человек, которого он посылал куда-то со своим главным жреческим посохом, считался святым. Возможно, первоначально это жреческое правило, как и язык литовцев, пришло прямо из страны браминов.

Даже их религия и мифы, насколько нам известно, имеют полностью индийский дух. Поскольку литовцы были обращены в христианство так поздно, их старые языческие представления до сих пор играют у них немалую роль, и продолжают жить в воображении и поэзии детей страны, здесь уместен краткий обзор их мифологии. Как и славяне и другие индогерманцы, древние литовцы и латыши поклонялись природе. Они поклонялись небу, солнцу, луне, звездам, молниям и всем природным явлениям, которые попадались им на глаза; их воображение создавало из всего этого живые и личные формы.

По-видимому, они особенно почитали общую мать природы под названием "*Каралуни*" (Богиня света), которая воплощала в себе все небо и все его явления. Они представляли эту "*Каралуни*" в виде прекрасной девы, голову которой украшала диадема солнца. На плече она носила голубой небесный плащ со звездами, прикрепленный луной в качестве броши. Ее опоясывала разноцветная радуга. Ее улыбка была утренней и красной. Но когда шел дождь, когда светило солнце, Каралуни "плакала". С дальнейшим развитием их религиозных представлений отдельные явления на небе также стали отдельными божествами; солнце, луна и звезды стали самостоятельными богами. Солнце было богиней, которая ездила по миру на колеснице с тремя конями - золотым, серебряным и алмазным. Ее дворец находился на востоке, в стране, куда после смерти возвращаются души добродетельных людей, чтобы насладиться вечным блаженством после восхождения на высокую гладкую гору небес. Две звезды, "*Аншринне*" и "*Вакаринне*" (утренняя и вечерняя звезда), зажгли солнце, приготовили ей ванну и расстелили постель:

"Прекрасное солнце, дочь Бога, услышь меня!

Кто зажигает твой огонь по утрам?

Кто расстилает постель твою вечером?

Утренняя звезда и вечерняя звезда.

Утренняя звезда хорошо зажигает огонь,

А вечерняя звезда приготовила мне постель.

У вас, значит, такая процессия детей!

И сокровищ такое изобилие!"

Эта фраза и сегодня поется в латтских народных песнях. Солнце было супругом Луны. Однако если неверный ухаживал за розовой утренней звездой, бог грома Перкунос выхватывал меч и в наказание уродовал лицо полной Луны, крича при этом:

Почему ты оставил солнце?

Почему ты живешь на рассвете?

Почему ты бродишь одна по ночам?

Звезды были детьми Солнца и Луны, получившими в жены лишь немного света. Эти скудные солнечные дочери вышли замуж за солнечных сыновей, и от них произошли самые маленькие и очень маленькие звезды, чье расширение было еще меньше. Звезды также ассоциировались в литовской мифологии с человеческой душой, которую они представляли себе как искру божественного света. С рождением каждого ребенка на Земле, считали они, на небе появляется и новая звезда. Парс подвешивал эту звезду на небо и привязывал к ней нити жизни новорожденного. Парс, или богиня судьбы, которую они называют "*Лайма*", прядет нити жизни и тклет из них одежду для человека, которую он надевает после смерти в память о радостях и горестях своей земной жизни. О "*Лайме-маминге*" (матери судьбы) поют и сегодня в своих песнях, в которых иногда встречаются выражения вроде: "Вчера ночью я разговаривал с Лаймой".

Станным, но, безусловно, неестественным является тот факт, что латышское божество солнца, подобно сицилийскому Гелиосу, является также хранителем и защитником домашнего скота:

О! Божество с золотыми локонами!

Сделай так, чтобы моя корова паслась,

А также моих волов, овец и коз,

И убереги их от волчьей жажды крови!

Об этом я молю тебя! О Солнце!

Так и сегодня поют пастухи в Литве и Латвии.

Помимо божества солнца, "защищающего стада", и "матери судьбы", которая ведет по жизни, у них есть "лесная мать", "цветочная мать", "садовая мать", "мать ветра". Но больше всего они говорят о "*Семмес-Мате*" (матери-земле). Она правит на поверхности Земли и под ней. Ее помощниц называют "*свехтас мейтас*" (святые девы), которые занимают место эльфов и без вмешательства человека готовят все в природе к ночи; о матери-земле латтские крестьянки и сегодня говорят, если потеряли что-то, например, иголку, шутя: "мать-земля верни мне мою иголку".

Один из их самых могущественных богов, их "громовержец", их Зевс, назывался "Перкун". Он играл у них примерно ту же роль, что и Тор у скандинавов. Ему был посвящен дуб, и любой предмет, пораженный его молнией, также считался священным. Даже тот, кто был убит его молнией, мог быть уверен в своем спасении. У литовцев Перкун был общим со славянами, и они, как и те, приносили ему в жертву лошадей. В остальном их жертвоприношения в целом не были ни очень кровавыми, как у кельтов, ни жестокими и страшными, как у многих народов Восточной Азии. Лишь одно обычное для них жертвоприношение заслуживает особого внимания, поскольку оно доказывает, на какой героический патриотизм были

способны эти люди. Когда народу угрожала война или какое-либо другое бедствие, один из них посвящал себя смерти в качестве мирной жертвы. Он бросался в ряды врагов или убивал себя каким-либо другим способом. Если никого не было, появлялся священник в церемониальном облачении и открыто посвящал себя смерти в пламени во имя блага родины. Эта черта напоминает о похожих событиях в истории римлян и швейцарцев.

Придерживаясь этих и других традиций и мифов, поклоняясь вышеупомянутым богам, литовцы, вероятно, не уступали своим славянским, финским и германским соседям во многих битвах и войнах, не описанных ни одним историком. О таких событиях свидетельствуют лишь курганы, наполненные оружием и костями, которые то и дело встречаются в лесах и вдоль рек их страны.

И хотя иногда они храбро и упорно защищали свои священные леса, земли предков, история свидетельствует о том, что они оказывались во власти тех или иных соседей. Даже финские племена, курды, ливары и эстены, временами господствовали над землей и народом леттов, а первые два даже навязали свои имена преимущественно латтским провинциям Курляндии и Ливонии.

С незапамятных времен им приходилось многое терпеть от своих соседей по ту сторону океана, готов или германских скандинавов, чей великий король Германрих подчинил и присоединил их к своей великой империи еще в IV веке нашей эры, так же как он поступил с их соседями финнами и славянами. Уже тогда многие бедные латыши могли быть вытаснены на поля сражений с готами и участвовать в качестве принудительных рекрутов в переселении народов и завоевании Рима, так же как они были вынуждены проливать свою кровь в полках императора России под Аустерлицем и Лейпцигом, на Дунае и Кавказе, за дело, которое их не касалось. Многие ученые хотели принять сподвижников Одоакра, положившего конец Римской империи, "герулов", за литовцев или латышей.

Второй Германрих, норвежец Рюрик, аналогичным образом объединил их или, по крайней мере, их часть в IX веке с основанной им Российской империей, и уже с того времени русские считали этих литовцев и латышей и их земли своими подданными, хотя с тех пор они далеко не всегда обладали верховной властью. Скандинавские вторжения и нападения на Литву и Латвию повторялись вплоть до самых последних времен.

Гораздо более решающими для нынешнего положения этого племени, чем все эти бесчисленные и преходящие шведские нашествия из-за моря, были его контакты с германцами и славянами, от которых их не отделяло ни одно море. Уже в древности литовцы, по-видимому, неоднократно находились под влиянием и господством германских и славянских народов, но мы хотим пропустить более ранние темные и сомнительные события. Однако с начала ^{XIII} века немецкие рыцари и поселенцы вторгаются к ним с двух сторон - со стороны Дуны и со стороны Вейхселя, в устьях которых они селились на Балтийском море.

Здесь, на юго-западе, в ходе долгой и кровопролитной войны они уничтожили древнее племя литовцев, "*поруссов*", до немногих сохранившихся остатков, и германизировали несколько областей страны, вплоть до Немана, в которых мало что осталось от древних литовцев, кроме знаменитого имени угнетенных порусских патриотов, которое было изменено на "Пруссия" и перешло к их смертельным врагам, а теперь процветает как название великого немецкого государства.

Там, в северо-восточной части Дуны, немцы подчинили себе племя в узком смысле этого слова, так называемых "латышей", и разделили его земли между рыцарями Ордена Меченосцев, чьи преемники до сих пор являются землевладельцами. Таким образом, в XIII и

XIV веках весь литовский народ подвергся, так сказать, двухстороннему нападению немцев, и, похоже, именно благодаря этому, по крайней мере, ядро и основная часть племени - собственно литовцы в середине - были вынуждены объединиться и приобрели исторический вес, хотя и на короткое время. В результате такого внешнего давления в XIII веке этот *"мирный род"* *воспылал* страстью к войне и завоеванию земель. Доселе сонное поколение литовцев, по крайней мере в качестве нападающих (не тогда, когда речь шла о *защите* отечества), сплотилось и стало рваться вперед, как конь, которому в обе стороны вдавливают шпоры.

Поскольку русские дела в то время, под властью монголов, находились в большом упадке, могущественная власть злобных литовцев простиралась главным образом в этом направлении. Они совершали завоевания за счет Руси; литовские войска проникали до Днепра, до Киева, да даже воевали с татарами и русскими на берегах Черного моря. И вот в начале XIV века существовала большая, очень могущественная Литовская империя, чьи свирепые князья Гедемин, Ольгард, Витофт и Ягуэль (Ягелло) прославились на всю Европу и слишком хорошо известны русским историкам; так что этот *самый "темный"* и прежде всегда подавляемый род европейской семьи, по крайней мере, когда-то имел время славы или играл влиятельную роль, но только однажды и только на короткое время, потому что уже с 1386 года, после объединения с Польшей в результате брака королевы Хедвиги и великого князя Ягелло, литовцы постепенно теряли свою национальную независимость, и были заслонены другой, более могущественной национальностью.

Народ, даже в пору своего политического могущества и независимости, не произвел своеобразного расцвета высшего развития. Литовцы даже оставались язычниками до начала XV века. В земле "Смудз" или "Самогития" их крестили только в начале XVI века. Из всех крупных европейских народов литовцы, поклонявшиеся солнцу, луне и звездам, были обращены в христианство последними. Упомянутый литовский великий князь Ягелло даже в Польше считался язычником-варваром. О том, насколько мрачной она должна была выглядеть даже в глазах русских, свидетельствует, в частности, название, которое они традиционно давали лесам и болотам, населенным литовцами, тем диким местам, где никогда не было цивилизации, где и сегодня обитают стада диких быков, вымерших повсюду. Русские называли эти места: *Черная Русь*.

В этом союзе с более развитым, сильным и давно существующим христианским народом основные классы литовцев были денационализированы, колонизированы и, по крайней мере, по имени, стали католиками. С тех пор дворяне и горожане в этой главной части Литвы стали по нравам, образу мыслей и языку полностью польскими, а также, даже после распространения русского владычества на всю страну, оставались поляками до сих пор.

Как в самой Литве *многие* семьи, принадлежавшие к этой стране, стали поляками, так и в Латвии, то есть в Курляндии и Лифляндии, по крайней мере, многие стали немцами. Немецкоязычная часть среднего класса населения городов в латтской сельской местности частично имеет латтское происхождение. Да и среди латтского дворянства, чьи предки обычно проживают в Вестфалии, Бремене и других регионах северной Германии, встречаются коренные семьи. Так, например, считается, что князья Лизена происходят от латтского вождя "Каупо".

Только исконное сельское население упомянутых областей сохранило верность первоначальному языку и обычаям племени, и хотя оно находится в строгой зависимости и покрыто, с одной стороны, немецкими, а с другой - польскими и русскими национальными элементами, оно все же живет совершенно своеобразной жизнью, уходящей корнями в Индию; не иначе, как пчелы, пауки и другие животные низшего порядка, которые живут

своей жизнью под обрушившейся на них скалой. Гордясь введенным ими христианством, в их нравах и обычаях все еще много язычества. В этом литовцы и латыши напоминают Индию. Как и индусы, они всегда находились под иностранным господством, и все же, как и они, по крайней мере в низших классах, они веками с упорством держались своих нравов и верований предков, хотя им опять-таки не хватало духа, и поэтому им никогда не удавалось навязать свой национальный тип какому-либо другому народу. В результате этого недостатка энергии высшие классы литовцев, их князья и двор уже во времена политического величия их племени переняли русский язык и обычаи, которые впоследствии сменили на польские.

Хотя в самой Литве они приняли католическую религию, в Пруссии, Курляндии и Лифляндии - протестантизм, и хотя между ними существует множество племенных различий и бесчисленные вариации в языках, одежде и обычаях, все же и сегодня все замечания, сделанные о них, как о литовцах, живущих за воротами Кенингсбергена, так и о тех, что живут на озерах Дуна и Пейпус, а также в окрестностях Вильны и Немана, настолько схожи, что везде можно увидеть осколки одной и той же глыбы, одной и той же национальности.

Оттенков в их языке не больше, чем в различных немецких диалектах. Их поэзия везде имеет сходную основную идею, одинаково трактует сходные темы, и немецкие лингвисты, собиравшие их традиции в Гумбиннене в Восточной Пруссии, натыкались буквально на те же стихи и саги, да, зачастую, буквально на те же стихи, выражения и мысли, что и русские лингвисты, составлявшие подобные леттские или литовские антологии на Чудском озере.

В одежде, хотя она часто отличается в деталях почти в каждом регионе страны, у них, в сущности, та же любовь к определенным цветам и формам, тот же национальный вкус и покррой, который значительно отличается от русского, польского, финского и немецкого. В том, как они строят свои дома и изготавливают инструменты, повсюду прослеживается схожий стиль, который настолько сильно отличается от стиля русских и других соседей, что можно с одного взгляда отличить русский дом или деревню от латышской или литовской. То же самое относится к их обычаям и привычкам на свадьбах, похоронах и других жизненных событиях.

Что касается внешнего вида, то литовцы и латыши выглядят вполне сформировавшейся расой людей. В целом они выше своих финских соседей, и среди них можно найти много высоких, подтянутых фигур. На их лицах почти нет следов монгольского типа, который так заметен среди русских. Они также не обладают ловкостью и гибкостью, характерными для русских и других славян. Как правило, их женщины обладают свежим, жизнерадостным цветом лица и мягкой, милой красотой. По общему телосложению латышей скорее можно отнести к германцам, чем к славянам.

Их одежда, вероятно, так же старомодна, как и их язык. То, что немецкие летописцы говорили о платье древних литовских пруссов до 500 года, относится к ним и сегодня. Это очень естественно в народе, не имеющем художников в области портняжного дела, где не только добыча и первая подготовка ткани, но и ее приготовление и изготовление - дело семейное; где дочь дома, поющая, как Пенелопа, приводит в движение ткацкий станок, а сами женщины, как жена Улисса, делают эти прекрасные одежды, братья и отцы сами готовят меха, а мальчики сами кроют и делают себе обувь. Если бы только мы могли отказаться от портных и позволить нашим сестрам, дочерям и женам снова прясть, ткать и шить для нас, у нас тоже вскоре появился бы постоянный национальный костюм.

Среди голых, диких народов было замечено, что те, кто наносит на себя особенно красивые татуировки, обычно обладают гордым и воркующим духом. Среди народов, имеющих одежду, можно сделать аналогичное наблюдение относительно их наряда. Храбрые венгры,

предприимчивые русские, жизнерадостные поляки - все они имеют очень опрятный и великолепный национальный костюм. Национальная одежда "*pacatum genus*" литовцев и латышей, хотя и старая, не имеет ничего особенно привлекательного, ничего элегантного или щеголеватого в цвете и покрое. Их любимым цветом сегодня, как и в языческой древности, остается белый и светло-серый. Не только мужчины, но и женщины обычно одеваются в светлые тона. В этом они сильно контрастируют с жизнерадостными русскими, которые, как правило, любят яркие цвета и даже предпочитают зеленые и красные рубашки белым. Отсутствие резкости, отсутствие красок, похоже, является отражением вялого, недельного, не очень живого и не очень страстного настроения латышей. Если бы что-то из той жизни, которой живут его соседи, принадлежало ему самому, он проявил бы это в своем цвете и одежде, как тигр в своей пестрой шкуре.

В изготовлении обуви они не более продвинуты, чем индейцы Канады; обычно она состоит только из мягкого куска кожи, обвязанного вокруг ноги петлей, или из косички из липы и ивовой коры, которую они называют "*пассельн*". В них они легко ступают по болотам своей страны, в которых поляк или немец, обутой в тяжелые ботинки, часто застревает. Однако руки они закрывают крепче, чем ноги, и трудно найти на земле народ, у которого перчатка играла бы такую важную роль, как у латышей и литовцев, которые в этом отношении совершенно особенные. Мальчики-пастухи, которые ходят за волами и лошадьми, дровосеки в лесу, да, пожалуй, даже конюхи, всегда "*bien ganté*". Если один Летт нанимается к другому, количество перчаток всегда фиксировано: четыре пары в год для гусевода, восемь пар для первого слуги и так далее. В результате перчатки также стали обычными подарками на вечеринках. Их прикалывают к пальто гостей в качестве подарка, как рыцарское звание, обычно вместе с полотенцем, также щедро украшенным и обшитым красной нитью, символом чистоты. Невеста должна иметь несколько сотен пар перчаток и полотенец, приготовленных ко дню свадьбы.

Их дома, вероятно, не менее примитивны, чем их одежда. Как уже говорилось выше, писатели древних дают некоторые сведения об их постройках, которые актуальны и сегодня. Обычно они живут в изолированных, разрозненных хозяйствах. Для малое стремление этих людей к общению не позволяло им даже образовывать деревни и сельские общины, как они, по-видимому, существовали у русских и всех славян с незапамятных времен.

Вдали от рвов и садов, которые строили при себе польские, русские и немецкие шляхтичи, в стороне от дорог, проложенных иноземными завоевателями, там, где дороги и тропинки страны, лишь по следам повозок и лошадиных копыт, близко видным во мху и теряются в лесах и болотах, там начинается настоящая родина деревенских детей, там лежат их маленькие, незначительные усадьбы, укрытые несколькими старыми дубами или березами, или, вместо фруктовых деревьев, окруженные высокими соснами. - Как и везде на севере, включая русских и шведов, их дома построены из балок, лежащих друг на друге и утопленных друг в друга, но построены они совсем иначе.

Все хозяйственные постройки расположены по кругу, внутри которого находится круглый двор. Все такое же простое, такое же маленькое, покрытое соломой, снаружи без украшений и без окон, но даже внутри есть всего несколько окон. Все это похоже на маленькую деревянную крепость для испуганных людей, которые, как улитки, прячутся как можно глубже в своих домах от суровости климата (и людей?). По узкой ухабистой дороге, засаженной с обеих сторон высокими живыми изгородями, вы добираетесь до двери фермерского дома из бруса. Внутри он выглядит достаточно колоритно, но все, как у лилипутов, очень маленькое.

Здание состоит из множества небольших секций, комнат и чердаков. Есть общая жилая часть, которую можно увидеть через несколько окон; к ней примыкает еще один дом под названием "*Kleete*" для одежды хозяина, льна, масла, льна и кукурузы; еще один "*Kleete*" для домашней утвари слуг, третий - для служанок; затем небольшой сарай для саней и телег, для неуклюжих плугов и сельскохозяйственных инструментов; отдельный домик, который можно сравнить с голубятней, для сушки сыра; затем печь для сушки кукурузы, так называемый "*puig*" для сушки и обмолота кукурузы; обычно помещение для паровых бань в холодные зимы, как у финнов и русских, и иногда ледяной дом для жаркого лета. Кроме того, множество других комнат и стойл, расположенных рядом друг с другом, как каюты на корабле; стойло для овец, другое - для маленьких, тощих, в основном лишенных слуха коров, третье - для таких же маленьких и невероятно мучительных и выносливых лошадей; отдельное стойло для отцовской верховой лошади, другое - для лошадей слуг и еще одно - для других лошадей, потому что лошади и верховая езда, будь то верхом или в повозке, по-прежнему играют для этих людей такую же большую роль, как если бы они только что перебрались из Азии в Европу. На работу в поле они ездят либо верхом, либо в каретах и санях; в церковь пешком ходят только те, кто живет ближе, большинство же ездят верхом или на телегах. Когда нужно выполнить какое-нибудь поручение, мальчики и девочки, которых здесь почти столько же, сколько мужчин, садятся в седло и едут туда, куда мы, любящие много ходить пешком - даже Тацит называет нас пешеходами, как Меркурий, - надеваем сандалии или сапоги. Тачек, корзин, ручных тележек и подобных немецких изобретений в латышских домах не существует, тогда как у немцев люди часто путешествуют на тачках и корзинах, неся на спине целые магазины.

Латыши несут даже небольшое количество молока, которое дают их тощие коровы, фунт масла, охапку льна, вязанку дров, которые они, как "дровяные воры", взяли в господском лесу, а чтобы довезти пару зайцев до рынка, они используют двух своих лошадей. В прошлом, как гласит легенда этого народа, люди были намного больше, они были настоящими гигантами и ужасно сильными, и "они таскали такие тяжести, что сейчас вряд ли кто осмелится сказать". Однако позже люди стали слабеть год от года, и "мы дойдем до того, что превратимся в карликов и будем вынуждены тянуть соломенную палку впятером". Подобные саги можно найти, правда, и у других народов, но у современных латышей они уместны и кажутся наполовину исполненными.

Они *хоронят* своих мертвых не так, как мы; они кладут их на сани, запряженные лошадьми, и едут с покойниками быстрой рысью по снежной равнине и через лес на кладбище. Скорбящие мужчины и женщины преследуют их на лошадях, бормоча причитания. Так часто и по самым разным поводам караваны саней и повозок пересекают страну, гоня по полям конных мужчин, мальчиков и женщин. И это касается не только Курляндии, Лифляндии и русских литовцев, но подобные сцены и обычаи наблюдаются и в Восточной Пруссии.

Как лошадь среди животных, береза среди деревьев играет важнейшую роль в хозяйстве и земледелии литовцев и латышей. Их столы, тигли, ведра, бочки, словом, большинство инструментов сделаны из прочной березовой древесины, которая так красиво и легко поддается точению и строганию. Салазки передвигаются на рамах из березы, обода колес сделаны из того же дерева. Кроватки-качалки тоже подвешены на упругих березовых ветках.

Кора и кора березы очень прочные и не пропускают воду. Поэтому они часто заменяют кожу, из них делают корзины, водостоки, бутылки и питьевые наборы. А при изготовлении крыш на домах береста используется в огромных количествах, как и у индейцев Северной Америки. В ней также содержится тот мощный танин, который придает вяленой коже северных народов ее знаменитые свойства. Болезненные наросты березы, ее грибы, сучки и затвердевшие

жгуты ее растительных волокон часто служат промышленности страны. Из нее делают дудки, пробки, ключи и некоторые другие мелкие предметы. Весенний сок березы иногда добывают и в нашей стране, но больше для развлечения. А вот у жителей Нордленда к этому вопросу относятся более серьезно. Ведь весной сладковатая березовая вода - не только их обычный напиток, но и уксус, из которого они делают уксус и умеют сгущать его в сироп, который служит им как сахар. В марте-апреле, когда соки поднимаются от корней, во всех крепких березах сверлят отверстия, и с большими ведрами, бочками и емкостями девушки и парни отправляются в лес, чтобы принести нужную жидкость в свои кладовые. Они заняты этим делом не меньше, чем работники виноградника во время сбора винограда. Добавляя травы, им удается сохранить березовый сок на некоторое время, и на Пасху и Витсун у бедняков, которые не могут позволить себе медовуху или пиво, нет другого праздничного напитка, кроме этого пальмового вина с Севера.

Береза входит, так сказать, в кровь и кости, в быт северных народов. Из толстых корней этого дерева добывают деготь, - первые, молодые, немного горьковатые на вкус почки собирают, чтобы укрепить конечности своих подагрических собратьев полезным растительным ароматом, - из свежих, светло-зеленых, только что распустившихся листьев готовят красивую желтую краску, - а осенью снова собирают сухие листья этого дерева, чтобы наполнить ими свои диваны или хотя бы подушки.

Кроме того, береза - главное украшение леттского пейзажа. Она повсюду окаймляет густые сосновые леса, как тонкий подлесок, и является самым распространенным деревом в садах Севера, где ее охотно выращивают, потому что весной она первой пробуждается к новой жизни, и вскоре после таяния снега она стоит там со своей прекрасной, свежей зеленой листвой. Даже осенью, до полного увядания и опадания листьев, листва радует глаз своими фиолетовыми, светящимися, коричнево-красными, золотисто-желтыми цветами. Как береза - дерево радости в саду, так и плакучая береза на скандинавских могилах - дерево скорби, сочувствующее людям. Они часто напоминают парки, созданные природой. Эти "бехрсены" - излюбленные убежища многочисленных певчих птиц страны, которые не решаются залетать в темные древние леса. В них обитает березовый петух, часто встречаются косули и гигантский северный олень - лось, который любит обгрызать молодые листья деревьев. В своих песнях они часто воспевают березовые рощи, которые весной и летом по воскресеньям и праздникам являются их обычным местом, где они веселятся, танцуют, а также вешают на деревья свои качели. Латыши не меньше русских любят эти качели, которые появляются в северных березовых рощах весной так же регулярно, как и сами листья. Когда нечего делать, девушки часами поют и парят между деревьями в ясные летние ночи. Возможно, их предки точно так же качались в пальмовых рощах Индии.

Как и во всем вышеперечисленном, в их одежде и домашнем убранстве, так и в их обычаях, в их философии, в их суевериях, в их обычаях на похоронах, свадьбах и других церемониях есть много древнего и очень много своего.

Их свадебные обычаи, в частности, описаны первыми и старейшими немецкими писателями о языческой "Пруссии", в основном так же, как их можно наблюдать и сегодня в Курляндии и Литве. В качестве примера я опишу их здесь более подробно. Молодые дочери латышей и литовцев начинают готовиться к свадьбе - событию, которое грозит им всем и которого все они молчаливо желают. В свободное время они старательно прядут, шьют и ткут, приобретая с годами небольшое приданое из перчаток, ткани и других полезных в хозяйстве вещей. И теперь, услышав о трудолюбивой, добродетельной и нередко красивой девушке, молодой верный юноша интересуется, сколько фунтов шерсти она собрала, сколько теплых носков и

пр. а главное, есть ли среди них несколько коров, и, убедившись в чувствах своей возлюбленной, отправляет в дом своей избранницы жениха, который под всевозможные церемонии с покашливанием, покашливанием и робкими комплиментами обращается к хозяину дома. С многочисленными обходными путями он рассказывает ему, что ему нужна девушка для друга, хорошая трудолюбивая девушка, которая будет прясть, ткать, отбеливать, стирать, вязать и шить, доить и взбивать. Он еще нигде не смог найти подходящую, но считает, что она должна быть именно в этом доме, пользующемся большим уважением и признанием. Отец дома или представитель невесты благодарит его за доверие и оказанную честь, а затем знакомит вербовщика невест с девушками дома. "Здесь достаточно девушек, найдите свою и возьмите ее!" Поскольку истинной, для которой это важно, но которая обычно прячется так же стыдливо, как Ащепозестертье, среди них нет, жених хвалит всех тех, кого ему представили. "Но, - говорит он, - ее, о которой я тоскую, среди них нет". Он слышал, что в доме есть еще одно нежное создание, еще одна прекрасная голубка, спокойный ягненок, веселый олень, очаровательное дитя, и именно их он имеет в виду. После долгих извинений за то, что он ничего о ней не знает, и еще нескольких настоятельных попыток и вмешательства жениха, желанную наконец выводят из одного угла или другого. Разоблаченная и побежденная, она, наконец, предстает застенчивой и пристыженной, и после того, как сказано "да", и определены некоторые другие моменты, все стороныжимают друг другу руки и выпивают по бокалу медовухи или бренди, скрепляя тем самым соглашение.

Через некоторое время появляется сам жених на красочно украшенной лошади и совершает свой визит, чтобы забрать и передать печать одобрения. - Когда свадьба наконец наступает, невеста приглашает всех своих родственников, а жених - своих. До свадебной церемонии оба приедут в двух отдельных поездах, окруженных конными родственниками, которые встречаются у церкви и после церемонии отправляются сначала в дом невесты.

Свадебный дом украшают сосновыми ветками, а летом еще и березовой листвой, а также всевозможными причудливыми украшениями, очень похожими на венцы и гирлянды. Из травы и соломенного сена их делают очень изящно, а красные, желтые и белые ягоды заменяют драгоценные камни, стеклянные кристаллы или цветы, которых нет в Латвии. В брачную палату входит жених невесты, выбранный из числа самых шустрейших парней, и обращается к ней, после чего начинается пир и трапеза, которая часто длится три дня и три ночи.

На этом пиру сама невеста играет самую важную, но и самую печальную роль. Одетая по высшему разряду, она постоянно перемещается среди гостей, изображая приятную хозяйку, как и полагается. Но, угощая их медовухой, она проливает немало слез, пытается внушить им сострадание и выглядит так печально, словно ее ждет самая страшная участь. Горе от того, что теперь она покинет дом матери, место, где она провела свою юность, гораздо сильнее, чем радость от того, что теперь она будет принадлежать своему возлюбленному. Замужние женщины высмеивают их в стихах, которые они импровизируют и поют хором. Девушки отвечают им стихами, которые также поют хором, и таким образом происходят настоящие песенные поединки и поэтические состязания, которые они устраивают друг другу, сидя за длинными столами.

В стихах одной стороны восхваляется брак и статус домохозяйки, и категорически требуется, чтобы невесту выдали замуж девушки. В песнях другой стороны, напротив, восхваляется молодость и девственность, грубые женатые мужчины ругаются за грубость и жестокость, а женщины получают выговор. Иногда певцы так разгораются, что вскакивают со своих мест и исполняют перо стоя, а весь ряд двигается вверх-вниз в такт песне или раскачивается взад-

вперед. Чтобы увеличить силу и сделать ритм песни более четким, они бьют по столу небольшим железным инструментом, покрытым гребешками и звенящими металлическими пластинами.

Наконец наступает горький час, когда невеста должна покинуть дом матери и ее повезут к жениху, печаль достигает наивысшей точки. Тогда она избегает гостей, отстраняется, прячется; когда карета наконец готова, ее обнаруживают в спальне матери, на кровати которой она лежит и плачет. Сани и лошадь украшают тканями, разноцветными лентами и перьями, а звон колокольчиков и окружающая кавалькада сообщают каждому прохожему, что это похищают невесту.

Как и свадьбы, латыши прославляют в песнях другие события жизни и повседневные дела ("дайнос"). Главной темой всех поэтов и всех песен обычно является любовь, предшествующая свадьбе.

Латыши относятся к этой теме с большой чувствительностью и поэтическим тактом. Их "Dainos" выражает чистую мораль, высокое уважение к приличиям и гармонии, что, особенно если учесть, как мало способствуют этому искусство и образование, действительно наполняет человека восхищением. "И ни одной песни", - любопытно утверждение известного профессора Резы, который собирал песни литовцев в течение 13 лет. "Ни одну из них, - говорит он, - нельзя назвать грубой, даже выходящей за рамки, установленные дисциплиной и моралью. Напротив, везде есть черты тончайшего нравственного чувства, которые служат столько же залогом благородного ума народа и чистого тона его судьбы. Для них любовь - не столько дикая страсть, сколько очень нежное и целомудренное чувство. Нежная меланхолия, поразительная тоска придают особый, благожелательный тон всем их любовным песням. Живые картины прелестей возлюбленной, как у южных поэтов, совсем не встречаются в "Дайносах" этих робких и стыдливых влюбленных Севера. Огненные" или "тоскующие взгляды", или даже "поцелуй розовых губ", как говорят наши поэты в своих стихах, показались бы им слишком сильным выражением их чувств, и они оставляют все это в своих песнях; точно так же, как греческие трагики убрали со сцены все, что ранит нравственное чувство и глаза. Сама любовь у них почти не имеет названия и остается той священной тайной природы, которую тот, кто ее испытывает, едва ли осмелится произнести. И все же все в их стихах - это такие же истинные мысли, такие же глубокие чувства и моральные принципы". (Реза.)

В доказательство вышесказанного я приведу несколько образцов таких скромных и изящных "дайнос", или любовных песен латышей, которые я сам когда-то собирал у этого народа. Замечу, однако, что в этих песнях влюбленные обычно называют друг друга "сестрой" или "братом". Так что название "*любовник*" тоже кажется им слишком сильным. Их привязанность так же нежна, как любовь брата и сестры.

"Младшая сестра, младшая сестра", - вздыхает в одном из куплетов латтский любовник:

"Войди в мое жилище и посмотри,

Как я мучаюсь, просыпаясь и засыпая,

Купаясь в слезах, и все ради тебя".

Однако то, что они, как и другие люди, хорошо знают разницу между любовью брата и сестры и этим другим чувством, видно, в частности, из следующего стиха, в котором влюбленный сравнивает свою настоящую сестру и свою возлюбленную:

"Сладок бошбези,

Но еще слаще клубничный взгляд.

Я ужасно люблю свою сестру,

Но еще больше - мою возлюбленную!".

Как и другие поэты, они часто вкладывают чувства, которыми сами одушевлены, предметы природы, с которыми общаются, цветы и деревья, среди которых гуляют в уединении:

"Я слушал свою яблоню, когда она читала следующие молитвы:

Когда наступит осенний месяц, чтобы тогда дева

С ветвей моих сорвать, все яблочное сокровище;

А потом высушить на моих ветвях свою пряжу".

Своеобразная и нежная, но психологически очень естественная причина и основание для любви, на которую девушка указывает в следующих стихах:

Я недавно связала пару перчаток!

Отдать ли мне их младшему брату?

Нет, я отдам их тому хорошему молодому человеку,

которого моя мать так хвалит за его жизнь.

Они оставляют в своих "дайно" много *догадок*, которые не выражают точно, как, например, в следующих стихах, в которых девушка, больная любовной тоской, излечивается визитом возлюбленного и окончательным согласием и помолвкой:

"Через березовые рощи, через сосновые леса мой маленький конь, мой маленький коричневый конь, нес меня к домику моего свекра. "Прекрасный день, прекрасный вечер, любимый свекор! Как поживает моя сестра? Что делает моя девочка?" - "Больная девочка, больная, ах! очень больная! Вон там, наверху, в новой комнате, в своей маленькой белой кровати!" - "Там, в саду!" И, рыдая у двери, я вытер слезы с глаз; я взял ее за руку и надел на нее кольцо. "Разве тебе не легче от этого, любовь моя?" "Ха! Разве теперь твое сердце не исцелит тебя?"

Многочисленные уменьшительно-ласкательные формы, которые неоднократно встречаются в этих стихах, особенно популярны среди латышей. Эти мягко говорящие, несколько феминизированные люди, у которых, как я уже говорил, в доме так много лилипутов, у которых все, образ мыслей, видение, фантазия и чувство, так сказать, маленького стиля, у которых всего понемногу на земле, у которых даже в природе и в стране все так бедно и ничего нет в изобилии, которые по своей робкой натуре любят лстить и ласкать, являются самыми большими друзьями уменьшительных слов. В их языке появилось множество придаточных предложений для образования уменьшительных форм, и они уменьшают все: существительные, глаголы, прилагательные и наречия - когда вы слышите их речь, они как будто смотрят на все через уменьшительное стекло. Они уменьшают даже те слова, которые сами по себе обозначают что-то маленькое, и их нищие, например, молятся не о "куске хлеба", а о "маленьком куске хлеба". Они также уменьшают сами диминутивы и имеют столько двойных диминутивов, сколько трудно найти в любом другом языке. Например,

слово "*мате*" означает для них "мать", и от него они образуют уменьшительные "*махтит*", "*махминджа*" (маленькая мать) и "*махмулит*" (маленькая мать). От последнего они снова образуют чрезвычайно лестное тройное уменьшительное "*махмулинга*" (очень маленькая мама). То же самое относится к "*Мейта*", "*Мейча*" и "*Мейчинга*" (служанка, девочка и малышка).

Теперь об уменьшительно-ласкательных формах латышей. Возвращаюсь к "дайносам". Выше я говорил о горе латышской невесты, покидающей родительский дом. Эта тема, конечно, затронута ими во многих трогательных стихах. В качестве примера можно привести следующее:

Зачем ты, девушка, здесь так одинока?

Что ж ты, милая, не говоришь?

Разве ты не счастлива или довольна?

Ваше сердце тоже немного расстроено?

Я тоже очень счастлива и довольна,

Мое сердце тоже спокойно и полно радости!

Но все же, глядя вокруг, я иногда впадаю в уныние,

Ведь сегодня заканчивается моя молодость.

О, мой дорогой венок, прекрасный венок невесты!

Я всегда буду хранить тебя в целости и сохранности.

Живи хорошо, дорогая мама! А теперь я ухожу,

Прощайте, братья и сестры, удачи вам всем!

В следующих стихах печаль невесты выражена еще более неопределенно, более общо и потому более поэтично:

Как ветер плачет, как лес вздыхает!

Как лилия качается вверх и вниз!

Но ветер не воет и не мычит в лесу.

И лилию не качает!

Нежная дева, дева плачет,

Ее свадебный венок колыхнется взад и вперед.

Плакала ли ты о своей матери?

Или о сестре так горюешь?

Или, любя ребенка, ты оплакиваешь свое девственное время?

Я не плачу по своей доброй матери,

И не скорблю о сестре моей дорогой,

Но я плачу, сожалея о девственном времени!

В бесчисленных стихах такого рода и с многочисленными вариациями струны скорбно переливаются под веселый свадебный пир. В душе этого всегда такого несчастного народа, которому всегда выпадала такая тяжелая участь, укоренился глубокий меланхолический элемент. Половина их литературы состоит из так называемых "*раудов*", или причитаний, прощальных песен, похоронных гимнов и вздохов, изложенных в стихах. Кажется, что они предаются поэтическому созерцанию меланхолических и болезненных сторон и событий жизни.

В стихах, посвященных своим умершим, они используют их для комплиментов и упреков в том, что они бросили своих.

Зачем ты умерла, дорогая мать?

Неужели у тебя не было живой дочери?

Почему ты ушла, дорогая мать?

Разве мой уход не был заботливым и нежным?

Вставай! Все равно вставай! Дорогая мама!

Я очищу твою могилу от дерна.

И тогда мертвые восстанут из могилы и попытаются утешить тех, кто остался:

Кто оплакивает меня на земле?

Кто стоит на коленях у моего кургана?

Моя дорогая дочь, иди домой!

Там, где чужая мать,

И волосы на твоей голове,

Где юноша скажет о любви,

И успокоит твои слезы.

Очень богатую коллекцию печалей у латышей в основном вызвала беда, которая теперь регулярно повторяется время от времени, - русские новобранцы. Хотя, как уже говорилось, они мужественно сопротивлялись в трудные времена и когда дело касалось их родины, этот пастушеский и земледельческий народ по своей природе и по собственному желанию очень мало воинственен и предприимчив. У них, как уже было отмечено вскользь, нет преданий о героях прошлого. Их поэзия столь же мало героична, столь же чисто идиллична, как и поэзия аркадских пастухов. Как дети природы, лишённые всякого чувства политики, эти совершенно безгосударственные люди привязаны к очень ограниченному кругу своей родины и семьи. Поэтому, когда русский рекрут заводит свой барабан, чтобы собрать детей страны под имперские лопатки и вывести их в широкий мир, вся страна, так сказать, трепещет. Весь народ заливается слезами, и повсюду происходят самые поразительные и душераздирающие сцены, которые тот, кто видел их однажды, никогда не забудет.

Конец причитаниям по поводу ухода молодых людей, отправляющихся на войну против своей воли, обычно наступает тогда, когда сестры выходят в сад, чтобы в последний раз

украсить цветами шляпу своего брата. Украшая ее, они плачут и спрашивают его: "Когда он вернется?" И брат в отчаянии отвечает: "*Тогда* он вернется, когда зацветут столбы ограды, когда сгниют камни, когда валуны поплывут по воде и когда перья опустятся на дно. Таким образом он прощается навсегда.

В качестве примера такой песни читатель может прочесть следующую, которая, однако, имеет несколько иной ход, в которой сестры пророчески предвидят судьбу брата и изображают все ужасы битвы так, как будто видят все во сне. Следует добавить, что "синица" в этом стихе часто является пророческой птицей латышей.

Синица издает пронзительный свист,

Близко к окну брата:

Сестра дорогая, иди и послушай.

Что она говорит о брате?

Эту песню синица поет нам:

На войну брат должен идти!

О, сестренка, иди и собери цветы!

Положи их на шляпу брата, впереди.

Поет, но и плачет, просит:

Сестренка дорогая, не грусти!

Меня ты увидишь снова доброй и счастливой.

Пусть ожидание твое будет бесплодным,

Маленькую лошадку ты увидишь снова!

Маленькая лошадка, увы, придет снова,

Но брата там не увидишь.

Когда он вернулся, снова

Покрытый пылью очень сильно,

Спросила лошадка льстиво:

Где ты оставил своего всадника?

Вон там лежит всадник в могиле,

Где не видно ничего, кроме крови,

Где из костей мосты,

Где, как срубленные деревья.

Нагромождения трупов.

Повседневный язык латышей также полон пронзительных вставок, вздохов и причитаний, изобилует выражениями беды, заботы, печали, меланхолии, горя и нужды, а также словами, выражающими просьбы и мольбы. Поскольку у них всегда была печальная национальная судьба, поскольку они всегда видели над собой странных и мрачных Владык, чьей милости и сострадания им приходилось просить, то выражение: "Помилуй!" стало для них стереотипным и употребляется даже там, где жалости нет и где другие употребили бы другое выражение. Они говорят, например, "Прости за дождь" или "Прости! Ты бы насмешил кого-нибудь до смерти!".

Да, даже так называемые ликующие песни латышей, которые должны выражать радость, сопровождаются более или менее меланхолическими мелодиями, которые звучат как похоронная музыка. В ясные летние ночи, в окрестностях Св. Иоанна, когда на всех холмах и на берегах всех рек сидят поющие пастухи; когда пастухи, напевая, гонят скот на пастбище; когда ближе к полуночи пастухи собираются вокруг своих костров, поющих на опушке леса, тогда эти журчащие мелодии разносятся по всему ландшафту, подобно крикам цикад и лягушек в стране казаков, и весь край словно окутывается мрачной дымкой музыкальных причитаний.

Конечно, все это можно воспринимать только в целом и в общих чертах. Я, конечно, даю только *основной тон*, который замечен в целом, и наиболее яркий цвет. Ведь ни один человек не бывает настолько покинут Богом и природой, чтобы полностью лишиться жизнерадостности. Между их ночным гудением иногда слышатся очень веселые, очень приятные и очень очаровательные лады и мелодии, которые, однако, как ни странно, никто еще не переложил на музыку. Также в своих пословицах и стихах, которых у них очень много, латыши в достаточной мере показывают, что их дух не лишен краткости, а ум - остроты и аттической соли.

Они очень ясно замечают слабости, пороки и нелепости своих собратьев; как и все угнетенные народы, например, евреи, они склонны к сатирическим островам, к насмешкам над другими, и при этом они чрезвычайно изобретательны, чувствительны и иногда очень язвительны. Например, в следующем стихотворении латвийская девушка пикантно, лаконично и ярко высмеивает молодого человека, оскорбившего ее отца:

Непослушными задними ногами

Заяц однажды побил моего отца,

Я бы с радостью за него отомстила,

Но, смеясь, не отомстила.

Многие из их пословиц также полны острой и язвительной сатиры и являются столь же многочисленными доказательствами здоровой жизненной философии. Из сотен, которые очевидны, я возьму лишь несколько:

"Впусти дьявола в церковь первым, скоро он захочет взойти и на кафедру", - гласит одна из них, очень метко указывая на наглость Мефистофеля, который на службе у ада даже притворялся, что проповедует слово Божье. - Простой сосунок без всякого опыта вряд ли может быть выражен лучше, чем в следующем пословичном выражении латышей: "Добрый человек, кажется, воспитан в бочке и питается из навозной дыры". - В другом выражении они очень наивно и ясно выражают нашего "сапожника, держащегося до последнего". Они говорят: "Овце нужны рога, но олень их не дает". - Леттское "ловить рыбу золотой удочкой" напоминает немецкое "прясть серебряной прялкой". - Что не следует рисовать дьявола на

стене, они учат в следующей пословице: "Только позови волка, и он уже там". Наше "от дождя в морось" у них не менее значимо и своеобразно выражено в: "он бежал от волка и угодил в медвежью пасть".

У них же немецкое: "списать долг в трубу" называется: "dat betale de spade" (а именно могильная лопата, смерть). Соломон сравнивает речь с обоюдоострым мечом, а латыши говорят о ней: "язык рубит, как топор, язык вешает, как силки" - и предупреждают тех, кто хочет легкомысленно разорвать старые обязательства, очень понятным и повседневным образом: "разрезав хлеб, вам будет трудно снова склеиться". Не менее пикантны и следующие пословицы латышей:

"Покажи ему свое открытое сердце, он покажет тебе спину" (о том, кто изливает свое сердце черствому человеку).

"Попроси у волка ягненка" (о тщетной просьбе, обращенной к немилосердному человеку).

"Он ищет коня, на котором едет" (от недовольного человека, упускающего свою удачу).

"Осталась гора золота у богатого, остался мешок для нищих у бедного", - говорят о всепоглощающей могиле.

Изучая это сокровище жизненной мудрости, выраженное словами литовцев и латышей, - учитывая тонкость их языка, тонкость, которая не может не быть выражением столь же тонкого народного духа, учитывая множество истинно поэтических мыслей в их песнях и "дайносах", которые, однако, как разбросанные конечности (*membra disjecta*), разбросаны по земле, как разбросанные камни, - открывая также многочисленные таланты и дарования. семена которых ясно видны в этих людях, их изобретательный ум, их податливое существо, которое так легко усваивает то или иное, тогда можно справедливо спросить себя, как случилось, что такой талант никогда не смог энергично развиваться среди этих людей, что эти *membra disjecta* никогда не были объединены в связное целое. Многие из их уроков мудрости недостойны ни Уйленшпигеля, ни Эзопа, да, пожалуй, даже Сократа. Некоторые из их поэтических образов и выражений настолько поразительны и поэтичны, что ни Овидий, ни Тибулл не должны были стыдиться их использования. Кажется, что не один великий поэт, так сказать, растворен во всей этой массе, как жемчужина в чаше Клеопатры. И все же ни Шекспир, ни Гете, ни Тибулл, ни Овидий не сконцентрировались и не выпали в осадок вместе с ними из этой массы. У немцев можно найти несколько миллионов прозаических крестьянских душ, а потом снова Уланда или Шиллера, как Блоксберга на равнине. Среди латышей поэтическая кровь, кажется, течет повсюду, почти у каждого есть более или менее выраженный талант к ней, но нельзя найти ни одного выдающегося или замечательного гения. Все как будто разорвано и рассыпано. Охотничий снег хлопьями, но ледника нет. Это обширное поле с небольшими кустами, в которых бьются зяблики. Нигде, однако, не растут высокие деревья, на которых гнездятся орлы.

Курляндские, лифляндские и польские господа в своих ежедневных разговорах всегда полны забавных анекдотов о своих литовских и латышских крестьянах; они рассказывают множество проницательных мыслей и остроумных замечаний, которые они сделали; о хитроумных способах и уловках, к которым они скоро прибегали, чтобы выручить себя из затруднительного положения, в которое попадали, так сказать, по рукам и ногам наших крестьян; о трогательных чертах, в которых они обнаруживали величайшую привязанность, преданность и любовь и другие прекрасные качества своих сердец. Да, многие ценители литературы пришли к выводу, что этот народ, видимо, был предназначен природой к развитию самой славной человечности и цивилизации. Однако это нисколько не умаляет

того факта, что гордость за этот многогранный талант, это высшее человечество и цивилизация так и не прорвались и не воплотились в жизнь. Народ всегда оставался малоизвестным и низким, слабым, стройным посевом в Европе.

Несмотря на множество мудрых древних, которые, подобно ученикам Платона, говорили среди латышей, среди них так и не появился свой Платон. Несмотря на прекрасные изречения и правила жизни, они так и не произвели на свет Ликурга или Солона, которые дали бы им постоянную и независимую национальность и построили бы государственное здание. Несмотря на их склонность к свободе и независимости, которая присуща им так же, как и любому другому человеку, гордясь удивительным упорством, с которым они в древности иногда защищали свою свободу от славян и германцев и часто пытались вернуть ее и позже, у них не было Моисея и Иисуса Навина, которые построили бы или завоевали собственный дом и прочную родину для народа. -Для этого им не хватало высшего полета, высокой концентрации энергии, большой склонности к объединению друг с другом, короче говоря, чего-то такого, что сначала развивает все прекрасные склонности нации и формирует великие и могучие народы. Как это можно объяснить и почему, сказать трудно. На вопрос: почему один народ становится могущественным, богатым и многочисленным, а другой никогда не выходит на свет из своих болот и лесов, мы часто находим не более удовлетворительный ответ, чем на вопрос: почему одно растение остается в природе цветущим кустарником, а другое вырастает в дуб или плодоносящее дерево? Леттская пословица гласит: "Кто делает из себя ягненка, того волк разрывает на части". Понимали ли они, что это слово относится ко всему их народу, и что поэтому он стал добычей других, потому что не был, как шести хорошей винной бочки, снабжен железными обручами?

Подобно этой пословице, многочисленные поэтические причитания и плачи, которые латыши посвящают бедным сиротам, вполне можно отнести ко всему народу. "Бедные брошенные сироты, которым никто не говорит слов любви, которым некому заступиться; которые плачут и причитают в бурю и сугроб, чьи слезы высушивает только солнце", - эти образы и сцены очень часто появляются в элегической "Раудас", которую я цитировал выше. Этот народ также, кажется, воспеваает себя в своих сиротах. Одна из таких леттских сиротских "Раудас" гласит следующее:

"Мы, бедные сироты, живущие на берегу быстротекущего ручья, ждем свою мать. О, плакальщицы, брошенные сироты, привыкшие скучать в горьких страданиях: никто не знает, как горестно мы плачем. Только солнце знает, что оно сушит наши слезы своими теплыми лучами. Знает только наша ткань, которой мы закрываем глаза. Ах, неужели матери не придут с ручьем? Вечно он течет, вечно он журчит. Но дети напрасно ждут и рыдают. Вздыхая и стоная, они идут своей дорогой".

С этими сиротами, о которых так часто поют, я говорю, можно сравнить этот забытый, осиротевший, угнетенный и безработный народ литовцев и латышей. Они ждут спасительных матерей от течения времени. Но они никогда не приходят.

¹ То, что старинный фламандский язык не имеет литературы, писатель может утверждать и доказывать, если сможет. Доказательство обратного имеет больше шансов на успех. Верт.

Финны, саамы и самоеды.

Сквозь необъятные леса, у бесчисленных озер, по обширным, болотистым и засушливым равнинам Северной Европы, в грядях холмов и гор, отделяющих наш континент от Азии, на крайних рубежах Скандинавских Альп, а также на берегах моря Ys, рассеяно множество народов и остатков народов, все они более или менее близки друг другу по телосложению, языку, манерам и развитию, а также отличаются от своих южных соседей, и поэтому могут рассматриваться как принадлежащие к одной и той же группе народов.

Уже Геродот, отец истории, кажется, получил поверхностное сообщение о существовании этих детей Севера, возможно, благодаря вмешательству греческих купцов на Черном море, торговавших в дальних регионах. Ведь он говорит, "что за пределами земледельческих скифов (славян), в землях, где больше не светит солнце, жили совершенно дикие, совершенно чуждые народы, говорившие на своем языке, не имевшие ничего общего со "скифами", бродившие по лесам без малейшего общественного порядка, охотившиеся, и о которых он указывает, среди прочих, племя, которое он называет "меланхленами" (черными плащами).".

Даже то, что Тацит, описывая Германию, рассказывает нам о ее "крайних европейцах", и то, что этот римлянин узнал благодаря вмешательству германцев, лишь немногочисленно и сказочно. -Тацит впервые упоминает имя "фенов" или финнов и говорит о них, что они жили травами, одевались в звериные шкуры, не имели лошадей, не знали железа и, кажется, не поклонялись никаким богам, живя в "поразительной дикости, в величайшей нужде" (*mira ferocitas, foeda paupertas*).

В результате название "финны", которое, по-видимому, происходит от германского "фенн" (штаны, болотистая земля), было, вероятно, старогерманским названием их соседей, живших в северных болотистых районах. Мы продолжаем использовать это название до сих пор и применяем его ко всему широко распространенному финскому племени.

Из всех германских народов скандинавы всегда были ближе всего к финнам, которые также частично населяли один и тот же полуостров с ними. Древнейшие скандинавские предания говорят о них как о грубом, воинственном племени, как о "сынах скал", "людях ущелий" и называют их землю "Ётунхеймом", родиной "ётунов" или "яттенов" - "горных волков" и "колдунов, избегающих света". В более поздних исторических сочинениях шведы и норвежцы, как и немцы, также называют их финнами или феннами.

Кроме германцев и скандинавов, мы не знаем другого европейского народа, который бы так тесно соприкасался с финнами в исторические времена, как восточные славяне, нынешние русские, чьи поселения с незапамятных времен простирались на обширной территории рядом с финнами. Они тоже, по-видимому, рано заметили в своих соседях то, что чуждо славянам и свойственно им. Ведь у них было и есть древнее и значимое название для них. Они называют их "чуден", слово, происхождение которого неясно, но которое, вероятно, означает столько же, сколько "чужаки", "неславяне".

Когда русские, расширяя свои завоевания, проникли до Урала, они и там нашли эти странные ("чудские") племена, и поскольку теперь можно найти весь этот длинный горный хребет, который финны называли "Огур", т.е. "высоты", и поскольку считалось, что они распространились из долин этого пограничного азиатского хребта по всей Северной Европе, как от своих первоначальных поселений, так и от протекающих там рек, их стали называть "огурским, угаритским или уральским племенем".

Сами финны, конечно, не знают всех этих названий. Поскольку они были рассеяны по большой территории, они никогда не знали всех своих собратьев по племени; поскольку они никогда не образовывали нацию, объединенную общими действиями и государственным управлением, у них нет названия, применимого ко всем ним. Тем не менее, многие из них носят название "Suomalaiset" или нечто подобное, которое, по мнению немецких исследователей, как и немецкое слово "финны", должно означать "водяные или болотные жители", и можно считать его в определенном смысле настоящим коренным национальным названием финнов, связанным с болотистой природой их родины.

Время распространения "финнов", "чуден" или "суомен" с Урала надо искать до начала истории, даже до всех легенд нашего континента; оно не установлено ни лингвистическими исследованиями, ни другими умозаключениями. Однако, поскольку мы постоянно видим, как славяне, а также германские племена наступают с юга на финнов и оттесняют их на север, можно предположить, что финны являются самыми первыми поселенцами, исконными жителями Европы или, по крайней мере, значительной ее части, а германцев и славян следует рассматривать как более поздних захватчиков их территории.

Соответственно, по мнению ряда немецких и скандинавских ученых, эти болотные люди когда-то продвинулись гораздо дальше на юг, не только заселили большую часть России и Скандинавского полуострова, но следы и памятники существования финикийцев были обнаружены и, как считается, выявлены в Дании и Германии, да, даже в Англии и Франции, а также в Швейцарии в более поздние времена в так называемых "свайных жилищах". Согласно этому мнению, их следует считать настоящими доисторическими, исконными жителями, чьи маленькие дымящиеся хижины были разбросаны в наших лесах, болотах и вдоль наших рек, и на чьих могилах мы, индогерманцы, германцы, кельты, славяне, позже построили свои города и основали свои цивилизованные государства.

В пользу этой точки зрения говорит и замечание некоторых лингвистов о том, что финский язык имеет гораздо больше общего с языками древних иберов и кельтов, с которыми финны делили владение миром, чем с языками более молодых германских и славянских народов. Английские лингвисты также обнаружили некоторые финские элементы в идиоме англичан. - Также за Уралом, на обширных землях северной и центральной Азии, прослеживаются следы исчезнувших финских народов. - За Уралом и пограничными горами Китая можно найти бесчисленные памятники разного рода: курганы, земляные стены, развалины, остатки горных пещер и горных работ, о которых ныне живущие там татары говорят, что они не их и не их предков, а принадлежат падшей расе. Поэтому они считают эти работы многочисленными свидетельствами существования там широко распространенного народа, а русские, которые сейчас управляют этими регионами, полагают, что этот народ тоже должен был быть "чудским" или "финским". Все эти реликвии древности они называют "чуденскими могилами", "чуденскими крепостями" и "чуденскими колодцами".

"Итак, существует или существовал, - говорит немецкий Шлётцер, - большой финский мир, который по своим размерам является одним из крупнейших в истории человечества и по сравнению с которым даже большой славянский мир, насколько мы знаем его первоначальные границы, был когда-то малым." - Теперь этот некогда цветущий финский мир лежит в руинах, и это не более чем руины, и если какой-либо народ в Европе имеет право оплакивать золотой век, утраченную Аркадию, так это финны, которые поэтому часто вспоминают яркую свежесть давно забытого утра жизни, "время, когда каждый финн был свободен, силен, мудр и счастлив; когда мед капал с ветвей его дубов, а потоки молока увлажняли его землю". Сейчас в жизни некогда столь широко разросшегося дерева осталось лишь несколько скудных побегов, и хотя сейчас они не имеют большого

политического значения, все вышесказанное в достаточной мере показывает, насколько важными в других отношениях должны быть для нас, европейцев, изучение и попытка составить описание этих финских реликвий.

Как погибли в Азии ранние финские народы и какие их останки еще можно найти в Сибири и на Алтае, мы здесь не рассматриваем. Согласно нашему первоначальному плану, мы остановимся на западной стороне Урала. В южных частях этого лесного хребта, по средней и верхней Волге и ее притокам, в древности жили финские племена, чьи имена наиболее известны в мировой истории. В этих краях располагались поселения "спален", "скамарен", "сабирен", а после них - более известных авар, болгар, хасар и мадьяр, которые в основном считаются народами финского происхождения. -Я говорю "в основном", потому что, поскольку все южные финские племена находились вблизи широких этнических ворот между Уралом и Каспийским морем и великой кочевой дороги из Азии в Европу, они, вероятно, были потревожены и переселены в свои поселения монголами и татарами, которые были более или менее родственны им по языку и происхождению, с древних времен. Среди всех остальных настоящих и неиспорченных финнов, насколько мы можем видеть их сейчас, мы не замечаем большого желания путешествовать и перемещаться или совершать завоевания. Скорее, они представляются нам повсюду как молчаливые, слабые, разрозненные племена, как терпимые жертвы и подданные чужеземцев, а не как завоеватели и покорители таковых. -Может быть, говорю я, вышеупомянутые южные финны совершили это великое бегство, только смешавшись со своими родственниками, пришедшими из Азии, и потому мы видим в них только татаризованные или монголизированные финно-бастарды, которые были вырваны и унесены генами с Урала, где они жили, и которые, одушевленные ими большим духом предприимчивости, затем, в течение большого или меньшего времени, играли самостоятельную роль в истории Восточной Европы.

Некоторые из этих смешанных уральских или финно-татарских народов ощущали свое присутствие лишь в течение короткого времени, такие как "шпален", "скамарен" и "сабирен", которые сейчас едва известны по имени. Они вскоре исчезли, и их имена отчасти до сих пор записаны только в древнейших русских летописях, отчасти они еще живы, но не без дурного оттенка, в устах славянских народов, причем "Скамаре" означает плут, "Сабире" - слуга, "Спале" - хам или разбойник.

Другие же из этих смешанных финско-татарских народов пришли к большему и более прочному могуществу.

Авары, впервые появившиеся в Европе в низовьях Волги и Дона, последовали за гуннами Аттилы в их путешествии на Запад и основали могущественную империю на среднем Дунае в современной Венгрии, откуда, как и гунны, совершали набеги на многие районы Западной Европы. Однако они потерпели поражение от германцев при Пипине и Карле Великом, от которых они пострадали на западе, и от своих собственных соплеменников, от которых они пострадали на востоке. Остатки их народа в придунайской стране позже смешались с мадьярами.

После аваров, в низовьях Волги и Дона, хазары основали великую империю, которая приобрела наибольшую мощь и размах во времена Карла Великого. -В этих благоприятных для мировой торговли регионах невосприимчивые к развитию хазары некоторое время были тем народом, который способствовал и контролировал движение товаров между Европой и Азией, а естественный торговый канал Волги на Востоке долгое время назывался в их честь "рекой Часар". Однако в IX веке их власть была сломлена русскими, которые вступили в первый

золотой век своей истории под властью норманнских правителей, а затем они исчезли в середине последующего бурления народов. Они были полностью поглощены турецкими племенами, которые уже в начале ^{IX} века разорвали цепь финских племен на Южном Урале, ворвавшись через Урало-Каспийские ворота в Европу.

Болгары, принадлежавшие к среднему Поволжью, во времена крестовых походов основали здесь процветающую империю, центр которой находился близ современного Касана, у слияния Волги и Камы, и в которой, кроме земледелия и скотоводства, развивались торговля и промышленность, но которая была разрушена в ^{XIII} веке монголами под предводительством Бату-Чана. Часть этих финно-уральских болгар на Волге, которая уже во времена Карла Великого была оттеснена движением населения на запад, была, вероятно, вытеснена хасарами в низовья Дуная и основала, на основе покоренных славян, второе Болгарское царство, которое долгое время становилось беспокойным и опасным для Византийской империи. В этом Западно-Болгарском царстве, однако, финно-татарская национальность, язык и обычаи вскоре были полностью утрачены среди многочисленных славян. Сейчас от них не осталось ничего, кроме названия провинции "Болгария".

Наконец, мадьяры, чьи первоначальные поселения находились на среднем Урале, у истоков Камы, и которые были выслежены здесь турецкими печенегами, вновь последовали за своими собратьями в общем походе на запад и, как и они, обосновались в среднем Подунавье. Из всех финно-уральских племен они единственные сохранились до наших дней как влиятельный и исторически значимый народ. Великое татаро-монгольское нашествие под предводительством Чингиз-Чана и его преемников в начале ^{XIII} века, которое вновь привело множество тюрок по всей Восточной Европе и которое, как уже было сказано, разрушило последнюю процветающую финскую империю, империю болгар на Волге, похоже, положило конец всем исконно финским народным движениям на Южном Урале. Отныне мы больше не слышим ни об аварах, ни о мадьярах, ни о других полностью или частично финских племенах, мигрировавших оттуда. Весь регион на Южном Урале, на нижней Волге и на Дону теперь кажется почти полностью татаризированным или монголизированным. Сегодня мы все еще находим там Tschuwaschen, Teptjären, Metscherjäken и Baschkiren, всех финнов, принявших ислам, которые со всех сторон окружены настоящими татарами, и которые приняли не только их религию, но и их манеры и язык, и поэтому могут считаться татарами почти с тем же успехом, как, например, германизированные славяне в Саксонии могут считаться немцами. Наиболее известными среди этих финнов, принявших магометанство и говорящих теперь на турецко-татарском языке, являются башкиры или, как они сами себя называют, "башкурт", которые были известны там еще в древности под именем "паскатир". Они живут на старой мадьярской родине, в районах, некогда называвшихся "Великой Венгрией", у верхних источников южной ветви Камы, в долинах и на холмах южной части Среднего Урала, к северу от Оренбурга, где все холмы, реки и ручьи носят башкирские названия, и громко заявляют, что этот народ издавна является их родным. Их нынешнее название "башкурт", которое также упоминается арабскими писателями, означает "пчеловод" и относится к их любимому занятию - уходу и разведению диких пчел, которые так распространены на Урале. Они также занимаются земледелием, а некоторые из них имеют постоянные дома. Однако большинство из них живут в домах только зимой и только зимой употребляют хлеб. Летом они ведут кочевой образ жизни со своим скотом и лошадьми и, как и монголы, зарабатывают на молоке своего скота.

Хотя, как уже упоминалось, они изначально были финнами, в настоящее время они полностью сменили свой старый язык, который даже в XIII веке, должно быть, был очень

похож на язык финских мадьяр (Рубруки, знаменитый путешественник и посланник французского короля к чану монголов, заметил, что в его время башкиры еще говорили на том же языке, что и мадьяры), на язык турок или татар; стали похожи на них даже выражением лица и темным цветом волос, и, наконец, приняли от них магометанскую веру. Доказательством их исконно финского происхождения может служить, в частности, тот факт, что в древности соседи-татары называли их "*сари-уэште*" (рыжеволосые восточные яки). Таким образом, в прошлом они, как и большинство финнов, должны были быть светловолосыми или рыжеволосыми.

К так называемым *мещерякам* и *тептярям*, которые живут рядом с башкирами и частично под ними, применимы все замечания, которые мы сделали о последних. Вместе с ними башкиры могут собрать армию в 100 000 всадников, и русские говорят, что по храбрости и хищности они занимают первое место среди народов Оренбургского края после уральских казаков.

Вместе с башкирами и мещеряками их соседями являются *чуваши*, также изначально финский народ, но в настоящее время настолько сильно татаризированный, что некоторые этнологи считают его *полностью* татарским. Смешавшись с татарами, они, по-видимому, полностью утратили свой старый финский язык. В некоторых их племенах три четверти языка, должно быть, турецко-татарские. Немецкий лингвист Шотт, опубликовавший грамматику этого языка, считает его в целом татарским по своей структуре. Чувашены, как и башкиры, и в отличие от других настоящих, как уже говорилось, в основном светловолосых финнов, имеют темные волосы и темную бороду, а во всем своем телосложении и образе жизни они многое переняли от татар, которых они даже называют в своих песнях "братьями". Свиное мясо для них, как и для татар, является отвратительным, хотя они частично стали христианами и никогда не были магометанами. Тем не менее, они сильно отличаются от настоящих и подлинных турецких татар. У них нет татарской одежды. Они живут застенчиво и уединенно в своих деревнях и не имеют, как татары, привычки жить вместе с русскими в местечках и селах. "Города, - говорит один русский писатель, - сторонятся чувашей, как чумы". К тому же они гораздо холоднее и бесчувственнее, чем гораздо более живые, любопытные и любознательные татары, которые, завидев хоть одного незнакомца, все, и малые и большие, становятся у дверей и пристают к нему с тысячью вопросов. Совсем другое дело - чувашаи, которые, встретив незнакомца, едва достаивают его взглядом. Более того, их легко отличить от полных башкир и настоящих татар, поэтому русские ученые до сих пор причисляют их к финским народам.

Сегодня чувашаи по-прежнему остаются довольно многочисленным племенем, насчитывающим 400 000 голов, которые живут мирными земледельцами и пчеловодами в окрестностях Касана, Симбирска и Пензы, в лесах и лугах вдоль Волги.

Насколько важна была в древности роль южных и восточных финнов, "вдохновенных татарами", которых они привели в движение и смешались с ними, настолько скудна была судьба их более северных братьев. История умалчивает обо всех первоначальных племенах болотных и лесных людей, с которыми скандинавы, славяне и другие индогерманцы столкнулись, когда впервые вошли в Европу, и которых они, вероятно, истребили. Они были сметены потоком событий, не оставив после себя никаких важных следов своего существования, кроме, возможно, "домов на сваях", и никаких надписей на своих могилах. Во времена первых сумерек достоверной истории мы находим их останки уже оттесненными далеко на север, а вместе с ними и их индогерманских соседей,

пересекающих длинную пограничную линию, в постоянном контакте и борьбе. Поскольку скандинавы развили большую политическую власть на севере Европы раньше, чем славяне, именно с этой стороны мы получаем первые достоверные сведения о них. С самого начала мы видим, как предшественники норманнов и шведов неуклонно продвигались по своему полуострову, ведя непрерывную завоевательную войну с финскими "ётунами", которых они оттеснили и теснили, нога за ногу, к северной оконечности своего полуострова.

Даже самые северные финны на берегах Белого и Ледовитого морей были рано посещены норвежскими мореплавателями. В IX и X веках они вели процветающую торговлю в окрестностях нынешнего Архангельска, в основном с финским народом "биармийцами" или "термийцами" в качестве посредников. В честь их некогда столь знаменитого имени и сегодня российское правительство носит название "терм".

С середины XII века, во время крестовых походов, шведы под предводительством своего короля Эрика, проникнутые духом обращения крестоносцев, начали завоевание, постоянное заселение и колонизацию ближайших частей финского восточного материка, а именно большого полуострова между Ботническим и Финским заливами. С древних времен здесь жили финские племена "тавастен", "каянен" или "куанен", "карелен" или "карьялайсет" (то есть стадные люди) и "ингер", по имени которых и сегодня называются провинции Тавастланд, Квеланд, Ингерманландия и Карелия. Шведы удерживали эти земли в течение 500 лет, сделали их жителей христианами, и по их не очень суровым колониальным законам, в этой части так называемой Финляндии, до сих пор существует самая большая масса настоящих финнов. Также в колониях, которые датчане и немецкие рыцари основали на Балтийском море, финский народ, так называемые "эстены", был подчинен германскому владычеству.

Однако еще до этого, с момента основания крупного русского государства при Рюрике, славяне вторглись на территорию урало-финских племен, разрушая и подчиняя себе все. Они воевали с "вессенами", "мезенцами", "муронами" и другими племенами. Основной вред финнам причиняли широкомасштабные жители Новгородской республики, в молодом государстве которой "мезенцы" составляли большую часть, а из упомянутых финских народов сейчас не существует ничего, кроме их имен, занесенных в русские летописи Большого Новгорода. Русские занимали и колонизировали их земли, принимая исконно финских жителей в свою национальность. Изменяясь таким образом, они проникли из Новгорода на север до Белого моря, уничтожив на этом пути, подобно течению, вдоль Двины, почти всех исконных финских жителей. Как широкий клин, славянские земли здесь, вдоль рек Двина и Онега, проникли между финнами под властью Швеции и исконно финскими племенами в сторону северного Урала.

Это истребление, поглощение и порабощение финских племен русской колонизацией, продолжавшееся до новейших времен, а на все более расширяющейся Российской империи, распространилось также в северо-восточном и восточном направлениях. Вогулены, сиряне, пермяки, вотяки, черемисы и модвины превратились в несколько широко разбросанных жителей диких регионов.

Великороссы посылали к ним не только солдат и торговцев, но и ревностных миссионеров и епископов, которые прославлены в русских летописях как апостолы и мученики язычников-финнов. Почти все, кого они смогли окрестить и обратить в греческую церковь, постепенно перенимали русский язык, одежду и манеры. В результате значительная часть тех, кого мы сегодня называем русскими, - не что иное, как обращенные и убитые финны, точно так же как

значительную часть современных "немцев" следует считать незаконнорожденными славянами.

После завоевания русскими Сибири в ^{xvi} веке, после присоединения нескольких прибалтийских губерний при Петре Великом и, наконец, после приобретения Финляндии в начале этого века почти все финские племена, за исключением мадьяр и части зависимых от Швеции саамов, перешли под власть русских. -Для того, чтобы легко представить себе, что осталось от некогда великой семьи народов на европейской земле после всех этих событий, мы можем разделить все на три группы и принять следующие три подраздела:

1. Остатки финских народов на Скандинавском полуострове, отделенные от своих собратьев на востоке Балтийским морем.
2. Остатки финских племен на северной и средней части Урала, по Каме и Волге, отделенные от своих собратьев на западе широким общеславянским трактом по Двине.
3. Финские народы, занимающие середину между этими двумя частями, которые отделены от своих собратьев на западе Балтийским морем, а на востоке - широким славянским перешейком.

Остатки финского населения в Скандинавии, или *западные* финны, - самая слабая и наименее значимая из этих трех групп на сегодняшний день.

Через всю внутреннюю часть шведского полуострова вплоть до озера Венер в южном направлении проходит территория, население которой все еще более или менее пронизано финскими элементами, а частично еще говорит на финском языке. Даже в одной из самых южных провинций Швеции, в Готланде, до сих пор сохранилось несколько так называемых "финских перелесков" или "финских лесов", в которых, как говорят, сохранились некоторые остатки финского населения с древнейших времен. Шведские короли также иногда пополняли старое финское население своего королевства новыми людьми, привозя финских крестьян из-за Ботнического залива из самой Финляндии и поселяя их в Швеции. В древнескандинавские времена финские жители полуострова особенно славились кузнечным делом. Финские мечи играют ведущую роль среди шведских героев. Кроме того, по крайней мере, согласно легенде, самые важные горные работы в Швеции должны были быть открыты финнами. Однако эти шведские финны уже не имеют характера отдельных племен или этнических групп. У них больше нет национальных племенных названий, они живут разрозненно среди шведских крестьян, давно стали христианами-лютеранами и в основном понимают шведский язык.

На крайнем севере Скандинавии живут *саамы*, которые кочуют как бедуины, но норвежцы и шведы также обычно называют их финнами, и хотя саамы очень отличаются от настоящих финнов как по телосложению, так и по образу жизни и характеру, исследование их языка и других обстоятельств, кажется, доказало, что они являются лишь по-разному развитой ветвью одного и того же корня. Лапландцы, как правило, небольшого роста; настоящие финны, напротив, такие же высокие, как и другие европейские народы. У саамов черные волосы, желтоватый цвет тела, угловатое лицо, плоский нос, длинные глаза, высокие кости, широкий рот, заостренный безбородый подбородок, толстая голова, пирамидальная форма черепа, и во всем этом они, кажется, очень близки к азиатско-монгольскому типу. В отличие от них, их соседи и братья, настоящие финны, обычно имеют светлые волосы, круглые черты лица, свежий цвет кожи и в целом несут в себе черты монгольской расы в меньшей степени. У обоих очень разные темпераменты. В настоящем финне обычно есть что-то решительное, что-то властное, зрелый ум, часто мрачная серьезность и глубокая меланхолия. "Лап, с

другой стороны, - дикое, беззаботное дитя природы, удивительная смесь недоверия и детского задора". Наконец, Лап - это кочевник с душой и сердцем, гордящийся своими стадами оленей, обладающий настоящей бедуинской натурой и совершенно не позволяющий превратить себя в беспокойного поселенца. Если он больше не может существовать как владелец стад, он занимается рыбалкой и охотой, буквально никогда не занимаясь земледелием.

Его сосед, настоящий финн, напротив, обычно является тихим фермером, и как таковой он презираем саамами. Они бегут из поселений финнов повсюду. А то, что эта антипатия, эта национальная неприязнь между саамами и финнами очень древняя, доказывает тот факт, что знаменитая старая финская национальная эпическая поэма "Калевалы" в основном посвящена противостоянию и борьбе между старыми богами и героями финнов и саамов.

То, что, несмотря на все эти сильные различия, саамов и финнов следует считать принадлежащими к одному и тому же племени, ясно из нескольких отношений и обстоятельств. Во-первых, оба племени живут бок о бок с незапамятных времен. Лапландский язык имеет ту же структуру и те же корни, что и финский, и нельзя считать, что финский язык был насильно навязан саамам, потому что мы не слышим, чтобы финны когда-либо были территорией и учителями саамов. Легенды и мифы саамов, гордящихся борьбой своих богов и героев, тесно переплетаются с легендами и мифами язычников-финнов. Недавно среди них были обнаружены эпические поэмы, очень похожие на финские. Тот факт, что скандинавы называют оба народа одним именем "финны", мало что доказывает, но то, что саамы дали себе национальное имя, которое по форме и значению соответствует тому, которое используют финны, - это факт. Они называют себя, как уже говорилось, "Suomalaiset", а не "Saomelad", и оба они означают одно и то же - "болотный народ". Кроме того, различия и контрасты между двумя народами не настолько велики, чтобы исключить их близкое родство. Меньшая численность саамов может быть обусловлена более суровым климатом и различиями в образе жизни. Жизнь саамов в гораздо большей степени, чем жизнь финнов, чередуется между величайшим изобилием и жесточайшей нуждой, между сильной жарой и резким холодом, между большими усилиями и полной безработицей. Преследуемые комарами, они веками бежали летом к морю, чтобы купать себя и свои стада в морском воздухе и соленой воде, а осенью, гонимые голодом, возвращались в горы, где растет их олений мох. То, что разные ветви одного и того же племени посвящают себя земледелию, а другие - кочевой жизни, и что между ними существуют резкие контрасты и большие антипатии, - явление, неоднократно встречающееся в истории народов. Действительно, среди подразделений и различных частей самих саамов существует почти одинаково сильная, отчасти необъяснимая неприязнь друг к другу. Например, "саамы из Умео" питают такую глубокую ненависть к "саамам из Лулеа", что, хотя и те и другие являются кровными друзьями кочевников, они вообще не общаются друг с другом и никогда не вступают в брак.

Слабый в численном отношении народ саамов рассеян, как самостоятельные семьи, по диким долинам и ущельям, по бесчисленным озерам и фьордам обширной и бесплодной, но богатой и малоизвестной области, которая простирается через северную Швецию и Норвегию, а также через часть России до Белого моря. Бесплодные скалы и айсберги их маршей, а также неукротимый характер этих людей не дают ни малейшей надежды на то, что в будущем в этот отдаленный уголок Европы придет земледелие, цивилизация и сильное население. Олени и саамы - это лучшее, что она может дать, единственное, что там может существовать. Однако следует отметить, что среди саамов, подчиняющихся шведам и норвежцам, происходит медленная германизация. Лингвистические исследования

показали, что уже треть их лексики имеет скандинавское происхождение, или является простым переложением шведского и норвежского. Подобный процесс медленной славизации мог происходить и среди саамов, которые были покорены русскими.

Вторая, или восточная, группа остатков финских народов, на Северном и Среднем Урале и на Волге, представляет собой большое разнообразие самых разных племен и названий. Среди них - *тшеремисы, мордва, вотяки, пермяки, вогулены, остяки, сиряне*, живущие бок о бок с юга на север, а также во многом *самодийцы*, живущие у Ледовитого моря.

Самые южные из этих восточных финнов - *тшеремисы*. У них больше всего общего с чувашами, как по месту проживания, так и по родоплеменным связям. Как и чувашаи, они живут в окрестностях Касана, но севернее его и на берегах Нижней Камы. Так как они, как и чувашаи, часто и долгое время были покорены татарами, то и переняли от них многое, хотя и гораздо меньше, чем другие. Это древний финский народ, чьи имена упоминаются в русских летописях на протяжении тысячелетий. В настоящее время большинство черемисов - христиане, но, как и другие северо-восточные европейцы, они также язычники, поклоняются русским святым и их идолам, а также Магомету, соблюдают как мусульманские и христианские праздники, так и языческие обычаи. Физическое состояние, светлые волосы, тонкая борода, честный, но угрюмый характер, застенчивость - все это характеризует черемисов как финнов. Их обычная одежда, а также убранство их домов и хозяйств также полностью финские.

Язычники-черемисы называют своего верховного бога "Юма", что очень распространено среди финского народа. Ведь "Юма", или "Юмала", или "Юммал", или "Ибмел" - это почти у всех финнов название божества или Неба. Этот "Юма", говорят черемисы, является творцом природы и человечества и управляет мировым строительством.

Они также верят в злого духа, которого называют "Керемет" или "Керемит". При сотворении мира и людей этот керемит помогал Джуме. Но он стал высокомерным и захотел подражать Джуме. Однако, поскольку он был менее могущественным, чем Джума, он испортил творения Джумы. Например, когда он хотел создать сушу, а Керемит приказал ему плавать по воде в виде утки и собирать землю, ныряя в воду, Керемит так и сделал, но не отдал Джуме всю выкопанную землю, а оставил часть во рту, и когда прекрасная поверхность ландшафта была закончена, он выплюнул землю, которую оставил себе, и там, где она упала, возникли дикие горы и другие неблагоприятные вещи.

Под той же широтой, что и черемисы, но западнее, по правую сторону Волги, рассеяны остатки мордвин. Они уже упоминались византийскими писателями и как подданные вестготов в этих краях, то есть в большом круге стран между Окой и средней Волгой. О том, как давно они живут в этих краях, говорит тот факт, что и сегодня они называют Волгу тем же именем, под которым она была известна грекам и римлянам. Они называют ее "Ràwa", что на самом деле вполне соответствует названию древних - "Rha".

Находясь очень близко к основному славянскому населению России, они уже переняли в большей степени русский деревенский образ жизни и по телосложению и по всему своему существу ближе к русским, чем другие финны.

Все вышеупомянутые финские племена также были обобщены под названием волжских финнов, поскольку все они сгруппировались по берегам и рукавам этой реки. И сама Волга, на могучей артерии которой разворачивалась жизнь финнов, некогда столь важная и для

мировой истории столь волевая, - на которой часто упоминаемые болгары и чазары основали свои процветающие и не совсем нецивилизованные империи, с которой финские авары и мадьяры переселились в Западную Европу, -Эту самую Волгу, говорю я, называли великой "национальной рекой финнов", так же как Днепр называли славянской рекой, а Рейн - германской. Так же как греческое название Волги было "Рха", как уже говорилось выше, название "Итиль", которым татары называли эту реку, должно быть финского, а не татарского или славянского происхождения. Татары отняли Волгу у финнов, и теперь, после падения власти татар, она стала главной водной артерией жизни великороссов и казаков, а потому приняла славянское название Волга.

К северо-востоку от Волги, из Касана, по Вятке, первыми приходят *вотяки*, которые называют себя "удмурди", то есть "люди". В большинстве своем они очень похожи на финнов современной Финляндии. Они, видимо, отказались от кочевого образа жизни после правления русских, то есть в течение 300 лет, в пользу более спокойной жизни. Их хвалят как очень трудолюбивых и умелых земледельцев. - "Едва закончилась зима, как Вотяк покидает свою теплую, наполненную дымом "исбу" (деревянную хижину), где он очень приятно провел холодное время года в компании своих гусей, уток и телят, переходит в летнюю соломенную хижину, полностью прокуренную и с больными глазами, и начинает свою трудовую жизнь, пашет, сеет и боронует, но только после того, как получит необходимые благоприятные предзнаменования, внимательно посмотрит на небо и прислушается к советам седобородых." Они славятся среди русских не только своей усатостью, но и честностью. То, что они когда-то обещали дать по договору, они дают так же хорошо, как и все финны. Своих соседей, татар, они боятся с древних времен, потому что у них есть поговорка "татарин - волк, вотяк - тетерев". Отчасти они все еще язычники и поклоняются, как и большинство все еще языческих финнов, богу земли (доброму началу) и богу воды (злому существу), а над ними - верховному богу, которого они называют "Старый". Их женщины, которые, как и женщины всех финских народов, отличаются от мужчин большим своеобразием национальной одежды, носят высокие берестяные чепцы, которые они покрывают ткаными полотнищами и украшают серебряными монетами.

К северу от вотяков живут *сирийцы*, а к востоку от них - *пермяки*. 30 000 сирийцев (жителей приграничья) скрываются в северных районах великих лесов северо-востока России, которые являются крупнейшими хранилищами хвойной древесины во всей Европе. Они славятся как очень хорошие охотники и особенно как бесстрашные охотники на медведей. Уже их маленькие дети не просят у родителей ничего с большей настойчивостью, чем "бахнуть игрушкой" (ружьем). "Приученные с детства к охоте, они становятся такими искусными стрелками, что для них не годится иной выстрел, кроме как в рыло зверя, так что шкура остается неповрежденной". Порох, который всегда является редким товаром в их дремучих лесах, кажется, так же ценен для них, как золотая пыль. Только в самых экстренных случаях они делятся им с другими, но с условием, что за него придется расплачиваться *натурой*, порох за порох. Придя в лес, они тщательно подсчитывают количество патронов или выстрелов и рассчитывают, сколько шкурок принесут обратно. Торговец порохом тоже точно знает, сколько шкурок выдры, горноста или лисицы он может ожидать обратно за каждый фунт пороха, который он отдает сирьяну. Неторопливость, серьезность, честность и вдумчивость характеризуют сирьянов не меньше, чем других финнов. В остальном они, должно быть, уже начали становиться все более похожими на русских крестьян. Россия меняет или поглощает все эти финские народы, подобно тому как англосаксонская раса поглотила индейцев Северной Америки.

То же самое можно сказать и о многочисленных *пермяках*, живущих на окраине города Перми, названного в их честь. Как уже говорилось, эти пермяки когда-то были знамениты, и их имя, как имя трудолюбивого финского торгового народа, было известно далеко на Севере и скандинавским мореплавателям. Сиряне, Вотяки и почти все северо-восточные финны также объединялись под общим названием "племя пермских финнов" и отличались этим именем от южных "волжских финнов". - Однако теперь, когда русские построили среди них множество деревянных городов, блеск названия "пермяне" потускнел, их численность сократилась до 30 000 голов, а национальность отождествилась со славянами.

Вряд ли сохранились записи о том времени, о котором так часто говорится в старых летописях скандинавов и русских, когда пермяки, как полудицилизованный народ, привели торговлю европейского Севера в соприкосновение с Востоком, когда сюда доставлялись даже арабские и индийские товары.

Еще дальше к востоку от пермских финнов живут *вогулы*, а рядом с ними - *остяки*, родственные языки которых доказывают, что они также принадлежат к финскому племени.

Все эти народы, однако, в основном выходят за рамки нашего рассмотрения, поскольку на европейскую землю они ступают только одной ногой. Их территория простирается в основном по другую сторону Урала, вдоль западных притоков рек Иртыш и Обь. Кроме того, по Оби они углубляются в Сибирь до Томска и дальше.

К северу от Вогулена и Сирьянена, в самой пустынной и бедной от природы части нашего континента, в бесплодных, лишенных деревьев и редко оттаивающих болотах, в унылых так называемых "тундренах" на берегах почти всегда заполненного льдом моря, наконец-то поселилось бедное племя самоедов. Хотя они принадлежат главным образом к Азии и имеют там (на Алтае) свою старую родину, откуда, вследствие неизвестных событий и потрясений, они были вытеснены на крайний северный конец света.

Однако охота и кочевки заносят их и на европейскую территорию, даже в окрестности Архангела, где они иногда встречаются с другим народом-мигрантом, саамами, которые принадлежат к Европе в целом. По словам Палласа, по форме головы, широким, плоским лицам, "которые, однако, иногда могут быть очень приятными для их молодых женщин", приподнятым губам, черным, кустистым волосам они больше всего принадлежат к тунгусам, самому большому племени северо-восточной Азии. Тем не менее, они также родственны своим финским соседям, как показал новый, неутомимый исследователь этих регионов и народов, прекрасный ученый и путешественник Кастрен.

Как и финские остяки, они одеваются в олени шкуры. Их язык по своим корневым словам очень похож на финские диалекты на Волге. На протяжении бесчисленных веков они поддерживали с этими финскими народами соседские, сельскохозяйственные и семейные отношения. Их нравы и обычаи также часто очень похожи на финские. Приведем лишь один пример из многих, например, помолвки. У самоедов жених едет к дому избранницы с тем, кто попросит у него невесту. Жених входит в дом и излагает просьбу отцу или опекуну невесты. В это время сам влюбленный должен ждать на улице на холоде с санями и лошадьми, пока ему не сообщат о согласии. Эти и все другие сопутствующие детали поведения и образа действий можно встретить и у финских эстенов, живущих за 500 миль от нас в немецких прибалтийских губерниях.

Даже название *самоедов* или *самогитов*, под которым они традиционно были известны всем народам, включая монголов, похоже, финского происхождения. Это название встречается по всему финскому миру, в различных формах, вплоть до границ Германии. Я уже

упоминал, что саамы называют себя "самеладами", а финны - "суомалайсетами". В Литве мы находим древнюю провинцию под названием "Самогитие", и даже в Пруссии есть еще одна "Самеланд". Все это слова, которые, по-видимому, имеют общее финское происхождение.

Ярче всего родство самодийцев и финнов проявляется в родственном духе их языка и национальной поэзии. До середины прошлого века европейские люди, зачастую пренебрежительно, относились к бедным самоедам настолько грубо и нефилософски, что считали, что вместо языка они используют "некое животноеподобное хрюканье и шипение". И только в результате новых исследований, которым можно несказанно порадоваться, выяснилось, что самоеды не только имели очень художественный и развитый язык с различными диалектами, но и сочиняли на этом языке всевозможные сказки, добрые истории и песни.

Большой знаток финских народов говорит, что даже знаменитая финская эпическая поэма "Калевала", о которой мы расскажем ниже, может рассматриваться лишь как развитие тех семян, которые также скрыты в самоедской народной традиции. Рапсодии финской эпической поэмы "Калевалы" и самодийские героические песни, кажется, происходят из одного и того же источника. Слушатели почти с религиозным вниманием прислушиваются к каждому слову, которое срывается с губ певца". Обычно его усаживают на середину комнаты, а слушатели располагаются вокруг него по кругу. "Сам певец нередко так волнуется во время декламации, что во время очень трогательных отрывков его тело дрожит, а голос дрожит". По большей части публика сидит вокруг него молча. Однако в самые трогательные отрывки и моменты повествования - когда герой поэмы, еще в колыбели, уже думает о том, что пора выбирать жену, а затем, подобно Геркулесу, поднимается из колыбели, как сильный мужчина, и отправляется завоевывать царскую дочь в покрытый медью замок, - когда после семинедельного путешествия под землей, полного приключений, он достигает цели, - там он превращается в горностаю и скачет по стенам и деревьям, сбивая все на своем пути, - когда он вступает в схватку со своими возлюбленными, - выпускает в них свою волшебную стрелу, которая, еще более мощная, чем стрела Одиссея, убивает 20 его спутниц и на выходе, и на обратном пути, когда он покорно возвращается к своему господину, Однако когда сам воин либо падает и умирает, либо триумфально поднимается на орле, скачущем с покоренной возлюбленной, - во всех таких отрывках повествования самоеды громко и единодушно выражают свою поддержку.

Кроме того, самоеды - по крайней мере, по словам г-на Кастрена - считают, что спеть песню легко, потому что каждый из них думает, что он может это сделать. Но уметь хорошо петь песню, трогательно ее *декламировать* - это редкий и высоко ценимый талант. Здесь можно сказать: *Tout comme chez nous*. Потому что и у нас певцы и актеры лучше, чем поэты.

Проследив таким образом мир финнов до их крайних северо-восточных форпостов и сородичей, обратимся к западу, где среди остатков финнов Скандинавского полуострова и среди частично головокружительных, или верруссис, настоящих финнов Урала мы находим самое большое число настоящих финнов вдоль восточных берегов Балтийского моря, плотно сгрудившихся в основную массу. Это, прежде всего, финны в русской провинции, которую теперь предпочтительно называют "Финляндией", затем карелы на востоке и севере, *ингерманландцы* к югу от Петербурга и, наконец, *эстены* в Эстляндии.

Все эти племена были исконными обитателями по обе стороны и вокруг великого залива, который по праву назван в их честь Финским. Вместе они насчитывают более двух миллионов

душ и значительно превосходят все остальные финские племена на востоке, севере и западе, которых вместе насчитывается не более миллиона.

Южная граница, до которой эти балтийские финны составляют население, в настоящее время проходит по линии, которую можно провести от южного конца Чудского озера на запад через середину Ливонии.

Как скандинавы на западе, славяне и татары на востоке, так и здесь, в прибалтийских провинциях, латыши, по-видимому, подверглись нападению со стороны своих соседей, индогерманских латышей или литовцев, поселившихся на Немане и Дуне, Латыши были подавлены, изгнаны из своих домов или лишены своей национальности, и, возможно, это является причиной нынешнего названия, которое латыши дают финнам, "*lggaunis*", что означает "изгнанные". Это название очень контрастирует с названием, которое финны дают себе сами, а именно "*Tallopöig*" - "сыны земли" или "*Maamees*" - "люди земли". Как будто эти исконные европейцы с такими национальными именами, как "народ", "люди", "народ", "люди", "люди", "люди", которые неоднократно встречаются в нескольких их племенах в качестве национальных имен и которые, кажется, указывают на то, что они считают себя действительно истинной, оригинальной европейской человеческой расой, хотели выразить протест против вторжения индогерманских народов.

В самых северных пунктах Курляндии, а также в южной или латтской части Лифляндии есть несколько небольших районов, в которых, среди латышей, остатки старых финских *курдов* и *ливов* жили до современной эпохи. Однако даже среди этих финских остатков латтский язык и обычаи взяли верх. В сущности, от них здесь не осталось ничего, кроме названий Курляндии и Лифляндии, которые не происходят от латышей, а, как говорят, имеют финское происхождение.

Финнов, которые до сих пор составляют сухопутное население Северной Лифляндии и провинции Эстланд, немцы обычно называют *Esthen* или *Oesthen* (что означает "жители Востока").

Это древнее название, которым германцы обозначали все прибрежные народы Балтийского моря, живущие к востоку от них, которое было известно еще Тациту и которое до сих пор используется в узких границах, указанных выше. Так называемые эстены, конечно, этого не знают.

Их действительно 600 000 душ. Когда-то они были крутым и свободным народом охотников, рыбаков и пиратов, но уже давно страдают от тяжелого рабства немецких рыцарей и поселенцев, которые разделили их земли между собой и до сих пор живут под ними, вернее, над ними, во многих владениях, городах и деревнях. Многие из их врожденной национальности было утрачено в этом рабстве, многое, вероятно, сохранилось именно благодаря ему. Их нельзя считать "германизированными".

Они по-прежнему говорят на своем старом финском языке, который имеет такое же отношение к финским идиомам, как саксонский язык к баварскому. У них есть общие с другими финнами старые саги, истории, предания, пословицы, стихи.

Они также, похоже, с незапамятных времен верны древней финской народной одежде. Поскольку они обычно выбирают темные, черные цвета для своей национальной одежды, немецкие ученые решили, что эти эстены и есть вышеупомянутые "меланхлены" (черные плащи) Геродота. -Замечено, что в одном районе Эстланда люди носят белые чулки, а в другом - черные, и установлено, что в древнейших хрониках страны, написанных до 500 года,

эти районы назывались "*Mustjalla*" (земля черных чулок) и "*Waldjalla*" (земля белых чулок). Если чулки демонстрируют такое большое 500-летнее постоянство, то не лишено оснований предположение, что для черных чулок вероятно тысячелетнее существование.

Земли *ингерманландцев* и *карелов*, Ингерманландия и Карелия, к югу и северу от Петербурга, так долго были предметом раздора между русскими и шведами, что об их численности и национальности сохранилось немного.

Финны, наконец, в так называемой Финляндии, в настоящее время находятся, так сказать, в центре широко разбросанных остатков финского мира. Они превосходят по численности все остальные племена и составляют почти половину всех финнов. Вначале они были обращены в христианство шведами, затем стали лютеранами, а под влиянием шведских школ приобрели более высокую степень цивилизованности. Кроме того, все новые проявления жизни, которые с начала этого века, как и у всех народов Европы, пробудились и среди финнов, нигде не проявились с большей энергией, чем у финнов в Финляндии. Именно из Финляндии исходило большинство патриотических усилий по спасению финской народной жизни, изучению ее языков и обычаев, восстановлению и открытию ее поэтических сокровищ.

Из всего этого ясно, что *финны* в самой *Финляндии* дают наилучшую возможность заметить особенности и особенно яркие стороны национального характера финнов в целом. В Финляндии шведы встречаются в большом количестве только на морских побережьях, где они построили многочисленные портовые города, и где поэтому финны также больше исчезли среди них или превратились в шведов. Во внутренних районах страны, богатых скалистыми ущельями и озерами, коренные жители сохранились в большей чистоте.

Там их еще можно увидеть в их старых "черных" или "курительных комнатах" - жилищах, сколоченных из грубых балок, без окон и дымохода, напоминающих темные деревянные пещеры, в которых возвышается большая печь, как место отдыха семьи, как главная северная мебель, из которой на входящих падает всегда влажный и теплый пар, и в которой густая пелена дыма всегда свисает до 3 футов с чердака.

Там же можно найти оригинальный тип пресловутых северных потовых бань, в которых финны потеют лучшие часы дня в горячих и пьянящих парах, в которых они проводят немалую часть своей жизни, и которые также распространены среди всех северных, финских и монгольских народов земли, даже среди индейцев Северной Америки, и использование которых финны лишь позднее перенесли на русских славян.

Здесь же можно изучить своеобразные костюмы финских женщин, чьи яркие и оригинальные украшения привлекали внимание многих путешественников, эти высокие берестяные шапки, украшенные монетами и лентами, и огромные "*Preesen*" или серебряные пряжки, которыми женщины застегивают свои пальто, которые, однако, украшены всевозможными монетами, распятиями, кораллами, кусочками янтаря, золотом, золотыми изделиями и т. д., кораллы, кусочки янтаря, золотые чешуйки и колокольчики, разросшиеся до таких размеров, что закрывают грудь, как броня, и впоследствии передаются в семье от матери к дочери в качестве экспонатов - наконец, также богато украшенные красной отделкой и подшитые рубашки, которые, хотя и в самых разных моделях и вариациях, встречаются в таком виде у всех финских народов, даже у самоедов. Там, в старом финском сердце, до сих пор действует старая финская пословица "*Рог - волу, слово - человеку*", которая очень точно отражает твердый, честный и в то же время упрямый характер финнов. Финское упрямство вошло в поговорку как у шведов, так и у славян, и это угловатое упрямство, эта отталкивающая манера быть интровертом, должно быть, является основной

чертой, замеченной во всем финском мире, потому что можно привести несколько описаний немецких, русских и других писателей вышеупомянутых Tscheremissen, Mordwinen, Wotjäken и т. д., которые встречаются везде, даже в финской сельской местности. которые везде, даже среди этих племен, в качестве бросающейся в глаза особенности называют "их застенчивую недоступность, несгибаемость и упрямство".

То же самое можно сказать и о "мрачном характере", который так часто приписывают финнам. Даже финнов, поселившихся в Скандинавии, шведы называют меланхоликами, и даже русские, долгое время жившие среди финнов - в центре Финляндии есть несколько старых русских волостей, - *"уже не имеют"* (как говорит Рюс, бывший историк Финляндии) *"русского веселья"*. По меланхолическому оттенку, который они приобрели, можно узнать их отношения с финнами.

Легко понять, что такой меланхолический тон должен был поселиться в глубине души народа, который рано стал добычей предприимчивых соседей, не вел иных битв, кроме битвы отчаяния, и никогда не одерживал радостных побед.

Моя душа черна, как каменноугольная смола,

Мое сердце не белее древесного угля.

так сетует финский поэт в одном из стихотворений.

Из плохих времен соткана моя рубашка,

Из зависти и злобы сшит мой платок.

Так звучит еще одна народная песня финнов, почти все стихи которых можно назвать "излияниями меланхолии и тоски". Даже в тех, что более жизнерадостного содержания, нельзя не заметить душевной грусти:

"Harpan ar or sorgar bildad,

Och ut af bekümmer danad,

Kupan ut af harda dager.

Strängarne af smärter spunna,

Og af andra widrigheter,

Skrufvarna in harpens ända".

Моя арфа была создана из беспокойства,

Из печали она была создана,

В скорбные дни она обрела свою форму,

Струны были сплетены из боли.

А винты на ее шее

Были выкручены из страданий".

Песни, которые издает такая нордическая арфа, мрачны и сравнимы с туманными осенними днями, когда луч солнца лишь изредка пробивается сквозь тучи. О том, какой черный мрак порой окутывает умы финнов, очень пикантно рассказывает один из их поэтов в своей песне. Не в силах избавиться от своей внутренней печали, от грызущей сердце "птицы скорби", он думает бросить ее в море. Однако ему приходит в голову мысль, что тогда его печаль передастся счастливым рыбам, и таким образом может воспламениться вся природа.

Все рыбы будут скорбеть,
Окуни опустятся на дно,
Большая щука лопнет,
Болезненно умирает форель,
А красноглазка будет подавлена.
Все виды рыб погибнут,
От горя опечаленных
От ярости черной птицы.

Этой меланхолии и этому упрямству финнов, вероятно, во многом способствовали их глубоко укоренившиеся суеверия и вера в чудеса, известные с древних времен. Все соседи считают финнов повелителями ведьм. Даже в Стокгольме люди обращаются к первой финской служанке, если думают, что им нужна помощь из мира духов. Чем дальше на север живут финны, тем выше их авторитет в этом отношении. Но даже самые испытанные из них считают, что саамы намного превосходят их всех. Говорят, что черный ремесленник, хорошо знающий свое дело, - лапландец насквозь. В каждом странном вихре, считают они, есть лапландская ведьма. Точно так же на Востоке финны, живущие там, считаются намного превосходящими татар в этих искусствах, а *северные* самоеды, как полагают, превосходят *южных* финнов.

Примечательно, что в своих суеверных видениях и представлениях, и даже во внешности, сопровождающей эти суеверия - энтузиазме - восторгах их вдохновенных духом магов и в их привычках - финны обнаруживают большое сходство со многими другими северными народами в их магических формулах и методах. Чудотворцы финнов, "шаманы" тунгузов, "анжекко" гренландцев, да, даже "жонглеры" канадцев в Америке - все они следуют одним и тем же методам и принципам в своих подношениях и заклинаниях.

Отсюда даже - надо заметить - у далеких народов возникли совершенно одинаковые названия для этих разных магов. Поскольку канадские "жонглеры" носят реликвии, магические зелья, лекарства и инструменты, которые, по их мнению, необходимы им для заклинаний, в сумке из шкуры животного, французы дали им название *medicine-baggers* или *medicine-men* (*Gens de médecine*). Поскольку фокусники в шведской Финляндии носят с собой похожий мешок, им также дали название "*Kockoromies*", что означает "люди-мешки".

Во всем северном мире, от Америки через Азию до Европы, существовал и отчасти существует определенный религиозный образ мышления, который распространен на большей территории, чем даже будаизм, и который, возможно, еще недостаточно изучен, чтобы точно сказать, можно ли объяснить почти чудесное сходство психологически, или же нужно прибегнуть к помощи истории и этнологии.

Как у индейцев Америки и сибирских народов, так и у финнов половину и самую древнюю часть их национальной поэзии можно найти в их так называемых "*магических руно*" (волшебных песнях). Более общая склонность к поэзии была распространена среди всего народа, и они также украшали ею другие дела и стороны жизни. Каждый финский болотный житель сочинял песни и песнопения. Выдающиеся поэты носили имя *Руно-ниека* (исполнители песен) и пользовались большим уважением. Их поэзия обычно состояла из лирических стихов, которые они называли *рунот* (руны). Не так давно, однако, к нам пришла великая эпическая поэма из страны финнов, эпическая поэма "Калевалы", которая за короткое время стала знаменитой и состоит не менее чем из 50 песнопений и 20 000 стихов, и может быть названа финской Эддой или Илиадой.

По-видимому, эта поэма читалась бардами Карелии, тавастами и эстенами, а также греками в сборниках Гомера, и долгое время существовала в устах народа. Одни знали часть, другие - другую, третьи - всю. Некоторые части были записаны уже в прошлом веке по разным поводам и стали известны остальной Европе благодаря печати. Но только в самое последнее время усердный финский ученый, достойнейший Лённрот, собрал воедино все фрагменты этой восхитительной поэмы, словно осколки прекрасной статуи, и представил их нашему взору целиком.

Эта особенно замечательная финская эпическая поэма получила свое название от имени бога песен Калевалы. Слово "Калева" означает так же, как и: земля Калевы или земля песни, под которой подразумевается Финляндия: "прекрасная земля, которой из-за тысячи морей ласково улыбается солнце".

В основном в ней изображены приключения и сражения Калевы, его сына Вайнямойнена и подвиги других финских полубогов и героев. В нем сохранилось много интересных картин древних времен и нравов. Крестовые походы этих финских героев почти все идут в Северную страну, называемую "Похьола", что означает Лапландия, и целью их обычно является завоевание прекрасной принцессы, (подобно тому, как целью Троянской войны была Елена) и добыть некое драгоценное сокровище или талисман, называемый "Сампо", который в финском эпосе, кажется, примерно то же самое, что Золотое руно в саге об аргонавтах или "Гора Нибелунгов" в немецком национальном эпосе. Герои также получают такое задание или работу, как Геркулес у греков. Например, великий Лемминкайнен, который в определенном смысле является Аяксом или Ахиллом этой финской Илиады, должен сдерживать огнедышащего коня Хейси, поймать быстрого оленя Похьола, убить лебедя, который плывет по приливу Туонелы (подземного мира). В этом последнем предприятии он был убит, разрублен на части и брошен в подземную реку, но его мать, получив от солнца весть о судьбе сына, длинными граблями извлекла из воды все части тела своего сына, собрала их снова, оживила его магиями и заклинаниями, отправилась с ним домой и после некоторого ухода позволила ему снова выйти, чтобы совершить новые подвиги.

Примечательно, что, кроме вышеперечисленных, в финской эпической поэме появляется еще несколько поэтических тем и идей, которые встречаются и в поэмах греков и других народов. Так, например, Вайнямойнен радуется своим пением всю природу, подобно Орфею, и так же, как он, собирает вокруг себя всех зверей леса. Так он околдовывает врагов и усыпляет их игрой на своей "Кантеле" (арфе), подобно Оберону с его волшебным рогом.

В целом, однако, дух финского национального эпоса гораздо мягче, чем дух древненорвежских германских саг, в которых кровь льется ручьями, а все жестокое и страшное накапливается. Все семейные отношения воспринимаются с особой нежностью. Муж и жена, родители и дети, братья и сестры, жених и невеста, словом, все лица и обличья,

в которых проявляется домашняя и нравственная жизнь, изображены тончайшими мазками. Очень примечательна концовка поэмы. Она кладет конец всем авантурным поступкам и стремлениям, представляя непорочную деву "Mariatta" (Мария). Она и ее новорожденный ребенок были изгнаны из далекой страны жестоким царем Руотасом (Иродом). Затем она отправилась в финский город Тапиомяки, где ей пришлось жить в хлеву, а ее ребенок спал в яслях. Когда она захотела окрестить его, Вайнямойнен, финский бог песни, воспротивился этому и заявил, что, согласно старому финскому закону, нужно расколоть голову маленькому незнакомцу. Но ребенок, которому было всего две недели от роду, открыл рот, заговорил с Вайнямойненом, доказал ему, что он не прав в своем толковании закона, крестился и остался в деревне со своей матерью Марьяттой. Вайнямойнен, смущенный и напуганный этим, садится в медный корабль и навсегда уплывает на дальний край света, оставив финнам свои незабываемые песни и "Кантеле".

Концовка поэмы дает нам основание предположить, что она возникла во время первого введения христианства в Финляндии, в 13th веке. Однако вполне возможно, что тогда возникла только последняя часть поэмы, а ее первые, определенно языческие песни, существовали раньше.

Склонность и талант к поэзии и тому, что с ней связано, не угасли среди финнов и сегодня. Среди эстенов, а также тавастенов, куэнов и других финских народов до сих пор актуальна старая поговорка: "день продлевается ночью, прибавленной к нему, и точно так же песни удваивают скудную трапезу", и до сих пор во всех этих народах живет желание подняться от печальной действительности на крыльях фантазии, желание, которое в прекрасных вступительных стихах только что упомянутого стихотворения "Kalewala" очень сладко выражено, когда поэт поет

Всегда я полон желаний,
И всегда я мыслю правильно,
Чтоб легенды в песнях слагать,
Или петь, или слушать.
Золотой брат, не правда ли?
Эд'ле - товарищ в поэзии!
Мы редко говорили друг с другом;
Пусть в этом диком краю,
В северных бесплодных краях,
Поместимся вместе рука об руку
Как один забрасывает крюк в крюк.
Давайте воспевать добрый даян,
И рассказывать лучшие произведения,
Тогда эти храбрецы услышат,
А их близкие укрепятся,

Даже молодежь, которая уже выросла,
И этот народ, который прогрессирует.
И один, таким образом, очаровывает всех,
Тем благословением, тем благом,
Которое можно найти на далеком Севере.
В бесплодных местах Калевалы.

В качестве объяснения речей в этих характерных стихах, обращенных к "золотому брату", "благородному спутнику" и "вкладывающих руку в руку, как крюк в крюк", может служить следующее замечание: финские поэты обычно импровизируют по двое и сидят друг напротив друга с соединенными руками, колено к колену, как будто прикованные друг к другу. Пока один поет свою строфу, другой думает, что ответить, и затем оба повторяют - склоняясь вперед и назад в такт - последний стих своего "благородного товарища по поэзии".

Это очень любопытные и привлекающие внимание поэтические обычаи. Финский язык также очень подходит для поэзии: он чрезвычайно мелодичен и богат по звучанию. В нем редко встречаются две согласные и много шипящих и шуршащих звуков, как в немецком и русском, а большинство слов заканчиваются полнозвучным вокализмом. В нем никогда нет такого скопления согласных, как, например, в нашем "schelmsch", или "осенняя буря". Когда финны включают в свой язык трудные германские слова, они подвергаются в их устах процессу благоустройства. Короткое шведское имя "Олоф" меняется в их устах на "Вуолаба". Суровое шведское "Konge" (король) они превращают в "Kunigu". Наше "Петербург" они смягчают до "Пьетапори". Из нашего "прапорщика" они делают "вэнтерики". Мелодичные названия известных русских озер "Онежское" и "Ладожское", а также "Новая" - финского происхождения. Как прекрасны и имена богов песни и неба "Вайнямойнен" и "Ильмаринен", о которых я уже упоминал.

Финский язык, когда на нем говорят правильно, обладает определенной достойной полнотой. Он богат дифтонгами и вокализмами, и в этом его сравнивают с итальянским. Часто рассказывают, как однажды русский посланник из Эстонии произнес при испанском дворе следующие эстляндские или финские слова, когда зашел разговор о мелодичных языках и была приведена в пример мелодичность португальского, итальянского и испанского: "*pois ssaïda tassa ülla sülla*", и предложил присутствующим сказать ему, к какому жанру, по их мнению, относится содержание этих слов. Они решили, что это начало эпической или лирической поэмы, и были не мало удивлены, когда норвежец перевел предложение, которое означает ни больше ни меньше как: "Привет! глупый мальчик, медленно проезжай по мосту" - фраза, которую часто приходится выкрикивать почтальону на плохих дорогах этих стран.

О том, что сами финны также убеждены в превосходстве своего языка, свидетельствует старая легенда о кипении языков, которую они приводят в действие и в которой они представляют себя и свой язык как любимцев Вайнямойнена. Когда этот финский Аполлон, как гласит легенда, пожелал, чтобы люди на земле разделились на разные национальности и чтобы у каждого народа был свой язык, он поставил на высокой горе волшебный котел и зажег под ним огонь, чтобы сварить языки для вызванных им народов. Послушные финны

последовали призыву своего бога как можно скорее и даже явились так быстро, что Вайнямойнен даже не успел закончить свои приготовления. Обрадованный их необычайной пунктуальностью, Бог сказал им, что, поскольку языковая масса еще не очень хорошо перемешана, Он хочет дать им, этим финнам, Свой собственный божественный язык и что они будут Его первым и избранным народом на Земле. Почтив их этой вестью, он отпустил их домой. Однако языки других народов, пришедших позже, формировались из шипения, шелеста, треска, мерцания и пены языкового варева в котле - сами итальянцы не смогли бы придумать более яркой сатиры на суровые и полные согласных языки германцев и славян.

С Вайнямойненом, своим Мусагетом, которого, однако, они представляют себе не вечно молодым и прекрасным, как греки, а от рождения с седой бородой и белой головой, но также с молодым сердцем, одаренным великой мудростью и поэтическим энтузиазмом, - (очень характерно, это следует отметить здесь мимоходом, что, в то время как эллины представляли себе всех богов молодыми, эти северные народы представляли своих богов старыми и седыми), - с этим Вайнямойненом, говорю я, кроме поэмы "Калевалы", связаны многие другие финские саги и песни, в которых рассказывается, а иногда и описывается подробно и поэтично, как он изобрел и сделал Кантеле, финскую цитру; как он научил музыку птиц, эхо и людей; как он сам пел, как он, тронутый и возбужденный своими собственными мелодиями, плакал слезами, которые падали, как капли росы, с его бороды на колени, а с колен - в море, где они становились настоящими жемчужинами.

Впечатления природы, матери всех существ, к лону которой эти молчаливые народы прижимаются гораздо теснее, чем к героическим, политическим и общительным народам *Юга*, к которым они прячутся от пронсящих над ними бурь, также находят у них свое самое чистое выражение в этих сагах и песнях.

Умы этих одиноких, малочисленных детей Севера сильно привлекает общение с природой, и они привязываются ко всем, даже самым мелким предметам, душой и жизнью, мыслью и языком. Финны, как и их соседи, латыши, с которыми так часто плохо обращаются люди, ищут утешения в задушевных беседах с птицами, рыбами и другими животными, с цветами и деревьями, да, пожалуй, и с реками, озерами и прудами. Из врожденной потребности и желания общения, которое они редко могут удовлетворить из-за своей малонаселенности, они даже заводят поэтическую дружбу со стволами деревьев, камнями и гранитными глыбами, к которым они часто обращаются. Где и по какому случаю они и сегодня слагают свои песни и как передают их по наследству, об этом наиболее достоверно рассказывает сам поэт их Калевалы в своеобразном вступлении, в котором он аллегорически, в очень милой и наивной форме указывает, как он собирал свою сокровищницу легенд:

Отец научил меня многим из них,

когда он порезал себе рукоятку топора:

И мать тоже,

Когда она била по прялке.

Многие я и сам слышал,

даже когда шел по дороге,

или сидя под деревьями,

в вереске или у живой изгороди,

Или посреди зелени,

или гуляя по лугу.

И как пастух я тогда

На холмах, поросших лесом или вереском,

На прекрасных горах, нетронутых,

Много песен также придумал,

Много саг также слышал.

Как и в картинах природы, в финских народных стихах большую роль играет любовь. Любовь к родителям, детям, братьям и сестрам породила одни из самых очаровательных лирических произведений. Чистая, глубокая и проникновенная интимность присутствует в их любовных песнях. Вот, например, один из тысячи примеров: в следующей песне финская женщина выражает свою печаль по поводу разлуки с возлюбленным:

О милый друг, слышишь ли ты.

О, милый друг, слышишь ли ты!

Когда я пою для тебя?

Мы должны расстаться сегодня!

Я должна ждать тебя

Ужасно далеко отсюда!

Я остаюсь с чужими женщинами,

Трудно уезжать вот так.

Больно расставаться,

Больно и уезжать.

Я всегда буду жить с тобой:

Всегда я вижу твои черты

Мечтаю, ем, не переставая!

Смогу ли я получить для тебя мой подарок?

Найдем ли мы друг друга снова?

В долине или у лип?

На берегу или в траве?

В кукурузе, среди цветов?

Или на небесах?

Или у прекрасных отцовских цветов?

Да, там мы находим друг друга,
чтобы жить всегда.

При знакомстве с такими песнями возникает соблазн согласиться с мнением известного знатока и любителя финской поэзии, когда он, полный энтузиазма по поводу своего предмета, утверждает, "что настоящий внутренний накал и сила чувства присущи финнам не на теплом Юге, а на холодном Севере, и что норвежскому литератору все, что он слышит от южных европейских племен, должно казаться холодным по сравнению с подобными произведениями Севера."

Наконец, финны, как и арабские бедуины, являются большими друзьями каламбуров и поэтических тонкостей. Их язык и литература очень богаты пословицами. Один немецкий ученый недавно собрал среди финнов на Чудском озере, близ Дерпта и в нескольких частях Эстляндии, толпу любопытных финских пословиц, и некоторые из них, которые я хочу привести здесь, будут достаточны, чтобы показать проницательность и философский дух этих людей:

"Сначала сеем, потом жнем".

"Если удача плывет с человеком в лодке, ему не нужно смотреть на компас".

"Человек бросает кости, а удача - глаза".

Очень неразговорчивому человеку: "Говори, сынок, губы с тебя все-таки не спадают".

Великим ораторам: "Даже самая высокая гора не может подняться выше своей вершины".

Вместо нашего: "Жемчуг перед свиньями", они говорят: "Дайте ослу розы, он жаждет чертополоха".

"Скупец хотел бы продать сначала мельницу, а потом ветер".

"Тот, кто должен иметь несчастье, разобьет и зеркало, если только сможет в него смотреться".

"Для удачливых горы более плоские, чем для неудачливых долины".

"Не жарьте медведя, пока не свалили его".

"Благовари Бога за солому, если Он отказал тебе в кукурузе".

"Кому не хватает скота, пусть хвалит свою кошку".

"Не прыгай, пока не достигнешь канавы".

"Кто спит в безветрии, тот гребет в бурю".

"Даже самая умная змея никогда не дойдет до того, чтобы ходить прямо".

"Далеко звучит колокол благочестивого, но гораздо дальше - слово лукавого".

"Кто гневается без причины, тот примиряется без самодовольства".

"Мудрый *видит* далеко, но еще дальше он *думает*".

"Время не спрашивает о человеке, если человек не спрашивает о времени".

"Есть ли у мыши время зевать, если она уже во рту у кошки?"

Когда обнаруживается, что народ обладает кладезем жизненной мудрости, из которого приведены лишь некоторые образцы, можно с полным основанием утверждать, что к печальной судьбе его привела не нравственная слабость и недурственность, а лишь отсутствие политического интеллекта и политического здравомыслия.

Каламбуры и загадки, к которым так любят прибегать финны для упражнения ума, также весьма оригинальны.

В ней яйцо обозначается как "бочонок пива", головная капуста - как "маленькая, круглая, морщинистая женщина, у которой голова завернута в сто тряпок". "Отец еще не родился, а сын уже на крыше" означает дым, еще не успевший разгореться. "Маленькая рыжая собачка лает через изгородь из костей" - это злой язык между зубами. "У них нет ног, но они идут на край света" - это облака, небесные скипперы.

Я мог бы лишь вкратце рассказать обо всех этих интересных и характерных вещах, которые до сих пор подробно изучались только двумя финскими народами - широко известными эстенами и финнами в Финляндии.

Однако вполне вероятно, что эти загадки, эти пословицы, эти лирические "Руно", а также вайны, саги и поэмы были распространены далеко на север, вплоть до всех болотных, лесных и заболоченных земель тшеремисов, вотяков, вогуленов и самоедов, а поскольку все это отчасти связано с очень древними языческими мифами, то вполне вероятно, что упомянутые ныне исчезнувшие курши, ливенцы, vessены, мезенцы и другие многочисленные исчезнувшие финские племена, и поэтому, когда я говорил о финском мире, исчезнувшем из-под наших ног, я имел в виду не только разрушенные дома на сваях, рыбацкие хижины и "дымовые камеры", но и, что гораздо важнее, целое царство оригинальных мыслей, их собственные саги, мифы, поэмы, нравы и обычаи, по руинам которых мы сейчас ходим.

Евреи.

В своих древних писаниях и преданиях израильтяне рассказывают нам историю своего происхождения почти следующим образом:

Не прошло и "2 000 лет после сотворения мира" (почти за 2 000 лет до рождения Христа), как за Иорданом, в степях Месопотамии, под властью своего эмира Авраама ("отца множества") жило небольшое кочевое племя, каких бесчисленное множество в Аравии. Поначалу принц-пастух Авраам и его народ не отличались от других аравийских пастушеских народов ни нравами, ни языком, ни физическим типом. На их языке говорили на многих диалектах, ответвлениях так называемого семитского племени, в больших частях Западной Азии, а родственные им народности были распространены по всем странам между Персией, Индийским и Средиземным морями.

Только в отношении своих религиозных взглядов и обычаев Авраам и его народ начали выделяться и отделяться от своих соседей. Он, должно быть, был благочестивым и вдумчивым человеком, обладал глубоким религиозным умом и пророческим духом и тем самым возвысился над своими соотечественниками и современниками. Он признавал единого и невидимого Бога. "Он соединил себя с Ним", отверг многобожие и все физические

изображения Божества. Он также обратил в эту веру членов своего племени и ввел среди них определенные церемонии или своего рода крещение в знак их веры.

Однако изначально это не делало израильтян настолько отдельным народом, скорее просто религиозной сектой среди арабов. Если бы Авраам, как и Мухаммад, героически и победоносно ушел, обратив словом и мечом в свою веру другие языческие народы своей родины, у нас не было бы отдельного народа израильтян. Но ему было достаточно сохранить чистоту монотеистического взгляда на религию среди себя и своего народа и передать искры небес своим потомкам и соплеменникам. В результате они вскоре стали противопоставлять себя другим семитским племенам, отстранились от них, научились горделиво смотреть на них как на не принадлежащих к избранной расе, в свою очередь враждебно относились к ним, а поскольку их, составлявших самостоятельное образование, постигла и отдельная судьба, у них постепенно сформировался свой физический *тип*, свой язык, свои обычаи и особый национальный характер. Потомки и соплеменники Авраама в результате своих религиозных убеждений стали сектой, народом, отличным от всех своих семитских родственников (арабов, финикийцев, халдеев), который *сначала* получил название "евреи" (те, кто пришел с другой стороны), поскольку сначала жил за Иорданом.

Конечно, это был очень медленный и длительный процесс. Еще долгое время после Авраама они жили, по обычаю предков, как племя пастухов в долине Иордана, богатой пастбищами, а затем отправились в Египет как кочевники; там фараоны выделили им отдельный пастбищный участок в земле Гошен на берегу Красного моря. Путешествие евреев в Египет и их четырехсотлетнее пребывание там в значительной степени способствовали, прежде всего, отчуждению этого народа от его арабской родины и кочевых обычаев, которые ему были присущи. Позже, когда Моисей вернул их туда, они уже не чувствовали себя как дома среди бедуинов, даже затосковали по более спокойной и цивилизованной жизни в Египте, а вскоре и вовсе отказались от кочевой жизни, а под предводительством Иисуса Навина заняли южную часть Сирии, землю Ханаанскую. Они разделили ее между собой, смешались с коренными жителями, оставшимися после кровавого завоевания, и посвятили себя земледелию, виноделию, искусствам и ремеслам, которым они частично научились в Египте, частично у ханаанеев, обитавших в этой земле. Моисей, после Авраама, их величайший герой веры, их религиозный реформатор и законодатель, дал им государственные правила, разработанные для новой ситуации, которую он для них предназначил; ядром этих государственных и религиозных законов была старая монотеистическая религиозная философия Авраама, и из нее развилась фиксированная иерархия, с несколькими очень своеобразными принципами.

Почти 400 лет они жили в земле Ханаанской под властью бдительных вождей-воинов, которых обычно называли "рихтерами", и росли в численности, силе и богатстве. Это была первая героическая эпоха народа. Примерно в 1080 году в результате восстания против жрецов они избрали себе царей, которые вскоре, подобно правителям других восточных народов, окружили себя пышностью, неограниченной властью и доспехами. При царях Давиде и Соломоне, почти через 1000 лет после Авраама, народ Израиля достиг вершины могущества и процветания. Тогда они владели значительной частью Сирии и Аравии, на восток до Евфрата и на запад до Египта и побережья Средиземного и Красного морей. На обоих морях у них были свои флоты, и, соперничая с финикийцами, они впервые стали играть важную роль в мировой торговле. Из богатых городов Финикии к ним попадали предметы роскоши и изящных искусств, и с помощью финикийских рабочих Соломон построил свой храм в Иерусалиме, одно из чудес Востока. При Давиде и Соломоне израильтяне прославились и стали известны во всей Западной Азии, а под руководством этих двух

выдающихся правителей, которые были поэтами и мудрецами, даже пробужденными Богом в энтузиазме, их язык и литература раскрыли свое величайшее богатство и классическую чистоту.

Предположительно, дух и характер народа также были на высоте. Однако этот период процветания длился недолго - около 60 или 70 лет. Это время - краткий солнечный свет в жизни этого впоследствии столь несчастного и всегда столь сурового народа. Ведь никогда больше, несмотря на вернувшиеся времена славы и свободы, он не пользовался такой национальной независимостью. Славные времена Давида и Соломона в некотором смысле стали для израильтян потерянным раем, в который они всегда, но тщетно, стремились вернуться, воспоминания о котором постоянно занимали их воображение и возвращение которого, как они верили, должно было стать задачей их вождя Мессии.

Сразу после Соломона царство разделилось на две части - Израильскую и Иудейскую, которые часто вступали друг с другом в кровавые ссоры и гражданские войны и в конце концов один за другим становились добычей своих более могущественных соседей (ассирийской и вавилонской монархий на Евфрате). Несмотря на внутренние разногласия в народе, завоевателям из Ниневии и Вавилона было нелегко покорить этот патриотичный, богобоязненный и жесткий народ. Поэтому после каждой победы они уводили целые поколения и племена этого народа со своей родины и переселяли их в земли по Евфрату и Тигру. К моменту завоевания Навуходоносором Иерусалима (в 585 году до н. э.) некоторые части населения также ушли в Египет и поселились в городах этой страны.

Так началось удивительное рассеяние израильтян, которое впоследствии путем многократных революций распространилось гораздо дальше и в конце концов рассеяло их в качестве беженцев из Палестины по всему миру. Конечно, эти изгнания, или так называемые ассирийские и вавилонские захваты, коснулись только голов народа, патриотов, вождей, самых упорных борцов. Масса мирных крестьян всегда оставалась в стране. Но точно так же, когда около 500 года персидский царь Кир дал им разрешение вернуться на родину и возобновить восстановление храма, значительное число тех, кто был вывезен с родины, также осталось за границей. Национальное и политическое единство всех колен народа, которое было полностью нарушено после Давида и Соломона, не было восстановлено. Поскольку только в Иудейском царстве, но не в Израильском, жители которого (так называемые десять потерянных колен) растворились в остальном населении Востока, произошло своего рода возрождение, евреев отныне стали называть *иудеями*.

Как правило, цари Востока не относились к ушедшим сурово. Их не заставляли менять обычаи своей родины на обычаи страны или поклоняться чужим богам. Красота еврейских женщин и талант мужчин часто приносили им влияние и богатство, и многие из них с удовольствием участвовали в восстановлении храмов во времена Кира, но продолжали считать чужую землю, которая их кормила, своей родиной.

В результате, как я говорю, со времен ассирийского и вавилонского завоеваний масса еврейского народа навсегда осталась в значительной степени рассеянной. На родине долгое время оставалось более или менее сплоченное ядро, которое при благоприятных условиях временами вновь обретало политическую независимость.

Великий коммерческий гений и страстная жажда спекуляции, которые в такой степени характеризуют евреев, вероятно, были присущи им уже тогда, когда они еще вели свою кочевую жизнь пастухов вдоль реки Иордан. Все арабские и семитские племена отличаются этим талантом и страстью, которые они проявляют при каждом благоприятном обстоятельстве. Финикийцы, ближайшие родственники и братья евреев, которых вместе с

евреями также причисляют к "евреям", уже давно развили в себе величайшую склонность к торговле того времени. Но я также считаю, что все народы, когда их насильственно сгоняют с родины и рассеивают за границей, всегда имеют склонность к торговле и спекуляции. На чужбине такие изгнанники уже находят земледелие и землевладение в руках других людей, и им трудно пробивать себе дорогу. Колонии или торговые пункты их соплеменников, которые они знают и которым они отдают должное, и с которыми они поддерживают связь путем переписки или взаимных посещений, представляют большое удобство для получения продуктов из чужих стран и снабжения ими туземцев. Поэтому такие плантаторы, рассеянные среди нескольких народов, *должны*, как я говорю, почти сами стать посредниками в передвижении людей, среди которых они живут. В них должна развиться склонность к торговле. Как и в случае с евреями, мы видим это, например, в случае с армянами, которые, будучи первоначально горными пастухами, после своего рассеяния стали одним из самых замечательных торговых народов Азии и Европы. В качестве примера из недавнего времени можно привести гернхуттеров, которые первоначально были рассеяны в разные стороны только из-за своих религиозных различий, а затем начали очень замечательную торговлю из мест своего миссионерства, и в дополнение к своему религиозному рвению в то же время приобрели большое и выдающееся меркантильное чувство.

Из узких кругов своей малой родины, где они до сих пор были только виноделами, маслоделами и зерноделами, пастухами и скотоводами, священниками и воинами, евреи в чужих краях и на путях мировой торговли были вынуждены обратиться к ремеслам и купечеству, о чем уже говорилось выше. Но и без нового принуждения растущий дух спекуляций привел к дальнейшим добровольным путешествиям, поселениям и основанию торговых постов.

Поэтому неудивительно, что уже во времена великой персидской монархии, несмотря на разрешение Кира вернуться на родину, мы видим, что евреи постоянно селятся во всех городах Мидии и Персии, что мы наблюдаем их колонии уже в восточных провинциях этой огромной империи, - да, что тогда, за 500 лет до рождения Христа, без всякого нового принуждения, они, вероятно, уже захватили Индию, а вскоре после этого и Китай. Нам говорят, что еврейские колонии существовали в Китае задолго до рождения Христа. Уже тогда евреи пользовались большим уважением у китайцев, и некоторые из них, должно быть, дослужились до мандаринов и стахолдеров при императорах Поднебесной.

С европейцами евреи вступили в важный контакт, сначала через македонцев и греков. Само собой разумеется, что задолго до Александра Македонского некоторые евреи попали на европейскую землю. Царь Соломон, должно быть, объединил свой флот с финикийцами и участвовал в их торговых операциях на Западе, а в финикийских колониях в Африке и Испании в то время наверняка были евреи. Вероятно также, что среди 100 народов, с которыми персидские цари Дарий и Ксеркс вторглись в Грецию, были и воины из Ханаана. Все эти появления евреев в Европе отчасти очень туманны в своей истории, отчасти они были очень скоротечны и не имели долгосрочных последствий. Только вторжение македонцев и греков в Азию, уничтожившее, в частности, финикийских купцов, приблизило евреев к нашему континенту - они присоединились к грекам, выучили их язык, как и другие азиаты, и заняли у греков место финикийцев. Вместе с ними они населяли в основном крупный и процветающий торговый центр Египта, Александрию, основанную македонцами, преемницу Тира, где они основали очень большую колонию под властью Птолемея и откуда общались с остальным миром. Оттуда они получили точки соприкосновения через Кирию и северную Африку, где распространились их единоверцы, родственники и друзья по

торговле. Из Египта они отправились в Нубию и Абиссинию, а затем на юг через пустыню Сахара в глубь Африки, где, как говорят, черные еврейские племена существуют и по сей день. Да, мы видим в те времена даже в греческих прибрежных городах Малой Азии ряд процветающих еврейских торговых факторий. Так что можно сказать, что через греков и македонцев евреи, которые уже давно в большом количестве проживали в Азии, были в некотором смысле продвинуты к воротам Европы.

Второй великий европейский народ-завоеватель, римляне, наконец, полностью ввел их на наш континент. При преемниках Александра, кроме разрозненных торговых колоний, на старой родине еще существовало значительное ядро евреев, горожан, землевладельцев, земледельцев, которые временами все еще развивали восхитительный, героический патриотизм, мужество в бою и жажду независимости, и, например, при своих национальных героях, Маккавеях ("молотах войны"), во втором веке до нашей эры временно стали славной, боящейся и уважаемой нацией, временно восстановили славную и уважаемую империю, которая имела много общего с империей Соломона, но в основном управлялась ставленниками и наместниками могущественных соседних империй.

Героические подвиги, которые эти коренные евреи, с героическим рвением сражаясь за свободу и отечество, совершали при всех нападениях извне, бодрость, с которой они приносили всевозможные жертвы, чтобы восстановить свой храм Иеговы при неоднократном разрушении их святого Иерусалима, - несокрушимый дух, с которым они, когда они были внутренне разделены, когда временный разврат и порок брали верх, - когда даже, как это случилось однажды, старые Моисеевы книги и правила были полностью утрачены и забыты, - возрождали себя и восстанавливали храм как внешне, так и внутренне, - необыкновенная энергия, с которой они отказывались принимать римских богов, - страшные битвы, в которых они сражались с легионами самых страшных римских полководцев - Помпея, Красса, Веспасиана, - характер и способ их окончательного падения, последний всплеск их сил против императора Тита, перед верховенством которого они только замаячили ногой за ногу и до последнего человека и дома, - все это постоянно наполняло мир и снова, и снова, восхищение ими, и *должно было* усилить патриотизм, особенно среди их соплеменников, рассеянных по всему миру, в то время как это постоянно бодрило их жалость, всегда возбуждало их общую национальную гордость и вселяло в них возвышенное чувство собственного достоинства, где бы они ни находились.

Разрушение Иерусалима при Тите в 70 г. н. э. и, наконец, после новых восстаний, ужасающие резни и полное уничтожение Палестины при Траяне и Адриане должны были оставить глубокие и незабываемые воспоминания в памяти всех евреев. Последние камни древних храмов были вырваны из своих фундаментов. Священный город был распахан и засажен деревьями. Идол Юпитера был поставлен на место скрижалей закона Иеговы, старая священная Иеросолия была искоренена вплоть до своего названия, заселена новыми поселенцами и названа "Аэлия" в честь императора Аэлия Адриана, к которому "Аэлия" была запрещена даже всем евреям.

Поля, розданные Иисусом Навином израильтянам на 1500 лет Земли Обетованной, были проданы римлянами и попали в чужие руки. Большинство жителей, оставшихся после резни, были взяты на корабли и перевезены на Запад. В самой стране осталась лишь небольшая кучка, которая, несмотря на все свои мечты о восстановлении былой еврейской славы и слабые попытки сделать это, так и не смогла выступить в качестве правящей нации до сегодняшнего дня. Само собой разумеется, что во время этого рассеяния евреев по всему миру, вызванного римлянами, еврейские колонии на всем Востоке получили новый приток. Однако для нас важнее знать, как в результате этого значительно укрепились старые

еврейские поселения в Македонии и Греции, и что теперь евреи вместе с римлянами вошли в некоторые другие страны Европы, Италию, Испанию, Галлию и даже в германскую Рейнскую область, до которых они еще не могли добраться вместе с греками и македонцами.

Язычники-римляне уготовили довольно сносную участь евреям, поселившимся в их провинциях вместе с дер Вуном. Они не преследовали их за веру, по крайней мере, не так настойчиво и до крайности, как это было позднее, например, в христианской [Испании](#)¹. При римлянах несколько евреев достигли известности, заняли должности и получили высокие звания. Еврейский поэт Фукус Аристей стал бессмертным благодаря своим связям с Горацием. Римский губернатор Сицилии был евреем и т. д. Однако это не отменяло того факта, что евреи сливались с римлянами так же мало, как и с другими народами. Их религиозные принципы, их неизменная преданность Богу Авраама и Моисея, их древние обычаи, которых они придерживались при любых обстоятельствах, их особые правила, касающиеся еды и одежды, заставляли их оставаться отдельной кастой даже у римлян, как и везде. -Поэтому уже в глазах римлян, которые часто качали над ними головами, они были своевольными, всегда желающими быть правыми, замкнутыми и неисправимыми людьми, и в этом качестве они, как и в нашем, часто становились объектом насмешек и предметом острот императоров, писателей и народа.

Тем не менее, при той неограниченной гражданской свободе, которой они пользовались при римлянах, евреи, как и многие другие восточные элементы, пересаженные римлянами в их европейские владения, вероятно, со временем были бы потеряны для Европы и смешались с детьми страны, если бы между ними не встало христианство. Христианство, основатель которого родился в утробе еврейского народа, чьи очищенные идеи впервые нашли отклик в сердцах благочестивых людей в Иудее, и чьи заповеди впервые были провозглашены еврейскими апостолами в маленьких еврейских колониях, разбросанных по всему римскому миру - эта новая религия первоначально появилась как раскол среди самих евреев, как искаженный иудаизм. -Повсюду старые мозаики сражались с приверженцами нового учения, с рвением враждующих сект, а вскоре и с ожесточением братьев, столкнувшихся друг с другом как враги. А когда весь цивилизованный мир и, наконец, сами римские императоры приняли новую доктрину, евреи оказались в гораздо более угнетенном положении, чем во времена господства старой языческой религии. -Начались попытки обращения в христианство, а когда они не увенчались успехом, начались жестокие гонения, в результате которых загнанные в угол евреи были рассеяны и разрознены еще больше. Были запрещены браки между иудеями и христианами и введены другие ограничительные положения, благодаря которым всякое смешение иудеев стало совершенно невозможным, так что они оказались еще больше отрезанными от внешнего мира и еще прочнее замкнулись в том положении, в которое сами себя загнали в результате своих внутренних склонностей.

Вскоре после принятия христианства Римская империя погибла под мечом вторгшихся варваров из-за раздоров и внутреннего раскола. Власть над миром была отнята у них. Во многих регионах, таких как Греко-византийская империя, они почти исчезли. Однако повсюду стойкие и упорные евреи цеплялись за новые империи, образовавшиеся из остатков, подобно податливой лозе плюща, трудно поддающейся уничтожению и пускающей множество побегов, за части рушащегося здания. Да, вопреки угнетению и нужде, они даже тут и там пышно разрастались и пускали новые побеги, кровоточа из тысячи ран и оставаясь при этом неповрежденными; рассеянные по всему миру и при этом прикрепленные друг к другу, как скалы; страшно угнетенные и заклеянные как слабый

женский пол, но при этом стойкие, как женщины, на протяжении всех страшных потрясений, связанных с переселением.

Сначала они стали влиятельным и влиятельным народом на Пиренейском полуострове, старой земле-колонии их братьев, финикийцев, которая перешла во владение вестготов. Их численность и престиж возросли в Испании при варварских королях вестготов, которым они были полезны своим широким развитием, обширными связями, гибкостью и сообразительностью и которым они часто помогали в государственной и гражданской жизни. Только когда вестготы перешли от [арианской](#) доктрины к ортодоксальному католицизму, евреи оказались в более угнетенном положении, и тогда, в конце VII века, впервые в Испании они были запрещены, преследовались и самыми суровыми мерами принуждались к явному принятию христианства. Имущество всех евреев в Испании должно было быть конфисковано в пользу королевской казны. Сами они должны были быть распределены в качестве рабов по всей стране; но их дети должны были быть отобраны у них, чтобы быть обученными христианской доктрине.

От этого католического и западно-готского гнета их освободили мавры, которые с 711 года завоевали Испанию - отчасти с помощью евреев. Под властью более терпимых мавританских королей они вскоре распространились по всему Пиренейскому полуострову, увеличивая свою численность и развиваясь. Затем Испания стала убежищем для многих евреев, угнетаемых в других империях в IX и X веках. Там они богатели, имели свои независимые муниципальные учреждения, сами решали гражданские и религиозные споры, нередко были советниками мавританских королей, сражались в арабских войсках и занимались науками вместе с маврами. Многие из так называемых арабских ученых и поэтов были урожденными евреями. Величайший из *арабских* ученых в Испании, знаменитый Аварроэс, и величайшее светило среди испанских *евреев*, высоко оцененный и всемирно известный Маймонид, были современниками и личными друзьями (в середине XII века). Мыслящие евреи до сих пор занимаются трудами, оставленными последним, как мы занимаемся трудами Аристотеля.

Когда новообразованные христианские королевства, Кастилия и Арагон, стали вторгаться в пределы Испании, а мавры постепенно один за другим захватывали захваченные ими территории, а заодно и большое количество еврейских подданных, имевших там большое влияние и имущество, их испанские правители не решились подавлять и репрессировать их на старо-готский манер. Пока в Испании мавританский элемент сосуществовал с христианским, притеснения не привели бы ни к чему иному, как к переходу угнетенных в лагерь соседнего врага. Насколько велико должно было быть число евреев в обеих армиях, лучше всего доказывает тот факт, что когда однажды испанская и мавританская армии столкнулись в субботу, битва была отложена, потому что многочисленные еврейские бойцы в обеих армиях хотели этого.

Как и в случае с маврами, еврейские дела процветали одновременно с христианскими королями полуострова, чьи финансы обычно находились в руках евреев, и которым иногда приходилось решать сложные научные задачи (например, знаменитые астрономические таблицы короля Альфонса Мудрого из Кастилии) с помощью еврейских ученых. Однако, прежде всего, земельная собственность, которой они были наделены, возвысила испанских евреев до патриотов и стойких сынов своей страны. Они даже не были исключены из рыцарских упражнений испанцев и казались равными испанцам по сути, языку и поведению. Чем дальше расширялась территория христианских королей, тем меньше следовало опасаться мавров, а чем больше становилось побед Креста, тем больше все менялось. С увеличением числа иноверных подданных, которых захватывали новые завоевания, страх и

суровость по отношению к ним возрастала. Духовенство требовало их обращения, а когда они сопротивлялись, к концу ^{xiv} века начались кровавые гонения. В таких обстоятельствах евреи в Испании иногда отрекались от своей веры и принимали христианство в большом количестве, чего они почти никогда не делали в других странах, даже в самых суровых условиях: но это можно объяснить тем, что в остальном они были совершенно равны испанцам, и в случае отказа им было что терять на своей благодатной родине. Однако большинство осталось верным вере своих отцов и в Испании, и именно против них король Фердинанд произнес свои страшные крики об изгнании, когда все постепенно пришло в норму - после того как ужасная и жестокая инквизиция пустила глубокие корни - в тот же год, когда в Гранаде было подавлено последнее мавританское государство (1495).

Этот король считал, что не сможет лучше доказать свою благодарность Творцу за победу над маврами, чем заставив евреев отречься от веры своих отцов или изгнав их из Испании. Трижды сто тысяч испанских израильтян покинули страну, в которой они прожили дольше, чем предки короля Фердинанда, и в которой их жизнь была более надежной и светлой, чем где бы то ни было в Европе. Они продавали свои прекрасные владения по бросовым ценам: один продавал свой виноградник за вьючную лошадь, другой - свой дом за дорожный плащ жаждущим денег испанцам. Многие бежали за море, испытывая невыразимые муки, и искали новую родину в Африке, в Италии и на Востоке. Двадцать тысяч семей нашли временное убежище в Португалии. Однако, поскольку португальские короли и духовенство вскоре последовали испанской политике, а также ввели испанскую инквизицию, евреев там также постигли приказы о переходе в другую веру и декреты об изгнании, и вскоре им пришлось снова взять в руки свой тяжелый крест и терновые трости. Несколько евреев, оставшихся в Лиссабоне, приняли крещение. Но и они во время последующих волнений, причиненных им за веру (ведь они тайно передавали иудаизм своим детям и детям детей), рассеялись в Бордо и Байонне, во Франции и особенно в Нидерландах, борющихся со стихиями и тиранами, где в ^{xvi} веке Провидение открыло гавань для всех преследуемых и угнетенных, а затем в Гамбурге и других северных городах.

Эти так называемые португальские евреи, рассеянные на севере и востоке со времен Карла V и Филиппа, которые повсюду сохраняют верность своим испанским нравам и языку, как напоминание о земле своих отцов, составляют особо почитаемую ветвь еврейского народа. Они отличаются от немецких и польских евреев мужественным и прямым характером, а также благородным поведением. Считается, возможно, что когда-то они пользовались независимостью и имели собственную землю под ногами.

В стране к северу от Испании, во Франции, евреи никогда не были так важны, как на Пиренейском полуострове, хотя они жили в тамошних городах еще с римских времен. Лион был одним из их самых важных городов. Их знания, в которых они превосходили христиан того времени, и обширные связи часто делали их очень полезными для первых франкских королей. Карл Великий отправил еврея посланником в Калиф Харун-аль-Рашид. Людовик Благочестивый ради евреев изменил во многих местах Франции рыночный день с субботы на другой день недели. Карл Лысый сделал налогообложение евреев почти равным налогообложению христиан. Но чем больше развивалась феодальная система, чем больше росла власть епископов и церкви, тем больше евреи лишались защиты королей и вынуждены были подчиняться насилию преследующего духовенства. Им противостояло очень иерархичное и влиятельное духовенство Франции, а также сильно мешали случайные мелькания французов. После времен Каролингов гонения на евреев повторялись во всех частях Франции. Не раз короли под влиянием духовенства конфисковывали все имущество евреев, устраивали набеги и грабежи по всему королевству и изгоняли их. Однажды это

сделал Филипп Август в 1182 году, в другой раз - Филипп Красивый, тот же тщеславный и жадный деспот, который в 1306 году приказал жестоко преследовать владык храма. Евреи говорят о гонениях при последнем короле как о самых ужасных, которые им пришлось пережить. Все их синагоги были превращены в христианские часовни. Парижскую синагогу король подарил своему кучеру Жану Трувину. После этого евреи во Франции, хотя и были вновь вспомнены, больше никогда не наслаждались мирным существованием. Само королевство Франция было еще небольшим, и иногда они находили защиту в более или менее независимых странах, прилегающих к Франции. Но время от времени их также изгоняли из одного герцогства в другое. В 1320 году им пришлось пережить великое так называемое пастырское гонение на юге Франции. Вдохновенные пастыри выступили на юге Франции в качестве пророков, подстрекая народ к крестовому походу на землю обетованную. Следуя максиме: "Царство Небесное принадлежит простым", они верили и решили, что Святую землю, которую тщетно пытались завоевать столько королей и императоров, могут отвоевать только простые люди. Они мобилизовали толпу пастухов, крестьян, землепроходцев и бандитов, которые отправились в путь, но не имели даже навыков и средств, достаточных для того, чтобы выбраться из Франции. Поход закончился всеобщим грабежом и частичным истреблением евреев в городах Лангедока и Прованса. Карл VI, тот самый обычно глубокомысленный король, который на знаменитом маскараде в костюме сатира загорелся и оказался в смертельной опасности, в результате чего потерял рассудок, в конце концов сделал пребывание евреев во Франции совершенно невозможным, изгнав их навсегда из Франции в 1394 году.

Только с приобретением немецкой провинции Эльзас при Людовике XIV Франция вновь обрела значительное число евреев. При Генрихе II, в 1550 году, только несколько так называемых португальских евреев были допущены в Байонну и Бордо, и эти, а также несколько других евреев, вернувшихся в страну с тех пор, были, наконец, в результате новых французских политических реформ, и главным образом благодаря помощи их великого покровителя Наполеона, их благодетеля и освободителя, поставлены на равную ногу с другими гражданами и признаны французами.

Английское еврейство почти всегда было ветвью французского еврейства, так как, вероятно, именно из Франции, одновременно с христианством, в Англию пришло несколько первых евреев, а затем, с норманнами при Вильгельме Завоевателе, более значительное число. Вначале они приобрели богатство и процветание среди англичан благодаря своей промышленности и, главным образом, как и везде, благодаря умению обращаться с деньгами, но вскоре они стали настолько презираемы королями и так часто подвергались грабежам, насилию и разорению со стороны народа во времена крестовых походов, что их бизнес пришел в упадок, а общины, испытывавшие трудности, обеднели. Король Эдуард I, великий воин и герой, покоритель Уэльса и Шотландии, в 1290 году внезапно приказал всем несчастным и полностью обездоленным евреям покинуть королевство, предположительно потому, что не считал выгоду, которую он мог извлечь из них, достаточно большой, чтобы противостоять ненависти к евреям со стороны своих христианских подданных и подстрекательствам духовенства. Поэтому шестнадцать тысяч несчастных беженцев покинули зеленый остров на кораблях, не оставив после себя ничего, кроме свидетельств о своих страданиях, некоторых географических названий и надгробий. Так возникли XVI и ^{XVII} века, когда в результате эдиктов об изгнании, изданных королями Испании, Франции и Англии, во всей Западной Европе почти не осталось евреев. Однако Кромвель, в котором многие евреи видели мессию, и его индипенденты, которым удалось добиться религиозной свободы, начали возвращать евреев в Англию, и с тех пор они меньше страдали от

фанатичной ненависти и многочисленных преследований евреев, продолжавшихся в других странах, в стране, которая теперь становится более терпимой, и они с большим успехом работали над своей растущей свободой и равенством с другими гражданами до сегодняшнего дня.

Возможно, ни один народ не был так запятнан кровавыми гонениями на евреев в Средние века, как итальянцы, среди которых был сам Папа Римский, и которые, возможно, именно по этой причине были менее виновны в религиозной нетерпимости и фанатизме, чем более отдаленные народы христианства. Старый римский дух терпимости к евреям никогда не был полностью утрачен в Италии. Ни на Сицилии, пока она не перешла под власть Испании, где евреи хвастались тем, что сделали Палермо процветающим городом, ни в Неаполе, где они жили во всех ландшафтах со времен Римской империи, где у них была знаменитая школа в Бари в средние века, или даже в Риме, где евреи, как и христиане, при избрании нового Папы с великой радостью, распевая гимны, со своими знаменосцами, книжниками и судьями - неся Тору (книгу закона) под мышкой по старому обычаю - шли встречать нового главу церкви и говорили с ним на иврите, а Папа милостиво отвечал им на латыни. Однако это, конечно, не мешало многим папам проявлять милосердие к евреям, иногда изгоняя их целыми толпами, иногда даже сжигая.

В XIII и XIV веках евреи были тесно связаны со всей духовной деятельностью Италии, а Рим, в частности, был местом оживленной жизни еврейской общины, которой редко мешали. В то время евреи в Германии, как и во Франции, получали свои разработки и литературные произведения от итальянских евреев, а евреи, бежавшие из Германии, как и из Франции, часто попадали в Италию. Для изгнанных из Испании Медичи готовили приюты, и в основном благодаря им их Ливорно стал всемирно известным городом морской торговли. Ливорно, как позднее Амстердам, всегда был центром еврейской жизни.

У нас есть самые неоспоримые свидетельства активной и непрерывной жизни евреев в венецианских странах. В Венеции существовало три класса евреев: так называемые "понентини" (западные) из Испании, "левантини" (восточные) и немецкие с севера, причем последние были самыми бедными. Они занимались там денежными делами, но иногда имели и собственные морские суда. Правительство Республики всегда относилось к ним одинаково, эксплуатировало и защищало их - хотя и очень ограниченные - права от инквизиции. Однако город-побратим Генуя был гораздо менее благосклонен к евреям и никогда не пускал их в свои стены в большом количестве.

Впоследствии, как и в других вопросах, Италия превзошла другие страны в прогрессе, достигнутом в деле освобождения евреев. Сегодняшняя *Italia Unita*, однако, позаботится и об этом.

История евреев в Германии, где они еще с римских времен селились в городах на Рейне и Дунае и даже торговали на кораблях по этим рекам, представляет собой очень печальное зрелище. С созданием отдельной Германской империи после Карла Великого они были рассеяны при тех же обстоятельствах и теми же средствами, что и во времена ассирийских царей, а именно гонениями и насильственными перемещениями на север и на восток. В Средние века их то истребляли в том или ином немецком городе, в котором они пустили корни, то здесь или там изгоняли из страны и уводили в плен. Затем они переселялись в более отдаленные местности, а поскольку, в соответствии с переменчивым духом государей и народным голосованием, за эдиктом об изгнании (как при Навуходоносоре) часто следовал отзыв (как при Кире), и всегда, как в случае с Эсрой и его возвращением, часть

оставалась на чужбине, они постепенно чувствовали себя как дома во всех деревушках и районах Германии.

В Германии, как и в других странах, они пережили самое страшное время и самые большие последствия для своего распространения во время крестовых походов, когда вся Центральная Европа, и особенно очень религиозная и очень возбужденная Германия, пылала христианским рвением. Крестоносцы считали, что они должны начать свое внешнее призвание одновременно с работой по внутреннему призванию, против нехристиан на родине. Евреев подозревали (отчасти потому, что они были врагами христиан, отчасти потому, что они были азиатами) в сотрудничестве с Востоком. Их обвиняли в том, что они призвали мавров в Испанию, их обвиняли в том, что они поддерживают отношения с неверными сарацинами, и даже говорили, что впоследствии они заманили в Испанию монголов. Поэтому крестоносцы начали завоевание Иерусалима на Рейне и Дунае, где над бедными детьми Израиля творились такие же зверства, каким подверглись их предки от рук Салманассара, и где отчаявшиеся израильтяне, защищая свои еврейские кварталы, свои синагоги и свою веру, проявили героизм и стойкость, как когда-то Маккавеи, защищая свои священные первоначальные поселения. Со времен крестовых походов кровавые гонения на евреев были в Германии очень частым явлением, и они возвращались так же часто, как грозы и град в течение года.

Важнейшим следствием всех страданий, обрушившихся на евреев Германии во время крестовых походов и продолжавшихся на протяжении XII, XIII и ^{XIV} веков, несомненно, стало постоянное движение немецких евреев на Восток, в славянские страны, в Моравию, Силезию и Польшу, где при изначально очень благоприятных условиях их общины значительно увеличились. Уже раньше, с первыми победами немцев над славянами и с нашествием немецких граждан, евреи проникали и в славянские города. Германия была великой еврейской школой для восточных стран, и этим можно объяснить, что и сейчас почти во всех еврейских колониях Венгрии и Польши немецкий язык преобладает повсеместно.

Но и сама Германия должна была оставаться одной из главных еврейских стран Европы, потому что в нее постоянно поступали поставки с Запада, где, как уже говорилось, инквизиция и могущественные монархи полностью изгнали евреев. В Германии, где ни инквизиция, ни решающая воля наследственного государя не могли сделать так много, где, если их изгоняли из одного места, другое место предоставляло им убежище, евреи не могли быть изгнаны одним росчерком пера, как во Франции, Англии и Испании. Поэтому большая часть евреев христианской Европы до сих пор рассеяна среди немцев и славян. В основном, однако, как уже говорилось, среди последних и предпочтительно во всех обширных провинциях, некогда принадлежавших Царству Польскому.

Почти половина евреев нашего континента живет среди поляков на Висле, Дуне и Днепре, подобно тому как большинство азиатских эмигрантов из Палестины жили на Евфрате и Тигре. Помимо уже упомянутых внешних причин, внутренние обстоятельства поляков и некоторых соседних с ними народов также способствовали тому, что евреи собрались в таком большом количестве. Ни само христианство, ни власть христианской иерархии не праздновали среди этих поздно обращенных народов таких триумфов, как на романском и германском Западе, и антипатия к еврею проистекала там скорее из своеобразных национальных различий, чем из различий в вере. Религиозный фанатизм редко преобладал в Польше. От крестоносцев и коннетаблей евреи в Польше страдали меньше, хотя даже в этом своем раю они не оставались свободными от отдельных преследований и презрения. Социально-политические отношения в Польше были особенно благоприятны для евреев.

Там не было третьего сословия, и промышленные и рабочие евреи смогли в какой-то степени занять свое место. Они становились для поляков купцами, ремесленниками и художниками и повсюду примыкали к ним, как сабо. Очень скоро Польша оказалась в ситуации, которая делала невозможным изгнание евреев, если она не хотела уничтожить себя.

Высшие польские классы образовали своего рода республиканскую дворянскую аристократию. Любой шляхтич мог быть избран королем, и каждый, даже не будучи избранным, жил на свои владения так же независимо, как король, и так же, как испанские монархи когда-то предпочитали делать евреев своими министрами финансов, отчасти потому, что у них были самые тонкие пальцы для решения сложных и запутанных денежных вопросов, отчасти потому, что, будучи иностранцами, они не щадили никаких партий и сословий и были верными сторонниками своего господина перед подданными, польские дворяне всегда поступали так же по тем же причинам и часто решительно защищали своих евреев от своих крестьян, духовенства и правительства.

В Венгрию евреи пришли вместе с христианством из Италии и Германии. Король Людовик Великий однажды хотел снова изгнать их всех. Но в целом они не подвергались там таким систематическим и упорным гонениям и страданиям, как в западноевропейских странах. Во время многочисленных политических бурь в стране они в основном были на стороне восточного элемента жителей. Они храбро сражались на стороне турок, когда турки были изгнаны из Офена. И обычно они присоединялись к мадьярам против немцев.

Совсем иначе обстояло дело с восточными соседями Польши, русскими. На территории нынешней Российской империи евреи тоже когда-то пережили золотой век. В процветающей Хазарской империи на Волге в IX и X веках проникшие в страну евреи настолько возвысились, что даже обратили царя страны в мозаицизм. Из иудейского Хазарского царства на Руси даже в 1000 году к Владимиру, языческому великому князю Руси, явились эмиссары и попытались обратить и его в иудаизм. Но Владимир отверг их предложения, а также предложения явившихся к нему магометанских и католических миссионеров, и объявил себя сторонником греческой церкви, которая затем стала национальной церковью русских. Однако эта древняя греческая церковь всегда была общим врагом евреев, как в Византии, так и в России. Первые сражения русских, ставших греками, произошли с иудейскими хазарами, а затем с поляками, которые были дружелюбны к евреям. Евреи всегда входили в Россию вместе с поляками; насколько они входили в Россию с мечом в руках, настолько они оседали там со своими искусствами и ремеслами. Но настоящие ярые москвиты, перенося свою ненависть к Польше и на связанных с ними евреев, всегда отталкивали последних. Кроме того, дворяне и князья, нуждавшиеся в евреях, никогда не имели в России такой свободы, как в Польше и Германии. Там всегда был неограниченный самодержец, который затем одновременно становился главой церкви. Поэтому монархическое и церковное единство государства должно было стать для евреев таким же пагубным и неудобным, каким оно было в Испании времен Фердинанда и Изабеллы.

Русские казаки, во время своего знаменитого восстания против польского правителя в ^{XVII} веке, преследовали евреев с таким же ожесточением, как и поляки, потому что польские короли назначали евреев сборщиками налогов; кроме того, некоторые русские земли, отнятые в те времена у поляков, были в то же время потеряны для евреев, которые теперь, будучи отброшены в Польшу, еще больше теснились там. В результате ядро Московской земли осталось свободным от евреев, чему, несомненно, способствовало то, что Петр Великий однажды сказал евреям в Амстердаме, а именно, что великороссы были столь же искусны, как и евреи, во всех ремеслах и профессиях, в которых они преуспевали, и поэтому

они не нуждались в евреях так сильно, как поляки, которые в основном занимались сельским хозяйством. Даже те свободы, которые император Александр впоследствии предоставил евреям по всей России, мало способствовали увеличению их численности.

В Южной России, однако, вместе с татарами распространилась весьма своеобразная, хотя, к сожалению, и немногочисленная секта евреев, так называемые "караре" или "караимы". Некий "Анан", должно быть, основал эту секту примерно в середине восьмого века, то есть вскоре после появления Мухаммеда. Они также, по-видимому, распространились по миру одновременно с магометанством и через него, пришли вместе с мусульманами в Египет, Испанию, Турцию и, как уже говорилось, в Россию. На европейской земле они встречаются в значительном количестве только в Константинополе и на юге России, главным образом в Крыму. Эти караимы являются среди евреев тем же, чем протестанты среди христиан. Они отвергают дополнения и традиции Талмуда и, как и протестанты, опираются только на букву и дух Священного Писания. Именно поэтому они обязаны своим названием семитскому слову, которое означает столько же, сколько и "Писание", и от которого происходит арабское слово "Коран" - "караим", что означает "верный Писанию". Следовательно, они свободны от нагромождения тезисов и тайн талмудистов или раввинистических евреев, просты в своей вере и сути. Вероятно, именно это сделало их уважаемыми в глазах магометан и, следовательно, дало им более высокую степень гражданской свободы повсюду. Поэтому, в отличие от других евреев, караимские евреи везде проявляли себя как очень общительные, честные, аккуратные и чистоплотные, они питали отвращение к ростовщичеству и торговле старой одеждой своих собратьев. Лишь в очень редких случаях караимы подвергались телесному наказанию за воровство или мошенничество. Бедных и нищих среди них не встретишь, все они зарабатывают на жизнь честно и достойно. Они до некоторой степени противостоят евреям-талмудистам, как протестанты-ирландцы - католикам, и, кажется, доказывают, что многие неприятные черты, которые мы приписываем евреям как врожденные, стали их собственностью только благодаря их закону и печатному положению, и что их лучше всего устранить или, по крайней мере, смягчить реформами.

За исключением Великой России, ни одна христианская империя в Европе не была так свободна от евреев, как Скандинавия. Некоторые евреи, бежавшие из Германии или приезжавшие туда по торговым или иным делам, конечно, всегда были там. Даже шведские монархи (например, королева Кристина) иногда брали на службу подходящих евреев и использовали их в дипломатических целях. Но реальная история скандинавских евреев начинается только там, где заканчивается история евреев на Западе, в Испании и Португалии. Как Голландия, Англия и Гамбург, *Дания* стала убежищем для беглых португальских евреев, а из Гамбурга они всегда пользовались многими свободами, но всегда оставались немногочисленными. *Швеция* за последнее время приняла лишь несколько евреев в Стокгольме и Гетеборге. *Швейцарию* также следует упомянуть как страну, в которой евреям традиционно не везло. Очень мало евреев и во всех гельветических государствах. Норвегия, однако, до сих пор не осмеливалась пускать туда евреев.

В целом можно сказать, что весь север Европы оказался лишь слегка исследован евреями. Возможно, и они, будучи южным народом, не чувствовали к себе особого влечения.

В Греции, где во времена апостолов появились первые многочисленные еврейские колонии, их осталось совсем немного. "Благочестивые" византийские императоры и греческие патриархи относились к ним так же недружелюбно, как царские папы в России. Новые силы получили там спящую жизнь евреев с возникновением *Османской империи*.

Хотя турки не относились к евреям с большим уважением, чем к христианам, они оставались достаточно независимыми в вопросах, касающихся их общины, при условии, что платили наложенную на них дань и носили голубое платье. Национальная антипатия часто приводила к актам насилия против них, но никогда среди турок ящик Пандоры, страдания и горести, которые в нем содержались, не опустошались и не вытряхивались так полно на евреев, как в остальной Европе во время крестовых походов. Никогда они не подвергались таким страданиям, издевательствам и жестокому обращению со стороны турок, как в Германии, Испании и при византийских императорах. "Вся история Османской империи в Европе, - говорит один еврейский писатель, - по сравнению со средними веками христианства - это цветущий оазис в еврейской памяти". Несколько турецких султанов отдавали предпочтение евреям в государственных делах. Их чиновники на монетном дворе обычно были евреями, как и почти всегда их лекари. Султан Селим назначил еврея герцогом Кикладских островов. А крупные еврейские общины в городах империи были весьма независимы в вопросах внутреннего управления. Полумесяц, который для остальной Европы казался зловещим метеором, над евреями восходил как согревающее солнце. После завоевания турками Константинополя раввины со многих сторон хлынули в крупные города турецкой империи. Они бежали из христианских стран, от испанской инквизиции, от освистывания "Хепп-Хепп" немцев, от пик русских казаков в Турцию, где до сих пор делятся по странам, из которых прибыли, на так называемых "ашкенариев" или немецкоязычных евреев, на испаноязычных, на венгерских, итальянских, польских и древнегреческих евреев. Еврейские типографии появились в Константинополе, Салониках, Дамаске в то время, когда печать была еще запрещена самими турками-магометанами.

Поэтому в борьбе христианства с магометанством евреи обычно оказывались на стороне турок и сарацинов. Например, они стояли вместе с мусульманами на стенах Иерусалима, когда крестоносцы напали на город, и были убиты ими вместе с мусульманами. Также в 1686 году при осаде Офена немцами евреи сражались вместе с турками и страдали вместе с ними. И в *новое время* евреи, скопившиеся в турецких городах, оставались очень отсталыми, если принять во внимание растущее развитие их западных собратьев и то, как они освободились от старых предрассудков, а та часть евреев, которая жила под турецкими пашами в обетованной земле своих отцов, была среди самых несчастных евреев земного шара.

Остальная Европа наконец проснулась от долгой ночи середины века, и ее дух постепенно начал освобождаться от старых ущемляющих уз. Она подорвала власть своих грубых рыцарей и феодальных князей; она воскресила науку и цивилизацию из могил греков и римлян; она переработала государственные правила; она работала над реформой церкви и, наконец, над *эмансипацией евреев* - вопросом, который, однако, был удовлетворительно решен повсюду только после Французской революции. -Нужно было преодолеть величайшие трудности, самые грубые предрассудки, самые глубоко укоренившиеся антипатии, отменить старые законы, уладить самые противоречивые интересы и отказаться от обычаев, существовавших с древних времен. На протяжении веков евреев считали убийцами Спасителя, смертельными врагами христиан - со времен Отцов Церкви, на которых ссылались, их обвиняли в преступлениях, которых они *никогда не совершали*.

Чтобы все могли остерегаться их издалека, их заставляли повсюду носить определенные опознавательные знаки: остроконечные шляпы в Германии и желтые пятна на верхней одежде в Испании и Италии. В других местах они должны были быть с зелеными или синими пятнами. Древнеегипетский тиран (Птоломеус Филопатор) однажды приказал всем евреям выжечь на лбу фигурку из листьев плюща, посвященную Бахусу. Другой восточный деспот однажды приказал всем им поставить клеймо на руке. Еще один приказал всем носить на

шее изображение головы тельца в память о золотом тельце. Только с помощью больших денег евреи могли откупиться от этих позорных знаков. Подобно страшному монгольскому нашествию в ^{xiii} веке, каждое бедствие, постигшее христианство, приписывали евреям и наказывали их так, словно они были в нем виноваты. Со времен крестовых походов почти каждое событие, которое пугало всех или вредило некоторым, эпидемии, пожары и т. д., мстили евреям грабежами и убийствами. Когда на наш континент с Востока хлынула чума, люди кричали, что евреи отравили молоко земли, источники. Из облаток и христианской крови, говорили они, умели готовить страшный эликсир. Если где-нибудь начиналась сильная буря, сопровождавшаяся градом и разрывами туч, говорили, что в это время евреи распяли в своих синагогах восковую фигуру Искупителя, и со страшным криком Хепп-Хепп сброд нападал на еврейские кварталы. Коронация короля или любая другая церемония, на которую собиралось много христиан, обычно сопровождалась "еврейским зрелищем", как будто это тоже было частью христианских праздников. Если даже короли в своих речах, произносимых в парламенте, говорили о евреях как о "порче, народе", через который они считают свою страну оскверненной; то неудивительно, что за пределами парламента и резиденций королей такие люди, как печально известный рыцарь Риндфлейш в 1290 году, восставали и, заявляя, что они посланы Богом очистить землю от чумы этих врагов христианства, во главе свирепых полчищ разграбляли страны, убивали евреев, как диких животных, и сжигали их на рынках в больших кучах.

Отвратительные преступления совершали при этом те, кто называл себя христианами. Однако дух сынов Израиля воспламенился к волнующим, восхитительным и героическим поступкам: они приставили нож к их горлу и крикнули им: "Откажись от своей веры, еврей, или умри!" Они воскликнули: "Услышь нас, Бог Израилев!" и умирали как благочестивые мученики. Чтобы спасти свою веру, они часто отдавали себя на смерть. Отцы бросали своих дочерей, и те испускали последний вздох, вздыхая: "Молодец, отец!" "Таких людей, презирающих смерть, - восклицал один христианский историк того времени, - по праву можно сравнить с самыми прославленными героями истории".

Из христианских школ евреи, разумеется, как правило, исключались. Точно так же, начиная с крестовых походов, для них были закрыты гильдии, они были лишены всех должностей, всех почетных мест в государстве и почти всех достойных профессий. Они уже почти не принадлежали к обществу. Среди горожан они жили как изгои, как изгнанники. Почти ни в одной стране им не разрешалось владеть недвижимостью, а движимое имущество оставлялось им лишь на время, чтобы со временем быть украденным. В большинстве стран у евреев не было другой собственности, кроме *участка*, на котором они хоронили своих умерших, - *места их захоронения*. К жестокости они добавляли жесточайшее презрение и насмешки. Повсюду существовали старые злоупотребления, которые свято соблюдались как законы, чтобы унижить евреев. В имперском городе Вормсе в Германии было принято, что каждый год в определенные дни несколько евреев запрягали, как мулов, в конную ветряную мельницу, погонщики били их кнутом и заставляли двигать машину, пока не будет перемолото восемь бушелей пшеницы; христианские власти пекли лепешки, чтобы их ели в это время, а также пировали с вином. В городе Тулуза во Франции долгое время существовал обычай, согласно которому в определенные христианские праздники синдик евреев должен был появляться на рыночной площади, чтобы получить торжественное отдавание ушей. И этот обычай часто соблюдался с таким варварством, что однажды во время такой церемонии капеллан христиан избил до полусмерти высшего магистрата евреев. Тем не менее, благочестивые евреи в большом количестве присутствовали на таких церемониях, чтобы, как мученики, разделить это оскорбление, которое они считали честью.

Этих забитых, ненавистных, опозоренных евреев, как овец, повсюду загоняли в узкие, мрачные кварталы города, отделенные от христиан, которые в Германии назывались "еврейскими улицами", в Италии - "*гетти*", в Испании - "*юдериями*" и которые закрывались решетками и цепями по христианским воскресеньям и праздникам и каждый вечер. Как скот на убой, евреи должны были платить пошлину за голову у ворот каждого христианского места, унижительную пошлину, которая существует здесь и там, даже в Германии, наряду со многими другими угнетающими злоупотреблениями, вплоть до сегодняшнего дня. В этих *гетти*, в еврейских кварталах, где они жили только между собой, женились только между собой, где они были замкнуты со своими постоянно тревожными семьями и где они возносили к небу общие и безмолвные молитвы об отмщении, евреи, конечно, должны были стать такими, какими они стали; они должны были одурманить и онеметь. Эгоизм, жесткость, ненависть к христианам и людям должны были овладеть ими. "Тяжелая изоляция, а также большой самоанализ, - пишет один немецкий писатель, - похоже, являются основной характеристикой евреев в целом. Их никогда не увидишь веселыми и раскованными, наслаждающимися радостями жизни или распространяющими их вокруг себя. Они никогда не черпают сладких слов из фантазий, не сочиняют искусных стихов, резвясь, не предаются танцам и веселым играм. В них можно найти только здравый смысл. Глубокая серьезность, мрачная тревога охватывает все их существо". *Возможно, это очень верно, сэр, но, конечно, очень естественно!* Ведь если это не было так с восточными евреями с незапамятных времен, то как могло быть иначе с евреями Средних веков! Раз они не могли наслаждаться отношениями со своими собратьями, раз они не могли быть на равных ни с кем, даже с самым низким классом христиан, раз они были, так сказать, изгоями Европы, то неужели они не могли стать ничем иным, кроме как печальными и узколобыми?

Сам *иудаизм* и его заповеди должны были стать главным предметом изучения, в который они погружались, о котором постоянно рассуждали, из чьих источников черпали духовную пищу. Именно поэтому многие ученые раввины и ученики раввинов занимались столькими удивительно бесполезными науками, из которых получались такие великие словесники и проникательные толкователи. Великие свободомыслящие люди, преуспевшие либо в интеллекте, либо в искусстве, не могли, как легко понять, развиться из этих *гетти*, сколько бы талантов ни дремало в них, ни умирало, ни уничтожалось каждый год. Поскольку сотня других способов для христианина сделать себя достойным или знаменитым была для них закрыта, им приходилось заниматься *единственным, что* у них оставалось, чего христианам делать не *разрешалось*, - самыми низкими и мерзкими ремеслами, обменом денег, ростовщичеством и многими другими перекрестками и путями, которые сулили прибыль и растягивали их жизнь. Вынужденные необходимостью, они должны были стать или остаться лоточниками, торговцами старой одеждой и мусорщиками континента.

Поскольку их заставляли терпеть презрение и унижение, они привыкли подчиняться им беспрекословно и не могли не стать нечувствительными к требованиям чести. Поскольку им приходилось повсюду отступать перед силой, поскольку еще детьми они видели, как их отцы прячут все, что им принадлежало, и ищут убежища для себя, эти потомки героических Маккавеев тоже стали боязливыми и трусливыми, поджатыми и ползучими. Они приобрели все те таланты, которыми слабые и подчиненные могут только защищаться или мстить, - хитроумный обман, коварное красноречие, осторожный и проникательный ум, а также свойственные им сарказм и сатирическое чутье, что позволило им весьма пикантно проявить себя в области литературы и искусства. В результате вполне естественно, что евреи, если они были такими с самого начала, не могли *стать* никем иным, кроме как теми, кем они являются.

Удивительно, что перед лицом нечеловеческого давления, которое они испытывали на протяжении веков, они не стали жертвой полной безрелигиозности, одичания и безнравственности. Но так сильно был запечатлен в этом народе древний благородный закон Авраама и Моисея, что он никогда не терял благочестивого чувства, веры в искупление, в своего Бога, как в Египте и Вавилоне, так и в тысячелетнем мученичестве на Рейне и на Вейхзеле. -Почти все народы земли со времен Авраама меняли свою религию один или несколько раз; многие становились христианами или магометанами; целые великие и великолепные религиозные системы, такие как огнепоклонники, греки и римляне, появлялись и исчезали в сознании человечества в течение этого времени. Одна лишь *вера иудеев* пережила неисчислимые разрушения, конвульсии и катастрофы неизменной и невреждаемой, подобно пирамидам Египта. И столь же несокрушимыми среди них остались древние патриархальные нравы, переданные им теми одаренными, которые лично общались с Богом и ангелами. Родительская любовь, сыновняя почтительность, целомудрие и чистота половых отношений, тесные семейные узы, милосердие и отзывчивость - вот множество достойных похвалы качеств, которые евреи сумели сохранить при любых обстоятельствах. Где бы они ни путешествовали, куда бы ни приводила их судьба, они удивительным образом сохраняли все то, что характеризовало их тело и дух.

Я говорю: "и то, что характеризовало их телом", потому что нельзя не поразиться еврейским физиономиям, которые египетские художники изображали на своих памятниках за много веков до рождения Христа и которые по форме, выражению лица и всем деталям прекрасно напоминают тех евреев, которых мы видим вокруг себя каждый день. Можно сравнить евреев в их древних *гетто*, обнесенных стенами, с принцессами из наших историй. В этих укрытиях они цвели как розы, как в лесу всевозможных кустарников и сорняков. Как по волшебству, рыцари нового времени, поборники еврейской эмансипации, сначала голландцы и англичане, с которых началось освобождение европейцев от мучительных политических уз, потом Фридрих II и Иосиф Добрый, потом Французская революция и Наполеон, освободительно вошли в эти укрытия, повлияли на дух евреев, заставили тишину и серость уступить место жизни и живому участию в происходящем вокруг них. Так возник новорожденный, несокрушимый Израиль, и среди них развились таланты и силы, чья невообразимая мощь сегодня, кажется, переполняет нас. И сейчас, когда эта работа уже достигла больших успехов во всех странах, можно назвать лишь несколько отраслей человеческого знания, в которых этот замечательный народ не проявил выдающихся способностей.

Философским наукам они дали таких людей, как великий амстердамский мыслитель Спиноза и берлинский философ Мендельсон, чьи бессмертные имена упоминаются наряду с именами Декарта и Канта. Математические науки получили от них множество ярких и пронизательных умов, а в качестве правоведов среди них блистали Ассер в Нидерландах, Кремье во Франции и многие в Германии. Доктрины всегда были достоянием евреев, и можно было бы составить бесконечный список, если бы мы захотели перечислить все их эскулапы старых и новых времен. Израильянин Блок хорошо известен как натуралист. Фридлиндер - фамилия израильской семьи, многие члены которой прославились как врачи, философы и писатели. Когда речь шла о государственных деятелях и дипломатах, евреи всегда проявляли большие способности, когда в них возникала необходимость. Даже когда их сильно притесняли, как на Востоке, так и на Западе, некоторые евреи из царских кабинетов всегда управляли судьбами народов и регулировали их отношения. Древняя история дает нам множество свидетельств о еврейских великих визирях, которые, подобно Иосифу в Египте, были правой рукой могущественных правителей. В наше время, с тех пор как наступила эмансипация, мы видим, что кафедры, президентские кресла наших

парламентов, да, даже министерские кресла в Англии, как и во Франции и Германии, занимают красноречивые, умелые, благоразумные, патриотичные потомки колена Израилева.

Как и перо, они с усердием и пользой брались за лиру, и нам достаточно вспомнить, что поэт Михаэль Беер в Берлине, Генрих Гейне, композиторы Мейербер и Мошелес, умевшие трогать сердца людей, были из этого колена, чтобы убедиться в таланте, с которым они умели служить Музам. Особенно музыка была, со времен старого царского арфиста, одним из искусств, которое евреи страстно любили; и теперь, с тех пор как их оркестры ослабли, буквально не найти инструмента, на котором израильтяне не восхищались бы нас, как когда-то Давид Саула.

Евреи, как и все жители Востока, были менее успешны в *изобразительном искусстве*. В Германии было время, и это было не так давно, когда евреи предпочитали заниматься только одним видом *изобразительного искусства* - гравировкой. Они почти не выпускали живописцев и скульпторов, но новые времена изменили и это. Среди прочих достаточно вспомнить Бендемана, чьи "Скорбящие евреи" и другие работы широко известны. Евреи также успешно вышли на сцену, и из распахнутых ворот еврейских кварталов немецких городов вышли некоторые актеры и актрисы, наиболее почитаемые в последнее время во Франции и Германии, например, Рахель, Дависон.

Какие будущие счастливые таланты и дары, распространяющие радость, могут расцвести в этих кварталах, богатых гением и духом, невозможно определить. Некоторые народы Европы, так сказать, только начали стряхивать с себя старые узы, в которых их предки побеждали евреев; чтобы избавиться от глубокой тьмы, в которой они были оставлены томиться.

Было бы слишком далеко заходить, чтобы пытаться указать степень освобождения и прогресс так называемой эмансипации евреев, другими словами, юридические положения, с помощью которых они будут допущены к осуществлению гражданских прав и обязанностей, к участию в общем законе и к обладанию отечеством, в *каждой* стране. Оглядываясь на то немногое, что было сказано выше, и рассматривая те положительные результаты, которых уже достигла эта работа нового времени здесь и там, мы можем надеяться, что постепенно она повсюду добьется успеха в разрешении этого трудного вопроса в интересах как христиан, так и евреев. В любом случае, однако, ничто так не способно наполнить нас любовью к нашей великодушной новой эре, поставившей перед собой задачу освободить евреев и других слуг наряду с ними из вавилонского рабства, как взгляд назад, на позорное и жестокое угнетение, которое евреям пришлось пережить в суровое Средневековье, до сих пор вызывающее восхищение у многих.

1 Однако некоторые восстания и гонения на евреев происходили и при римлянах.

2 Арианская доктрина или арианство (возникла в IV веке) отрицала божественность Иисуса.

VERT

Армяне.

Армяне, в результате или, по крайней мере, *в значительной степени* в результате импульса, данного им турками, рассеялись до самой Европы и поселились во многих частях нашего континента, как и евреи, так, что они, вероятно, переживут падение Османской империи.

Армянская родина в Азии, к югу от Кавказа, - это высокогорная страна, полная прекрасных лугов, сгруппировавшаяся вокруг священной горы Ноева ковчега - Арарата. Происхождение этого народа теряется в седой древности, но сообщения о раннем расцвете, могуществе и независимости основанной им империи очень мифичны и сказочны. История почти никогда не показывает нам их иначе, как зависимыми и раздробленными. Сами они называют себя "хайк", по имени своего предка, который, подобно Аврааму, ушел с равнин Месопотамии в горы и, как говорят, подготовил там колыбель для своего народа. Бесчисленное количество раз, вплоть до сегодняшнего дня, их земля была покорена и разделена соседними завоевателями.

С уверенностью можно сказать, что мы знаем только об одном периоде великого армянского национального могущества и процветания. "Тигран Великий", армянский правитель времен Помпея, подчинил себе значительную часть Западной Азии. С тех пор как этот великий Тигран был завоеван римлянами, Армения почти всегда, хотя иногда независимые и коренные регентские семьи все же действовали с ними в течение коротких периодов, была игрушкой соседних держав, ареной азиатских выступлений и войн, и вскоре полностью или частично переходила под контроль византийских, египетских или персидских сатрапов, арабских или турецких пуштунов и русских губернаторов. Как и евреи, армяне были либо изгнаны из страны тем или иным правителем, либо взяты в плен, либо отправлены в отдаленные провинции для колонизации. Эта печальная судьба, а также бедность их собственных гор, которые они часто покидали добровольно, подобно нашим альпийским народам, несомненно, сделали их теми, кем они стали, - повсеместно распространившимся, повсеместно спекулирующим торговым народом, подобно евреям.

Уже в ранние времена они торговали с Вавилоном, куда привозили продукты из своих горных долин вдоль Евфрата, который поднимается рядом с ними.

Чем больше они теряли свою независимость и воинственный характер, тем более торговыми они становились, так что в конце концов они распространились по всей Азии в качестве торговых комиссаров. На ранней стадии они достигли Хиндостана, откуда в средние века на Запад поставлялись и распространялись ремень, шелк, драгоценные камни, пряности и другие ценные товары. В этих отраслях восточной торговли они были и остаются, в определенном смысле, конкурентами сначала евреев и арабов, а затем другого народа, таджиков или бухаров, о которых уже неоднократно упоминалось и которые находятся еще дальше на востоке. Позже дух торговли привел их даже на восток, в Китай, и на юг, к истокам Нила, где история показывает нам временами влиятельных армян в Абиссинии.

Даже в самой Европе эти азиатские рыцари-промышленники, должно быть, совершали ранние визиты; некоторые из них могли быть у древних финикийцев, греков и римлян. Начиная с VIII ^{века}, византийские императоры перевезли в Европу многих армян, изгнанных из своей страны, которые уже рано стали ревностными последователями христианства, и обосновались во фракийских и греческих городах. В средние века, во времена крестовых походов, венецианцы и генуэзцы, вероятно, также познакомились с ними и привезли их на свои европейские рынки.

Однако в основном и в большем количестве они пришли к нам только после завоеваний поляков, русских и турок на Востоке, и с тех пор они поселились в различных северных и западных европейских пунктах. Одна из первых известных нам постоянных армянских общин образовалась в Лемберге в Галлии в середине ^{xiii} века, где галльские князья даже предоставили им собственный магистрат, и где они и сегодня находятся под управлением отдельного епископа. Оттуда они распространились небольшими обществами или факториями по всей Польше. Хотя там они забыли свой армянский язык и хотя там их церковь присоединилась к католической, их все еще можно узнать повсюду по их особым восточным чертам и телосложению, а также по их старому спекулятивному чувству.

В Польше, как и в своих азиатских горных странах, они занимаются главным образом торговлей скотом, доставляя свои стада крупного рогатого скота и лошадей из Подолии и Украины в Варшаву, Краков и Бреслау в Германии, а также контролируют значительную часть торговли турецкими и персидскими товарами в этих странах, , для чего им приходилось много ездить от границ Германии в Персию и вглубь Востока.

Турки, которые в конце ^{xv} века отняли у персов почти всю Армению, вернули народ в большом количестве в Константинополь, где с тех пор армяне были одними из самых важных и предприимчивых купцов наряду с евреями, итальянцами и греками - теперь их можно встретить также в качестве разносчиков, клерков, сборщиков налогов и на самых разнообразных должностях во всех городах европейской Турции, в которых они играют третью роль наряду с греками и османами.

В основном они являются банкирами пуштунов, и можно сказать, что почти все доходы турецких провинций проходят через их руки. Они кредитуют правительство своих пуштунов в Константинополе, но затем также посылают своих агентов в провинции, чтобы те следили за сбором налогов. Торговля драгоценными камнями и жемчугом в Турции почти полностью находится в их руках; они - главные ювелиры и менялы турецкой столицы.

С турецко-греческого полуострова они вместе с турками перешли в дунайские княжества Молдавию и Валахию. В Зевенбургене у них есть свой город, называемый "Арменополис", в котором живут 400 армянских семей, торгующих рогатым скотом и промышленными товарами. В Венгрии весь город Нойзац населен почти исключительно армянами, а на равнинах между Дунаем и Тейсом они обычно арендуют большие имперские пюстены, или луга, для устройства конных заводов и торговли лошадьми, как во времена древних персидских царей в горном районе их родины на Арарате. Повсюду в Венгрии, как и в Польше, они являются крупнейшими арендаторами, заводчиками и торговцами скотом. Благодаря этому они часто становились богатыми и знатными и иногда входили в состав дворянства Венгрии, Валахии, Молдавии и Буковины. Среди польской знати также иногда встречаются семьи армянского происхождения, как когда-то среди испанской знати было много семей еврейского происхождения.

В связи с турками растущее могущество русских больше всего способствовало распространению трудолюбивых армян. Уже при татарах они поселились в Астрахани на Волге. Когда русские завоевали этот город в середине ^{xvi} века, армяне, как и букары, стали связывать торговлю между Россией и Востоком, в частности Персией. Особенно ими заинтересовался Петр Великий, который в конце ^{xvii} века предоставил им множество привилегий для торговли в России и через нее. Поскольку сами персы не очень охотно покидали свою родину и еще менее охотно отправлялись в грандиозные путешествия по северным странам, армяне стали их управляющими как в Европе, так и в Азии. Теперь они в большом количестве поселились не только в Астрахани, но и в других южнорусских городах,

и постепенно взяли на себя большую часть персидской торговли на Каспийском море; здесь они имеют свои конторы в обеих частях света, с одной стороны далеко в Иран, с другой стороны так же далеко в Россию.

Когда цари постепенно установили в этих краях твердый порядок и стали поднимать свои знамена над христианами Востока, армяне также не раз, будучи загнанными в угол в войнах между турками и персами, целыми толпами укрывались в России. В 80-х годах XIX века не менее 15 000 армян во главе со своим архиепископом Аргутинским Долгоруким бежали через Кавказ в Европу. Екатерина II выделила им несколько поселений, откуда они распространились дальше. Среди прочих, в болотах и степях Дона они основали немаловажный и известный город Нахичевань, откуда распространили виноградарство и шелководство по всей Южной России. В Астрахани, городе в устье Волги, армяне к концу XVIII ^{века} уже владели почти всеми фабриками и промышленными заведениями. Теперь они продвинули свои фабрики и небольшие колонии до Москвы и до Балтийского моря в Петербурге.

После того как Россия пересекла Кавказ, значительная часть древней Армении, включая саму священную гору Арарат, древнюю столицу Эриван и знаменитый монастырь Эдшмиадзин, резиденцию главы армянской церкви, попала в зависимость от этой европейской державы, и для этого азиатского народа открылось множество новых дорог и ворот в Европу. Теперь их часто можно видеть, иногда даже в качестве офицеров, в русской армии, они также вошли в состав русского дворянства, и некоторые из самых известных нам имен русских вельмож - я упомяну только знаменитую семью графов Лазаревых - имеют армянское происхождение.

В Западной Европе этот своеобразный восточный купеческий народ также распространился в более поздние времена. Конечно, они не пропали с мирового рынка в Лондоне. Их можно встретить в Амстердаме и Марселе, а также в имперском городе Вене. В лагунах Венеции, на маленьком острове Сан-Лазаро, который сенат подарил в 1717 году коммуне, основанной армянским реформатором Мечитаром и изгнанной турками из Мореи, они построили монастырь, известный своей литературной деятельностью, армянскую типографию и учебное заведение, "монастырь мечитаристов Св. Лазаро", откуда в течение полутора веков снабжались книгами и грамотными миссионерами и священниками все армянские колонии Европы и сама азиатская родина.

Подобные армянские типографии и учебные заведения существовали также в Марселе, Риме, Амстердаме, Ливорно, Москве и в других местах. Несмотря на свою печальную национальную судьбу, армяне всегда были очень прилежными исследователями и везде сохраняли живой интерес к литературе своей родины и религии. После обращения в христианство и переложения Библии на свой язык уже во "веке после Рождества Христова, они создали множество богословов и летописцев, а их историки превозносятся выше всех историков Востока как критики и люди со вкусом. Их литература - богатый источник для истории народов Передней Азии, с которой армяне всегда были тесно связаны.

Язык, на котором они писали, богат и цивилизован, но, как и их горная родина, чрезвычайно суров, полон нагромождений неловких согласных и почти неслыханных звукосочетаний. И в этом армяне составляют разительный контраст со своими соседями, османами. Они, мягкий и податливый торговый народ, обладают твердым и грубым органом и языком. С другой стороны, турки, воинственный народ, обладают чрезвычайно мягким, мелодичным и звучным языком, акценты которого сравнивают с журчанием воды. Из-за большого сходства с сирийским и древнефригийским языками армян причисляли к семитским племенам вместе

с евреями и арабами. Однако многие ученые не решались причислять их именно к семитам или какой-либо другой большой группе. А немецкий лингвист Аделунг считал, что может утверждать, что армянский народ и его язык, в котором так много идиосинкразий, не встречающихся больше нигде, являются самостоятельной нацией и диалектом, и что они совершенно отделены. Только в более поздние времена было решено, что армяне вместе со своими соседями, персами и курдами, а также славянами и германцами, образуют ветвь большого индогерманского племени. В их языке вновь сохранились наиболее существенные элементы и черты этого великого племени, хотя за последние четыре столетия в результате постоянных контактов народа с турками и арабами не только появилось множество турецких и арабских слов, но даже вся армянская структура предложений изменилась по законам лингвистов обоих народов.

Если принять индогерманское происхождение армян, то замечания, которые можно сделать по поводу их внешнего облика, вполне соответствуют. Армяне - хорошо сложенный народ, с очень правильными и полными чертами лица, с темными волосами и черными глазами, красивого, белого кавказского оттенка, и имеют самое близкое сходство с персами, истинными братьями индогерманского народа, среди всех восточных народов.

Поразительно, насколько все армяне похожи друг на друга, и что почти все среди них так красивы и так хорошо сделаны, как будто все они из одной семьи. Однако многое в их внешности и манерах, и даже в их законах и обычаях напоминает евреев. Например, они переняли некоторые иудейские обряды, такие как иудейские обычаи забоя скота, пост, а также Моисеевы представления о чистой и нечистой пище. Возможно, это указывает на раннюю историческую и этническую связь между двумя народами. Но, возможно, армяне также переняли все это сначала с христианством, а затем и с Библией, которая стала им известна. Считается, что знаменитая царская семья Багратидов, правившая Арменией в IX-X веках, была еврейского происхождения. Армяне, как и евреи, и в этом они, как и другие восточные народы, сильно отличаются от индогерманцев - у них нет сословий, нет сословной принадлежности, нет дворянства, нет подчинения или крепостного права. Их общины имеют очень демократичное правительство, в то время как у них, как и у евреев, велика патриархальная власть. Семейные узы у них так же сильны, как и у евреев. Пока живы главы семьи, отец и мать, вся семья всегда остается единым целым, и все ее члены беспрекословно подчиняются главе без всякого раздела имущества. На их родине нередко 80-летний патриарх имеет три семьи, живущие вместе и ведущие хозяйство, четыре-пять женатых зятьев и дочерей в возрасте 50-60 лет, внуков в возрасте 30 лет и их детей, правнуков. Как и евреи, армяне чтут общие узы религии. Эта связь для них сильнее, чем язык, происхождение и все остальные признаки национальности. Их часто называли христианскими евреями. Именно поэтому армяне предпочитают называться "католиками" по религии, а не "армянами" по национальности. Только те, кто остался верен древней армянской церкви, любят называть себя армянами, но не потому, что они принадлежат к армянскому народу, а потому, что они принадлежат к христианско-армянской церкви, которой они обязаны своей цивилизацией и всем существованием своей национальности.

Нигде в Европе армяне не погружены в большее несчастье, чем во многих местах евреи, с которыми их судьба в остальном очень похожа. Почти везде их можно встретить как состоятельных, часто богатых и влиятельных граждан. Отчасти это объясняется тем, что, будучи старыми христианами, эти высокоинтеллектуальные люди, хорошо подготовленные к ведению своего дела, никогда не встречали такой тяжелой участи, как евреи, а отчасти и тем, что, в отличие от евреев, они никогда не посвящали себя исключительно розничной торговле. Они также охотно занимались сельским хозяйством в тех или иных местах, а кое-где становились очень хорошими художниками и промышленниками.

Везде они проявляют себя как спокойные и серьезные, упорные, неутомимые и неустанные люди, любящие только зарабатывать деньги. Умеренные в еде и питье, они не любят показухи и публичных развлечений. Лучше всего они чувствуют себя, когда могут подсчитать свою прибыль, запершись в своих обычно очень чистых и тщательно отделанных домах. Не воинственные, но боязливые по натуре, они отстраняются от всех ссор, беспорядков и волнений и, довольствуясь ведением своего дела, проявляют себя верными подданными. В них нет ничего, кроме жажды завоеваний и мыслей о национальной независимости, нет жажды большого бизнеса, нет энтузиазма *чести*! Пока их дело идет хорошо, они - самые покорные люди в мире. Именно поэтому турецкие улемы называют их "*жемчужинами неверных*".

Общее число армян, проживающих в Европе, составит почти миллион человек. В Азии их, вероятно, будет вдвое больше. Но этот рассеянный народ среди нас, европейцев, был бы гораздо важнее, если бы мы могли оценить капитал и ценности, которые они приносят в оборот вместе с нами.

Цыгане.

Дикие кочевые орды из Азии, которые так часто повторяли свои вторжения в Европу с мечом в кулаке, все они (за исключением мадьяр, которые были завоеваны цивилизацией) погибли от меча вместе с нами. После того как европейцы сломили их власть, они не беспокоили их в дальнейшем. Ни одно войско, оставившее орды Аттилы или Чингиз-Чана, не рассеялось по лесам и равнинам нашего континента, где они пытались удержаться, как стойкие чумы народов. Они не пытались навсегда остаться на землях, которые не смогли захватить, как племена храбрых всадников, как ползучие банды разбойников. Они появлялись перед нами, как гроза, и исчезали, как туман.

Но зачастую легче защититься от львов, чем остановить распространение мелких бедствий. То, чего воинственные и хищные всадники и пастухи не смогли, согласно своей природе, достичь в Европе, где они не смогли превратить все горы и города в пастбища, достигло племя, которое было отнюдь не героическим, отнюдь не более многочисленным и не более сильным благодаря единству - цыгане.

Между этими странными существами и европейцами вряд ли можно найти какие-либо следы родства, и тем не менее они обвилились вокруг всех народов нашего континента, как сорное растение, которое взбирается на дуб и обвивает все его ветви. Невосприимчивые к развитию, они охотно и с каким-то пристрастием присоединились к цивилизованным существам Земли, и все наши города, алтари и очаги Муз, порхали вокруг света, как ночные совы. Загорелые, полуголые дети Юга, они проникли даже в самые северные края нашего континента и, даже в холодных странах москвичей и финнов, с трудом научились прикрывать свою наготу. Никого не приглашая, как мадьяры императора Арнульфа или как турки византийских императоров, они, тем не менее, вторгались повсюду как незваные гости. Без храбрых вождей, без оружия, сторонясь всякого насилия, пугливые, как лесные птицы, они держались повсюду в небольших диких местах, которые они находили среди наших полей и в которых искали убежища. И все же среди всех этих особенностей не последнюю роль играет то, что цыгане не жили здесь долгое время, но что они, эти беззаконные люди, проникли на наш континент только тогда, когда он начал подниматься от своего грубого состояния середины века к вершинам современного государственного регулирования. В беспорядочном и лишенном полиции средневековье для них было бы гораздо больше места

у нас. И не было недостатка в таких соблазнах переселиться из Азии, как тот, что изгнал их примерно в конце ^{xiv}- начале ^{xv} века.

Говорят, и это *наиболее вероятная* из многочисленных гипотез о начале миграции загадочных цыган, что страшные монгольские нашествия на Индостан при Тимуре и его преемниках так сильно ударили по стране, что многие представители самых угнетенных и страдающих классов индийского народа в плаче отказались от жизни и двинулись на запад, в мир. Язык, на котором цыгане приехали в Европу, цвет их кожи и телосложение, их склонности и любимые занятия, их отпечаток презрения к морали - все это приводит нас в Индостан, главным образом к его низшим кастам, так же как их появление в Европе указывает на события, взбудоражившие все человечество в то время. Многие выражения, обозначающие самые простые вещи, названия конечностей человеческого тела, деление времени почти полностью совпадают в хиндустани (санскрит) и в цыганском языке. Что касается их телосложения, то они кажутся, так сказать, взятыми из ребер индуса. У них круглые черты лица, изогнутый нос, темные глаза, цвет волос и кожи индийских народов. Их костная структура, как и у индусов, изящна и тонка. Перед лицом трудностей они особенно выносливы, хотя и не могут похвастаться большой физической силой. Толстых цыган не встретишь. Их руки и ноги маленькие и хорошо сложены.

Несколько очень незначительных представителей индийской касты судра (сословие ремесленников) предстают перед нами как отбросы общества, презираемые всеми остальными как нечистые. Они ведут кочевой образ жизни в пустынных районах, за пределами городов и населенных пунктов, занятых высшими кастами. Они занимаются ремеслом, которым никто не хочет заниматься. В основном это слуги и снайперы на земле, часто верховые и конюхи богачей. Они также кузнецы, что, как ни странно, является одним из наименее важных ремесел в Индии.

Поскольку они всегда были отстранены от религиозных обычаев и церемоний своих соотечественников, у них почти нет религии. "У них заметна склонность высмеивать все, что другие люди считают возвышенным. Религию они заменили суеверием, а поскольку их всегда тяготила несчастливая судьба, они занимались тем, что читали будущее и предсказывали долгожданное улучшение своей тяжелой участи".

Они выступают в роли прорицателей повсюду в Индии и в основном занимаются "хиромантией" (искусством предсказания будущего по линиям руки). Говорят, что они также очень любят музыку, к которой, как и к танцам, они очень склонны. Знаменитые индийские танцоры, баджадеры (по крайней мере, самые мелкие и странствующие), обычно выходят из их среды.

Мне нет нужды указывать, в какой высокой степени все это, что было сказано о самом низком классе индийских судра, относится и к нашим цыганам. -Ни среди татар, ни среди коптов в Египте, ни среди арабских бедуинов, ни среди десяти потерянных колен Израиля, ни среди любого другого выродившегося или утонувшего народа мира, от которого пытались вывести цыган, мы не найдем портрета племени или класса людей, который во всех деталях напоминал бы цыган.

С древних времен бродячие классы упомянутых судр держались в пределах Индостана. Хотя их там постоянно угнетали и преследовали, они *никогда не* покидали страну до татарского нашествия или, по крайней мере, никогда не покидали ее в большом количестве. Ни победоносное нападение македонцев при Александре Македонском, ни многочисленные последующие вторжения арабов, персов и других соседних народов, по-видимому, не заставили их двигаться непрерывно и далеко, хотя *некоторые* следы их в Персии и в

некоторых других странах Востока, которые мы находим в ранний период, также указывают на миграции, имевшие место по этим поводам.

То, что во время монгольского нашествия в конце ^{xiv} - начале ^{xv} века они внезапно передумали, расправили крылья и бежали в таком большом количестве и так далеко на запад, некоторые считают доказательством несравненной жестокости этого нападения, в ходе которого были уничтожены сотни тысяч людей. Поскольку набег монголов шел в основном с севера и северо-востока, наилучшей возможностью для преследуемых судр было уйти на запад через Инд. На западе Индии, в дельте Инда, где они были собраны вместе, вероятно, незадолго до того, как покинули свою страну, мы находим название провинции "Синд", от которого цыгане, по-видимому, получили одно из своих общих названий "синти", то есть "люди Синда".

Там же, на Инде, должно быть, обитало древнее индийское племя "зиганы", некоторые из которых присоединились к тем, кто покидал страну. У персов, турок, валахов, венгров, итальянцев, немцев они называются Tschingenáh, Chyganis, Cigaris, Zincalis, Czigánys, Gypsies, что, по-видимому, не что иное, как модификация этого названия, которое считается древнеиндийским.

По древним путям, указанным природой, цыгане рассеялись, как пески пустыни, с одной стороны, через Суэцкий перешеек в Египет и через всю северную Африку в Марокко, с другой - через Малую Азию по Геллеспонту и вдоль Черного моря до Дуная, а оттуда прямо по домам всех европейских народов.

Это были "дикие люди со смуглым цветом лица, с черными как ворон волосами, волнистыми, как хвосты, с неприятно морщинистым видом, какого еще никогда не видели в Европе, одетые в лохмотья из грубой шерсти, перевязанные лентами и бантами через плечи, сидящие на тощих лошадях, похожих на лохматых медведей, во главе с вождями, называющими себя герцогом Египта и графом Вавилона, и украшенные кусками золотой тесьмы и отделки", - так семнадцатого августа 1427 года первая группа цыган появилась перед городом Парижем. И, встревоженные, словно упавший с неба метеорит, любопытные жители французской столицы побежали посмотреть на сборище чудесных незнакомцев. Они рассказали добрым горожанам, что являются христианами с Востока, из Египта, где их преследовали и изгоняли за веру, в результате чего они тут же получили множество прекрасных подарков и милостыню.

Как и в Париже, в такой же процессии и с такими же жалобами и рассказами, как *там*, "нецивилизованный, черный, странный, дикий и несчастный народ", как говорит старый летописец, они затем также появились у ворот Базеля, Цюриха и многих других европейских городов. И вообще, почти все даты, когда они упоминаются в старых хрониках западных стран нашего континента, приходятся на короткий промежуток времени между 1416 и 1430 годами. На востоке, на нижнем Дунае, в Венгрии и Валахии, их, должно быть, заметили раньше. В 1422 году они пересекли Альпы и поразили итальянцев, а вскоре после этого испанцы обнаружили их в своих горных ущельях и вместе со своими пастухами на болотах горных равнин Кастилии. Да, даже в Англии и Скандинавии летописи не *так* давно пестрели заметками об этих загадочных гостях - как зыбучая серебра, они, кажется, прошли через все полуострова и страны, через все леса и дикие регионы этого континента. Ни одна известная нам миграция людей не проходила над Европой с такой скоростью. Они были так быстры, как будто все еще боялись монголов.

Упомянутая выше выдумка о том, что они были изгнанными христианскими паломниками из Египта (возможно, из секты коптов), которая должна была придать им пелену святости в

глазах христиан, дала хорошие результаты в Париже, как и везде, и они повторяли эту историю, куда бы они ни отправились. Они также должны были рассказать об этом Папе в Риме и сделать это достоверным, и получили от него соответствующее письмо, в котором Святой Отец увещевал князей христианства позволить этим людям беспрепятственно разгуливать по своим странам, пока длятся годы паломничества и покаяния, обещанные им небесами, - *покаяния*, наложенного на них в наказание за то, что их предки неустанно отказывали в воде и хлебе святой Марии и младенцу Иисусу во время бегства в Египет. - Это, а также любопытство, которое они вызывали повсюду, должно быть, было самым выгодным для цыган и способствовало их распространению по всему христианству.

Когда люди ближе познакомились с этими "кающимися" паломниками, которым сначала только удивлялись, в лицо и в сердце, когда узнали их хищную натуру, их бездушный и недоступный, застенчивый характер, их сердца, в которых не было религии, они вскоре стали судить о них иначе. "Не *мученики* и *жертвы* царя монголов, - говорили они, - а его слуги и шпионы, которые пришли захватить земли Европы, чтобы подготовить новое нашествие татар". Теперь часто распространялось мнение, что это "каиниты", дети братоубийцы Каина, которые со времен сотворения мира должны были беспокойно и непрерывно скитаться по земле, пораженные проклятием своего предка. Их также называли "сыновьями лукавого", а их имя "Гитанос" происходило от арабского "Шейтан" (или "Сатана"). И, наконец, свое название "цыгане" или "зигаунеры", сокращенное от "гаунер" (вор), они дали в Германии всем вороватым и разбойничьим баронам.

За коротким золотым веком цыган, когда им повсюду были открыты дороги, вскоре последовал железный век, когда их преследовали запретами, наказаниями, угнетением, рабством и всевозможными чумами, который продолжался до новой эры. Уже в Испании король Фердинанд, друг Колумба, принял против них меры и приказал очистить весь Пиренейский полуостров от вредных отбросов. Но хотя этот коронованный юрист действительно сумел изгнать из своего королевства миллионы полезных магометан и израильтян, *шустрые* цыгане ускользнули от его грубых рук. Они порхали, как загнанные летучие мыши, то в одно, то в другое укрытие, а через некоторое время снова оказались в Испании в таком же огромном количестве, как и раньше - могущественный император Карл V также издал ужасные указы против цыган во всех своих европейских государствах. Но, хотя он и уничтожил большие армии французов и взял в плен их короля, он все же был бессилен против небольших отрядов неделимых цыган, которые повсюду бежали, как ящерицы, от его охотников и жандармов в отдаленные места и снова выходили из них обходными путями.

Во Франции король Франциск отдал первые приказы об их изгнании, а на рейхстаге в Орлеане всем городским властям было приказано уничтожать цыган огнем и мечом. Но приказы об их изгнании во Франции приходилось отдавать так же часто, как и в Испании, и так же часто без малейшего эффекта, как там, так и в других странах.

Ни эдикты королей об изгнании, ни регулярно повторяющиеся декреты французского и английского парламентов, ни многочисленные указы ланддагов в Германии, ни папские знамена, заменявшие первые рекомендательные письма, не могли их победить. Не помогли ни суровые декреты голландских властей, которые, чтобы избавиться от цыган, приказали высылать из страны каждого "хейдена" (так их здесь называли), пойманного после бичевания, ни еще более суровый приказ Швейцарской республики, по которому каждый цыган, пойманный на швейцарской земле после издания закона об изгнании, объявлялся подлежащим *смерти* и передавался в руки палача. Даже султан Баязет напрасно хмурился, приказывая этим чернокожим детям Индии *без промедления* покинуть его территорию в *обеих* частях света. Они также посмеялись над этой мерой, подумали "*ubi bene ibi patria*"¹ и

остались многочисленными в Сирии, Малой Азии и в европейской Турции по сей день, как сорняки, которые не погибают. Хотя презрение и злоба, с которыми преследовали цыган, дошли в некоторых европейских странах до того, что их выслеживали, как диких зверей, подобно тому как североамериканцы в наши дни охотятся на бедных калифорнийцев, хотя этих несчастных человеческих детей буквально поставили в один ряд с волками, они, тем не менее, *остались* повсюду и размножились, как лисы в песчаных норах наших болот.

Поскольку столетия суровости и насилия, кнуты, темницы и виселицы уже не могли освободить цыган, которым потворство и беспечность открывали доступ повсюду, в новое время в ряде стран было решено сохранить их и воспитать с помощью доброты, школ и образования, постепенно делая их полезными членами общества.

Именно это жестокое преследование, стали утверждать люди, сделало цыган, как и других гонимых людей, более непокорными и жестокими; они закалились в этом огне. Для них эти охоты были лучшей школой для всевозможных уловок и хитростей, с помощью которых им удавалось ускользать от власти государства. Их врожденная ненависть к европейцам стала еще сильнее, а привязанность и приверженность к собственному племени - еще упрямее. Как и в случае с израильянами, под воздействием страданий их жесткая национальность стала еще жестче, а пропасть между ними и европейцами - еще глубже. Но вместо того чтобы сделать эту пропасть еще глубже, они стали думать о ее преодолении. Король Испании Карл III, Мария Терезия, Иосиф II, Екатерина Российская и другие князья "века человечества" почти одновременно издали очень широкие, благожелательные и щедрые указы о колонизации, изменении и осчастливливании цыган в своих империях. Во всех этих государствах для них были выделены земли, построены постоянные дома, деревни и школы. Подобные указы издавались во многих других странах до недавнего времени, неоднократно обновляясь и изменяясь в ту или иную сторону.

В Голландии и Великобритании за дело взялись миссионерские и библейские общества, а в английских городах (например, в Саутгемптоне) были созданы "комитеты по улучшению положения цыган". Один из них основал учебное заведение для цыган в Англии. То же самое было сделано в Фридрихслоре под Нордхаузенем в Пруссии. То тут, то там в качестве апостолов выступали частные лица, которые особенно близко к сердцу принимали судьбу цыган, изучали их нужды и характер и вносили в общество предложения по реформированию. Хотя нет сомнений, что этот путь, выбранный в новое время для борьбы с укоренившимся в нас цыганским элементом, является не только самым христианским, но и единственным, дающим хоть какую-то перспективу на хорошие результаты, потому что все голоса сходятся на том, что преследования заставляют цыган упорствовать, что терпимость, как правило, ослабляет их... С другой стороны, нужно также признать, что *до сих пор* к этим странным и упрямым людям почти всегда тщетно пытались *применить мягкость*, и доброта тоже почти всегда растрачивалась на них без малейшего эффекта. Наши попытки улучшить их относятся только к прошлому столетию; однако их варварство коренится в первозданной почве доисторических времен.

Они не оценили земельные дары, подаренные им Испанией, Австрией и Россией, и лишь немногие из них перешли к более оседлому и земледельческому образу жизни. Вместо того чтобы пользоваться жилищами, которые Екатерина построила для них в России, они предпочитали, если им *приходилось* оставаться в деревне, жить в собственных палатках, которые они возводили в садах или во дворах крестьянских домов. Цыганских детей в Австрии, которых Иосиф хотел приобщить к благам образования, его чиновники, словно альпийские охотники на серн, приводили к школьному учителю и часто привязывали к нему веревками. Их матери, которых тщетно пытались вразумить добрыми намерениями, бежали с

криками, как будто хотели повести своих малышей на убой, и называли добросердечного императора вторым Иродом. Другие видели в этих попытках распространить среди них цивилизацию гибель своего народа, раздавали свои вещи и имущество, а иногда даже убивали себя, чтобы избежать принуждения ходить в школу и жить, как Катон, который не хотел пережить гибель своего народа. Не намного большего успеха народ-другок добился в других странах, ни в Пруссии, где школа во Фридрихсдоре вновь прекратила свое существование в 1837 году, ни в Англии, столь густонаселенной, что, кажется, в ней так мало места для дикой цыганской жизни. Здесь так называемые христианизированные и реформированные цыгане, которых вышеупомянутое столь активное общество в Саутгемптоне ввело в ряд гражданских должностей вместе с христианами, оказались еще более несчастными, чем те их товарищи, которые оставались в состоянии необузданной свободы. Поэтому некоторые английские мудрецы сравнивали цыганскую расу с яйцом кукушки, над которым даже задумчивая райская птица тщетно расправляет крылья.

Даже самое тщательное и любящее частное воспитание часто не может овладеть диким духом цыган, даже если с самого раннего детства им начинают прививать добрые нравы. Этому есть много замечательных примеров, как, например, следующий:

Маленькая цыганская девочка, до десяти лет скитавшаяся в знаменитом лесу близ Саутгемптона, созданном Вильгельмом Завоевателем, так понравилась одной знатной и бездетной даме, что та взяла на себя заботу о маленькой сироте, дала ей образование и, наконец, взяла ее в свой дом и оставила у себя как дочь. Шарлотта Стэнли - так звали прелестную дикарку - воспитывалась как знатная английская леди и выросла красивой, талантливой и образованной девушкой. Однако чем больше этот план воплощался в жизнь, тем более тихой и меланхоличной становилась прекрасная индусская невеста, и однажды, к ужасу всей семьи, она исчезла. В тот же день недалеко от замка остановились цыгане. Они отправились за ними и нашли желанную Шарлотту, любимую всеми, среди детей леса, на руках у высокого черноволосого мужчины, главы шайки. Она заявила, что стала его женой и что никто не имеет права оторвать ее от него. Ее добросердечная приемная мать и знатный жених были безутешны по этому поводу. Позже Шарлотта в совершенно изменившемся платье снова приехала к ним в замок и рассказала, как тесны стали для нее комнаты в замке, как непреодолимая тоска по свободной, странствующей жизни все сильнее дает о себе знать по мере приближения того момента, который навсегда привяжет ее к этим высоким стенам. -Мужчина, которого она выбрала для себя среди своих полудиких соотечественников, наверняка был одним из самых развратных мальчишек и, должно быть, жестоко обращался со своей нежной и избалованной женой. Однако она отвечала на его издевательства преданной любовью, которую он принимал как дань раба. Она оставалась верна ему во всех перипетиях его бурной жизни, которая приводила его то в тюрьмы Лондона, то в уголовные суды Шотландии. От нее не осталось ничего, кроме ее вечно завуалированного портрета, на который ее покинутый английский друг часто смотрел с печалью и вздохом, и который однажды был открыт для меня, чтобы я мог полюбоваться прелестными чертами этой капризной красавицы.

Много подобных историй и картин природы, которая сопротивляется всем изменениям и всегда возвращается к своей первоначальной форме, можно найти и в других регионах страны, и поэтому вполне понятно, что после стольких попыток насильственного изгнания или медленной цивилизации мы и сегодня находим цыган мало изменившимися во всех странах, куда они пришли как паломники с Востока за 400 лет и где они обосновались. В странах Нижнего Дуная, где они предпочитают селиться, их численность оценивается более чем в 300 000 человек; только в Зевенбергене - в 75 000, в Молдавии и Валахии - в 150 000.

Мистер Борроу, известный описатель и наблюдатель испанских Гитано, считает, что их число там составляет 20 000. Мистер Грапп, друг английских цыган, считает, что на Британских островах их число составляет 18 000. Вероятно, столько же их в Германии и Франции. В европейской Турции и России их численность, несомненно, значительно больше. Если учесть, что в Италии, где их больше всего в Patrimonium [Petri2](#) , а также в Швейцарии, Нидерландах, Дании и Швеции, даже в Финляндии, везде можно найти несколько цыганских семей, то можно предположить, что общее число цыган во всей Европе составляет почти полмиллиона. Число всех индейцев, живущих в Северной Америке, также не превышает этой цифры, и это показывает, что наш старый, цивилизованный континент все еще содержит почти такой же сильный элемент национальностей, еще не подвергшихся цивилизации, как и та большая часть Нового Света, даже если не принимать во внимание саамов, самоедов и другие языческие и охотничьи племена, которые могут бродить по нашей земле.

Именно в этих придунайских странах, по которым, придя с Востока, они распространились в первую очередь и где их никогда не мучили строгие законы, цыгане размножились наиболее значительно и пустили глубокие корни. Политические институты и природа этих стран и их гостеприимные народы настолько соответствуют их собственным наклонностям, что они стали для них, так сказать, новой родиной, землей обетованной, подобно тому как польские провинции стали таковыми для израильтян. Генеалогия многих цыган в более западных странах указывает на эти дунайские пейзажи как на колыбель их европейского происхождения. И мы видим в них в какой-то степени отголосок или эхо тех печально известных и воинственных авантюристов гуннов, мадьяр и других народов, мигрировавших из тех же центров в те же регионы.

В этих странах они настолько переплелись и слились с жизнью коренных народов, что составляют ее некую нереальную часть. Цыгане занимаются там несколькими видами деятельности, преимущественно цыганской, и несколько отраслей промышленности полностью находятся в их руках. В Молдавии, например, они являются домашними рабами, камергерами и лакеями в домах великих людей; так же как и бояре обычно воспитываются на груди и с молоком матери цыганских женщин, которые являются обычными любовниками по именам.

Несколько неприятных ролей в драме буржуазной жизни достались цыганам. В Венгрии, например, они традиционно были палачами и палачами, и в качестве таковых преуспели в темные времена, пытая бедных подсудимых своей воображаемой жестокостью. Там же все трудные и неприятные дела, которые никто не хочет делать, поручают цыгану, который обычно, если его ждет лишь небольшая прибыль, проходит сквозь огонь и воду.

В Зигбурге и Венгрии им также свойственно очень трудоемкое и неприбыльное занятие - аскетическая работа, поиск блестящих крупинки драгоценного металла в золотоносных реках и ручьях этих регионов. Их можно видеть в придунайских странах, особенно в худшее время года, в начале весны, когда тает снег и льют проливные дожди, когда почва распахивается дикой стихией и вздымается новый золотой песок, бродящими по берегам рек, разбивающими палатки и то и дело пытающимися проверить, не прилипнет ли часть блестящей пыли к их овчинам, которые служат им ситами.

Жажда золотой безделушки, которую они вешают на шляпу, блестящего кольца для пальцев и ушей, какого-нибудь серебряного или позолоченного предмета, который они сто раз зарывают под очагом, снова поднимают при перемене места, носят спрятанным в своих лохмотьях, Эта радость, которая присуща цыганам и которую они, подобно сорокам,

собирают в свои гнезда, несомненно, сделала их золотоискателями и золотомойками этих краев.

Странно, что даже самый ценный из металлов, от которого так зависит наше развитие, - железо - попал в руки этих неразвитых людей. "Сколько кузнецов, столько и цыган", - гласит венгерская пословица. Эта же пословица бытует на юге России, во всей европейской Турции, а также в Азии и Египте. Это искусство и это бремя, вероятно, уже были даны цыганам для занятий и несения в Индии, где, как я уже упоминал, даже бродячие и презируемые судры занимались ими с незапамятных времен, в то время как в других странах, например, среди некоторых народов Африки, кузнец является самым активным человеком и первым после короля.

Во всех этих странах, в пригородах больших и малых городов, можно встретить многочисленные маленькие костры двойных черных цыганских кузнецов. В качестве фигуры они тащат камень, в качестве мехов - козью шкуру, а в качестве топлива часто используют только сушеный навоз. Рядом с камнем они выкапывают в земле глубокую яму, в которую ставят ноги, чтобы максимально облегчить работу. Мать с табачной трубкой во рту приводит в движение мехи, грязные мальчишки подают отцу скудные инструменты, а рядом, для полноты картины, в траве со стоической покорностью лежит тощая, безжизненная собака. Сидя вот так и беспрерывно куря, мастер целыми днями кует, часто прерывая свою нерегулярную работу, иногда выпрыгивая из ямы, чтобы поваляться в траве столько, сколько сможет, потом снова вскакивая и перебиваясь между делом, доделывая и приводя в порядок то одно, то другое в своей нетерпеливой манере. Они также должны знать множество хитростей своего ремесла, например, уметь делать косы лучше и прочнее, чем другие кузнецы. Цыган, обзаведясь старыми, витыми плоскогубцами, напильником, молотком и найдя для примера хорошую каменную глыбу, может жениться и стать семейным человеком.

Существует также множество других мелких профессий, которые кажутся слишком мелкими для мадьяра, валахийца или турка, посвятившего себя своим стадам, полям и виноградникам, и которые, следовательно, достаются цыгану, который, похоже, любит все мелкое. Изготовители веников, сит, лудильщики, гриборезы, корзинщики, изготовители деревянных ложек в этих странах почти всегда цыгане; точно так же они всегда ходят с обезьянами, медведями и другими животными, чтобы дать им посмотреть и чьи танцы они сопровождают пением.

Однако, прежде всего, музыка большей части Восточной Европы находится в руках цыган. Они обладают удивительным талантом и страстью к этому прекрасному искусству. У турок, как и у татар, валахов и венгров, они являются национальными музыкантами. Как и религии этих разных народов, они особенно хорошо умеют приспосабливаться к национальному музыкальному вкусу, слушать любимые стили и воспроизводить их, добавляя свой собственный вкус, в совершенно удовлетворительном виде. Придворные капеллы татарских родов, как и молдавско-валашских князей, состояли и по сей день состоят из цыганских талантов. Скрипящие скрипки с цимбалами и барабанами, на которых играют, дуют и бьют полуголые волосатые спутники, падают на путников в прекрасных долинах Крыма, как и в долинах Карпат, у каждого шага и требуют дани во имя муз. В Венгрии в каждой деревне, в каждом округе есть оркестр цыган, которым она гордится. Их главный инструмент - скрипка, и на ней они создали множество восхитительных виртуозов в Венгрии, где их таланты ценились больше всего.

Мадьяру не мало нравится музыка его цыган. Она скрашивает его танцы и доводит до слез плачущих патриотов. Даже знаменитый венгерский народный гимн, марш Ракоци, цыгане

могут исполнить так, что он приводит венгра в восторг. Как наших предков сопровождали барды, так и венгров в их национальных войнах почти всегда сопровождали цыгане, дующие и играющие на скрипке. Композитор вышеупомянутого музыкального произведения неизвестен, как и история почти ни одного из прекрасных цыганских произведений. "Они зарождаются в народе, неизвестно как, слушаются как звуки из мира духов, считаются удачной находкой, шелестят по полям, как звуки эоловой арфы, звучат все сильнее и сильнее, наконец, с восторгом слышатся всеми и укореняются во всех уголках страны, в ушах и сердцах людей".

Цыгане-виртуозы часто являются и авторами исполняемых ими произведений. И хотя они не знакомы с теорией музыки, почти не знают нот, никогда ничего не сочиняли, а все свое искусство постигают как бы по вдохновению, к ним нередко приходят самые сведущие музыканты и знатоки музыки, с восхищением и большим удовлетворением слушая продукты их творческой фантазии. В интерпретации чужих композиций они демонстрируют особенно сильную музыкальную память. Они способны вспомнить и сыграть от начала до конца сонату Моцарта, симфонию Бетховена, которые они слышали однажды. Господин Когалейчан, валашский историк цыган, рассказывает, как однажды во французском театре в Яссах он наблюдал, как один из этих музыкантов, не получивший никакого обучения, тихо и медленно играл на своей скрипке увертюру и другие части оперы "La dame blanche", И как, закончив пьесу, он вышел на улицу и пересказал всю музыку своим друзьям в барах города с большим чувством и упорством, чем скрипачи из оркестра, которых он подслушал. Знаменитые прирожденные артисты такого рода упоминаются в венгерских летописях уже 300 лет. В прошлом веке одним из таких прирожденных артистов был придворный музыкант кардинала Чаки, цыган Михаэль Барну, который получил приз на Вартбургском конкурсе, учрежденном прелатом, в числе 12 первых скрипачей империи, и чьи мелодии, перенесенные знатоками на бумагу, - так же как и не менее известная скрипачка Чинка Панна, которую при жизни вызывали венгерские магнаты, часто за 30-40 миль, и с радостными возгласами вели в свои замки, одаривая золотом и драгоценностями. Венгерский епископ сделал на ее надгробии надпись: "Орфей мадяров", а один из них также слагал в могилу бесчисленные латинские и мадярские стихи. Но самым знаменитым корифеем этих полудиких сыновей муз был Йохан Бихари, один из музыкантов конгресса Винеров и австрийского императорского двора, которого император Франц пожелал возвести в пэрство, но который, что весьма оригинально, был готов принять эту милость только при условии, что вся его банда и родственники разделят эту привилегию. И сегодня, хотя расцвет цыганской музыки, казалось бы, уже позади, нет недостатка в таких ярких талантах, которые пользуются спросом и восхищением как в Пеште, так и в Вене.

Хотя музыкальные композиции цыган настолько уникальны по своей природе и колориту, что достаточно услышать всего два такта, чтобы сразу же распознать их, их нелегко описать словами. Их так же трудно нарисовать, как причудливые узоры брабантского кружева. Кажется, что в них можно увидеть образ замечательных людей, которые их создали. Такт и мелодия этой музыки сменяют друг друга так же часто, как выходы проворного цыгана. Она прыгает и движется зигзагообразно, как электрическая искра. Это арабеск, полный неожиданных поворотов и меняющихся темпов. Она журчит и журчит, как ручей в лесу, на берегу которого цыгане строят свои хижины; она воет, ревет и визжит, как буря на болотах и пюстах, где они прячутся в глинобитных пещерах. Она обманывает, вызывает интерес и удивляет своей красотой, как часто удивляются при виде красивой цыганки, сквозь дикую прическу и потрепанные лохмотья которой просвечивают самые красивые формы тела, самая прекрасная фигура и два огненных глаза. Она стонет и охает, как будто ее постигло величайшее отчаяние, и тут же ликует и ликует, как и переменчивая натура цыганских детей,

которые всегда готовы плакать и смеяться, и которыми управляют очень бурные, но и очень недолговечные страсти. Подобно энергичным корыбантам, чернокудрые музыканты ревут на своих скрипках и цимбалах:

И кругом, широкими кругами

Слышит нас храбрый народ.

Пусть перья поют диче!

Пусть громче бьют цимбалы!

Яростней и нежней

Инструменты сражаются;

Старая военная песня снова звучит,

Которая прежде с великой силой

Добрые юноши и седобородые

Сплотились против турок.

В Англии, как и в Венгрии, среди цыган часто встречаются музыкальные таланты. А в России великая Каталини однажды подарила цыганскому артисту, которого она слушала, шаль, которая, по ее словам, была предназначена Папой Римским для "величайшего певца того времени".

Танец, который идет рука об руку с музыкой, тоже не *искусство* у цыган, а врожденный талант. Их гибкие конечности, тренированные с детства и унаследованные от предков-индусов, делают их особенно пригодными для любых гимнастических упражнений. Их танцы знамениты на Дунае, а также в Испании и России. Они живые и грациозные и почти везде одинаковые. То, что русские называют "зиганкой", почти то же самое, что испанцы называют "гитана", и эти танцы так же востребованы в русской степи, как и на испанской сцене.

Цыгане также нередко как поэты и сказочники. В Валахии они являются основными практиками этого искусства, где они читают свои стихи, которые, как и их музыкальные произведения, обычно полностью импровизированы, подобно певцам Seguidillas в Эстрамадуре, в сопровождении музыки и песен.

В поэтическом повествовании, судя по образцам, которые мы видели в последнее время, они развивают большую степень легкости и воображения. Даже священные саги и христианские легенды о земном пути Спасителя, о чудесах и путешествиях апостолов они иногда пересказывают со свойственными им красочными красками, в такой нелепой и призрачной манере, что они нисколько не уступают сказкам из "Тысячи и одной ночи" по оригинальности, удивительному авантюризму и сказочности.

Цыган, несмотря на их нежелание получать образование и учиться в школе, следует назвать очень способным и талантливым народом. Среди них редко можно встретить особо испорченных существ, глупых людей и кретинов. Тонкое коварство и хитрость, с которыми они умеют легко воплощать в жизнь все сложные планы - часто по воровству и обману, - вызывают восхищение у многих, кто имел возможность узнать их поближе. И все же они так же благосклонны, как и другие одаренные, но непостоянно мыслящие, безрассудные, но легкомысленные, поэтические, но чувственные натуры, - они не добиваются в мире таких

успехов, как те, кто, обладая меньшими талантами, сочетает в себе большую настойчивость, решительную серьезность и более высокое нравственное чувство. Приходится удивляться их непостоянству, бездумности. Они живут так, словно нет ни прошлого, ни будущего. Кажется, что они всегда наполнены только теми желаниями, которые движут их разумом в настоящий момент. Их бурные и необузданные манеры часто напоминают нам манеры обезьян. Они желают получить от вас подарок, стоя на коленях, умоляя и горячо молясь, а когда вы даете его им, они выхватывают его, как хищные птицы свою добычу, а затем, когда им больше нечего ждать, они идут дальше, тратя милостыню и неблагодарно забывая о дарителе.

Лишь в одном вопросе их почти всегда можно найти внимательными, заботливыми и бережливыми. А именно в отношении одежды, к которой, как уже говорилось, они очень придиричивы. Именно поэтому их часто можно увидеть с обнаженным торсом, аккуратно отложив одежду. А если два цыгана серьезно поссорятся между собой, и дело дойдет до кулаков, они не забудут объявить перемирие за несколько минут до начала военных действий, чтобы придержать свои галунные юбки и шляпы.

Поскольку они не держат обид и в значительной степени лишены благоразумия, у них нет забот и тревог. Подобно птицам, они живут днем, не беспокоясь о том, "откуда" и "куда", о вчерашнем и завтрашнем дне, они всегда веселы, жизнерадостны, легкомысленны, чрезвычайно разговорчивы и сметливы. Хотя, казалось бы, они самые нуждающиеся и самые страдающие среди живущих, тем не менее они всегда радуются самым завидным образом и всегда довольны своей участью. В венгерских, славянских и валашских частях австрийской армии очень часто горшечником полка является цыган, который веселит товарищей своими неистощимыми шутками. Даже в легендах и сказках жителей Зевенбурга роль "Ганса Люстига" обычно играют цыгане, и они должны служить примером для каждого христианина, который тщетно пытается исполнить заповедь "не заботиться о завтрашнем дне".

Так же как их духовное чувство не страдает от печали или неудовлетворенности, они также менее подвержены физическим болезням и расстройствам, чем можно было бы ожидать из-за их физических страданий и лишений, которые они перенесли от рождения до смерти. Жесткое лоно матери-земли, часто едва прикрытое травой или сеном, - вот постель, на которой они рождаются. Кровати, которые даже индейцы Америки умеют делать так же аккуратно, как ласточки делают свои гнезда, для цыган - незнакомый предмет мебели. Пока они не могут стоять на ногах, они ползают на спине матери, как молодые медвежата на спине матери, и с самого рождения подвергаются воздействию любой погоды. Без плащей и одежды они вырастают в девушек и юношей, и даже тогда им достается лишь самое необходимое. Как и другие дети природы, они достигли своего рода виртуозности в неумеренном питании. А о том, насколько легко их удовлетворить в плане одежды, свидетельствует следующий случай, рассказанный одним путешественником. Маленький голый цыганский мальчик в разгар зимы от холода закричал. "Вот, возьми это!" обратилась к нему мать, перекинув через плечо конец веревки. "Обвяжи ее вокруг своего тела. Завернись в нее как можно лучше. Согрейся и успокойся".

Ветхие хижины из грязи и соломы, в которых они живут в самых отдаленных кварталах венгерских и валашских городов, пещеры, в которых они обитают в Крыму, а также в Севенбургских Альпах, - самые ветхие и негостеприимные человеческие жилища, какие только можно себе представить, и так называемые палатки, в которых они, в предместьях Киева и Одессы, под Бухарестом или Сегедином которые они складировать то тут, то там, в канавах или под прикрытием развалин той или иной стены, представляют собой не что иное, как старый и дырявый брезент, накинутый на терновый куст и привязанный четырьмя углами (еще очень невнимательными и расшатанными) к шатким столбам. -Эти жилища, по

сравнению с которыми палатка башкира, даже вигвам индейца - искусная постройка, были, надо полагать, рассадниками бесчисленных недугов и болезней, очагами ревматизма, подагры, катара и других недугов. Однако на самом деле цыгане редко страдают от этих и других недугов и являются одними из самых здоровых людей в мире. У них нет популярных болезней. Из вертлявых, тонкокостных, толстокожих, часто полуголодных, вечно холодных, редко моющихся, никогда не расчесывающихся цыганских детей вырастают здоровые, сильные и хорошо сложенные мужчины и женщины. "Всю свою жизнь они почти никогда не страдают от заразных болезней, пока природа не потребует их обратно и машина внезапно не остановится в старости". Утверждается даже, что ядовитое дыхание чумы и других инфекционных заболеваний в цыганских колониях часто угасает без малейшего эффекта.

У них редко встречаются неполноценные, кривоногие или карликовые женщины. Гораздо чаще среди них, которые так мало занимаются физической красотой, можно увидеть самые прекрасные женские фигуры, с тончайшей талией и самым изящным телосложением, настоящие модели для Прециозы или Эсмеральды, - девушек, с которыми всю жизнь обращались все возможные непостоянные и переменчивые погоды и ветра, которых поэт вполне мог бы сравнить с гиацинтом, растущим в саду, - в разрезе и блеске глаз индийской принцессы Дамаджанти, - которые никогда не занимались ничем, кроме грубой работы, и все же носили воду и корм для лошадей отца и другие ноши с естественной грацией, как если бы они делали это на сцене в такт музыке, как искусные хористки в опере "Муэтта де Портичи". По крайней мере, я нередко встречал их в Крыму и Дунайских княжествах. Даже когда они становятся уродливыми в старости, которая поражает их рано, это уродство всегда имеет определенный стиль. "Внешность старых цыганок иногда ужасающая, колдовская, очень призрачная, но почти никогда не злая" - когда эти юные цыганские красавицы, как это иногда случается в России, напр. обнаруживаются знатными и богатыми женихами в степи, забираются в качестве супругов из своей кочевой жизни и переходят в высшие круги общества, то, если они не сбегает от своего любовника, как Шарлотта Стэнли, они вскоре учатся чувствовать себя там как дома, и теперь, когда им больше не нужно носить воду, они развивают свою врожденную миловидность в цивилизованном и общительном общении высших классов.

То, что, с одной стороны, в Турции, а с другой - в Германии цыгане похожи на тех, что живут в придунайских провинциях, словно братья-близнецы, легко понять из-за близости этих стран, которые, как уже говорилось, часто меняют своих жителей и колонии, - более примечательно, однако, то, что даже на таких отдаленных островах и полуостровах, как Скандинавия, Ютландия, Шотландия и Испания, они настолько сохранили свою самобытность. -Шведы во время тридцатилетней войны привели со своими войсками целый корпус цыган, а у датчан при осаде Гамбурга было не менее трех рот цыган, которых они использовали так же, как русские использовали своих башкир и казаков, а именно для набегов, шпионажа, фуражировки, грабежа и разорения вражеских стран.

По сведениям одного датского писателя, и сегодня на неосвоенных болотах Ютландии живет безземельный народ, который немецкие крестьяне называют "нацменами" и в котором трудно не понять настоящих цыган. У них темные лица и резкие черты, совершенно не похожие на ютишских крестьян. Семьи переходят с места на место небольшими группами. Они владеют всевозможными мелкими ремеслами: точат ножи, воркуют, бьют окна, а их женщины предсказывают и колдуют над краденными предметами. Воровство и попрошайничество - их основное ремесло. Они также выполняют множество работ, которые джуги считают ниже своего достоинства. Он считает их такими же нечистыми, как брамиен считает индусов изгоями: "Отдельное блюдо, ворс или миска, которыми пользуется только

придворный пес, не считая его самого, вполне достаточно для бедного "натманда", который посещает фермера-джута на его ферме, и джут скорее будет голодать, чем пользоваться миской, которой пользуется натманд". Они говорят на языке, который в Ютландии называют "pot-latin", который, однако, может быть не чем иным, как старым испорченным санскритским цыганским языком.- Как и в других странах, детей этих языческих кочевников тоже крестят, но, как и везде, кроме крещенской воды, они мало что перенимают от христианства.

Ведь цыгане повсюду проявляют такое равнодушие к религиозным вопросам, как ни один другой народ в Европе. Чтобы избежать преследований, они клянутся туркам на *Коране*, а оказавшись в христианской стране, целуют *крест*. В каждой новой деревне, куда они приезжают и где находят другую религию, они принимают другую веру; теперь они католики, потом лютеране, здесь они принадлежат к реформатской, там - к англиканской церкви. Для остальных же остаются неизвестными учения Мухаммеда и Христа, принципы Папы Римского и катехизис Лютера; возможно, именно поэтому голландцы не смогли дать им более подходящее национальное название, чем "язычники".

Поскольку среди них нет даже мифов, которые могли бы доказать, что их мысли заняты сверхземными вещами, что они надеются только на жизнь после этой, их любовь к этой земной жизни и страх перед концом своего существования гораздо больше, чем у любого другого из мучимых, угнетенных и гонимых народов, которые иногда считают смерть своим спасителем.

На Британских островах цыгане, которых так же мастерски описал сэр Вальтер Скотт в своих превосходных романах, как Сервантес в Испании, Пушкин в России, Шпиндлер в своем "Еврее" в Германии, Виктор Гюго в "Соборе Парижской Богоматери" во Франции, были такими же беспокойными странниками, как и везде, и там, как и везде, сохранили чистоту своего племени. Да, по словам одного английского писателя, там они сохранили себя еще более несмешанными, чем в других местах. У них даже есть своего рода randevu в Саутгемптонском королевском лесу, о котором я уже упоминал, и там, как и везде, они делятся на несколько племен или кланов, которые имеют своих особых вождей и носят особые имена. Одно из этих английских цыганских племен называется "Стэнли", другое - "Левелс" и так далее.

В Шотландии, в дико романтическом районе гор Чевиот, у них есть штаб-квартира возле деревни под названием Кирк-Йетхольм, которую в шутку называют "*метрополией цыганского королевства Шотландии*". О женщинах шотландских цыган один пресвитерианский священник, описавший их в своей брошюре, говорит: "Они так естественны, милы и грациозны в своих движениях, а зачастую обладают такими хорошими манерами, что можно подумать, будто они воспитывались при европейском дворе". О мужчинах среди шотландских цыган тот же авторитет говорит: "В своих спорах между собой, для которых часто не находится причин, они прежде всего дики и жестоки, предаваясь самой нелепой ярости, используя самые причудливые оскорбления. Однако, несмотря на их страстность, серьезные драки случаются редко". Это очень похоже на то, что можно наблюдать у цыган на Дунае и на Понте, где, когда в палатке возникает ссора, невольно вспоминаются пронзительные крики, которые, по описанию путешественников, часто поднимают обезьяны южноамериканских лесов, даже без всякой видимой причины, и которые также без всякой видимой причины стихают, как внезапное затишье и примирение.

Безграничная и часто трогательная любовь цыган к своим детям также заставляет вспомнить о лесных жителях, о которых мы уже упоминали. Цыганские матери так лелеют своих

малышей и так непрерывно занимаются ими, как будто эти дети - единственное, что они обожают. Детоубийство среди них неслыханно, как и среди индейцев Америки, и, подобно им, они отвечают только лаской и лестью даже на самые буйные похождения этих маленьких черных гоблинов, которые никогда не встречают спасительной розги.

Однако эту любовь к собственным потомкам они распространяют на всю свою расу, члены которой, подобно сынам Израиля, держатся вместе, как комочки. Они никогда не отрицают свою природу. Хотя в целом у них нет ничего из того, что называется социальным инстинктом, в своих семьях они привязаны друг к другу, как железными кольцами. Они называют друг друга братом и сестрой. Они взаимно поддерживают друг друга, и цыган никогда не нуждается в помощи, пока рядом с ним есть кровные родственники и соплеменники, которые могут помочь.

Они также очень редко вступают в брак с теми, кто не принадлежит к "настоящему", их собственному народу. Как ни странно, они обладают глубоко запрятанной национальной гордостью и, чего совсем не ожидаешь от этих "изгоев", на редкость мнительны и горды. Все их отвергают, а они, в свою очередь, мстят за то, что ставят себя *выше других*. Подобно османам, они называют все остальные народы "гадши" или "гяур". Но сами они - "Раннитшель" (дети истинной матери или народа). Они как будто хотят выразить протест против всех оскорблений, нанесенных им другими, во имя чувства человеческого достоинства, которое не умерло и в их груди.

Есть очень яркие примеры того, как цыгане живут между собой и как они принимают сторону друг друга, как братья; в Испании, например, это выглядит следующим образом:

В Кордове был приговорен к смерти цыган, забивший до смерти испанца во время избиения. Вся "Гитанерия" (цыганская община) Кордовы мобилизовалась, приложив все усилия, чтобы спасти своего брата. Влиятельным людям отправлялись петиции, петиции подписывались, красноречие и деньги использовались для того, чтобы изменить страшный смертный приговор на простую ссылку в Сеуту в Африке. Богатый цыган предложил испанцам 5 000 крон в качестве выкупа за пленника. Все верные соплеменники внесли посильный вклад в увеличение этого выкупа. Но тщетно! У убитого испанца были влиятельные друзья, и *было* решено показать пример. На рыночной площади поставили черный эшафот, наточили и достали меч. Тогда, увидев, что все напрасно, еще до того, как грянула битва, все цинкало из пригородов Кордовы, чтобы не видеть, как прольется кровь их брата, закрыли свои хижины и ушли с лошадьми и мулами и всем своим движимым имуществом, наложив на город вечное заклятие и решив никогда больше в него не входить.

По какому маршруту цыгане попали в Испанию, неизвестно. Тамошние жители считают их потомками "морисков" или мавров. Это, а также тот факт, что они наиболее распространены в долинах Пиренейского полуострова, который дольше всего оставался во власти мавров, в Андалусии и Гренаде, а также распространенное среди испанцев название "гитанос", то есть египтяне, указывают на то, что они, как и другие восточные народы, могли попасть на Пиренейский полуостров через Египет и Северную Африку. Если бы испанцы попали к ним северным путем, из Германии и через Францию, они бы приняли название "богемцы" (богемцы), характерное для французов.

Таким образом, сходства в характере, приписываемые испанским Гитано, особенно важны и достойны сравнения: они во всем соответствуют тем, что встречаются среди их собратьев на противоположном конце Европы, и доказывают, что этот народ оставался совершенно тем же самым даже во время своего путешествия через Африку и в тех краях, которых он достиг. Их язык имеет те же санскритские элементы в Испании, что и в других местах, и физиономия

этого древнего, почтенного языка тоже возникает у них, "как мудрец, одетый в лохмотья, из фрагментов чужих лингвистических генов, которые стали их собственными".

Их стремления и наклонности там такие же, как и в других местах. Браки между испанцами и цыганами крайне редки, и раса существует, по свидетельству историка испанских цыган Борроу, очень чисто и без примесей, как в Англии, в Шотландии и на Дунае. В Испании благосклонному Карлу III не удалось цивилизовать их и приучить к более спокойной жизни в той же степени, что и гуманисту Иосифу II в Австрии. Коневодство, торговля лошадьми и конокрадство - настолько любимые занятия этих людей, как и в Венгрии, что испанцы используют для обозначения этого занятия слово "Gitaneria" (цыганщина). "Испанский Гитано, - говорит Борроу, - самое легкомысленное, неправдоподобное, непостоянное и неблагодарное существо в мире. Он предает своего благодетеля без малейших угрызений совести, а то, что зарабатывает утром, растрчивает еще до вечера".

Все это и, *словом, все остальное*, что дополнительно отмечается об испанских Гитано, настолько похоже на то, что мы слышали о цыганах в других странах, что вряд ли стоит еще раз сравнивать портреты во всех деталях, чтобы подтвердить тезис, что этот азиатский народ остался верен себе по всей Европе и, можно сразу добавить, также в Бразилии и других частях Нового Света, куда судьба также привела его в новое время, самым чудесным и столь же плачевным образом.

Такую же необычайную твердость и неизменность национального характера часто можно наблюдать у евреев. У цыган, однако, она еще более своеобразна и необъяснима, чем у израильтян, турок, армян или всех остальных азиатов. Другой народ, рассеянный по всей европейской семье, - израильтяне - построил свою национальность на прочном фундаменте. У них есть великие предания, героическая и достоверная история. У них высокоцивилизованный язык и богато развитая литература. Вся их внутренняя и внутренняя жизнь регулируется и скрепляется цепью древних, очень четких положений. Наконец, это глубоко религиозный народ. Их религия, которая пронизывает всю их жизнь, в высшей степени своеобразна. Они считают себя избранным Богом народом, и каждый отдельный человек, как и все в целом, одушевлен этой верой. Совсем иначе обстоит дело с их собратьями по несчастью, с племенем из Хиндостана, которые, как и они, были разбросаны по всему миру и находятся в постоянном движении. У цыган даже не было богов. У них нет ни определенных догматов и обычаев, ни истории, ни даже традиции, ни даже суеверий, свойственных им: ведь даже различные *суеверия* народов, к которым они обращаются, они принимают и отбрасывают так же легко, как и свои религии. Не сохранилось у них и никаких особых внешних признаков, отличающих их от других, ни национальной одежды, ни особого вида крещения, ни какой-либо другой характерной черты народа. С татарами они одеваются по-татарски, с испанцами - по-испански, и везде они одеваются в лохмотья, которые дали им другие народы. В их словаре, как показывает ученый Потт, нет ни одного выражения для "иметь" и "владеть", ни для "должен", ни для "обязанности", ни для "закона". Они поставили весь свой "бизнес на пустом месте". Они выросли среди нас, как воздушные растения, без корней, без почвы, без родины. Нигде они не образуют таких многочисленных и компактных общин, как израильтяне. Они живут легкомысленно и развязно, почти не образуя племен, а лишь повсеместно объединяясь в семьи, и эти цыганские семьи подобны сорнякам в степях России, которые называют "невестой ветра" и которые, неся с собой семена и цветы, вырываются из земли, разносятся ветром по воздуху и над холмами, как вода по каплям и атомам по Европе. Одним словом, в них нет всего того, что обеспечивает прочную и устойчивую национальность. И несмотря на все это, эти атомы еще не раздавлены под тяжестью давящих на них других национальностей; несмотря на все это, как я уже пытался

показать, каждая капля из того источника по-прежнему имеет цвет, температуру и характер целого, словно это не пена и пузырьки, а бесчисленные твердые гранитные глыбы. Их существование и сохранность - загадка в истории европейского человечества, которой мы можем только восхищаться, но не можем в достаточной мере объяснить.

1 Где хорошо, там и отечество. ВЕРТ.

2 Под *Патримониум Петри* понимается часть Императорского государства, в которой находятся Орвието, Витербо, Тосканелла, Чивита Веккья и Монте-Фиасконе, эти земли были якобы подарены епископу Рима императором Константином в IV веке. В 12 веке она впервые перешла к римским папам. ВЕРТ.

Итальянцы.

От великого горного ядра центральной Европы, Альп, отходит на юг длинная ветвь Апеннинских известковых гор, которая, двигаясь на юг, вдается в Средиземное море.-С многочисленными небольшими плато и долинами, которыми покрыты его восточные и западные склоны, с большими равнинами, которые соединяют его с обеих сторон, как мышцы с позвоночником, он образует большую и широкую плотину суши, которая свисает вниз, как маятник, посреди моря и окружена треугольником больших соседних островов - это "*Bella Italia, de l'Apennin divide é l'mar circonda*"¹.

Природа наделила эту прекрасную землю, как своеобразный член нашего материка, резко выраженным и, гордясь всем различием в немногих вещах, характером и тем, что в общих главных чертах она одинакова. Едва переступишь альпийскую стену, опоясывающую этот полуостров с севера и отделяющую его от центральной части Европы, как уже думаешь, что находишься в другом мире. Более мягкий воздух дует навстречу путешественнику из садов долины По, украшенных тысячей красот. Воздух очистился от нордических туманов и испарений. Вся природа, атмосфера и ландшафт приобретают новый характер - и этот характер остается неизменным на всем протяжении вулканической плотины, с многочисленными изменениями, до такой степени, что все ее южные и северные, западные и восточные части контрастируют друг с другом гораздо меньше, чем весь полуостров с другими частями материка, за Альпами или за морем.

По форме Апеннинский полуостров гораздо менее компактен, чем Пиренеи или Франция на западе, не так раздроблен, как Греция на востоке, и гораздо более стройный и открытый для влияния моря, чем граничащие с ним части Африки на юге. Кроме того, она отличается от всех этих соседей во многих других отношениях.

В результате она образует совершенно особую часть нашего континента - ограниченный природой сад, которому, казалось бы, суждено стать родиной особой и самобытной человеческой расы.

Цепь Апеннин, идущая с северо-запада на юго-восток, делит страну на две части. На восточной стороне находится ряд небольших долин и узких равнин. Она обращена к Адриатическому морю, но подвержена влиянию северных и восточных ветров; она лежит перед лицом Иллирии и Албании, а ее южные оконечности впадают в соседние воды Греции;

другая серия долин, горных склонов, богатых всеми видами трав, плодородных равнин и красивых волн и заливов протекает вдоль западной стороны. Они более открыты для теплых южных и нежных западных ветров. Они отличаются большим богатством долин и островов. С этой стороны находится лицо Италии, значительная и исторически блестящая сторона этой земли света, которая на востоке имеет свою тень и спину.

Там, на западе, находятся ее самые очаровательные пейзажи: прекрасные долины Арно и Тибра, ранняя цивилизованная Этрурия; далее - главный центр цивилизации и развития власти, Рим; затем пышная Кампания, райский Неаполь и другие очаги итальянской жизни. Побережье проходит вдоль внутреннего моря, которое обычно называют Тосканским. Как и основное тело полуострова, крупные итальянские острова также огибают это внутреннее море, как бы окружая его: только через четыре большие улицы или водные ворота это большое внутреннее море имеет сообщение с основным телом Средиземного моря. Полуострова Греции и Италии географически противоположны друг другу. Первый открывается на восток и обращен спиной к западу в горы Албании и Эпира. Второй, напротив, открывается на запад и обращен спиной к востоку. Таким образом, эти две родственные и соседние страны отворачивают друг от друга свои лица. Именно поэтому итальянцы всегда были ближе к Западу, а греки, будь то правители или порабощенные, - к Востоку.

Италия не испытывает недостатка в воде. Количество осадков и росы, выпадающих на ее поверхность в течение года, гораздо больше, чем на соседних полуостровах, в Греции, Испании и Африке. Это самая обильно увлажненная страна Средиземноморья. С альпийских ледников в ее смеющиеся долины стекают никогда не пересыхающие реки, а на склонах Апеннин бьют бесчисленные источники, ручьи и водопады. Многие участки земли у подножия Альп и вдоль горного хребта Апеннин, соответственно, оснащены прекрасными озерами - в засушливой Испании это большая редкость.

Повсюду ручьи добавили жирных низин и болот между скальными выступами, и везде есть возможность увлажнить долины естественным или искусственным путем и сделать их плодородными; с другой стороны, узкая ширина страны препятствует образованию больших рек. Кроме По, Арно и Тибра, в Италии нет судоходных вод на сколько-нибудь значительном протяжении; здесь есть только горные потоки, текущие во всех направлениях, и поэтому речные системы гораздо меньше способствовали распространению и единению самобытного народа, чем, например, в Венгрии, Польше и России, где народы почти всегда были разбросаны по рекам-адриалам и где некоторые из них одновременно оседали в том или ином речном регионе. Кроме того, высокий и изрезанный хребет Апеннин всегда был причиной частой изоляции и разделения. Лишь с трудом и в нескольких местах он позволил сформировать удобные сухопутные и морские пути с востока на запад. Своими многочисленными ответвлениями Апеннины делят землю на множество маленьких, часто очень резко очерченных частей.

Сегодня вся ткань этих прекрасных итальянских ландшафтов, от склонов Альп на севере до самых южных точек Калабрии и Сицилии, населена одним и тем же народом, который во всех своих подразделениях живет как братья и чувствует себя как кровные родственники, и который, благодаря большому сходству физических и психологических характеристик, смог сформировать один народ. Все они называют себя "итальянцами" одним и тем же именем, все они говорят на одном языке. Кажется, что все они одушевлены одними и теми же мыслями, одними и теми же симпатиями.

Такой, как сейчас, или, по крайней мере, такой, какой она хочет быть, вся Италия, от Альп до Мальты, одно тело и одна душа, один дух и один пульс, одним словом, одна родина, вряд ли когда-либо была такой. Действительно, когда на нее падают первые утренние лучи истории, мы видим страну, населенную маленькими народами очень разных типов, которые ни чужие, ни свои не объединяли под общим названием. Они настолько отличались друг от друга, что даже не могли понять друг друга на своих языках. Они жили между собой, не имея ни малейших связей, в постоянных войнах. Тем не менее, по крайней мере в центральной и южной Италии, они в большинстве своем были родственны друг другу в том, что касалось их первоначального происхождения - новые исследования доказали это. Корни их языков, формы государственного устройства и обычаи доказывают, что первоначально они были ближе всего к тем индоевропейцам, которые также населяли большой полуостров на востоке, предкам греков, так называемым пеласгам.

Во всех областях человеческой деятельности это древнее родство основного племени итальянцев и греков очевидно. Имена их богов одинаковы, а их роли распределены поровну. Народные и племенные обычаи обоих народов одинаковы. У обоих один и тот же тип виноделия и земледелия. Меры длины и равнины также одинаковы у обоих. В городском законодательстве, чеканке монет и гражданском состоянии, несмотря на все различия в деталях, мы видим очень сходные общие отношения и формы у обоих. Древнегреческий жилой дом, описанный Гомером, мало чем отличается от тех, что всегда можно встретить в сердце Италии. "Даже в самых простых элементах морали и искусства, в народных празднествах, в танцах с оружием, в менестрелях - везде обнаруживается близкое родство предков эллинов и племен древней Италии." - Это проявляется и в том, что впоследствии, когда эллины пришли в Италию как купцы и образованные основатели городов, эти древние итальянцы слились с ними так легко и как бы по принуждению, и в конце концов даже половина Италии получила название "Великая Греция".

Многочисленные процветающие города-государства, основанные греками на южных окраинах полуострова и на Сицилии, заставили коренных жителей частично забыть свои языки и диалекты и стать полугреками по манерам и развитию - на Сицилии греческий язык получил полные гражданские права, получил широкое распространение и частично оставался таковым даже во времена правления римлян, да, собственно, и до Средних веков. Когда римляне проникли в эти южные регионы со своими завоеваниями, они сами очень скоро переняли многие греческие нравы и цивилизацию - греки в разное время возвращались в эти наиболее близкие им регионы Италии. Так произошло и после падения Западной Римской империи. Сицилия, Калабрия и некоторые другие части южной Италии оставались в руках греческих императоров вплоть до XI века. Даже сейчас в некоторых частях южной Италии сохраняется грекоязычное население. Действительно, итальянский историк Ботта утверждает, что весь характер современных неаполитанцев по-прежнему греческий. "Их народные праздники, их танцы, их веселье, их легкомыслие, их склонность к софизмам - все это, - говорит он, - полностью греческое". Считается, что лаццарони в Неаполе - прямые потомки древних греков из Кумы и Неаполиса, двух греческих колоний, основанных на берегу Неаполитанского залива еще за 1000 лет до Рождества Христова.

Некоторые народы, игравшие роль на земле Италии в древние времена, до сих пор остаются для нас загадкой относительно своего происхождения. Особенно один из самых важных из них, древние этруски, основавшие на земле Медичи задолго до постройки Рима государство, в котором процветали сельское хозяйство, города и искусства. Сколько бы исследований ни было проведено, мы до сих пор не знаем, из каких источников возникла их цивилизация, существовавшая одновременно с греками и частично предшествовавшая им -

их грубый язык, богатый согласными, был далек от языка итальянцев и греков. Музыка этрусков, как и другие их искусства, имела весьма специфический характер. Они умели отливать руду, гравировать и плавить металлы, из золота и серебра делали тончайшие украшения, в то время как другие итальянцы мало что знали об этом. Они также прекрасно лепили из глины, и изящные формы их ваз вызывают восхищение и по сей день. Тосканская или этрусская колонна, которая старше дорической, получила свое название от них. Их религия, учение и мифы имели мало общего с религией, учением и мифами других итальянцев и греков. Управление их городами-государствами было столь же идиосинкразическим и непохожим на другие, что послужило образцом для римлян в их гражданских организациях. Их колонии были так широко распространены в Италии до расцвета римлян, а их народ был так могуществен, что большая часть полуострова была подчинена их влиянию.

Когда-то Этрурия, наряду с Грецией, была местом, откуда цивилизация распространилась по всему нашему континенту. И несмотря на все это, мы, как уже говорилось, не уверены в происхождении этого народа. Согласно старой легенде, это колония, пришедшая из Малой Азии из Лидии и обосновавшаяся на берегах Италии; более поздние авторы, однако, иногда называют их кельтами, иногда ибарами, иногда семитскими народами, приплывшими с Востока на кораблях, или даже финикийцами. Поскольку сами они называли себя "расенами", а это название сходно с именем "ретеров" или "ретианцев" в высоких горах страны Грейбунге, другие допускали, что они спустились через эти горы с туманного севера. Это соответствует традиции современных так называемых цыган в Граувбундерланде, которые утверждают, что древние этруски происходят из их племени; другие считают их просто остатками этрусков, бежавших в горы.

Хотя после того, как власть римлян была сломлена, они растворились в массе других жителей Италии, дух этрусков можно наблюдать и по сей день. Поскольку во времена римского завоевания они передали римлянам свои государственные институты и религиозные обычаи и помогли заложить основы римской политической жизни, они по-прежнему влияют на нас косвенно и на большом расстоянии. Еще ближе они к нам в искусстве и цивилизации, которые впоследствии расцвели на земле Медичи. Вероятно, это был не что иное, как второй урожай на старой почве, удобренной исчезнувшими этрурами. Поэтому даже во времена Наполеона было справедливо вновь введено название "Этрурия", которое в действительности всегда жило в названии Этрурийского или Тосканского моря.

Близость Италии к ее сестре-близнецу, греческому полуострову, а также близость к Африке и родине семитов, на протяжении многих лет неоднократно приводили в Италию иностранцев. После них их сыновья, карфагеняне, завоевали все крупные итальянские острова и долгое время удерживали их в своей власти. Эти африканцы даже воевали с римлянами за господство над всей Италией". Под именем сарацинов дети Шема снова пришли в начале Средних веков, распространив свое владычество и колонии на те же части Италии, которыми владели карфагеняне; даже в ^{xiii} веке африканцы, как помощники императора Фридриха II, прошли по всему полуострову, устраивая повсюду кварталы, как когда-то войска Ганнибала или Генсерики.

В более поздние времена обмен населением между Италией и Африкой происходил несколько раз в разных формах, и поэтому легко заметить, что некоторые его следы остались в характере и манерах итальянцев. В их языке мы до сих пор находим несколько выражений арабского происхождения, связанных с торговлей и судоходством. Смешанный итало-сарацинский язык и раса до сих пор существуют на острове Мальта. Также в Калабрии, Сицилии и на других итальянских островах диалект и горловой тон, свойственные народу, выдают влияние арабской крови. И сходство с характером мавров, с их страстным и

мстительным нравом, который также является испанским народным характером, можно легко заметить у жителей итальянских островов, как говорит итальянец Мариотти, так же как их оливково-коричневый цвет кожи и бледное лицо напоминают нам о финикийцах, карфагенянах и сарацинах.

Поскольку Италия дрейфовала на юг вглубь древнего канала цивилизации, Средиземного моря, она вступила в контакт с восточными, африканскими и греческими мореплавателями; а поскольку на севере она как бы приросла к материковой части нашего континента, это привело ее в соприкосновение с нордическими народами, кельтами, германскими племенами и в некоторой степени со славянами. Первые, кельты, предки французов, играют самую древнюю роль. Они были коренными жителями значительной части Италии в самые ранние времена. Они занимали все прекрасные земли между Альпами и Апенниннами. Прошло немало времени, прежде чем она вошла в название "Италия". До рождения Христа она называлась Галлией и, чтобы отличить ее от большой Галлии за Альпами, Галлия по эту сторону Альп называлась "Gallia Cisalpina". Из-за Альп и из-за По эти галлы неоднократно вторгались в центральную Италию, разрушая Рим и другие процветающие города. Напротив, именно они стали первыми основателями Милана и других знаменитых городов Верхней Италии.

Считается, что кельты с самого начала были более схожи с древними итальянцами по типу своей расы, чем германцы и другие нордические соседи. Однако после того, как итальянцам при Цезаре удалось в значительной степени романизировать или итальянизировать галлов, в течение четырехсот лет римского господства между двумя романизированными народами установилось духовное братство, которое до сих пор является источником частых обменов и общих тенденций и идиосинкразий. Правда, галлы и их преемники, франки и французы, были разрушителями Рима; Как прежде при Бренне, так и впоследствии при Карле Великом, Анжуйском, Карле VIII, а в более поздние времена при Наполеонах, они входили в Италию под именем освободителей, как правители и угнетатели, а итальянцы - в кровавых битвах и сицилийских вечернях, Но это не отменяет того факта, что в целом за пределами альпийской кольцевой стены нет народа, с которым у итальянцев как нации было бы так много общего в характере, к которому они испытывали бы такую симпатию и с которым установили бы такие тесные отношения, как с французами. Как и провансальская поэзия, как и в более поздний период, во времена Людовика XIV, так называемая классическая литература французов, все другие образцы Франции всегда находили в Италии открытый слух и сердце. Французская революция в конце прошлого века придала Италии новый облик. Тесная связь между Италией и Францией, восстановленная Наполеоном I, ввела в оборот политические идеи французов и оставила такое брожение в народе, что можно почти сказать, что нынешнее духовное развитие итальянцев омывается трансальпийской почвой. "Они думают по-французски о государстве, религии и философии; и если не их поэзия, то, по крайней мере, их проза в значительной степени основана на французских принципах" - старая страна галльских аллоброгов, Савойя и пограничные лигурийские марши Ницца, регионы с франкоязычным, кельтским населением, находились под одним и тем же господством, иногда с французами, чем с итальянцами, вплоть до новейших времен.

В провинциальном диалекте пьемонтцев и лангобардов до сих пор много французского или галльского; например, в них есть что-то от галльского носового звука и произношения "ое" как "у", которое так неприятно для тосканского уха. Англичанин мистер Эдвардс, прославившийся в наше время своими френологическими исследованиями, даже обнаружил у людей, живущих сегодня на реке По, такое же строение черепа и лица, как и у тех, кто живет вдоль рек Роны и Луары; он считал, что может доказать, что эти так

называемые итальянцы по своей крови и телосложению все еще принадлежат к галлам или кельтам.

Связь между итальянцами и галлами восходит к древним, доисторическим временам. Их первый контакт с германцами можно проследить чуть лучше. Это было незадолго до рождения Христа, когда они покинули свои первоначальные поселения на севере под именем "кимвров и тевтонов" и впервые появились к югу от Альп.-С тех пор, однако, итальянцы всегда находились с ними в конфликте, но ни германцы в Италии, ни итальянцы с германскими племенами не стали коренным населением в той же мере, что и более близкие к ним галлы. Итальянцы так и не смогли романизировать земли Рейна и Дуная в той же степени, что и кельтские земли; они были изгнаны оттуда не одной битвой с Варом. И наоборот, нецивилизованные северяне, как бы часто они ни заходили в прекрасный Южный край, так и не смогли сделать свою расу, язык и манеры преобладающими там в долгосрочной перспективе.-Италия, хотя и была завоевана, всегда противостояла своим относительно немногочисленным хозяевам, с густым населением, с древней цивилизацией и пышной природой. Она всегда поглощала вторгшихся немцев душой и телом". По обеим сторонам ходила поговорка, что Вельшланду суждено стать могилой тевтонов. И в отношении них всегда оставалась в моде старая пословица: "*Graecia capta ferum cepit victorem*". Покоренные цивилизованные народы ловили в свои шелковые сети диких победителей - герулы, готы, вандалы, хоть и правили Италией долгое время, все они бесследно исчезли, были сметены.

Исключение составляют лишь лангобарды. Эти германские племена оказали очень заметное и продолжительное влияние на Италию. Они рисуются нам как самые мудрые, хладнокровные и храбрые из всех германских племен, вторгшихся в Италию, а их вмешательство в дела людей и земель сравнивают с вмешательством франков во Франции и англосаксов в Англии. Они распространились почти по всему полуострову; даже на юге они основали долговечные герцогства Сполето и Беневенто, которые включали в себя большую часть центральной Италии и современный Неаполь. Однако именно в долине реки По они пустили самые глубокие корни и выковали железную корону - диадему позднейших так называемых королей Италии, которая до сих пор лежит на том месте, где ее когда-то возложили лангобарды. Даже после того, как они сами превратились в итальянцев, введенная ими форма правления, германское право и феодальная система продолжали существовать. В знаменитой Лиге городов Ломбардии и в германском названии долины По "*Lombardye*", которое используется и сегодня, их народное имя сохранилось в той же степени, что и у англов в Англии и франков во Франции. Кроме того, жители этой долины, от Турина до Равенны и Римини, и сегодня несут на себе нечеткие следы смешения с германскими компонентами. "По свидетельству итальянского этнографа, "тамошние жители по-прежнему отличаются более светлым цветом волос, белым цветом лица, большими живыми глазами, стройным, достойным, но редко тонким телосложением, по сравнению с другими итальянцами". "Она превосходит, - говорит один итальянец, - силой и краткостью".

Как и скандинавская речь, воинственный дух Севера остался здесь как дома. Наполеон, а за ним Австрия и позже Виктор Эммануил набирали свои лучшие итальянские полки на севере Италии, на реке По.

Наконец, на луговых плато и в лесистых котловинах живописных гор близ Виченцы и Вероны мы все еще находим относительно нетронутые остатки немецкого народа, прямо в сердце итальянского племени, в пастушьих деревнях так называемых *Тредечи* и *Сетте Комуни*, которые и сегодня говорят на немецком диалекте и могут похвастаться тем, что являются потомками древних германцев.

После переселения германских народов в V и VI веках германцы бесчисленное количество раз переходили через Альпы в Италию. Франкские короли и германские императоры из Саксонии, Салии и Гогенштауфенов силой оружия утвердили спорный суверенитет в Италии. Так называемые "римские походы" германских императоров, которые время от времени возвращались и опадали, как северный ветер, не вносили никаких новых германских элементов в массу итальянского народа, они не были народными вторжениями. Германские императоры лишь мимолетно появлялись во главе своих воинственных войск - они часто сражались вместе с итальянскими войсками против итальянцев, которые веками были разделены на фракции, и среди которых немцы, лишь пока длилось их присутствие, обретали покорность и последователей; они не привели к германизации Италии. Немецкие императоры, такие как Фридрих II, скорее сами стали итальянцами. Они также поручали управление своей страной итальянским государственным деятелям и советникам, а иногда брали их с собой в Германию. "Снова и снова, - пишет один итальянский историк, - первый весенний дождь смывал кровь, пролитую во время этих "римских экспедиций". Первый урожай, обильно налитый почвой, удобренной трупами северян, компенсировал дань, которую расточительство солдат сделало необходимой, и сыны Юга вытирали слезы с глаз, снова брали в руки лиру и начинали петь на свой лад, как стая птиц, когда проходит бурный ветер". То, что эта мысль в целом верна, доказывает, в частности, итальянский язык. Ведь поразительно, как мало немецких слов, которыми гордились все те тысячные и более полчища немцев, пришедших в Италию, прилипло к ней. Такие выражения, как "*guerra*" (погода), "*arnese*" (доспехи), "*stivali*" (стебли), "*caccia*" (охота), "*fiasci*" (плоть), "*bicchiere*" (кубок), относятся только к охоте, войне, выпивке и т. п. - Случайно говорят, что в местных диалектах некоторых горных долин, даже в Апеннинах, таких фрагментов германской речи сохранилось больше, чем в итальянском устном и письменном языке.

Как и кельты и германцы, итальянцы также вступали в контакт с третьей крупной индогерманской народной группой, славянами.

В северо-восточной части Италии жил народ, который древние географы считали иллирийцами (албанцами?), и который они называли "венедами", от чего их страна к северу от Адриатического моря получила название "Венеция". Из-за сходства этого имени с нашим славянским "венд", а также по другим причинам, некоторые историки подозревают, что эти древние венецианцы, от которых город Венеция получил свое название, были изначально славянами, которые только позже стали итализированными. Кроме того, несколько названий ныне итальянских городов в окрестностях Венеции, таких как "Триест", "Пола", "Градо" и другие, имеют славянский характер.

Несомненно, что во времена переселения народов многие славяне пришли в Италию вместе с германскими племенами, особенно с лангобардами из Венгрии, как в наши дни с австрийскими войсками. Столь же несомненно, что северо-восточные оконечности Италии уже в VII веке были окружены славянами. Славянский язык тогда был в ходу даже при дворе герцога Фриаульского, и славяне часто пересекали Изонцо по итальянской земле, основывая города, крепости и деревни, которые существуют и по сей день, и где до сих пор говорят на обоих языках - итальянском и славянском. На довольно длинной линии, вдоль границ Каринтии, Хорватии и Истрии, смешивались славянские и итальянские элементы, и эта граница была еще более расширена итальянскими завоеваниями и поселениями в Иллирии и Далмации. В результате сама Венеция стала центром для славян, которые отправлялись туда в качестве моряков и солдат, чьи знатные семьи нередко входили в состав

венецианской аристократии, и чьи светлые умы иногда участвовали в усилиях итальянцев по развитию искусства и цивилизации.

Из этого обзора народов, которые ранее вторгались в Италию, становится ясно, что в древние времена, до Рима, эту страну населяли самые разные племена, можно сказать, части всех рас, живущих в Европе и вокруг Средиземного моря, и что она неоднократно подвергалась вторжениям всех этих племен, которые сходились в ней как в географическом центре. Теперь мы спрашиваем, как все эти чужеродные элементы, присутствовавшие на полуострове с древнейших времен и постоянно вторгавшиеся, сформировались в один народ, который, находясь в постоянном конфликте с ними, развил и сохранил схожую национальность? Совершенно очевидно, что первыми и самыми главными основателями "*Italia Unita*" были римляне. Они были древнеитальянского происхождения и населяли центр протяженной страны, где истинная итальянская природа всегда оставалась чище, чем на самой восточной южной оконечности и в долинах По и Альп, которые тянулись на север. Из центра римляне завоевывали одну итальянскую область за другой, первыми из которых были родственные им латины, умбрийцы и самниты, а также сильно отличавшиеся от них этруски. Их завоевания привели не только к свержению старых государственных порядков в покоренных городах и государствах, но и к объединению по крови, нравам и языку. Гражданские и военные колонии выходили за стены Рима и объединяли всю страну, по которой они распространялись. Большие сельскохозяйственные и военные дороги, которые римляне построили в Апеннинах в разных направлениях, способствовали превращению всего полуострова в единое социальное целое. Повсеместно постепенно уменьшались особенности выделяющихся народов. Старые, очень разные оскские, этрусские и авзонийские языки повсеместно были оттеснены на задний план, а доминирующим стал римский или латинский язык.

Точно так же римляне вторглись в греческую Нижнюю Италию и Сицилию. Там также греческий язык и обычаи должны были уступить место римской культуре. Однако, поскольку римляне вступили на территорию более развитой и древней цивилизации, они не могли не перенять многое из нее, и с тех пор все большая латинизация полуострова шла рука об руку с все большей эллинизацией римлян.

С этого юга, а не со стен своего города, из которого они в противном случае забирали все, римляне взяли название страны и народа, который они объединили и преобразовали. Никакое название не было бы более естественным, чем "*Румыния*" (земля римлян), потому что римляне были ее создателями. Вместо этого они терпели, чтобы с южной оконечности страны, не помним как, совершенно неизвестное название бедной пастушеской семьи, распространилось, как ползучее растение, и охватило весь полуостров. В стране на побережье Мессины, которую мы сегодня называем Калабрией, по легенде, в древние, золотые времена царствовал король Италус, в честь которого тамошние жители, называвшиеся до тех пор "*энотри*" (то есть виноделы), называли себя "Итали", а свою землю - "Италией". - Другие говорят, что калабрийцы называли себя *Italia* из-за своих прекрасных пастбищ, ведь "*Italia*", традиционно связанное с латинским "*Vitulus*" (молодой бык), должно означать скот или пастбище. Однако даже во времена расцвета древних Сиракуз это имя, которому суждена была столь великая слава, не распространялось на север от Калабрийского полуострова. Постепенно, с момента своего рождения в IV веке до н. э., оно уже охватывало южную Италию - к концу того же века римляне переняли его, завоевав

южную Италию; они перенесли его и дальше на север, хотя первоначально не выходили за пределы Тосканских Апеннин, где Рубико, небольшая река на юге Равенны, отделяла то, что называлось "Италией", от северной равнины По, которая все еще называлась "Галлией". Только после Пунических войн римляне вторглись в долину реки По в качестве победителей, колонизировали и лишили древних цис-альпийских галлов их национальности. Они распространили свой язык и обычаи, а также обычаи союзных им италиков с юга до подножия Альп, которые казались им естественной границей их расширившейся родины. Итализация долины реки По была, однако, наполовину завершена задолго до того, как она была официально переименована в Галлию. Только император Август последовал общественному мнению, которое уже тогда распространялось на Альпы, то есть он распространил название Италия так далеко, как оно почти всегда применялось впоследствии, на Вары или Вар около Ниццы против Галлии, на Истрию на востоке и на ледники на севере. Так что создателем идеи "Италия" и "итальянцы" можно считать императора Августа.

Все завоевание и покорение Италии римлянами можно рассматривать как объединение итальянцев в единое государство под истинно итальянским знаменем, как объединение и слияние всего чужого на итальянской земле в один народ. -Италийцы, благодаря римлянам, первыми среди всех народов Европы получили возможность выступить как народ, единый по языку, нравам, социальной и политической организации, в то время, когда все остальные расы нашего континента были еще разделены на племена и кланы. Такое национальное объединение никогда не удавалось даже высокоцивилизованным, но всегда разделенным грекам.

Работа римлян, строивших на века, пережила все превратности последующих веков. Заложенный ими фундамент итальянского единства и сегодня является основой итальянской национальности. Их язык, видоизмененный с течением времени, тон, который они задавали людям между Альпами и Сицилией, и память об их героических деяниях стали тем патриотическим цементом, который скрепляет итальянцев в единый народ на протяжении веков вплоть до наших дней. -Только благодаря подготовке, проведенной римлянами, песни, исполняемые Данте или Петраркой на реке Арно в более поздние времена, звучали по всей стране, словно из сердца народа.

Отпечаток, который они оставили в народе вплоть до Вар и верхних Альп, был настолько неистребим и неизменен, что всегда возникал вновь, сквозь все стихии, которые впоследствии его расшатывали, и победоносно прокладывал себе путь наверх, и Италия всегда стремилась политически объединиться в тех же границах, которые определил император Август. -Это объединение всей Италии в единую нацию, достигнутое ранее римлянами, дало итальянцам великое превосходство над Европой, позволившее им завоевать наш континент. Кровь и идеи всего цивилизованного *Orbis terrarum* достигли кульминации и централизовались в Италии на протяжении примерно пятисот лет. "Рим приветствовал всех иностранцев, ставил свою печать на их лбах и отправлял их обратно в мир как римлян".

Поскольку Рим был таким воинственным, энергичным, серьезным, последовательным, дисциплинированным, политическим и правовым народом, как едва ли какой-либо другой народ в истории, он привнес в мир больше дочерних народов и дочерних языков, чем любой другой народ - он произвел более или менее общую романизацию или итальянизацию всех стран и народов, от Шотландии до Африки, от Пиренейского полуострова до Евфрата. Языки, на которых говорили в разных странах, были вытеснены завоевателями-латинянами из судов и административных учреждений империи, а также в значительной степени из собраний

цивилизированных обществ; греческий язык был почти единственным, который сосуществовал с латинским. Особая юрисдикция и старые государственные и социальные институты различных империй повсеместно уступали место общепринятой юрисдикции и государствам римской монархии.

Где бы ни расположился римский солдат, где бы ни огораживал свои поля римский поселенец, на Темзе, Дунае, Тигре и Ниле, там оседали римский банкир и римский купец, из Италии приезжали землемеры и архитекторы, первосвященники и юристы, школьные учителя, художники и ремесленники. Повсюду были сняты противоречия, которые раньше так резко отделяли национальности друг от друга, и помимо внешнего равенства в официальном языке, в деньгах, правосудии и управлении, вся жизнь, мысли и быт народов были пронизаны римскими элементами. "Во всех областях неба, - говорит Пруденций, - люди жили по-римски, как будто весь мир был одним итальянским городом".

Гордый от бесконечных революций и миграций, последовавших за ними, этот знак, который римляне запечатлели на челе значительной части Европы, не был утрачен на протяжении веков. Куда бы мы ни обратились, мы по-прежнему сталкиваемся с их мощным и несравненным влиянием. Как национальный дух и язык итальянцев, так и национальный дух и язык испанцев, португальцев, французов, бельгийцев и валахов, разбросанных вдоль Дуная, покоятся на фундаменте, заложенном римлянами посредством романизации.

Но их влияние на цивилизацию Европы намного превосходит существование их политической власти и процветания. Даже после того, как их тела были давно мертвы, дух, который они вызвали к жизни, все еще беспокойно бродит по Европе, совершая великие дела и связывая почти больше народов, чем могли сделать их легионы.

Язык, выросший вместе с римлянами и получивший от них большое развитие, продолжал оставаться языком цивилизованных классов, поэтов, дипломатов, законодателей и общего движения на нашем континенте почти тысячу лет после распада Римской империи. - Он и сегодня, наряду со своим собратом, греческим языком, является языком науки в такой высокой степени, что даже ни одно новое изобретение, ни одно растение, найденное на краю света, не считается научно установленным, если ему не дано латинское название. - Даже в конце Средневековья поэты до Петрарки были увенчаны Капитолием не за то, что пели на своем языке, а за свои *латинские* стихи, точно так же, как и сейчас наши ученые могут получить степень доктора, только написав на латыни.²

Хотя римляне не придумали оригинального имени для вечно цветущей предводительницы муз, а приняли от греков неизменное имя "Аполлон", и хотя их поэзия не была оригинальной, а "звучала с энтузиазмом греков", они поддерживали все, что получали из Греции, с такой большой политической силой, что они и их язык были носителями и распространителями греческого развития в Европе.

"Для изящных искусств, жестких, твердых, пунктуальных, храбрых, полностью заполненных гегемонией, римляне сделали меньше всего". Они были чужими в этой области и не использовали в ней почти ничего, кроме головы и рук греков. Не в результате горячего увлечения искусством, а чтобы украсить свой императорский город, они грабили завоеванные земли и перевозили художественные сокровища в Италию.

"В философии они также были лишь подражателями глубоких греков. Это лучше всего видно по их языку, который кажется настолько бедным на философские выражения и художественные слова, что Платон и Аристотель едва ли могут быть переведены на правильную латынь." - Но они, как народ, рожденный и сформированный, чтобы править до

конца, в своем языке, а также в своем духе и законодательстве, лучше, чем любой другой народ, проанализировали, разработали и сделали язык более пригодным для всех разнообразных правовых ситуаций и правовых вопросов гражданской жизни.

Их право дважды решало мировые дела, один раз, пока их императоры еще держали чашу, с помощью своего завоевательного меча, а второй раз - мирным путем, в результате добровольного почтения к их правильным представлениям, принципам и определениям. Да, кодекс Юстиниана, квинтэссенция этого закона, был, как когда-то во времена Маккавеев у евреев Моисеев канон, утерян. Его пришлось извлекать из-под обломков разрушений, как и группу Лаокоона, Венеру Медичи и другие античные статуи; и как с этими раскопанными греческими художественными творениями была связана новая эпоха в истории искусства, так и из заново открытого римского кодекса законов возникло еще более мощное, поздно родившееся царствование гражданского права римлян. -Это замечательное второе завоевание мира римским правом исходило в средние века из одного из самых важных и древних учебных заведений Италии, из Болоньи. Ученый Ирнерий начал читать, изучать и объяснять пандекты в 15th веке. По его настоянию были основаны римские юридические школы, и когда их слава вскоре распространилась, народы со всех концов отправили своих любознательных эмиссаров через Альпы, стали терпеливыми учениками римлян, говоривших с ними из уст итальянских профессоров, и снова охотно впряглись в римское иго.

Римские юристы постепенно подчинили себе всю Германию и многие другие народы, которые не смогли подчинить себе своих правителей; отношения и условия каждого города, каждой деревни в Европе регулировались в соответствии с постановлениями и указами старых, давно замолкших римских преторов и императоров.

Государства не существуют вечно,

Даже целые поколения

погибали со сменой времен,

и поэтому считаются забытыми.

Но, подобно самой высокой горной вершине,

всегда озаренная светом Авроры.

Лишь государь, богатый умом,

Который тем самым основал столько добра.

Эти слова великого Шиллера, которые он воспел в похвалу великим людям, могут быть применены в еще более высоком смысле к духу таких энергичных и умных людей, как греки и римляне. Подобно Монблану, они отбрасывают широкие тени на землю; они освещают пейзаж еще долго после того, как их ноги уже давно утопают во тьме - они бессмертны, и даже если кажется, что они умирают, на самом деле это не смерть, а лишь окукливание и возрождение в другой форме.

Уже тогда, когда варвары отняли у них меч, итальянцы сформировали еще одну лопату мирового господства. Рим принял в свое лоно семена христианства, и проросшая из этого семени лоза - власть римского епископа - невольно и постепенно вцепилась в дерево империи и выросла вместе с ним. Не в силах больше размахивать светским совком, римляне обратились к епископскому посоху, и с его помощью, постепенно, в течение Средних веков, более мягкими искусствами, более мягкими средствами и способами, словом и убеждением, они запутали все народы Европы обратно в свои сети.

Среди многих даров, полученных нами от Рима и Италии, самым важным является христианство. Великое дело христианизации, начатое в Риме, было продолжено оттуда сынами Италии, гордыми от беспорядков, вызванных неблагоприятной политической судьбой их родины. - Было время в Европе, и это время длилось долго, когда итальянцы, как миссионеры нового учения, путешествовали по всем странам нашего континента, отгоняя варварство и язычество, и когда итальянцы стояли при дворах королей и в столицах государств, как князья церкви во главе духовных дел. Поскольку, будучи солдатами и преторианцами, они уже не могли помиловать императорскую корону, они стали делать это как священники. С тех пор как Карл Великий около 800 года получил эту корону из рук Льва III, Рим, вечный город, снова стал столицей мира. Огромный перевес власти христианской церкви, созданной, поддерживаемой и взращиваемой итальянцами, означал, что в Средние века, как и в древние времена истории Европы, Италия вновь стала средоточием и центром, где велись все сражения, как духовные, так и военные.

"Римско-христианская церковь, ее впечатляющий обряд, великолепие и очарование ее культа, уводящего ум к возвышенным вещам и пробуждающего душу к религиозности, ее прекрасные арии, ее впечатляющие хоры, ее великолепные орнаменты, величественное пространство ее домов, величественное пространство его молитвенных домов, очаровательная поэтическая дымка, придающая всей его религии такой славный вид, его притягательная тайна, переносица ум в высшие сферы" - все это произведения итальянского изобретения и искусства. - Во всех странах Западной и Центральной Европы, на север до Северного мыса и на восток за пределы Сарматии, распространилась эта религия, регулируемая итальянцами, и организованное ими церковное правление. Повсюду люди служили Богу на итальянский манер и на языке, распространенном итальянцами по всему миру. "В ^{XI} веке, когда жестокий бенедиктинский монах Гильдебранд был увенчан тройной короной, теократическая монархия италийцев, охватившая почти всю Европу, достигла своего завершения, как когда-то при Августе их военная монархия.

Как тот молодой монгольский конокрад, и даже более справедливо, чем Чингиз-Чан, гениальный сын итальянского ремесленника мог сказать: "Весь мир вращается вокруг меня, как вокруг своего центра" - императоры держали стремена первосвященников Италии, а короли Европы приходили целовать их башмаки. Власть этих князей Римской церкви длилась даже дольше, чем власть римских консулов, а их преемственность - дольше, чем преемственность римских императоров. И хотя впоследствии эта манера итальянского господства, а также, которую они осуществляли над Европой через своих императоров, была сломлена новым духовным Арминием в лесах Германии, все же сегодня значительная часть нашего континента может считаться итальянизированной или находящейся под влиянием Италии в отношении своей реальной жизни и религиозного мышления.

Да, территория, потерянная в Германии и Северной Европе папством, была богато компенсирована провинциями, которые его миссионеры, его иезуиты и монахи-мендиканты завоевали по ту сторону океана в новом мире.

И это папство, это духовное мировое господство, постоянно осуществляемое Италией, обладает такой несокрушимой жизнью, что даже до сих пор все великие народные потрясения нового времени, французская революция, наполеоновские войны, народные движения 1848 года и последние потрясения в самой Италии, грозившие искоренить его, как Лютера в Германии, с корнем и ветвью, причинили ему лишь незначительный вред. Она прошла через все эти бури, ее швыряло то в одну, то в другую сторону, но она осталась на якоре и сегодня, как и прежде, повелевает.

Хотя католическая церковь и папство - самые грандиозные и влиятельные творения, возникшие из духа современной Италии, они не единственные. - Любовь, если можно так выразиться, к городскому, гражданскому и республиканскому образу жизни, кажется, была частью духа итальянцев с незапамятных времен. Возможно, она обязана своим происхождением характеру их родины, которая разделена на множество замкнутых частей. Уже в древние времена мы видим, что страна покрыта городами, а люди не находятся, как германцы, во взаимных отношениях, созданных земледелием или землевладением; не объединены, как славяне, узами семейной жизни, родства или кровного родства, а объединены в городские муниципии или городские государства. Итальянцы называют город "*una nazione*".

Уже во времена этрусков все в Италии исходило от городов. Все войны древних итальянцев между собой были войнами города против города. Римское завоевание мира продолжила не могущественная княжеская семья, как впоследствии Каролинги, а жители одного города. Во времена римлян, как я уже упоминал, вся Италия, да и весь мир, казались одним городом. Вся Италия получила от них гражданские городские права, вся империя - *Orbis terrarum*, так сказать, городскую планировку. С вторжением германских королей и знатных семей эта глубоко укоренившаяся тенденция к городскому хозяйству на некоторое время была нарушена. Ведь германцы были, так сказать, народом, состоящим из пастухов и крестьян. Они передали завоеванным ими империям королевскую семью и устройство домашнего хозяйства, которое, по-видимому, взяло свою модель из организации резиденции землевладельца-дворянина. Однако в позднее Средневековье, после того как варвары отступили, а трансальпийские императоры обрели могущественных двойников в лице римских пап, вновь возникла староитальянская городская система. Вся страна и народ, как нитка жемчуга, распались на множество городских республик, как во времена этруров и Великой Греции, с многочисленными процветающими и великолепными гражданскими муниципалитетами. Земельные владения и феодальное дворянство, введенные германцами, исчезли. Ни в одной стране Европы феодальная система и аграрное государство не были отменены так рано, как в Италии. Исключение составляют только Южная Италия и Сицилия. Рыцарство сошло на нет в городских республиках и даже в небольших монархиях, в которые через некоторое время превратились многие из этих маленьких республик. Ибо эти новые монархии, их лорды и герцоги, как Медичи во Флоренции, герцоги и патриции в Венеции и Генуе, почти везде происходили из буржуазии и, так сказать, из глав городов. - Уже в ^{XIV} веке рыцарский дух, принесенный из-за границы, был полностью утрачен в Италии, где, более того, он так и не пустил глубоких корней. "Это преобладающее влияние городов в Средние века, - говорит итальянский историк Сисмонди, - является истоком современного итальянского характера. Следовательно, при них вся собственность на землю находится почти исключительно в руках городов, и земледелец не является ни независимым землевладельцем со своими рабами, ни свободным гражданином, имеющим свою собственность, а только арендатором городского жителя." С этим связано и менее резкое разделение социальных слоев в Италии. Высшие классы, дворянство, в Италии гораздо больше слиты с буржуазией, чем в Германии или Франции. Их никогда нельзя было обвинить

в самоуверенном самомнении старой немецкой и французской знати. Дворянство в Италии также никогда не преследовалось с такой лютой ненавистью, как во Франции, потому что по крови, нравам и деятельности оно было гораздо теснее связано с буржуазными классами и городами" - Из сказанного, однако, не следует приписывать все эти черты только *современным* итальянцам. Напротив, их можно найти, как я уже показал, уже у самых ранних итальянцев, и поэтому то, что Сисмонди называет *следствием* преобладания городов, можно рассматривать, наоборот, как древнюю *причину* этого преобладания, действовавшую на протяжении тысячелетий.

Как пышное апельсиновое дерево со множеством золотых плодов и цветов, так и Италия Средневековья, богато украшенная процветающими городами. Среди них были могущественные республики, такие как Венеция и Генуя, которые порой противостояли священному союзу европейских князей и самостоятельно вмешивались в мировые события и судьбы народов на протяжении почти тысячи лет. Их республиканское государственное устройство способствовало развитию талантов; разностороннее развитие и местный патриотизм увеличивали население и богатство, способствовали процветанию искусств и наук. Когда мы читаем восхитительные картины итальянских условий в период наибольшего процветания этих городских республик, то есть в XIV и ^{XV} веках, и смотрим на условия в других странах в то время, нам трудно поверить, что эти два явления были одновременными. "Там, главным образом во Франции и Англии, печальное зрелище нищеты, варварства и невежества, повсюду насильственные действия нецивилизованных лордов и крестьян, озлобленных несчастьем. Мы с удовольствием отводим от них взгляд и обращаем его на богатые, просвещенные государства Италии, на Апеннины, покрытые богатыми пашнями до самых высоких гребней, на ее большие, красивые города с оживленными гаванями, арсеналами, виллами, музеями, библиотеками, рынками, заваленными всевозможными предметами удовольствия и вкуса, и на ее мастерские, кишашие искусными работниками".

Торговля и судоходство были источниками процветания этих итальянских городов. Они были движущей силой их действий и целью всех их начинаний.

Они занимались торговлей с таким талантом, что стали для всех нас учителями в этом деле. Большинство терминов, связанных с торговлей, имеют итальянское происхождение, как и европейская купеческая бухгалтерия, банковское дело и валютный обмен, а итальянцы подарили миру первый вкус морского кодекса. На их так называемых "консолатос" покоится, теперь, конечно, гораздо более развитая, юрисдикция мореплавателей. Было время, с ^{12-го} по ^{15-й} век, когда законы Амальфи, Пизы, Генуи и Венеции соблюдались на всех морях. Ни один крестовый поход не мог состояться без помощи этих итальянских городов. В завоевании Святой земли, а затем и Константинополя они сыграли главную роль и извлекли из этих завоеваний максимальную выгоду - их колонии и прибрежные владения простирались по всем портам и мысам Средиземного и Черного морей. Генуэзцы и венецианцы имели свои процветающие фабрики повсюду, даже в Испании, в Барселоне, Севилье и Лиссабоне, и даже в Египте и Сирии - в Южной России, даже в глубине Малой Азии, можно найти башни, которые они строили для защиты своих складов или торговых путей. Благодаря этому итальянский язык стал основным торговым и деловым языком всего так называемого Леванта, даже во времена турецкого владычества. После этого многие отрасли торговли в остальной Европе остались в руках итальянцев, например, торговля восточными и южными пряностями. В Венгрии торговцев пряностями до сих пор называют "вальше", то есть итальянцами или иностранцами, в Германии - просто "итальянцами".

Их Марко Поло путешествовал в ^{XIII} веке, торговал и вел дела по всей Азии, вплоть до двора монгольского императора, вплоть до Китая и Японии. Их моряки, астрономы и космографы

были самыми искусными во всей Европе, и без их помощи кругосветное путешествие не было бы осуществлено. Дель Кано, Колумб, Веспуччи, большинство первооткрывателей великих океанских открытий были итальянцами или получили образование в итальянской школе.

Помимо торгового духа и коммерческих достоинств, итальянцам пришлось приобретать дипломатические и политические навыки в своих городах с таким количеством различных администраций, со страстно противоборствующими партиями, между которыми постоянно обсуждались и спорились политические события. В этом отношении они также прошли школу, которая развила их настолько, что Италия надолго стала страной политиков. Даже в свои худшие времена, когда они были в наибольшем упадке, они давали большинству великих государств остальной Европы правителей в виде министров, государственных деятелей и посланников. Особенно в 17-м и 18-м веках итальянские государственные деятели держали бразды правления почти при всех дворах. В Испании - Орсины, а после них - знаменитый кардинал Альберони. Во Франции - мудрый, чрезвычайно умный, да, можно сказать, великий кардинал Мазарин, которого Ришелье рекомендовал своему королю как единственного, кто способен продолжить руководство делами. В Австрии - принц Евгениус, величайший государственный деятель и полководец своего времени, и Монтекукули, единственный, кто мог противостоять французам Тюренну. Было время, когда таких влиятельных итальянцев можно было встретить во всех кабинетах, даже самых маленьких государств. И разве не в новое время другой итальянец, так сказать, римский цезарь, правил Европой в течение 20 лет.

Поскольку итальянцы, как я уже говорил, с древних времен были настоящими горожанами, они должны были заниматься важнейшим городским искусством, истинно буржуазным искусством, архитектурой, как и торговлей. И действительно, это искусство процветало дольше всех, более того, всегда, и не переживало чередования периодов роста и упадка, как другие искусства, такие как живопись или музыка. Это было единственное искусство, в котором древние римляне преуспели с самого начала, в котором они не подражали другим. Многие отрасли архитектуры, например строительство дорог, мостов и крепостей, были особенно необходимы этим завоевателям мира. Они наводнили весь цивилизованный мир своими произведениями, построенными на века, руины которых и сегодня громко свидетельствуют об их высоком вкусе и мастерстве в этой отрасли искусства. "Даже от позднего императорского периода, когда поэзия и литература уже переживали железный век, до нас дошли грандиозные римские постройки. Да, даже в разгар переселения народов, когда лира полностью умолкла, в Италии при готических и лангобардских королях были построены восхитительные произведения.

А архитектура стала первым искусством, вновь развившимся в городах Италии после времен варварства, уже в X^{веке}, когда другие Музы еще долгое время пребывали в спящем состоянии. Поэтому предпочтительно считать ее настоящей, врожденной дочерью Италии: как древние римляне, строившие города и дороги, так и новые римляне, как христианские миссионеры и посланники папы, выходившие в мир и посвящавшие алтари, нуждались в первую очередь в строительных художниках. Церковное строительство в Риме должно было производить впечатление, прежде всего, красивыми молитвенными домами. Она стала матерью архитектуры. Возник красивый и широко распространенный итальянский стиль церковного строительства, который в течение веков прошел несколько фаз. Однако в целом, с его колоннами, круглыми арками и куполами, он соответствовал нескольким архитектурным стилям, которые уже давно использовались в Италии. Он резко контрастировал во всех отношениях с угловатым, заостренным и возвышающимся архитектурным стилем, практиковавшимся позднее германскими народами, который, похоже, пришелся по вкусу

угловатым, грубым и напыщенным нордическим варварам, но который всегда оставался чем-то странным среди более любящих, так сказать, более округлых итальянцев, даже если они иногда подражали. Брунеллески, мастер строительства дворца Питти во Флоренции, Браманте, создавший церковь Святого Петра в Риме, Палладио, архитектор бесчисленных вилл и дворцовых резиденций, - вот лишь некоторые из многих итальянских мастеров-строителей, прославившихся на весь мир своими работами. Действительно, в Италии существовали целые семьи и роды мастеров-строителей, которые передавали это искусство и необходимый талант от отца к сыну. И даже сегодня существуют целые районы или долины, где все жители - искусные домостроители и дорожники, помогающие строить дороги и городские магистрали в Германии или Франции.

Как и в Индии, Египте и Греции, религия, увлечение божественным и его воображаемым представлением, дала дух и жизнь другим искусствам повсюду среди людей. - Когда христианская церковь и религия, родители искусств, основали свои штаб-квартиры в Италии, Италия, страна церквей и городов, должна была стать главной страной и для всех других искусств. - Архитектура, возникшая из чрева церкви и городов, которая так нуждалась в помощи других искусств, потому что давала лишь грубые очертания и оболочку, которую скульптор должен был украсить скульптурой и тем самым завершить, которую живописец должен был украсить поэзией красок, которая в своих залах и сводах давала самый прекрасный резонанс песне и музыке, должна была быть завоевана мастерством этих искусств.

Сначала появились истинно христианские, истинно религиозные искусства, музыка и живопись, и породили чудесные творения. И то, и другое стало для итальянцев таким же родным, как для любого другого известного нам народа в мире, даже не для греков Перикла и Александра Македонского, хотя в скульптуре они оспаривают пальму первенства у итальянцев. Примечательно, как в Италии пластика, а в поэзии, можно добавить, и эпос, всегда были подчинены живописности. Уже римляне - по крайней мере, их поэты, например, Вергилий - больше всего преуспели в описательном, живописном жанре. В новое время Венеция, Милан, Флоренция, Рим, да почти все города Италии, имели свои собственные школы живописи, каждая со своим собственным отличительным характером и своими несравненными мастерами во главе. Однако в лице художника *par excellence*, которого люди называли "божественным", в лице Рафаэля Санцио, Италия создала самое непревзойденное, что когда-либо случалось с человечеством, "гения, в чьих работах наиболее ярко раскрывается духовное благородство человеческой природы, которым когда-либо обладал любой человек, и который во всех своих произведениях держал себя на высоте самой торжественной и целомудренной красоты". - Во времена Рафаэля, безупречного, совершенного, в период так называемого *Cinque cento*, в 15th и 16th веках, искусство в Италии достигло своего зенита. Тогда же достигли своего зенита мощь и богатство всех итальянских городов. Тогда, как и художники, так и поэты создавали свои вечно восхищающие произведения. Это было такое славное время, какое во времена Перикла пережил только один народ, кроме итальянцев, - эллины.

Как ни странно, в мировой истории нет периодов, в которых расцвет народов имел бы столько общего друг с другом, как в случае с греками в пятом веке до рождения Христа и с итальянцами в *Cinque cento* после рождения Христа. Эти два периода с интервалом в 2 000 лет, кажется, были скопированы друг с друга. В обоих есть обилие прекрасных городов и княжеств, в обоих искусства и поэзия процветают несравненно лучше. В обоих периодах мы встречаем героев и людей, которые порой похожи друг на друга как братья. В обоих периодах "завоевание мира духов, беспримерный штурм Олимпа" - кажется, что итальянский ум тогда

еще больше обратился к грекам, которые были родственны ему с доримских времен, чем к римлянам, детям Италии-завоевательницы, но в определенном смысле другим по характеру. Действительно, современные итальянцы во многом имеют больше общего с эллинами, чем с теми педантичными, нелюбящими, воинственными, жесткошеими, негибкими римскими соотечественниками.

Вот уже два столетия, как изобразительное искусство и художественные школы пришли в упадок среди итальянцев; "но, тем не менее, очень общее и тонкое чувство искусства, всего народа, как неизгладимое наследие того времени, сохранилось. Почти каждый итальянец, даже наименее цивилизованный, обладает живым вкусом к законченному и живописному, и даже незначительным вещам он умеет придать вид, соответствующий вкусу".

В ряде менее значительных отраслей изобразительного искусства, например, в мозаичной живописи, в работе с гипсом, в изготовлении из алебаstra изысканных ваз, урн и кувшинов, итальянцам по-прежнему нет равных, а мастерские по изготовлению фигур из гипса почти повсеместно находятся в их руках.- "Только постоянным созерцанием старых шедевров, которых так много в их городах, постоянным упражнением глаза и суждения, одним словом, воспитанием в объятиях искусства, можно объяснить, как прежде в Греции, так теперь и в Италии, тот художественный инстинкт, который оживляет в них все классы общества, который заставляет даже самого ничтожного человека носить свой рваный плащ в живописных складках, или, во время игры или беседы с товарищами, заставляет его образовывать изящные группы, и который также заставляет, чтобы на их улицах, в их деревнях, в их домах, где аккуратность и порядок не бросаются в глаза, все имело живописный вид."

Многое из этого даже перешло в их телесные привычки и внешний вид, и характеризуется в их телесном росте и физиономии. Вместо нецивилизованных черт лица, угловатых лиц, грубого характера и плохо сложенных, но часто твердых и мускулистых тел, которые чаще встречаются по эту сторону Альп, мы находим по ту сторону гор, уже среди северных итальянцев, более изящные и легкие формы, более стройный рост, более возвышенные и чистые черты, с более разумным и живым выражением лица. Впрочем, все это, пожалуй, отчасти следует назвать изначальными чертами и причинами, а не следствиями, которые, к тому же, в большей или меньшей степени характеризуют их как древнее наследие всех уроженцев южной Европы, в отличие от более северных жителей нашего континента.

Однако как можно говорить об итальянском врожденном и специфическом вкусе и чувстве искусства, не упомянув прежде всего о музыке? Кажется, что на итальянской земле она так же стара, как и архитектура. По крайней мере, в доримские времена, как уже упоминалось, этруски славились как превосходные музыканты. Господство немзыкальных римлян, которых в этом отношении можно рассматривать как яблоко, упавшее далеко от ствола, как неумелого сына в талантливой семье, также остановило дальнейшее развитие этого искусства.-Однако "с христианской церковью, с гимнами и псалмами, воспевающими единого и единственного Бога и ангелов, музыка снова вошла в Италию", пережила несколько, очень резко очерченных периодов расцвета и до сих пор, и в этом она отличается от других искусств, постоянно приносит самые прекрасные плоды. После того как в течение долгого времени она служила почти исключительно церкви, с ^{xvii} века она пытается выйти и на сцену, и наконец возникла особая отрасль музыки, продукт Италии, "опера", которую итальянцы создали и развили и которая с помощью их певцов и композиторов теперь настолько вошла во вкус и дух всех европейцев, что можно сказать, что она почти характеризует наш современный художественный вкус.

Итальянские оперные поэты Россини, Доницетти, Спонтини и многие другие были еще нашими современниками; и справедливо будет сказать, что итальянцы еще не уступили первенства в этой отрасли искусства. В этой области у них нет конкурентов, кроме немцев, которые, однако, превосходят их в инструментальной музыке.

Характеры музыкантов этих двух главных музыкальных народов Европы более или менее схожи с характерами готической и итальянской архитектуры. В немецкой музыке, как и во всей сущности этого народа, все глубоко и высокопарно, "в итальянской же музыке основным элементом является чистая эвфония; гармония в ней подчинена чистым, чувственно прекрасным мелодиям. Итальянскую музыку, как и сам итальянский народ, можно назвать предпочтительно живописной. Их трели, рулады и тональные перекаты словно напоминают круглые арки, купола и колоннады итальянских зданий".

Для немногих народов музыка и особенно пение стали такой реальной потребностью, как для итальянцев, которым природа дала самую счастливую организацию для этого, самый чистый голос, самый тонкий слух и особенно мелодичный язык. В Италии пение не только сопровождает все жизненные операции, но и указывает и подчеркивает все настроения, будь то веселые и приятные или грустные и страстные. "Особенно среди женского пола низших классов, - говорит один путешественник, - в Италии можно найти лишь несколько человек, которые не срываются на дикое пение, когда их гнев достигает высшей точки" - если это замечание верно, оно объясняет, как такой народ может создавать оперы, и насколько жизненны и естественны все страсти, выраженные в песне, в этом типе драмы, в которой так много кажется принужденным и искусственным для трезвого жителя Северной Америки.

Если художественный язык коммерции в Европе хотя бы отчасти итальянский, то язык музыки во всем мире полностью итальянский. Другие народы настолько полностью переняли итальянский язык музыки, что даже не утруждают себя подбором хороших слов в своих языках для выражения разницы между "анданте" и "адажио", "аллегро" и "аллегretto" и сотней других музыкальных выражений искусства, и в то же время нашей любящей музыку молодежи с помощью этих итальянских слов прививается любовь к итальянскому языку.

Этот прекрасный, звучный язык сам по себе является прекраснейшим памятником врожденного чувства красоты итальянцев. Почти каждое из их ста тысяч слов содержит в своей конструкции доказательство тонкости их слуха, округлости рта, гладкости языка и мелодичности голоса. Ибо в самые ранние времена среди древних италийцев, по-видимому, использовались не что иное, как музыкальные и мягкие языки; остатки, дошедшие до нас от древних окцидентских и умбрийских языков в южной и центральной Италии, скорее, насколько мы можем судить по надписям о звучании, указывают на очень твердые языки - сами римляне говорили о древнем этрийском языке, что он был настолько твердым и грубым, что они с трудом могли его произносить. Очень благозвучные римские имена приобретали в устах этих любящих искусство этруров очень неприятный и тусклый оттенок, например, Тарквиний становился "Тархнасом", Александр - "Эльшентром", Минерва - "Менрвой", Полидект - "Пултуком" и так далее. И это произошло в тех областях (флорентийских), где позже расцвел восхваляемый *"тосканский язык"*. - Древние кельты в северной Италии также были, судя по нынешним остаткам кельтского языка, не чем иным, как округлым, звучным языком.

Романский или латинский язык, который взял верх позднее, кажется, был предпочтительнее всех других форм речи в этом смысле, потому что, хотя его нельзя назвать особенно мягким языком, а скорее следует рассматривать как некую мужественную, мощную, полнозвучную идиому народа, который правит миром, он все же заметно отличается от того неприятного и поражающего слух скопления согласных, которое так пугает жителя Южных земель в германских и славянских языках. -Он занимает промежуточное положение между новым мягким итальянским и старым твердым итальянским языками и, вероятно, является первоисточником и матерью мелодичности в современных романских диалектах, только с течением веков они отказались от величественной мужественности этого языка мировых регионов и, наконец, сохранили и развили мелодичность как главное.

Короткие слова латыни, оканчивающиеся резкими согласными, итальянский язык заканчивает мягко, добавляя гласные, например, в "*madre*" вместо *mater*, "*imperatore*" вместо *imperator*. Они смягчают резкое *t* в более мягкое *d*, например, "*lido*" вместо *litus*, "*podesta*" вместо *potestas*. *L* в соединениях согласных превращается в *i*, например, *flamma* вместо *flamma*, *piangere* вместо *plangere*. Аналогично, нёбные буквы неоднократно заменяются плавными шипящими звуками, например, *vox* на "*voce*", *occidere* на "*uccidere*". Утомительное прилагательное *h* в начале слов очень легко звучит для них как *u*, например, "*uomo*" вместо *homo*. Такое смягчающее *u* также часто ставится в середине слов перед полным и резким *o*, например, "*suono*" вместо *sonum*. Мягкое *v* часто заменяет твердые *p* или *b*, например, "*tavola*" вместо *tabula*, "*avere*" вместо *habere*. Это лишь несколько из бесчисленных примеров, предлагаемых на каждой странице итальянского словаря, на которые я хотел бы обратить внимание, чтобы дать понять, что итальянский язык почти везде является украшением, орнаментом и слиянием латыни, и в определенном смысле представляет собой женский род этого мужского языка.

Может показаться странным, что это округление, притупление и смягчение латыни произошло именно после вторжения германских варваров в Италию, при отступлении этих грубо говорящих людей и во время смешения с ними. Как будто итальянцы, в результате проникновения в их страну этих грубых тонов с севера, из противодействия им еще больше обратились к мелодичной речи. Впрочем, во многом это должно было быть следствием последующей борьбы между двумя языками. Смягчение и округление должно было быть естественным следствием такой борьбы. Подобно тому, как катящиеся камни становятся округлыми, какими бы угловатыми и разными они ни были изначально в соответствии с природой гор, острые края слов были сглажены в этой битве языков. Когда итальянцы под властью готов и лангобардов утратили свой воинственный дух и стали слабой расой, кажется естественным, что они также перешли на величественный, мощный, богатый язык мировых империй. Вероятно, церковь также оказала на них сильное влияние, как и на искусство, музыку и пение, на формирование мелодичного языка, богатого вокалом. Сайт , где находилась церковь и Папа Римский, до сих пор известен как место произнесения классического итальянского "*Bocca Romana*".

Прекрасный, мелодичный язык итальянцев получил полет жаворонка, ему отказано в взлете орла. Что в этом суждении есть доля истины, что оно указывает на изначальное расположение итальянского духа, доказывается также характером литературных произведений, созданных на этом языке, характером итальянской поэзии. -Если поэзия, как и сам язык, есть выражение внутреннего духа народа, глаз его лица, зеркало его жизни, если ее история есть история народного духа со всем его развитием, его радостями, страданиями, надеждами и воспоминаниями, то для песнолюбивых итальянцев весьма характерно, что

почти вся их поэзия осталась, в большей или меньшей степени, в пределах лирического круга.-В этом жанре у итальянцев, как и у испанцев в драматургии, больше всего поэтов, величайших и наименее уравненных мастеров, среди которых первое место занимает Петрарка. Есть у них и поэт Данте, совершивший высокий полет орла. У него, однако, не было преемника, все его последователи погибли.- Петрарка же нашел среди итальянцев бесчисленное количество счастливых ученых. Их литература и язык достигли высочайшего уровня в лирике и эротике. В результате их усилия по совершенствованию языка, увеличению сладости выражений и гармонизации слов были неизмеримы. Как народ художников, они обращали внимание главным образом на форму, а язык искусно работал с материалом, подобно тому как их Бенвенуто Челлини работал с драгоценными металлами, драгоценными камнями и жемчугом. Все их стихи и песни, кажется, рассчитаны не столько на то, чтобы тронуть сердце и ум читателя, сколько на то, чтобы усладить слух слушателей или способствовать общему веселью; отсюда легкое содержание и характер итальянской поэзии, а также ее многочисленные искусные и часто чрезвычайно сложные формы, в которых даже их величайшие поэты не считали себя ниже. Почти все формы лирической поэзии, а также названия, которыми мы пользуемся и сегодня: "сонетта", "баллада", "канцона", "пасквиль" и т.д. и т.п., - такие же изобретения итальянцев, как формы и названия наших многочисленных музыкальных произведений.

Более веселые, чем трагические итальянцы, составляющие резкий контраст с серьезными испанцами и англичанами, не очень преуспели в трагедии; зато в комедии они дали много превосходных произведений, и, будучи живым, театральным народом по всему своему образу действий, они особенно с большим увлечением занимались пантомимой, более того, они сделали ее особой отраслью искусства, первой из всех европейских народов.

У них более мягкие, легкие и легкомысленные виды поэзии были и остаются истинно национальными. Особенно они преуспели в сатире, и в этом они резко контрастируют с честными и в этом бедными немцами.- "Склонность шутить, играть в игры, быть язвительным и насмешливым лежит глубоко в природе веселого народа, и эта склонность нашла богатую подпитку в разделениях итальянских государств и в непрекращающихся войнах за господство, которые очень поощряли общую черту зависти и фанатизма. Даже древние римляне имели эту склонность и породили величайшего в мире сатирика Ювеналия, который был изначально итальянским поэтом, а не, как Вергилий и Овидий, подражателем греков. Поэтому вся Европа приняла выражения "сатира", "карикатура", "пародия" и связанные с ними слова и идеи: "шарлатан", "арлекин", "баяццо" и т.п. от итальянцев.

Медленное формирование этого сатирического, остроумного, острого, красивого, музыкального, новоитальянского языка и поэзии было очень долгим процессом, и то, что он, наконец, стал общим достоянием всех итальянцев, прочной национальной связью, объединяющей их всех, является относительным, только довольно новым результатом.- Пика своей красоты, великолепия, общелитературной, церковной и дипломатической ценности и распространения по всей Италии она достигла в ^{XVI} веке, и с тех пор сохраняет свою высоту, способствуя созданию *Italia Unita* уже около 300 лет подряд.- Однако это не отменяет того факта, что даже на том уровне, на котором он находится сейчас, он все еще далек от того, чтобы стать таким же мощным элементом, как общие устные и письменные языки, которые постепенно возникли в Германии, Франции или Англии. Ведь ни в одной стране Европы провинциальные диалекты не отличаются так сильно, как в Италии, и ни в одной стране они не проникли так сильно среди всех классов. Дело доходит до того, что нередко можно заметить, что даже для образованного венецианца, ломбардца или неаполитанца итальянский язык - это нечто неуютное, и как эти итальянцы радуются, когда после

"итальянского" разговора они могут снова расслабиться, используя свой городской или долинный диалект, впитанный с молоком матери.

Эти городские или долинские диалекты культивировались в Италии почти с тем же рвением, что и собственно языки. Каждый из них имеет свою богатую литературу, не только поэтические и прозаические беллетристики, но и множество серьезных работ, филологических трудов, словарей, грамматик. Эти местные литературы особенно богаты сатирами, насмешливыми стихами и народными комедиями, в которых высмеиваются соседние города и области. - Этот резко выраженный партикуляризм в языке, нравах и обычаях является древним в Италии, и это следствие длинной, некомпактной и округлой страны, разделенной на множество долин и природных районов Апеннинскими и их рукавами. От долины к долине, от бассейна реки к бассейну реки можно обнаружить гораздо большие контрасты в образе жизни, физиономии, происхождении, характере и наклонностях, чем принято считать. Многие из этих различий в языке и характере, возможно, все еще основаны на тех древних племенах и расах, которые жили в Италии еще до римлян, на различии между "умбрианами", "лигурийцами", "самнитами", "кельтенами", и как бы они ни назывались, потому что хотя я и сказал выше, что римляне, романизовав весь полуостров, заложили первые основы *Italia Unita*, нельзя сказать, что им удалось устранить все древние особенности, соответствующие характеру провинций. Итальянец Луккезини даже утверждает, что различные итальянские диалекты не являются детьми одной и той же римской матери, а представляют собой древние народные языки, восходящие к римским временам и лишь слегка измененные ими.

Такое преобладание диалектов всегда было самым серьезным препятствием на пути распространения единого национального типа языка в Италии. И столь же долго связанный с этим резко выраженный местный патриотизм, страстное высокомерие одного города или провинции по отношению к другому препятствовали возникновению общего народного образования и единого национального духа.

В последние полвека огромное желание быть единой, самодостаточной нацией, иметь собственную свободную, могущественную родину постепенно овладело всеми патристическими и мыслящими итальянцами. Мало кто хотел верить в длительность этого движения. Насмешки и жалобы на моральное разложение итальянцев, на их разобщенность, отсутствие воинского духа, сильных мужчин и вождей были обычным делом. С тех пор как древние галлы захватили Древний Рим, гибель Италии предсказывали и оплакивали бесчисленное количество раз, но так же часто итальянцы удивляли мир неожиданным возрождением. Они, как и многие другие знаменитые люди, не достигли лишь одного конкретного зенита процветания, а, так сказать, имели целую серию периодов, в которые они поднимались. "Пульс духовной жизни в Италии с самого начала европейской истории *никогда* полностью *не* замирал. Даже если ее солнце время от времени закрывалось тучами, оно никогда не исчезало с горизонта на долгие века, как солнце эллинов. Даже в часто затяжные периоды глубоких политических бедствий итальянцы всегда показывали себя великими и завоевывали славу в том или ином направлении, и это можно считать величайшим доказательством их удивительной внутренней жизнеспособности, а также укрепляет нашу веру в то, что самовозвышение и объединение этого народа, свидетелями которого мы стали и которому так мощно способствовали немцы, будет иметь также долгую жизнь и постоянно растущее процветание.

2 В нашей стране это недавно было отменено, и диссертация может быть написана на голландском языке. ВЕРТ.

Испанцы.

Вырезанная из горной гряды Европы, отделенная от нее высокой горной стеной, окруженная со всех сторон океаном, крайняя точка нашего континента, с весьма своеобразной физиономией, лежит удивительная земля, которую древние, поскольку им казалось, что над ней сияет вечерняя звезда, называли *Гесперией* (Вестландия). Как и Европа, она, вероятно, ранее была соединена с Африкой Гибралтарским проливом, который прорвался лишь в более поздний геологический период, и по своей сути и характеру имеет много общего с обеими материковыми странами. -Те же самые колебания земной поверхности, которые сформировали террасы Африканского Атласа, затронули и большие скалистые плато Пиренейского полуострова, и часто кажется, что они работали по одной и той же модели и хотели сформировать в Испании миниатюрную Африку, Европейскую Африку. Только когда Океан вошел в некогда полностью закрытое Средиземное море и выкопал порт Геркулес, эта миниатюрная Африка, в том, что касается отношений с материком, перешла на сторону Европы, попала под ее влияние в физическом, этнографическом и других смыслах, но все еще оставалась во многих отношениях в общении с соседней Южной землей, к которой она, так сказать, постоянно тянулась. -В результате вся природа Пиренейского полуострова представляет собой смесь Юга и Севера.

Испания

Здесь есть более жаркие и более сухие регионы, чем в любой другой части Европы. Благодаря своему климату здесь то и дело созревают сахарный тростник, пальмы и другие южные фрукты, а в самой южной точке даже холодолюбивые животные тропиков - обезьяны, а рядом с ними африканские хамелеоны - смогли создать свои ареалы обитания.- Наибольший контраст составляют горные районы Испании, где температура настолько

низкая, что даже наш северный лесной житель, медведь, чувствует себя там как дома. И снова есть районы, которые по красоте природы превосходят все, что предлагает наш континент.

Сьерры, эти зубчатые, неровные скалы Андалусии и Гренады, на которых почти никогда не приживалось ни одно дерево, покрыты гигантскими гранитными глыбами и мраморными массами всех цветов, а их недоступные гребни очень похожи на остроконечные конусы, которые, кажется, пронзают вечно яркое голубое небо. -Эти славные долины, в которых благоухает самая ароматная флора, кажутся, по поэтическому выражению испанцев, впущенными в лоно скал ангелами небесными в качестве колыбели.

Однако серьезное, грустное, мрачное, как правило, берет верх. Бескрайние безлесные, выжженные равнины, одинокие и смертельно тихие, "словно созданные для молитв кающихся анахоретов", простираются по всей Испании. Воздух там резкий и сухой, ужасно жаркий в одно время года и резкий в другое. Напрасно ищешь там мягкие поля, сады Италии, всегда омываемые ласковым западным ветром, напрасно свежую славу, нежную зелень немецких лесов с их веселыми птичьими клетками. Эта мягкая, мирная жизнерадостность зеленого ковра лесов и лугов не распространяется на Испанию, чья природа, хотя и *возвышенная* даже в своих мрачных частях, но не всегда вызывающая, *прекрасна* то тут, то там, но лишь изредка пригодна для жизни и уединения - она, так сказать, закутывается в живописно задрапированное одеяние, которое, хотя и сделано из грубой ткани, усыпано золотой отделкой, драгоценными камнями и жемчугом.

Знаменитые "*Вега*" (луга) Гренады, очаровательное лугово-цветочное плато *Ла-Серены*, на котором сейчас пасутся овцы меринос, пышная Андалусия, над которой рог изобилия рассыпал свои природные дары, воспетые еще древними, богатый влагой "*Уэрта*" (сад), на чьих коленях лежит Валенсия, - вот некоторые из этих райских уголков, Чистый воздух, мощные солнечные лучи и обильная роса с этого неба придают всем растениям и продуктам роскошную нежность и мягкость цвета, блеск, который очаровывает чувства.

Сложив эти немногие, столь резко контрастирующие между собой основные черты их родины, вы, кажется, уже нарисовали портрет самих жителей и узнали основные черты их характера, а также переменчивые судьбы, которые его обусловили. -Как в *климате* и *природе*, в истории страны происходит постоянная борьба, постоянное смешение южных, восточных и северных, европейских влияний и элементов: как холодные ветры севера, северные народы врываются в страну через Пиренеи, и как жаркий "*Солано*", африканские народы с юга восстают против нации. -И испанский народный характер, рожденный из этой смеси, как и страна, очень резко очерченная картина без полусвета и теней, в высшей степени призрачен, полон возвышенного смысла; полный сияющей гордости, полный холодной холодности, - тревожно взирающий на все посредственное, спокойно и бесстрашно встречающий величайшее несчастье, - согласный с ненавистью и любовью, - богатый самыми резкими контрастами, как те дикие *Сьерры* с висящими на них раями, - способный на самую жестокую месть и на самую прекрасную добродетель, от равнодушной бесчувственности до бурной буйности, от медленного покоя и чопорной неподвижности до самой бурной деятельности, - одухотворенные и невежественные, смелые и сдержанные, доверчивые и одновременно недоверчивые, какими обычно бывают переменчивые, прихотливые фантазеры.

Первые люди такого рода, которых история показывает нам в Испании, известны как "*иберийцы*". Похоже, что до них в Испании *не* жил ни один другой народ, они были

изначальными жителями, первыми заселившими эту землю, из которых лишь небольшая часть, так называемые "баски", существует до сих пор.

Эти древние иберы, вероятно, являются самым древним народом не только в Испании, но и во всей Европе, уступая лишь финским племенам. Одна из причин этого заключается в том, что они населяли самую западную часть нашего континента, куда их вытеснили индогерманские племена, предки греков, римлян, кельтов и германских племен, которые впоследствии последовали за ними.

Поскольку между иберийским языком и языками африканских народов было обнаружено некоторое сходство, иногда считалось, что Испания также получила это раннее население из Африки. В основном это была гипотеза великого немецкого философа Лейбница. Но гораздо больше обстоятельств указывают на то, что иберы, как и другие европейские народы, пришли с востока по Средиземному морю, ведь на Сицилии и других итальянских островах, а также на юге Франции, как нам говорят, иберы были первыми элементами населения. Там они были вытеснены своими потомками и пришедшими в страну чужеземцами, и теперь они были вынуждены массово двигаться дальше на запад. Остатки, сохранившиеся под властью иноземцев, до сих пор указывают путь, которым они шли. Кроме этого направления с Востока, этого происхождения из Азии, общей матери европейского человечества, можно обнаружить мало общего между иберийцами и другими европейцами.

Их язык, который мы и сегодня слышим у басков в Пиренеях, настолько своеобразен, согласно последним исследованиям наших лингвистов, настолько полностью отличается от всех других языковых характеристик Европы, что невозможно обнаружить никакого родства с языком кельтов, германцев или греков. Люди искали в самых отдаленных уголках земли родство с этой столь изолированной расой и языком. Некоторые пытались найти сходство с финнами, другие даже с индейцами Северной Америки.

Иберийцы владели всем Пиренейским полуостровом, но уже тогда, когда история начала упоминать о них, они жили там не одни - на них уже спустился другой великий народ. Их восточные соседи и посягатели, "кельты", предки французов, которые последовали за ними из Азии на Запад, уже вытеснили их из Италии и Южной Франции, перебрались из нынешней Франции через северные пограничные горы, заняв значительную часть Пиренейского полуострова. Это первое притеснение Испании жителями Франции, самые ранние следы этого на протяжении всей истории и постоянная вражда между испанцами и французами вплоть до наших дней, также выходит за рамки достоверной истории - она должна быть древней, потому что когда римляне познакомились с этими отношениями, гости из Галлии уже стали в высшей степени иберийскими, т.е. испанскими, по манерам и языку. -Они уже полностью отличались от галльских кельтов, поэтому их также называли "*кельто-иберийцами*" или кельтами, ставшими иберийцами. Например, героические кантабрийцы и баски (нынешние баски) на севере и лузитаны, предки португальцев, на западе, сделали их имя особенно известным.

Не приходится сожалеть, что Тацит не обрисовал нам нравы этих иберийских предков испанцев, так же как и германцев. -Однако то немногое, что мы слышим о них, заставляет нас считать их характер и образ жизни истинным источником и первопричиной национальных особенностей наших современных испанцев; что истоки и начало большинства черт современных испанцев мы должны искать в древних иберах, чья первоначальная природа, вопреки всем влияниям, оказываемым на нее позднейшими миграциями, так сказать, всегда всплывала на поверхность.

Древние иберы жили, в силу особенностей своей горной страны и национального характера, раздробленно на бесчисленное множество резко обособленных племен. Для них была характерна глубокая и страстная любовь к родине, которую они упорно защищали, но они не желали подчиняться могущественным правителям и совершать великие авантюры за границей. Патриотизм, с которым они защищали один из своих городов, Нумантию, от римлян, был широко воспет их современниками, и часто сравнивали эту защиту древней Нумантии с обороной Сарагоссы от французов, которой восхищались наши деды и прадеды. Читая историю этих двух, временно столь далеких друг от друга государств, часто думаешь, что наблюдаешь один и тот же ход событий; происходят одни и те же явления, да, можно сказать, появляются одни и те же личности.

Древние иберы использовали для ведения войны не большие армии, а небольшие, очень мобильные группы "на манер разбойников", как говорит грек *Страбон*, добавляя, что "иберы были способны лишь на небольшие предприятия" (мы бы сказали, партизанские войны).- Если сравнить то, что говорят римляне о таком способе ведения войны, с тем, что мы наблюдали в этом веке, в битвах *дона Карлоса* и в различных других случаях, то можно прийти к выводу, что и сейчас в Испании в основном мало что изменилось в старом способе ведения войны, характерном для этого народа.- Кампании *дона Карлоса* против новой монархии, старого испанского героя *Вириатуса* против римлян, а затем беглого *Пелайо* против арабов настолько похожи, не только в основных событиях, но и в дополнительных эпизодах, что возникает желание поверить, что все это не что иное, как повторение одного и того же факта, после одной и той же запланированной драмы. В иберийских патриотах и воинах, описанных *Плутархом*, мы узнаем как испанских солдат Средневековья, так и современных.

Но даже история таких мелочей, как национальные танцы, кажется, затерялась в Испании в седой предыстории. Те картины, которые дают римские писатели об искусстве иберийских танцоров, об их живых движениях и жестикуляции под звуки кастаньет, об их ловкости и выразительной музыке, свидетельствуют в пользу тезиса, что эти иберийские танцы ничем не отличались от современных "фандангос" и "болеро", исполнением которых испанцы сегодня восхищаются так же, как их предки в римские времена.

Как и в случае с танцами и партизанскими войнами, так и в случае со сходством многих других вещей, которые объединяют старых и новых испанцев и которые в целом доказывают, что население Испании в целом, несмотря на все странные дополнения и расширения, которые оно приобрело с течением времени, все еще в основном основано на примитивных иберийских элементах, которые еще не пришли в упадок; что его можно считать по сути иберийским, а его земли с полным основанием можно назвать старым именем "*Пиренейский полуостров*".

Совершенно чистый и неизменный древний образ иберов и сегодня, как уже говорилось, сохранился в интересных голубоглазых и светловолосых жителях северо-западного горного угла Испании, так называемых баскских провинций, до которых дошли лишь крайние форпосты римских, арабских и других народов, захвативших страну.- Эти баски и сегодня дают нам истинный образ тех "диких, упрямых, неуступчивых, гордых, но в то же время веселых, добродушных и довольных собой древних испанцев" и могут похвастаться тем, что в их долинах проживают старейшие дворянские семьи полуострова.- Как скалы, окруженные чужими барами и с отколотыми то тут, то там кусками, эти древние семьи возвышаются над потоками, которые неслись над другими их испанскими собратьями. Имя иберов и сегодня очень четко прослеживается в названии известной реки Иберо или Эбро. Многие иберийские элементы сохранились и в современном испанском языке, так же как и многие

названия известных испанских городов - это не что иное, как старые иберийские имена, измененные впоследствии.

Вполне вероятно, что иберы, как на севере с галлами или кельтами, так и на юге со своими соседями в Африке, издревле жили в постоянном конфликте и уже оттуда получали влияния и колонии, о которых наши предания уже не говорят.

Основание колоний на юге Испании финикийцами и карфагенянами, предками и предшественниками арабов, можно считать первым *известным* вторжением *оттуда*. Финикийцы построили там Кадикс, Малагу и некоторые другие известные города. Однако, как и греки, основавшие в Испании колонии, такие как Сагунтум, они, по-видимому, редко покидали свои гавани и прибрежную полосу и не проникали в глубь страны. Тем не менее, некоторые вещи в Испании до сих пор напоминают нам о финикийцах, например, само название "Испания", которое, как считается, имеет финикийское происхождение.

Карфагеняне, следуя по стопам финикийцев, своих отцов, распространились *далее* в страну, основали там многочисленные колонии, разрабатывали все новые серебряные рудники полуострова и, наконец, чтобы закрепиться против своих заклятых врагов, римлян, с которыми они боролись за мировое господство, решили подчинить себе всю Испанию. -Они послали своих лучших воинов, *гамилькаров, хасдубралов и ганнибалов*, и те в ходе ряда выдающихся кампаний завоевали большую часть Испании. -Поскольку сами карфагеняне уже давно стали наполовину африканцами и привели в Испанию в качестве солдат и сопровождающих *те же* народы, которые позже пришли с арабами, в основном мавров, варваров и т.д., это можно считать *первым* крупным *мавританским* или африканским вторжением в Испанию, о котором история знает с определенной точностью.

Название города, основанного карфагенянином Гасдрубалом, - *Карфагена* - свидетельствует, помимо прочего, о присутствии карфагенян в Испании. Это пуническое название, которое к настоящему времени исчезло даже на своей африканской родине.

Однако через некоторое время карфагенянам на Пиренейском полуострове пришлось уступить римлянам, которые затем, после их изгнания, попытались подчинить себе всю страну.

Поскольку иберы были столь же упорны и героичны в защите своей родины, как и римляне в своих попытках *завоевать* мир, борьба между этими двумя упрямыми народами продолжалась почти два столетия. Завоевательные и боевые войны в Испании с постоянно возобновляющимися партизанскими войнами почти постоянно тянулись таким образом на протяжении веков. Римские писатели часто сетуют на то, что ни одно покорение не было для них более трудным, чем покорение Испании. Покорение Галлии Цезарем, по сравнению с покорением Испании, было, так сказать, "вени, види, вени": "*veni, vidi, vici!*" (Я пришел, увидел и завоевал).

Конечно, завоевания римлян, продолжавшиеся дольше, были более масштабными и глубокими, чем все вторжения кельтов, финикийцев и карфагенян. -Они присоединили к своей империи весь Иберийский полуостров и превратили его в провинцию, которая долгое время была одной из самых процветающих и густонаселенных частей всей великой империи. Но это изменение национальности не зашло так далеко, чтобы превратить иберийцев в полноценных римлян или итальянцев по духу и телу. Скорее, старая раса осталась по существу прежней; истинно римские поселенцы, пересаженные в эту страну, были, конечно, всегда относительно немногочисленны. Только школьный учитель, капрал, юрист, губернатор были итальянцами; остальные оставались говорящими по-римски, одетыми по-

римски, одаренными римским гражданством, но в остальном думающими и чувствующими людьми иберийского или испанского происхождения. Испанские легионы, которые римляне набирали на Пиренейском полуострове, долгое время были одними из лучших их войск, и никогда, до открытия Америки, испанцы не продвигались в мир дальше, чем под римскими лопатками.

То, что испанцы, несмотря на римское обучение и развитие, всегда оставались испанцами по уму и сердцу, и что даже тогда они обладали или приобрели те же качества, которые проявили раньше или позже, можно достаточно хорошо продемонстрировать. Даже беглое сравнение не ускользнет от наших историков, например, сколько испанских черт можно найти в произведениях, стиле письма и мыслях знаменитых римских писателей и поэтов: *Сенеки, Квинтилиана, Лукана, Колумеллы, Марциала*, которые родились на Пиренейском полуострове. Возможно, есть что-то особенно испанское в отношении, характере и манере поведения обоих великих императоров *Траяна* и *Феодосия*, которые родились испанцами и подарили эту землю римскому государству.

Более поздний римлянин, поэт испанского происхождения *Пруденций*, по словам одного историка, является испанцем насквозь. "Высочайшая причудливость чувств, кропотливо выдержанные дивертисменты, смелые прыжки и дерзкие аллегорические образы, - говорит г-н фон *Шак*, - можно найти повсюду в стихах *Пруденция* так же близко друг к другу, как, например, в трагедиях современного *Кальдерона*. И в тех и в других одна и та же глубина чувства и одна и та же возвышенная красота образности соседствует с самой утомительной нудностью и бесконечными повторениями, - самых прекрасных и блестящих мест рядом с крайне утомительными и бессильными предложениями", которые повсюду появляются на полях испанской поэзии до и после, так же как в природе страны обширные засушливые горные плато и болота между этими "долинами, приготовленными ангелами". "Этот *Пруденций* даже родился, как и его земляк *Квинтилиан*, в той же испанской провинции, из которой вышли величайшие поэты страны - *Кальдерон*, *Сервантес*, *Лопес де Вега*, - а именно в Кастилии, сердце страны.

Влияние римлян на испанцев было более продолжительным и решающим, чем влияние любого другого народа, появившегося на полуострове до или после них: они связали иберов с той ветвью индогерманской расы, которую называют кельто-романцами, дали им романский язык и цивилизацию, которая почти полностью искоренила старую иберийскую, и сделали их братьями итальянцев и французов.

Станным и до сих пор необъяснимым образом этот звучный, благородный, богатый и гордый романский язык распространился по всем частям страны, за исключением баскского уголка, на нескольких диалектах, а позже, даже под властью готов и мавров, конечно, слегка измененный их влиянием, сумел сохранить и развить его; Он вырос в дерево с богатыми плодами поэзии и литературы, как ни один из других языков, перенесенных в Испанию или ставших ее родным. - По словообразованию и склонениям он является истинно романским, во многих моментах он ближе к латыни, чем к итальянскому.

Как и свой язык, римляне передали иберийцам свои древние традиции, мифы и теологию своих богов. И как у других римских народов, так и у испанцев память о греко-римской античности осталась жива. "Даже сегодня путешественник должен удивляться, когда слышит, как испанские крестьяне в глубине страны держат в устах имена Венеры, Амора, Вакха, Геркулеса и других греко-римских богов и обращаются к ним, как сицилийцы, наряду со своими святыми". Кроме того, старые и новые поэты Испании с такой легкостью черпают аллегории и темы для своих трагедий из материалов античной мифологии, Троянской войны,

путешествия аргонавтов и т. д., что можно видеть, как все это со времен греков и римлян стало у них популярным и привычным, а не, как у нас, впервые распространилось в народе филологами и исследователями древностей.

Как и в других странах, в Испании после V века римское владычество сменилось владычеством германских племен, распространившихся по всей Европе: -Сначала суэвны и вандалы, как передовые отряды готов, перешли Пиренеи и сумели установить там временное владычество; часть вандалов обосновалась в самой богатой и южной провинции Испании, в долине Гвадалквивира, но вскоре они ушли оттуда в Африку.-Эти германские вандалы оставили в Испании лишь свое имя, которое с тех пор навсегда осталось "Вандалитией" или "Андалузией".

За суэвнами и вандалами последовали вестготы, которые, ожесточенно нападая на испанских римлян, установили свое господство в стране и основали королевство, которое просуществовало два столетия.-Поскольку эти готы, как через браки, так и по другим причинам, вскоре смешались с коренными жителями страны, переняли язык и обычаи, а через некоторое время и набожную католическую религию последних, то они также стали испанцами и в дальнейшем основали свое независимое королевство на всем Пиренейском полуострове, а также распространилось на Лузитанию или Португалию, так что так называемый готский период можно считать первым периодом, когда испанцы действовали как единый народ, государство под властью вождя.

Ведь в иберийской древности, как уже отмечалось выше, существовало лишь множество сосуществующих племен одной *расы* - позднее многие из них оказались в большей или меньшей зависимости от финикийцев, карфагенян, греков и смешались с ними. Еще позже вся Испания была не более чем римской провинцией. Однако при готах вся страна имела одну веру, образовывала одно государство, была одним народом. Именно им следует приписать создание *политической* независимости и престижа испанской национальности.

От их времени, возможно, также произошли многие идиосинкразии и тенденции, которые стали и остались характерными чертами испанского характера, например, серьезное отношение к религии, строгая религиозность и ненависть ко всем, кого они называют еретиками; эта черта проявилась уже при готских королях в жестоком изгнании евреев и в других мерах.-Восстановить свое старое готское королевство, также позднее, во время войн с арабами, так сказать, было идеалом, который витал в сознании испанской нации, и когда они, наконец, достигли этого идеала при Фердинанде и Изабелле, то немедленно то же самое действие, с которым старые готские короли сошли со сцены истории - ужасное преследование евреев - стало одной из первых мер, которыми католические короли отпраздновали восстановление и воссоединение старого королевства. Таким образом, дух судов над еретиками проявился в национальном характере испанцев задолго до того, как стало известно название "инквизиция".

В их языке осталось очень мало готского или германского. Тем не менее, считается, что именно от этого времени произошли: резкий звук, характерный для испанского произношения, их твердые буквы на нёбе, особенно твердое произношение "G" для "e" и "i", а также некоторые изменения гласных букв, характерные для немцев и испанцев, например, чередование "G" для "e" и "i". Например, замена латинского "O" на дифтонг; латинское *corpus*, испанское *cuera*, немецкое *Körper*; латинское *populus*, испанское *puebla*, немецкое *Pöbel* и т.д.

Что-то более германское осталось в их государственном регулировании, нравах, правовых и социальных условиях, что легко объясняется тем фактом, что готы долгое время оставались

правителями, законодателями и подавляющей знатью страны, в то время как их римские подданные контролировали римскую цивилизацию, школы и литературу. -Государственные постановления позднейших королей полуострова еще долго сохраняли готскую основу и германский тон, который лишь постепенно ослабевал с течением времени и, кажется, полностью исчез в нашем девятнадцатом веке.

Некоторые считают, что даже всемирно известная благородная гордость испанцев была привита им германским духом. "*Ser Godo*" (быть готом) до сих пор имеет значение "*быть хорошим дворянином*" в некоторых провинциях Испании.

Немецкие писатели и путешественники также пытались найти в Испании германскую расу, высокий германский рост и другие германские особенности, иногда здесь, иногда там. Например, один человек объявил всех *кастильцев* истинными сыновьями готов и даже считал, что *только* благодаря духу приключений, который принесли им готы, испанцы и португальцы открыли новый мир и с помощью того, что они получили от германцев, долгое время оставались самыми важными и самыми крутыми мореплавателями. -Так, другой не видит в Каталонии ничего, кроме германского и готского, а третий читает, что Астурия, Галисия и северная часть Португалии, откуда происходят крепкие, сильного телосложения люди, так называемые "галлегос" (галисийцы) в Испании, "в соответствии с германским стремлением к путешествиям, путешествовали по южной Испании и южной Португалии как тихие, трудолюбивые работники, а затем, подобно немецким ремесленникам, вернуться с приобретенной прибылью и опытом на любимую родину, которая является *наиболее сущностно германской* частью всей Испании", и что также предпочтительно оттуда, удивительная, поэтическая и фантастическая дымка германского и готического Севера, охватила остальные испанские страны.

Действительно, это последнее утверждение, в особенности, может иметь под собой какую-то основу; потому что в этом северо-западном углу, во время мавританского вторжения, скопилась большая часть остатков германских элементов. Мавры нанесли туда лишь мимолетные визиты, и оттуда же началось все восстановление новой Готской империи и испанской национальности. Эта часть Пиренейского полуострова также долгое время носила в Средние века название "*Готия*" (Готская земля), и даже по сей день в Южной Америке испанских эмигрантов и переселенцев из Астурии и Галисии называют "готами". В целом, однако, не стоит слишком доверять идее о том, что в Испании до сих пор сохранились германские черты крови и происхождения, хотя иногда сами испанцы, встречая в своей стране немца, помнящего о своем древнем готском происхождении, очень любезно замечают: "*Somos Hermanos*" (мы братья).

Как раса, немцы никогда и нигде не проявляли себя столь же упорными и стойкими, как, например, римляне или многие азиатские племена. В основном в теплом климате Европы они очень быстро поглощались, в меньшей степени на севере, например, в Англии. В Испанию из Германии они также пришли не в таком большом количестве и не такими свежими и непосредственными, как в Англию, а только после того, как они уже путешествовали и жили в других римских провинциях, где, вероятно, уже потеряли большую часть своего исконно германского характера. Их короли и фамилии вскоре женились на видных испанских женщинах. Это отчасти объясняет, почему германский элемент так слабо представлен в испанском языке.

После вторжения готов с севера, через некоторое время, в начале восьмого века, последовал еще один весьма значительный приток с юга, из Африки, по пути, ранее проложенному финикийцами и карфагенянами. -Арабы, могущественные в то время в Африке

и Азии, пересекли Гибралтарский пролив, разрушив готскую империю до основания, за исключением небольшой ее части. Кроме карфагенян, они привели с собой множество племен североафриканского племени, барбарийцев. Испанцы и португальцы называли эту афро-азиатскую смесь народов, принявших ислам, "маврами", поскольку последние происходили из ближайшей к полуострову провинции Барбарийского побережья, которая с древних времен называлась "Мавританией".-Пока магометанско-арабский мир составлял мощное, хотя и не всегда политическое, единое тело, питавшееся одними и теми же соками, вместе с арабами в Испанию приходили части других азиатских народов. Они привели с собой сирийцев и персов, а в последнее время, когда они там оставались, еще и турок.-Все эти восточные народы веками переселялись из внутренних районов Марокко и Западной Азии в Испанию, как будто эта земля принадлежала их Востоку, и прекрасные города, которые они там строили, населяли и украшали: "Кортоба" (Кордова), "Ишбилия" (Севилья) и т. д., были столь же знамениты среди патриотов Египта или Йемена, как Каин, Алеппо или Дамаск.

После того как эти различные неевропейские расы, приплывшие вместе с арабами, прожили там некоторое время, после того как они основали свое собственное, многочисленное и отдельное от великого халифата королевство, когда процветающая цивилизация пустила среди них корни на европейской земле, Они в большей или меньшей степени слились в народ, основным характером и языком которого был арабский, но который в конечном итоге отличался от своих соотечественников в Африке и Азии так же сильно, как европейские турки от своих азиатских братьев в степях. Возникла отдельная испано-арабская национальность, которая с гордостью должна была перенять жесткость, свойственную всем азиатским и африканским расам, в большей или меньшей степени европейской природе и семье народов, в которой и с которой она жила.

В северной, горной Испании, в Пиренеях и их предгорьях, в древних, почти не завоеванных землях кантабрийцев и басков, которых карфагеняне касались лишь мимоходом, где римляне *никогда не* чувствовали себя как дома, арабы тоже появлялись лишь как *перелетные птицы*. Линия, проведенная от этого места до Гибралтара, сначала проходит через области, которыми мавры владели всего 40 или 50 лет, затем через части, в которых они жили более века, и, наконец, через весь юг, близко к Африке, через области, которые они считали своей родиной почти 800 лет. Во всех прекрасных провинциях Пиренейского полуострова, которые от Лиссабона через Гибралтарский пролив до Барселоны поворачивали и открывали свои долины и побережья в сторону Африки, их было *больше всего*, и там, *сначала* как независимые хозяева земли, а *затем* как подданные испанских королей, они продержались дольше всего.

По мере того как они привозили из Африки все новых и новых поселенцев во время своего правления; по мере того как они значительно размножились на самой плодородной земле, в конце концов в этих провинциях, особенно в Андалусии, Гренаде, Мурсии и Валенсии, они не только составили большинство граждан, живущих в городах, но и повсюду населяли землю как земледельцы наряду с туземцами. Благодаря самой трудолюбивой промышленности и земледелию они придали плодородным долинам этих областей такую плотность населения, такую тщательность обработки, такой улыбчивый вид, какого не удавалось придать ни одному народу ни до, ни после них: некоторые из их городов, украшенные самыми красивыми мечетями, самыми изящными дворцами, многочисленными учебными и благотворительными заведениями, садами и водопроводами, насчитывали сотни тысяч жителей.

Первоначальный фанатизм, с которым арабы покинули свою родину в Азии и с которым они опустошительно вторглись в Египет и Северную Африку, был значительно смягчен уже по прибытии в Испанию. В Испании они давали как можно более мягкое толкование предписаниям Корана по отношению к иноверцам, которых они там встречали. Испанские христиане, чьи земли они завоевали, не были уничтожены мечом, а лишь превращены в задолжавших подданных, которые должны были платить лишь умеренный налог. Они продолжали массово жить рядом с арабами и среди них. Мавританские правители не препятствовали религиозным обрядам завоеванных людей, применяя жестокие меры принуждения. Христиане могли свободно исповедовать свою религию и выполнять свои духовные обязанности. Поначалу они держали своих епископов и церкви во всех городах, даже в резиденции империи, Кордове, и даже получили разрешение пользоваться колоколами в церквях, что, как известно, до недавнего времени не разрешалось даже немецким протестантам в большой резиденции немецкого правителя, - Большинство испанских подданных мавров выучили арабский язык, который был гораздо более цивилизованным и научным, чем их готико-римский патуа, - переняли арабские нравы и обычаи и часто становились учениками более цивилизованных и более развитых в научном отношении арабов. - Многие из этих испанских христиан, устав от католического поклонения святым и мученикам, обратились к исламу. Многие из магометан тоже, хотя и гораздо реже, приняли крещение. Браки между христианами и маврами, как однофамильцами, так и однофамильцами, были частыми, и таким образом было сплетено множество нитей, по которым две расы соединялись и смешивались; было создано множество мостов, дорог и каналов, по которым арабская кровь вошла в тело испанского народа, насколько он был подвластен арабам.

Сами мавры, как уже говорилось выше, были несколько ущемлены во время своего пребывания в Испании. Точно так же их христианские подданные, хотя и сохранили свою веру, часто подвергались арабизации и даже имели в своих церковных общинах людей мавританского происхождения. Кроме того, в результате нередких браков между маврами и испанцами вскоре возникло гражданское сословие, состоящее из смешанных людей. Уже второй правитель халифов в Испании женился на готской принцессе. Этих смешанных людей поначалу называли "моц-арабами". И, наконец, всех испанцев, живших среди арабов, называли "моз-арабами", то есть арабизированными христианами.

Если бы арабы навсегда завладели всем Пиренейским полуостровом, они, вероятно, создали бы на римско-иберийской основе свой собственный самобытный народ с сильным арабским оттенком. Однако, поскольку они оставили часть страны незавоеванной, и из нее постепенно выделился самобытный народ, получилось бы обратное: народ со *старым испанским* тоном и некоторым количеством арабского.

Освободительная война, которую испанцы из Астурии и старых земель кантабрийцев начали против арабов и которую они с редко встречающимся в истории упорством и энергией вели в течение пяти веков, пока наконец не достигли своей цели, была, как и все национальные войны между европейцами и азиатами и африканцами, между христианами и магометанами, борьбой на смерть. Как короли Леона, Кастилии и Арагона, воодушевленные своей религией, и испанцы, одушевленные расовой ненавистью, расширяли свою территорию на юг, нога за ногу, город за городом, долина за долиной, так и мавританские жители этих регионов были истреблены, частично мечом, частично из почвы, в которой они пустили корни, как сорняки. - Как с апельсинового яблока снимают кожуру, так и Испания постепенно очищалась от кожицы, выросшей на ее . Но тот, кто сражается с мельником, даже если он заставит его бежать, сохраняет на себе следы муки. - Чтобы быть равным своему противнику,

один должен изучить и перенять многое из того, как ведет войну другой, из его оружия и хитростей, и должен поставить себя на один уровень с ним в плане практики, духа, хитрости и силы.

Так произошло с испанцами в их истребительной войне с арабами. Обе стороны были одушевлены одинаковым религиозным рвением, каждая за свою веру, обе пылали одинаковым патриотизмом: одна - за землю, которой их предки владели с незапамятных времен, другая - за землю, которую они любили. Поскольку обе стороны, хотя и были злейшими врагами, тем не менее представляли собой благородную расу людей, они часто восхищались друг другом с обеих сторон, и между ними нередко возникали поединки великодушия, а в мирные времена, которые всегда были недолгими, иногда даже заключались узы дружбы и брака. Конечно, время от времени солдаты из одной армии переходили в другую.

Нередко христианские короли прикрепляли таких арабских перебежчиков к себе и вместе с ними защищали свои пограничные замки. И наоборот, магометанские князья иногда брали к себе на службу христианских рыцарей. Самый знаменитый из всех испанских народных героев того времени даже сражался вместе с магометанами, и даже под своим арабским почетным титулом "*Эль Сид*" (Повелитель) он сегодня известен нам больше, чем под своим испанским именем: *Рой Диас, эль Кампеадор* (сын Родерика Диго, воин). Арабские ученые и художники, математики, астрономы и врачи были еще более распространены при дворах христианских королей. В зданиях, которые они возводили в своих городах, они часто использовали арабских строителей, и среди испанских христиан, помимо наиболее распространенного готического стиля, возникла более легкая и изящная архитектура, которую они называли "*Obra Morisca*" (мавританская работа). Арабские поэмы, с которыми изгнали себя эмиры Гренады, были с удовольствием восприняты испанцами, пересказаны и затем более свободно имитированы, и поэтому многие черты арабских героев незаметно перешли в характер кастильских рыцарей.

Вместо изгнанного арабского населения испанцы приняли несколько арабизированных христиан, "*Moz Arabs*", которых они нашли в арабских городах и освободителями которых они явились, и вскоре их стали считать частью народной массы. Через них к испанскому народу добавилась толпа людей, которых приучили говорить по-арабски, жить и думать более или менее по-арабски. Легко понять, что таким образом, завершив завоевание Астурии, Леона и т. д., они смогли добраться до арабских городов. Таким образом, завершив завоевание Старой и Новой Кастилии, Арагона, Валенсии и Мурсии, Толедо и Андалусии - всех стран, в которых арабы жили в течение более или менее длительного времени; проникая все глубже и глубже в, так сказать, африканизированную Испанию, их умы также все глубже и глубже погружались в арабский дух.

Полное искоренение и изгнание арабского элемента казалось в конце концов невозможным, если не хотеть обезлюдить всю страну и лишить ее ценности. Поэтому в южных провинциях арабское население, особенно крестьянство, часто оставляли в покое, а их, как когда-то арабов по отношению к христианам, лишь делали ответственными за их богатства и налагали на них определенные ограничения - так, при христианских королях Кастилии и Арагона испанцы и арабы жили бок о бок. Особенно долгое время христианские вельможи и землевладельцы королевств Валенсии, Мурсии, Андалусии и т.д. обрабатывали свои поля арабскими фермерами и садовниками. Этих арабов, живших среди христиан, называли "*морисками*" или мавританскими испанцами. После завоевания Гренады, последнего мавританского королевства, в конце 15 века, затем, даже чтобы сильно уменьшить скопившееся там арабское население и ослабить его мятежный дух, многие арабы были

переселены во внутренние районы Испании. Точно так же, как в последние дни своего все более подавляемого правления, мавританские короли часто пересаживали многих христианских испанцев в Африку, чтобы избавиться от этого все более беспокойного элемента и таким образом воссоединить Испанию с Африкой.

Последние судороги мавританской независимости и национальности в Испании и последние битвы испанцев с ними были чрезвычайно кровавыми по своему характеру: мавры защищали каждый фут земли, которая стала им дорога, сражались за каждую деревню, каждую хижину - каждую нору, в которой мог жить человек, даже если он был подобен дикому животному. Но испанцы преследовали их в каждом укрытии, истребляли в каждом убежище, душили огнем и дымом в скалистых пещерах Сьерра-Морены и Альпухарраса, самых южных гор Испании, куда по разным поводам бежали последние остатки лагеря борцов за мавританскую независимость.

Наконец, испанцы задумали избавиться и от мавританских элементов, которых они прежде привечали в своих королевствах и до сих пор терпели в качестве своих подданных и работников. Эти потомки мавров, включенные в их государственный строй, давно уже были насильственно обращены в христианство. Они жили под властью своих христианских господ, в все более жесткой зависимости, в неслыханном ущемлении. Жизнь христиан под властью арабов, по свидетельству одного христианского писателя, была *подчинением, которое можно было вынести*, но жизнь магометан под властью христиан была *адом*. Несмотря на все бедствия, которые испанцы обрушили на бедных морисков за их веру и национальность, они остались верны своим отеческим обычаям, своему языку и, под маской навязанного им христианства, своей вере. Поскольку испанцы видели, что им никак не удастся превратить морисков в истинных христиан, они решили, наконец, полностью избавиться от них и изгнать их в Африку.

Со времени объединения королевств Кастилии и Арагона под одной властью при Фердинанде и Изабелле, а затем после завоевания Португалии при Филиппе II все, что жило на Пиренейском полуострове, принадлежало одному и тому же государственному организму. Мысль о том, что все должно составлять одну кровь, один похожий народ, с одинаковой моралью и чистой христианской верой; что вся земля иберов - священная земля, которую не должно запятнать ничто нехристианское; что даже последняя арабская искра должна быть растоптана, а последняя магометанская болезнь - изгнана, овладевала людьми со все большей силой. Это медленно укореняющееся национальное убеждение испанцев уже давно проявилось в том, что они разделяли введение такого страшного института, как инквизиция, первоначально направленного только против инакомыслящих, и поддерживали изгнание евреев по приказу своих королей и священников в 1492 году. В 1610 году, при слабом короле Филиппе III, эта идея, к сожалению, привела к полному истреблению морисков. Королевские чиновники и церковные инквизиторы объехали Арагон, Кастилию, Каталонию, Андалусию, все ландшафты южной и центральной Испании и, подобно садовникам, повсюду вырывали то, что называли сорняками. -Миллион лучших подданных короля, которые давно уже стали очень хорошими испанцами (если не считать одной странной капли в их крови и религиозной убежденности, сиявшей в их сердцах), были по этому случаю безжалостно собраны вместе, упакованы в корабли и несколькими транспортом отправлены в Африку.

Испанцы часто бушевали против собственной крови или крови, тесно связанной с ней. Раны, которые они нанесли себе, не зажили до сих пор. Несколько плодородных земель, которые при маврах были усеяны цветущими деревьями и садами, до сих пор лежат под паром и ничем не служат народу.

В некоторых из этих бывших садов, как и в степях России, теперь пасутся лишь отары овец, да полудикий скот.

Однако легко понять, что жестокое изгнание морисков, суровые осуждения арабского языка и даже инквизиция, проникшая в кровь и сердца, *не смогли* устранить все мавританское, что вкралось в язык и характер испанцев.

Испанский язык, не только различные провинциальные диалекты, но и классический диалект, преобладающий в литературе, который, как и народ и империя кастильцев, пришел с севера, через арабские области и руины, полон арабских выражений. Ни от одного другого нелатинского языка испанцы не переняли столько элементов и особенностей. "Их поэзия, особенно лирика, и их поэтические привычки заимствованы у арабов. ".

То обстоятельство, что испанцы, такой исторический народ, стали столь богаты историками и летописцами, а также то, что после лирики они ни к одной отрасли поэзии и литературы не обращались более, чем к драме, это можно отчасти объяснить если не *смешением* с арабами, то, по крайней мере, долгой борьбой с ними, которая была, так сказать, драмой, охватывающей 500 лет, с тысячей весьма трагических событий и эпизодов. В результате неудивительно, что испанцы стали такими рыцарственными, такими серьезными и такими драматичными во всем; что их величайшие и самые прекрасные поэты полностью посвятили себя трагедии; что, подобно тому как *Клио* соткал ткань испанской истории из одних лишь драм, *Талия* лишь перерисовал ее в трагедиях, что *Молина* не менее 300, *Кальдерон* 700, еще более плодовитый *Лопес де Вега* написали полторы тысячи пьес и трагедий о сценах, которые представляют мир; И что, как говорит патриотичный испанец, драма стала для его соотечественников тем, чем Библия была для евреев, "Илиада" и "Одиссея" для греков, а именно: "архивом для исторических, политических и религиозных знаний и бытия народа, содержащим ярко и страстно написанную летопись сменяющихся судеб, славы и несчастий испанского народа". "Образность и фигуральность в стихах испанцев, их пристрастие к изысканной игре с идеями и противоречиями, надуманные сходства и аллюзии, столь тесно связанные с сущностью испанского языка", в значительной степени напоминают арабов. - Любой, кто хоть раз общался с испанцами, не заметил бы странных и напыщенных выражений, напоминающих о Востоке, которые то и дело встречаются как в их поэзии, так и в повседневном общении, например, когда молодой человек говорит на эту тему. Например, когда молодой человек называет предмет своей любви "*Clavel de mi alma*" (ты якорь моей души), или когда веселая девушка польщена тем, что он восхваляет ее как "солонку, полную духа", или когда кто-то, взволнованный бокалом восхитительного вина, восклицает: "что оно дает ему предвкушение рая". Даже в напыщенном пафосе, в странных притчах, цветистых выражениях в прозе испанцев или в их политических разговорах, кажется, можно узнать потомков восточных людей.

В манерах народа, в танцах, играх и одежде испанцев также, в одной провинции меньше, в другой больше, осталось много восточного или арабского. В самых южных горах Испании, в Альпухаррасе, перед лицом Африки, а также в Сьерра-Морене, как говорят, и сегодня можно найти прямых потомков мавров, сохранивших чистоту своей природы. (Однако они полностью забыли своего Мохаммеда и Коран, изучая испанский язык). Как уже говорилось выше, следует задать вопрос: следует ли все это выводить *только и исключительно* из арабов и мавров, пересекших Гибралтарский пролив вместе с *Мусой* и *Тариком* в 711 году, и их преемников, не следует ли считать, что народы по обе стороны этого пролива смешались гораздо раньше, и история их частично забыла, или же существует изначальное сродство национального характера с древними иберийцами и мавританцами; Одним словом, нет ли среди испанцев чего-то восточного, что предшествовало временам истории? - В любом

случае, возникает подозрение, и даже доказано подозрение, что эти иберы (испанцы) так легко и быстро переняли все позднейшие арабские языки. Поскольку история не предоставляет нам необходимых фактов, это может оставаться не более чем предположением или *вопросом*.

После победы над маврами Испания больше не испытывала такого сильного наплыва иноземных племен. Испанская национальность была завершена после этого времени, в основном в том виде, в каком мы видим ее сегодня, и развивалась дальше в языке, нравах и политике, в основном *сама по себе*.

После этого испанцы еще несколько раз встречались с иностранцами. С Карлом V, родившимся в Генте, в страну прибыло много бельгийцев. Соседи к северу от Пиренеев, французы, возвращались чаще всего; один раз в значительной степени, с богатыми последствиями, в начале ^{xviii} века с Бурбонами; позже один раз в начале нынешнего века с Наполеонидами, а между ними и позже еще несколько раз, только в ходе мимолетных войн. - Как бы ни влияли эти и другие столкновения с северными соседями на политическое состояние испанцев и даже на характер их развития, на их правительство, на их искусство и литературу, - после Людовика XIV например, "почти вся испанская литература приняла французское одеяние", но это уже не были народные перевороты, повлиявшие на *кровь, расу, язык и основной характер* народной национальности так же сильно, как когда-то кельтский, создавший кельтов-иберийцев, римский, объединивший испанцев с римлянами, и мавританский, слившийся их с Африкой.

Итак, кратко показав, какие элементы испанский народ получил извне и как он их усвоил, нам остается рассмотреть, что испанцы вернули миру и особенно нашей Европе, какие импульсы и народные элементы перешли от них к нам, какую роль они сыграли в истории развития у нас.

Как страна Испания составляет совершенно отдельную часть Европы, замкнутую в себе широкими морями и горными стенами, на западном конце нашего континента, с которым ее соединяет только горный перешеек, так и ее народ занял в истории Европы крайне изолированное положение. Внутри своих гор он пережил свои собственные революции, в которых остальная Европа принимала относительно небольшое участие и от которых она обычно выигрывала так же мало, как и страдала.

Никогда еще Пиренейский полуостров не был центром масштабной цивилизации, которая по своему продолжительному влиянию и дальним связям могла бы сравниться, например, с солнцем цивилизации, взошедшим когда-то над Европой из маленькой Греции. - Никогда оттуда не приходили завоевания, подобные завоеваниям римлян с Итальянского полуострова; - Никогда на дальнем конце нашего континента, ни в древние времена, ни в средние века, не было такого мощного центра европейской жизни, как в Италии, где долгое время находились ее императоры и папы, повелевавшие миром. От испанцев также не исходило таких потоков, разрушающих города и заселяющих страны, как от германских и славянских племен в центре и на востоке нашего континента.

Испания, как и Германия, никогда не была неисчерпаемой мастерской для народов и государств, преобразующих европейские страны. Гордые, *необщительные* испанцы также *никогда не* пытались, подобно своим французским соседям, просветить мир своим языком, обычаями, модой и политическими соображениями. Их благородный язык никогда, за исключением короткого времени, не был у всех на устах, как язык французов, латинян и греков. Даже богатые произведения их литературы были известны лишь относительно небольшому числу людей. Даже изобразительное искусство часто процветало среди них, не

будучи подражаемым. Взятые в целом и в их отношении к Европе, сегодня об испанцах можно сказать то же, что древние говорили об иберийцах, то есть что они были довольным народом, если их не беспокоили в их домах. Почти такую же изоляцию и уединение, как у испанцев, можно найти у жителей двух других островов и полуостровов, которыми Европа выходит в океан, у англичан и шведов. Лишь на время, и только время от времени в качестве вспомогательного персонала, все эти обитатели островов и полуостровов нашего континента продвигались от своих точек суши, выступающих в море, к воинственным и моральным лагерям центральной Европы.

В самые ранние времена Испания была колонией-землей финикийцев и карфагенян, это было их Перу.- Позже она стала провинцией Рима.- Во время переселения народов она страдала от бурь, исходящих из Германии.- При арабах она почти *полностью* ушла из Европы и стала, так сказать, куском Африки.-После этого, когда арабы смягчились, ей снова пришлось веками бороться с внутренними горестями своего возрождения, причем настолько, что даже тогда она обычно отворачивалась от остальной Европы и не могла принимать участия ни в крестовых походах, ни в других великих вопросах, занимавших семьи народов нашего континента. У Испании были свои крестовые походы против ислама, и она все еще оставалась в глубине этой крестоносной эпохи, когда остальная Европа уже печатала книги, изучала греческую античность, находилась в середине своего возрождения и уже приближалась к реформам.

Счастлирое окончание национальной борьбы с арабами, последующее объединение всех жителей Испании, "*земли святых и героев*", как ее тогда часто называли, в единое государство и народ, дали нации такой толчок в ^{XVI} веке что она также, и теперь уже в *первый и единственный раз*, вышла за пределы своего полуострова, завладела землями за Пиренеями, отправила поселенцев за границу, приковала другие народы к своей колеснице завоеваниями и наследствами, часто влияя на их умы и нравы, и, наконец, создала такое большое европейское государство, что некоторое *время* весь континент боялся ее и боролся за ее независимость против испанцев, как сами испанцы боролись за свою против мавров, и что Испания стала, так сказать, в течение части XVI и XVII веков, средоточием и стержнем политической системы европейских народов.

Испанцы, как впоследствии и англичане, предпочитали смотреть и двигаться за пределы Европы, по ту сторону океана, в открытый ими новый мир, в котором поток их миграций и их дух предприимчивости был наиболее сильным, где они заставили исчезнуть многие народы и основали новые народы и государства, судьбу которых нам, однако, не нужно описывать, поскольку мы ограничиваемся Европой.

Однако это распространение власти на Запад (в Америку) не могло остаться без последствий для Востока (Европы); и даже не потому, что испанские короли связали себя узами брака с самым могущественным императорским домом того времени. Как их *Колумб* и *Кортес* отправились в новый мир, так и из чрева испанской нации вышли героический *Гонсальво де Кордова*, покоритель Италии, грозный герцог *Алва*, пытавшийся подчинить себе Нидерланды, благородный *Хуан д'Австрийский*, наводивший ужас на турок, и множество других повелителей полей, всемирно известных в Европе. Как некогда Греция трепетала перед фалангами македонцев, так теперь, как никогда прежде, Европа трепетала под шагами испанских полков, чья храбрость и дисциплина были взяты за образец.

Весь Неаполь, Сицилия, Сардиния, Миланское герцогство, Южные Нидерланды надолго оказались под властью или, по крайней мере, под сильным влиянием испанцев, - Германия и австрийские владения на Дунае и на Роне, во *Франш-Конте*, лишь на короткое время. Затем

испанские войска одержали победу при Мюльберге в северной Германии, которую римляне не смогли завоевать. Испанские флоты плавали по океану, где угрожали Англии, и по Средиземному морю, где они разгромили турецкую державу в битве при Лепанто. -Испанская монархия стала самой большой и величественной в Европе и оставалась таковой до середины ^{XVII} века; а поскольку искусство и литература, как верные отражения всего содержания нации, редко остаются в стороне от оружия, то язык, поэзия и музы испанцев, гордившихся инквизицией и деспотичными королями, достигли своего расцвета.

Сервантес даже сражался в этих битвах полевых владык; *Вегас*, *Кальдерон*, написавшие столько поэм, полных фантазии; *Веласкес*, *Мурильо* и их многочисленные ученики, написавшие столько бледных ликов святых и монахов; все они были современниками грубых *Кордов* и *Альв*, и появились вслед за ними - народ тогда прошел зенит своего движения и пережил золотой век, самый богатый период своего развития. -В то время, когда испанским величием восхищались и боялись, кастильский язык временно стал для значительной части Европы почти тем же, чем позже стал французский, - модным языком выдающегося мира.Поскольку значительные испанские семьи, как и их короли, связывали себя узами брака с семьями Италии, Германии и Нидерландов, поскольку испанских грандов, солдат, дипломатов, придворных и губернаторов можно было встретить повсюду, в конце концов стало принято говорить по-испански при дворах Вены, Милана, Неаполя, Брюсселя, Лондона, даже в Париже.

Помимо мелодичного, величественного и помпезного испанского языка, в то же время по всей Европе распространились испанские моды и манеры в одежде и поведении - особенно в резиденциях, где отличительный, величественный и чопорный костюм и придворная жизнь испанцев взяли верх. На какой-то момент показалось, что вся Европа стремится украсить себя на испанский манер, сначала высшие классы, а затем и средние. Германия долгое время страдала под давлением испанских воротничков и испанских пуховиков. Даже английские лорды, победители испанской Армады, "носили свои бороды и кляпы по испанской моде". И все выпендрежники Европы старались представить себя изящными с головы до ног, неестественно взвинченными, размеренными и аргументированными в поведении и движениях, солидно и дорого украшенными, довольными и гордыми собой, как испанский идалго.

Эти испанские влияния можно проследить даже на скандинавском севере, а через Венгрию и Зевенбурген - в России. Некоторые из них, например, в одежде патрициев и советников немецких вольных городов, сохранились до наших дней. - Конечно, в те времена испанцам подражали и в более важных вопросах, особенно в военной организации и дисциплине в их армиях. Многие старые вещи в английском флоте происходят от испанских кораблей, даже некоторые технические морские термины.

Испанские поэты также нашли своих поклонников и последователей как в Италии, так и во Франции. Особенно французы, открыв богатые поэтические золотые прииски за Пиренеями, подобно тому, как финикийцы открыли минеральные ресурсы, неустанно эксплуатировали и расширяли их. Германия долго носила и сбрасывала свои испанские плащи, прежде чем пробудилась к продуктам испанского духа. Но тогда немцы с особым пристрастием относились к благородной, серьезной, целомудренной и чувствительной испанской Музе, словно видели в ней в какой-то степени сводную сестру своего собственного духа.

В тех неиспанских странах Европы, которые испанцы контролировали дольше всего, некоторые следы их присутствия можно обнаружить и сегодня. Чистый и ревностный

католицизм, который остался в цене у бельгийцев, отчасти является результатом правления испанцев, чьи короли, оруженосцы и священники пытались языком, огнем и мечом сохранить фламандский народ для нового учения своих голландских братьев. Гордое бельгийское дворянство, чьи потомки часто связывали себя узами брака с испанскими дворянскими семьями, в значительной степени переняло испанские манеры и образ мышления, и даже сегодня среди них можно найти множество пережитков этого, так же как в бельгийских городах до сих пор можно найти некоторые вещи и обычаи, восходящие к испанской эпохе. В Австрии также то тут, то там можно встретить испанские фамилии, происходящие от испанцев времен Карла V и Фердинанда I. - На Сицилии, колыбели древних иберов, которой долгое время владели новые испанцы, до сих пор можно найти много сходства с Испанией. Однако из всех цис-пиренейских народов Европы испанцы наиболее тесно связаны с жителями южной Франции. Они всегда имели больше общего с своими соседями, чем любой другой европейский народ. - Южная Франция, через Лангедок и Прованс вокруг северного бассейна Средиземного моря, всегда была переходной землей для Италии или Франции к Пиренейскому полуострову. Оттуда на пиренейскую землю пришли иберийцы, и иберийская кровь до сих пор частично течет в жилах этих горячих южных французов - вест-готы долгое время правили как собственно Испанией, так и этой иберийской частью Галлии, а испанские государи Каталонии долгое время владели сельской местностью Руссильона и другими частями этой страны.

Территория некогда цветущего сада провансальской поэзии и языка простиралась как через северо-восточную Испанию, так и через южную Францию, и до сих пор там говорят на каталонском диалекте, как по эту, так и по другую сторону Пиренеев, подобно тому как ряд родственных диалектов с мягкими отклонениями в тоне тянется из Испании через Нарбонну и Марсель, вдоль побережья Средиземного моря до Италии. - Нигде в пределах своей страны северный француз не чувствует себя менее дома, чем с этими южнофранцузскими жителями Пиренеев и Средиземноморья, с которыми, с другой стороны, испанец чувствует себя более дома, чем где бы то ни было по эту сторону Пиренеев.

Что касается остальных, то теперь, когда они отступили за свои Пиренеи, среди европейских народов редко можно встретить настоящего испанца. Трудно назвать отрасль промышленности, в которой им отдавалось бы предпочтение в европейских городах, как итальянцам, французам и немцам повсюду на нашем континенте. И если немцев, французам и итальянцев в большей или меньшей степени можно встретить почти в каждой столице Европы, то испанского элемента в ее населении в целом можно обнаружить совсем немного - во всей Европе нет таких известных и популярных испанских личностей, как, например, итальянские торговцы кондитерскими изделиями, савойские музыканты, тосканские штукатуры или кантатрики с Римского полуострова, которые стали для нас, так сказать, коренными жителями. Кроме того, испанцы не обменивались с нами учеными, ремесленниками или государственными служащими, в то время как народы Центральной Европы делали это несколько раз друг с другом. Русские, которые в новые времена охотно пользовались всеми европейскими народами, часто нанимали немецких, итальянских, французских, английских, голландских генералов, адмиралов и министров. Среди тех, кто, начиная с Петра Великого, завоевывал Россию для цивилизации, мы не найдем ни одного испанского имени. Ни в Италии, ни на Рейне мы не встречаем ни одного испанского гранд-сеньора, ни одного испанского любителя природы, которых постоянно присылают Россия, Англия, Голландия и Скандинавия. Они ничем не докучают нам, не радуют нас никакими талантами, ничего не приносят нам. На рынках внутренних районов Европы и в портах можно встретить почти больше турецких, чем испанских купцов, хотя их хотелось бы видеть, так как они обычно очень честные и подходящие торговцы. Они почти неизвестны в европейском

повседневном движении. Исключение составляют лишь трудолюбивые каталонцы, единственные испанцы, которые прославляют труд и промышленность. Испанский язык, распространившийся по всему иностранному континенту, лишь в нескольких местах стал коренным в Европе благодаря изгнанным испанским евреям, подобно тому как в более позднее время политические беженцы образовали небольшие испанские колонии в Лондоне и некоторых других местах.

1 Хафис был одним из самых известных персидских поэтов начала ^{xiv} века. Он родился и похоронен в *Ширасе*, некогда средоточии персидской науки и поэзии. ВЕРТ.

Португальцы.

Многое из того, что мы сказали об испанцах, относится и к их соседям и братьям-близнецам, португальцам, которые населяют крайний край, или, как выражаются португальские поэты, "*лоб Испании*", головы Европы, и у которых на нашем материке есть только *один* сосед - испанцы.

Среди независимых народов нашего континента, имеющих свой язык, развитие и литературу, португальский народ - один из самых молодых. Его отделение от остальной части Пиренейского полуострова датируется лишь началом ^{xii} века, и поэтому рост его национальности едва ли не более древний, чем рост древних дубов в наших лесах.

В течение долгого времени до этого жители нынешней Португалии были лишь частью Испании. Их предки также не сочли нужным исключить себя из понятия "испанцы" и "Испания". Они разделили всю судьбу остальной Испании, вместе с которой они последовательно попадали под власть пунийцев, римлян, германцев и арабов.

Лузитаны, которых римляне называли так, а поэты и патриоты страны прославляли как древних португальцев, населяли только часть нынешней Португалии, а также часть остальной Испании. Они были ветвью большого иберийского племени, как и другие, распространенные в Испании, и выработали диалект, который можно считать только диалектом иберийско-романского племени и который имел не *больше* самостоятельных черт, чем арагонский и каталонский диалекты. Как политическое и национальное образование страна, которую мы сегодня называем Португалией, в те времена так и не появилась. Она всегда имела лишь провинциальное значение, и как римляне, так и готы и арабы, разделяя ее на разные части, объединяли ее с округами и провинциями внутренней части Пиренейского полуострова.

В 1095 году северная половина нынешней Португалии принадлежала королевству Кастилии и Леона, а южная под названием Альгарвия (т.е. Вестландия) - арабскому Кордовскому халифату.

Только с браком кастильской принцессы Терезы с французским принцем Генрихом Бургундским в том же году ситуация начала меняться.

Альфонс VI, король Кастилии, пожаловал своим детям в качестве статхолдера периметр нынешнего Оporto, который с древних времен назывался "*Портус Кале*". Именно поэтому упомянутый Генрих Бургундский называл себя *Comes Portugalensis* (граф Порты Кале), а уже

его сын Альфонсо I, расширивший периметр этого графства, принял титул короля, отстоял свою независимость от Кастилии и должен считаться фактическим основателем португальской нации.

Он и его преемники распространили из этой северной колыбели народа, из страны близ Оporto, между Минью и Дуэро, где так часто решалась судьба нации, вплоть до настоящего времени, свое правление и название "Португалия" дальше на юг. Они шли и завоевывали вдоль побережья Атлантического океана, на берегах которого зародилось это владычество, от одного порта к другому, от одного устья к другому, вниз, отбивая у арабов сначала Коимбру, затем Сантарен, затем с помощью фламандских и немецких крестоносцев из королевской "Лишбуны" (португальской Лисбоны) и, наконец, из Алгарвии, и в то же время сообщая освобожденным народам их северное название "Португалия", которое было связано с галлами и вскоре стало знаменитым.

Уже через неполные 100 лет родина португальцев была такой, какой мы знаем ее сегодня. С этого момента португальцы стали осваивать другие части света по морю. В Европе они не расширялись с тех пор, то есть более 600 лет, но, окружив свою территорию цепью мощных укреплений и ведя, так сказать, бесконечную оборонительную войну со своими единственными соседями, испанцами, сумели с необычайным упорством удержаться на захваченной ими когда-то территории. Это обстоятельство, пожалуй, уникально в истории Европы. Ведь примерно в то же время почти все остальные народности и государства нашего континента, даже жители Британских островов, очень часто меняли свои границы и территорию, на которой они распространялись.

Это обстоятельство тем более своеобразно, что между Португалией и Испанией фактически нет резко очерченных естественных границ. В обеих странах можно найти одни и те же горы, высокие плато и реки. В обеих странах одинаковый климат и производятся одни и те же продукты, а поскольку, кроме того, Португалия полностью вписывается в четырехугольную форму Пиренейского полуострова, кажется, что природа предназначила обеим странам быть едиными по национальности и суверенитету.

Тем не менее, обе страны также предлагают некоторые природные контрасты, на которых, вероятно, затем основываются и моральные контрасты обоих народов.

Португальцы держались исключительно у края Атлантического океана. Они заняли все устья крупных испанских рек и по ним проникли вглубь страны настолько, насколько они были судоходны, оставив испанцам район истоков и долины горных потоков в глубине между гор.

Поскольку их земля открыта морю, их климат более умеренный и, прежде всего, более влажный, чем испанский; Португалия, в отличие от Испании, - страна с большим количеством осадков. В результате ее вина обладают несколько меньшей естественной теплотой, чем испанские. Даже королевское вино из Оporto получает свое сияние в основном от спирта, который добавляют в виноградный сок. Португальские вина обычно содержат больше жира, больше свисают из бокала и тяжелее, чем сухие, естественно огненные испанские вина, и это тоже указывает на характерное различие между двумя странами и народами.

В целом португальцев можно назвать голландцами Пиренейского полуострова. Во многих отношениях они относятся к скальным и горным народам Испании так же, как фламандцы и

батавы к немцам. Верные своему происхождению из порта - можно перевести название "португальцы" как "люди гавани" - они были отличными лодочниками и торговцами. В результате они в большей степени, чем рыцарственные испанцы, переняли гражданские и меркантильные элементы. Они более активны, чем эти. Как старый торговый народ, они обнаруживают нечто мягкое и податливое во всем своем существе, в отличие от испанцев, которые, кажется, вдохновлены более жесткой, суровой и грубой природой горного народа. Более или менее похожий контраст можно обнаружить в скандинавском племени, в датчанах и шведах.

Эта большая пластичность португальской натуры часто проявляется в их языке и литературе, в которой отсутствуют, например, драматические и исторические произведения, столь характерные для испанцев, а пасторальные поэмы никогда не практиковались ни одним народом в такой степени, как португальцами. Как у итальянцев было мало поэтов, не создавших что-нибудь сатирическое, так и у португальцев почти нет поэтов, не внесших свою лепту в эклектические, идиллические, буколические и эротические стихи. "Изящная сентиментальность и тоскливый поворот мыслей - главная черта их характера. Даже их благородные рыцари и короли, которые в древности почти всегда были поэтами, воспламененными энтузиазмом, как правило, предпочитали петь об Аминте, Хлое и Дафнисе, а во всей Португалии почти каждая гора была Парнасом, каждый источник - кастильским колодцем".

Таким образом, они повсюду фигурируют как любимцы Венеры, а в их великой эпической поэме "Лузиада" в совете богов богиня любви выступает в роли защитницы и заступницы Васко де Гамы и его португальцев, в то время как Вакх, бог вина, играет роль их противника и гонителя, что, как я мимоходом замечу, не менее важно для лузитанцев, которые так умеренны в еде и питье.

Как и в выборе любимых тем их поэтов, в звучании и структуре португальского языка можно встретить что-то тревожное, мягкое и даже сладкое, он благоприятствует выражению мягких и нежных чувств. Повсюду он меняет гортанные и палатальные звуки испанского языка на шипящие и язычные, и объединяет больше гласных, чем испанский.

Вместо характерного для испанского языка грубого звучания португальский язык обладает большей плавностью, чем французский. Он также разделяет с французским особый носовой звук, который совершенно чужд испанскому. Это и гораздо больше французского в португальском языке - по крайней мере, частично - объясняется тем, что первым основал независимость Португалии вышеупомянутый французский принц, который прибыл в страну со многими французскими рыцарями и певцами. Португальцы сохранили меньше германских или готических, а также арабских языков, чем испанцы.

Испанский язык звучит более внушительно и грозно, чем португальский, который, например, сократил, изуродовал и стер множество полнозвучных слов, - которые происходят из прекрасной страны благозвучия, из Италии и из языка Рима, которому испанцы оставили свой романский характер. Кто не найдет испанские слова *color, palacio, pueblo, madre, padre, poner* более благозвучными, чем португальские *cor, raço, povo, may, pay, por*! Для испанского уха такие португальские слова неслышны, и они кажутся ему испорченным, изуродованным, плоским испанским языком. В этом отношении португальский также почти так же близок к испанскому, как голландский к восточногерманскому, который также грубее и полнее звучит, а также более рельефный, величественный и гордый, чем более мягкий и плоский голландский. Как немцу редко удавалось выучить голландский и облечь свои мысли в форму этого языка, так и испанцы почти никогда не обращались к португальскому, и, наоборот,

вряд ли можно назвать португальского поэта, который не пробовал бы свои силы в мужском, кастильском языке. Несколько португальских классиков принадлежат к литературе обоих народов, чего нельзя сказать ни об одном испанском поэте.

Как и язык испанцев, вся их жизнь и быт были более оригинальными и богато развитыми, как будто они были более многочисленным, более могущественным и более многочисленным народом. Испанцы преуспели во всех видах поэзии, во всех видах искусства и науки. У португальцев, которые часто только подражали, можно найти множество совершенно неразработанных областей. Например, в сатирическом и комическом жанре они были очень слабы и двигались с трудом. Такой тонкий и острый ум, как у Сервантеса, у них не родился. В изобразительном искусстве, за исключением архитектуры, португальцы тоже редко создавали что-то выдающееся. Мы не знаем их живописцев и скульпторов, в то время как работы испанцев пользуются всеобщим признанием во всем мире.

В целом, после всего, о чем мы говорили выше, моральное влияние португальцев на испанцев было незначительным, и наоборот, влияние испанцев на португальцев было настолько велико, что можно сказать, что они обычно держат своих соседей по берегу моря на буксире.

Португальцы почти всегда шли в ногу с испанцами в развитии своей цивилизации. Периоды поэзии и литературы у обоих народов совершенно одинаковы, как и периоды расцвета и упадка их политического могущества. Если в Испании подражали трубадурам, итальянцам или французам, то то же самое происходило и в Португалии. Если в Испании были мудрые, поэтичные короли, устанавливавшие высокие стандарты в науке, то и в Португалии они тоже были. Если в Испании во главе государства стоял Петр Жестокий, то в Португалии были такие же деспоты с похожими прозвищами. Знаменитые короли Португалии, Йохан II, Эмануэль и Йохан III, были современниками величайших испанских монархов Фердинанда, Карла I и Филиппа II, и, как правило, у обеих наций были свои великие люди и свои великие революции в одно и то же время.

Когда испанцы вводили римское право, инквизицию или любую другую полезную или вредную реформу, не проходило много времени, чтобы их не переняли и португальцы. Если мориски или евреи страдали от преследований христиан в Испании, то вскоре после этого они могли рассчитывать на то же самое в Португалии, хотя здесь все обычно было мягче, потому что португальцы, как и все торговые народы, были в целом более терпимы, чем надменные и мрачные испанцы.

В течение тех же десяти лет главные морские герои обеих наций сели на корабли и отправились в кругосветное плавание, одни по восточному маршруту, другие по западному, хотя на море португальцы с самого начала имели преимущество перед испанцами. Обе нации, подобно двойной звезде, прошли через зенит своего могущества почти в одно и то же мгновение. И все же, помимо всех этих сходств в истории их развития, в их характерах и наклонностях, помимо всех перечисленных эстетических и литературных сходств, обнаруживается любопытная вещь, что при этом они всегда жили во врожденной вражде, всегда питали друг к другу величайшую антипатию, и подобно паре братьев или соседей, враждебных друг другу, лишь вынужденных обстоятельствами идти в ногу друг с другом, играли одну и ту же мелодию, так сказать, против своей воли, на инструментах, лишь немного отличающихся друг от друга.

В войнах двух государств - часто союзных и чужих - друг против друга испанцы обычно одерживали верх. Бесчисленное количество раз они входили в Португалию в качестве победителей, время от времени контролируя ее, а однажды (с 1580 по 1640 год) - более

полувек. Тем не менее, им никогда не удавалось окончательно сломить ее, завоевать или объединить со своей страной, хотя и по сей день любимая идея испанских патриотов - объединить все племена Пиренейского полуострова, *включая* португальцев, в одну великую империю и народ. -И это идея, которую наш век, с его свободой торговли, железными дорогами, каналами и судоходными реками, с помощью которых испанцы и португальцы пытаются преодолеть разделяющие их стены, *вполне может* воплотить в жизнь.

Несмотря на то, что в отношениях с соседями-испанцами португальцы играли скорее страдательную или оборонительную роль, чем активную и информативную, их влияние на цивилизацию остальной Европы было гораздо менее значительным. Гораздо большее значение для Европы приобрели швейцарцы и голландцы (а также такие малые народы, как португальцы). При короле Эмануэле в ^{xvi} веке они были центром европейской торговли, Лиссабон был мировым рынком, где можно было встретить всех мореплавателей; но это продолжалось недолго, и еще короче была слава их Коимбры, как самого прекрасного места пребывания муз на нашем континенте. В остальной Европе их язык так же мало изучен и так же мало отмечен, как, например, голландский. Из всех их многочисленных поэтов только *один* приобрел европейское имя и какое-либо значение в истории развития Европы. Мы имеем в виду бедного солдата, гонимого несчастной судьбой, не ценимого современниками, даже дразнимого, который впоследствии, чтобы заработать на жизнь, получил самую дерзкую работу гробовщика в Макао, в Китае; который впоследствии, из-за ошибки в управлении его работой, был брошен в тюрьму и, наконец, оставлен чахнуть и умирать в больнице как нищий. Под всеми этими издевательствами и мучениями этот остроумный человек постоянно работал над своими художественными, прекрасными стихами, в которых он бессмертно воспевал хвалу своим соотечественникам, своим королям и их предкам, португальскому поэту-лауреату *Камозансу*, чья "Лузиада" стала эпической поэмой, которую знают и которой восхищаются все народы, переведенной на все языки мира.

Подобно этим Камозансам из их поэтов, из их историков почти только Баррош, - из их морских героев только Магеллан, первым совершивший кругосветное плавание, - из их принцев великий Эмануэл, который хвастался, что в его империи никогда не заходило солнце, - из их соотечественников Албукерке, завоеватель Индии, - из их государственных деятелей Помбал, изгнанник иезуитов, стал известен всем европейцам. Общеизвестные испанские, итальянские или французские знаменитости неисчислимы.

Главное поле величия и деятельности, известное в истории развития, португальцев, родившихся на внешней окраине нашего континента, лежит за пределами Европы, за океаном, в Африке, в Индиях, в Новом Свете, где они научили многие народы своему языку, передали им свою цивилизацию; где они основали великие государства, королевства и империи; где все их национальное достоинство раскрылось *в могучей силе*; где, однако, наряду с легко приобретаемым богатством и постоянно растущей роскошью, они приобрели также жажду показухи и нежелание работать, что привело к большому ослаблению их энергии, и от чего они только теперь, после многих бесплодных революций, начинают снова подниматься к новой национальной активности и процветанию.

Галлия и французы.

К северо-востоку от Испании тело нашей Европы снова значительно сужается за счет морей, приближающихся друг к другу и как бы нанизанных друг на друга. Оно образует, так сказать, шею великой статуи нашего континента.

Как и в случае с бюстом человеческого тела, это сужение шеи недолговечно. По обе стороны от нее расположены широкие плечи. Здесь изгибается грудь "прекрасной Франции", которая протягивает свои руки Италии и Великобритании, справа и слева.

Почти так же резко и четко, как материковая Испания, природа сформировала и отделила эту часть нашего континента в целом от других страновых массивов; кажется, она предназначила эту землю быть родиной своеобразного рода, сценой влиятельных событий, колыбелью одного народа и хорошо подготовленным фундаментом могущественного государства.

Пиренеи - это как нить жемчуга, обвившаяся вокруг его шеи. Как стена, эта цепь отделяет ее от Пиренейского полуострова. Оба ее плеча омываются морем и четко очерчены резкими береговыми линиями. Однако на уровне пояса сплошной пояс Альп, Юры, Вогезена и Арденн отделяет ее от Италии и Германии, а в середине (на уровне Центральной Германии) замок и печать забыты.

Потоки этого бассейна образуют систему странно переплетенных вен, которые, как лучи, выходят из одной центральной точки - ни одна из них не имеет таких эксцентричных и расходящихся курсов, как немецкий Дунай на востоке. Поскольку все они судоходны в своих главных ветвях в высокой степени, гораздо больше, чем, например, маленькие, короткие горные ручьи Италии или бедные водой вены Испании, они очень подходят для того, чтобы удерживать население вместе и сливаться посредством уз. Их разделяют незначительные цепи возвышенностей, часто лишь плоские и небольшие плато, нигде нет таких крутых скалистых гор, как итальянские Апеннины или испанские Сьерры, как, и поэтому они могли бы быть объединены торговыми путями от одного потока к другому и каналами в очень тесно связанную систему судоходства и транспорта. По словам Страбона, кажется, что Провидение построило речные системы Галлии по определенному плану, чтобы облегчить движение и принести пользу жителям.

Вся эта резко очерченная часть Европы не отличается ни большой протяженностью, как Италия, ни чрезмерной шириной, как Россия, ни раздробленностью, как Греческий полуостров. Скорее, она представляет собой весьма примыкающее, хорошо пропорциональное целое, которое можно вместить в периметр правильного квадрата или круга. Она также не простирается на множество различных регионов, а находится в середине умеренного земного пояса, и поэтому имеет более однородный климат во всех своих частях, чем, возможно, любая другая из *больших* частей нашего континента. Что касается климата, то Франция является переходной страной между югом и севером и находится посередине между востоком и западом. Она гораздо менее сухая, чем Испания, не такая жаркая, как Италия, не такая влажная, как Великобритания, и в среднем более дружелюбная и мягкая, чем Германия или даже Дальний Восток.

В остальном, как и в климате и формировании поверхности, она не отличается разнообразием соседних стран и более однообразна, чем они. В целом она очень подходит для выращивания европейских зерновых культур, везде достаточно плодородна и продуктивна, и лишь в исключительных случаях на пути ее возделывания встают непреодолимые препятствия. Нигде европейские фруктовые и овощные деревья не растут

лучше, чем здесь. Кроме того, почти вся страна до сих пор относится к области виноградной лозы, что для характера климата и воздушных условий, пожалуй, более значимо, чем все, что можно сказать о ее средних или летних и зимних температурных градусах.

Легко понять, что в таком регионе, который так сильно контрастирует со всеми соседними регионами, но сам по себе образует такое большое единство, должен был поселиться и распространиться определенный род людей, а со временем сформироваться особая и уникальная нация.

Тем не менее, даже во Франции, при всей ее однородности в целом, существует несколько естественных разделений и делений, оказавших влияние на историю народа, и именно на них я хочу сейчас обратить внимание. Прежде всего, страна, гордящаяся почти всеобщим единообразием климатических пропорций, скрывает в себе юг и север. Южная половина заметно теплее северной и приближается к природе Италии и Испании, посреди которых она расположена. При этом юг контрастирует с севером, который более горист. Здесь находится единственная достаточно высокая и *истинно французская* горная система - Севенны с их ответвлениями.

Север - более равнинная и холмистая страна, и как по климату, так и с геологической точки зрения тяготеет к природе Англии и Германии. Поскольку обе части, южная и северная, омываются совершенно разными морями, одна - Средиземным, другая - Атлантическим, их интересы и точки соприкосновения с внешним миром различны. Линию, проходящую на восток через центр Франции, от Женевы через Лион до устья Жиронды, можно считать условно отделяющей север и юг Франции друг от друга. Там с XII века существуют большие каштановые рощи, которые также образуют растительную границу между севером и югом.

Вследствие своих контрастов обе части огромной страны часто имели совершенно разные судьбы. В ходе истории юг часто делил население и владения с Италией и Испанией и неоднократно был промежуточным членом, зоной пересечения между этими двумя соседними странами. Север, напротив, неоднократно был этнографически и политически объединен с соседними Англией, Нидерландами и Германией. Даже сегодня южные и северные французы демонстрируют значительные различия в расе, манерах и языке, настолько большие, что зачастую они едва понимают себя под одним и тем же именем. Например, южные французы в Провансе предпочитают называть себя только "провансальцами", а название "француз" оставляют северным французам. Разница между Севером и Югом прослеживается как в природе страны, так и во всей истории народа, от самых древних времен до самых молодых.

Хотя, как я уже говорил, части Франции по форме и очертаниям сплетаются в весьма компактный и самодостаточный круг земли, некоторые из них более или менее отделены от основной массы, как, например, длинный полуостров на западе, который мы теперь называем Бретань, а также очень похожий на него Нормандский полуостров. Не только географически, но и этнографически и статистически эти два полуострова были отделены от остальной части страны, имели собственное население, а иногда служили основой для отдельных государств, как если бы они были просто островами, добавленными к основному телу Франции.

Нечто подобное можно сказать и о некоторых речных регионах страны, особенно о Роне, которая, хотя и соединена с другими соседними французскими реками, имеет весьма необычное русло. Все остальные реки Франции текут на запад, и только Рона течет с севера на юг, а потому составляет с ней такой же контраст, как район Эбро в Испании, который столь исключителен по сравнению с другими реками Пиренейского полуострова.

Однако, за исключением этих ярчайших природных различий и множества других мелких вариаций, встречающихся в любой стране, Франция, повторяю, представляет собой чрезвычайно ровное географическое, климатическое, гидро- и орографическое целое.

Новейшие исследования позволяют предположить, что северная половина этой страны, как и вся центральная и западная Европа, была первоначально заселена дикими охотниками-собирающими финского происхождения, которые не плавали ни по морю, ни по рекам в больших масштабах и которые, разделившись на мелкие варварские племена, не смогли сделать родину из такого большого общего государства и территории, как Франция. Все человеческие черепа из древнейших захоронений во Франции носят, по мнению Причарда и других ученых, "финский" или "монгольский" характер.

Однако во времена первых зачатков развития Греции и Италии это была уже давно ушедшая эпоха. Уже тогда по всей Франции расселилось то многочисленное племя индогерманцев, которое можно считать авангардом индогерманской семьи и которое рано получило название "кельты". Эти кельты полностью вытеснили финские племена, которые они обнаружили на севере страны, когда вошли в нее. На востоке они долгое время оставались соседями с ними до прихода германцев. Возможно, многие звуки, элементы и корни слов, которые кельтский и даже современный французский язык до сих пор имеют общие черты с языком финнов и даже с языком самодийцев, восходят к этому контакту кельтов с финнами.

Иберийские племена, поселившиеся в темные века в южной половине Франции, а также в Испании, на которые кельты теперь посягали по мере продвижения по стране, не могли быть уничтожены так легко, поскольку они уже составляли более плотную и сплоченную популяцию. Они частично вытеснили их за Пиренеи в Испанию, частично подчинили, слив остатки с собственным народом. Иберийская кровь и нрав проявлялись в южных французах во все времена. Даже Наполеон говорил, что признает в южных французах "старых горячих иберийцев", которые были такими же яростными якобинцами в 1793 году, как и страстными роялистами в 1815 году.

О том, что кельты, переплюнувшие как древних финских и иберийских аборигенов, так и всех индоевропейцев с Востока, пришли в Европу из Азии, свидетельствует, в частности, их язык, имеющий ближайших родственников среди западноазиатских народов. Французские и немецкие ученые писали о связи между кельтским и санскритом в современную эпоху, в которых они пролили свет на этот вопрос.

Мы также находим следы кельтов на пути с Востока через южную Германию и вдоль Дуная, где некогда кельтские племена, похоже, жили повсюду. Однако германские племена и славяне, пришедшие за ними по той же дороге, мешали им и снова изгоняли их на этом широком пути, и их основная масса сосредоточилась в пределах площади Франции.

Кельты завладели этой площадью как своим главным европейским оплотом, и из нее, хотя иногда покорялись чужеземцам и несколько раз менялись, их с тех пор не изгоняли.

Из этого очага они в разное время, по заданным природой курсам, распространились по всем окружающим их большим европейским странам и в большей или меньшей степени повлияли на развитие всех соседних народностей. Это произошло примерно за 1600 лет до Рождества Христова. Они обнаружили там сильное иберийское население. Они смешались с частью этого народа, и от них произошли так называемые "кельтиберы", то есть кельтизированные или, если хотите, французизированные иберы. Однако чисто галльская раса там не поселилась, и кельтиберы впоследствии, как уже говорилось при рассмотрении

испанцев, были поглощены развивающейся испанской нацией, а Пиренеи стали границей против настоящих кельтов во Франции.

Аналогичным образом кельты перебрались через Альпы в Италию, заняв верхние долины и равнины этой страны, Пьемонт и Ломбардию, которые римляне до сих пор называют *Цизальпинской* Галлией или Кельтенландом. В крови и расе тамошних жителей, как уже отмечалось при рассмотрении итальянцев, много кельтского или французского, хотя с течением времени в языке, нравах и национальных чувствах они, подобно кельтиберам в Испании, полностью отделились от своей родины и стали почти полностью итальянцами.

Они часто возвращались на старую, хорошо известную восточную дорогу, по которой кельты пришли из Азии. В своих свирепых походах под предводительством своих "Бреннусов" (королей) они прошли вдоль Дуная до Греции и даже Малой Азии, разрушив эллинское святилище в Дельфах. Но, тем не менее, им не удалось окончательно установить контроль над какой-либо территорией и заселить ее своей расой. Все кельтское там впоследствии было потеряно в славянской и германской культуре.

Тем не менее, в расе, физиономии и даже в немецком языке некоторых жителей Альп, например, Тироля и Верхней Баварии, можно заметить много кельтского. В основном, однако, кельты были вытеснены германскими народами через Юру, Фогесен и Арденны, а также из всей долины Рейна.

Как кельты преодолели горы, окружавшие их со всех сторон, так же они пересекли устье реки, отделявшей их от Британии, и в древности разошлись во все стороны по этому большому архипелагу - их племена распространились по всем холмам, убежищам, придамкам и прилегающим островкам этих стран. И по сей день Британия остается (за исключением Франции) самой важной частью территории, по которой распространились кельты. Даже сегодня во многих западных горных районах можно встретить кельтский язык, обычаи и образ мышления кельтской расы. Кельты также стали важным элементом в формировании английской нации, которая возникла здесь позже с помощью германцев.

Хотя галлы, после этих ранних и доисторических перемещений за пределы своей настоящей родины, часто и даже в самые последние времена двигались по *тем же самым* естественным путям, о которых только что говорилось; хотя почти в каждом веке они спускались вдоль Дуная, или через Пиренеи в Испанию, или через Альпы в Италию, или через Ла-Манш в Великобританию, или через Вогезен в Рейн; И хотя влияние и сильное воздействие этого народа, так сказать, постоянно ощущалось, дальнейшего распространения его расы, по сути, не произошло, и он со своим национальным типом остался замкнутым на обозначенной территории между Испанией и Германией.

Когда кельты из Азии впервые попали в Европу, они, вероятно, были таким же нецивилизованным и кочевым народом, как и все остальные племена, пришедшие оттуда для колонизации нашего континента. Однако после того как они обосновались в мягкой, плодородной и дружелюбной Галлии, они, по-видимому, стали развиваться быстрее, так как океан, Пиренеи и соседние народы остановили их прогресс. Сколько история знает галлов, она показывает их как земледельцев и городских жителей. Уже когда греки и римляне исследовали страну, их города были многочисленны и частично многолюдны, некоторые из них были построены из камня и окружены стенами для обороны. В римских отчетах о Галлии уже говорится о различных *классах* людей, об очень могущественном священстве - друидах, о высшей и низшей знати, о классе земледельцев и горожан, о королях и князьях, которые часто правили очень большими территориями страны.

И даже если организация и объединение народа до римских времен, по-видимому, не зашли так далеко, чтобы вся Галлия была единым государством под властью одного короля, во время больших, общих начинаний нации, во время завоеваний в Италии или в странах Дуная, во главе стояли несколько могущественных капитанов армии, вышеупомянутых "Бреннусов", которых в определенном смысле можно считать первыми государями Франции.

Там, где они столкнулись с краем Средиземного моря, цивилизационным бассейном древности, галлы впервые вступили в контакт с цивилизацией. Уже финикийцы, вероятно, оказали на них влияние, но не такое сильное, как их преемники греки. Как и повсюду на средиземноморском побережье, греки основали несколько важных колоний в южной Галлии, из которых Массилия (Марсель) была самой процветающей уже за 550 лет до рождения Христа. Из этого многолюдного и богатого города греческая цивилизация проникла в южную Галлию. От греков галлы получили искусство письма. Почти все древние галльские надписи написаны греческими буквами. Знатные галлы, получившие образование в Марселе, в тамошних греческих школах, даже научились греческому красноречию и поэзии.

Однако, поскольку греки оставались только на море и по прибрежным окраинам великой страны, их влияние на изменение расы и природных склонностей народа было не особенно велико. Нельзя сказать, что галлы подверглись такому же влиянию, как впоследствии римляне; но примечательно, что и сегодня в городе Марселе есть портовый квартал, где бедные рыбаки и моряки считаются потомками греческих фокейцев, которые до сих пор демонстрируют неясные следы этого эллинского происхождения в языке и манерах.

Как и греки, римляне первоначально занимали только прибрежную часть Галлии вдоль Средиземного моря, часть южной Франции, которую они называли "*Провинция*" (Прованс), и в которой они основали колонии и повсеместно внедрили свою цивилизацию и язык на ранней стадии. Именно здесь римский и итальянский характер сохранился дольше всего, и даже сегодня величайшие руины римских построек в этом регионе, которые можно найти во Франции, напоминают о могуществе римлян, которые когда-то пустили здесь глубокие и ранние корни.

Незадолго до рождения Христа, под предводительством своего могущественного императора Юлия Цезаря, римляне в ходе ряда необычайно удачных и быстро осуществленных предприятий завоевали всю Галлию до Риндаля на востоке и до океана на севере и западе, организовали ее по-своему и удерживали как составную часть империи в течение более 400 лет, пока, наконец, сама империя не пала.

Цезарь, римский завоеватель и цивилизатор Галлии, также первым дал подробное и тщательное изображение этой земли и ее жителей в знаменитых описаниях своих путешествий и войн, которые он нам оставил. Благодаря ему мы впервые узнаем о расовых особенностях, национальном характере и нравах наших французских предков. И из его трудов мы можем ясно увидеть национальную и народную физиономию, такую, какая и сегодня существует в основных чертах во Франции.

Галлы, говорит Цезарь, по сравнению со своими соседями германцами - к этому сравнению часто возвращаются старые и новые писатели по очень близким причинам - люди твердой натуры. Германцы отличаются от них высоким ростом и крепким телосложением. Форма лица и головы галльской расы поразительно круглая, в то время как у германцев, которых французы и сегодня называют "*têtes quarrées*", все кажется более угловатым и вытянутым. Черты лица галлов, по словам Цезаря, более живые и выразительные, чем у германцев. У них вьющиеся волосы и большие, очень подвижные глаза. Что касается основных черт их

характера, то Цезарь отмечает, что это легко возбудимый, быстро принимающий решения и особенно легкомысленный, разговорчивый и остроумный народ, а германские племена он противопоставляет им как более серьезных, задумчивых, размышляющих, а также более медлительных и медлительных варваров. О "*subita et repentina consilia Gallorum*" (внезапных решениях и мгновенных волнениях галлов) Цезарь часто упоминает: "*In consiliis mobiles, plerumque de novis rebus student*" (В своих обсуждениях они колеблются и всегда жаждут перемен) - "*Levem auditionem habent pro re comperta*". (Они так жаждут новизны, говорит Цезарь, что останавливают путников на дорогах и заставляют их стоять на месте, чтобы услышать от них, какие удивительные вещи произошли в других местах. По его словам, это очень общительный народ. Они жизнерадостны и наслаждаются моментом.

Одно из главных удовольствий их общественных собраний - это дискуссии. В этих спорах и беседах они всегда показывают себя яростными и капризными. Их голоса почти всегда угрожающие и оживленные, они могут быть спокойными или взволнованными. Они не проявляют ни малейшей твердости характера или самообладания, которые так хорошо подходят мужчине. "*Avidi jurgiorum*" (они жаждут раздоров), демонстрируя надменное самомнение. Их недоверчивость настолько велика, что они издеваются и смеются над нарушением своих обещаний. (*Ridendo fidem frangunt*). А их легкомыслие доходит до того, что они торгуют своими жизнями между собой за деньги или несколько чаш вина. "Иногда кажется, что ими движет безумие, - добавляет изумленный римлянин, - граничащее с невероятным".

Они очень храбры и агрессивны, и даже старик стоит на военной службе с таким же благоговением перед смертью, как и молодой человек в расцвете сил. Если они одерживают победы в войне, то невыносимо горды, а если терпят поражение, то вскоре теряют всякое мужество". Нечто подобное отмечает и Цицерон, который очень кратко характеризует галлов в следующих словах. *Plerumque Gallia duas res industriosissime persequitur, rem militarem et argute loqui*; что можно перевести как: "на двух вещах галлы (французы) делают особый упор, на воинственности и на остроумной речи. ".

Они питают особую страсть к украшениям и пышности. "Не только женщины, но и мужчины любят украшать свои шеи и руки золотыми цепями, кольцами и пряжками. А у тех, кто занимает положение, одежда пестрая и расшитая золотом. Галльский *сагум* (плащ) даже у низших сословий отличается особой красотой и вышивкой. Непостоянство, которое они проявляют в повседневных делах, проявляется, продолжает Цезарь, и в их политической истории; они особенно склонны к потрясениям и внезапным поворотам дел и с удовольствием меняют правительство, "*mobilitate et levitate animi novis imperiis student*".

Нечто подобное пишет и другой великий писатель древних о землях и народах, Страбон. Но он завершает картину, добавляя, что при всем этом галлы, тем не менее, прямолинейные добросердечные люди (*bons enfans*). "Их, - говорит он, - очень легко склонить к хорошему плану". "Если они считают, что кто-то из их соседей потерпел несправедливость, они быстро собираются вместе, и их гнев не знает границ". Страбон также соглашается с другими римскими писателями в том, что они были очень восприимчивы к обучению и интеллектуальному развитию, что они обладали очень острым суждением и многими другими прекрасными умственными качествами. Что касается их морали, однако, все древние писатели описывают галлов не так положительно, как варваров-германцев, которым они приписывают более высокую степень нравственности и беспринципности.

В соответствии со всем этим можно утверждать, что еще до 2000 года основной характер жителей Галлии был по сути точно таким же, каким он открылся иностранцу и в более

поздние времена - все последующие поселения и завоевания, похоже, не изменили основных черт этой народной физиономии, что видно уже из самых древних сообщений.

Как и моральный облик, физический тип древних галлов остался по сути неизменным. Мистер Эдвардс, тонкий знаток и внимательный наблюдатель физических национальных особенностей европейцев, заново открыл по всей Франции старую галльскую форму черепа - неугловатую голову с узким лбом, с большими и открытыми глазницами, с округлым носом и подбородком - и показал, что современные французы по-прежнему в основном являются древними кельтами, даже по крови, расе и физическому состоянию.

Больше всего изменился язык галлов, но даже в современном французском языке все еще много кельтского; в нем много слов, которые нельзя вывести ни из романского, ни из германских диалектов, появившихся позже.

Кроме того, все слова, которые позже пришли из иностранных языков, значительно изменились в галльских устах. Для многих из них романское, германское или иное происхождение едва ли можно распознать. Особенно тон, голос, *тембр*, с которым произносится современный французский, является старогалльским или кельтским, как, вероятно, и многое в составе и структуре языка. Действительно, некоторые лингвисты не раз утверждали, что современный французский по своей физиономии имеет больше общего с древнекельтским, чем с любым другим иностранным языком, оказавшим на него влияние.

Социальные и политические институты поздней Франции также, вероятно, в еще большей степени опирались на древние кельтские основы, чем можно с уверенностью утверждать на основании исторических данных. Многие утверждают, что могущественное французское духовенство Средневековья, сыгравшее столь важную роль в централизации французского государства и французского народа, на самом деле было не более чем новой христианской формой столь влиятельной жреческой касты кельтских "друидов", которая и в древней Галлии так прочно и надолго сплотила различные племена народа. Действительно, эти друиды, подобно более поздним христианским архиепископам и епископам, уже использовались для наказания непокорных и непослушных людей духовным запретом, который, как говорит Цезарь, был очень чувствительным и суровым наказанием среди галлов.

Даже *трубадуры* французов в Средние века, возможно, имели своих предков и отчасти образцы для подражания в галльских бардах, которых можно сравнить с рапсодами эллинов и скальдами Севера. Они использовали арфу, называемую на галльском языке "*крут*", которая в своем древнем виде и форме сохранилась у кельтов Ирландии и Уэльса вплоть до недавних времен.

Многие считают, что суеверия, которые часто встречаются среди низших слоев населения современной Франции, почти *полностью* пришли от старых кельтов и основаны на древних кельтских традициях. Многие истории о чудесах в современной Франции также можно с полным основанием считать происходящими от древних кельтских корней. По мнению некоторых, мистические обряды Орлеанской Девы были скорее друидическими, чем христианскими.

Чтобы в какой-то мере продемонстрировать, как много в манерах, социальных отношениях и образе жизни современных французов перешло от времен древних галлов, я хотел бы привести один пример. Старый географ Страбон, описавший Европу 18 веков назад, уже вспоминает о байонских окороках, которые, как мы знаем, сохранили свою славу и сегодня. Он также сообщает, что вина галлов из долины Роны имели вкус смолы, что и сегодня

характерно для бургундского вина. Если такие детали, как байонские окорока и пикантный вкус ронских вин, остаются неизменными, то, сравнив полное представление о галлах с не менее полным представлением о современных французах, мы обнаружим, что многое осталось неизменным.

Однако старая галльская раса по языку, манерам и крови сохранилась лишь в очень небольшой части Франции, в ущельях и вдоль разрозненных скалистых берегов отдаленной и гористой западной части страны, в так называемом *Cornu Galliae* (рог Галлии), ранее называвшемся "Арморика" (земля у моря), а позднее - Бретань. Туда не дошло всеохватывающее влияние римской цивилизации, и там, как ни странно, все другие изменения и поселения, происходившие во внутренних районах страны до новейших времен, утратили свою силу в той же степени, что и в Стране Басков в Испании. - Меньшее население Бретани, так называемые *брейзарды* или *бретонцы*, не говорят по-французски даже сегодня. Их язык - старый кельтский или галльский, и он настолько тесно связан с галльским языком, на котором до сих пор говорят в Уэльсе в Англии, что иногда книги, напечатанные в Бретани во Франции, находили наибольший тираж и наибольшее количество читателей там, в горах Уэльса в Англии. Среди этих суеверных "бретонцев", которые сегодня не слишком цивилизованы, как и среди гэлов в Верхней Шотландии, волынка является главным и любимым национальным инструментом, наряду с арфой. Их музыка проста, незамысловата, выразительна и трогательна, как у высоких шотландцев и итальянцев.

Как и у жителей Шотландского нагорья, как и у древних басков в Испании, у которых каждый мнит себя дворянином, как и у всех остатков первых рас народов в Европе, в них можно найти много дворянской гордости. Несколько самых знатных семей Франции первоначально принадлежали к Бретани, например, Роханы, чьи дворянские грамоты были сохранены Ноем в ковчеге. В этой старой поэтической Бретани французские поэты и писатели, вплоть до "Крестового похода Плонмеля", часто находили сюжеты для своих романов, новелл и опер. Во всех бретонских стихах преобладает грустный, тоскливый тон, как и у всех покоренных народов, угнетаемых веками. "Эти медленно исчезающие и вымирающие племена, - говорит о них один француз, - используют свои последние вздохи, чтобы украсить свои воспоминания, чтобы рассказать себе о своих несчастьях. Они подсчитывают погибших в своих сражениях, указывают на старые могилы и развалины, на разрушенные дома своей земли, которые теперь покрыты травой, где, как они говорят, цветет клевер, красный от крови бретонских воинов". Некоторые древние народные праздники нигде во Франции не имеют такой торжественности и не соответствуют характеру народа, как в Бретани. Таков, например, праздник Рождества, который, вероятно, является не чем иным, как христианским приукрашиванием друидического зимнего фестиваля. Важную роль в нем играют так называемые рождественские певцы, которым везде рады из-за песен, которые они поют, переходя из дома в дом. Говорят, что они сохранили в своей памяти лучшие образцы древней кельтской поэзии.

Этот своеобразный оазис в гористой западной части Франции до сих пор неоднократно получал приток галльской крови из Англии, когда кельтская раса там оказывалась загнанной в угол чужаками. Бритты, спасаясь от пиктов и скотенов, а затем и англосаксов, пачками

уходили к своим старым братьям в "*Арморике*", и от них страна впоследствии получила, в отличие от Великобритании, название *Britania Minor* (Малая Британия).

До самых последних времен англичане во Франции и англичане в Англии жили в дружеских отношениях друг с другом и обменивались мнениями. Даже несколько лет патриоты обеих ветвей старого кельтского племени объединялись на фестивале в Уэльсе, чтобы вместе спеть на своем языке старую бретонскую песню: "Нет, Артур не умер!", которой они придавали примерно тот же смысл, что поляки придавали своей: "Польша еще не потеряна!" - Лодевейк Филипп начал использовать самые мощные средства, чтобы подорвать эту старую народную руину. По его приказу Вандея и Бретань, родина кельтов-шуанов, были прорезаны уличными дорогами. А теперь наш железнодорожный век, вероятно, полностью затянет их в водоворот мировой истории и приведет к полному исчезновению их языка и обычаев.

Таковы многие племена, составлявшие основу нынешних жителей Франции и их национальности. Теперь я перехожу к рассмотрению элементов, которые были привиты к этим первоначальным кельтским племенам извне и смешались с ними.

История не в состоянии измерить те огромные промежутки времени, в течение которых древние дикари-галлы, несмешанные и непокоренные, управляемые своими родными друидами и суверенными семьями, жили на своей родине. Римляне, с годами возвысившись, подчинив себе всю Италию и сокрушив могущество Карфагена, стали *первыми* чужеземцами, подчинившими себе всю землю и народ галлов и изменившими их так же коренным образом, как они поступили с иберами в Испании.

Уничтожение Цезарем дикой независимости галлов стало самым важным событием в жизни жителей Франции на сегодняшний день. Он отменил старую племенную раздробленность, привычное для всех кельтов деление на кланы, и ввел большее равенство в языке и нравах.

Обращаясь с римлянами одинаково, галльские племена, как подданные, теснее слились в народ с одинаковой физиономией. Римляне смягчили их нравы, отменили мрачную религию друидов, требовавших даже человеческих жертвоприношений, и распространили по всей стране цивилизацию Юга и Востока, подготовив тем самым галлов к принятию христианства, которое, как и цивилизация и богатая литература, было принесено им из Италии.

Ни один европейский народ, за исключением Италии, не романизировал римлян так сильно, как галлы. Кельтский язык был подавлен повсеместно, вплоть до узкого круга в *Арморике*, а римский постепенно занял свое место среди всех слоев населения на севере и юге.

Когда римляне начали распространять свои вооружения еще дальше на север в *Orbis terrarum*, Галлия стала, как показывает географическое положение, главным опорным пунктом в Западной Европе. Они повели романизированных галлов, среди которых набирали свои легионы, по всем дорогам, по которым они ходили раньше, будучи чистокровными кельтами.

Уже Цезарь с помощью своих галльских легионов перешел Рубикон и вновь завоевал Рим, который их предки уже брали штурмом при "Бреннусе". Из Галлии и с помощью галльских легионов было завершено покорение Испании на западе, а на востоке был взят под контроль Рейн. Эти теперь уже цивилизованные галлы под ударами римлян оттеснили на землю бриттов, своих бывших собратьев-варваров. Латинизированные галлы не только участвовали в военных действиях римлян, но и принимали участие в их деятельности. Они стали римскими гражданами. Многие из "римских" поэтов и писателей были кельтской крови, а

многие императоры, возведенные на трон, были галльского происхождения. Некоторые римские императоры имели там постоянную резиденцию и правили миром оттуда, а остатки Римской империи даже просуществовали в Галлии немного дольше, чем в самой Италии.

Поскольку многое из того, что римляне посадили и создали в Галлии на древней кельтской земле, а также оливковое и винное виноделие, которое они привезли туда из Италии, продолжало расти и работать там на протяжении всех веков вплоть до наших дней, Поэтому неудивительно, что французы так высоко ценят Цезаря, который ввел это и многое другое, и почитают его как первого суверена Франции, как великого создателя или основателя их национальности, основателя их цивилизации, Моисея или Иисуса Навина их народа.

Наконец, я должен отметить, что и сегодня наблюдатели хотят видеть довольно важное различие в степени латинизации различных частей Франции. В целом можно заметить разительную разницу между типом горожан и деревенских жителей Франции. Последние остались гораздо более кельтскими. "В больших провинциальных городах наблюдается развитие, более близкое к римскому отпечатку, чем в маленьких провинциальных городках. Но даже там, где население было наиболее смешано с римлянами, как уже говорилось, кельтский тип не исчез.

После падения Римской империи последовало второе значительное и важное наводнение кельтов чужим народом. Германские племена пришли через Рейн, наводнив всю римскую Европу, а также Галлию.

Здесь три разных германских племени поначалу поделили между собой земли. Бургунды обосновались на юго-востоке. Их империя включала в себя всю территорию и речную систему Роны, старую Провинцию. Вестготы занимали юго-запад и контролировали бассейн Жиронды с Пиренейским полуостровом, который они также завоевали и откуда управляли упомянутой частью Франции. Наконец, франки завоевали северные равнины, бассейн Сены и все земли между Рейном и Луарой, или север.

Последние, франки, превосходили все германские племена своей политической энергией и умением. Благодаря своему взбалмошному характеру они стали ядром Галлии, возникшей из хаоса переселения народов, а также центром процесса кристаллизации и дали свое имя новому народу и империи, которые возникнут через столетия. И в то же время они защитили Францию благодаря славным победам своего предводителя Карла Мартела от угрожающего, в кои-то веки антиевропейского вторжения арабов, которые в VIII веке покорили вестготов в Испании, а вскоре появились и по эту сторону Пиренеев на юге Франции. Там, даже после побед Франка Мартела, эти восточные люди владели областью на морском побережье, а именно окрестностями Нарбонны, откуда они еще некоторое время повторяли свои набеги во внутренние районы Франции. Хотя арабы на юге Франции не остались в стороне от влияния на формирование тамошней национальности, хотя особенно южные французы, как и испанцы, получили от арабов много поэтических впечатлений и даже во французском языке были обнаружены некоторые следы арабского, это арабское вмешательство, которое так сильно ощущается среди *испанцев*, можно считать малозначительным в истории *французской* национальности, и упомянуть о нем здесь лишь вскользь.

При Каролингах франки контролировали всю Галлию; сначала в состав франконского государства входили многие другие страны, почти вся Германия и Италия; но в 843 году, по знаменитому Верденскому договору, эта великая империя была сведена к своим естественным границам, определяемым географическими и этнографическими отношениями. Западная страна, в основном *кельтско-романская*, отделилась от восточной, в основном *германской*, и теперь, как народ, следующий своему собственному развитию,

образовала империю под предпочтительным названием "*Франкия*" или "*Франция*", более или менее в пределах границ и периметра старой Галлии - я говорю, более или менее; ибо, конечно, долгое время не хватало многого, прежде чем это окно было заполнено единым и объединенным национальным и имперским телом. Часть на востоке, долина Роны, долгое время оставалась самостоятельной страной и народом, который, как старая и новая Бургундская империя, некоторое время существовал независимо, а затем был присоединен к Германской империи. Несколько кельтско-романских областей в районе Рейна были включены в так называемую Лотарингскую империю, которая, как и Бургундия, часто занимала сомнительное положение между галлами и германцами, но в значительной степени оставалась связанной с Германской империей. - Старый "рог Галлии", этот длинный и широкий полуостров, Бретань, долгое время жил безгосударственной жизнью под властью своих собственных государей, а другой, полуостров, примыкающий к нему с северо-востока, вскоре после Каролингов был оторван от основного тела новым германским течением из Скандинавии и некоторое время существовал как отдельное княжество, так называемое герцогство Нормандия. - Кроме того, когда эти герцоги Нормандии стали английскими королями, в Средние века значительная часть Франции иногда оказывалась под влиянием и властью англичан. Более того, поскольку в некоторых частях страны в качестве государей то тут, то там правили значительные королевские семьи, то, как уже говорилось, не хватало влияния единого нормального языка, расы, национальности и обычаев, которые бы вскоре все объединили.

Повсюду во Франции в Средние века на древней почве росли и расцветали провинциальные особенности и обычаи, местные диалекты и литература.

Для французской национальности было большой удачей, что, несмотря на все разделения, единое политическое ядро, более или менее могущественная и наследственная королевская семья, продолжала существовать в неизменной, никогда не перемещаемой столице, в постоянно растущем и процветающем Париже, который уже в V ^{веке} избрал своей резиденцией меровингский Хлодвиг. Как постепенно из этого ядра объединились все части страны, как один независимый провинциальный правитель за другим был покорен такими могущественными неограниченными правителями, как Филипп Август, Людовик XI, Карл VIII, а затем сильной рукой Ришелье, - как иностранцы, норманны, англичане, германские императоры, испанские принцы Наварры и Каталонии, были вновь изгнаны со старой галльской земли, - как из все более блистательной, все более распространяющегося, все более уравнивающегося Парижа, как, наконец, единая форма речи, единая моральная печать, единое патриотическое национальное чувство овладели всей страной и народом, и как в результате этого старые галлы возродились в облике одной из самых могущественных и единых наций, так называемых "французов", - такова история 1000-летнего процесса, полного самых разнообразных перемен.

Завоевание Галлии германцами, положившее начало этому процессу, каким бы бурным оно ни было, не оказалось столь же смелым, изменчивым и продолжительным, как предыдущее римское завоевание. Германская кровь, германский образ жизни, германский язык, вот это - все это со временем исчезло из Франции. Потому что германцы пришли как храбрые, но нецивилизованные завоеватели и хозяева, а не как римляне - как учителя и проповедники морали, и как те - со всем аппаратом цивилизованных, дружеских условий, искусств и ремесел, а просто с мечом; Кроме того, поскольку они пришли из малонаселенной страны в густонаселенную, застроенную и городскую страну, их тип должен был уступить место типу жителей этой страны, как и во всех смешениях народов мира разум и цивилизация всегда побеждали физическое насилие. Следует, однако, отметить, что германские франки во

Франции не исчезли так же быстро, как германские готы в Испании или лангобарды в Италии.

С V века, когда германцы завоевали Францию, до времен Карла Великого и Верденского договора, и даже немного позже, до середины IX века, то есть более чем на 200 лет дольше, чем в Испании, германский язык и обычаи сосуществовали во Франции с кельто-романскими - владыки земли, землевладельцы, знатные семьи были светловолосыми, голубоглазыми германцами. Законы и приказы отдавались на германском языке. Немецкий был языком придворных даже во времена Карла Великого. В начале IX века церковное собрание в Туре постановило, что религиозное образование должно вестись на обоих языках. И в те времена во Франции в честь королей все еще пели хвалебные песни на немецком языке, такие как знаменитая "Песнь Людовика" в честь победы короля Людовика III над норманнами в 881 году - драгоценный памятник немецкого языка, который по счастливой случайности сохранился для нас и которому новые французские и немецкие ученые уделяли свое внимание в равной степени патриотично.

Во Франции оба сосуществующих языка различались: немецкий - под названием "*lingua francica*" или "*francisca*" (язык франков), а язык покоренных туземцев - под названием "*lingua Romana*". Когда две расы слились воедино, победа осталась за последней, хотя именно она дала название новому продукту. После Верденского договора это слияние происходило стремительно по нескольким причинам: из-за отсутствия нового притока германской крови из-за Рейна, из-за браков между двумя расами, которые становились все более многочисленными, из-за вымирания старых германских родов, из-за того, что цыганские жители провинций, которые сначала были отброшены и истреблены, постепенно вставали на ноги, становились сильнее и снова увеличивались.

Уже в середине IX века молодое французское духовенство было вынуждено отправиться в аббатства Германии, чтобы выучить немецкий язык, знание которого могло пригодиться им и там, и здесь. А к концу IX века немецкий язык уже не использовался нигде во Франции. Даже норманны в Нормандии к тому времени уже поменяли свой северогерманский язык на романский. Победа романизма над германизмом была уже повсеместно предрешена.

Германский дух сохранил довольно ограниченное влияние на новообразованный народ, который историки с X века называют *французским*, по крайней мере, в том, что касается языка, нравов и взглядов. Все диалекты и патуа, возникшие сейчас во Франции, следует рассматривать не столько как результат сочетания романских и германских элементов, сколько как происходящие опять-таки из латинского и кельтского субстрата.

Даже в более новом французском языке, который постепенно завоевал всеобщее господство над всеми этими патуа, германские языки, похоже, мало что приобрели или потеряли. Франкские, бургундские, готские и нормандские воины с самого начала были крайне пассивны в формировании этого французского языка. Внутренняя структура и дух языка, по мнению знатоков, остались полностью антигерманскими, полностью романо-кельтскими. Даже в основе слов во французском языке не найти остатков немецких выражений. Лишь немногие французские слова, а именно те, которые обозначают различные социальные классы, государственные должности, военную, морскую и охотничью деятельность, могут быть отнесены к немецким корням.

С другой стороны, немецкое влияние нельзя игнорировать при обработке речевого материала, пришедшего от римлян и кельтов, в образовании и произношении слов. В Италии и Испании сохранилось благозвучное полное латинское звучание. В северной части Галлии, однако, часто преобладали германский язык и произношение: Франки и норманны

повсеместно лишили латинские слова их характерных конечных слогов, которые неизвестны в германском языке, или ослабили их до тусклых, лишенных тона германских полугласных. Так, например, романские *uno, una* превратились в *un* и *une*, *vino* - в *vin*, *Roma* - в *Rome*. Красивые, простые, звучные вокализы они заменяют неприятными, тусклыми вспомогательными звуками: а - на ä, о - на ö, и - на ü, например, *clarus* - на *clair*, *luna* - на *lune*, *boves* - на *boeufs*. Они часто объединяли длинные романские слова в более короткие, что еще чаще делали англичане, например, *brevis* в *bref*, *crudeli* в *cruel*, *spiritus* в *esprit*, *profundus* в *profond*, *aurum* в *or*, *Johannes* в *Jean* (полностью наше "Джон"). Вместо простых, резко очерченных римских согласных они часто вводили германские звуки, например, вместо *calore* - *chaleur*, вместо *cavallo* - *cheval*, *bouche* - *bocca*. Таким образом, во Франции немцы лишили романский язык, который они переняли, многих мелодичных и музыкальных звуков.

Хотя, согласно всему этому, *характер языка* французов сохранил в себе некоторую, но в целом незначительную долю германского элемента, в *других* отношениях французское завоевание оказало длительное влияние на нацию, и франки должны в какой-то степени считаться предками современных французов, наряду с римлянами и кельтами. "Германский победитель во многом перенес на завоевателя (чей язык, нравы и патриотизм он перенял) общественные институты, которые действовали при нем. На севере Франции так называемые "кутюмы", основанные на германском праве, действовали даже в 18 веке. Феодальная система, военное ведомство, франкская королева, рыцарский дух - все это было и оставалось германским на протяжении долгого времени. Независимый французский трон изначально имел германскую основу, и поэтому французы, как и испанцы, изначально обязаны только немцам тем, что они, как свой и единственный народ, подняли голову в европейской семье. Ведь прежде, пока они были только кельтами, среди них, как я уже говорил, существовала большая раздробленность на роды и племена. Когда они стали римлянами, произошло объединение, но только путем вхождения в состав большого государства, охватывавшего весь мир. Только когда основатели германского государства действовали среди галлов, они получили закваску, с помощью которой испекли буханку хлеба, - шпалеру, по которой французская лоза смогла подняться из ослабленного римского мира и проложить себе путь к большому и независимому растению европейских народов.

До 1792 года, в течение 1281 года, священник у могилы Хлодвига, в часто реставрируемой и обновляемой церкви, позже названной Пантеоном, ежедневно возобновлял в мессе почести немецкому основателю и родоначальнику франконской монархии, старейшему из всех европейских государей. Сама революция и все внутренние изменения и борьба во Франции, которые в конце концов привели к революции, рассматривались как попытка старого кельтского и римского элемента избавиться от германского элемента и очиститься от него. "С их великой революцией, которая потрясла всю страну до основания, среди французов возродилась идея, что они не что иное, как романизированные галлы, кельты. Теперь они говорят о франках и франкских королях как об иноземных варварах. Они даже перенимают старую римскую одежду. Они также избирают себе главу государства, которому дают римский титул "император" (Empereur), и который, как ранее Цезарь с галлами, идет на Рим. "Светлая Германия", - пишет французский писатель того времени, - "была прекрасна тем, что прислала нам своих франков, своих людей с севера: наш темперамент не утратил своих исконных тенденций. Поэтому, несмотря на революции и века, мы все еще остаемся СТАРОЙ ГАУЛОЙ со своими эмоциями и нетерпением" ¹.

Сам великий Наполеон охарактеризовал историю французской революции двумя замечательными словами: "*Les Gaulois secouèrent le joug des Francs* (Галлы сбросили иго франков [старых феодалов])". ¹ О новом французском языке также было замечено, что он стал

ближе к латыни, чем к старофранцузскому. И поэтому, вероятно, прав Папа Римский, который и по сей день продолжает называть Францию у своих епископов не "*Францией*", а "*Галлией*", как во времена Цезаря.

После недолгого восстановления старого франкского королевского дома французы вернулись к империализму в середине нынешнего ^{ХХ} века, и их Наполеон III сравнивал себя не с кем иным, как с римским Цезарем, жизнь которого он прилежно изучал и которого во Франции почитали бесконечно больше, чем другого его предка, германского Хлодвиги.

Кроме того, следует отметить, что среди французских историков почти всегда существовали две партии, кельтско-римская и германская, из которых одна (например, Тьер, Тьерри) боролась за идею, что французы были не более чем кельтами, слегка измененными римлянами, тогда как другая (например, Монтескье, Гизо и другие) придавала большее значение влиянию германского элемента. Естественно, однако, что это всегда может быть лишь борьба о том, сколько, *больше или меньше*.

Немецкие писатели неоднократно показывали, что в нравах и обычаях северных французов и сегодня можно найти немало наследия франконских времен. Говоря о "национальном костюме", я хотел бы привести два небольших примера, которые столь же любопытны, как и кельтские реликвии, окорока Байоннера и вино Страбона со вкусом смолы. Сапоги наших нижнесаксонских крестьян используются фермерами во Франции так же далеко вглубь страны, как и первоначальное владычество франков. Кроме того, немецкий исследователь Клемент обнаружил некую женскую одежду, головной платок, который он называет фризским или франконским, и который, по его словам, оставался общим головным убором женщин по всей Северной Франции, вплоть до Парижа, во всех самых старых и главных владениях франков.

Цивилизация римлян и завоевание германцев - два величайших и наиболее влиятельных события в истории французской национальности. *После* них и помимо них в страну приходили другие иностранцы, но либо они появлялись только в виде проходящих армий, либо в таком малом количестве, что не могли оказать длительного влияния на характер нации и расы.

Современные испанцы редко пересекали Пиренеи в большом количестве, чтобы вторгнуться во Францию, хотя во времена внутренних потрясений, например, когда сарадины завоевали Испанию, многие испанцы отправлялись на юг Франции.

Англичане, когда они контролировали значительную часть Франции, когда однажды даже один из их королей (Генрих V) был провозглашен королем Франции в Париже и держал там двор с английскими и французскими баронами, имели гораздо больше общего с французами, чем сейчас. Их короли и дворяне были тогда норманно-французскими и говорили по-французски. Они также воевали и правили в своих французских владениях в основном через туземцев. Англосаксонские *колонии* не пересаживались ими на французскую землю, и англичане не думали об англизации своих французских подданных. Они просто стали их феодалами. Ничего не менялось во внутреннем управлении их французских ландшафтов, в законодательстве, обычаях и институтах населения. Завоеванные лишь меняли свое правительство и оставались французами. В то время англичане больше привозили из Франции на свои острова, чем французы получали от них. В новые времена, после того как им перестали быть нужны территории на материковой части Франции, англичане оказали гораздо более сильное влияние на тамошнюю цивилизацию, и в своих нравах и обычаях, в своем языке и литературе они вызывали гораздо большее восхищение и подражание со стороны французов, чем прежде.

Славяне и другие восточноевропейские народы, евреи, турки, армяне, цыгане - Франция всегда видела лишь очень небольшое их количество, и можно считать всех таких случайных эмигрантов в Галлии каплями, затерянными в море, чего нельзя сказать о других европейских странах, например, о Германии.

Если мы теперь спросим, в чем состоит особый дух и характер этой французской нации, состоящей из элементов, о которых я вкратце упомянул, этой большой личности, состоящей из стольких компонентов, из сорока миллионов человек, - и я сразу же начну эту картину характера с описания одной из самых ярких черт французского национального характера, то я начну с утверждения Арндта, что французы - в самом широком смысле слова - самые общительные люди. Это одна из главных черт французского характера, и большинство качеств, присущих французам, можно объяснить или вывести из этого, как реки из своего источника.

Почти во всех отношениях и во всех видах деятельности французы нуждаются в общении с себе подобными. Об этом ярко свидетельствует характер их гимнов. Народные песни французов, их "*шансоны*", обычно создаются для одновременного исполнения несколькими. "Песни, исполняемые одним человеком, не так распространены у славян, немцев и англичан. Поскольку одиночество обычно приводит к меланхолии, гимны этих народов, как правило, меланхоличны, в то время как французский гимн обычно жизнерадостен". "Поскольку, - говорит Арндт, - в компании люди предпочитают шутку и веселье меланхолии и грусти, содержание французского гимна состоит из всевозможных остроумных аллюзий, фарсов, шуток, сатир, дружеских образов, легко вплетающихся друг в друга, и все это скрепляется рефреном, который звучит из уст каждого. - Почувствовать себя, помечтать, отдалиться своим внутренним ощущениям, даже если не знаешь, как их объяснить, позволить своей фантазии, своему юмору работать бесцельно и свободно, внять настроению природы, не зная, где искать его причину, - все это редко придет в голову общительному французу. "Это те вещи, которые следует искать больше у своего соседа на Рейне, который во многих отношениях является его антагонистом, который, как заметил Тацит, так любит уединяться и который традиционно чувствовал себя не в своей тарелке в большой компании.

Французу во всем нужна общность, как для песен, так и для *подвигов*: "Как он не тот, кто поет в одиночку, так и не тот, кто *сражается* в одиночку". Было замечено, что французы храбрее всего сражаются в больших толпах; что *дуэль*, хотя у немцев она сегодня носит французское название, изначально не была их родным делом, а была впервые принесена им немцами. Даже в бою они хотят, чтобы их приводили в движение другие, чтобы их видели и стреляли по ним. Вот почему, когда их дружные ряды (полки) были распущены и побиты, они порой теряли всякое мужество. Побитые армии французов редко совершали такие восхитительные отступления, как армии немцев. У французов также не так часто появлялись знаменитые партизаны на войне, как у германских народов - немцев, шведов, норманнов, англичан, швейцарцев.

Как и в случае с их солдатами на поле боя, так и в отношении их писателей можно заметить, что они всегда думают о себе в компании своих читателей, когда пишут, так сказать, и что в работе своих мыслей они никогда не упускают из виду осуждение, насмешки или признание общества, публики. - "То, что может вызвать упрек со стороны общества, они избегают больше, чем любой другой народ, и правило деспотической моды, следовательно, распространяется на многие более важные вещи у них, чем у нас. Не только одежда и подобные внешние проявления, но и науки, и искусства, да, даже политическое устройство и

самые важные вещи, кажутся у французов в высшей степени подчиненными тому расположению, которое в данный момент преобладает в обществе.

Французам не хватает той внутренней личной независимости и индивидуальной решимости, которая присуща германским народам. В одиночку или в небольшом количестве они легко проигрывают, так сказать, рассыпаются. Если они хотят что-то изменить, они должны быть вместе с другими, с французами. Этим также объясняется сильная концентрация французской жизни в одном городе, необычайное предпочтение, которое они отдают своей столице Парижу.

Такой общественный, общительный народ, как французы, должен был вызвать к жизни центр, который бы занимал много места и доминировал в мире. Они должны были желать большую сцену с многочисленными зрителями, большую витрину для своей славы. Множество маленьких резиденций и тихих местечек, где люди сосредоточены на развитии и цивилизации, не могли удовлетворить французов. Поэтому они рано основали столицу, в которой сосредоточили все свои сокровища, все свои таланты, всю свою изобретательность. "Они позволили всей Франции, - как выразился один француз, - превратиться в пустыню, чтобы создать посреди нее прекрасный оазис, свой Париж".

До сегодняшнего дня Европа не знала нации, вся жизнь которой была бы заключена в стенах одного города, как у французов в Париже. Вся Франция была представлена в Париже. Оттуда она постоянно строила себя, туда стекались все ее силы. Париж составлял голову и сердце нации; ее манеры и образ мыслей были парижскими. Все поэты, ораторы, художники стремились получить одобрение в лоне этого города; если они его получали, то были уверены в одобрении остальной Франции. - Кроме того, их правители также должны были искать одобрения Парижа, как Александр искал его в Афинах, и они чувствовали себя уверенно в своей власти над всей страной и народом, если владели этим городом, о котором мадам де Сталь говорила: "Жизнь там была так великолепна, так приятна и так согласна, что можно было обойтись без всякого счастья и свободы".

Французы, изгнанные из Парижа и живущие за границей самостоятельно, по наблюдениям, имеют нечто общее: "Германское растение можно разделить и разорвать, а каждую ветвь посадить в чужую почву; там она вырастает в дерево и остается живой. Французское растение нельзя перемещать, как черенки. Они были *посеяны* и, подобно различным видам рассады, цветут только массово" - Как только их изгоняют из круга родного общества, они как бы теряют свою бодрость, подобно пчелам, покинувшему рой. Следовательно, у них нет ничего от германского стремления к путешествиям и переездам, а есть скорее бросающаяся в глаза тенденция навсегда обосноваться в магическом кругу своей родины, куда они обычно возвращаются из-за границы при первой же возможности.

Вообще, за всю историю мира им так и не удалось основать мощные колонии и дочерние государства за пределами своей родины. Там, где селились древнегерманские лонгобарды, готы и саксы, возникало государство, политическое здание, в котором веками жили семьи. Там, где позже закрепились германские пираты с севера, вскоре зародилась общинная жизнь. То же самое произошло в более поздние времена с германскими британцами, которые строили новое гнездо для нового народа везде, где бросали якорь, следуя образцу своей родины. Французы не могут похвастаться ничем подобным, как бы часто они ни маршировали и ни отплывали от своей родины; они часто сотрясали мир, но нигде не дали ему новых колоний, на которые можно было бы надеяться. Даже в Новом Свете, где это казалось относительно легким, французам не удалось основать ничего прочного, как это сделали испанцы, голландцы и даже маленькая Португалия. В Бразилии, Флориде, Канаде,

на Миссисипи - везде они терпели кораблекрушение со своей "Новой Францией", которая, можно сказать, всегда вылетала, как песок, в то время как поселения других народов, "Новой Испании", "Новой Голландии" и "Новой Англии", пускали корни и прорастали мощной порослью.

В истории Франции можно найти только одну замечательную миграцию и колонизацию, которая имела благотворные последствия. Это единственная французская эмиграция, которая, хотя, конечно, нанесла Франции много ран, была полезна для других народов и оказала значительное влияние на историю европейского развития. Я имею в виду насильственное рассеяние французов, так называемых рефугиумов или гугенотов, которые бежали от драгун и иезуитов Людовика XIV. Жестокое и насильственное бегство этих французов, имеющее много общего с бегством морисков из Испании, дало Германии, Голландии, Швейцарии, Дании и Англии множество процветающих поселений трудолюбивых и образованных граждан и принесло в наши города множество изделий французских ремесленников. Поэтому Берлин, Дрезден, Франкфурт, Лондон, Копенгаген, Амстердам и некоторые другие города Европы и сегодня имеют свои французские города, которые со времен наших Ансильона и Савиньи дали много прекрасных людей, ученых, чиновников и офицеров государствам, чье гостеприимное покровительство они получили.- Во многих из этих иностранных государств, в Дании и Пруссии, часть этой французской эмиграции положила начало их нынешнему промышленному буму.

Как французы, несмотря на все свои потрясения и военные действия, не отличались творческим подходом к основанию государств, так и они, несмотря на свой критический дух и тонкое художественное чутье, не проявили особого творчества в поэзии и искусстве.

Со времен Цезаря их восхваляли как очень ясные и острые, очень логичные и математические умы, но в них мало идеализма и энтузиазма. Им не хватает глубокой серьезности. Их природа подразумевает, что они озабочены уверенным и определенным. Вдохновенные натуры поэтов и художников, напротив, сосредоточены на трансцендентном, на неосознанном, на том, что человек не знает, а только воображает. Прежде всего, они уже давно стали для всей Европы мастерами всего, что может служить украшением и придавать человеку приятную внешность. Старая германская пословица говорит о французах: "Красивы в одежде, но легки духом". Уже во время крестовых походов новый костюм, появившийся тогда во всей Европе, был в значительной степени французского происхождения, и что бы ни было изобретено впоследствии в этом ремесле, длинноносые башмаки XIV века, или шпилевидные прически и аллонжи-парюки XVII ^{века}, или юбки, похожие на ласточкин хвост, и джентльменские высокие шляпы нашего времени, впервые введенные французскими якобинцами и террористами, или женские шляпки "гарибальди" и "венгерки" последних дней, - французы сумели изобрести все эти и бесчисленные другие фасоны и покрои нашей одежды, сделать их настолько аккуратными и привлекательными, что они всегда служили образцом для всех других народов Европы, и в конце концов они почти уничтожили все национальные костюмы своих собственных. Они были тиранами моды на протяжении 500 лет вплоть до недавнего времени. Вся Европа по зову Франции время от времени, словно гусеница, сбрасывала устаревшие одежды и облачалась в новую оболочку французского изобретения.- "Столица Франции, где под быстрыми пальцами французских рабочих каждый мелкий продукт промышленности, каждый башмак или перчатка превращались в легкий и изящный шедевр, стала неистощимой теплицей, которая с каждым новым сезоном осыпала мир свежим изобилием модных цветов, которые охотно принимались ею и, как рыцарские

ордена, полученные от государя, словно по высочайшему повелению, прикреплялись к ее голове и груди".

Но эти мастера по изготовлению приятных одежд, эти законодатели вкуса в мелочах, в высших искусствах были по большей части лишь подражателями, редко плодотворными изобретателями и оригинальными творцами. "Прежде всего, сладкое тональное искусство не имело во Франции прямой природной почвы". Нежное пение никогда не было так естественно свойственно французскому народу, как другим народам. Все французские арии, песни, хоровые произведения имеют для нас нечто поразительное, немзыкальное. "Они почти не что иное, как распевные разговоры, в той же мере, что и декламационный речитатив, который называли прозой музыки". Такой гармоничной, бодрящей и поднимающей настроение хоровой песни, какая есть у немцев, у французов нет. В самом серьезном и возвышенном жанре музыки, в церковной музыке, они достигли наименьшего. Оперу, с другой стороны, они быстро освоили у итальянцев, а в *комической опере* они богаты и неисчерпаемы. Как правило, они были лучшими инструменталистами, чем вокалистами, и произвели на свет больше артистов-исполнителей, чем композиторов-поэтов. Большинство великих виртуозов и мастеров, ставших князьями музыки во Франции, были итальянцами, немцами или их учениками.

Будучи учениками итальянцев, французы также всегда производили хороших живописцев и с удовольствием занимались всеми жанрами изобразительного искусства. Тем не менее, не существует самобытной национальной французской школы живописи, которая могла бы сравниться с немецкой, голландской, итальянской или испанской школами по оригинальности и богатству. Именно для них, для чистоты и правильности всех их работ, для их вкуса и склонности к орнаментальности, характерно, что со времен Карла Великого у них были самые со вкусом выполненные миниатюры. Данте в своей "Божественной комедии" ставит французские миниатюры выше итальянских. Они также всегда преуспевали в гравюре на меди, которую они *изобрели* не больше, чем литографию, книгопечатание или любое другое важное искусство. Почти все эти и другие *изобретения* были впервые созданы их соседями, немцами, у которых всегда можно было найти более оригинальных мыслителей и размышляющих, а утонченные, цивилизованные французы позже добавили вкус и таланты, которые развили изобретение, сделали его лучше, сделали его приятным, применили его к жизни во многих отношениях, принесли его в мир и популяризировали его.

Поскольку французы, как правило, были более полезными, со вкусом и талантом подражателями и усовершенствователями, чем гениальными производителями, то, вероятно, поэтому они с любовью и большим успехом занимались и актерским искусством, которое является чисто имитационным. Однако и здесь их поддерживал остальной мир, в основном в легких жанрах, в комедиях, в *opéra comique*, в легкомысленных разговорных пьесах, в фарсах. Более того, в новое время продукт более легкого, менее драматичного жанра - веселый, развлекательный, забавный, ленивый водевиль - приобрел удивительную популярность, которую можно считать столь же значимой для самих французов, сколь и для современного вкуса и духа. Целый ряд театров в веселом Париже был почти исключительно посвящен этим сочинениям, смешанным с песнями и разговорами, в которых рассматриваются как мелкие, так и крупные дела, анекдоты, забавные случаи из повседневной жизни, исторические события и т.д. Там были хорошие поэты, такие как Скриб, которые создавали подобные произведения сотнями. А водевиль, эта истинно французская драматическая игрушка, этот литературный порыв ветра совершил путешествие по всему миру. Лондон, Вена, Петербург, Нью-Йорк и Бразилия радовались ему.

Пожалуй, ни один второй вид поэзии не был так использован и так аплодирован всеми народами, как водевиль и комедия французов.

"Так же как французам *не хватает* идеальности в искусстве, им не хватает универсальности в науке". Нет буквально ни одной науки, которой эти остроумные и живые люди не посвятили бы себя с усердием. У них всегда были так называемые философы, у них даже был философский век, которым они гордятся, и все же философия никогда не пускала у них таких глубоких корней, никогда не расцветала так пышно, как у немцев, которых Вольтер уже называл "седой бородой Европы", в то время как своих соотечественников он называл "детьми". "Не в характере французов постигать всю сферу мысли и творчества в ее контексте и во всей полноте". Они лучше постигают единичное, и к этому следует отнести также то, что они почти полностью лишены того, что называется *Universitas literarum*. В их стране есть только отдельные факультеты, колледжи и специальные школы, а не университеты в общем смысле. Из их лона вышел только один универсальный философ и действительно великий метафизик, их восхитительный Декар, который, однако, стоит среди них так же одиноко, как Данте среди итальянцев. С другой стороны, французы превосходят всех философов и поэтов ранних и поздних времен в так называемом знании мира и людей, которое приобретает путем непредвзятого и практического взгляда на социальную жизнь и наблюдения за моральными разновидностями человеческой природы. Список их так называемых "моралистов", их Монтеня, ла Брьюера, Паскаля, длинный и богатый остроумными писателями и сочинениями.

Поскольку они скорее умны, чем изобретательны, *ни одна* научная система *не* пользуется у них большим успехом, чем те, которые требуют прежде всего острого глаза и расчетливого ума и которые основаны не на общих соображениях, а на конкретных фактах и четко доказанных вопросах, такие как математика, астрономия, физика, механика, словом, все то, что называют "*точными науками*".

Хотя лира во Франции не угасала веками, как, например, в Германии, хотя неоднократно, как во времена трубадуров, так и до и после Людовика XIV, другие народы получали поэтические возрождения и импульсы из Франции и подражали французским стихотворцам в их формах, общественное мнение не желает приписывать французам ни глубокого поэтического ума, ни глубокого философского чувства. Немцам, в частности, трудно найти истинное удовольствие в произведениях французской поэзии. Английские поэты, такие как Шекспир, Байрон, Мур, Бернс и т.д., настолько близки немцам по образу мышления, что они считают, что имеют дело с единомышленниками и думающими людьми. Они также чувствуют себя ближе к великим испанским и итальянским певцам, к Сервантесу, Кальдерону или Данте, чем к французским поэтам. Да, даже то, что в древние времена Гомер или Анакреон пели язычникам, более дорого их сердцам, чем так называемые классические - она склонна сказать, холодные - сочинения Расина или Вольтера.

Без глубокого религиозного чувства, без ощущения, жизни с природой, с Божьим творением, со всеми существами и духами, невозможно представить себе истинных поэтов. И эта интимная связь с душой мира, эта слитность с Богом, этот энтузиазм, как его так красиво называли греки, эта древнейшая характеристика и древнейшее условие поэтического ума, - это как раз то, чего так мало у блестящих, остроумных французов, которых заботит только настоящее. Вольтер сам чувствовал и признавал это. Этот проникательный друг истины сделал замечательное заявление о том, что из всех цивилизованных наций французы наименее поэтичны. *Из всех цивилизованных наций наша наименее поэтична.*

"Изящные игры и уловки так называемого *esprit* подавляют во французах всякое сильное чувство. Они превыше всего ценят изящный, искусный оборот и презируют тихий, но сильный, естественный звук сердца. Любой смелый и мудрый полет фантазии, любое сильное слово, переполняющее поэтическое чувство, скоро будет названо ими "безвкусным". Их поэты неизобретательны и традиционно пишут стихи скорее для светского круга и салона, чем для народа. Настоящему поэту, однако, нужен *свободный* воздух, *широкая* улица, а главное - богатый, живой, развитый, образный, оригинальный язык, а французам этого очень не хватает. "Их язык чрезвычайно резок, ясен и конкретен. У него есть конкретное выражение для каждой мысли. Но в нем мало оригинальной полноты. Все так скупое, так условное, так искусственно выстроено, так правильное и, как следствие, так же ограничено, так же мало свободное, как планировка старых французских садов и деревья, которые они так жестко подстригают. Такой школьный, условный, академический, несвободный дух языка, однако, диаметрально противоположен поэтическому духу, который хочет и должен сам накладывать печать, передавать, формировать и чувствовать, так же как вся округлость, замкнутость и скороговорка, свойственная французам, вредит их поэтическому представлению о вещах.

Однако те же отношения, обстоятельства и склонности, которые вредят поэзии в народе, иногда помогают прозе, и это делает понятным, что по тем же причинам французы слабее в поэзии, но больше преуспели в прозе и оказали большее влияние. Их поэзия иногда кажется нам прозой в стихах, их вокальная музыка - певучим дискурсом, их проза, напротив, иногда имеет поэтическую дымку. Франция - страна лучшей прозы. Три четверти ее литературы состоит из прекрасной прозы, риторики и риторики. Поэзия любит говорить сама за себя, красноречие процветает только в компании. Уютный, славный и самодовольный народ должен был стать, по сути, народом ораторов и прозаиков.

Один из немецких эстетиков в своей истории французской поэзии говорит: "Ни в одной литературе нового времени так трудно отделить и отличить историю прозаического красноречия от истории поэзии, как во французской литературе. Происхождение этой трудности не подлежит сомнению. Умные и ученые всегда были ближе друг к другу у французов, чем у немцев, где ученые часто были погружены в очень прозаическое красноречие. У французов и те, и другие всегда учились друг у друга, и поэтому прозаическая литература у них приобрела более живой тон. Та же привлекающая внимание ясность, легкость и аккуратность выражения, та же стимулирующая, живая и драматическая манера изложения, которая требуется от поэта, стала присуща и ученым, и прозаикам-французам.

"Они лучше, чем какая-либо другая нация, поняли искусство придавать содержанию здорового человеческого ума, пикантному, изобретательному, решительному и в то же время остроумному выражению, ясную и одновременно прекрасную форму". "Француз, - говорит мадам де Сталь, - пишет и говорит даже тогда, когда у него нет никаких идей. Немец же, - говорит она, - как это обычно бывает с поэтическими, фанатичными умами, всегда имеет в голове больше идей, чем может выразить". Французский язык - это настоящий камень для оттачивания суждений и выразительности ума. Если кто-то переводит на французский язык путанные немецкие понятия, неясные немецкие предложения, они распадаются на составные части или демонстрируют отсутствие связи. В результате в наше время французский язык оказал немалое влияние на немецкий, как и на все цивилизованные языки Европы, потому что его ясность, аккуратность и четкость были общепонятными. Он растворил длинные предложения итальянцев, испанцев и немцев; он оживил длинное изложение, которое раньше встречалось у переписчиков этих народов без междометий. Тот факт, что в

настоящее время в Европе люди пишут и говорят гораздо более кратко, ясно и естественно, чем в прошлом, является заслугой французов, которые были естественны в этом и показали путь другим народам. Если они иногда делали поэзию своих соседей, итальянцев, испанцев и португальцев, водянистой, то, с другой стороны, они способствовали развитию хорошего вкуса и здравого смысла в прозе во всей Европе - один из немецких литературоведов говорит: "Не стоит думать, как темно было бы у нас в голове в этом отношении, как неуклюжи были бы наши говорящие губы и пишущие пальцы, если бы в семье европейских народов не было Франции, если бы ясная голова француза не подсказала нам". Из этого также станет ясно, как во всей Европе ни один из новых языков, ни музыкальный итальянский, ни патетический и благородный испанский, ни изящный английский, ни богатый и солидный немецкий, не стал таким влиятельным, как французский. До конца ^{xvii} века латынь была общим языком европейских ученых, дипломатов и политиков. По Рейсвейкскому миру 1697 года Людовик XIV заменил латынь французским языком. После этого все народы Европы вели свои дела на *этом языке*, потому что считали, что это самый точный способ выразить то, что они хотели сказать - Позже появились целые страны и крупные империи, в которых высшие слои общества приняли изящный, элегантный французский в качестве повседневного разговорного языка. Если ученый или гений хотел сделать свои труды полезными и понятными для всего большого цивилизованного мира, 200 лет назад ему приходилось писать на латыни. С тех пор и по сей день для достижения той же цели и того же эффекта он не мог бы выбрать лучшего языка, чем французский.

Как в языке и литературе, так и в повседневной жизни французов есть нечто очень характерное и официальное, особенно в отличие от более свободного в этом отношении и более льстивого немецкого. В их разговоре и в их общении все кажется строго регламентированным. Каждый, кажется, играет хорошо изученную и отработанную роль. Можно подумать, что перед нами опытные актеры, которые, одаренные большим присутствием духа и хорошей памятью, никогда не упускают случая дать ответ и знают, как преподнести услышанное и уместное в нужный момент. То, что называется "хорошим тоном голоса", является для них более врожденным, чем для немцев, которым приходится сначала этому учиться. Следовательно, французы, так же как они были основателями лучшего языка и прозы компании, также стали отцами хорошего тона компании в Европе. Однако в новое время, начиная с великолепной эпохи Людовика XIV, для всего цивилизованного европейского мира стало важным жить, двигаться и общаться на французский манер. Самоотречение - высший закон общения, и оно становится тем более приятным, чем больше каждый отказывается от своего цвета, чем больше подчиняется всему, что *в целом* приятно. Французам, которые были менее довольны собой, чем другими, должно быть, гораздо легче практиковать это самоотречение, столь необходимое для легкого контакта с людьми и делающее всех равными, чем немцам, у которых каждый ведет себя по-своему и носит с собой целый микрокосм собственных мыслей.

Однако при всем этом, несмотря на хваленый "хороший тон", подвижные французы часто слишком легко выходят из себя. "Они падают", как говорит Гердер, "так быстро, как только возможно, от точки кипения до точки замерзания". Их настроение скачет, обычно не с мягким переходом, а иногда с совершенно неожиданными прыжками, в яростные и потрясающие выражения. От легкомысленного разговорного тона они внезапно переходят к совершенно другому, и без подготовки переходят от невинного веселья к безудержной страсти.

Как в повседневной жизни, так и в политической истории французов часто случались такие внезапные переходы, как их изображает Гердер, или такие *repentina consilia*, как их называл

Цезарь. Несмотря на то, что обычно французы были людьми "*приятными*", когда в них пробуждался лев, они часто безудержно предавались своим страстям. Такие трагические и страшные события, как Варфоломеевская ночь при Карле IX, террор во время первой революции или Коммуна в 1871 году, здесь почти невозможны.

Поскольку весь народ, так же легко, как и отдельные люди, переходит от одного настроения к другому, а иногда и к совершенно противоположному, этим объясняется и буйство волн и течений, которые весь народ испытывает в течение очень короткого времени, Из монархии в пучину республики, а из нее обратно на гребни военно-имперской империи, эти "водовороты, в которых французский государственный корабль стремительно двигался по всем направлениям компаса."

В течение почти ста лет, с тех пор как они отбросили старую королевскую власть, основанную при них германским Хлодвигом, французы были вулканом, который внезапными извержениями сотрясал весь периметр и, изливая потоки лавы, частично разрушал, частично, вероятно, делал его плодородным. В Германии, Италии и других странах они расчистили многие средневековые депрессии, распространили по континенту несколько новых и плодотворных идей, пробудили немецкий и итальянский народы к национальному и политическому объединению. Однако для себя, в результате постоянных потрясений и политических экспериментов, они мало чего добились. Сейчас они напоминают бушующий и разрушающийся кратер. Последний "ураган", который мы пережили в дни нашего общения с французами, еще не утих, и мы еще не узнали гавань, в которую войдет этот беспокойный народ, ставший несчастным из-за своего легкомыслия и чрезмерной самооценки.

1 Белокурая Германия напрасно посылала нам своих франков, своих норманнов; наш темперамент не утратил ничего из своих первоначальных наклонностей. Несмотря на потрясения и столетия, мы все еще остаемся старой Галлией с ее нравом и нетерпением. VERT.

2 У древних греков под *котурном* понималась высокая сценическая туфля: в целом же этому слову следует придать значение *плачущей пьесы*. VERT.

Англичане и их острова.

Два больших, богато одаренных острова с их маленькими соседними островами, которые мы объединяем под названием Британия и Ирландия, являются центральным телом нашего материка, как длинный выступающий рукав, присоединенный так же в северо-западном направлении, как итальянский полуостров - в юго-восточном. Это одна из самых красивых стран, которые природа дала европейцам для жизни. Преимущества умеренного климата, благодатной почвы и общей открытости морю, которые считаются характерными для всей Европы, в отличие от других частей света, Великобритания имеет по сравнению с остальной Европой в значительной степени.

Шотландия

Ее природу можно назвать исключительно европейской. Острова лежат посреди пологого рельефа юго-западных ветров, возвращающихся из тропических областей, а также посреди волнения сопровождающего эти ветры большого морского течения, которое мы называем Гольфстримом и которое, неся с собой южные фрукты и нагретый воздух, разделяется у берегов Шотландии и Ирландии.-Эти ветры и течения устраняют неприятные стороны зимы и

лета и создают климат, преобладающий почти круглый год, который не ослабевает ни от сильной жары, ни от сильного холода, и который покрывает всю поверхность страны вечно увлажняющим, вечно свежим и вечно зеленым ковром из растений. Он говорит о ней, что ее суть - "*раннее* прорастание, *позднее* созревание". Кажется, что Тацит хотел в то же время тонким пророческим образом обозначить весь дух национальности, который с течением времени развился на этих прохладных островах.

Поверхность земли везде умеренно возвышается над уровнем моря. Она не опускается так низко, чтобы человек был вынужден поселиться здесь, как в Нидерландах, в результате долгой борьбы со стихией, и не поднимается так высоко в суровый воздух, чтобы, как в Скандинавии, снег и ледники лишили значительные части страны всякой пригодности для жизни. Здесь также никогда не было (отчасти по тем же причинам) таких обширных болот, как в Польше, таких густых хвойных лесов, таких обширных пустошей, как в северной Германии. Все, так сказать, естественно возделано, пропорционально и аккуратно подстрижено. Леса, в основном лиственные, красиво разбросаны между естественно существующими лугами; повсюду разбросаны плодородные участки земли. Время от времени, в виде исключения, попадаются голые каменистые дна или непроходимые торфяники, или меланхоличные и бесплодные пустоши, но нигде не найти таких больших, бесплодных равнин, как, например, на плоскогорьях Испании, нигде таких печальных, пустынных, бесконечных скальных лабиринтов, как на Иллирийско-греческом полуострове. Очень скоро, даже в Шотландии, вы спускаетесь с узкого хребта негостеприимной горной страны обратно в лоно самых дружелюбных долин.

Реки Британии также обладают этим гостеприимным, дружелюбным, но не титаническим характером. Почти нигде они не превращаются в дикие и зверские водопады. Напротив, почти все они текут очень плавно, без чрезмерной скорости, без живописных и очень романтических берегов, но и без каменистых мелей, которых так боятся лодочники. Они также не несут с собой столько камней и песка, скатывающихся с гор, и поэтому не образуют таких негостеприимных каменных полей, как, например, альпийские потоки Баварии или Рона в ее устье. Это довольно глубоко врезуемые и очаровательно извилистые природные каналы, которые (почти всегда заполненные до краев) текут по лугам и пастбищам. Летом они никогда не пересыхают так полностью, как горные потоки Италии, а зимой и весной никогда не бывают так сильно разбухшими, опасными и разрушительными, как большие потоки некоторых других стран Европы. Все они очень судоходны, и большинство из них соединяются с океаном очень выгодным для торговли способом. Море встречается с реками, пронизывает сушу глубокими изгибами, похожими на гавани, и легко принимает в свое спокойное лоно внутренние воды и корабли.

Дважды в день соленый прилив вливается в водохранилища, лиманы и каналы, очищая их и предотвращая их заиливание и засорение. В Европе нет другой страны, которая была бы так омыта и освежена морской водой со всех сторон до самого сердца, как Великобритания. Небольшая высота ее гор, множество долин, впадин и понижений, которые, в отличие, например, от итальянского полуострова, разделенного одной крутой и высокой скальной стеной, тянутся от океана к океану, позволили построить каналы и дороги во всех направлениях.

Природные продукты страны не столь ослепительны, чтобы особенно возбуждать алчность или фантазию людей. Альбион, в котором почти нет серебра или золота, никогда не играл роли европейского Перу, как когда-то Андалусия. Напротив, если можно так выразиться, все

его товары отличаются полезностью и практичностью. Здесь в изобилии железо, свинец, медь и другие полезные ископаемые, в которых в первую очередь нуждается промышленность. Она очень богата оловом и поэтому первой связалась с цивилизованным миром. Уголь называют его "черными бриллиантами". Европейские луговые травы и злаки прекрасно растут в самых отдаленных уголках островов.

Животные, как и минералы и растения, обычно не отличаются особой красотой. С незапамятных времен здесь не было ни *дикой природы*, ни ценных пушных зверей, как, например, в Скандинавии и России : теперь даже лисиц для охоты приходится разводить или завозить из остальной Европы. С другой стороны, она всегда славилась превосходством своего крупного рогатого скота, лошадей и овец, а в последнее время разводит этих животных, служащих для сельского хозяйства, с большим совершенством и большим разнообразием видов, чем любая другая страна мира. На юго-востоке материковой части Европы находятся самые красивые пастбища и пахотные земли, самые большие и мягкие равнины и самый мягкий климат. На западе и северо-западе, то есть в сторону большого океана, есть все: горы, скалы и пустыни.

Несомненно, такой остров, как только он был открыт, а открыть его было очень легко, должен был быть быстро заселен, и поэтому начало истории британского народа следует искать в темных веках. В самом деле, не исключено, что первые, кто вступил в страну, пришли сюда на сухих ногах. Сейчас основная часть Британии находится всего в нескольких милях от материка в одном месте (между Дувром и Кале). Небольшая глубина моря в этом месте, схожесть геологического строения противоположного побережья и другие обстоятельства делают почти уверенным, что обе страны когда-то были соединены здесь материковым мостом.

Вероятно даже, что этот мост, как и перешеек между Испанией и Африкой в Гибралтарском проливе, был смыт морем сравнительно поздно, возможно, только после того, как по нему уже прошли поколения животных и людей с материка. Но даже если бы это было не так, вся прибрежная полоса южной Англии вдоль "Ла-Манша" находится так близко к материковой части Европы, что ее бело-зеленый сияющий край, видимый из Франции и Нидерландов, мог быть легко обнаружен и даже достигнут варварским народом. Поскольку на востоке она омывается большим морем (Северным), а на севере и западе - огромным океаном, почти нет сомнений в том, что самое раннее население массово прибыло с юга, из соседних областей Галлии и Нидерландов.

Здесь, где Британия ближе всего подходит к материку, находится конец линии, которая в долине Рейна отделяет Северо-Восточную Европу от Юго-Западной. Традиционно это была граница и линия раздела вражеского населения. В самые древние темные века финские племена, исконные обитатели северо-востока, и иберийские народы, исконные обитатели юго-запада, вероятно, жили здесь как соседи, бок о бок. Позже, в исторические времена, друг другу противостояли кельты и германцы, римляне и германцы.

Великобритания, оказавшаяся в продолжении этой линии сражения, в устье этих движений и трений народов, вскоре была втянута в этот водоворот и получила свое население с двух сторон, как и другие смешанные области (Бельгия, Лотарингия, Гельвеция). Возможно, первоначально она приняла финские племена, как Скандинавия, а возможно, и иберов, как Испания и Франция.

Уже Тацит отмечал, что в населении Британии на юге и западе есть что-то иберийское, и хорошо известно, что через Бискайское море всегда существовали (еще со времен финикийцев) довольно тесные связи между этой частью Британии и Пиренейским полуостровом. Ирландия имела множество связей с Испанией. Птоломей описывает этот остров как "лежащий напротив испанских берегов". Рыбаки на его западном побережье и сегодня считаются выходцами из Испании.

Новые краниоскопические исследования позволяют с большой долей вероятности утверждать, что *финские* племена составляли первобытное население многих районов Англии. Черепа из самых древних захоронений в Англии демонстрируют финский или монгольский тип, который полностью исчезает только в более поздних могилах.

Когда свирепые кельты, следовавшие за иберами, пришли в Европу и заняли близлежащие французские берега, им также вскоре пришлось пересечь узкий канал и затопить зеленый остров, вытеснив, уничтожив и изгнав всех финских или иберийских жителей, которые могли быть там до них.

По сути, в Англию, как и во Францию, пришли два разных основных кельтских племени. Сначала так называемые "гэльские" или "гадельские" кельты, а вслед за ними в качестве их завоевателей и угнетателей - "кимрские" или "британские" кельты, которые изгнали их с равнинного востока страны на западные горы и острова. К "гэльским" кельтам относятся современные ирландцы и высокие шотландцы, к "кимрийским" или "британским" - жители Уэльса и Корнуоллиса. Поскольку к моменту прихода римлян бритты властвовали во всей Англии, страна была названа в их честь "Бретанией". Они изображены как народ, превосходящий телом и духом остальных кельтов. В то время их друиды, должно быть, были настолько известны и так высоко ценились, что молодые люди из Галлии приезжали в Британию учиться.

Как и во *всей* центральной Европе, в основном вдоль Рейнской линии, кельты, вероятно, также вскоре вступили в конфликт с германскими племенами, которые последовали за ними в Британию, которая, как уже упоминалось, является главой этой линии. Уже задолго до римлян германские племена были так же близки к британскому острову в Бельгии, как и сами галлы. Они также населяли берега не очень широкого Северного моря, которое можно было легко пересечь. Римские писатели (во времена рождения Христа) также довольно твердо утверждают, что не только в южной и западной Англии среди кельтов жили "бельгийцы", то есть кельты, смешанные с германцами, но и в Шотландии люди с голубыми глазами и светлыми волосами, с германскими манерами и обычаями. Поэтому, а также исходя из других обстоятельств, вполне вероятно, что еще задолго до римлян германцы прибыли в Англию на лодках из Нидерландов, Ютландии и Скандинавии, и что мы должны датировать начало этого замечательного процесса смешения, от которого произошел современный английский язык, задолго до прибытия так называемых англосаксов в IV веке нашей эры. Вначале, конечно, преобладал кельтский элемент, а позже - германский.

Как и кельты, римляне также пересекли Ла-Манш из Галлии (при Цезаре). В течение 300 лет они исследовали, завоевали и окультурили большую часть островного королевства, доведя его до крайности. Однако, поскольку они достигли этой отдаленной страны отчасти *позже*, чем других регионов Европы, отчасти из-за упадка своей империи, им пришлось покинуть ее *раньше*, поэтому они не оставили здесь таких глубоких и неизгладимых следов своего присутствия, как в других местах. Они построили дороги и валы по всей стране и часто привлекали новобранцев из британцев, которых включали в свои британские легионы, а иногда уводили за границу. В то же время римский язык, нравы, цивилизация и, наконец,

христианство распространились среди кельтского населения юго-восточных равнин Англии, но это не привело к формированию романизированного народа с романским языком, как это произошло в Испании, Франции, у валлонов в Бельгии и валахов на Дунае. Большинство римских элементов, которые можно наблюдать и сегодня, и которые получили народ и язык Англии, были привнесены не самими римлянами, а лишь в результате более поздних событий.

Когда римляне очистили страну, они оставили расовые отношения в ней практически такими же, какими они их застали по прибытии. В Ирландии, которую они так и не завоевали, в Уэльсе и большей части Шотландии они вовремя затронули кельтскую национальность, и даже в Англии уход римлян не мог пройти без восстаний и возрождения освобожденного кельтского населения. Не *римлянам*, оставившим свой след в веках на многих южных народах, а их смертельным врагам, германским варварам, затерявшимся во многих завоеванных ими странах, было суждено придать жителям Альбиона физиономию, сохранившуюся до наших дней.

Во время "миграции", последовавшей за римским владычеством, когда все племена великого германского народа двинулись на запад и юг в разные регионы, юты, англ и саксы, жившие в северо-западной точке и на окраинах старой Германии, тоже двинулись туда, желая получить свою долю остатков рухнувшей империи. Сначала они переплыли море на нескольких кораблях во главе со своими капитанами Хенгистом и Хорсой, названными так по легенде. Затем, *по приглашению* англичан, загнанных в угол взаимными ссорами и войнами, а также по собственному настоянию, они возвращались несколько раз и с новыми войсками, так что в конце концов на всей восточной половине Великобритании, которая была обращена к Германии, собралось многочисленное германское население, первые основы которого, как я уже говорил, были, вероятно, заложены в более ранние времена.

В кровавой схватке, которую немецкие колонисты начали с кельтскими аборигенами, они одержали верх везде. Одна часть Англии до, другая после была превращена в саксонское, англиканское или ютское королевство по немецким законам, и большая часть кельтского населения исчезла. На их останках возник другой народ. Среди всех чужих стран, в которые германцы попали в результате "переселения народов", Англия - единственная, где им в значительной степени удалось создать новую национальность, которая сохранилась на все времена. Во Франции, а также в Испании, в Ломбардии, на Греческом полуострове и в Африке они создали более или менее продолжительные владения, но они были поглощены земным населением. Везде римский, кельтский или фракийский элемент поднимался из-под их ног и вытеснял германский. То, что в Англии все было иначе, объясняется отчасти особенностями столкнувшихся здесь национальностей, отчасти другими обстоятельствами. В Италии, Испании и Африке жаркий климат традиционно был очень плох для детей Севера. В Англии они находились, так сказать, на своей широте, и даже если мы не можем поверить, что англосаксы пришли за море в гораздо большем количестве, чем готы через *Альпы* и Пиренеи или франки через *Рейн*, их численность лучше сохранялась и увеличивалась в стране, столь похожей на их родину. В Италии, во Франции и т. д. они столкнулись с плотным населением высокоцивилизованных, но деградирующих римлян, которые подчинялись легче и массово. Там варвары воспламенились и были обойдены цивилизованностью своих многочисленных подданных. Они быстро переняли их уступчивые манеры и, что самое главное, их развитый язык. - В Британии же, как уже говорилось, кельтское население земли никогда не было сломлено и романизировано в значительной степени. Некоторые части страны вообще не были полностью завоеваны или колонизированы римлянами. Освободившись от римлян, англичане оказали новым захватчикам сопротивление не на жизнь, а на смерть. После одной проигранной битвы они не просто сдали страну, как итальянцы

и галлы. Они уступали только нога за ногу. Завоевательная война была более длительной, почти бесконечной, а значит, более разрушительной и губительной. Разгорелась расовая ненависть, которая и сегодня пылает в сердцах кельтских народов Англии против "саксов" и которая не так непримиримо проявляла себя во франконских и готских землях.

Наконец, те немецкие племена, которые пришли в Англию, главным образом [нижненемецкие](#)¹ из Голландии через Фрисландию в Вестфалию, которых даже Карлу Великому удалось обуздать только после многолетних усилий, также изображаются над другими немцами как особенно упрямые, как люди, всегда остававшиеся верными своим обычаям и упорно придерживавшиеся нравов своих отцов. Они привезли эти особенности в Англию и придали прочную силу своим законам и языку. Однако поначалу они преуспели лишь в более открытой, ровной и широкой восточной половине Англии, выходящей к Немецкому морю, да и то очень медленно. Вся гористая западная половина на севере (Камберленд), на юге - длинный язык Корнуоллиса, в центре - гористый полуостров Уэльс, долгое время оставались во владении исконных кельтских жителей, которые отстаивали свою независимость с героическим мужеством, прославленным в легендах о британском короле Артуре. Принято считать, что на востоке, в англосаксонской части страны, исконное британско-кельтское племя было полностью поглощено и возникло совершенно новое, чисто германское саксонство.

Если войну саксов против англичан называют кровавой войной на истребление, то это, вероятно, следует понимать так, что, хотя она, конечно, была в значительной степени войной на истребление, среди саксов всегда оставалось множество старых британских или кельтских элементов, которые, сливаясь с ними, с самого начала сильно изменили саксонскую сущность, характер, расу, язык и помогли подготовить тот своеобразный продукт, который мы видим в нынешнем английском языке.

Состояние полувцилизации, в котором мы видим саксов вскоре после их завоевания в Англии и которым они превосходили своих древних отцов и братьев в Германии, которых Карл Великий нашел 300 лет спустя все еще полностью языческими варварами; одного этого состояния было бы достаточно, чтобы доказать это. Христианство они приняли из рук своих британских противников. Там они вошли если не *во многие*, то, по крайней мере, *в некоторые из* городов, построенных и организованных римлянами, таких, каких у них на родине не было. Кроме того, вся страна в целом была развита лучше, чем их родина. Остальные бритты, которых они помиловали после своей резни, жили на полях и в городах, хотя бы и в рабстве, и, постепенно становясь все более свободными, сливались с саксами и придавали национальности последних оттенки старых бриттов.

О том, что этот регресс не должен был быть совсем слабым, можно судить, в частности, по замечанию одного ученого англичанина и самого известного европейского лингвиста, великого Меццофанти. Оба эти джентльмена убеждены, что некоторые особенности произношения, которые в такой степени отличают английский язык от всех других европейских языков, являются особенностью кельтского или древнебританского языка, и что это произношение английского языка не пришло из Германии, а было создано коренными жителями этой страны. Несколько слов, которые немцы произносят с трудом, являются общими для английского и кельтского британского. Кроме того, современные кельтские жители Уэльса говорят на французском или других иностранных языках с тем же акцентом и тоном, что и англичане. В результате создается впечатление, что современные англичане говорят на языке, отличном от языка кельтских

британцев, но произношение у них такое же, такой же "тембр", как и у них. Кажется, что слышишь, как кельты говорят на германском (англосаксонском) языке, но произносят его своим языком, нёбом и губами, и никто, кто не *родился* с этими органами, не может им подражать. Так сказать, они переняли речевые инструменты старых британцев. Легко понять, что это не могло бы произойти, если бы в англосаксонскую расу не попало значительное количество местной крови.

Вероятно, мы и сейчас смогли бы отметить множество исконно кельтских черт в телосложении, физиономии и характере современных англичан, как и в произношении языка и в речевых инструментах, если бы за древними британцами внимательно наблюдали физиологи и френологи и изобразили их хорошими художниками. Вместо того, чтобы пропасть для нас, однако, некоторые изречения древних писателей могут помочь нам: - В то время, когда никакие "англосаксы" еще не пришли в Англию, римлянин Марциалис сделал эпиграмму на прекрасную британскую леди Клавдию Руфину, которую он также называет "голубоглазой". Кажется, что в его картине можно узнать английскую красавицу нашего времени. Сенека тоже называет британцев голубоглазыми. А грек Страбон рассказывает, что в Риме он видел молодых людей из Британии, которые были настолько высокими и стройными, что на полфута превосходили самого крупного римлянина. Вся форма их тела, а также длинные руки и ноги были некрасивой формы. Судя по всему, это были те самые люди, о которых император Фридрих II, женатый на английской принцессе, спустя тысячу лет пел: "Они рождены от чистой крови: их руки белы, их пальцы длинные". Так что особый крупный рост, длинные конечности, голубые глаза и светлые волосы, возможно, не пришли в Англию вместе с саксами. Скорее, это отличало древних бриттов, уже смешавшихся с более ранними германскими народами, от других кельтов. "И в результате, - говорит один знающий англичанин, - многие из нас, считающие себя потомками саксов, по крайней мере половина из нас, являются не кем иным, как потомками старых кельтов-британцев". Многие нравы и обычаи нынешних англичан также берут свое начало от древних кельтов, например, почитание омелы, растущей на старых дубах, священной для древних друидов, и связанные с ней суеверные обычаи и игры". Из всего этого можно сделать вывод, что, несмотря на естественную вражду с кельтами, старый британский патриотизм все еще иногда проявляется среди англичан сегодня, что они нередко отождествляют себя со своими кельтскими предшественниками и что, например, в своих народных песнях они поют. Например, в своих национальных гимнах они часто ласково называют себя не "саксами", а "бриттами": "*Британцы никогда не будут рабами*" или "*Rule Britannia, rule the waves*", которую они так же часто повторяют, как и "*Old England for ever*".

В свой язык англосаксы также включили многое кельтское. Например, они сохранили почти все старые кельтские выражения для географических названий, названий городов, рек, гор, полей и лесов. География Великобритании осталась в значительной степени кельтской, так же как почти вся география Испании до сих пор остается иберийской. Даже сегодня англичане называют свои холмы Чевиот, свои пики Пеннигант преимущественно кельтскими именами. Их реки - Темза, Северн, Трент, Оуз - тоже имеют старые кельтские названия, которые пережили как римские, так и англосаксонские завоевания и революции в стране. Аналогичное происхождение имеют названия многих городов и графств: Кентербери, Девон, Кембридж, Кент и многие другие. На римских картах они встречаются только с римскими окончаниями слогов, а на англосаксонских - только с германскими склонениями.

Наконец, немалая часть кельтского народа, вплоть до нашего времени, также осталась на острове. Крайне медленно, по частям - каждое столетие, так сказать, по частям - старые кельтские племена попадали в англосаксонский плавильный котел. Долгое время они оставались независимыми на севере (в Камбрии или Камберленде), еще дольше - в юго-западной части Корнуоллиса, и дольше

всего сопротивлялись саксам в Уэльсе, который был частично изолирован от моря и изрезан горами.

Кельтские кимрены или бритты в Уэльсе, с которыми началась полуторатысячетная борьба, до XIII ^{века} все еще имели своих государей, свою независимую жизнь. Только в 1284 году при короле Эдуарде I они стали английской провинцией. Но даже в условиях английского господства и после утраты политической независимости кельтская раса Уэльса не прекратила своего существования и не повлияла на цивилизацию Англии, да и всей Европы. Их долгая героическая борьба с англосаксами, по-видимому, заслужила признание и восхищение в остальной Европе, а потому их поэзия и традиции. Уэльс был местом действия легенды о героическом короле Артуре и его мифическом круглом столе, и эта легенда, распространившаяся далеко, стала источником бесчисленных историй, эпических поэм, баллад и романсов в Англии, Франции, Германии и т.д. Все знаменитые имена королевы Женеvры, Персиваля, Ланселота, Титуреля, Лоэнгрин, Тристана и Изольды, столь популярные у нас, - это кельтские имена героев, которые умирающие валлийцы передали нашему воображению.

И по сей день кимрены Уэльса остаются очень самобытным народом, со своим языком и как люди очень активные, как основная раса с мощным телосложением и очень резкими чертами лица. Их чувства, как и у всех кельтов, живы, воображение необычайно велико, мысли быстры. Следовательно, они от природы разговорчивы, как французы. Они гораздо лучше контролируют свой язык, чем англичане: во многих деревнях и во многих уголках своих долин они до сих пор не понимают английского. Их образованные классы до сих пор имеют определенные поэтические общества и встречи между собой, где говорят только на валишском или кимрском и играют на старой артуровской [арфе](#)². По сравнению с кельтскими ирландцами и шотландцами они превосходят в скорости научную и литературную деятельность. Каждый год на британском языке печатаются сотни книг. Можно найти кельтские сочинения, выходящие каждый квартал или каждый месяц, а также еженедельные и ежедневные газеты, одна из которых, "Валиан Таймс", в течение 20 лет имела, должно быть, тираж 100 000 экземпляров. Работы, которые могли бы похвалить английские ученые, были делом рук прилежных дилетантов. Валийский фермер по имени Ованн Джонс опубликовал в 1801 году под названием "Gälische archeologie van Mywyr" сборник трактатов, который должен содержать "настоящий арсенал кимрских древностей".

На севере (в Кембрии) и на юго-западе (в Корнуоллесе) кельтскому языку пришел быстрый и уже полный конец. В Корнуоллесе он сошел в могилу в 1778 году, в правление короля Георга III, с одной, все еще говорящей на корнуоллском, которая умерла на ^{102-м} году жизни.

Новая англосаксонская и старая британская национальности продолжали процесс взаимной борьбы и слияния в течение почти 400 лет, не получая никаких внешних помех; когда в конце VIII века с северо-востока на страну и ее два враждебных племени обрушился новый поток людей. Поздние германские племена из Дании и Скандинавии, как и германцы из Саксонии, отправились на юг, чтобы нанести вред Европе, которая тогда повсеместно пребывала в раздоре.

Поскольку они *в основном, как* ни один другой европейский народ до них, укреплялись на океане, они напали на Британию, которая была окружена морем повсюду и со всех сторон. Она стала главной целью набегов датских и норвежских морских королей или викингов более чем на 200 лет, а затем, когда эти авантюристы подчинились верховенству общего короля у себя на родине, даже Англия на время стала провинцией скандинавской империи великих королей Свена и Канута.

К моменту появления датских морских королей англосаксы уже не были древними. Они были смягчены цивилизацией и полнотой наслаждения жизнью, которые стали для них привычными. Хищные, жадные до добычи язычники с севера набросились на них, как волки, с еще

несмешанной германской силой, и теперь между этими двумя родственными расами возникла такая же длительная борьба, какая когда-то была между англосаксами и кельтами.

Однако то, что результат этой новой войны был не таким, как предыдущей, что ни одна старая раса не была полностью изменена, что Британия не стала скандинавской в той же степени, в какой она стала англосаксонской в прошлом, и что она, по существу, оставалась англосаксонской в течение долгого времени, легко объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, мореплаватели-скандинавы имели весь океан в качестве поля своей деятельности. Как уже говорилось, они не ограничивались Англией, а доходили до Средиземноморья и других стран. При малом населении своей родины они не должны были иметь много сил для одной страны из своих больших хищнических владений. В свое время англосаксы не могли выйти за пределы Англии, потому что к тому времени весь остальной мир уже был захвачен другими сильными братьями-варварами. Поэтому их взоры были устремлены исключительно на Англию, как на новую родину, и эта страна держала их вместе в компактной массе. Во время вторжения датчан они уже были многочисленным народом.

Цель скандинавских викингов поначалу сводилась к поиску всевозможных приключений и добыче добычи. Как саксы пахали поля, так и они пахали только океан. В силу своей склонности они почти везде останавливались у побережья, возле гаваней, где стояли на якоре их корабли, способные удерживать и перевозить добычу, которую они получали. Таким образом, они, несомненно, *поселились на постоянной основе* во многих прибрежных городах, а некоторые города и небольшие острова Великобритании даже полностью заполнили скандинавским населением.

В глубь страны, однако, их национальность массово не проникала. Гордясь своей варварской и враждебной разрушительностью, а также всеми жестокостями, которые происходили между саксами и датчанами в Англии, эти два родственных народа не стали полностью отталкивать и уничтожать друг друга. И там, где они подчинялись только датчанам, англосаксам было легче ужиться с ними, чем столь непохожим друг на друга кельтам с англосаксами. Оба народа мирно жили бок о бок при англосаксе Альфреде и при датчанине Кануте (по крайней мере, в последнюю благословенную половину его правления). При этом датчане, безусловно, взяли от саксов больше, чем те от них. Ведь именно англосаксы, в силу своей большей цивилизованности, были доминирующим элементом. Они чаще всего становились учителями диких датчан как в Англии, так и в Германии, и учили их христианству.

Поэтому, когда ярость нордиков утихла, когда норвежцы и датчане стали христианами у себя на родине, когда такие неистовые герои Одина, одушевленные своего рода фаталистической турецкой верой, больше не получали образования, как в старые времена, когда позже английская нация снова поднялась, она показала себя в основном англосаксонской. Скандинавизм, не оказывая целенаправленного влияния, влился в сущность английской нации.

То, что англичане сохранили от норманнов и датчан до наших дней, можно в основном свести к следующему:

В северных частях Англии, наиболее противоположных Дании и наиболее часто посещаемых норманнами, в Нортумберленде, Йорке и т.д., где они приобрели самые большие и постоянные владения, народ все еще сохраняет *многие* скандинавские особенности. Провинциальный диалект там имеет не мало скандинавских компонентов как в лексике, так и в оборотах. Даже орган наполовину датский, например, в своеобразном, неловком произношении характерного "r". Кроме того, на севере Англии сохранились свободные и независимые землевладельцы и фермеры, схожие с норвежскими, даже во времена позднего феодализма времен Вильгельма Завоевателя.

Поскольку норвежцы и шведы даже на юге Англии, как слуги англосаксонских королей, как родственники англосаксонских аристократов, как беженцы и захватчики, часто находили спорадическое распространение, и поскольку они даже, как уже отмечалось, однажды, при своих королях Кануте и Свене, контролировали всю страну в течение нескольких десятилетий, поэтому до *всей* Англии и до всего английского народа дошло много скандинавского.

На английских картах, а также в английских словарях мы часто встречаем географические названия норвежского и датского происхождения. Многие английские произношения германских слов кажутся не саксонскими или германскими, а скандинавскими. Например, англичане произносят слова "uhs" (мы) и "bloht" (кровь) не растянуто, как наши низкорослые саксы, а резко, как скандинавы, - "oss" и "blodd".

Некоторые скандинавские нравы сумели получить гражданские права в английской семье и быту. Например, если выбрать один из нескольких примеров, на Рождество в Англии, как и в Норвегии, зажигают *"Йольское полено"*, а голова кабана, которую во многих английских семьях посвящают в полдень на Рождество, должна иметь *что-то* общее с кабаном скандинавских героев Одина в Валгалле.

Вопрос о том, были ли более важные обычаи, которые теперь стали полностью исконными для англичан и которые они считают оплотом своей политической свободы, например, отправдение правосудия присяжными офицерами, принесены в страну скандинавами или германскими англосаксами, является спорным. На этот вопрос немецкие исследователи отвечают - и справедливо - совсем иначе, чем патриотичные датчане.

В целом, я могу отметить, что сами англичане иногда выражают очень разные мнения о том, от чего их национальность черпает больше политической силы и свободы - от национального духа скандинавов или от англосаксонского чувства и сущности. В то время как сэр Эдвард Булвер Литтон приписывает норвежцам и датчанам большие заслуги, восхваляя, что *те* части королевства, в которых они составляли большую часть населения, характеризовались прежде всего духом независимости и силой сопротивления против угнетения, и в них наиболее четко узнается мощный образ старого германского народа, - Сэр Роберт Пил в своих выступлениях в парламенте неоднократно высказывал мнение, что датчане в целом, после всех своих опустошений, не оставили в Англии почти ничего нового, великого и долговечного. Преувеличенным утверждениям датских писателей можно противопоставить в этом отношении соображения беспристрастного француза, который в *"Revue des deux mondes"* выступает против датчан: *"Les Danois n'ont point conquis l'Angleterre, - leur invasion n'était qu'un déluge et ce déluge n'a fait que glisser sur la société Saxonne"*³.

Одним из наиболее примечательных последствий авантюры датчан и норвежцев было то, что они *впервые* ввели в круг жизни германских народов крайние северные и западные части островной группы Великобритании, древние Каледонию и Эрин (Шотландию и Ирландию). Ведь, как уже говорилось, германские вторжения в Шотландию, вероятно, имели место уже тогда, но не носили решающего характера. По сути, Шотландия оставалась кельтской страной вплоть до скандинавских или датских викинг-туров после времен Карла Великого. Ее кельтское население, называемое римлянами каледонцами, принадлежало, как и древние ирландцы, к гэльскому племени и, таким образом, сильно отличалось от кельтских бриттов или кимренов в Англии и Уэльсе, хотя и было с ними связано. Как и ее жители, Шотландия *до, во время* и долгое время после правления римлян имела много общего с Ирландией и, будучи отдаленным горным северо-западным регионом, разделила ее судьбу. Оттуда, из Ирландии, она получила свои нынешние названия. Одно из племен ирландских кельтов, шотландцы, в 5^(th) веке получило большое превосходство над всеми остальными кельтами в Эрине, а также в Каледонии (Шотландии),

которую оно подчинило себе. После этого племени и эта страна, и сама Ирландия долгое время назывались "*Скотия*" (земля шотландцев). Однако позже это название было утрачено Ирландией, и навеки осталась одна Шотландия. Вместе с этими шотландцами Шотландия также получила от Ирландии свою древнейшую цивилизацию и поэзию. Ведь теперь, кажется, уже достаточно точно установлено, что старые песнопения Оссиана, которыми так часто восхищаются, выведенные на свет шотландцем и подделанные им во многих местах, первоначально выросли на ирландской земле, были связаны с ирландскими обстоятельствами и событиями и лишь оттуда попали в Шотландию. Точно так же в 6th и 7th веках шотландцы приняли христианство из Ирландии, откуда прибыли миссионеры, крестившие каледонцев и основавшие на их скалистых островах знаменитые монастыри и школы древнего монашеского обучения (Иона и другие). Благодаря этой христианизации шотландцы впервые стали в какой-то степени цивилизованными и едиными. Вскоре после этого, в X веке, вся страна, похоже, оказалась под властью местных королей, из которых король Дункан и его убийца и преемник Макбет наиболее известны новым поэтам.

Возможно, уже тогда, частично как военнопленные, частично как добровольные гости, некоторые англосаксы пришли в Шотландию из Англии; во всех случаях, однако, только в небольшом количестве и в подчиненных отношениях. Лишь когда датчане начали опустошать Англию, англосаксы вновь пошли в Шотландию большими массами, собираясь в основном в так называемых Лоулендах. Между тем морская система англосаксов была не настолько хорошо налажена, чтобы они могли с легкостью проникнуть на все острова и полуострова, составляющие Шотландию, с каким-либо эффектом. *Только* датчане, имевшие по кораблю на каждом берегу, смогли продолжить древнюю борьбу между кельтской и германской расами здесь, на дальних рубежах земли. Они окружили колониями всю землю пиктов и шотландцев. На островах к северу от Шотландии, Оркнейских и диких, малонаселенных Шетландских, они истребили большую часть исконных кельтских племен и заменили их скандинавскими поселенцами, которые, однако, с тех пор, как 400 лет назад они были присоединены к Великобритании, в большей или меньшей степени смешались с английскими и шотландскими элементами.

На всем островном кольце, которое окружает Шотландию на западе, на Гебридах, на юге до острова Мэн, датчане основали ряд небольших королевств, которые просуществовали более или менее долгое время. Позже эти королевства и даже норвежский язык и расы частично исчезли. На Гебридах, с Шотландского нагорья, вновь утвердился кельтский язык, хотя и сильно смешанный с английским элементом. "Среди жителей этих островов часто невозможно различить, что является кельтским, скандинавским или английским". Они составляют бедный, несчастный народ, которым очень пренебрегает английское правительство, хотя среди них есть талантливые и энергичные люди, и хотя было подсчитано, что, среди прочих, один из этих Гебридских островов, остров Скидже, населенный едва ли 25 000 человек, в течение 50 лет поставлял Соединенному Королевству 10 000 солдат, 600 майоров и капитанов, 48 подполковников, 21 генерала, 5 губернаторов и генерал-губернаторов колоний и несколько главных судей. Даже на самых южных из этих островных групп до сих пор сохранились многие институты скандинавских времен, например, на острове Мэн - знаменитый Манский парламент. Как и в те времена, когда этим островом еще управляли собственные суверены скандинавского происхождения, население по-прежнему собирается, согласно Ständen, подобно шведскому Storething или Reichstag, в так называемый "Thing" или островной парламент, члены которого имеют право обсуждать решения великого английского парламента и либо принимать, либо отвергать их для острова Мэн. Кроме того, многое в управлении и правосудии острова Мэн, в крови, нравах и суевериях его жителей по-прежнему должно представлять собой смесь кельтских и скандинавских элементов.

Что касается столь восхваляемого Изумрудного острова Эрин, то он фактически не имел связи с германским миром до времен датских экспедиций. Ни римляне, ни англосаксы не достигли этого

кельтского Вестланда. Его племена, разделенные на разные части, сохраняли свою дикую независимость, защищенную морем, и свободу воевать друг с другом на протяжении бесчисленных веков.

Никакое движение населения, никакой новый язык или раса не нарушали эту ситуацию вплоть до датского периода. Даже христианство пришло к ирландцам без иноземного завоевания и насилия, очень мирным путем, через молчаливых миссионеров, пришедших из Галлии. Когда англосаксы завоевали романизованную Англию, большое количество цивилизованных кельтов, и особенно значительная часть латино-кельтского духовенства, бежали в Ирландию, и через них, в отличие от англосаксонской Англии, которая снова стала языческой, Ирландия стала процветающим очагом цивилизации, великой христианской миссионерской страной, откуда ученые и благочестивые миссионеры теперь учили и проповедовали в Шотландии, Англии, Бельгии, Германии и Швейцарии. В то время, когда вся остальная Европа страдала от нашествий германских племен, Ирландия, ничуть не обеспокоенная ими, переживала расцвет независимости и развития, заслужив название "*Остров святых*".

Языческие мореплаватели из Дании и Норвегии, открывшие Ирландию, окружившие ее со всех сторон и проникшие в каждую из ее волн, были *первыми*, кто положил конец этому древнему состоянию политической независимости Ирландии. Как в Англии и Шотландии, они поселились в прибрежных городах Ирландии, завоевали и колонизировали из гаваней небольшие участки земли под управлением администраторов, которые были связаны и родственны так называемым королям туземных кельтов. Поскольку датчане привозили сюда купцов, как и везде, где они появлялись, и торговали; поскольку они плавали из Ирландии в Шотландию, в Англию и в Нормандию во Франции, они таким образом включали ирландцев, которые, как и большинство кельтов древности, не имели ни аппетита, ни склонности к мореплаванию и торговле, так сказать, в транспортную сеть остальной Европы.

Хотя датчане и норвежцы не смогли удержать свои позиции в Ирландии в долгосрочной перспективе, можно сказать, что в определенном смысле они поставили себя и других своих германских соплеменников в авангард германизма там. Англичане последовали за ними позже; они впервые завоевали Ирландию только через 600 лет после уничтожения власти датчан. Некоторые следы датских фамилий, семей и народных обычаев встречаются среди ирландцев вплоть до недавнего времени.

Таково влияние датчан и норвежцев на историю развития и цивилизации Британских островов.

Обе народности, датчане и англосаксы, соперничая друг с другом и борясь друг с другом по всей Великобритании, внезапно, в самый разгар своей борьбы, подверглись очередному вторжению из Франции. В 1066 году при Вильгельме Завоевателе *прибыли французские норманны*. Совершенно не похожие на саксов и датчан, они завоевали всю Англию в одном сражении, в разрушительной битве при Гастингсе, и поделили ее между собой.

Хотя вначале они сформировали лишь небольшую армию солдат, в течение многих лет последовала серия вторжений с женщинами и детьми из Нормандии. Предки этих так называемых норманнов пришли из Скандинавии за 300 лет до нашей эры, но, поскольку они не брали с собой норвежских женщин, а женились на французенках, быстро изменились в южной стране. К тому времени, когда они завоевали Англию, они уже давно переняли французский язык и обычаи.

Их рыцарский дух, авантюрный, героический и предприимчивый характер все еще оставался наследием германского Севера, но это могло относиться только к офицерам, дворянам и придворным Вильгельма Завоевателя. Массы его *войск*, набранных во Франции, и следовавшие

за ними *эмигранты* были такими романизированными галлами, которые жили по всей Северной Франции, валлонами, пикардийцами, бретонцами, другими словами, настоящими французами. Экспансия этих французов и франкизированных норманнов в Англию, вдохновленная нордическим духом, под руководством Вильгельма Завоевателя оказала более глубокое и продолжительное влияние на английскую нацию, чем римское завоевание, также пришедшее из Галлии. Римские элементы, привнесенные ранее самими римлянами, почти полностью уничтожили англосаксов, когда те пришли в страну. С другой стороны, романизм, привитый и принесенный им французскими норманнами, остался с англичанами навсегда. Он пустил глубокие корни в их существе, и из тесного слияния этих двух элементов, установившегося на протяжении веков, возник в основном нынешний национальный характер англичан. Один английский писатель сказал коротко и выразительно: "*Нормандское завоевание стало созданием Англии*".

Ни одна страна не была завоевана так часто, как Англия; ни одна нация не подвергалась такой длительной обработке и изменениям под влиянием внешних факторов. Только после норманнского завоевания она осталась на своих собственных ногах. С тех пор она не принимала новых иммигрантов, и все формирование ее национальности было внутренним процессом, который не получал дальнейшего существенного влияния извне вплоть до наших дней. совместные иностранные примеси и добавления, которые Англия получила с течением времени, принадлежали к самой благородной крови Европы. Менее мужественные и менее гениальные племена славян никогда не беспокоили ее; гунны, монголы и мадьяры, распространявшие свои набеги даже на Францию, никогда не достигали ее. Израильтяне или другие азиатские племена никогда не пользовались у них большим влиянием. Не избежала она - и в этом отношении ее можно сравнить с соседней Скандинавией - и ряда других движений и волнений, которые веками терзали остальную Европу из-за набегов сарацинов, татар и турок.

В начале норманнского или французского владычества все элементы, вторгшиеся в Англию, все еще жили бок о бок, не подвергаясь переработке; несколько кельтских народов, существовавших с незапамятных времен, жили в Уэльсе, Ирландии и Шотландии в полной независимости; Остальные датчане на севере Англии и в других местах рассеялись, некоторые из них долгое время оставались независимыми; англосаксы на юге и востоке составляли основную массу населения; и над всеми ними, как правящее племя, теперь как бы вытряхивались эти странные французские норманны. Это было более полудюжины разных народов, каждый со своим языком, обычаями и государственными порядками. Из слияния норманнов с англосаксами должен был, наконец, возникнуть правящий тон, доминирующий цвет, которому суждено было остановить и объединить все.

Поначалу казалось, что Англия будет полностью франкизирована в ходе этого процесса. Англосаксонская знать была не только лишена своих владений жестокосердными норманнскими королями, но даже частично истреблена. Покоренный, униженный и порабощенный англосаксонский народ, его мораль и язык вызывали у гордых норманнов глубокое презрение. В судах, в законодательстве, даже в школах насильно внедрялся французский язык. Он преобладал при дворе, среди всего дворянства, прибывшего в страну, и на всех высших должностях империи. Англосаксонский язык повсеместно подавлялся и унижался. Тех, кто не хотел учить французский язык и говорить на нем, считали плебеями. В Англии возникла своя франко-норвежская поэзия, а также норвежский архитектурный стиль. Оба они черпали вдохновение во Франции. И хотя оба народа, французский и английский, в то время вели друг с другом кровопролитные сражения на поле боя, их литературное и художественное развитие было совершенно одинаковым. И даже английские герои того времени, например, Ричард Львиное Сердце, говоривший и думавший по-французски, в истории Франции почти полностью считались французами.

Поскольку не только Нормандия, но и иногда большая, а иногда меньшая часть остальной Франции долгое время оставалась политически связанной с Англией; поскольку французские семьи продолжали переезжать во Францию, как будто это была одна и та же страна ; поскольку армии, так сказать, находились во Франции из года в год, а в мирное время английские рыцари часто оставались при дворе французских королей, новые французские элементы и манеры привносились в Англию на протяжении двух столетий.

То, что эти элементы не получили там решительного преобладания, а скорее сохранился германский элемент, отчасти объясняется тем, что алчные короли, происходившие от норманнов, вскоре подавили своих старых французских баронов так же сильно, как и покоренных англосаксов. В своем противостоянии правлению королей обе стороны постепенно начали находить общий язык. Иностранная французская знать использовала коренных жителей страны против своих государей. В результате англосаксонский элемент, который был почти отброшен первым ударом, вновь поднялся и приобрел новый престиж. Со временем ослабили предрассудки норманнов, которые полюбили новую страну как родину не меньше, чем сами англосаксы . Братание, союзы и браки наводили мосты между двумя народами. Позже, когда английские владения во Франции были потеряны одно за другим, а северосаксы оказались ограничены своим островом, романо-французский элемент перестал расти и укрепляться, и два народа постепенно слились.

В ^{середине XIV} века король Эдуард III отменил использование французского языка в суде и парламенте. Однако некоторые французские фразы сохранились до наших дней, как в английском парламенте, так и в судебной системе. Кроме того, некоторые протоколы по определенным вопросам, а также патенты на назначение для получения тех или иных достоинств до сих пор составляются в том же старофранцузском канцелярском стиле, что и раньше. Даже знаменитый девиз английских королей "Dieu et mon Droit", а также "Hony soit qui mal y pense" все еще являются небольшими французскими пережитками или руинами того норманнского времени.

Насколько медленно происходило слияние французского и английского языков, можно судить по тому, что англичане еще долгое время говорили на своем языке с французским акцентом. Во времена Шекспира, например, они все еще ставили ударение на последний слог слов на французский манер и говорили не *afféction*, как сейчас, а *affectiôn*, не *affliction*, а *afflictión*.

Бесконечные внутренние волнения, великие семейные войны английских *вельмож* и королевских семей, которые как бы вскрывали почву страны, сбрасывали элементы и вытаскивали на поверхность старое англосаксонское сырье, вероятно, также способствовали этой амальгамации, которая достигла той высоты, на которой она находится сейчас, только во времена королевы Елизаветы.

Язык является наиболее ярким проявлением типа и способа очищения обеих национальностей, тесно связанных в современной английской национальной системе. С помощью его анализа можно достаточно точно определить и, так сказать, взвесить долю каждого компонента. Английские лингвисты подсчитали, что среди 100 английских слов плюс-минус 60 имеют англосаксонское или германское происхождение, 30 - романское или французское, и только 10 - кельтское или иное происхождение. Судя по этому, германский элемент в языке представлен в два раза больше, чем романский, и эта пропорция может быть использована в качестве мерил для ответа на вопрос, насколько германский или романский элемент преобладает в английском языке.

Более того, не только *количество* того, что взято из обоих источников, но особенно *качество*, ибо пропорция и вес обоих элементов очень характерны. Английский язык сохранил от немецкого источника совсем другие слова и идеи, чем он взял из француско-романского языка. Все, что

касается домашней и семейной жизни, все выражения, обозначающие близкие отношения между людьми, любовь, дружбу и кровные связи, а также все обозначения большинства предметов, тесно связанных с домашней и народной жизнью, луга и поля, леса, поля и сада, которые окружают дом, всей природы, сердца и души людей, - все это немецкое.

Напротив, все, что можно считать продуктом ума и духа, искусства и высокой степени развития, обозначается романскими словами: государству норманны-завоеватели придали форму. Предметы политики, названия различных привилегированных должностей общества и местных учреждений, как и сами эти учреждения (например, парламент), происходят из романизированной страны, из Франции. Но на нижних ступенях великого здания общества, в деревнях, на полях и лугах, немецкий характер, немецкие законы и обычаи оставались укорененными.

Как и новая форма государства, искусства и науки пришли с норманнами из Франции. Именно поэтому, хотя все *грубые* вещи, все *местные* деревья, животные и неодушевленные материалы сохранили старые немецкие названия, там, где эти вещи были изменены и преобразованы искусством, римский элемент заменяет немецкий. Это относится, например, даже к самому материальному из всех искусств - кулинарии. Овцы, коровы и волы остаются немецкими - "*овцы*", "*коровы*", "*волы*", - пока они пасутся в полях под присмотром англосаксонских пастухов. Но как только их забивают и они попадают в руки поваров, привезенных французскими баронами, они меняют свои немецкие названия на французские и становятся "*бараниной*" (*mouton*), "*говядиной*" (*boeuf*), "*свиной*" (*porc*). В связи с этим английский язык и, подобно ему, характер всей английской национальности сравнивали с тканью, где грубое сырье или шерсть - немецкая, а богатая вышивка на ней, однако, романская. Их также можно сравнить со зданием, фундамент и основные стены которого немецкие, купола, башни, скульптуры, угловые и периметральные камни, однако, романские. Вся костная структура языка, его нервы и связки, артикли, местоимения и все маленькие слова, которые соединяют большие в предложения, - немецкие; пестрая, гладкая кожа, покрывающая организм, вся орнаментация, однако, романская.

Французские норманны, так сказать, сделали английский язык своим туалетом; они облагородили и цивилизовали его. Как и язык, они в определенном смысле одели, облагородили и облагородили весь народ. Вряд ли в Европе найдется второй язык, кроме английского, на котором можно было бы легко и поучительно прочитать всю историю народа. "Французские или латинские слова, - говорит один знаток немецкого языка, - стоят рядом с немецкими, как гордые бароны, ученые епископы и искусные художники рядом с простыми крестьянами и пастухами". И можно добавить: "А также рядом с купцами и лодочниками". Ибо как эти выражения были распространены в кораблестроении и во всей морской жизни, в торговле и на рынках, так был и остался у англичан дух моряка и купеческой предприимчивости, целиком и полностью являющийся частью германской сущности. - Война и военная сущность, с другой стороны, снова стали французскими.

Германский дуб проявляет себя в языке англичан, тесно окруженный романским плющом. Но не везде вьющееся растение оставалось лишь внешней добавкой. Время от времени он прикреплял свою сильно извивающуюся массу к древесине дуба и в какой-то степени сам становился его стволом. Меньше всего она затронула его в сердечной жиле, но бесчисленными ветвями поднимается высоко в крону. Там, в своей кроне, он иногда занимает место мертвых ветвей основного дерева. К каждой немецкой ветви он обычно прикрепляет явно романскую, так что часто можно переключиться с одной на другую и выразить себя двояко: либо используя только старосаксонские корневые слова, либо только французские и латинские.

Однако - и это самое примечательное - две странные субстанции и природы так тесно проникли и смешались в его сущности, что из нее вышло не что-то слабое и расколотое, а полное целое, да, даже, как из скрученного якорного каната, что-то еще более прочное... Кроме того, оба элемента народа в Англии никогда не приходили к полному равенству, к некоему миру. Напротив, до самого последнего времени они упорно боролись и сражались друг с другом, как в языковом, так и в политическом плане. - Из этого обстоятельства, из никогда не затихающей жизни в двуглавом духе нации, можно объяснить, что английский язык постоянно перенимает и присваивает новые слова с такой легкостью, как из романских языков, латыни, французского и т.д., так и из немецкого, голландского, скандинавского. В результате в него с незапамятных времен вошло множество тончайших нюансов и не мало совершенно уникальных поэтических красот. И точно так же этот феномен можно объяснить тем, что цветение английской литературы почти всегда имело, так сказать, двойной цвет. Ибо были английские поэты, которые полностью исходили из немецкой души, другие, которые, кажется, больше исходили из норвежско-французского духа. В жилах великого Байрона, например, текла определенно норвежская кровь. Природный поэт Бернс, с другой стороны, немец по языку и чувствам. В Шекспире, как говорит Гервинус, одинаково сильно проявляются *оба* элемента. В выборе его великих романтико-исторических картин, а также в троекратной энергии и язвительной краткости выражений проявляется романский норманн, а в бесформенности, в широкой, часто извилистой структуре его пьес, имеющих некоторое сходство с готическим стилем церковного строительства, с нами говорит немец. Однако в целом у него, как и у всех истинно английских народных и национальных поэтов, преобладает германский язык, что подтверждается тем фактом, что ни один иностранный поэт не стал таким родным, как Шекспир в Германии.

Как и в случае с отдельными гениями и личностями, так и в разные периоды английской литературы то проявлялось пристрастие к германскому духу, то склонность к романизму. Бывали времена, когда романские элементы английского языка были, так сказать, более модными, когда поэты и писатели выражали все по возможности словами, заимствованными из французского словаря; другие, когда они предпочитали использовать силу саксонских корней. И почти всегда, как и в борьбе за власть между партией нормандских дворян и партией саксонского народа, в литературе также существовали романистское и германистское писательское гонимое и направление.

Как и язык, так называемый национальный дух народа, благодаря счастливому слиянию норманнов и саксов, получил возможность легко приобретать все самое полезное от обеих национальностей. Так, если привести еще один пример, заимствованный из языка, политическое законодательство англичан также восхвалялось за его особую снисходительность и восприимчивость, которые позволили ему взять все самое лучшее и прочное из разных систем, от королевской власти, феодализма, аристократии и демократии, и гармонично соединить их.

Наконец, можно сказать, что как испанцы со времен Фердинанда и Изабеллы становились все более иберийскими, а французы со времен Гюго Капета - все более кельтскими, так и англичане, преодолев первый удар норманно-французского завоевания, стали более англосаксонскими или германскими. Французские историки рассматривают длительную борьбу низших или высших классов Франции против французских королей и против дворянства, восходящего к германским временам и его феодальной системе, как борьбу угнетенных романо-кельтов против германского национального духа. По их мнению, *снизу*, из кельтских крестьянских хижин и кельтско-римских городов, старый исконный элемент Галлии становился все более и более влиятельным, и во французской революции, а также в империализме, подготовленном этим нивелирующим движением, мы видим окончательную и полную победу кельтов и романизма над германизмом во Франции. - Здесь феодализм был основан римлянами в то время, когда они только что получили

его от германцев во Франции. Он был брошен на шею покоренным германцам (англосаксам), так же как и кельто-романам во Франции. Длительная борьба низших классов против дворянства, феодалов и королевской власти - их окончательная победа во времена Кромвеля, а затем их последующие победы в наше новое время - также может рассматриваться как борьба и медленная победа одной национальности над другой, англосаксов над римлянами.

Демократические так называемые *круглоголовые* во времена Кромвеля были в основном выходцами с юга и юго-востока Англии, где традиционно преобладало англиканское и саксонское население. Рыцари и друзья короля были выходцами из менее германских западных и северных районов. Можно, пожалуй, сказать, что Англия становилась тем свободнее и либеральнее, чем больше всплывали старые немецкие слои народа, а именно буржуазия, подобно тому как Франция становилась все более революционной и империалистической, чем больше старый кельто-романизм отделялся от германизма. О том, как даже в произношении и акценте своего языка англичане становились все более и более немецкими, уже говорилось выше.

Также в осторожности и медлительности социальных реформ, в консервативной Англии, не терпящей никаких неожиданностей и радикализма, редко впадающей в крайности, ясно видно, что здесь носил знамя осторожный, спокойный и рассудительный дух свободы германцев; и наоборот, в интенсивности революций во Франции, направленных на *разрушение* и полное *равенство*, достаточно проявилась несдержанность галлов, уже порицаемых Цезарем.

Особенно ярко двойственная природа английского духа, а также преобладание в нем немецкого начала, проявились также в реформе церкви. Не успел Лютер провозгласить в Германии религиозную свободу и свободу вероисповедания, как это нашло наибольший отклик у англичан, как и у других германских народов. Как и весь германский Север, Англия в этом отношении отделилась от римского мира.

Однако в своей церковной реформе Англия оставалась половинчатой - что характерно для ее *полугерманизма* и расположения на разделительной линии между двумя великими племенами. Как английская нация, как ее язык, как ее законодательство, в дополнение к германскому мотиву, вобрала в себя и сохранила дополнительный романский оттенок, так и ее религия и церковь, так сказать, приобрели *двойной вид*. С одной стороны, она позволила втянуть себя в германское движение, даже решительно, и приняла *новый* мост, по которому доктор Мартин перешел от к саксонцам. Но она также не *полностью* разрушила старую связь с римско-католическим миром, сохранив *много* из католической формы и романского священства.

Поэтому многие англичане даже верят, что в результате этой двойственной природы их Церковь будет играть важную роль в примирении и объединении разделенного христианства, которое однажды произойдет, и что она сможет добиться этого легче, чем любая другая христианская община.

Самый большой и широкий участок плоской земли в теле Британских островов, а именно обширная холмистая равнина, вокруг которой можно описать круг радиусом в 40 миль, был тем участком земли, на котором после бесчисленных войн и потрясений, сформировался и закрепился тот норманно-саксонский народный дух с его двойственной природой, та романо-германская литература, то аристократическо-демократическое государственное устройство, та романо-протестантская церковь, которые теперь составляют ядро английской национальности.

Как и внутреннее формирование самого английского национального характера, так и его распространение по всему островному королевству, постепенно исходящее из упомянутой равнины Юго-Востока, - то, как и каким образом он преодолевал и объединялся с другими

иностранными национальностями, стоящими на его пути, имеет очень медленно созревающий характер.

Глядя на англичан, всегда хочется вспомнить два слова Тацита, упомянутые выше: "*Прорастают рано, созревают поздно*". Эти слова, кажется, относятся как к не менее ранним личностям, так и к медленному пути, которым вся нация пришла к зрелости и единству, и к усилиям каждого из них в отдельности. Повсюду в английской истории мы сталкиваемся с долгими, глубоко укоренившимися и медленными процессами. Где бы вы ни рассматривали один из таких процессов в упрямых расах этого острова, вам кажется, что внутри вы видите машину, в которой старые крепкие колеса, лишь слабо сцепленные между собой, вращаются с трудом, медленно работают друг на друга, и в результате не так легко изнашиваются и выходят из строя.

Я говорю, что прошло очень много времени, прежде чем английский национальный тип, сформировавшийся на юге Англии, проник с этой равнины во все близкие и отдаленные горные страны, во все более или менее изолированные части архипелага и утвердил себя как преобладающий и доминирующий везде.

О переменах среди кельтов в Уэльсе и Корнуоллисе я уже упоминал по случаю англосаксонского завоевания. Здесь следует кратко показать, как и в какой степени старая кельтская раса в Ирландии и Шотландии была затронута новорожденной норманно-саксонской (английской) национальностью.

На острове Эринах или Эрсен, как уже упоминалось, борьбу кельтов с германцами начали *датчане*. За ними с середины ^{XII} века последовали англичане, чей король Генрих II в конце XII века завоевал почти всю Ирландию, объединил ее с Британией и открыл ее для англосаксонской иммиграции.

С тех пор две расы живут в 600-летней расовой войне, которая до сих пор не закончилась. Череду страшных конвульсий, восстаний и реакций бушует на пропитанной кровью земле до наших дней. Несмотря на зверства, ужасные расправы, трансплантации и изгнания, которые железный Кромвель, а за ним и до него другие английские монархи призывали в страну, несмотря на постоянную иммиграцию англосаксонских элементов, этот пожар до сих пор не потушен полностью.

В некоторых регионах страны, северных и средних, на смену старому кельтскому племени пришло чисто англосаксонское и протестантское население. Эта иммиграция из Англии продолжается до сих пор и увеличивается с каждым годом. Напротив, западной половине, на всех многочисленных сухопутных арках и протяженных скалистых хребтах, на которые океан разделил землю, все еще живут древние, кельтские эрсены, - поэтичные и ловкие, но эксцентричные и неумные, талантливые и остроумные, но ошеломляющие, беспомощные и бессодержательные, щедрыми, но расточительными и беспечными ирландцами, которые почти так же противоположны холодным, взвешенным, продуманным, активным и дальновидным англосаксам, как и французы, которым они симпатизируют - как из-за своего кельтского происхождения, так и из-за разделяемой ими католической религии - по отношению к немцам.

Их собственный оригинальный язык, на котором говорили в ирландском парламенте еще 300 лет назад, во времена короля Генриха VIII, жив и сегодня, но только в бедных глинобитных хижинах на Западе, где на нем все еще говорят фермеры и рыбаки. Сейчас в стране насчитывается около миллиона человек, понимающих древний кельтский ирландский, или гэльский эрси́к, и лишь около 300 000 человек, использующих исключительно этот диалект. Ирландцу О'Коннелу приходилось составлять свои филиппики против Англии на языке своих смертельных врагов. Даже ирландцы поют в честь своего любимого поэта, Томаса Мура, его ирландские мелодии, в которых

он так много говорил их сердцам, на английском языке. С другой стороны, своеобразный национальный дух народа до сих пор живет на большей части всего Большого острова. Многие из него перешло даже к англичанам-иммигрантам, которые не раз переходили в ирландский язык. Этот кельтский национальный дух ирландцев, даже за пределами их родины, оказал огромное влияние на историю развития других современных народов. Со времен бегства израильтян из Египта мир пережил не так много эмиграций, столь богатых по своим последствиям, как исход ирландцев со своего вечнозеленого Изумрудного острова во все уголки мира. Вплоть до победителя Мадженты, происходящего из ирландской семьи, бесчисленные изгнанные ирландцы преуспели в армиях и на государственной службе испанцев, французов, австрийцев и других стран. Ирландцы, покинувшие свою страну, в огромном количестве расселились по городам Англии и Шотландии, где среди низших рабочих классов и ультрадемократов они составляют весьма заметную партию.

В Новом Свете, в Соединенных Штатах, в Австралии, куда они толпами переселились с женами и детьми в новое время, они составляют значительную часть населения. Их многочисленные потомки, расселенные почти по всем городам этих стран, в определенной степени разделяют с живущими там людьми их цвет кожи, их нравы, их антипатию к Англии. Везде можно встретить очень сильную ирландско-католическую партию.

Принимая во внимание все это, можно с уверенностью сказать, что кельтские ирландцы по-прежнему, а теперь, возможно, даже в большей степени, чем раньше, являются самым замечательным народом, чьи своеобразные идиосинкразии историк цивилизации должен внимательно изучать и наблюдать. Там, где они действуют массово и имеют преимущество, их беспокойный, нетерпеливый и самоуверенный характер, увы, редко приносит пользу. Напротив, широко признано, что там, где они селятся с немногими англичанами, где они занимают подчиненное положение и находятся в меньшинстве, где они не задают тон, а принимают его, где ими руководят англичане, они оказываются одними из лучших плантаторов и поселенцев.

В *Шотландии* развитие взаимоотношений между двумя расами Великобритании происходило почти так же и в то же время иначе, чем в Ирландии. Существенное различие заключается в том, что в Шотландии среди старого кельтского населения сформировался весьма своеобразный германский основной народ, чего никогда не было в Ирландии, которая находится дальше от всех германских народов и отделена от Англии морем.

Однако этот германский народ в Шотландии нельзя считать дочерним народом англичан, так же как и его германский язык (шотландский) нельзя *считать* диалектом английского, хотя он имеет с ним много общего. Шотландская национальность развивалась *вне* и *параллельно* с английской. Вероятно, как уже говорилось, она покоилась на очень своеобразных и очень древних германских основах. Их германские черты были значительно усилены вторгшимися датчанами, которые, будучи храбрыми людьми, конечно же, всегда играли главную роль у шотландских королей, будучи капитанами в их взаимных распрях. Когда в конце ^{XII} века норманны завоевали Англию, многие англосаксы снова бежали в Шотландию, увеличив там число германцев. Шотландские короли, которые тогда тоже вели войну с нордическими правителями Англии, как и англосаксы, взяли из Англии много военнопленных, которых они привезли в южную часть Шотландии, так называемые Лоуланды, и которые слились со старыми германскими элементами, которые они там нашли. Поскольку шотландцы постоянно ссорились с англичанами - единственными своими соседями; поскольку их вторжения в Англию и, *наоборот*, вторжения англичан в Шотландию на протяжении веков, так сказать, повторялись; поскольку внутренние беспорядки в обеих странах не раз давали повод для этого, что англичане в Шотландии и шотландцы в Англии оседали и приобретали влияние, что брачные союзы между обоими соседними народами, даже между их королевскими домами, происходили не раз, так что вполне естественно, что и те и другие со

временем вступали в контакт друг с другом. И особенно шотландцам пришлось последовать примеру гораздо более развитых, гораздо ближе к очагу европейской цивилизации, более многочисленных и могущественных англичан. И как португальцы, несмотря на свою вечную вражду с испанскими соседями, силой обстоятельств формировали все отношения по испанскому образцу, так и шотландцы в основном шли в ногу с англичанами против своей воли.

Особенно начиная с норманнской эпохи, которая, как уже говорилось, стала фактическим создателем мощного английского национального характера, они все больше и больше становились похожими на англичан. Постепенно они проходили вместе с ними все фазы развития. То, что было модно в Англии, вскоре стало модным и в Шотландии. Романская поэзия, нормандский архитектурный стиль, расцвет которого пришелся на потомков Вильгельма Завоевателя, процветали и в Шотландии. Мы ничего не читаем о явных распоряжениях, которые бы ввели французский язык в Шотландии, как в Англии. Но вскоре при дворе шотландских королей заговорили по-французски, как и по-английски, а в шотландский язык одновременно с английским вошли французские слова задолго до того, как англичане пришли в Шотландию в качестве владык.

Однако у шотландцев все эти процессы протекали несколько иначе, чем у англичан, например, шотландский диалект не был латинизирован *в той же степени*, что и английский, а сохранил гораздо больше старогерманских черт. Некоторые из основных различий между шотландским и английским национальным характером возникли из-за того, что германский элемент в Шотландии был более тесно связан с родным кельтским.

В Каледонии кельтский элемент всегда был преобладающим. Даже римляне не уничтожили и не сломили его, как в Англии. Изначально немногочисленные англосаксы в Шотландии не могли и думать об истреблении коренных жителей, какую бы антипатию они к ним ни испытывали, как в Англии. Они всегда нуждались в дружбе против своих враждебных братьев и соседей в Англии. Поэтому они обязывались вступать с ними в *совместные* предприятия. Они жили с ними на *равных*, с одинаковыми правами, под властью одних и тех же королей в равном государстве-общине.

Таким образом, они невольно переняли многие нравы и обычаи гэльских соотечественников. Прежде всего, то, чего не было в Англии, - старое кельтское деление на кланы - несколько раз переходило к англосаксонским шотландцам. Иногда они усваивали и их язык, хотя в ряде случаев к гэльскому народу переходил язык более сильного германского народа, составлявшего ядро и сердце государства с норманнских времен.

Англичане долгое время тщетно пытались добиться политической аннексии своих шотландских собратьев. Не раз они отвечали на набеги варваров-питов и шотландцев столь же варварскими вторжениями. Иногда им удавалось завоевать такое влияние в шизофренических партиях, какое испанцам удалось приобрести у португальцев, а иногда шотландские короли на некоторое время становились вассалами англичан.

Наконец-то (но только на 270 лет) шотландцы и англичане навсегда оказались под властью одного государя. Но и *после этого* прошло немало времени, прежде чем разногласия между двумя национальностями улеглись, прежде чем оба народа превратились в гармоничное и примиренное целое.

Возведение шотландского короля Якова VI на английский престол поначалу было лишь объединением двух корон на одной голове. Это также привело к тому, что шотландский язык, до этого имевший свою собственную литературу, превратился в *lingua rustica*, патуа, а английский стал языком двора, первых лиц и ученых. Однако это не было полным слиянием двух наций.

Шотландия еще долгое время сохраняла свое собственное правительство, свой отдельный парламент. Все национальные события, реформа церкви, которая проводилась не королями, а людьми из народа, как в Англии, преобразование государства и общественных отношений, в Шотландии происходили иначе, чем в Англии. В целом церковь, государство и общество там стали более демократичными, чем здесь.

Несколько раз англичанам приходилось поддерживать объединение корон войной и насилием, и несколько раз шотландцы, влюбленные в свои старые идеи независимости, объявляли себя сторонниками свергнутых в Англии претендентов на корону. Полное объединение двух народов, объединение двух парламентов и администраций удалось осуществить только при королеве Анне в 1707 году, а полный мир между шотландцами и англичанами просуществовал всего лишь почти столетие, особенно после того, как в 1745 году англичане сломали древнее деление шотландцев на кланы, унаследованное ими от самых примитивных условий жизни европейских народов.

Однако и сегодня между двумя национальностями сохраняются отголоски былого пыла. Шотландцы по-прежнему испытывают совершенно особое, специфическое патриотическое чувство к своей горной стране, которое они не переносят на всю Великобританию. Англичане также обнаруживают нечто странное в шотландцах, в их своеобразном старофранцузском диалекте, в их наклонностях и во всем их существе. Шотландец производит впечатление северянина как на англичан, так и на ирландцев, которые живут к югу от него. Он обладает некоторыми чертами, которые обычно считаются нордическими, даже в большей степени, чем англичанин. У него разум и мысль преобладают над чувствами и фантазиями даже больше, чем у англичанина. Все занятия и даже развлечения у шотландцев, в еще большей степени, чем у англичан, связаны с учебой, наукой, ремеслами. В его характере и поведении даже больше внешнего хладнокровия, чем у англичанина.

Среди низших слоев населения Англии шотландец считается особенно хитрым и упрямым, тощим, жадным, стремящимся попытаться счастья всеми возможными способами, и не всегда таким честным, великодушным и благородным, как южный британец. Это спокойствие нравов шотландцев наиболее ярко проявляется в пуританской религии, которая была, так сказать, полностью заморожена в них суровостью северного климата. Более чем где бы то ни было, протестантизм отбросил искусство назад у шотландцев. Они выступают еще меньше, чем англичане, и, гордясь своими знаменитыми народными песнями, по возможности еще менее музыкальны, чем англичане. Актерами и вообще художниками в Шотландии всегда были англичане или ирландцы, которые часто играли там ту же роль, что и французы и итальянцы у нас.

Однако благодаря своему рвению к науке шотландцы сделали больше, чем англичане, для распространения народного образования в современную эпоху. Их школы находятся в лучшем состоянии, и в пропорциональном отношении можно встретить больше образованных людей, чем у них. Некоторые из самых остроумных мыслителей и философов приехали в Великобританию с каледонского севера. Существует отдельная шотландская философская школа. Несколько важнейших изобретений были придуманы и усовершенствованы шотландцами. У великих историков Дэвида Юма, Робертсона и Маколея были шотландские отцы и матери. Кроме того, у подножия Шотландского нагорья родились несколько лучших поэтов Британии нового времени - Вальтер Скотт, Бернс и другие. Однако гениев, чье влияние простиралось так далеко, как влияние Шекспира, Мильтона, Байрона, Шотландия не породила.

Как бы то ни было, шотландец путешествовал и искал границу не меньше, чем англичанин. Он всегда играл важную роль в истории колонизации и завоевания англичанами заморских стран. Многие колонии Великобритании, в зависимости от талантов, стоявших во главе их, могли считаться скорее шотландским, чем английским творением. Так, например, в английской Индии, а

также в штатах Компании Гудзонова залива шотландцы имеют преимущество.- "Гордясь всеми замечаниями и выпадами в адрес шотландцев, англичане поэтому считают их (чего нельзя сказать об ирландцах) своими равными, и рвение, которое позволило шотландцам усердно вмешиваться во все вмешательства англичан, как в их литературную, так и в промышленную и торговую деятельность, имеет совершенно иную природу, чем страстное противодействие непокорных ирландцев". Хотя они часто оказывали ослабляющее воздействие, как тормоз на ход английской колесницы, одно из них, подобно соперничеству двух воинов, борющихся за один и тот же приз, скорее стало полезным для целого. Установление полного единообразия в манере и образе мыслей в лоне одной и той же национальности, вероятно, не более полезно, чем в лоне мыслящего человека полное прекращение борьбы страстей и желаний.-Вполне возможно, что, когда англосаксонский элемент полностью устранил и уравнил все различия расы, языка, нравов и стремлений и восстановил полностью схожую национальность в объединенной Великобритании, эта высшая точка его триумфа стала бы и началом его упадка.

Остальные кельтские жители Шотландского нагорья, шотландские горцы, хотя и являются братским племенем для ирландцев, в современную эпоху заявили о себе гораздо меньше, чем эти. Традиционно они были менее многочисленны, чем ирландцы. Они рано оказались под властью одних и тех же королей вместе со своими шотландскими соседями из германского племени в Низинах, а позже были включены вместе с ними, тем же способом и с теми же правами, в состав великого британского государства.-Главной причиной сопротивления им было то, что они, *как и* их германские соотечественники, вышли из католицизма и, *как и* они, перешли в протестантизм, хотя это, как и все новые реформы, далось им труднее и пришло позже, чем другим.

Они и сегодня живут мирными пастухами и рыбаками, по обычаю предков, в дымных хижинах, разбросанных на окаймленных облаками скалистых хребтах, на торфяных болотах, образованных и покрытых вереском и вечным туманом, в негостеприимных пустынях своей страны и на прибрежных кромках Гебридских островов, омываемых штормом и океаном, которые все вместе никогда не были для них полноценным убежищем. Говорящие исключительно на старом гэльском языке люди, по слухам, насчитывают сегодня почти 100 000 человек. И, вероятно, все племя идет к полному разорению, потому что окружающие их люди германского происхождения - это размножающийся и распространяющийся элемент; они способны, благодаря своему трудолюбию и упорству, жить даже там, где гэлы, несмотря на свою жалкую жизнь, уже не могут продержаться. Старые, некогда столь страшные клановые или семейные братства являются для высоких шотландцев лишь игрушкой, которая в их руках скорее комична, чем ужасна, как, например, их нелепые аристократические требования, общие с ирландцами, бретонцами во Франции и басками в Испании, и их расширенные родственные связи, в результате которых в 6000 кембеллов есть кузены, дяди и тети, которые называют друг друга кузенами.

Попытавшись обрисовать происхождение, развитие и прогресс британской национальности на ее собственной почве и ее нынешнее положение, я хочу теперь взглянуть на контрасты и отношения этой национальности с другими народами Европы, ее влияние на них и место, которое она сейчас занимает, в результате *своеобразия своего характера*, в истории развития европейских народов.

В целом англичане были довольно *пассивны* по отношению к другим народам Европы. С тех пор как они отказались от своих старых норманнских владений во Франции, с тех пор как они полностью ограничили себя своими большими островами, но поставили их под знамя одной доминирующей национальности и одного и того же государственного органа, они больше никогда не ступали на материк в качестве завоевателей или колонизаторов. Подобно русским в Польше, шведам в Финляндии, французам в Эльзасе, датчанам в Шлезвиге, немцам в Венгрии и во многих

славянских странах, туркам в Греции, итальянцам в Далмации, они никогда не втягивали в круг своего развития чуждую Европе национальность.

Все сложные и современные континентальные европейские вопросы национальности, таким образом, не трогают холодную одежду английского народа. На *своих* островах они решают свои *внутренние* вопросы национальности, и только за пределами Европы, за океаном, в новых частях света, у них есть колонии, в которых они создают свои законы, нравы, язык и цивилизацию, обладающие господствующей силой.

По отношению к нашей *Европе* англичане выдают себя за островитян, которые составляют замкнутое целое и довольствуются своим островом. Однако из этого есть одно исключение, а именно в том, что касается морского владычества. За последние два столетия они настолько узурпировали его, что стали считать океан, окружающий Европу, своим доменом, частью своего *дома*. Они не желают иметь никаких владений на материковой части Европы. Они хотят обладать только тем, что необходимо для обеспечения их господства в океане, а для этого достаточно нескольких небольших островов, гаваней и достопримечательностей. От Гелиголанда, через острова вдоль французского побережья, до Гибралтара, Мальты и Ионических островов они окружили всю Европу цепью корабельных станций и захваченных островов.

Подобно тому, как Океан, носитель английских товаров, флотов и интересов, омывает весь континент, присоединяет к себе все страны и вторгается в родные края европейских народов, так и политика англичан, а они, таким образом, Хотя они и не склонны к *прямому* вмешательству в дела иностранных государств, они *косвенно* участвуют во всех политических вопросах, где бы они ни возникали, будь то в Константинополе, на Дунае, в Сицилии, на Зонде или в Финском заливе, в большей степени, чем любая другая нация.

Однако, в соответствии со сказанным, это участие, когда оно становится необходимым, происходит совсем не так, как у других народов. Оно происходит только тогда, когда речь идет о национальных и государственных интересах. Оно не возникает из свободных порывов, из национальных страстей, симпатий и антипатий, которыми англичане не обладают. Они не выходят в мир, как их соседи французы, за прекрасными идеями или из жалости к угнетенному братскому народу. У них больше спеси или безразличия к другим народам, чем ненависти или симпатии.

Поскольку они не расширяли свое национальное тело за пределы своих островов и поскольку их резко очерченная территория нигде не связана и не ограничена территориями других европейских народов, их души не были разорваны таким национальным горем, как это случилось с немцами, когда они потеряли свои Рейнские провинции или Шлезвейк-Гольштейн, или с итальянцами, когда им пришлось отказаться от [Венеции](#)⁴.

В соответствии со своим замкнутым характером и бытием, они всегда больше занимаются собой, чем чужаками. Необычайными усилиями и в ходе многовековой борьбы они создали всю грандиозную готическую соборную постройку своего государственного устройства, которая гордо поднялась из чрева могущественной нации рядом ничтожных и даже плохих правителей. Они строили его только для собственного блага; копировали ли его другие - их не волновало. Они никогда не занимались пропагандой своих государств.

Однако когда их государственное устройство было завершено, оно настолько понравилось другим европейцам, что в новое время они попытались создать нечто подобное. Политическая конституция Англии стала одновременно и образцом, и идеалом, к которому стали стремиться все остальные. Поскольку они смотрели на островную Британию как на единственное место, где свобода слова и действий имеет фиксированную и постоянную ось, английский парламент также стал, так сказать, ратушей европейского общества. Однажды, когда Англия находилась в зените

своего могущества, Питт заявил, что в будущем ни одна *пушка* не сможет выстрелить с Темзы, чтобы ее не услышали во всем мире. Однако можно сказать даже сильнее, чем Питт, что в этой ратуше на Темзе человек с большим весом не произнес бы ни одного *слова*, которое не нашло бы отклика во всей Европе и которое не имело бы такого же или даже большего веса, чем гром пушек.- Пока у римлян были свои политические институты, свой язык, свои нравы, да! их тога на крыльях орлов их вооруженных легионов, и наложили свою печать на время с рвением и жестокостью; в то время как их преемники, французы, иногда пытались, как они полагали, для блага народа, сделать нечто подобное, англичане добились того же самого только благодаря великолепному *примеру*, который они подавали другим, и восхищению и подражанию, которыми они за это платили. Не имея среди нас ни пяди земли, они сумели устроить так, что, возможно, в честь них и их влияния на нас отрезок истории политического развития европейских государств в первой половине ^{XIX} века будет назван "*английской эпохой*".

В еще большей степени эта эпоха заслуживает такого названия, если упомянуть о том, что они сделали для торговли и судоходства, для коммерческих и международных связей стран нашего континента между собой и с другими частями света.

Британский Меркурий отправил своих трудолюбивых посланников на все рынки Европы. Их фабрики есть в Петербурге, Риге, Одессе, Архангельске и почти во всех других российских портах. Некоторые из них можно найти в большинстве торговых центров Германии, например, в портах Балтийского моря. Они также составляют влиятельную часть торговли на многих немецких рынках, например в Гамбурге. Их особенно много в прибрежных городах северной Франции, древней родине их предков-норманнов. Они преобладают в Опорто, Лиссабоне и других приморских городах Португалии, а также в Кадиксе, древней колонии финикийцев, и далее в бывших офисах карфагенян, в Карфагене, Барселоне и на всем побережье Сицилии. Их агенты обосновались также в Ливорно, Неаполе и других морских городах Италии, а в Греции и Турции нет ни одного места, где бы не было британских военных кораблей для защиты британских интересов, частных лиц и товаров.

Можно сказать, что в течение столетия англичане и их дочерний народ, американцы, стояли во главе всех новых торговых предприятий. Остальные просто носились вокруг земного шара на их крыльях. Индия, Китай и Япония, которые долгое время были заблокированы португальцами и голландцами, были открыты для остальной Европы англичанами.

Они же первыми разорвали оковы торговых ограничений и монополий середины века и проложили путь к разумной свободе торговли. Без отмены привилегий Ост-Индской компании, без отмены налога на зерно, без сертификатов свободы мореплавания, одним словом, без разрыва со всей старой защитной системой, которую, что касается торговли, англичане ввели после долгой борьбы, барьеры на реках Саунд, Эльба и Везер, возможно, еще не пали бы.

Нашу эпоху предпочтительно называть индустриальной, основанной на материальных благах. И то, что она стала таковой, в основном заслуга англичан. Они с самого начала повели ее по этому пути. Уже их древнейшие великие философы, два Бако, один в ^{13-м}, а другой в ^{16-м} веке, были проницательными наблюдателями природы, даже занимались механикой, физическими и химическими исследованиями и изобретениями, И когда читаешь труды лорда Бако из Верулама, основателя новой натурфилософии, склоняешься к мысли, что с тех пор англичане постоянно двигались по указанным им путям и направлениям. Создается впечатление, что семена всех последующих промышленных и механических

изобретений уже были заложены в том практичном, истинно английском философском разуме и трудах.

Другой, очень похожий на Бако, возможно, даже более великий ум, англичане породили в ^{xvii} веке в Исааке Ньютоне, который открыл механику небес и перед которым его соотечественники превозносят себя едва ли не больше, чем перед своим Шекспиром. Со времен Ньютона англичане внедрились в жизнь европейцев целую серию самых прекрасных и влиятельных изобретений и реформ.

В деле наиболее эффективной обработки и формовки сырья, в совершенствовании всех наших ручных инструментов, в увеличении человеческой силы и мастерства они сделали гораздо больше, чем любой другой народ. Они - отцы нашего современного производства и изготовления. Они первыми поставили водяной пар на службу нам, что после укрощения и запрягания лошади, а также применения силы воды и ветра привело к величайшей революции в нашем способе труда. Большинству усовершенствований и секретов машиностроения мы должны были научиться у них или отказаться от них. Уотты и другие подобные дети бедных английских рабочих, стоят в истории развития современных, очень промышленных народов Европы, как великие полевые мастера и короли - и как их Уотты, так и их Стивенсоны. Ведь все реформы в области дорожного строительства, уличных дорог, щебеночного покрытия, железных дорог, удивительных телеграфных учреждений исходили от англичан или от их потомков, англо-американцев. Благодаря им мы научились перемещать и перевозить наши товары, наших людей, наши мысли с головокружительной скоростью. Строительство железных дорог, это важнейшее изобретение нашего времени, было организовано и освоено мастерами, присланными из Англии во все страны. То же самое можно сказать и о мостостроении, которое в новые времена позволило с невиданным хладнокровием и безопасностью перебросить мост через самые бурные, доселе не мостившиеся реки, да, впрочем, и широкие лиманы. На Дунае в Пеште, на реке Святого Лаврентия в Канаде, на Днепре в Киве и в бесчисленном множестве других мест английские инженеры были призваны построить те сооружения, которыми наш век так же превосходит средневековье, как и готическими церквями.

Можно сказать, что как итальянцы своим горячим стремлением к красоте, французы своим изящным и уютным языком и вкусом, так и англичане своей промышленной деятельностью и своей постоянной активностью продвинули мир вперед. Они по сути своей промышленная, трудолюбивая, работающая, серьезная нация, чье чувство цели направлено скорее на полезное, чем на идеальное и красивое.

"Они находят главное наслаждение своей жизни в работе, в придумывании, а не в веселых играх и пустяках фантазии". Они сделали своим девизом знаменитый стих Мильтона: *"презирать наслаждения и жить трудовыми днями"*. Даже их удовольствия носят характер труда. Все они зарождаются в голове, а не в крови. В них нет и следа небесной жизнерадостности римских или славянских народов, как это видно из их танцев, или невинных увлечений немцев. Англичане изобрели *"полезные удовольствия"*. Все их национальные игры и виды спорта поучительны и требуют усилий. Они вызывают восторг у мужественного и энергичного народа. Остальная Европа в той или иной степени старается следовать им, и английские скачки и подобные мероприятия стали почти такими же распространенными в других странах, как кровавые гладиаторские игры и бои животных во времена Римской империи.

То, что чувства англичан в основном ориентированы на полезное и удобное, особенно ясно из того факта, что, несмотря на все прочие недостатки эстетического чувства, они обладают

совершенно определенным талантом придавать всем изделиям механического ремесла на редкость изящную форму, в то время как в придании изящной формы тому, что является всего лишь украшением, они сильно отстают от французов. Убранство их домов, мебель, инструменты и утварь не только столь целеустремленны, но и так аккуратно и изящно сделаны, что их повсюду выбирают в качестве образца. Домашний уют англичан вошел в моду в новейшее время даже в Париже.

Однако высшее чувство искусства, творческий талант, создающий прекрасное ради него самого, у англичан развит очень слабо. Во всех *единственных* прекрасных и свободных искусствах они отстают от других народов. Особенно в музыке им, кажется, не хватает чего-то существенного. История английской музыки почти полностью состоит из пустых страниц. Их мощный, шипящий, приторный язык с множеством коротких, обрывистых слов, в основном грубоватый, похожий на матросский тон голоса не позволили им даже преуспеть в пении. Полумечтательное удовольствие и восторг, чувство, с которым немцы наслаждаются музыкой, всегда будут оставаться странными для трезвого англичанина. Для гармоничной совместной игры в оркестре у них слишком завышена *самооценка*. "В оркестре, где играют англичане, - говорит один остроумный француз, - каждый, кажется, играет свою особую любимую арию, так сказать, *"с благородной независимостью, которая характеризует английского артиста"*". Для "симфонии" это должно быть несколько тревожно.

Не преуспели они и в изобразительном искусстве. Почти ни одна нация в Европе не была так бедна талантами в изобразительном искусстве, как англичане. Тщетно искать английского скульптора, который мог бы соперничать с немецким Раухом, французским Давидом, итальянским Кановой или датским Торвальдсеном.

В живописи, в соответствии с их вкусом, у них есть только несколько хороших художников-живописцев и пейзажистов на выбор. Портретная живопись также пользуется у них некоторой удачей. Животные, которые, как однажды заметил один итальянец, попадают в рай вместе с англичанами, вдохновляют их ландсиров, а их акварелисты проявляют большой талант в изображении хижины арендатора на фоне кукурузного поля или старой мельницы и церковной башни, спрятанной в лесу. Такие скромные направления искусства, как любимая *"акварельная живопись"*, процветают у них. Величайший из их художников, Хогарт, не создал ничего идеального, почти ничего, кроме изображений персонажей, которые часто были очень перегружены и карикатурны. Там, где их фантазия могла, подобно маятнику, соединиться с чем-то очевидным, существенным, полезным, например, с природой, с животными, с выразительными лицами, там она добивалась успеха. Там же, где ей приходилось свободно подниматься, как воздушный шар в воздух, она теряла равновесие. Во всех голых фантастических произведениях английских художников есть что-то преувеличенное или пухлое.

То же самое можно сказать и об архитектурном стиле их архитекторов. Если везде, где нужно было обеспечить жизненную необходимость, например, в своих очаровательных *коттеджах*, им удавалось сочетать предельную эффективность и простоту с изяществом форм и милой элегантностью, то в остальном их орнаменты безвкусны и громоздки. Все великолепные английские здания Рена, знаменитая церковь Святого Павла, как и новые здания парламента, лишены, по мнению знатоков, существенной эстетики, а все памятники паблик-арта этой великой нации, возглавляемые статуями ее королей и Веллингтона, бедны.

Если вдуматься в то, что они создали в этих и других изящных искусствах, если послушать, как они сами поют и сочиняют музыку, к которой они так склонны в новое время, то можно почти пожалеть, что Джон Буль вообще ввязался в эти дела и что он не предпочел сам, на

свои солидные деньги, путем вознаграждения талантов и покупки изделий *других* наций, способствовать расцвету искусств на свой *лад*.

Гораздо большие памятники, чем металлические и мраморные, которые так легко ржавеют и чернеют во влажном тумане, свойственном их климату, и в угольных испарениях их городов, англичане воздвигали из более легкого материала, который, однако, Гораций называет *aere perennius* (более долговечным, чем металл). Их язык и литература служат самым неоспоримым доказательством силы их разума. Хотя английский язык - не что иное, как древний язык, в еще большей степени, чем сам народ, созданный из самых пестрых, самых странных элементов, он, тем не менее, является одним из самых богато развитых и поэтических идиомов новой Европы.

Немцев упрекают в том, что они включают в свой язык иностранные слова, и считают, что красота их языка от этого страдает. Английский язык, как и церковь Святого Марка в Венеции, почти полностью состоит из германских, римских, греческих, французских и кельтских элементов, которые были украдены и переплавлены вместе, но энергичный дух нации сплавил и обработал эти элементы таким образом, что, как и церковь Святого Марка, получилось удивительно красивое здание.

Он поражает нас своей энергией и краткостью, а также выражением мужественности, присущей каждому слову и проявляющейся в их произношении. Поскольку язык был создан на основе многих других языков и диалектов, в нем есть свои слова почти для каждого понятия, и он способен заимствовать из того или иного языка, чтобы обозначить тонкие нюансы этих понятий. "Все, что немцы, французы и римляне могут выразить на своих языках, чтобы использовать по случаю, вряд ли где-нибудь более удобно размещено вместе, чем в английском слове".

Поскольку английский язык и в наши дни продолжает легко принимать иностранные выражения - так сказать, он имеет их из всех регионов Земли, - поскольку он очень прост в своих формулировках и грамматическом построении, он, как никакой другой язык, может стать мировым языком.

Действительно, даже в прошлом веке ни один другой язык не распространился по миру так сильно, как этот. Он стал языком больших, недавно цивилизованных народов на концах земного шара. Он правит обоими океанами. В Европе тоже ни один язык не нанес такого ущерба французскому языку, который был здесь распространен, как английский. За последнее время не только большое количество английских выражений было перенесено во все европейские языки, но и знание английского языка стало почти всеобщим в школах и учебных заведениях.

Как англичане в *заокеанском* мире обязаны необычайным расцветом своей богатой литературы своим *мореплавателям*, купцам и колонистам, так и англичане здесь обязаны этим благоприятным результатом своим прекрасным поэтам и писателям. Это прекрасно развитое дерево, полное сочных, приятных и *питательных* плодов.

Но садовые ножницы искусства мало поработали над этим деревом. Оно выросло довольно неравномерно и полностью за счет собственных природных сил. Ни драматические, ни лирические стихи англичан не подчиняются такой строгой регулярности и форме, как стихи французов и итальянцев. "Свободно и неудержимо течет поток их поэтического энтузиазма, даже рискуя иногда выйти за рамки хорошего вкуса". В отличие от них, они были невосприимчивы к артистизму и игре, в которые так легко впадали стихослагатели итальянцев, испанцев и других римлян. В большей степени, чем в одном, англичане - поэты

природы. "Ни один поэт не впитал и не изобразил природу, ни одну реальную жизнь с большей свободой духа и оригинальностью в магическом круге поэзии, чем английский Шекспир, в котором внутренняя правда столь же восхитительна, как глубина и сила чувства, и великая степень фантазии, переполняющая его произведения, хотя он, как и почти все английские поэты, очень далек от того, что называют классическими приличиями и художественным вкусом".

"Мощным и свободным, как дух и изобретательность Шекспира и других английских поэтов, является и сама нация. Изящные аллюзии, как известно во Франции, почти не понимаются в Англии в жизни, как в поэзии и литературе. Англичане не любят изящной слабости. Резкость, если она исходит от остроумной головы, находит у них одобрение. Многое, чем восхищаются англичане за заключенную в нем силу, французы называют пухлым. А оригинальное, странное, что не нравится в школьной, правильной Франции, часто находит себе применение в Англии, как в литературе, так и в повседневной жизни".

Правдолюбивые англичане оправдывают, когда человек отдает себя таким, какой он есть; французы и немцы требуют скромного самоотречения и оседлости. Англичанин иногда гордится тем, что в определенных случаях с некоторой надменностью показывает, что он читает, думает и живет как свободный человек и что упреки в эксцентричности и чужеродности не имеют для него большого значения. Тех же особенностей и нелепостей, которые в Англии порой делали человека объектом всеобщего внимания, любимцем модной публики и двора, во Франции и Германии было бы достаточно, чтобы изгнать его, как сумасшедшего, из всех хороших компаний.

Во Франции вежливость и учтивость часто служат оправданием многих недостатков и пороков. В Англии *истина* ценится так высоко, что даже грубость и невоспитанность, как нечто пикантное, часто заслуживают одобрения. Англичане даже относятся к вежливым и предупредительным людям с некоторым недоверием, но к наглецам они часто относятся снисходительно.

Будучи сильным, здоровым и содержательным народом со свободными государственными институтами, англичане чувствуют себя сродни древним грекам и римлянам. Отсюда тот феномен, что ни у кого из современных людей античные классики не пользуются большей популярностью, чем у них. Ученые немцы лучше всех объясняли и подражали писателям древности, французы очень старательно подражали их художественным творениям, но больше всех приняли в плоть и кровь Гомера, Фукидида, Тацита и Ювеналия англичане. Они рано начали переводить произведения этих авторов и включать их в модернизированном виде даже в число своих национальных писателей. Даже государственные деятели и ораторы в парламенте, да и те меньше других, не могут быть прощены за то, что немного знакомы с мужественными, сильными, свежими стариками, с которыми англичане, однако, сроднились лишь, так сказать, предпочтительно по характеру, интеллекту и политике, и от которых, как уже было отмечено, они очень сильно отстали в отношении искусства и вкуса.

Ближе всего к ним их государственные установления и их деяния, благодаря которым мир пошел кругом, а в области литературы - их историки, в которых с самых ранних времен существования этой литературы можно заметить особо направленное чувство, удивительно ясную идею и понимание. Как и римляне и греки, эти английские историки также отдавали предпочтение описанию истории своей собственной страны. И из всех *иностранных* историй они обращались к ним не лучше и не хуже, чем к греческой и римской. И если в живописи у них был вкус к изображениям персонажей и портретам, то в истории они часто

предпочитали биографии. Их историческая литература переполнена прекрасными биографиями.

Но их историческое чувство, их пристрастие к изображению характеров, так сказать, не удовлетворяется реальностью. Чтобы удовлетворить эту потребность, они разработали сжатую историю, *исторический роман* и *семейный роман*, которые являются, так сказать, по сути английскими изобретениями. Есть народы, которые остались удивительно бедными в этом виде литературы. *Англичане*, однако, превосходят их всех. Их романисты Филдинг, Смоллет, Скотт, Боз, Теккерея наводнили мир своими в равной степени поучительными и развлекательными произведениями и, наряду с произведениями Шекспира, Гиббонса и Маколея, внесли наибольший вклад в то, чтобы английский язык, английские нравы и идеи стали известны и популярны за рубежом. Их усердно читали и им подражали как в Германии, так и в Италии, как в России, так и в Испании.

Наполеон ругал англичан за узколобую толпу торгашей, но это было совершенно неоправданно. Если сердцем и душой они купцы, то душой и сердцем они поэтические создания. Некоторые из их купцов, наряду со своими лордами, занимают первые места на английском Парнасе. В доказательство этого я вспоминаю страстного художника Италии, купца Роджерса, и доброго исследователя истории Греции, лондонского банкира Грота. Не мало известных политиков и государственных деятелей вышло из их, по крайней мере, великого меркантилизма. Долгое время английские купцы были правителями одной из крупнейших империй в мире - всей английской Ост-Индии. Одна из их торговых компаний, так называемая Hudson's Bay Company, и сегодня управляет всей Северной Америкой. Джордж Каннинг и сэр Роберт Пиль были сыновьями и конюхами купцов.

Древние римляне, у которых было так мало способностей к торговле, что они в основном полагались в своих делах на греков, были страстными фермерами. Англичане, так любящие торговлю, связанную с городами и процветающей в них промышленностью, не менее ревностно, чем римляне, относились к освоению земель и сельской жизни. Несмотря на пристрастие к фабрикам и коммерческим спекуляциям, они также являются настоящими фермерами, и некоторые стороны их характера и манер можно объяснить их пристрастием к сельской жизни; как и у других народов, особенно у общительных французов и современных итальянцев, многие особенности можно рассматривать как *постоянные* обычаи и характеристики. Об англичанах можно сказать, что они занимаются своими делами только в городах, но они, как теплые друзья природы, живут в деревне и *наслаждаются жизнью*. Ни у одного народа до них не было такого тесного слияния городской и деревенской жизни. В этом отношении мы тоже начали подражать их примеру, и то, что мы и наши семьи все чаще перебираемся из старых складов и пакгаузов в сельскую местность, во многом объясняется заслугами и трудом англичан, которые опередили нас в этом. Все наши города за последние полвека претерпели реформу, образцом для которой, по-видимому, послужили города и образ жизни англичан.

Практическое сельское хозяйство нигде не стоит выше, чем в Англии, и она стала примером и образцом сельскохозяйственного прогресса для всей Европы. "Они сделали каждое сельскохозяйственное орудие, каждый плуг, каждый садовый нож наиболее эффективными" - блестящей точкой их сельского хозяйства является животноводство. Вряд ли найдется полезное животное, которое они не пытались бы разводить. Они взяли непригодных и грубых

животных, лошадь, корову, овцу, петуха, голубя и т. д., какими их снабдила природа, и с помощью искусства, так сказать, обработали их наиболее подходящим образом для той цели, которую представляло себе человечество, и из Англии множество измененных пород животных постоянно распространяется по всему нашему континенту.

Не меньшее влияние они оказали и на наше садоводство, тесно связанное с агрономией. До них этим искусством занимались в основном итальянцы и французы, то есть городские люди, и в результате в нем было что-то городское, что-то архитектурное. Я помню только итальянские сады-террасы, французские *ворота из деревьев*, лиственные *пирамиды* и лиственные *стены*. Англичане вернули природу в сад, освободив декоративные растения от стеллажей с садовыми ножами и ножницами. Английский художник-пейзажист Кент стал создателем современного садоводства. После него деревья, королевские дубы, величественные липы и буки английских парков приобрели ту природную грацию, ту незатронутую красоту и свободу роста, которую только английский садовник умел дать или позволить культурам, и которая так гармонирует с нравами и свободными институтами этого могущественного народа. Английский вкус к садоводству в последнее время распространился по всей Европе, и англичане, чья родина напоминает естественный сад, являются причиной того, что дружелюбная природа с ее великолепием света и цвета, с ее дриадами и наядами, теперь вторглась в наши прежде столь мрачные города.

В Северной Европе нет страны, климат которой был бы настолько умеренным, настолько нейтральным для стольких видов растений, и где было бы так легко разместить детей флоры самого отдаленного Юга рядом с растениями высокого Севера. *В результате*, а также благодаря своим обширным связям Англия стала хранилищем всех растений в мире, а для нас, европейцев, - страной прибытия и перемещения этих растений. Наши оранжереи заполняются оттуда, и мало найдется цветов, декоративных или полезных растений, ставших знаменитыми в последнее время, история распространения которых по Европе не привела бы нас к английским садам и оранжереям как к источнику их происхождения. Их можно встретить в самых отдаленных уголках России и Америки, и даже здесь они часто стоят во главе садоводства и цветоводства.

Такая выдающаяся нация, как англичане, которая своим твердым характером, силой, богатством и литературой внушала трепет всей Европе, должна была вызывать уважение и подражание и в других, менее существенных вопросах, и поэтому не только ее язык и поэзия, но и одежда, и кухня постепенно вошли у нас в моду, и в обоих случаях ее влияние было очень благотворным.

Как и в других вещах, в одежде англичане всегда стремились к эффективности и аккуратности. С незапамятных времен их национальные костюмы были не столько вычурными и красивыми, сколько простыми и соответствующими человеческому телу. Их легкие шинели, широкие, широкоплечие прогулочные пиджаки из плотных тканей, которые мы почти повсеместно переняли, частично освободили нас от оков ограничительного французского костюма.

В Европе есть народы, которые почти или *совсем не* повлияли на одежду жителей нашего континента, например немцы, которые никогда не знали, как они хотят или должны одеваться. Англичане имеют наибольшее влияние на моду после французов. Мы носим несколько предметов одежды, которые, как "макинтош", "спенсер", получили свои названия от англичан, которые первыми ввели их в моду.

Тот же дух, то же стремление к естественному, к основательному и питательному, которые говорят нам о сущности англичан повсюду, мы встречаем и в их кухне. Здесь, как и в

вдохновении своих муз, они пренебрегают вкусовыми формами, но больше внимания уделяют силе вещества и хорошему качеству пищи.

Продукты их кулинарии массивны и мощны, иногда немного колоссальны, что также характерно для их архитектурных творений и, можно сказать, для всех проявлений их духа. Их мясо, которое они подвергают пищеварительному воздействию огня лишь на очень короткое время, чтобы лишить его части природной силы, - это своего рода пища героя, их напитки, например пиво портер, - это жидкая пища.

В новейшие времена многое из этой силы и естественности английской кухни перешло и в наши кухни, и, возможно, для нас было бы очень полезно, если бы мы (с некоторыми ограничениями) еще больше поддались этому влиянию.

Этим замечанием я в кратком обзоре английского национального духа спустился в самый низший отдел их национальной экономики, на кухню и в погреб. И хотя я мог бы провести читателя по многим другим частям столь сложного лабиринта, какой предлагает природа одного из наших самых образованных народов, я хотел бы закончить на этом и постараться избежать дальнейшей разработки этой неисчерпаемой темы через черный ход этого подвала.

1 Автор имеет в виду жителей низменностей вдоль Северного моря, от Шельды до Эльбы, которые тогда были известны под общим названием "фризы". VERT.

2 Кымрены считают себя несколько оскорбленными, когда их называют англичанами, и говорят: "*Мы не англичане, мы валлийцы*".

В качестве примера валлийского языка можно привести следующий:

Epistol Paul yr Apostol at yr Hebreaid.

Pennod I.

1. Duw, wedi iddo lefaru lawer gwaith, a llawer modd, gynt wrth y tadau trwy y prophwydi, yn y dyddiau diweddaf hyn a lefarodd wrthym ni yn ei Fab;

2. Yr hwn a wnaeth efe yn etifedd pob peth, trwy yr hwn hefyd y gwnaeth efe y bydoedd;

3. Yr hwn, ac efe yn ddisgleirdeb ei ogoniant ef, ac yn wir lun ei berson ef, ac yn eynnal pob peth trwy air ei nerth, wedi puro ein pechodau ni trwyddo ef ei hun, a eisteddodd ar ddeheulaw y Mawredd yn y goruwchleoedd;

4. Wedi ei wneuthur o hynny yn well nâ'r angelion o gymmaint ag yr etifeddodd efe enw mwy rhagorol nâ hwynt-hwy.

VERT.

3 Датчане не уничтожили Англию. Их нашествие было лишь потопом, и этот потоп лишь захлестнул саксонское общество.

4 Французы захватили Эльзас-Лотарингию. VERT.

Шведы, норвежцы и датчане.

Сложенный из камня и руды, так сказать, единая колоссальная глыба гранита и железа со множеством расщелин, великий Скандинавский полуостров простирается далеко во льдах и сумерках полярных областей. - Со всех сторон он окружен морской водой, и только часть его соединена с остальным континентом обширными снежными полями, как и частично на юге у Дании, частично на востоке у Финляндии, группами островов, которые можно считать мостами.

Норвегия

Идя с юга на север - в отличие от основной части нашего материка, идущей с востока на запад, - она проходит через 20 градусов широты, на 300 миль до тех краев, где приходится выращивать картофель и горох в цветочных горшках, и простирается на более высокие параллели, чем даже страна самоедов, где защиту от холода и ураганов можно найти только под землей. Так что мы, европейцы, справедливо называем ее предпочтительно "севером"

нашего континента, и очень примечательно, что римляне, впервые познакомившись с этой столь своеобразной землей, называли ее "*другим миром*".

Подобно тому, как старый, морщинистый дуб возвышается над низкими зарослями ольхи и орешника, так и этот северный ледниково-каменный и альпийский регион возвышается над низкими равнинами за морем на юге и востоке. И подобно дубу, он всегда стоял там в своей изоляции, свободный, своеобразный и независимый, редко страдая от народных потоков и перемен, прокатившихся по основной части Европы, и ощущая лишь последние их волны; с другой стороны, со своего высокого места он часто влиял на судьбы Юга и даже надувал эти бури.

Как и на всем востоке нашего континента, первые пастухи и охотники из финского племени в древности нашли дорогу в леса и ущелья Скандинавии и построили там свои дымные хижины. И сегодня саамы, братья финнов, могут похвастаться тем, что они - самый древний народ в Шведском королевстве и что вся страна когда-то принадлежала им. Эти саамы, вероятно, являются остатками замечательных аборигенов, того первоначального населения, о котором слагают легенды нынешние германские скандинавы и чьи покрытые травой курганы мы находим разбросанными по всей стране, рядом с героическими могилами их потомков. Более поздние германские племена, пришедшие в страну, частично истребили этих финнов или лапландцев, либо изгнали их обратно на крайний север.

О том, что часть первоначальных жителей также слилась с германскими племенами, свидетельствует шведский язык, который заимствовал из финского и лапландского большое количество выражений, обозначающих домашнюю утварь и орудия лова. В северной Скандинавии то тут, то там встречаются долинные жители, которые по телосложению и лицу явно принадлежат к финскому или лапландскому типу, хотя говорят они теперь на норвежском или шведском языках. Также считается, что Лофодские острова вблизи Норвегии и сегодня населены таким германо-финским народом. Время, когда все это было подготовлено, недоступно для истории. Мы не знаем, когда, как и каким путем произошло это германское вторжение. Особенность большой страны, удаленной и разделенной морями, в которую они прибыли, должна была сделать переселившихся туда германцев, если они еще не были германцами по своей природе, особым народом, отличным от других германских народов.

Можно сказать, что вся земля, населенная германцами в Европе, географически состоит из двух основных частей: большей части в центре Европы между Северным и Средиземным морями (Германия) и столь же большого Северного полуострова, отделенного от нее морем. То, что в этих двух больших частях германской Европы, так резко контрастирующих друг с другом, должны были образоваться или сохраниться две большие ветви племени, северогерманская (или, как предпочитают говорить сами скандинавы, *готская*) и южногерманская, или германская, было, я считаю, вполне естественным.

Кроме исконных саамов или финнов и переселившихся в страну германцев, мы не знаем ни одного другого значительного народа, который бы поселился или постоянно проживал на большом полуострове. Поэтому этнографическая история скандинавов довольно проста. Все эти бесчисленные смешения людей во всех остальных частях Европы не коснулись Скандинавии, которая находилась вне направления движения. После первого германского завоевания она никогда больше не была оккупирована или даже колонизирована чужеземцами.

Однако, по мнению нового шведского исследователя, финикийские мореплаватели могли проникать вплоть до Скандинавии и оставить там множество следов своего пребывания.

Однако в любом случае их влияние не было ни столь глубоким, ни столь длительным, как, например, в Испании. У греков здесь не было торговых постов или торговых компаний. Римские солдаты или поселенцы никогда не подчиняли себе эту страну. Более того, она осталась свободной от всех последующих азиатских и восточных вторжений. Как Германия и даже Франция, она никогда не подвергалась нашествиям гуннов, монголов, турок и татар. Даже славяне, которые толпами проникали в сердце Германии, посещали Север лишь случайно. Даже от повсеместно распространившейся иммиграции израильтян и вызванных ими беспорядков и смещений эта страна оставалась свободной. И в этом, как и во многих других отношениях, эта страна уникальна в Европе.

Трудно найти менее смешанную древнюю расу, более самобытный индогерманский народ где-либо еще, кроме Скандинавии, в гранитных скалах и горах которой, как и в ее людях, видны изначальные образования, в то время как в более южных странах они покрыты множеством более молодых деформаций. Во многих отношениях Север остался более верен своему древнегерманскому характеру, чем сам материк, и во многом стал хранителем и защитником традиций всего германского племени. Там очень долго сохранялись мифы о службе древнего Одина. Там еще дольше звучали самые ранние героические песни и саги, возможно, повествующие о подвигах германцев под [Осью1](#) и в Азии, и которые, по свидетельству гута [Йорнанда2](#), когда-то жили в устах племен самой Германии. И там, за Поясом и Звуком, можно найти, еще более неизменные, чем где бы то ни было, золотисто-желтые локоны, ярко-голубые глаза, стройную талию, высокий рост древних германцев, которых когда-то изобразил Тацит.

Насколько невинной, согласно всему этому, эта страна оставалась внешне, настолько мало мира было в ней с давних времен. Даже ее древнейшая история богата революциями, кровавыми гражданскими и братоубийственными войнами, как и история любой другой страны. Различные племена, на которые делились скандинавы, часто воевали друг с другом и провели между собой не одну страшную [битву в Бравале3](#), память о которой и героях, отличившихся в ней, прославлялась в их песнях, как победы над чужеземцами. Эти внутренние перемены и вражда, восходящие к древнейшим временам, - беспокойный и предприимчивый дух народа - скудная и бедная природа страны, которая не только ожесточала и сковывала жителей, но и часто терзала их голодом и несчастьями, - как следствие, часто приводили к переселениям и войнам за границей.

Время от времени бурные тучи с севера сбрасывались с могущественного полуострова во всех направлениях, и в результате скандинавы причинили гораздо больше разрушений в остальной Европе и *отправили* туда гораздо больше колоний, чем *получили* оттуда.

Эти походы скандинавов за границу, вероятно, были древними и часто повторяющимися событиями. Ведь уже Тацит в первом веке после Рождества Христова упоминает, что суйонены (шведы, скандинавы) были сильны своей численностью, своим оружием и флотом. Германские поселенцы, которых римляне задолго до прихода англосаксов обнаружили в Шотландии, вполне могли быть выходцами из Скандинавии. Также считается, что знаменитый поход кимбров и тевтонов, который, как утверждается, был вызван перенаселением, голодом и наводнениями, еще до рождения Христа произошел из Скандинавии.

Как и в случае с путешествием кимбров и тевтонов, скандинавские патриоты хотят взять на себя всю заслугу и ответственность за так называемое переселение народов. Они утверждают, что не только восточные и западные готы, но и лангобарды и вандалы, и даже франки и саксы, или, по крайней мере, короли, основатели и герои этих народных

конфедераций восходят к Скандинавии, этой, как они ее называют, колыбели и мастерской бесчисленных племен. Они даже включили портрет восточно-готского короля Теодориха в Упсале в число портретов шведских королей, а также хранили там знаменитый серебряный кодекс, драгоценный серебряный фрагмент на пурпурном пергаменте древней книги, написанной на германском (готском) языке, как нечто, что волновало их больше всего; хотя именно эта книга, чей язык имеет гораздо больше общего с высокогерманским, чем со скандинавским, лучше всего доказывает, что готы-мигранты, написавшие ее, были не кем иным, как готами из Скандинавии, или, по крайней мере, не были *исключительно* и по существу таковыми.

Миграция народов, ставшая причиной падения Римской империи, была скорее результатом великого движения всей германской Европы, и именно к ней, а не к *одной лишь* малонаселенной Скандинавии, как полагают шведы и датчане, относится часто повторяемая фраза римского писателя, когда он говорит о *колыбели и местах работы народов*. Трудно отличить роль, которую сыграли скандинавы в этих событиях, потрясших мир, от той, которую сыграли сами немцы.

Гораздо более исключительно скандинавской и гораздо более важной по своим последствиям и для нашего предмета была вторая серия гроз и народных разрядов с севера, которая началась только после того, как бури в сердце Европы утихли, все переселяющиеся народы уже заняли свои постоянные места жительства и основали прочные христианские империи.

Полного затишья и совершенного мира среди скандинавов, возможно, никогда не было до великих *викингерских* или *норвежских походов*, начавшихся во времена Карла Великого. На Севере также существовал старый обычай, согласно которому молодые люди, определенные судьбой, должны были искать свою судьбу в качестве "викингов" (воинов) в чужих землях. Но в мирные времена они ограничивались окрестностями.

Причина, по которой эти древние походы викингов совершили такой большой скачок и распространились настолько, что, так сказать, ворвались на весь континент, подобно всеобщему пожару, объясняется отчасти обстановкой в Европе того времени, отчасти особенно сильными внутренними движениями в самой Скандинавии. -Христианство, которое при своем появлении вызывало бури повсюду, проникло в то время и на Север, а вместе с ним и образование господствующей, объединяющей, королевской и государственной власти. Это побуждало мелких племенных вождей или морских королей и их сыновей, не желавших отказываться ни от своих старых верований в Одина, ни от своей прежней личной независимости, как никогда прежде, выходить в море с определенной целью - не только грабить, как прежде, но и покинуть свою старую родину, запятнанную этими новшествами, и завоевать новые *земли* в остальной Европе.

Однако эта другая Европа тогда, после распада великого дома Каролингов, находилась в состоянии сильного распада - особенно она была слаба на море; все государства были без флотов, побережья без обороны. На всем Средиземном море властвовали арабы, враги христианства, и, подобно им на юге, мореходные норсмены вскоре заполнили все Северное море со всеми его морскими буграми и побережьями - жаждущие сокровищ, они плавали небольшими эскадрами, собранными под командованием смелых морских королей, по всем водам и находили водный путь в Испанию и вплоть до Средиземного моря. Подобно вечно грозящей грозовой туче, из которой в любой момент можно было ожидать града и молний, свирепая Скандинавия распространилась по океану. "Подобно морским чудовищам, они

выливались из волн на сушу, проникали в устья рек Германии, Франции, Англии, да и всех других стран, и, грабя и разрушая повсюду, продвигались вглубь суши.

Они просто грабили и разрушали несколько регионов, неоднократно в течение двухсот лет, не основывая там постоянных колоний. В других регионах, однако, они закрепились и основали новые и весьма примечательные империи, как в Британии, Франции, России и, наконец, в Южной Италии.

В России у них были очень ранние, прочные и часто посещаемые торговые колонии. Они, называемые там "Varäger" (союзники), под предводительством своего "Рюрика" и его братьев и соратников совершали многократные походы по всей ширине великой страны, плавали от устьев ее рек на юг до Черного моря и с этой стороны неоднократно захватывали Константинополь, где при дворе византийских императоров окончательно сформировалась постоянная гвардия из норманнских приспешников. Строили они города и на Руси, а основанное ими древнейшее русское государство, похоже, черпало свою силу и долголетие из духа правителей, законодателей и властителей норвежского происхождения. Лишь некоторые старинные русские семьи издавна славились своим норманнским происхождением от рода Рюрика; кроме того, "русские" и сама "Россия" до сих пор носят имя скандинавско-германского происхождения.

Британские острова, находившиеся совсем рядом с ними, по другую сторону их Западного моря, в течение двух столетий относились к скандинавским морским королям, так сказать, как к части своих владений, с которых они ежегодно взимали непрерывную дань - почти во всех прибрежных городах Шотландии, Ирландии и Англии они обосновались, а на берегах повсюду располагали свои военные посты. В конце концов великие датчане-короли Суэно и Канут даже завоевали все островное королевство и некоторое время управляли им, пока снова не уступили его часто бунтующим англосаксам.

Многие обычаи и особенности, которые англичане имеют со скандинавами, происходят из той датской эпохи. С тех пор в северных провинциях Англии, например, в Нортумберленде и на севере Шотландии, в обычаях, языке и внешнем облике местных жителей все еще можно найти много скандинавских черт. То же самое относится и к небольшой группе из 25 Овечьих островов, или Fäñoë, где в туманных горных долинах и на вечно росистых лугах простой, крепкий норвежский народ живет за счет рыболовства и овцеводства.

Как в России и Великобритании, так и во Франции имя норманнов стало великим: во время своих неоднократных вторжений в устья Сены, ведущие к богатому, часто разграбляемому городу Парижу, они, наконец, обосновались там и основали то замечательное герцогство, в котором их могучий норвежский дух совершил больше, чем где-либо еще, и которое до сих пор называется в их честь Нормандией. Хотя по языку и манерам они вскоре превратились во французов, героический дух предприимчивости рыцарей Нормандии долгое время оставался полностью нордическо-германским и сохранялся даже тогда, когда они вошли в Англию под предводительством Вильгельма Завоевателя. Даже гораздо позже германский характер этой французской провинции проявился во многих вещах. И даже сегодня германский путешественник в Нормандии встречает, так сказать, патриотизм.

Промышленность, развитие, сельское хозяйство и физиономия, которую они придали стране, в высшей степени германские. То, что жители французской Нормандии и сегодня известны своей боевитостью и жаждой тяжб, то, что они особенно любили протестантизм во времена гугенотов, - это, по мнению некоторых, отголосок германизма. То, что Франция получала своих лучших и самых настойчивых моряков из Нормандии, а ее самые знаменитые адмиралы и командующие флотом были уроженцами Нормандии, также объясняется их

происхождением от "морских королей". Даже сегодня французы часто называют своих соотечественников из Нормандии *les froids Normans* (холодные норманны), как бы напоминая им об их северном происхождении.

Храбрые и грубые люди с Севера проникали и в сердце Германии. Сжигая города на Рейне, они неоднократно плавали вверх по Рейну, насколько могли пройти их маленькие корабли - во время этих путешествий они даже увидели высокогорную ледниковую и альпийскую страну, Швейцарию, и, поскольку она показалась им похожей на их родину, предводители одного из набегов решили обосноваться там. Они выбрали так называемую "долину Обер-Хасли", некоторые боковые долины Бернского Оберланда и районы Люцернского озера. Там и по сей день живет особенно красивое и благородное нордическое племя, которое, как я уже отмечал при обсуждении швейцарцев, до сих пор хранит легенду о своем происхождении от норманнов. Лучший шведский историк Гейер верит в эту сагу. Название кантона Швайц и всей страны Швейцария ("Schweiz") также произошло от названия "Швеция" ("Suida"). С этим норманнским вторжением в альпийские долины связывают тот факт, что легенда о Вильгельме Телле рассказывается и в Скандинавии, с той же дробью яблок, с той же стрелой, предназначенной для тирана, что и в Швейцарии. Изначально этот мифический Вильгельм Телль (которого там называли "Пальнатоке") должен был находиться в горах между Швецией и Норвегией.

О том, что в Альпах, в Вале, который находится так близко к долине Хасли, также обнаружены самые северные следы присутствия сарацин или арабов с юга, уже говорилось выше, и таким образом эти широко разбросанные современники, норманны и арабы, встретились друг с другом во внутреннем ядре Центральных гор, откуда берут начало наши реки, точно так же, как и на Средиземном море.

Однако самые странные начинания норманнов на северо-западе Европы в это время касались отдаленного острова Туле, большого ледяного острова Исландия, изрезанного вулканами, где они создали, так сказать, совершенно новую страну и народ, основали и населили замечательнейшую республику, граждане которой превосходили всех скандинавов X ^{века} героизмом, поэзией и развитием. - Хотя это некогда независимое скандинавское свободное государство на территории Исландии впоследствии подчинилось норвежским, а затем датским королям и под их владычеством превратилось в ничтожество, тем не менее, в языке, сагах, песнях и в старинных письменах этих самых далеких европейских стран лучше, чем где-либо, сохранились древнейшие традиции, благороднейшие языковые сокровища и исторические святыни скандинавских народов; Только в более поздние времена они были извлечены из-под пыли, так сказать, из-под снега и льда⁴, чтобы прояснить многие неясные моменты в истории всего германского племени. - Исландцы, не испытавшие всех позднейших потрясений и перемен скандинавов, и сегодня говорят на первобытном скандинавском языке в его чистом виде, легко понимают старый, твердый, грубый лапидарный шрифт⁵ Эдды (т.е. матери племени) и, сидя в дыму и полумраке своих деревянных хижин, с величайшим усердием читают в ней героические деяния своих предков.

Из Исландии норманны добрались и до Гренландии и даже прославились тем, что задолго до Колумбанего⁶ открыли новый материк Америку и вступили на .

Время, когда развернулась эта картина огромного влияния скандинавских норманнов, мы можем определить в круглых цифрах - около 1000 года нашей эры.

К тому времени они заплели в свои сети весь наш континент и были, так сказать, вездесущи, как и их стихия - океан, заглядывающий повсюду - они пересекли Европу от тундры⁷

самоедов до Гибралтарского пролива, оттуда на восток до Святой земли и Понта Эвксинского, а оттуда, как уже говорилось, через широкую Россию обратно на свою нордическую родину. - Как правители они были повсюду на оконечности континента, у Северного мыса и на южной оконечности Италии, и, кроме того, держали в своем владении многие острова и пункты Британии и Галлии; - если не повсеместно, как *землевладельцы*, они могли свободно входить во все порты континента, как *морские владыки*, и на всех пунктах побережья, как ужас населения, беспрепятственно ставить свою ногу.

Если бы они не были *membra disjecta*⁸ гиганта, если бы объединяющий организм, единая государственная воля управляла ими всеми, они, вероятно, как когда-то римляне, стали бы в конце концов опасны для независимости Европы. Но постепенно сила и масса народа малонаселенной родины уменьшались. Когда другие государства и народы - отчасти даже с *помощью* этих скандинавских эмигрантов, отдавших свою родину и свой свежий дух, - снова уступили; когда условия изменились и в Скандинавии; когда христианство победоносно вторглось туда, могущественные монархии - сначала в Дании, которая во всех отношениях опередила остальную Север в истории цивилизации, затем в Норвегии, а также в Швеции - утвердились и связали воедино дикарские цели вождей или морских королей; тогда многочисленные колодцы и кратеры бесчисленных извержений и крестовых походов на юг были перекрыты. Грабительские и завоевательные походы прекратились - как улитка, Скандинавия отступила в свой дом. И никогда больше скандинавские народы не переживали *столь* великого периода славы и влияния.

Река несколько раз выходила из берегов, но эти наводнения были ограничены меньшей территорией. После периода Викингера мы чаще всего встречаем скандинавов по другую сторону Балтийского моря, на пути, который они проделали с древнейших времен на Восток, где их предки основали великую Русь. - Продолжая национальные войны с финскими племенами, в XII ^{веке} шведы завоевали и заселили весь большой полуостров Финляндия, который они заполнили скандинавскими поселенцами и контролировали как неотъемлемую часть своей империи в течение почти 600 лет. - Лишь в начале века они уступили эту большую провинцию России, но и по сей день там действуют шведские законы, язык и обычаи. Побережье нынешней российской Финляндии усеяно шведскими городами и шведским населением, а внутренняя часть, хотя и завоеванная шведами для лютеранской церкви, по-прежнему населена финнами.

Другие, ныне российские, провинции Балтийского моря также находились под властью скандинавов, как это, вероятно, *часто случалось* в древности, а также в более поздние века на более или менее длительные сроки; Эстляндией сначала владели датчане в 13 веке, затем шведы в 16 и 17 веках до Петра Великого; Лифляндией (но не так долго) в 17 веке также владели шведы. Да, в начале ^{xviii} века на мгновение показалось, что второй Рюрик, характером очень похожий на старых Викингов и Варягов, авантюрный и героический Карл XII, проникший вглубь России по старым путям норманнов, готовится основать там новую Норманскую империю. В родословных немецкого дворянства российских губерний Балтийского моря с тех пор зафиксировано множество семей со шведскими фамилиями и происхождением. Вдоль побережья Эстланда, как и вдоль берегов Англии, есть несколько небольших островов, где и сегодня живут шведские рыбаки и фермеры, соблюдающие шведские обычаи и говорящие на шведском языке, под русскими грузчиками.

От Ольденбурга, на восток, через Померанию до Курляндии, нет ни одного северного немецкого города или провинции, которые не находились бы под властью датчан или шведов, и которые они не занимали бы временно с ^{xii} века. - Там же поляки были наследственными врагами шведов, с которыми они часто скрещивали мечи, в чьи земли

часто заходили их армии, и с которыми они однажды, на короткое время, объединились под властью одного короля в конце ^{XVI} века.

Однако самым важным здесь, на Юге, было переплетение их дел с делами их старых германских братьев. Из всех контактов с иностранцами ни один не был для скандинавов более влиятельным, чем немецкий.

Из Германии они получили сначала старое католическое, а затем реформированное христианство. Через Германию они были втянуты в транспортный круг Юга через Ганзейский союз, который уже в XIV и ^{XV} веках заполнил всю Скандинавию колониями и торговыми пунктами, и их старые пираты постепенно превратились в мирных, благословенных купцов.

Кроме того, они часто были обязаны своими королями немецким семьям; только шведы - пять или шесть раз. Многие знатные семьи были привезены к ним из Германии, и всегда, вплоть до недавнего времени, они получали оттуда больше горожан, ремесленников и поселенцев, чем из любой другой страны на континенте. Немногочисленные города Скандинавии, бедной городами, были построены с немецкой помощью. В результате всего этого мораль, развитие, литература и разговорный язык немцев всегда имели на всем Севере больший престиж и влияние, чем у любого другого народа.

История поэзии и литературы шведов, норвежцев и датчан почти полностью совпадает по темпам, периодам и делениям с историей немцев и объединяет их, как история развития португальцев с историей развития испанцев или шотландцев с историей развития англичан. С немцами они еще дремали в 14 и 15 веках, когда музы римлян уже давно пробудились. У немцев их дух проснулся во время церковной реформы. *Как и у немцев*, у северных немцев современные письменные и литературные языки возникли в результате церковного движения, после перевода Библии. Как и немцы, в ^{XVI} и ^{XVII} веках они поначалу пели только религиозные песни и псалмы. Одновременно с немцами, примерно в конце ^{XVIII} века, их Парнас оживился и расцвел талантами и цветами иного рода. Их национальные и любимые поэты, датчане Эвальд, Баггесен, Оэленшлегер, шведы Беллманн, Тегнер и Гейер, были современниками и отчасти друзьями немецких Шиллера и Гете. Нечто подобное можно сказать о Торвальдсене и Быстрёме, Линнее и Берцелиусе в отношении немецких деятелей искусства и науки.

С незапамятных времен влияние скандинавов на немцев было не столь значительным. Лишь однажды в более поздние времена они вновь решительно вмешались в историю немцев, в печальные периоды Тридцатилетней войны, когда их благородный король Густаф Адольф (которого Наполеон даже ставил в один ряд с Ганнибалом, Цезарем и Александром Македонским, спас северную Германию от господства Габсбургов и почти уже победившего католицизма) и когда шведские солдаты, шведская национальная одежда и обычаи стали в Германии таким же обычным явлением, каким за столетие до этого были испанские солдаты. Но даже эта так называемая шведская эпоха в Германии оставила лишь несколько следов в развитии и языке народа, которые можно отметить и сейчас.

После того как шведы покинули свои последние владения к югу от Балтийского моря, остров Рюген и часть Померании, в начале этого столетия, от них не осталось ни поселенцев, ни потомков, ни языка, но, возможно, кое-что в обычаях региона и в пословичном страхе перед именем шведа, с которым до сих пор укладывают спать детей в Померании. Скандинавы и немцы повсюду здесь четко и резко отделились друг от друга и отошли к своим естественным границам по эту и по ту сторону моря.

Это касается и точек соприкосновения скандинавов с иноземными народами, их колоний, государственных образований и притоков, и их следов, следов и останков за пределами родины. Если теперь рассматривать их на самой родине, то можно начать с того, что вся Скандинавия, главным образом в результате географических и исторических отношений, разделена на три большие основные страны и группы народов - шведов, норвежцев и датчан.

Как и отделенный от остального мира морем и северным расположением, Скандинавский полуостров по всей длине разделен на две части большим горным хребтом - Восточную Швецию и Западную Норвегию.

Швеция гораздо более гористая, высокая, лесистая, чем равнинная Дания, но по сравнению с Норвегией она кажется страной низких холмов и каменных плато, расположенных перед великими норвежскими горными хребтами.

Если Норвегия и ее берега обращены к западному океану, то Швеция - к внутреннему бассейну Балтийского моря, и это оказало решающее влияние на характер обеих больших половин полуострова и на судьбу их жителей. Одна половина, норвежская, повсюду открыта туманам, облакам и умеренным ветрам мирового моря, которые опускаются на ее горы и дают ей мягкую, дождливую зиму и влажное лето, островной климат; другая половина, шведская, напротив, принимает с расprostертыми объятиями все влияния с Востока, больше солнца, больше яркости, очень холодные и суровые зимы и короткое, жаркое лето. Норвегия - одна из крупнейших в Европе стран, где идут дожди; на Швецию же выпадает лишь четверть норвежских осадков.

Легко понять, что, хотя эти два региона, столь разительно отличающиеся друг от друга, с самого начала были *заселены* двумя разными племенами, в конечном итоге между ними *установилась* большая разница в характере и национальности. Именно от них произошло большинство трансокеанских скандинавских колоний в Исландии, Великобритании и т. д. Шведы же всегда были погружены в широкий, близкий Восток. Именно от *них* произошли *варяги*, проникшие в Константинополь и давшие России ее название. Колонизация большой Финляндии - дело их рук.

Среди скандинавских народов датчанам в этом отношении можно отвести среднее и двойное место. Обосновавшись на стыке Балтийского моря и океана, они участвовали в обоих направлениях деятельности своих племен. Вместе с норвежцами они плавали на запад в океан и стали там такими же могущественными, как и те, а на востоке их походы часто совпадали с походом шведов, иногда доходя до России, Польши и Германии.

То, что шведы в результате описанных обстоятельств должны были слиться в единое целое, связанное расположением и состоянием их страны, и отделиться от норвежцев и датчан, вполне естественно. - Но из дальнейшего деления страны столь же естественно вытекает дальнейшее деление народа. - На юге шведский материк отделяется от своей привязанности к Норвегии. Она на юг в широкую вершину суши, которая одновременно имеет балтийское побережье и частично ограничена океаном - эта южная половина Швеции отделена от северной части страны рядом крупных морских бассейнов и, наконец, обширным пространством ранее непроходимых, а в более поздние времена поредевших лесов.

Это разделение страны на две части с древнейших времен обусловило и разделение на две части шведского народа, которое и сегодня имеет большую или меньшую ценность с этнологической точки зрения.

В южной части страны жили так называемые готы или гутены, у которых долгое время было свое королевство "Готланд" или "Гётарике"; в северной части лесного и озерного края, напротив, шведы отличались от них по имени, нравам и диалекту. Колыбель и первоначальная родина последних находится в равнинной и плодородной местности вокруг большого фьорда, называемого озером Мелер.

Здесь образовалось древнее королевство и народ "Суитиод" или "Свирик", собственно Швеция, которая, однако, постепенно распространилась и объединила южные земли и народ готов, отчасти путем насилия и кровопролитных войн. Широко известная битва при Бравале, произошедшая на границе между землями шведов и готов, может рассматриваться как одна из таких битв между южными и северными скандинавами. Вражда и разногласия между шведами и готами были такими же, как между Северной и Южной Германией, и обычно речь шла о том, кто - "готы" или "шведы" - даст вождя всей империи.

Только в более поздние времена датчане отказались от своего крайнего и последнего владения на Скандинавском материке, в старой стране, откуда они происходили, - Шоненской земле. И только с тех пор, после заключения Роскильдерского мира в 1658 году, шведское название охватывает всю сопредельную и естественно ограниченную страну к востоку от Норвежского хребта. Несмотря на это, до сих пор существует различие между южными шведами по эту сторону великого леса и озер - готами - и собственно шведами на севере, в племенной стране у озера Мелер. И даже сейчас они делят шведский язык на два основных диалекта - готский и шведский, южный и северный.

Старая и новая королевские резиденции Швеции, Сигтуна (город Одинов), Упсала, Стокгольм, расположены вокруг озера Мелер. Там и сегодня находится сердце народа, как и сердце датского народа вокруг Копенгагена. Там находятся штаб-квартиры шведской знати. Недалеко от него находится старый Иджерленд, родина храбрых далекаров, из долин которого в более поздние времена Густаф Васа, второй Сигурд Ринг, освободил старую Северную Швецию от господства датчан и основал современную Швецию. Там же, у озера Мелер, говорят на диалекте, который возвысился до основного языка народа и литературы в Швеции.

Понятно, что, кроме двух основных частей шведской нации, о которых говорилось выше (готы и собственно шведы), существует множество других местных разновидностей племени и его языка. Только в готской части, например, существует полдюжины более или менее распространенных диалектов.

Однако если оставить в стороне эти тонкие оттенки и рассмотреть колорит всего народа в целом, то в шведском национальном характере и типе мы увидим много черт, общих для всех племен большой германской семьи, но, с другой стороны, есть и много особенностей, которые сильно отличают его от других родственников.

Шведов роднит с германскими народами жажда странствий, наполняющая их грудь, которую шведские поэты воспевают не меньше, чем немцы, а также глубокая и горячая любовь к природе, породившая в них, как и в других германских народах, ряд выдающихся

натуралистов.- Как и природа и дух германских народов, шведы очень легко поддаются лепке и быстро соображают. Они усваивают чужие манеры, нравы, язык и обычаи так же легко, как немцы, и делают их своими еще легче, чем те.- Как и многие другие германские народы, они тоже всегда имели большую склонность к тому, что относится к миру видений и духов, и Сведенборг и его единомышленники нашли среди шведов столько же последователей, сколько среди немцев Стиллинг, прорицатель Преворст и др. Как и у других германских народов, в основе этой склонности лежит большая набожность, глубоко серьезная религиозность, в том числе и у старых шведов-лютеран.

С другой стороны, бросаются в глаза и многие другие особенности шведов, которые, казалось бы, противоречат серьезному основному характеру немцев. "Помимо германской серьезности в вопросах религии, шведу присущи некоторая взбалмошность и большая склонность к помпезности, своего рода жажда показухи и блеска, что отличает его не только от немца, но и от северянина и датчанина. Он особое пристрастие к внешним формам, к церемониалу и любит выставлять их напоказ. В *этом отношении* шведов можно назвать северными *испанцами*". Стремление к прекрасному проявляется даже в их языке, который является самым звучным и музыкальным среди всех германских языков, как итальянский - среди римских, а также в том, что эстетическое развитие всегда стояло в Швеции выше, чем научные исследования и деятельность. "Они больше гениальные художники и поэты, чем прилежные ученые. И опять же в их поэзии, помимо спокойного и вдумчивого характера и богатства мысли, которые у них общие с немцами, они демонстрируют в то же время нечто игривое, нечто призрачное, блеск и сияние, проявляющиеся повсюду, которые можно было бы счесть южными, если бы это не был именно тот огонь, который пылает на самом севере".

В большей степени и с большей охотой и ловкостью, чем дворянство любой другой германской страны, шведы переняли гладкий язык и гибкие манеры французов, и этому обстоятельству - близости и привязанности шведских солдат к генералу Бернадотту - шведы обязаны, помимо прочего, и тем, что в новое время на их суверенном троне оказалась династия французского происхождения.

Особенно поражает склонность нации к блеску и звуку, которая проявляется и в шведских фамилиях.- "Все мелодичное и блестящее в металлах, звездах, цветах, птицах, - говорит Арндт, - все рыцарское и славное в человеческих делах, кажется, разграбило рыцарский дом храброй и воинственной шведской знати", чтобы найти имена для своих лордов фон Гюльденштерна и Зильберспарре, баронов фон Гольдгранат, фон Штернен или Лилиенкроне, графов фон Розенцвейг или Лорберкранц, фон Адлерсклауе и Лёвенхельм. Второго такого странного появления не найти в золотых дворянских книгах ни одной страны Европы.

Возможно, с этим связаны и другие противоречия в шведском национальном характере. Например, авантюрный, свирепый, нелепый, грубый образ действий, который был характерен для всех шведских королей и великих людей; характеристика, которая, кажется, мало гармонирует с германской задумчивостью, приписываемой шведам.-Едва ли найдется в Европе другая страна, где за последние столетия - не говоря уже о более ранних авантюрных временах - происходили средневековые истории, жестокие политические перевороты, свержения с престола, как в Швеции, которая в этом отношении предстает перед нами как вторая Высокая Шотландия.

Подобно трудолюбивым мужчинам, подобно героическим женщинам, которыми так богата шведская история, события в этой стране всегда носили неистовый, взрывной и трагический характер, что также связано с резкими различиями между классами, ревностным стремлением к великолепию и отличию, а также с их аристократическим вмешательством.

Разительный контраст почти во всех этих отношениях образует швед, гордящийся некоторым сходством расы, языка и крови, со своим норвежским братом. В длинных и узких долинах этих великих скал и ледников, где пахотные земли представлены лишь скудно, не было места для крупных землевладений, для знатных помещиков с обширными территориями, как в Швеции. В природе этой северной альпийской страны демократический принцип пустил глубокие корни. Только до тех пор, пока они грабили остальной мир как пираты и тащили добычу в свои скалистые порты, норвежцы могли сохранять в своих землях коренные придворные должности, морских королей, аристократов, рыцарей. Но когда плавание Викингера, постоянные морские войны прекратились, дворянство постепенно вымерло, причем нельзя точно сказать, как и когда. Норвежцы снова стали простым и свободным крестьянским, рыбацким и баржевым народом, каким они *всегда* были и остались по сути.

То, что говорил Тацит о природе германского способа расселения здесь или там, по-прежнему относится к норвежцам. Они живут разбросанными по всей протяженной стране у рек, фьордов и на склонах гор на отдельных фермах, в так называемых "гардах". Едва ли у них есть деревни. Отделенные от остального мира, еще менее потревоженные чужеземными влияниями, чем шведы в своем спокойствии с незапамятных времен, они воспроизводят свой старый образ жизни еще более неизменным, чем сейчас. Эта замкнутая жизнь сохранила германское племя в редкой чистоте. В каждой из глубоко врезанных долин одна деревушка следует за другой на большом расстоянии. Каждая долина образует отдельный район и имеет лишь незначительную связь с соседними районами. Часто разделяющие их горные хребты пустынные и необитаемы.

Жители соседних долин, каждый из которых имеет достаточно средств к существованию, сильно различаются между собой по нравам, обычаям и языку, и это различие зачастую не менее резко и разительно, чем различие шведов, датчан и норвежцев между собой.

Норвежского языка, который можно было бы поставить в один ряд со шведским или датским, пока не существует. Как и в Швейцарии, в *Германии*, в этой части *Скандинавии* существуют только патуа и диалекты, некоторые из которых, однако, очень точно сохранили древние особенности исконного скандинавского языка. Как в Швейцарии язык Лютера, так в Норвегии язык датчан стал разговорным языком цивилизованного класса, а также языком письменности и литературы. Гораздо более трудолюбивые в интеллектуальном отношении датчане, получившие все, что повлияло на цивилизацию, с юга, из первых рук, стоявшие во главе большинства научных движений Севера и долгое время господствовавшие в Норвегии, во многих отношениях облагородили высшие слои народа. В отношении литературы, искусства, образования и поэзии Норвегия и в настоящее время является провинцией Дании; однако, получив независимость от датчан в политическом отношении, норвежцы сделали все возможное, чтобы придать датскому литературному языку своеобразный и независимый тон, усилить его из источников туземных диалектов и сформировать свою норвежскую национальную поэзию и риторику.

Можно сказать, что в течение столетия англичане и их дочерний народ, американцы, стояли во главе всех новых торговых предприятий. Остальные просто носились вокруг земного шара на их крыльях. Индия, Китай и Япония, которые долгое время были заблокированы португальцами и голландцами, были открыты для остальной Европы англичанами.

Они же первыми разорвали оковы торговых ограничений и монополий середины века и проложили путь к разумной свободе торговли. Без отмены привилегий Ост-Индской компании, без отмены налога на зерно, без сертификатов свободы мореплавания, одним словом, без разрыва со всей старой защитной системой, которую, что касается торговли, англичане ввели после долгой борьбы, барьеры на реках Саунд, Эльба и Везер, возможно, еще не пали бы.

Нашу эпоху предпочтительно называть индустриальной, основанной на материальных благах. И то, что она стала таковой, в основном заслуга англичан. Они с самого начала повели ее по этому пути. Уже их древнейшие великие философы, два Бако, один в ^{13-м}, а другой в ^{16-м} веке, были проникательными наблюдателями природы, даже занимались механикой, физическими и химическими исследованиями и изобретениями, И когда читаешь труды лорда Бако из Верулама, основателя новой натурфилософии, склоняешься к мысли, что с тех пор англичане постоянно двигались по указанным им путям и направлениям. Создается впечатление, что семена всех последующих промышленных и механических изобретений уже были заложены в том практичном, истинно английском философском разуме и трудах.

Другой, очень похожий на Бако, возможно, даже более великий ум, англичане породили в ^{XVII} веке в Исааке Ньютоне, который открыл механику небес и перед которым его соотечественники превозносят себя едва ли не больше, чем перед своим Шекспиром. Со времен Ньютона англичане внебрили в жизнь европейцев целую серию самых прекрасных и влиятельных изобретений и реформ.

В деле наиболее эффективной обработки и формовки сырья, в совершенствовании всех наших ручных инструментов, в увеличении человеческой силы и мастерства они сделали гораздо больше, чем любой другой народ. Они - отцы нашего современного производства и изготовления. Они первыми поставили водяной пар на службу нам, что после укрощения и запрягания лошади, а также применения силы воды и ветра привело к величайшей революции в нашем способе труда. Большинству усовершенствований и секретов машиностроения мы должны были научиться у них или отказаться от них. Уотты и другие подобные дети бедных английских рабочих, стоят в истории развития современных, очень промышленных народов Европы, как великие полевые мастера и короли - и как их Уотты, так и их Стивенсоны. Ведь все реформы в области дорожного строительства, уличных дорог, щебеночного покрытия, железных дорог, удивительных телеграфных учреждений исходили от англичан или от их потомков, англо-американцев. Благодаря им мы научились перемещать и перевозить наши товары, наших людей, наши мысли с головокружительной скоростью. Строительство железных дорог, это важнейшее изобретение нашего времени, было организовано и освоено мастерами, присланными из Англии во все страны. То же самое можно сказать и о мостостроении, которое в новые времена позволило с невиданным хладнокровием и безопасностью перебросить мост через самые бурные, доселе не мостившиеся реки, да, впрочем, и широкие лиманы. На Дунае в Пеште, на реке Святого Лаврентия в Канаде, на Днепре в Киве и в бесчисленном множестве других мест английские инженеры были призваны построить те сооружения, которыми наш век так же превосходит средневековье, как и готическими церквями.

Можно сказать, что как итальянцы своим горячим стремлением к красоте, французы своим изящным и уютным языком и вкусом, так и англичане своей промышленной деятельностью и своей постоянной активностью продвинули мир вперед. Они по сути своей промышленная, трудолюбивая, работающая, серьезная нация, чье чувство цели направлено скорее на полезное, чем на идеальное и красивое.

"Они находят главное наслаждение своей жизни в работе, в придумывании, а не в веселых играх и пустяках фантазии". Они сделали своим девизом знаменитый стих Мильтона: *"презирать наслаждения и жить трудовыми днями"*. Даже их удовольствия носят характер труда. Все они зарождаются в голове, а не в крови. В них нет и следа небесной жизнерадостности римских или славянских народов, как это видно из их танцев, или невинных увлечений немцев. Англичане изобрели *"полезные удовольствия"*. Все их национальные игры и виды спорта поучительны и требуют усилий. Они вызывают восторг у мужественного и энергичного народа. Остальная Европа в той или иной степени старается следовать им, и английские скачки и подобные мероприятия стали почти такими же распространенными в других странах, как кровавые гладиаторские игры и бои животных во времена Римской империи.

То, что чувства англичан в основном ориентированы на полезное и удобное, особенно ясно из того факта, что, несмотря на все прочие недостатки эстетического чувства, они обладают совершенно определенным талантом придавать всем изделиям механического ремесла на редкость изящную форму, в то время как в придании изящной формы тому, что является всего лишь украшением, они сильно отстают от французов. Убранство их домов, мебель, инструменты и утварь не только столь целеустремленны, но и так аккуратно и изящно сделаны, что их повсюду выбирают в качестве образца. Домашний уют англичан вошел в моду в новейшее время даже в Париже.

Однако высшее чувство искусства, творческий талант, создающий прекрасное ради него самого, у англичан развит очень слабо. Во всех *единственных* прекрасных и свободных искусствах они отстают от других народов. Особенно в музыке им, кажется, не хватает чего-то существенного. История английской музыки почти полностью состоит из пустых страниц. Их мощный, шипящий, приторный язык с множеством коротких, обрывистых слов, в основном грубоватый, похожий на матросский тон голоса не позволили им даже преуспеть в пении. Полумечтательное удовольствие и восторг, чувство, с которым немцы наслаждаются музыкой, всегда будут оставаться странными для трезвого англичанина. Для гармоничной совместной игры в оркестре у них слишком завышена *самооценка*. "В оркестре, где играют англичане, - говорит один остроумный француз, - каждый, кажется, играет свою особую любимую арию, так сказать, *"с благородной независимостью, которая характеризует английского артиста"*". Для "симфонии" это должно быть несколько тревожно.

Не преуспели они и в изобразительном искусстве. Почти ни одна нация в Европе не была так бедна талантами в изобразительном искусстве, как англичане. Тщетно искать английского скульптора, который мог бы соперничать с немецким Раухом, французским Давидом, итальянским Кановой или датским Торвальдсеном.

В живописи, в соответствии с их вкусом, у них есть только несколько хороших художников-живописцев и пейзажистов на выбор. Портретная живопись также пользуется у них некоторой удачей. Животные, которые, как однажды заметил один итальянец, попадают в рай вместе с англичанами, вдохновляют их ландсиров, а их акварелисты проявляют большой талант в изображении хижины арендатора на фоне кукурузного поля или старой мельницы и церковной башни, спрятанной в лесу. Такие скромные направления искусства, как любимая *"акварельная живопись"*, процветают у них. Величайший из их художников, Хогарт, не создал ничего идеального, почти ничего, кроме изображений персонажей, которые часто были очень перегружены и карикатурны. Там, где их фантазия могла, подобно маятнику, соединиться с чем-то очевидным, существенным, полезным, например, с природой, с животными, с выразительными лицами, там она добивалась успеха. Там же, где ей приходилось свободно подниматься, как воздушный шар в воздух, она теряла равновесие.

Во всех голых фантастических произведениях английских художников есть что-то преувеличенное или пухлое.

То же самое можно сказать и об архитектурном стиле их архитекторов. Если везде, где нужно было обеспечить жизненную необходимость, например, в своих очаровательных *коттеджах*, им удавалось сочетать предельную эффективность и простоту с изяществом форм и милой элегантностью, то в остальном их орнаменты безвкусны и громоздки. Все великолепные английские здания Рена, знаменитая церковь Святого Павла, как и новые здания парламента, лишены, по мнению знатоков, существенной эстетики, а все памятники паблик-арта этой великой нации, возглавляемые статуями ее королей и Веллингтона, бедны.

Если вдуматься в то, что они создали в этих и других изящных искусствах, если послушать, как они сами поют и сочиняют музыку, к которой они так склонны в новое время, то можно почти пожалеть, что Джон Буль вообще ввязался в эти дела и что он не предпочел сам, на свои солидные деньги, путем вознаграждения талантов и покупки изделий *других* наций, способствовать расцвету искусств на свой *лад*.

Гораздо большие памятники, чем металлические и мраморные, которые так легко ржавеют и чернеют во влажном тумане, свойственном их климату, и в угольных испарениях их городов, англичане воздвигали из более легкого материала, который, однако, Гораций называет *aere perennius* (более долговечным, чем металл). Их язык и литература служат самым неоспоримым доказательством силы их разума. Хотя английский язык - не что иное, как древний язык, в еще большей степени, чем сам народ, созданный из самых пестрых, самых странных элементов, он, тем не менее, является одним из самых богато развитых и поэтических идиомов новой Европы.

Немцев упрекают в том, что они включают в свой язык иностранные слова, и считают, что красота их языка от этого страдает. Английский язык, как и церковь Святого Марка в Венеции, почти полностью состоит из германских, римских, греческих, французских и кельтских элементов, которые были украдены и переплавлены вместе, но энергичный дух нации сплавил и обработал эти элементы таким образом, что, как и церковь Святого Марка, получилось удивительно красивое здание.

Он поражает нас своей энергией и краткостью, а также выражением мужественности, присущей каждому слову и проявляющейся в их произношении. Поскольку язык был создан на основе многих других языков и диалектов, в нем есть свои слова почти для каждого понятия, и он способен заимствовать из того или иного языка, чтобы обозначить тонкие нюансы этих понятий. "Все, что немцы, французы и римляне могут выразить на своих языках, чтобы использовать по случаю, вряд ли где-нибудь более удобно размещено вместе, чем в английском словаре".

Поскольку английский язык и в наши дни продолжает легко принимать иностранные выражения - так сказать, он имеет их из всех регионов Земли, - поскольку он очень прост в своих формулировках и грамматическом построении, он, как никакой другой язык, может стать мировым языком.

Действительно, даже в прошлом веке ни один другой язык не распространился по миру так сильно, как этот. Он стал языком больших, недавно цивилизованных народов на концах земного шара. Он правит обоими океанами. В Европе тоже ни один язык не нанес такого ущерба французскому языку, который был здесь распространен, как английский. За последнее время не только большое количество английских выражений было перенесено во

все европейские языки, но и знание английского языка стало почти всеобщим в школах и учебных заведениях.

Как англичане в *заокеанском* мире обязаны необычайным расцветом своей богатой литературы своим *мореплавателям*, купцам и колонистам, так и англичане здесь обязаны этим благоприятным результатом своим прекрасным поэтам и писателям. Это прекрасно развитое дерево, полное сочных, приятных и *питательных* плодов.

Но садовые ножницы искусства мало поработали над этим деревом. Оно выросло довольно неравномерно и полностью за счет собственных природных сил. Ни драматические, ни лирические стихи англичан не подчиняются такой строгой регулярности и форме, как стихи французов и итальянцев. "Свободно и неудержимо течет поток их поэтического энтузиазма, даже рискуя иногда выйти за рамки хорошего вкуса". В отличие от них, они были невосприимчивы к артистизму и игре, в которые так легко впадали стихослагатели итальянцев, испанцев и других римлян. В большей степени, чем в одном, англичане - поэты природы. "Ни один поэт не впитал и не изобразил природу, ни одну реальную жизнь с большей свободой духа и оригинальностью в магическом круге поэзии, чем английский Шекспир, в котором внутренняя правда столь же восхитительна, как глубина и сила чувства, и великая степень фантазии, переполняющая его произведения, хотя он, как и почти все английские поэты, очень далек от того, что называют классическими приличиями и художественным вкусом".

"Мощным и свободным, как дух и изобретательность Шекспира и других английских поэтов, является и сама нация. Изящные аллюзии, как известно во Франции, почти не понимаются в Англии в жизни, как в поэзии и литературе. Англичане не любят изящной слабости. Резкость, если она исходит от остроумной головы, находит у них одобрение. Много, чем восхищаются англичане за заключенную в нем силу, французы называют пухлым. А оригинальное, странное, что не нравится в школьной, правильной Франции, часто находит себе применение в Англии, как в литературе, так и в повседневной жизни".

Правдолюбивые англичане оправдывают, когда человек отдает себя таким, какой он есть; французы и немцы требуют скромного самоотречения и оседлости. Англичанин иногда гордится тем, что в определенных случаях с некоторой надменностью показывает, что он читает, думает и живет как свободный человек и что упреки в эксцентричности и чужеродности не имеют для него большого значения. Тех же особенностей и нелепостей, которые в Англии порой делали человека объектом всеобщего внимания, любимцем модной публики и двора, во Франции и Германии было бы достаточно, чтобы изгнать его, как сумасшедшего, из всех хороших компаний.

Во Франции вежливость и учтивость часто служат оправданием многих недостатков и пороков. В Англии *истина* ценится так высоко, что даже грубость и невоспитанность, как нечто пикантное, часто заслуживают одобрения. Англичане даже относятся к вежливым и предупредительным людям с некоторым недоверием, но к наглецам они часто относятся снисходительно.

Будучи сильным, здоровым и содержательным народом со свободными государственными институтами, англичане чувствуют себя сродни древним грекам и римлянам. Отсюда тот феномен, что ни у кого из современных людей античные классики не пользуются большей популярностью, чем у них. Ученые немцы лучше всех объясняли и подражали писателям древности, французы очень старательно подражали их художественным творениям, но больше всех приняли в плоть и кровь Гомера, Фукидида, Тацита и Ювеналия англичане. Они рано начали переводить произведения этих авторов и включать их в модернизированном

виде даже в число своих национальных писателей . Даже государственные деятели и ораторы в парламенте, да и те меньше других, не могут быть прощены за то, что немного знакомы с мужественными, сильными, свежими стариками, с которыми англичане, однако, сроднились лишь, так сказать, предпочтительно по характеру, интеллекту и политике, и от которых, как уже было отмечено, они очень сильно отстали в отношении искусства и вкуса.

Ближе всего к ним их государственные установления и их деяния, благодаря которым мир пошел кругом, а в области литературы - их историки, в которых с самых ранних времен существования этой литературы можно заметить особо направленное чувство, удивительно ясную идею и понимание. Как и римляне и греки, эти английские историки также отдавали предпочтение описанию истории своей собственной страны. И из всех *иностранных* историй они обращались к ним не лучше и не лучше, чем к греческой и римской. И если в живописи у них был вкус к изображениям персонажей и портретам, то в истории они часто предпочитали биографии. Их историческая литература переполнена прекрасными биографиями.

Но их историческое чувство, их пристрастие к изображению характеров, так сказать, не удовлетворяется реальностью. Чтобы удовлетворить эту потребность, они разработали сжатую историю, *исторический роман* и *семейный роман*, которые являются, так сказать, по сути английскими изобретениями. Есть народы, которые остались удивительно бедными в этом виде литературы. *Англичане*, однако, превосходят их всех. Их романисты Филдинг, Смоллет, Скотт, Боз, Теккерея наводнили мир своими в равной степени поучительными и развлекательными произведениями и, наряду с произведениями Шекспира, Гиббонса и Маколея, внесли наибольший вклад в то, чтобы английский язык, английские нравы и идеи стали известны и популярны за рубежом. Их усердно читали и им подражали как в Германии, так и в Италии, как в России, так и в Испании.

Наполеон ругал англичан за узколобую толпу торгашей, но это было совершенно неоправданно. Если сердцем и душой они купцы, то душой и сердцем они поэтические создания. Некоторые из их купцов, наряду со своими лордами, занимают первые места на английском Парнасе. В доказательство этого я вспоминаю страстного художника Италии, купца Роджерса, и доброго исследователя истории Греции, лондонского банкира Грота. Не мало известных политиков и государственных деятелей вышло из их, по крайней мере, великого меркантилизма. Долгое время английские купцы были правителями одной из крупнейших империй в мире - всей английской Ост-Индии. Одна из их торговых компаний, так называемая *Hudson's Bay Company*, и сегодня управляет всей Северной Америкой. Джордж Каннинг и сэр Роберт Пиль были сыновьями и конюхами купцов.

Древние римляне, у которых было так мало способностей к торговле, что они в основном полагались в своих делах на греков, были страстными фермерами. Англичане, так любящие торговлю, связанную с городами и процветающей в них промышленностью, не менее ревностно, чем римляне, относились к освоению земель и сельской жизни. Несмотря на пристрастие к фабрикам и коммерческим спекуляциям, они также являются настоящими фермерами, и некоторые стороны их характера и манер можно объяснить их пристрастием к сельской жизни; как и у других народов, особенно у общительных французов и современных итальянцев, многие особенности можно рассматривать как *постоянные* обычаи и характеристики. Об англичанах можно сказать, что они занимаются своими делами только в

городах, но они, как теплые друзья природы, живут в деревне и *наслаждаются жизнью*. Ни у одного народа до них не было такого тесного слияния городской и деревенской жизни. В этом отношении мы тоже начали подражать их примеру, и то, что мы и наши семьи все чаще перебираемся из старых складов и пакгаузов в сельскую местность, во многом объясняется заслугами и трудом англичан, которые опередили нас в этом. Все наши города за последние полвека претерпели реформу, образцом для которой, по-видимому, послужили города и образ жизни англичан.

Практическое сельское хозяйство нигде не стоит выше, чем в Англии, и она стала примером и образцом сельскохозяйственного прогресса для всей Европы. "Они сделали каждое сельскохозяйственное орудие, каждый плуг, каждый садовый нож наиболее эффективными" - блестящей точкой их сельского хозяйства является животноводство. Вряд ли найдется полезное животное, которое они не пытались бы разводить. Они взяли непригодных и грубых животных, лошадь, корову, овцу, петуха, голубя и т. д., какими их снабдила природа, и с помощью искусства, так сказать, обработали их наиболее подходящим образом для той цели, которую представляло себе человечество, и из Англии множество измененных пород животных постоянно распространяется по всему нашему континенту.

Не меньшее влияние они оказали и на наше садоводство, тесно связанное с агрономией. До них этим искусством занимались в основном итальянцы и французы, то есть городские люди, и в результате в нем было что-то городское, что-то архитектурное. Я помню только итальянские сады-террасы, французские *ворота из деревьев*, лиственные *пирамиды* и лиственные *стены*. Англичане вернули природу в сад, освободив декоративные растения от стеллажей с садовыми ножами и ножницами. Английский художник-пейзажист Кент стал создателем современного садоводства. После него деревья, королевские дубы, величественные липы и буки английских парков приобрели ту природную грацию, ту незатронутую красоту и свободу роста, которую только английский садовник умел дать или позволить культурам, и которая так гармонирует с нравами и свободными институтами этого могущественного народа. Английский вкус к садоводству в последнее время распространился по всей Европе, и англичане, чья родина напоминает естественный сад, являются причиной того, что дружелюбная природа с ее великолепием света и цвета, с ее дриадами и наядами, теперь вторглась в наши прежде столь мрачные города.

В Северной Европе нет страны, климат которой был бы настолько умеренным, настолько нейтральным для стольких видов растений, и где было бы так легко разместить детей флоры самого отдаленного Юга рядом с растениями высокого Севера. *В результате*, а также благодаря своим обширным связям Англия стала хранилищем всех растений в мире, а для нас, европейцев, - страной прибытия и перемещения этих растений. Наши оранжереи заполняются оттуда, и мало найдется цветов, декоративных или полезных растений, ставших знаменитыми в последнее время, история распространения которых по Европе не привела бы нас к английским садам и оранжереям как к источнику их происхождения. Их можно встретить в самых отдаленных уголках России и Америки, и даже здесь они часто стоят во главе садоводства и цветоводства.

Такая выдающаяся нация, как англичане, которая своим твердым характером, силой, богатством и литературой внушала трепет всей Европе, должна была вызывать уважение и подражание и в других, менее существенных вопросах, и поэтому не только ее язык и поэзия, но и одежда, и кухня постепенно вошли у нас в моду, и в обоих случаях ее влияние было очень благотворным.

Как и в других вещах, в одежде англичане всегда стремились к эффективности и аккуратности. С незапамятных времен их национальные костюмы были не столько вычурными и красивыми, сколько простыми и соответствующими человеческому телу. Их легкие шинели, широкие, широкоплечие прогулочные пиджаки из плотных тканей, которые мы почти повсеместно переняли, частично освободили нас от оков ограничительного французского костюма.

В Европе есть народы, которые почти или *совсем не* повлияли на одежду жителей нашего континента, например немцы, которые никогда не знали, как они хотят или должны одеваться. Англичане имеют наибольшее влияние на моду после французов. Мы носим несколько предметов одежды, которые, как "макинтош", "спенсер", получили свои названия от англичан, которые первыми ввели их в моду.

Тот же дух, то же стремление к естественному, к основательному и питательному, которые говорят нам о сущности англичан повсюду, мы встречаем и в их кухне. Здесь, как и в вдохновении своих муз, они пренебрегают вкусовыми формами, но больше внимания уделяют силе вещества и хорошему качеству пищи.

Продукты их кулинарии массивны и мощны, иногда немного колоссальны, что также характерно для их архитектурных творений и, можно сказать, для всех проявлений их духа. Их мясо, которое они подвергают пищеварительному воздействию огня лишь на очень короткое время, чтобы лишить его части природной силы, - это своего рода пища героя, их напитки, например пиво портер, - это жидкая пища.

В новейшие времена многое из этой силы и естественности английской кухни перешло и в наши кухни, и, возможно, для нас было бы очень полезно, если бы мы (с некоторыми ограничениями) еще больше поддались этому влиянию.

Этим замечанием я в кратком обзоре английского национального духа спустился в самый низший отдел их национальной экономики, на кухню и в погреб. И хотя я мог бы провести читателя по многим другим частям столь сложного лабиринта, какой предлагает природа одного из наших самых образованных народов, я хотел бы закончить на этом и постараться избежать дальнейшей разработки этой неисчерпаемой темы через черный ход этого подвала.

1 Автор имеет в виду жителей низменностей вдоль Северного моря, от Шельды до Эльбы, которые тогда были известны под общим названием "фризы". VERT.

2 Кымрены считают себя несколько оскорбленными, когда их называют англичанами, и говорят: "*Мы не англичане, мы валлийцы*".

В качестве примера валлийского языка можно привести следующий:

Epistol Paul yr Apostol at yr Hebreaid.

Pennod I.

1. Duw, wedi iddo lefaru lawer gwaith, a llawer modd, gynt wrth y tadau trwy y prophwydi, yn y dyddiau diweddaf hyn a lefarodd wrthym ni yn ei Fab;
2. Yr hwn a wnaeth efe yn etifedd pob peth, trwy yr hwn hefyd y gwnaeth efe y bydoedd;
3. Yr hwn, ac efe yn ddisgleirdeb ei ogoniant ef, ac yn wir lun ei berson ef, ac yn eynnal pob peth trwy air ei nerth, wedi puro ein pechodau ni trwyddo ef ei hun, a eisteddodd ar ddeheulaw y Mawredd yn y goruwchleoedd;
4. Wedi ei wneuthur o hynny yn well nâ'r angelion o gymmaint ag yr etifeddodd efe enw mwy rhagorol nâ hwynt-hwy.

VERT.

3 Датчане не уничтожили Англию. Их нашествие было лишь потопом, и этот потоп лишь захлестнул саксонское общество.

4 Французы захватили Эльзас-Лотарингию. ВЕРТ.

Шведы, норвежцы и датчане.

Сложенный из камня и руды, так сказать, единая колоссальная глыба гранита и железа со множеством расщелин, великий Скандинавский полуостров простирается далеко во льдах и сумерках полярных областей. -Со всех сторон он окружен морской водой, и только часть его соединена с остальным континентом обширными снежными полями, как и частично на юге у Дании, частично на востоке у Финляндии, группами островов, которые можно считать мостами.

Норвегия

Идя с юга на север - в отличие от основной части нашего материка, идущей с востока на запад, - она проходит через 20 градусов широты, на 300 миль до тех краев, где приходится выращивать картофель и горох в цветочных горшках, и простирается на более высокие параллели, чем даже страна самоедов, где защиту от холода и ураганов можно найти только под землей. Так что мы, европейцы, справедливо называем ее предпочтительно "севером"

нашего континента, и очень примечательно, что римляне, впервые познакомившись с этой столь своеобразной землей, называли ее "*другим миром*".

Подобно тому, как старый, морщинистый дуб возвышается над низкими зарослями ольхи и орешника, так и этот северный ледниково-каменный и альпийский регион возвышается над низкими равнинами за морем на юге и востоке. И подобно дубу, он всегда стоял там в своей изоляции, свободный, своеобразный и независимый, редко страдая от народных потоков и перемен, прокатившихся по основной части Европы, и ощущая лишь последние их волны; с другой стороны, со своего высокого места он часто влиял на судьбы Юга и даже надувал эти бури.

Как и на всем востоке нашего континента, первые пастухи и охотники из финского племени в древности нашли дорогу в леса и ущелья Скандинавии и построили там свои дымные хижины. И сегодня саамы, братья финнов, могут похвастаться тем, что они - самый древний народ в Шведском королевстве и что вся страна когда-то принадлежала им. Эти саамы, вероятно, являются остатками замечательных аборигенов, того первоначального населения, о котором слагают легенды нынешние германские скандинавы и чьи покрытые травой курганы мы находим разбросанными по всей стране, рядом с героическими могилами их потомков. Более поздние германские племена, пришедшие в страну, частично истребили этих финнов или лапландцев, либо изгнали их обратно на крайний север.

О том, что часть первоначальных жителей также слилась с германскими племенами, свидетельствует шведский язык, который заимствовал из финского и лапландского большое количество выражений, обозначающих домашнюю утварь и орудия лова. В северной Скандинавии то тут, то там встречаются долинные жители, которые по телосложению и лицу явно принадлежат к финскому или лапландскому типу, хотя говорят они теперь на норвежском или шведском языках. Также считается, что Лофодские острова вблизи Норвегии и сегодня населены таким германо-финским народом. Время, когда все это было подготовлено, недоступно для истории. Мы не знаем, когда, как и каким путем произошло это германское вторжение. Особенность большой страны, удаленной и разделенной морями, в которую они прибыли, должна была сделать переселившихся туда германцев, если они еще не были германцами по своей природе, особым народом, отличным от других германских народов.

Можно сказать, что вся земля, населенная германцами в Европе, географически состоит из двух основных частей: большей части в центре Европы между Северным и Средиземным морями (Германия) и столь же большого Северного полуострова, отделенного от нее морем. То, что в этих двух больших частях германской Европы, так резко контрастирующих друг с другом, должны были образоваться или сохраниться две большие ветви племени, северогерманская (или, как предпочитают говорить сами скандинавы, *готская*) и южногерманская, или германская, было, я считаю, вполне естественным.

Кроме исконных саамов или финнов и переселившихся в страну германцев, мы не знаем ни одного другого значительного народа, который бы поселился или постоянно проживал на большом полуострове. Поэтому этнографическая история скандинавов довольно проста. Все эти бесчисленные смешения людей во всех остальных частях Европы не коснулись Скандинавии, которая находилась вне направления движения. После первого германского завоевания она никогда больше не была оккупирована или даже колонизирована чужеземцами.

Однако, по мнению нового шведского исследователя, финикийские мореплаватели могли проникать вплоть до Скандинавии и оставить там множество следов своего пребывания.

Однако в любом случае их влияние не было ни столь глубоким, ни столь длительным, как, например, в Испании. У греков здесь не было торговых постов или торговых компаний. Римские солдаты или поселенцы никогда не подчиняли себе эту страну. Более того, она осталась свободной от всех последующих азиатских и восточных вторжений. Как Германия и даже Франция, она никогда не подвергалась нашествиям гуннов, монголов, турок и татар. Даже славяне, которые толпами проникали в сердце Германии, посещали Север лишь случайно. Даже от повсеместно распространившейся иммиграции израильтян и вызванных ими беспорядков и смещений эта страна оставалась свободной. И в этом, как и во многих других отношениях, эта страна уникальна в Европе.

Трудно найти менее смешанную древнюю расу, более самобытный индогерманский народ где-либо еще, кроме Скандинавии, в гранитных скалах и горах которой, как и в ее людях, видны изначальные образования, в то время как в более южных странах они покрыты множеством более молодых деформаций. Во многих отношениях Север остался более верен своему древнегерманскому характеру, чем сам материк, и во многом стал хранителем и защитником традиций всего германского племени. Там очень долго сохранялись мифы о службе древнего Одина. Там еще дольше звучали самые ранние героические песни и саги, возможно, повествующие о подвигах германцев под [Осью1](#) и в Азии, и которые, по свидетельству гута [Йорнанда2](#), когда-то жили в устах племен самой Германии. И там, за Поясом и Звуком, можно найти, еще более неизменные, чем где бы то ни было, золотисто-желтые локоны, ярко-голубые глаза, стройную талию, высокий рост древних германцев, которых когда-то изобразил Тацит.

Насколько невинной, согласно всему этому, эта страна оставалась внешне, настолько мало мира было в ней с давних времен. Даже ее древнейшая история богата революциями, кровавыми гражданскими и братоубийственными войнами, как и история любой другой страны. Различные племена, на которые делились скандинавы, часто воевали друг с другом и провели между собой не одну страшную [битву в Бравале3](#), память о которой и героях, отличившихся в ней, прославлялась в их песнях, как победы над чужеземцами. Эти внутренние перемены и вражда, восходящие к древнейшим временам, - беспокойный и предприимчивый дух народа - скудная и бедная природа страны, которая не только ожесточала и сковывала жителей, но и часто терзала их голодом и несчастьями, - как следствие, часто приводили к переселениям и войнам за границей.

Время от времени бурные тучи с севера сбрасывались с могущественного полуострова во всех направлениях, и в результате скандинавы причинили гораздо больше разрушений в остальной Европе и *отправили* туда гораздо больше колоний, чем *получили* оттуда.

Эти походы скандинавов за границу, вероятно, были древними и часто повторяющимися событиями. Ведь уже Тацит в первом веке после Рождества Христова упоминает, что суйонены (шведы, скандинавы) были сильны своей численностью, своим оружием и флотом. Германские поселенцы, которых римляне задолго до прихода англосаксов обнаружили в Шотландии, вполне могли быть выходцами из Скандинавии. Также считается, что знаменитый поход кимбров и тевтонов, который, как утверждается, был вызван перенаселением, голодом и наводнениями, еще до рождения Христа произошел из Скандинавии.

Как и в случае с путешествием кимбров и тевтонов, скандинавские патриоты хотят взять на себя всю заслугу и ответственность за так называемое переселение народов. Они утверждают, что не только восточные и западные готы, но и лангобарды и вандалы, и даже франки и саксы, или, по крайней мере, короли, основатели и герои этих народных

конфедераций восходят к Скандинавии, этой, как они ее называют, колыбели и мастерской бесчисленных племен. Они даже включили портрет восточно-готского короля Теодориха в Упсале в число портретов шведских королей, а также хранили там знаменитый серебряный кодекс, драгоценный серебряный фрагмент на пурпурном пергаменте древней книги, написанной на германском (готском) языке, как нечто, что волновало их больше всего; хотя именно эта книга, чей язык имеет гораздо больше общего с высокогерманским, чем со скандинавским, лучше всего доказывает, что готы-мигранты, написавшие ее, были не кем иным, как готами из Скандинавии, или, по крайней мере, не были *исключительно* и по существу таковыми.

Миграция народов, ставшая причиной падения Римской империи, была скорее результатом великого движения всей германской Европы, и именно к ней, а не к *одной лишь* малонаселенной Скандинавии, как полагают шведы и датчане, относится часто повторяемая фраза римского писателя, когда он говорит о *колыбели и местах работы народов*. Трудно отличить роль, которую сыграли скандинавы в этих событиях, потрясших мир, от той, которую сыграли сами немцы.

Гораздо более исключительно скандинавской и гораздо более важной по своим последствиям и для нашего предмета была вторая серия гроз и народных разрядов с севера, которая началась только после того, как бури в сердце Европы утихли, все переселяющиеся народы уже заняли свои постоянные места жительства и основали прочные христианские империи.

Полного затишья и совершенного мира среди скандинавов, возможно, никогда не было до великих *викингерских* или *норвежских походов*, начавшихся во времена Карла Великого. На Севере также существовал старый обычай, согласно которому молодые люди, определенные судьбой, должны были искать свою судьбу в качестве "викингов" (воинов) в чужих землях. Но в мирные времена они ограничивались окрестностями.

Причина, по которой эти древние походы викингов совершили такой большой скачок и распространились настолько, что, так сказать, ворвались на весь континент, подобно всеобщему пожару, объясняется отчасти обстановкой в Европе того времени, отчасти особенно сильными внутренними движениями в самой Скандинавии. -Христианство, которое при своем появлении вызывало бури повсюду, проникло в то время и на Север, а вместе с ним и образование господствующей, объединяющей, королевской и государственной власти. Это побуждало мелких племенных вождей или морских королей и их сыновей, не желавших отказываться ни от своих старых верований в Одина, ни от своей прежней личной независимости, как никогда прежде, выходить в море с определенной целью - не только грабить, как прежде, но и покинуть свою старую родину, запятнанную этими новшествами, и завоевать новые *земли* в остальной Европе.

Однако эта другая Европа тогда, после распада великого дома Каролингов, находилась в состоянии сильного распада - особенно она была слаба на море; все государства были без флотов, побережья без обороны. На всем Средиземном море властвовали арабы, враги христианства, и, подобно им на юге, мореходные норсмены вскоре заполнили все Северное море со всеми его морскими буграми и побережьями - жаждущие сокровищ, они плавали небольшими эскадрами, собранными под командованием смелых морских королей, по всем водам и находили водный путь в Испанию и вплоть до Средиземного моря. Подобно вечно грозящей грозовой туче, из которой в любой момент можно было ожидать града и молний, свирепая Скандинавия распространилась по океану. "Подобно морским чудовищам, они

выливались из волн на сушу, проникали в устья рек Германии, Франции, Англии, да и всех других стран, и, грабя и разрушая повсюду, продвигались вглубь суши.

Они просто грабили и разрушали несколько регионов, неоднократно в течение двухсот лет, не основывая там постоянных колоний. В других регионах, однако, они закрепились и основали новые и весьма примечательные империи, как в Британии, Франции, России и, наконец, в Южной Италии.

В России у них были очень ранние, прочные и часто посещаемые торговые колонии. Они, называемые там "Varäger" (союзники), под предводительством своего "Рюрика" и его братьев и соратников совершали многократные походы по всей ширине великой страны, плавали от устьев ее рек на юг до Черного моря и с этой стороны неоднократно захватывали Константинополь, где при дворе византийских императоров окончательно сформировалась постоянная гвардия из норманнских приспешников. Строили они города и на Руси, а основанное ими древнейшее русское государство, похоже, черпало свою силу и долголетие из духа правителей, законодателей и властителей норвежского происхождения. Лишь некоторые старинные русские семьи издавна славились своим норманнским происхождением от рода Рюрика; кроме того, "русские" и сама "Россия" до сих пор носят имя скандинавско-германского происхождения.

Британские острова, находившиеся совсем рядом с ними, по другую сторону их Западного моря, в течение двух столетий относились к скандинавским морским королям, так сказать, как к части своих владений, с которых они ежегодно взимали непрерывную дань - почти во всех прибрежных городах Шотландии, Ирландии и Англии они обосновались, а на берегах повсюду располагали свои военные посты. В конце концов великие датчане-короли Суэно и Канут даже завоевали все островное королевство и некоторое время управляли им, пока снова не уступили его часто бунтующим англосаксам.

Многие обычаи и особенности, которые англичане имеют со скандинавами, происходят из той датской эпохи. С тех пор в северных провинциях Англии, например, в Нортумберленде и на севере Шотландии, в обычаях, языке и внешнем облике местных жителей все еще можно найти много скандинавских черт. То же самое относится и к небольшой группе из 25 Овечьих островов, или Fägoë, где в туманных горных долинах и на вечно росистых лугах простой, крепкий норвежский народ живет за счет рыболовства и овцеводства.

Как в России и Великобритании, так и во Франции имя норманнов стало великим: во время своих неоднократных вторжений в устья Сены, ведущие к богатому, часто разграбляемому городу Парижу, они, наконец, обосновались там и основали то замечательное герцогство, в котором их могучий норвежский дух совершил больше, чем где-либо еще, и которое до сих пор называется в их честь Нормандией. Хотя по языку и манерам они вскоре превратились во французов, героический дух предприимчивости рыцарей Нормандии долгое время оставался полностью нордическо-германским и сохранялся даже тогда, когда они вошли в Англию под предводительством Вильгельма Завоевателя. Даже гораздо позже германский характер этой французской провинции проявился во многих вещах. И даже сегодня германский путешественник в Нормандии встречает, так сказать, патриотизм.

Промышленность, развитие, сельское хозяйство и физиономия, которую они придали стране, в высшей степени германские. То, что жители французской Нормандии и сегодня известны своей боевитостью и жаждой тяжб, то, что они особенно любили протестантизм во времена гугенотов, - это, по мнению некоторых, отголосок германизма. То, что Франция получала своих лучших и самых настойчивых моряков из Нормандии, а ее самые знаменитые адмиралы и командующие флотом были уроженцами Нормандии, также объясняется их

происхождением от "морских королей". Даже сегодня французы часто называют своих соотечественников из Нормандии *les froids Normans* (холодные норманны), как бы напоминая им об их северном происхождении.

Храбрые и грубые люди с Севера проникали и в сердце Германии. Сжигая города на Рейне, они неоднократно плавали вверх по Рейну, насколько могли пройти их маленькие корабли - во время этих путешествий они даже увидели высокогорную ледниковую и альпийскую страну, Швейцарию, и, поскольку она показалась им похожей на их родину, предводители одного из набегов решили обосноваться там. Они выбрали так называемую "долину Обер-Хасли", некоторые боковые долины Бернского Оберланда и районы Люцернского озера. Там и по сей день живет особенно красивое и благородное нордическое племя, которое, как я уже отмечал при обсуждении швейцарцев, до сих пор хранит легенду о своем происхождении от норманнов. Лучший шведский историк Гейер верит в эту сагу. Название кантона Швайц и всей страны Швейцария ("Schweiz") также произошло от названия "Швеция" ("Suita"). С этим норманнским вторжением в альпийские долины связывают тот факт, что легенда о Вильгельме Телле рассказывается и в Скандинавии, с той же дробью яблок, с той же стрелой, предназначенной для тирана, что и в Швейцарии. Изначально этот мифический Вильгельм Телль (которого там называли "Пальнатоке") должен был находиться в горах между Швецией и Норвегией.

О том, что в Альпах, в Вале, который находится так близко к долине Хасли, также обнаружены самые северные следы присутствия сарацин или арабов с юга, уже говорилось выше, и таким образом эти широко разбросанные современники, норманны и арабы, встретились друг с другом во внутреннем ядре Центральных гор, откуда берут начало наши реки, точно так же, как и на Средиземном море.

Однако самые странные начинания норманнов на северо-западе Европы в это время касались отдаленного острова Туле, большого ледяного острова Исландия, изрезанного вулканами, где они создали, так сказать, совершенно новую страну и народ, основали и населили замечательнейшую республику, граждане которой превосходили всех скандинавов X ^{века} героизмом, поэзией и развитием. - Хотя это некогда независимое скандинавское свободное государство на территории Исландии впоследствии подчинилось норвежским, а затем датским королям и под их владычеством превратилось в ничтожество, тем не менее, в языке, сагах, песнях и в старинных письменах этих самых далеких европейских стран лучше, чем где-либо, сохранились древнейшие традиции, благороднейшие языковые сокровища и исторические святыни скандинавских народов; Только в более поздние времена они были извлечены из-под пыли, так сказать, из-под снега и льда⁴, чтобы прояснить многие неясные моменты в истории всего германского племени. - Исландцы, не испытавшие всех позднейших потрясений и перемен скандинавов, и сегодня говорят на первобытном скандинавском языке в его чистом виде, легко понимают старый, твердый, грубый лапидарный шрифт⁵ Эдды (т.е. матери племени) и, сидя в дыму и полумраке своих деревянных хижин, с величайшим усердием читают в ней героические деяния своих предков.

Из Исландии норманны добрались и до Гренландии и даже прославились тем, что задолго до Колумбанего⁶ открыли новый материк Америку и вступили на .

Время, когда развернулась эта картина огромного влияния скандинавских норманнов, мы можем определить в круглых цифрах - около 1000 года нашей эры.

К тому времени они заплели в свои сети весь наш континент и были, так сказать, вездесущи, как и их стихия - океан, заглядывающий повсюду - они пересекли Европу от тундры⁷

самоедов до Гибралтарского пролива, оттуда на восток до Святой земли и Понта Эвксинского, а оттуда, как уже говорилось, через широкую Россию обратно на свою нордическую родину. -Как правители они были повсюду на оконечности континента, у Северного мыса и на южной оконечности Италии, и, кроме того, держали в своем владении многие острова и пункты Британии и Галлии; -если не повсеместно, как *землевладельцы*, они могли свободно входить во все порты континента, как *морские владыки*, и на всех пунктах побережья, как ужас населения, беспрепятственно ставить свою ногу.

Если бы они не были *membra disjecta*⁸ гиганта, если бы объединяющий организм, единая государственная воля управляла ими всеми, они, вероятно, как когда-то римляне, стали бы в конце концов опасны для независимости Европы. Но постепенно сила и масса народа малонаселенной родины уменьшались. Когда другие государства и народы - отчасти даже с *помощью* этих скандинавских эмигрантов, отдавших свою родину и свой свежий дух, - снова уступили; когда условия изменились и в Скандинавии; когда христианство победоносно вторглось туда, могущественные монархии - сначала в Дании, которая во всех отношениях опередила остальной Север в истории цивилизации, затем в Норвегии, а также в Швеции - утвердились и связали воедино дикарские цели вождей или морских королей; тогда многочисленные колодцы и кратеры бесчисленных извержений и крестовых походов на юг были перекрыты. Грабительские и завоевательные походы прекратились - как улитка, Скандинавия отступила в свой дом. И никогда больше скандинавские народы не переживали *столь* великого периода славы и влияния.

Река несколько раз выходила из берегов, но эти наводнения были ограничены меньшей территорией. После периода Викингера мы чаще всего встречаем скандинавов по другую сторону Балтийского моря, на пути, который они проделали с древнейших времен на Восток, где их предки основали великую Русь. -Продолжая национальные войны с финскими племенами, в XII ^{веке} шведы завоевали и заселили весь большой полуостров Финляндия, который они заполнили скандинавскими поселенцами и контролировали как неотъемлемую часть своей империи в течение почти 600 лет. -Лишь в начале века они уступили эту большую провинцию России, но и по сей день там действуют шведские законы, язык и обычаи. Побережье нынешней российской Финляндии усеяно шведскими городами и шведским населением, а внутренняя часть, хотя и завоеванная шведами для лютеранской церкви, по-прежнему населена финнами.

Другие, ныне российские, провинции Балтийского моря также находились под властью скандинавов, как это, вероятно, *часто случалось* в древности, а также в более поздние века на более или менее длительные сроки; Эстляндией сначала владели датчане в 13 веке, затем шведы в 16 и 17 веках до Петра Великого; Лифляндией (но не так долго¹ в 17 веке также владели шведы. Да, в начале ^{xviii} века на мгновение показалось, что второй Рюрик, характером очень похожий на старых Викингов и Варягов, авантюрный и героический Карл XII, проникший вглубь России по старым путям норманнов, готовится основать там новую Норманскую империю. В родословных немецкого дворянства российских губерний Балтийского моря с тех пор зафиксировано множество семей со шведскими фамилиями и происхождением. Вдоль побережья Эстланда, как и вдоль берегов Англии, есть несколько небольших островов, где и сегодня живут шведские рыбаки и фермеры, соблюдающие шведские обычаи и говорящие на шведском языке, под русскими грузчиками.

От Ольденбурга, на восток, через Померанию до Курляндии, нет ни одного северного немецкого города или провинции, которые не находились бы под властью датчан или шведов, и которые они не занимали бы временно с ^{xii}века. -Там же поляки были наследственными врагами шведов, с которыми они часто скрещивали мечи, в чьи земли

часто заходили их армии, и с которыми они однажды, на короткое время, объединились под властью одного короля в конце ^{XVI} века.

Однако самым важным здесь, на Юге, было переплетение их дел с делами их старых германских братьев. Из всех контактов с иностранцами ни один не был для скандинавов более влиятельным, чем немецкий.

Из Германии они получили сначала старое католическое, а затем реформированное христианство. Через Германию они были втянуты в транспортный круг Юга через Ганзейский союз, который уже в XIV и ^{XV} веках заполнил всю Скандинавию колониями и торговыми пунктами, и их старые пираты постепенно превратились в мирных, благословенных купцов.

Кроме того, они часто были обязаны своими королями немецким семьям; только шведы - пять или шесть раз. Многие знатные семьи были привезены к ним из Германии, и всегда, вплоть до недавнего времени, они получали оттуда больше горожан, ремесленников и поселенцев, чем из любой другой страны на континенте. Немногочисленные города Скандинавии, бедной городами, были построены с немецкой помощью. В результате всего этого мораль, развитие, литература и разговорный язык немцев всегда имели на всем Севере больший престиж и влияние, чем у любого другого народа.

История поэзии и литературы шведов, норвежцев и датчан почти полностью совпадает по темпам, периодам и делениям с историей немцев и объединяет их, как история развития португальцев с историей развития испанцев или шотландцев с историей развития англичан. С немцами они еще дремали в 14 и 15 веках, когда музы римлян уже давно пробудились. У немцев их дух проснулся во время церковной реформы. *Как и у немцев*, у северных немцев современные письменные и литературные языки возникли в результате церковного движения, после перевода Библии. Как и немцы, в ^{XVI} и ^{XVII} веках они поначалу пели только религиозные песни и псалмы. Одновременно с немцами, примерно в конце ^{XVIII} века, их Парнас оживился и расцвел талантами и цветами иного рода. Их национальные и любимые поэты, датчане Эвальд, Баггесен, Оэленшлегер, шведы Беллманн, Тегнер и Гейер, были современниками и отчасти друзьями немецких Шиллера и Гете. Нечто подобное можно сказать о Торвальдсене и Быстрёме, Линнее и Берцелиусе в отношении немецких деятелей искусства и науки.

С незапамятных времен влияние скандинавов на немцев было не столь значительным. Лишь однажды в более поздние времена они вновь решительно вмешались в историю немцев, в печальные периоды Тридцатилетней войны, когда их благородный король Густаф Адольф (которого Наполеон даже ставил в один ряд с Ганнибалом, Цезарем и Александром Македонским, спас северную Германию от господства Габсбургов и почти уже победившего католицизма) и когда шведские солдаты, шведская национальная одежда и обычаи стали в Германии таким же обычным явлением, каким за столетие до этого были испанские солдаты. Но даже эта так называемая шведская эпоха в Германии оставила лишь несколько следов в развитии и языке народа, которые можно отметить и сейчас.

После того как шведы покинули свои последние владения к югу от Балтийского моря, остров Рюген и часть Померании, в начале этого столетия, от них не осталось ни поселенцев, ни потомков, ни языка, но, возможно, кое-что в обычаях региона и в пословичном страхе перед именем шведа, с которым до сих пор укладывают спать детей в Померании. Скандинавы и немцы повсюду здесь четко и резко отделились друг от друга и отошли к своим естественным границам по эту и по ту сторону моря.

Это касается и точек соприкосновения скандинавов с иноземными народами, их колоний, государственных образований и притоков, и их следов, следов и останков за пределами родины. Если теперь рассматривать их на самой родине, то можно начать с того, что вся Скандинавия, главным образом в результате географических и исторических отношений, разделена на три большие основные страны и группы народов - шведов, норвежцев и датчан.

Как и отделенный от остального мира морем и северным расположением, Скандинавский полуостров по всей длине разделен на две части большим горным хребтом - Восточную Швецию и Западную Норвегию.

Швеция гораздо более гористая, высокая, лесистая, чем равнинная Дания, но по сравнению с Норвегией она кажется страной низких холмов и каменных плато, расположенных перед великими норвежскими горными хребтами.

Если Норвегия и ее берега обращены к западному океану, то Швеция - к внутреннему бассейну Балтийского моря, и это оказало решающее влияние на характер обеих больших половин полуострова и на судьбу их жителей. Одна половина, норвежская, повсюду открыта туманам, облакам и умеренным ветрам мирового моря, которые опускаются на ее горы и дают ей мягкую, дождливую зиму и влажное лето, островной климат; другая половина, шведская, напротив, принимает с расprostертыми объятиями все влияния с Востока, больше солнца, больше яркости, очень холодные и суровые зимы и короткое, жаркое лето. Норвегия - одна из крупнейших в Европе стран, где идут дожди; на Швецию же выпадает лишь четверть норвежских осадков.

Легко понять, что, хотя эти два региона, столь разительно отличающиеся друг от друга, с самого начала были *заселены* двумя разными племенами, в конечном итоге между ними *установилась* большая разница в характере и национальности. Именно от них произошло большинство трансокеанских скандинавских колоний в Исландии, Великобритании и т. д. Шведы же всегда были погружены в широкий, близкий Восток. Именно от *них* произошли *варяги*, проникшие в Константинополь и давшие России ее название. Колонизация большой Финляндии - дело их рук.

Среди скандинавских народов датчанам в этом отношении можно отвести среднее и двойное место. Обосновавшись на стыке Балтийского моря и океана, они участвовали в обоих направлениях деятельности своих племен. Вместе с норвежцами они плавали на запад в океан и стали там такими же могущественными, как и те, а на востоке их походы часто совпадали с походом шведов, иногда доходя до России, Польши и Германии.

То, что шведы в результате описанных обстоятельств должны были слиться в единое целое, связанное расположением и состоянием их страны, и отделиться от норвежцев и датчан, вполне естественно. - Но из дальнейшего деления страны столь же естественно вытекает дальнейшее деление народа. - На юге шведский материк отделяется от своей привязанности к Норвегии. Она на юг в широкую вершину суши, которая одновременно имеет балтийское побережье и частично ограничена океаном - эта южная половина Швеции отделена от северной части страны рядом крупных морских бассейнов и, наконец, обширным пространством ранее непроходимых, а в более поздние времена поредевших лесов.

Это разделение страны на две части с древнейших времен обусловило и разделение на две части шведского народа, которое и сегодня имеет большую или меньшую ценность с этнологической точки зрения.

В южной части страны жили так называемые готы или гутены, у которых долгое время было свое королевство "Готланд" или "Гётарике"; в северной части лесного и озерного края, напротив, шведы отличались от них по имени, нравам и диалекту. Колыбель и первоначальная родина последних находится в равнинной и плодородной местности вокруг большого фьорда, называемого озером Мелер.

Здесь образовалось древнее королевство и народ "Суитиод" или "Свирик", собственно Швеция, которая, однако, постепенно распространилась и объединила южные земли и народ готов, отчасти путем насилия и кровопролитных войн. Широко известная битва при Бравале, произошедшая на границе между землями шведов и готов, может рассматриваться как одна из таких битв между южными и северными скандинавами. Вражда и разногласия между шведами и готами были такими же, как между Северной и Южной Германией, и обычно речь шла о том, кто - "готы" или "шведы" - даст вождя всей империи.

Только в более поздние времена датчане отказались от своего крайнего и последнего владения на Скандинавском материке, в старой стране, откуда они происходили, - Шоненской земле. И только с тех пор, после заключения Роскильдерского мира в 1658 году, шведское название охватывает всю сопредельную и естественно ограниченную страну к востоку от Норвежского хребта. Несмотря на это, до сих пор существует различие между южными шведами по эту сторону великого леса и озер - готами - и собственно шведами на севере, в племенной стране у озера Мелер. И даже сейчас они делят шведский язык на два основных диалекта - готский и шведский, южный и северный.

Старая и новая королевские резиденции Швеции, Сигтуна (город Одинов), Упсала, Стокгольм, расположены вокруг озера Мелер. Там и сегодня находится сердце народа, как и сердце датского народа вокруг Копенгагена. Там находятся штаб-квартиры шведской знати. Недалеко от него находится старый Иджерленд, родина храбрых далекаров, из долин которого в более поздние времена Густаф Васа, второй Сигурд Ринг, освободил старую Северную Швецию от господства датчан и основал современную Швецию. Там же, у озера Мелер, говорят на диалекте, который возвысился до основного языка народа и литературы в Швеции.

Понятно, что, кроме двух основных частей шведской нации, о которых говорилось выше (готы и собственно шведы), существует множество других местных разновидностей племени и его языка. Только в готской части, например, существует полдюжины более или менее распространенных диалектов.

Однако если оставить в стороне эти тонкие оттенки и рассмотреть колорит всего народа в целом, то в шведском национальном характере и типе мы увидим много черт, общих для всех племен большой германской семьи, но, с другой стороны, есть и много особенностей, которые сильно отличают его от других родственников.

Шведов роднит с германскими народами жажда странствий, наполняющая их грудь, которую шведские поэты воспевают не меньше, чем немцы, а также глубокая и горячая любовь к природе, породившая в них, как и в других германских народах, ряд выдающихся

натуралистов.- Как и природа и дух германских народов, шведы очень легко поддаются лепке и быстро соображают. Они усваивают чужие манеры, нравы, язык и обычаи так же легко, как немцы, и делают их своими еще легче, чем те.- Как и многие другие германские народы, они тоже всегда имели большую склонность к тому, что относится к миру видений и духов, и Сведенборг и его единомышленники нашли среди шведов столько же последователей, сколько среди немцев Стиллинг, прорицатель Преворст и др. Как и у других германских народов, в основе этой склонности лежит большая набожность, глубоко серьезная религиозность, в том числе и у старых шведов-лютеран.

С другой стороны, бросаются в глаза и многие другие особенности шведов, которые, казалось бы, противоречат серьезному основному характеру немцев. "Помимо германской серьезности в вопросах религии, шведу присущи некоторая взбалмошность и большая склонность к помпезности, своего рода жажда показухи и блеска, что отличает его не только от немца, но и от северянина и датчанина. Он особое пристрастие к внешним формам, к церемониалу и любит выставлять их напоказ. В *этом отношении* шведов можно назвать северными *испанцами*". Стремление к прекрасному проявляется даже в их языке, который является самым звучным и музыкальным среди всех германских языков, как итальянский - среди римских, а также в том, что эстетическое развитие всегда стояло в Швеции выше, чем научные исследования и деятельность. "Они больше гениальные художники и поэты, чем прилежные ученые. И опять же в их поэзии, помимо спокойного и вдумчивого характера и богатства мысли, которые у них общие с немцами, они демонстрируют в то же время нечто игривое, нечто призрачное, блеск и сияние, проявляющиеся повсюду, которые можно было бы счесть южными, если бы это не был именно тот огонь, который пылает на самом севере".

В большей степени и с большей охотой и ловкостью, чем дворянство любой другой германской страны, шведы переняли гладкий язык и гибкие манеры французов, и этому обстоятельству - близости и привязанности шведских солдат к генералу Бернадотту - шведы обязаны, помимо прочего, и тем, что в новое время на их суверенном троне оказалась династия французского происхождения.

Особенно поражает склонность нации к блеску и звуку, которая проявляется и в шведских фамилиях.- "Все мелодичное и блестящее в металлах, звездах, цветах, птицах, - говорит Арндт, - все рыцарское и славное в человеческих делах, кажется, разграбило рыцарский дом храброй и воинственной шведской знати", чтобы найти имена для своих лордов фон Гюльденштерна и Зильберспарре, баронов фон Гольдгранат, фон Штернен или Лилиенкроне, графов фон Розенцвейг или Лорберкранц, фон Адлерсклауе и Лёвенхельм. Второго такого странного появления не найти в золотых дворянских книгах ни одной страны Европы.

Возможно, с этим связаны и другие противоречия в шведском национальном характере. Например, авантюрный, свирепый, нелепый, грубый образ действий, который был характерен для всех шведских королей и великих людей; характеристика, которая, кажется, мало гармонирует с германской задумчивостью, приписываемой шведам.-Едва ли найдется в Европе другая страна, где за последние столетия - не говоря уже о более ранних авантюрных временах - происходили средневековые истории, жестокие политические перевороты, свержения с престола, как в Швеции, которая в этом отношении предстает перед нами как вторая Высокая Шотландия.

Подобно трудолюбивым мужчинам, подобно героическим женщинам, которыми так богата шведская история, события в этой стране всегда носили неистовый, взрывной и трагический характер, что также связано с резкими различиями между классами, ревностным стремлением к великолепию и отличию, а также с их аристократическим вмешательством.

Разительный контраст почти во всех этих отношениях образует швед, гордящийся некоторым сходством расы, языка и крови, со своим норвежским братом. В длинных и узких долинах этих великих скал и ледников, где пахотные земли представлены лишь скудно, не было места для крупных землевладений, для знатных помещиков с обширными территориями, как в Швеции. В природе этой северной альпийской страны демократический принцип пустил глубокие корни. Только до тех пор, пока они грабили остальной мир как пираты и тащили добычу в свои скалистые порты, норвежцы могли сохранять в своих землях коренные придворные должности, морских королей, аристократов, рыцарей. Но когда плавание Викингера, постоянные морские войны прекратились, дворянство постепенно вымерло, причем нельзя точно сказать, как и когда. Норвежцы снова стали простым и свободным крестьянским, рыбацким и баржевым народом, каким они *всегда* были и остались по сути.

То, что говорил Тацит о природе германского способа расселения здесь или там, по-прежнему относится к норвежцам. Они живут разбросанными по всей протяженной стране у рек, фьордов и на склонах гор на отдельных фермах, в так называемых "гардах". Едва ли у них есть деревни. Отделенные от остального мира, еще менее потревоженные чужеземными влияниями, чем шведы в своем спокойствии с незапамятных времен, они воспроизводят свой старый образ жизни еще более неизменным, чем сейчас. Эта замкнутая жизнь сохранила германское племя в редкой чистоте. В каждой из глубоко врезанных долин одна деревушка следует за другой на большом расстоянии. Каждая долина образует отдельный район и имеет лишь незначительную связь с соседними районами. Часто разделяющие их горные хребты пустынные и необитаемы.

Жители соседних долин, каждый из которых имеет достаточно средств к существованию, сильно различаются между собой по нравам, обычаям и языку, и это различие зачастую не менее резко и разительно, чем различие шведов, датчан и норвежцев между собой.

Норвежского языка, который можно было бы поставить в один ряд со шведским или датским, пока не существует. Как и в Швейцарии, в *Германии*, в этой части *Скандинавии* существуют только патуа и диалекты, некоторые из которых, однако, очень точно сохранили древние особенности исконного скандинавского языка. Как в Швейцарии язык Лютера, так в Норвегии язык датчан стал разговорным языком цивилизованного класса, а также языком письменности и литературы. Гораздо более трудолюбивые в интеллектуальном отношении датчане, получившие все, что повлияло на цивилизацию, с юга, из первых рук, стоявшие во главе большинства научных движений Севера и долгое время господствовавшие в Норвегии, во многих отношениях облагородили высшие слои народа. В отношении литературы, искусства, образования и поэзии Норвегия и в настоящее время является провинцией Дании; однако, получив независимость от датчан в политическом отношении, норвежцы сделали все возможное, чтобы придать датскому литературному языку своеобразный и независимый тон, усилить его из источников туземных диалектов и сформировать свою норвежскую национальную поэзию и риторику.

В качестве классических писателей XIV века упоминаются Лодевейк в. Велтем, Ян Боендейл.

К 15 и 16 векам относятся Эразм, Агрикола, Ханна Бинс, Коорнхерт, Марникс ван Сент-Альдегонд, Рёмер Вишер, Шпигель.

Как поэты заявили о себе в XVII веке: Хоофт, Мария Тессельшаде Вишер, Гюйгенс, Кошки, Гуго де Гроот, Камфюзен, В. Хеемскерк, Гийсберт Япикс, Иеремиас де Декер, Йоост ван ден Вондел. В этом веке также известны прозаики: Хоофт, Брандт, В. Хеемскерк, Хуго де Гроот.

Поэтами третьего периода (1700-1795 гг.) были Ротганс, Пут, Лангендийк, Хугвлиет, Смитс, Виллем и Онно Цвиер из Харена, Винтер и Лукреция ван Меркен, Альфен, Беллами, Ньеуланд, а прозаики этого периода, такие как В. Лун, Вагенаар, Стайл, Юстус В. Эффен, Элизабет Вольф, Агата Декен, Фокке Симонс, Ламберт тен Кейт и Бальтасар Хейдекупер, сделали себе имя.

Четвертая эпоха также не бедна поэтами и прозаиками: поэты, такие как Ринвис Фейт, Билдердейк, Хельмерс, Кинкер, В. Холл, Спандау, Толленс, да Коста, Боргер, Старинг, В. Леннеп, Битс, Богаерс, тер Хаар, де Дженестет, тен Кейт, де Буль, детские поэты Гувернер и Хейе; а прозаики, такие как В.д. Пальм, Боргер, Бильдердаик, Босша, Лоосьес, д. Леннеп, Олманс, г-жа Босбум-Туссен, Битс, Хазебрук, Кнеппельхаут и другие, перестали быть достойными славы патриотической литературы. VERT.

31 Странно, что здесь не вспомнили о Вонделе, чей "Люцифер", как утверждается, дал начало Мильтону, его всемирно известному "Потерянному раю". VERT.

32 Множество примеров из истории нашей страны полностью опровергают это утверждение автора. VERT.

33 "Convenience" не так часто встречается в устах голландцев, как англичан их "comfort, comfortable". Кажется, что здесь зарисовываются прежние нравы и обычаи. Пожилым людям очень хочется, чтобы радужие и домашний уют оставались такими же, как в их молодости, а тогда и еще раньше люди жаловались, что помпезность и дорогие развлечения вытеснили прежний простой уют. VERT.

34 Хотелось бы, чтобы это можно было сказать в целом, но, скорее, каждый класс, вплоть до самого низкого, стремится в доме, мебели и одежде придать себе величественный вид и превзойти, а то и превзойти высшие классы. Мораль басни Лафонтена "Вол и лягушка" применима и в Нидерландах. VERT.

Швейцарцы.

От голландцев я перехожу к швейцарскому альпийскому народу, от волн на морском берегу до гор и их высоченных вершин. На первый взгляд, это огромный скачок, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он не такой уж и большой. Ведь, как ни странно, не только политические условия, но и нравы людей в высоких Альпах и на низких болотах во многом настолько схожи, что возникает желание поверить в тайное родство выбора между двумя странами и народами.

Швейцария

Географически они уже связаны Рейном, который берет начало у швейцарцев и впадает в море у голландцев. Истоки и устья этой великой реки всегда были ареной замечательных смешений и войн между кельтско-романской и германской расами, так что в Нидерландах, как и в Швейцарии, почти во все времена истории мы видим части обоих великих племен, объединенных в одно национальное или политическое образование.

Многочисленные широкие устья и морские заливы, разделяющие Нидерланды на множество островов и частей, оказали на них такое же влияние, как в Швейцарии горы и хребты, которые также делят высокую страну на части, и в обеих странах многогранная жизнь и деятельность маленьких свободных государств развивалась рядом, вместе и друг против друга. - Болота и затопления в низинах помогали защищать свободу жителей так же, как недоступные ледяные поля и неприступные горные вершины в высокогорье, и порождали столь же сильное стремление к независимости у голландских рыбаков, как и у бедных пастухов в Альпах. Природные условия земли, борьба со стихией, там с морем, здесь с проблемами, связанными со снежными полями и ледниками, также породили в обеих странах упорное и смелое поколение, и в то же время у обоих народов изначальная бедность земли пробудила предпринимательский дух жителей. - Швейцарцы, расположившиеся на границах и горных перевалах между Севером и Югом, в местах выхода крупных рек, стали такими же усердными посредниками на материке, как голландцы на море. Они также перенесли в свои горные долины, как и в свои дюны и болота, несколько отраслей промышленности, сделав их процветающими и важными для истории развития.

В республиканских обычаях, в религиозном смысле, в церковных делах обоих народов мы часто находим (иногда вплоть до мельчайших деталей) удивительное сходство. Оба столь далеких друг от друга народа, голландцы и швейцарцы, когда-то были одинаково связаны с Германской империей, так же как когда-то, опять же одинаково, от нее отделились.

Что касается первых жителей Швейцарии, то в последние годы были сделаны весьма примечательные открытия и исследования: во время очень засушливого лета, когда швейцарские озера отступили далеко в свои обычные берега, по их краям были найдены древние сваи, стоящие в воде, а рядом с ними - затопленные на дне озер инструменты, орудия труда, оружие, домашняя утварь, рыбацкие лодки самых грубых и своеобразных форм. Вероятно, люди, жившие и рыбачившие в то время на берегах прекрасных швейцарских озер, были родственны и одного времени с первобытными расами, следы которых были обнаружены в Дании, Франции и Англии в последнее время и о которых многие подозревают, что это были финские племена, некогда (возможно, за несколько тысяч лет до Рождества Христова) населявшие всю Северную и Центральную Европу, состоявшую еще из болот и лесов.

Когда за Альпами появились римляне (пролившие первый свет на историю Северной Европы), эта страна, как и Галлия и другие соседние страны, была населена "кельтами", которые, вероятно, проникли в страну, завоевав ее с востока вдоль Дуная через Боденское озеро, уничтожив древних, похожих на самоедов коренных жителей, и которые в Швейцарии носили имя "*гельветиков*". Любопытно, что уже римляне нашли этот древний кельтский народ *гельветов* в тех же границах, в которых сейчас находится Швейцарская Конфедерация, а именно между Женевским озером на западе, Боденским озером на востоке, Юрой на севере и Альпами на юге. В результате эти границы можно считать *естественными*, а Швейцарию можно определить как большую, красивую, 40-мильную в длину и 12-мильную в ширину долину, которая с севера окружена Юрой и Шварцвальдом, с юга - Альпами в качестве пограничной стены, а с запада - двумя вышеупомянутыми озерами.

Эта долина, увлажняемая Рейном и его рукавами, которую можно назвать бассейном Верхнего Рейна, составляет основную часть родины *гельветов* или швейцарцев. Однако они не всегда рассматривали этот основной массив как этнографическую или политическую единицу, а иногда присоединяли к нему эту, а иногда и многочисленные соседние долины в

качестве членов или частей. Римляне, при Цезаре и после него, завоевали эту великую долину, основали там колонии и города, как и в других кельтских странах, ввели свой язык и романизировали всю Гельвецию. Однако когда их власть рухнула, верхнегерманские алеманны (суэвены или швабы) вторглись в Гельвецию, как нижнегерманские франки в голландскую Бельгию, вытеснили романизированных кельтов и заменили их германским населением до конца времен. Однако им не удалось провести германизацию Гельвеции во всех ее долинах. Как и в Нидерландах, часть романо-кельтского племени осталась. Даже в германизированной восточной половине Швейцарии многие места и регионы до сих пор носят романо-кельтские названия, лишь слегка измененные на германские, например, города Цюрих (Thuricum), Констанц (Constantia), Брегенц (Brigantium), Золотурн (Solodurum), Базель (Basilea) и другие.

Когда после бурных миграционных потоков образовались великие германские империи, Гельвеция оказалась разорванной на части. Большая восточная половина, вплоть до линии, проходящей от озера Нойфхатель до Женевского озера, с V века почти всегда оставалась частью великого герцогства Алеманния или Швабия и вместе с ним попала под власть франкских королей, а затем германских императоров. Благодаря этому длительному политическому союзу со "страной Швабией" восточные швейцарцы сохранили свой немецкий язык и алеманнскую национальность. Меньшая западная половина Гельвеции, напротив, отошла к большой Бургундской империи, которая повсеместно находилась на римской земле и в которую попавшие в страну немецкие бургунды очень скоро были вновь романизованы. Долгое время часть этой империи называлась "Малая Бургундия", которая некоторое время находилась под властью германских императоров, но всегда проявляла себя как романская страна по языку и населению. В результате западные швейцарцы, как и другие бургундцы, продолжали придерживаться этой национальности, трансформируя свой романский язык и обычаи, в связи с чем, пройдя через несколько этапов, превратились в новофранцузский.

Рассматривая эти события в целом, можно сделать вывод об этнографических явлениях и разнообразии в Швейцарии, хотя в некоторых частях многое остается странным и необъяснимым, как, например Как и почему великое немецкое переселение проникло в одну долину, а не в другую, как и почему германизация часто оставалась в середине равнины и там, без всякой естественной причины, делала резкое разделение с цыганским элементом, да, даже делила с ними местами одни и те же долины, а иногда продвигалась спорадически и изолированно, например, в некоторых долинах Монте-Розы. Одной из наиболее примечательных из этих деталей, безусловно, является шестисотлетнее сосуществование французского и немецкого элементов в стенах одного и того же города (Фрайбурга), не создавая этнографического целого. Даже сегодня в верхней части города, на скалах, говорят на романском языке, а в долинной половине, у реки, - на немецком, причем не все жители понимают оба языка.

После гибели древней Гельвеции на протяжении всего Средневековья и вплоть до XIV века нет никаких упоминаний о собственно швейцарском народе, швейцарской *нации*. Женева, Ваадланд и половина Вале находились в зависимости от Савойи; Тессин принадлежал Миланскому герцогству; Граубундерланд или Реция имели свою историю развития. Повсюду можно было встретить мелкие династии и князей, а рядом с ними, как и во всей Германской империи, процветали свободные города и епископства, между которыми не было никакого политического союза, кроме очень слабого, вошедшего в Германский рейх. Только в XI и XII веках можно признать определенное единство Швейцарии, когда герцоги Церингенские

правили, по крайней мере, в значительной части страны, как наследственные штатхольдеры германского императора.

Только в начале ^{xiv}века были заложены основы этого государственного устройства, которое до и после объединяло все части старой Гельвеции в единое целое, и тогда впервые упоминается название изначально очень маленького региона, которое постепенно все граждане этого государства приняли в качестве своего национального имени. -Старая легенда гласит, что название возникло в Швеции, от группы норвежских авантюристов, которые в раннем Средневековье плыли вверх по Рейну, поселились в районе Люцернского озера и назвали один из регионов "Суития" или "Швиц". Швиц был самым крупным из трех немецких кантонов, которые выступили против деспотичных правителей императора Альбрехта и были связаны между собой клятвой.

Сначала они называли себя только "клятвопреступниками", а после присоединения Люцерна - еще и "союзом четырех лесных городов". Швайц долгое время оставался душой этого союза и, как следствие, дал ему свои цвета, белый и красный, и свое название, которое, однако, только с ^{xvi}века стало общим для всех клятвопреступников.

В почти 200-летней войне против Австрии, которая для свободного швейцарского горного народа столь же богата славными делами и победами, как 80-летняя война голландцев против Испании, они сохранили свою независимость, приобрели славу и могущество, а также множество союзников среди ландшафтов и городов, окружающих их высокие горы.

После каждой великой битвы и победы их союзники росли. С самой первой победы, при [Моргартене1](#), в начале ^{xiv}века, к нему присоединились города Люцерн, Цюрих, Берн и Гларус, увеличив таким образом число "Ортенов" (или кантонов) до 8, названных впоследствии восемью "старыми Ортенами". После ряда спартанских сражений при Земпахе, Няфельсе и [Санкт-Якобе2](#) в конце ^{xiv}- начале XV века, в которых они сохранили свою независимость от австрийцев и французов, их территория снова расширилась - за счет Аргау и Тургау. -Когда могущественный герцог Бургундии Карл Смелый, желавший создать великую монархию посреди Германии и Франции, через всю Западную Рейнскую область, и объединить швейцарцев с голландцами под своей чертой, в героических сражениях при Грандоне, Муртене и [Нанси3](#), затем клятвопреступники присоединили Фрайбург и Золотурн, а после того, как им снова, в ряде кровавых побед, удалось выстоять против императора Максимилиана, были [присоединены](#)[Шафхаузен4](#) Базель, Аппенцель и . Кроме того, к клятвопреступникам присоединились так называемые "Грауэ Бюндте", жители рейнских долин.

С этого момента, то есть с конца ^{xv}века, между Юрой и Альпами впервые после гибели старой Гельвеции появился если не единый швейцарский народ, то, по крайней мере, зачатки единого, независимого государства, которое отделилось от Германской империи и проявило себя как политически все более значимая европейская держава.

Призыв к их храбрости заставил всех князей жаждать помощи закаленных сынов Альпийской страны, набравшихся опыта в бесчисленных сражениях. Поскольку их родина была бедна, такие войска было легко получить за деньги. При распределении богатой бургундской добычи они узнали, как мечом и початком завоевать сокровища за пределами своих гор. С этого времени начинается пресловутый "рейслауфен" швейцарцев, призыв на службу иностранным державам героев и бойцов, который в течение двух-трех столетий развел по миру больше альпийских сыновей и сделал их коренными жителями то там, то здесь, чем любой другой мотив. В этом отношении швейцарцы составляют резкий контраст с голландцами, с которыми у них так много общего в других отношениях. Ведь они, как уже

было отмечено, в то самое время, когда швейцарцы, движимые *воинственностью*, совершали свои набеги в Европу, только благодаря *мирному* искусству, стали жить как горожане и земледельцы в нескольких странах. -Везде, где собирались *лодки* (делегаты) присягнувших, появлялись поздравительные посланцы с мешками, полными белых талеров, чтобы искать союзников и солдат для императора Германии, или для короля Франции, для папы римского, или для князей Венгрии, для города-империи Нюрнбурга или для любого государства мира, если только они смогут заплатить. Крестьянин оставлял плуг, художник - мастерскую и поступал на иностранную военную службу, где всегда можно было надеяться на деньги и добычу. Свободные швейцарские "*Rusticorum mascula militum proles*", мужская поросль крестьянских солдат, подобно турецким албанцам наших дней, служили тому государю, который хотел им платить. *За деньги* они сражались в самых кровопролитных битвах, за деньги отвоевывали у французов прекрасную долину реки По для герцога Миланского, пока тот платил, а когда переставал платить, отвоевывали ту же долину реки По у герцога Миланского в пользу французов.

Поскольку две противоборствующие стороны иногда обзаводились швейцарскими союзниками, они нередко сталкивались со своими братьями на поле боя. Поскольку этими непобедимыми горными войсками двигали жадность и жажда добычи, поскольку они служили деспотам и тиранам, если те могли заплатить, не что иное, как эта иностранная военная служба, ставшая результатом их славных войн за свободу, сделала швейцарцев нелюбимыми другими народами. Поговорка "*point d'argent, point de Suisse*" (нет денег - нет швейцарцев) с тех пор передается на всех языках. Жадность и алчность к деньгам - качества, в которых швейцарцев обвиняли еще не раз. Определенная черствость в их образе жизни и поведении также может иметь свои истоки. Отчасти, однако, эта жесткость и их чрезвычайно грубый и резкий язык объясняются горной природой их суровой страны. Думаю, это отражается даже на стиле швейцарских писателей. Я лишь напомним читателю о тацитском стиле великого швейцарского историка Й. В. Мюллера. Нечто подобное есть и у швейцарца Цшокке в его истории Гельвеции, и кажется, что в каждом швейцарском ораторе и писателе можно обнаружить немного, хотя и не всегда классический тацитский стиль, отсутствие плавности и рыхлости, что-то скалистое и лавинообразное. Иностранная военная служба была раковой опухолью, которая различными способами запятнала капитал национального характера швейцарцев и на некоторое время подорвала их государственное управление, как когда-то это сделали преторианцы в Риме. Только в наше время, после долгих усилий и многочисленных запретов, законодателям удалось отменить этот дурной национальный обычай и скрыть его истоки.

Несмотря на отделение швейцарцев от немцев в начале ^{xiv}века, суть и дух народа фактически остались немецкими. Именно немецкие швейцарцы из так называемых "уркантонов" впервые основали Клятвенное общество, которые были ответственны за расширение территории, а также за последующую церковную реформу и другие движения, которые придали швейцарскому народу его истинный характер. За исключением старых ретийских римлян в Граубюндерланде и в окрестностях Женевы, почти все негерманские территории и народы вошли в конфедерацию благодаря усилиям и завоеваниям немецких швейцарцев. Так было с французским Вале благодаря начинаниям немцев в *Верхнем Валлисе*; так было с французским Ваадландом благодаря воинственным Бернерам, которые отняли его у герцогов Савойских; так было с итальянским Тессином благодаря храбрым немецким пастухам из кантонов Ур, которые отвоевали его у Милана; так было и с другими итальянскими территориями благодаря немецким членам конфедерации Дома Бога и Серой конфедерации.

Этими иностранными подданными немецкие швейцарцы, их господа, управляли на протяжении веков столь же деспотично, как ранее ими самими управляли штадлеры австрийских князей. Кроме того, в муниципальном устройстве самих немецких швейцарцев до недавнего времени было столько неравенства в юрисдикции, столько угнетенных подданных, столько привилегированных господ и горожан, столько маленьких вполне суверенных государств, которые, не требуя присяги, часто заключали союзы между собой, иногда даже с иностранными державами, что о едином швейцарском государстве не могло быть и речи. Нечто подобное лишь постепенно сформировалось в нашем веке.

Французская революция, Наполеон и последовавшие за ними национально-освободительные войны дали толчок к этому, а также к подъему других европейских национальностей. Можно сказать, что французы оказали честь цыганским подданным старой Швейцарии в Вале, Ваадланде, Тессино и т. д., освободив их от немецких губернаторов и объединив с остальными швейцарцами в единое государственное устройство, которое уравнило все старые привилегии и неравенство. Впоследствии швейцарцам, как и остальной Европе, пришлось освободиться от господства французов, а затем вновь подняться после реакции, в результате которой у них, как и везде, все было возвращено в средневековье; но в течение последнего полувека реформы, введенные французами, развивались и, наконец, в результате эффекта, созданного Июльской революцией, а затем после победы [Зондербонда](#)⁵, привели к еще большему национальному равенству, примирению и объединению.

Многочисленные ненавистные ограничения, отделявшие швейцарцев от швейцарцев; привилегии городов, привилегии различных буржуазных классов, власть патрициев и "лордов", кандалы крестьян, наследственные права иностранных государей (например, короля Пруссии в Нойфхателе), стены, препятствовавшие взаимному движению различных государств, пали. Единое торговое пространство, политическое равенство всех граждан и частей страны и их языков, и, наконец, вся работа была увенчана в 1848 году изменением прежде столь слабого союза государств в единое *федеративное государство* с могущественным верховным правительством.

Перемены, происшедшие за последнее время, политическая свобода и благо, порожденное ею, вызвали во всей Швейцарии большую гармонию нравов, патриотизма и взаимных симпатий, так что здесь, несмотря на пестрое разнообразие происхождения, крови и языка, признается единая национальность, скрепленная государственным устройством.

Швейцарцы являют собой любопытное и почти уникальное в Европе зрелище, что в их отношениях между собой существует разница в языке и расе, а не в национальности, что из-за этого не возникает антипатий, трений и борьбы. В Пруссии и Австрии враждуют между собой славяне, немцы и австрийцы; в Дании - немцы и скандинавы; в Швеции - даже нюансы великого скандинавского племени, норвежцы и шведы; в Англии - англосаксы и кельтские ирландцы. В Бельгии существуют разногласия между фламандцами и валлонами или французами. Почти ничего подобного нет в Швейцарии; там осколки племен очень разных натур, проникнув глубоко в горы, проложили себе путь между собой и очень мирно и терпеливо позволяют себе слиться в одно государство. Там кельтские жители Женевы и Ваадланда протягивают братскую руку германским жителям Берна и Базеля. Ему не приходит в голову из-за крови или родного языка сочувствовать французу, как Шлезвику-Гольштейнеру - немцу. Несмотря на то, что язык и литература у них общие с галлами, эти французские швейцарцы в национальном и политическом смысле являются гельветианцами до мозга костей. Хотя он во многом отличается от своих французских и немецких сограждан, хотя, как и все остальные итальянцы, он симпатизирует Петrarке и Тассо и хотя он *один*

сделал для искусства больше, чем все остальные швейцарцы вместе взятые, он давно хотел быть только "сюиццero". Конечно, крик скорби из Италии вызвал у него отклик, но этот случай не заставил его желать отделиться от Швейцарии. Еще в 1798 году жители Тессино, только что вырвавшиеся из-под ига немецко-швейцарских завоевателей, рьяно протестовали против присоединения к Транспадинской республике итальянцев, что было целью Франции, и единодушно заявили, что хотят остаться в составе Швейцарии. -Старый раец, чей латинский язык никто не понимает в остальной Швейцарии и который кичится тем, что происходит из рода древних этрусков, также крепко привязан к союзу и швейцарскому народу.

Поскольку между расами нет фанатизма и ненависти, в Швейцарии нет и языкового конфликта. Напротив, разные языки очень похожи друг на друга и общаются между собой без противостояния. Немецкие швейцарцы с удовольствием учат французский, и, с другой стороны, в Швейцарии больше французов, которые также выучили немецкий, чем где-либо еще среди представителей кельтской расы. Многие швейцарцы говорят на двух языках, как и бельгийцы во Фландрии, и, например, большинство цивилизованных людей в западной части немецкой Швейцарии.

Швейцарцы всегда принимали самое активное участие во всех литературных, религиозных и научных мероприятиях Германии.

Уже во времена первого расцвета немецкой поэзии некоторые из самых знаменитых менестрелей родились в этой альпийской стране. А позже, во время второго современного поэтического взлета в Германии, швейцарская школа поэтов и ученых, рядом с так называемой саксонской школой, возглавила это немецкое движение. Бодмеры и Брайтингеры в Цюрихе проложили путь новому высокому немецкому языку и литературе в Альпах. Церковная реформа XVI ^{века} сразу же нашла такой же большой отклик среди немецких швейцарцев, как и в самой Германии, и вызвала таких людей, как Цвингли и Уколампадиус, которые создали ту ветвь протестантизма (так называемую Реформатскую церковь), которую вполне можно назвать швейцарским протестантизмом. Ибо в своем республиканском церковном управлении, в своем холодном, трезвом, вдумчивом духе он полностью несет на себе печать немецких швейцарцев, которые, возможно, ничем другим не оказали такого влияния на мир, как этой, ими же впервые организованной, религиозной и церковной реформой, распространившейся из Цюриха через Кальвина к французским швейцарцам, а затем через Францию, Голландию, Шотландию и многие другие страны. -В науке и искусстве швейцарцы также традиционно обменивались своими великими людьми и идеями с немцами. Их [Халлеры](#)⁶ жили с немцами, как и немецкие [Окены](#)⁷ были приняты швейцарцами.

Однако эти швейцарцы, которые часто общались с немцами, резко расходились с ними в политическом плане, и в этом отношении они полностью на стороне своих сограждан французского, итальянского или рейнского происхождения.

В результате этой тесной политической связи, объединяющей все различные расы в Швейцарии, в результате общих воспоминаний и республиканских государственных установлений, а также в результате долгого сосуществования и общения, во многих других отношениях между ними сформировалась определенная общность, некий общий национальный тип, который кажется им чем-то *притягательным*, чем-то исходящим от *государства*, в то время как у других народов он врожденный и находится в крови. По всей Швейцарии распространилось множество своеобразных повседневных обычаев и привычек в общении. Некая республиканская грубость, чопорная рассудительность и жесткость

поражает французов в общении с французскими швейцарцами так же, как немцев - с немецкими швейцарцами. Отношения между полами примерно одинаковы как в восточной части Граубундлерланда, так и на западной оконечности Женевского озера. Известно, например, что молодежь и здесь, и там ведет очень свободный образ жизни, который резко контрастирует с монастырским воспитанием и надзором, введенным во Франции. Экономное, стремящееся к выгоде, промышленное чувство в равной степени затронуло все племена Швейцарии. Во французской Швейцарии целые горные районы заполнены искусными часовщиками, а в немецкой Швейцарии долины заполнены очень трудолюбивыми резчиками по дереву, соломоплетчиками, вышивальщицами и муслиновыми ткачами. Также всех свободных сынов Альп, на каком бы языке они ни говорили, объединяет искренний патриотизм, хорошо известная и поразительная швейцарская душевная тоска, тоска по дому. Не только немецким войскам, но и войскам франко-швейцарской Швейцарии, служившим за границей, под страхом сурового наказания запрещалось дудеть в коровий рог, чтобы не пробудить в солдатах болезненную тоску по родине. Наряду с этой глубоко укоренившейся любовью к родине стремление к путешествиям и походам, давнее наследие всех швабов, стало также наследием всех швейцарцев. Швейцарскую гувернантку из Ваадланда, пекаря из [Энгадина](#)⁸, художника из Тессино можно встретить в любом уголке мира, а вместе с ними, вплоть до Китая и Ост-Индии, швейцарского торговца из Цюриха, Базеля или Женевы. В Европе нет почти ни одного города, в котором не было бы небольшой колонии швейцарцев. Они повсюду имеют своих полномочных представителей, агентов и консулов, и в настоящее время, как покровители торговли и промышленности, они играют очень желанную, уравнительную и мирную роль во всей нашей европейской семье наций, что составляет очень приятный контраст с тем военным образом, в котором они раньше вмешивались в судьбы народов нашего континента в качестве платных слуг.

Гордясь небольшой численностью своего населения (число всех швейцарцев не намного превышает 2 миллиона, столько же, сколько жителей небольшого немецкого королевства Саксония), швейцарцы, благодаря своему географическому положению в Европе, и в результате своей патриотической любви к свободе и энергии, и в результате своей патриотической любви к свободе и энергии, а также своей церковной реформы, они время от времени удерживали и осуществляли влияние как держава первого ранга, и в своем большом, великолепном альпийском замке, на границе Италии, Франции и Германии, расположенном у истоков Рейна, По и Рёне, они до сих пор занимают очень важное и влиятельное положение.

¹ В 1315 году ВЕРТ.

² В 1386, 1388 и 1443 гг. ВЕРТ.

³ 1477. ВЕРТ.

⁴ Оба бывших кантона 1501, Шафхаузен в 1513. ВЕРТ.

⁵ В результате недовольства, проявившегося в некоторых кантонах после Французской революции 1830 года, было предложено внести изменения в федеральный договор. На состоявшемся в том же году внеочередном Дне страны восемь кантонов отозвали своих делегатов, после чего начались внутренние волнения (в которые была вовлечена и религия). В 1843 году католические кантоны Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг, Фрайбург и Вале объединились в исключительный и оборонительный союз (*Зондербунд*). В 1844 году

провинциальный совет поднял армию против этого Зондербунда; в течение короткого времени был восстановлен мир, а в 1848 году было установлено государственное положение, действующее до сих пор. ВЕРТ.

6 Альбрехт фон Халлер, родившийся в Берне в 1708 году, был знаменитым анатомом, физиологом, ботаником, врачом и поэтом. Его внук Карел Людвиг фон Халлер, родившийся в Берне в 1768 году, прославился благодаря своим работам: *Restoration der Staatswissenschaft*. ВЕРТ.

7 Собственное имя Лоренца Окенса, родившегося в 1799 году в Бохлсбахе (Швабия), было Окенфуш. Он был профессором физики в Йене и прославился главным образом благодаря своей цели - созданию общей системы природы, которая охватывала бы все области природы и ее сырьевые материалы. ВЕРТ.

8 Энгадин - крупнейшая долина в кантоне Граубундерланд. ВЕРТ.

Германия и немцы.

Испания, Англия, Франция, Италия, а также Скандинавия - представители нашего континента между морями и горами, резко отличающиеся друг от друга, с очень четко очерченными физиономиями. Это крепко сложенные, естественно ограниченные нации. Германия, расположенная в центре этих стран, выступает в качестве главы корпуса Европы, к которому прикреплены эти члены.

В то время как Италия, Испания и Англия омываются одним морем, Германия раскинулась как бы между тремя разными морскими бассейнами.

На северо-западе она имеет выход к океану, на северо-востоке огибает Восточное море длинной рукой, а на юге вступает носком в Средиземное.

Если реки других стран, например Франции, образуют компактное целое, хитросплетенную систему, то воды Германии текут, так сказать, во всех направлениях. Кроме Везера, вряд ли найдется еще одна чисто немецкая река. Рейн с его притоками, Мёзом и Мозелем, а также его истоками заходит в романские области. Эльба и Одер своими верховьями достигают славянских областей. Висла является немецкой только в своем устье. А Дунай течет на восток, причем половина его течения находится далеко за пределами Германии, а сам он теряется во внутреннем бассейне далекого Понта.

Германия

Трудно определить естественные границы Германии с точки зрения морей и водотоков, да и по состоянию почвы и поверхности она далека от той простоты, которая наблюдается в других странах. В целом Россия представляет собой обширную, связную, очень однородную равнину. Иллирийско-греческий полуостров во всех своих частях представляет лабиринт гор и скал; Итальянский - косу земли, разделенную только горной цепью; Пиренейский -

квадратное плато, пересеченное повсюду долинами и хребтами; Франция - волнообразная равнина, окруженная горами; Англия - почти сплошь пологий ряд холмов посреди моря; Скандинавия - по существу колоссальная гранитная глыба.

Для Германии не существует столь простого, столь всеобъемлющего, столь четко выражающего ее природу образа. На севере постепенно спускается вниз, образуя в итоге широкую плоскую равнину. На юге она поднимается к высоким горным массивам. В центре она распадается на несколько высотных областей, горных хребтов и плато, которые, как Северная равнина и Южные горы, не ограничиваются одной Германией, а продолжают направо и налево в соседние страны, через Карпаты к славянам, через Аргоны и Арденны к галлам.

Что касается климата, воздуха и температуры, то Германию объединить сложнее, чем многие другие европейские страны. Если в России, например, от Понта до Белого моря климат северный и везде *одинаковый*; если в Италии, *от Сицилии до южного подножия Альп*, климат южный, полутропический; если Франция почти везде предстает как винная страна с умеренной температурой; если Великобритания от края до края погружается в пары, поднимающиеся от океана, то *Германия* в большей или меньшей степени участвует во всех этих условиях.

В северных балтийских провинциях она имеет долгую зиму и урожай Сарматии. В северо-западных низменностях туманы и дожди, как в Англии. На юго-западе она похожа на Францию, нежную винную и оливковую страну, а во многих альпийских долинах в нее проникают даже итальянские небо, времена года и фрукты.

Учитывая всю эту географию и вытекающие из нее политические условия, французы справедливо называли Германию "*l'indécise Allemagne*" (неопределенная, смутная, нечетко очерченная Германия), и немцам потребовалось немало времени, чтобы отвергнуть этот упрек. Они пришли к политическому и национальному единству позже, чем почти все другие европейские народы, которым природа построила более постоянный дом.

То, что эта великая центральная часть Европы была когда-то, еще до того, как ее заняли немцы, заселена другими расами, совершенно несомненно; ибо как все население Европы пришло с *Востока*, так несомненно, что предки всех жителей Запада: Англии, Испании, Франции и т. д., по крайней мере большей части, прошли через леса и горы Германии.

Каменные памятники на севере Германии некоторые исследователи приписывают древнему, совершенно чуждому племени, вероятно, финскому, а на юге Германии кельтские народы, по-видимому, жили там незадолго до времен римлян. Кроме того, по левую сторону от линии Рейна кельты тогда имели еще большую экспансию на восток, чем сейчас.

Германские племена, приход которых в Европу сменил приход первоначальных жителей, имевших иной характер, и особенно кельтов, в то время как они постепенно вытесняли их на запад, пришли, как и *они*, из Центральной Азии, где они имели своих древнейших предков среди народов *зендов*, предков персов и так называемых "*арийцев*". И сегодня некоторые ученые и путешественники обнаруживают ряд признаков германизма: светлые волосы, голубые глаза, светлый цвет лица, то у одних, то у других, например, у осетин, в ущельях Верхнего Кавказа и у истоков Тезека, у горцев в Крыму и у других народов.

Похоже, что германские племена Персии, Кавказа и Понта сначала устремились на запад, на равнины Восточной Европы, и, обойдя Карпаты и горы Центральной Европы, первоначально

распространились на равнинный север Германии. Их традиции указывают на берега Восточного моря как на часть их новой европейской родины, которую они первоначально заняли, как на *древнейшую* Германию, откуда они завоевали южную и западную часть, которая оставалась занятой другими еще долго после их первого прибытия в Европу. Как и традиции народа, возраст немецкого языка на северных низменностях, похоже, подтверждает то же самое. В словах и образовании звуков *северогерманские* диалекты в основном имеют самые древние формы, более близкие к персидским и другим исконным индогерманским народам, чем южно- и западногерманские, которые больше похожи на вновь созданные языки.

Когда римляне познакомились с Германией и свет истории впервые упал на эту страну, германизация всей новой или южной и западной Германии была уже близка к завершению. Германцы уже владели почти всей средней и нижней частью Рейна. Только к югу от Дуная, в Швейцарии, в Альпах, а также в горном массиве Богемии, тогда еще жили негерманские (кельтские) племена.

Римляне, объединившие весь кельтский регион своей империей, остановили продвижение германцев на запад и юг. Они заняли всю левую сторону Рейна, от его истоков до устья, а также всю южную сторону Дуная; они построили крепости и города вдоль обоих этих потоков и подчинили себе как кельтов, которые еще жили там, так и германцев, которые уже проникли за Рейн и которых они превратили в римлян. Большая германская страна, которую они *не смогли* завоевать, была средней и северной частью страны, а на нижнегерманских равнинах римляне потерпели поражения, которые спасли основную массу германского народа от романизации.

В течение двух-трех сотен лет после битв в Тевтобургском лесу границы Римской империи против Германии, по Рейну и Дунаю, оставались более или менее неизменными. Когда в 3^и и 4^и веках могущество Рима уменьшилось, германцы, совершая неоднократные нападения, прорвали эти границы и возведенные против них валы и продолжили свои завоевания на юг и запад, *лишь на время* сдерживаемые римлянами.

Франки перешли Рейн, аллеманны и бодричи (швабы и баварцы) - Дунай и расширили границы древней Германии. Они захватили построенные римлянами города на Рейне и Дунае: Кельн, Трир, Майнц, Аугсбург, Регенсбург и другие; изгнали оттуда большую часть римского или романизированного, покончили с римским языком и обычаями и заполнили всю страну Рейна и верхнего Дуная, вплоть до альпийских долин, немецкими народными элементами, которые отныне не могли быть стерты.

От римлян здесь не осталось ничего, кроме сохранившихся до сих пор названий некоторых местностей и, возможно, некоторых городских учреждений, которые перешли к германским гражданам. От кельтов, которые теперь переняли германский язык и германские нравы, многое осталось в обычаях и расе народа. Во многих альпийских жителях Швейцарии и Тироля, говорящих теперь на немецком языке, мы и сегодня можем узнать германизированных кельтов.

Когда могучее здание Римской империи рухнуло, как выжженный кратер, германцев охватило чудесное желание работать и двигаться. Они ворвались на весь материк, освободив римлян от мирового господства. Удалось ли бы западноевропейским народам собственными усилиями, путем реформ и потрясений в своих обществах и с помощью христианства возродиться из общей слабости и морального разложения и основать прочные и процветающие империи - вопрос, на который невозможно ответить. История, однако, свидетельствует, что такое возрождение им действительно удалось, *но только* с помощью

германцев - эти свирепые, юркие варвары основали почти в каждой провинции Римской империи независимое государство и превратили его в самостоятельный народ. От *их* основ берут начало почти все современные нации и империи нашего континента, большинство из которых и сегодня носят немецкие имена - англичане, французы, русские, а также лангобарды, андалузы и другие.

Кроме римлян, в Европе нет другой нации, которая работала бы и добилась бы столь многого, как немцы. Все политические творения и труды иберийской, кельтской, финской и славянской рас были ничтожны и неполноценны по сравнению с ними. "*Из романизма и германизма*, в сущности, объясняются европейские государства и отношения". Тот, кто знает дух и историю римлян и германцев, держит в руках два конца оси, вокруг которой вращалась вся новейшая история Европы.

Что дала Германия другим странам в странный период, известный как переселение народов, какие немецкие народы туда отправились, какие новые империи и нации они помогли основать, уже пытались перечислить и продемонстрировать в соответствующих странах и народах. Поэтому здесь мы сосредоточимся на ходе национального развития в границах самой родины.

Для этой родины первым следствием этого движения и переселения было значительное изменение ее границ, а также влиятельное проникновение иноземных племен и смешение с ними. *Новая* Германия, как я уже говорил, была таким образом завоевана. Рейнская и Дунайская страны вместе, которые до этого были германскими лишь *наполовину*, а в основном кельтскими и романскими, Нидерланды, Лотарингия, Эльзас, Альпийские страны, Швейцария, Винделиция, Раэтия и Норикум, стали таким образом почти полностью германскими. Однако в то же время большая часть старой Германии, северная и восточная, была потеряна на более или менее длительный срок.

Сначала из внутренних районов Азии пришли монгольские гунны, привлеченные народными движениями в Европе. Под предводительством своего могущественного Атилы они поставили в зависимость от себя почти всю восточную Германию, но лишь на короткое время; Очень скоро после победы над Атилой на Каталаунских полях, одержанной вестготами, бургундами, франками и саксами при Аэции, вся Германия снова стала свободной, и хотя преемники и родственники гуннов, авары, а затем и мадьяры, в последующие века из тех же южнорусских и венгерских степей неоднократно появлялись в Германии и разрушали или занимали ее часть, все же влияние всех этих монгольских и финских захватчиков на германскую национальность в целом можно считать лишь незначительным. -Некоторые монгольские и финские выражения, однако, прижились в немецком языке, и известно также, что распространением фортификации и городского строительства немцы обязаны нападениям этих конных народов и их попыткам противостоять им.

Еще большее влияние на германцев оказало появление другой расы и их экспансия в результате великого германского переселения, вторжения славян, которые не стали, подобно гуннам, временно занимать значительную часть старой Германии, покинутую ее прежними жителями, а навсегда заняли ее как земельный массив и заполнили своими племенами и родами.

Славяне-чехи вошли в обширные богемские и моравские горные цепи, откуда вышли германские маркизы и их преемники, бояре или бавары, и распространились отсюда во Франконию и на материк. На юге Богемии, после того как лангобарды покинули Паннонию (Западную Венгрию), славянские венды или словенцы проникли в альпийские области и

заселили многие долины Каринтии, Крайны, Штирии вплоть до Тироля, а также долину Дуная вплоть до границ Зальцбурга и Баварии. Однако на севере Чехии, вдоль рек Висла, Одер и Эльба, а также по всему южному краю Восточного моря, многие другие славянские народы расселились и заняли старые поселения германских готов, бургундов, вандалов и лангобардов. Славяне-вагры и оботриты продвинулись в земли саксов за Эльбой в Голштинии, а полабены и сорбы - еще дальше за Эльбу, в Люненбургерхайде и в сердце Тюрингии.

В течение трех столетий до Карла Великого вся восточная половина страны, которую мы сейчас называем Германией, была почти без немцев, почти полностью заселена славянами. Позже, по возвращении с Запада, немцам пришлось *отвоевывать* свою старую родину. При упрямстве и численности славян это был очень долгий процесс, из которого возникла новая или обновленная большая Восточная Германия с частично славянскими основами. Все немецкие племена приняли участие в этой национальной борьбе, которую можно рассматривать как частичное возрождение Германии или восстановление ее старых границ. Со времен Карла Великого они воевали со славянами на всем протяжении от Адриатического до Восточного моря, проявляя себя хозяевами и в мире, и в войне. Наряду с распадом Римской империи и возрождением ее частей, это преобразование, цивилизация и омрачение Славонии можно считать одним из величайших национальных дел германцев.

Кроме восточнославянских областей, во время миграции и последующей экспансии Германии на Запад немцы потеряли еще одну страну, а именно Цимбрийский полуостров или Ютландию, откуда германские англы и саксы переселились в Англию, и которая впоследствии была оккупирована скандинавскими датчанами до Эйдера. Германцы также долгое время боролись за возвращение этой территории, иногда даже одерживая победы в древности, пока, наконец, в новейшее время им не удалось восстановить здесь свои старые границы и вернуть большую часть утраченного.

В древности упоминается множество германских племен, названия которых сегодня исчезли. Римляне говорят о "брюктеренах", "ангрияварцах", "херусках", "чаукенах", "маркоманах" и других. Во время миграции из лесов Германии появляются "вест-" и "ист-готы", "лангобарды", "бургунды", "вандалы", "гепиды", "герулы" и многие другие. О некоторых из этих имен мы не знаем, к каким ветвям нынешнего германского дуба они относятся. Отчасти мы даже не можем сказать, действительно ли эти названия относятся к разным племенам, родственным по крови и языку, или же это просто союзники по оружию, собранные под началом одного генерала, которые состояли из различных осколков совершенно разных первоначальных племен и поэтому объединились под одним именем, потому что принадлежали к одной компании, точно так же, как и сегодня популярные названия "ганноверцы", "баденцы", "вюртембергцы", "пруссаки" обозначают не племенное разнообразие Германии, а лишь различия в правительствах или королях. Некоторые из этих названий, однако, могли действительно обозначать особые племена со своим диалектом, обычаями и кровью, и в них, возможно, на самом деле содержатся некоторые части великого капитала языка, характера и расы немцев. Большинство из них, однако, все еще по существу присутствуют в немецком национальном теле, только их названия так сильно изменились, да и сами они претерпели столько изменений в результате смешения с другими, что мы уже не можем четко их различать.

Во времена Карла Великого, который объединил всех немцев под одним правительством, мы уже видим основные немецкие племена под теми названиями, которые они носят сегодня, распределенные по своим поселениям так, как они владеют ими и по сей день.

Однако впоследствии, со времен Карла Великого, в ходе многовекового отвоевания Восточной Германии, оккупированной славянами и другими иноземными захватчиками, из этих первоначальных племен развилось множество других ростков нации, которые с новыми именами и новыми языковыми чертами и особенностями характера заменили исчезнувшие в ходе миграции. Ни римляне, ни Карл Великий ничего не знали о "германо-австрийцах", "тирольцах", "силезцах", "верхнесаксонцах" или "майснерах", "бранденбуржцах", "мекленбуржцах" или "лийфландцах". Это недавно созданные разновидности немецкой породы.

Мы постараемся вкратце рассмотреть эти основные разновидности немецкого национального характера, или различные немецкие племена, и обрисовать их в нескольких словах, а также указать на некоторые из их главных достоинств для всего народа и страны, насколько это позволяют наши технические возможности.

По разным причинам, в которые я не могу здесь вдаваться, мне кажется наилучшим классифицировать их все в три группы, южную, среднюю и северную, и расположить их в том порядке, в каком я начинаю с юга и запада и иду от Рейна к востоку и северу.

Названия "*Аллеманны*" и "*Бавария*" относятся к двум основным подразделениям южной группы немцев: греки живут на западе, баварцы - на востоке юга.

С севера на юг расположены Вогезен и Юра, образующие угол с Альпами, расположенными с востока на запад. В этом углу аллеманнские племена были вынуждены объединиться, и там они распространились по всей верхней трети Рейнской области, по равнинам и долинам Швейцарии до Юры и Вогезена, а также до истоков Дуная. На востоке, против баварцев, их естественной границей стал Лех и его широкая долина, а на севере, против средних германцев, - линия, проходящая через северную часть Шварцвальда и Вогезен.

Связанные с аллеманнами с самого начала общими предприятиями, под началом одних и тех же полководцев и герцогов, "суэвены" или "швабены" были не менее известным германским племенем. Таким образом, оба названия, Аллеманния и Швабия, слились друг с другом, как и сами народы, так что Аллеманния и Швабия иногда означают одно и то же. Однако, поскольку между этими двумя родственными племенами все еще существовала немалая разница, как в обычаях, так и в фактическом месте обитания, названия также были разделены, так что каждое из них обозначало определенное подразделение всей группы, *аллеманны* в узком смысле - западную часть на Рейне, а швабы - восточную часть на Верхнем Дунае.

От аллеманнов, защитников германцев от галлов, французы взяли название "аллеманны" для всего народа. Даже после того, как они путем завоевания вошли в состав великой Франконской империи, а затем, в частности, в восточную ее половину, которая постепенно стала называться Германией, аллеманны и швабы были объединены в отдельное большое аллеманно-швабское герцогство, и как наиболее развитое и богатое племя германской нации, они играли очень важную роль в Германской империи, "знаменосцами" которой они назывались с давних времен.

Они дали немцам столь знаменитый дом императоров Гогенштауфенов. От них произошли Габсбурги и, наконец, Гогенцоллерны. Благодаря им некоторые из самых знаменитых городов Германии - музыкальный Аугсбург, торговые города Ульм, Страсбург, Базель и другие - были если не основаны, то, по крайней мере, заселены и стали процветающими и важными.

Немецких менестрелей называли швабскими или аллеманнскими поэтами, поскольку большинство из них родились на юго-западе, между Вогезеном и Альпами. Они сделали свой диалект на короткое время доминирующим в Германии. Даже самые яркие представители низших немцев в ^{XIII} веке выучили швабский диалект и писали на нем стихи, как и многие северные французы на провансальском диалекте.

Даже в более поздние времена поэтическая жилка этого племени заявила о себе во всей красе. От них немцы получили Шиллера, Виланда, Шваба, Уланда и целый ряд прекрасных современных поэтов. Вместе с ними созрели лучшие умы и величайшие мыслители Германии, такие как Кепплер, Гегель и Шеллинг. Среди их многочисленных художников Ганс Гольбейн, Мартин Шонгауэр и Адам Краффт стали всемирно известными. Восхитительные домики Ульма, Фрайбурга и Страсбурга - самые популярные произведения швабского искусства во всей Германии, и почти так же знамениты во всей империи прекрасные швабские женщины, Агнес Бернауэр и Филиппина Вельзер. Самые красивые швабские женщины из Вайнсберга добились этого.

Вскоре после эпохи Гогенштауфенов политическое величие швабов как главного народа германцев закончилось, как и единство большого Швабского герцогства, включавшего в себя всю юго-западную Германию.

Как и вся Германия, особенно Швабия, стала дробиться на множество мелких государств. Но даже в таком раздробленном состоянии они оказали огромную услугу Германии, основав влиятельную "Швабскую лигу городов", к которой присоединились и многие нешвабские города, и которая помогла императору Максимилиану установить мир во всей империи и покончить с эпохой баронов-разбойников и правом собственности.

Однако аллеманны и швабы так и не смогли восстановить сильное политическое образование, охватывающее все племя. В XIII и ^{XIV} веках их швейцарские братья полностью отделились от них и стали отдельным народом, часто враждебным своим братьям в Германии. Из швабов на Дунае и верхнем Неккаре постепенно возникло государство Вюртемберг, а аллеманны между Шварцвальдом и Рейном постепенно влились в процветающее герцогство Баден. Западные аллеманны в Эльзасе, напротив, в более поздние времена были почти полностью отторгнуты от своего народа. Они отошли к Франции, которая была обязана им многими своими ведущими людьми, например, полевыми командирами Клебером, Раппом и Вестерманом. Немцам они дали в то же время поэтов Пфеффеля, Николаи и нескольких поэтов, чьи патриотические песни доказывают, что многие сердца все еще согреты старой немецкой родиной. В самые последние времена, столь славные для Германии, потерянная дочь была возвращена матери, которая так долго ее оплакивала, и все аллеманно-швабское племя теперь снова находится под сенью германской империи.

"Похотливая Швабия", как называют ее многие - другие, возможно, более справедливо, говорят "сорная Швабия", - заканчивается, как уже было сказано, на востоке у Леха, где заканчивается и винодельческая страна. И именно здесь начинаются поселения второго

главного южногерманского народа - баварцев, которые сильно отличаются от аллеманнов и швабов. Свое название и происхождение они ведут от "Бойенов" (отсюда Bojarian, Baiern, Bavarian), древнего, то ли кельтского, то ли германского племени, которое объединилось с несколькими другими племенами и после изгнания римлян поселилось в нижней части верхнего Дуная, на Изаре и на плато между Альпами и Богемским лесом, и там, постепенно объединившись в единую массу, основали Баварское герцогство, первой столицей которого был Регенсбург, построенный еще римлянами.

Благодаря своему положению в верхнегерманском бассейне Дуная баварцы должны были стать форпостами и защитниками Германии от народов нижнего Подунавья. В основном они воевали с аварами и мадьярами, а завоеванные у них и славян территории заселяли своими поселенцами. Все эти земли, ныне являющиеся австрийскими, следует рассматривать как рассадники и колонии баварского племени, поэтому немецкий диалект во всех этих регионах иногда называют *баварско-австрийским* диалектом. Однако настоящее материнское племя старого баварского народа с поразительным упорством и стойкостью сохранилось в своих исконных границах между Альпами и Богемским лесом, между Лехом и Инном, и даже сегодня составляет ядро самого могущественного немецкого государства и племени после Австрии и Пруссии. В то время как большинство других названий германских племен - аллеманны, франконцы и нижненемецкие - уже не имеют никакого политического значения, название Бавария остается названием суверенного германского народа, а как название государства в Германии - гораздо более древним, чем названия новых Бадена, Нассау, Ганновера, Пруссии и т. д.

"Характерные для старой Баварии черты - гордость за свое племя и высокая степень провинциальности - привели к тому, что долгое время они не очень охотно соглашались на свободное, духовное общение с немецкой нацией". Уже в Средние века среди них было меньше менестрелей и мастеров пения, чем у их соседей, более чувствительных швабов, аллеманнов и франков. Кроме того, в то время как среди них укрепился протестантизм, они оставались погрязшими в католицизме и папстве. Они всегда были, как говорит Себастьян Франк, "хорошими римскими католиками, религиозными людьми, охотно совершающими паломничества, - даже сейчас они не очень вежливый народ, грубый в манерах и языке".

С большой любовью они сохраняли привязанность к своему провинциальному диалекту, а поскольку долго не хотели перенимать современную письменность высокого немецкого языка, который они называли "лютеранским немецким", то и в развитии литературы участвовали лишь позже других. Уже в начале этого века Бавария была одной из самых темных областей на карте немецкой цивилизации и развития.

Однако со времен Максимилиана Иосифа, когда Бавария реформировала и привела в порядок свои монастыри и церкви, а затем, особенно после правления короля Людовика, многое изменилось, и Бавария, всколыхнутая из дремоты этими трудолюбивыми и неутомимыми правителями, и множество людей, присоединившихся к ним, стали частью страны, со своими многочисленными художниками и учеными, собравшимися там, со своими академиями и университетами, со своими мюнхенскими великолепными зданиями и коллекциями, мостами, дорогами и каналами, со своей литографией и стенографией, со своим мастерством в изготовлении оптических приборов, теперь очень известна среди немцев.

Однако, к сожалению, на первый план вышло стремление прославить баварское имя больше, чем немецкое. Даже король Людовик I, несмотря на свой знаменитый немецкий патриотизм, в основном заботился о создании сильного баварского характера и

пробуждении баварского национального чувства во всех швабских, франконских и других племенах, объединенных в его королевстве.

В новейшее время, однако, это баварское национальное чувство еще больше расширилось до общегерманского. "Баварцы, которые раньше часто становились камнем преткновения в стремлении к единству Германии, при последних королях стали краеугольным камнем Германии. Они храбро сражались в славных войнах немцев последних лет, первыми провозгласили германского императора, и даже в религии и религиозных вопросах они стали немного ближе к идеям немцев.

С равнинной земли на Дунае баварское племя и язык распространились вглубь альпийских стран, сначала в восточные районы древней Реции, где их соседями стали тирольцы.

Этих "тирольцев" нельзя считать полностью и *исключительно* дочерним народом Баварии. Ведь, несомненно, во время неоднократных походов германских народов в их долинах оставались потомки самых разных племен. К этой смеси, вероятно, добавились и древние разэты, изначально кельтские жители. Но именно баварцы в первый период после переселения дольше всех владели этой землей и оказывали на нее наибольшее влияние, не желая отказываться от своих притязаний на нее и в более поздние времена. Однако после распада великой Баварии все жители этой части Реатских Альп постепенно перешли под власть отдельных графов, проживавших в замке Териолис или Тироль близ Мерана, с помощью вышеупомянутых примесей, Под названием "тирольцы" образовался отдельный народ, который значительно отличался от громоздких баварцев и в конце концов так мало им сочувствовал, что, напротив, вел против них самые кровопролитные войны за свою независимость, за своих графов, а затем и за австрийских принцев.

Ни одно из германских племен не продвинулось так далеко в итальянские земли и климат по древним дорогам и горным перевалам [Бреннера](#)¹, как тирольцы. Они спустились глубоко в прекрасную долину Этш и продвинули немецкоязычные районы и народы - Сетте и коммуну *Тредечи* - даже до Виченцы и Вероны. Однако в новейшее время Дуйтшдом и немецкий язык были подавлены и оттеснены проживающими здесь мобильными итальянцами.

История населения восточных ландшафтов Штирии, Каринтии и Крайна имеет некоторое сходство с экспансией немцев в Тироле. Здесь также в древности, в так называемом Норикуме, находилась кельтская база. Сюда же переселились несколько германских народов, оставив многих своих. Во время переселения эти земли были в значительной степени заполнены славянами, в германизации которых впоследствии снова принимали активное участие баварские герцоги и зальцбургские епископы.

И сегодня остатки славян делят с немцами владение этими славными альпийскими землями. Но и здесь, как и везде, немцы лидировали, занимая важнейшие очаги цивилизации в этих странах, построенные ими прекрасные города Грац, Лайбах, Клагенфурт и т. д.

Баварские епископы, особенно из Пассау, также, в конце концов, усердно колонизируя низовья Дуная, сделали собственно германской Австрию, которая до них была почти полностью населена славянами и аварами.

Некоторые остатки этих негерманцев, должно быть, первоначально оставались среди баварских плантаторов, которые пришли в страну. А поскольку впоследствии, помимо

баварцев, в страну по Дунаю пришло много жителей из Швабии и Франконии, их потомки смешались друг с другом и постепенно стали более или менее отчужденными от своих баварских предков, и образовали своеобразную австрийскую нацию, которая в течение долгого времени питала такую антипатию к старым баварцам, что император Максимилиан однажды сказал, что если вы захотите вскипятить в чайнике и баварскую, и австрийскую кровь, то одна заставит закипеть другую.

Беззаботность и природная жизнерадостность - это те качества австрийских немцев, которые не кажутся такими суровыми и грубыми, как их предки, старые баварцы. "Гостеприимство, как оно практиковалось в прежние патриархальные времена, можно найти там среди горожан и крестьян, в богатых дунайских замках и в монастырях. Это земля, где люди получают удовольствие от музыки и танцев". Отсюда немецкие национальные танцы, тирольен и вальс, распространились по всему миру, а австрийский Дунай и альпийские ландшафты - единственные регионы Германии, где танцевальное искусство практикуется с грацией, подобной испанской и других более быстрых народов.

В ^{XIII} веке при дворе австрийских герцогов собирались многие поэты. Здесь прославились Вальтер фон дер Фогельвейде, Генрих фон Остердинген, Тангейзер и другие. Именно в Австрии была сложена "Песнь о Нибелунгах" в том виде, в котором она существует сегодня. Принц музыки Моцарт и почти не уступавший ему композитор "Jahreszeiten" родились у подножия австрийских Альп, оттуда же вышли Штраус, Ланнер и другие более молодые немецкие композиторы.

Но при всей их "песенности и музыкальности, при всей их верной жизнерадостности", при их, как говорится, "возрожденной" наивности, в этих австрийцах должен быть фонд твердой, немецкой основательности. Ведь именно эта "земля немецкого эпикурейства" с ее красивой и роскошной столицей Веной стала ядром великой немецкой монархии, объединившей многие славянские, романские и финские народы и удерживающей их вместе в политическом плане. Немецкий язык, немецкие законы и немецкая цивилизация подверглись влиянию австрийцев вплоть до предгорий Балкан и Черного моря, а к востоку от Альп, на обширных дунайских равнинах и вокруг Карпат, немецкие нравы и немецкое трудолюбие все еще процветают во многих сотнях городов и очаровательных деревень, основанных и украшенных ими, среди даков и паннонцев.

Однако то, что кроме австрийцев и баварцев, большинство диалектов которых они переняли, в развитие Венгрии и Зигбурга внесли свой вклад и другие немецкие племена, особенно западные соседи Баварии, швабы, жившие у истоков Дуная, доказывает тот факт, что повсюду в этих местах имя "шваб" является общим названием для немца.

Даже нижние немцы принимали участие в этой работе. Для знаменитых саксов Зевенбурга маленькая ветвь великого немецкого дуба, выросшая на Востоке в изящное маленькое дерево, первоначально пришла с Нижнего Рейна.

Эти саксонские немцы в Цевенбургене, хотя и отделенные от своего материнского племени огромным расстоянием и 600 годами, и сегодня тесно связаны с ним, и в немецких университетах, которые они постоянно посещают, они питаются молоком немецкой науки и, как ревностные лютеране, участвуют в немецких церковных реформах и волнениях.

Не только из многочисленных общегерманских провинций Австрии, но и из среды этих немцев, рассеянных в Венгрии и Зигбурге, с незапамятных времен вышло немало выдающихся государственных деятелей, благородных князей и воинов, многочисленных поэтов, ученых и художников, которые приумножают славу всей немецкой нации.

Среди сыновей германо-венгерских муз нового времени я бы назвал, например, бедного Ленау, поэтичного венгерского архиепископа Пиркера, лирического поэта Бика и великого музыканта Ференца Листа, которые родились на границах "Пюстена", но черпали свои великие таланты в немецкоязычной части страны.

Однако остается правдой, и это характерно для всего баварско-австрийского юго-востока, что оттуда не рождались такие великие реформаторы, такие знаменитые мыслители, такие вездесущие короли развития, как Кепплер, Лейбниц, Кант, Фихте, Гете, Гумбольдт. Тщательная критика не является привлекательной характеристикой этой части Германии. Она больше относится к северу Германии, так же как музыка, танцы и поэзия - к югу.

Родословные связи южной трети Германии, как уже говорилось, легко прослеживаются по двум большим рубрикам "аллеманно-швабские" и "баварско-австрийские". Благодаря обширным равнинам и столовым горам, а также крупному Дунаю, в политическом отношении все более компактно распределено по крупным участкам и подразделам.

В Центральной Германии, напротив, все гораздо пестрее и сложнее. Эта третья часть немецкой родины, от Лотарингии до Силезии, представляет собой большую шахматную доску с множеством горных хребтов, холмистых ландшафтов, равнин и долин, сплетенных в сетку. Это, как с географической, так и с геологической точки зрения, самая красочная часть Германии. Культурные растения, кукуруза, вино и т. д. также чередуются здесь на самой маленькой территории. Здесь нет большого объединяющего потока, нет обширной долины. Многочисленные реки берут здесь свои истоки, и даже великий Рейн в середине своего течения изгибается более узко и более раздробленно между скалами, чем в своем более южном бассейне и в Северных Нидерландах.

В соответствии с этим немецкие племена и диалекты - здесь, в центре, даже больше, чем где-либо еще, - разошлись, и для "образования малых государств и для партикуляризма здесь настоящая земля". Здесь находятся горные вершины, с гребней которых можно одновременно увидеть шесть или более немецких государств. Это также земля малых и средних немецких городов, которых здесь больше, чем в любой другой части Германии. Крупные немецкие города - Берлин, Гамбург, Вена, Прага, Мюнхен и т. д. - расположены на обширных равнинах, больших высоких плато и широких главных долинах по одну или другую сторону от этой центральной области.

Гордясь этой раздробленностью, Центральная Германия может быть обобщена как единое целое, и можно предположить, как нечто общее для всех ее жителей, что все они принадлежат к большой верхненемецкой семье, но при этом заметно отличаются от южных верхненемецев, швабов и баварцев, и образуют по языку и крови переходную и смешанную область, между ними и нижненемецами.

Как и южные германцы, племена средней полосы, начиная с Рейна, который является их базой, также продвигались на восток. Рейн - единственная из великих рек, которая прочно вошла в жизнь всех трех основных частей немецкого народа, а значит, и в сердца всех. Дунай касается почти только южных немцев. Везер, Эльба и Одер в своей основной части являются северогерманскими. Рейн, напротив, принадлежит южным немцам в верхней части, нижним немцам - в нижней, а средним немцам - в остальной. На его берегах можно услышать все основные немецкие диалекты. И *этим отчасти* объясняется любовь всех немцев к своему "отцу Рейну", территория которого является географической основой всего их развития и прославление которого пронизывает развитие народной жизни всех племен: средним немцам принадлежит самая красивая часть реки, все очаровательные пейзажи по ее берегам, от Карлсруэ до Бонна, и по ее

главным притокам Майну, Мозелю и т. д., так богато украшенные природой, искусством и историей.

Римляне обнаружили в этих местах несколько германских племен, некоторые из которых они поставили в зависимость от себя, а на Рейне построили крепости Майнц, Кобленц и другие, а также посадили там итальянскую лозу.

Уже в начале упадка Римской империи в низовьях Рейна возник мощный союз нижнегерманских племен под названием "франки" ("вольные люди"). После IV ^{века} они разделились на две крупные фракции, так называемых "салианских" и "рипуарских франков". Эти завоевали от нижнего Рейна и Шельды северную Галлию, куда и перенесли свое название (Франция), в то время как в северной Германии это название было полностью утрачено. Рипуарские франки продолжили свои завоевания, по берегам Рейна, вверх, объединили народы на Среднем Рейне, а затем соединились с великой франкской монархией, основанной их салийскими братьями. После распада Каролингской мировой империи они вошли в состав Восточно-Франкского или Германского королевства как "Франкское герцогство", которое занимало основную часть всей центральной Германии, от Рейна до истоков Майна и до Тюрингского леса.

От него произошел король Конрад I, а позже, после оттонов, род так называемых "франкских императоров". Во времена этих императоров (в XI веке) первыми людьми в Германии снова были рейнские франки, из которых выбирались германские короли, также в основном проживавшие в своей стране, на Среднем Рейне.

Когда герцогство Франкония на Рейне распалось на множество мелких территорий, имя франков, некогда столь великое в Германии, уплотнилось. С XIV ^{века} оно было полностью утрачено даже на Рейне. Только Главная земля наконец сохранила его. Этим и ограничились "Франкские кресты", организованные императором Максимилианом. Франконская кровь, франконское родство и язык оставались основой населения вдоль Среднего Рейна, на юг до Неккара, на север до Зига и на запад по Мозелю до Саара и вплоть до Меца.

Франки Майна и соответствующей части Среднего Рейна - одно из самых бодрых, одаренных и дружелюбных немецких племен. Благодаря им процветают немецкие виноградники. Они основали и сегодня великий торговый город Франкфурт, построили Бамберг, Вюрцбург и другие города, которые носят знаменитое имя. Могуущественная "Лига рейнских городов" - дело их рук. При них в Нюрнберге расцвела самая древняя, самая грандиозная эпоха немецкой промышленности. Они создали величайшего немецкого живописца Альбрехта Дюрера и популярнейшего мастера-певца Ганса Сакса. Благодаря им было изобретено искусство книгопечатания.² А в более поздние времена они подарили немецкому народу то, что почти превосходит новое изобретение и лигу городов, - таких людей, как Гете и Фриман фон Штайн.

На востоке и севере Рейнской области, на верхних рукавах Везера, Фульды, Эдера и Верры издревле жили "коты" или "гессенцы". У них, как и почти у всех германских племен, тоже был период древней славы и былого величия.

Должно быть, когда-то они были далеко вокруг. Ведь от них ведут свое происхождение батавы, прародители голландцев, а римлянам они доставляли почти столько же работы, сколько и их потомки на море, батавы. Даже Тацит восхваляет храбрость гессенских пехотинцев, которые, как когда-то воевали с римлянами, так и в новое время в Америке, куда они были проданы своими государями, всегда бились вокруг да около, чем и заслужили себе славный эпитет "слепые гессенцы".

С политической точки зрения они в разное время были поглощены герцогствами, основанными их могущественными и многочисленными соседями, франками и тюрингами, но во все времена они оставались на своей старой родине с большой твердостью и стойкостью и сохраняли свое имя; с XIV века они также породили своих собственных государей, которые, к сожалению, в новейшие времена почти никогда не были их отцами.

Старый немецкий стих говорит о Гессене: "Там большие блюда, но мало еды; высокие горшки, но кислое вино: кто хотел бы быть в Гессене". Некоторая скудость страны стала свойственна и ее жителям. Они более серьезные, трезвы и сдержанны, чем жизнерадостные жители Рейнской области и оживленные тюринги, их соседи по обе стороны.

Многие солидные благородные немцы, например Ульрих фон Хуттен, многие трудолюбивые великие ученые, например Гриммы, немногие поэты и художники - выходцы из бедного "Гессенланда".

"Они остались настолько верны своим старым обычаям, что и сегодня старая немецкая овсянка, вместо кофе, служит им утренним напитком". О том, как мало они нуждаются, свидетельствует пословица: "Там, где умирает Гессен, никто не может приобрести еду". О своем терпении, а также о своем упорстве в свободе и законе они, как самые многострадальные немецкие миряне, дали замечательные доказательства, неустанно борясь против суверенной семьи, которая в течение целого столетия была столь удивительно плодотворна деспотичными и жадными государями и плохими правителями, и которая лишь с радостью отодвинула последнюю эпоху.

От Фихтельгебирге главный хребет Тюрингенского леса проходит в северо-западном направлении через центральную Германию, разделяя ее на две основные половины - западную, франко-гессенскую, и восточную, тюрингенско-саксонскую.

Уже римляне знали в этих частях центральной Германии народ "дурен" или "гермундурен", из которого они позже сделали "тюрингов". Около V века - время раннего политического величия этого племени, основавшего великое "Тюрингское королевство" между Эльбой и Майном, между Богемией и Гарцем, о котором мы мало что знаем.

Франки положили конец этому королевству, как и аллеманнскому, но на протяжении всего Средневековья продолжало существовать "Тюрингское герцогство", позднее ставшее "ландграфством": хотя эта территория претерпела множество изменений, ее ядром по-прежнему оставалась старая Тюрингская земля, а именно область между Гарцем и Тюрингским лесом, в верховьях Заале.

Подобно тому, как вся Германия имела своих соперничающих императоров-двойников, раздробленность на различные империи, промежуточных правителей и 30-летние войны, тюринги тоже часто имели своих герцогов-двойников, раздробленность на различные племена, тюрингские войны за наследство, провинциальные распри за десятины и графства, которые часто опустошали страну на протяжении 30 лет. К этому добавились многовековые войны с "сорабами", которые проникли в восточную часть старой "Гермундурен-ланд". В основном из Тюрингии, эти славяне центральной Германии были подавлены, крещены, снабжены немецкими поселенцами и городами и, наконец, стали полностью немецкими.

Страна Мейсния, нынешнее королевство Саксония, хотя и получила свое название от нижнесаксонских князей, основавших марку Мейсцен, может считаться прежде всего тюрингской колонией. Из этого тюрингского поселения постепенно выросло большое курфюршество

Саксония, в состав которого в конце концов вошла почти вся бывшая Гермундская земля и все ее колонии по эту и другую сторону средней Эльбы.

В результате знаменитого раздела земель при Альберте и Эрнсте, сыновьях курфюрста Фридриха Кроткого, и многих последующих разделов и дроблений на различные княжеские линии, а также в более поздние времена в результате дробления курфюршества Саксония, тюрингское племя постепенно оказалось под властью множества князей и государств.

"В своих фактически древних племенных землях тюринги предстают как солидный, честный, добросердечный и поэтический немецкий народ". Они более мягкие и веселые, чем серьезные гессенцы, более способные, чем нижние саксы за Харцем, более твердые, чем их поселенцы в Мейсцене, нынешние "верхние саксы", более умеренные, чем оживленные франки на Рейне. "Драгоценной жемчужиной тюрингского племени является их здоровое и живое веселье, их знакомство с поэзией, музыкой и песней, что было заметно уже в древние времена по певческим состязаниям, отмечавшимся в Вартбурге, и что также подтверждается широко известной пословицей: "в двух домах - три скрипки".

Из их лона вышло немало выдающихся немецких деятелей. Прежде всего, это доктор Мартин Лютер, родители которого, как и его твердый характер и радостное пение, были родом из Тюрингии. Лютер в музыке, Себастьян Бах, также был родом из Тюрингии. Спустя долгое время после Вартбургской битвы, во времена Карла Августа, немецкого афинянина, из них расцвел несравненный музыкальный двор в Веймаре; этот род также произвел много знатных государевых семей, из которых в более поздние времена Саксен-Кобург-Готский дом давал государей иностранным народам, бельгийцам, англичанам и португальцам.

Потомкам переселенцев из Тюрингии на восток, жителям земли Мейсцен и нынешнего королевства Саксония, не хватает энергичности их предков из Тюрингии. Они более поверхностны, нежны и мягкосердечны. Однако по силе духа и интеллектуальной активности они все же превосходят тюрингцев, а за границей, как в войне, так и в мире, они прославились своей гуманностью и хорошими манерами. В их стране, расположенной у северного подножия Эртцгебирге, "образцовой для Германии в промышленном отношении", процветают все виды искусств и ремесел. Два их великих города, Лейпциг и Дрезден, выделяются: один - как торгово-промышленный центр литературного рынка немцев, другой - как "немецкая Флоренция", как княжеская резиденция благодаря своим художественным сокровищам и как место встречи многих цивилизованных кругов из всех стран.

В области поэзии и юмора эти так называемые "верхние саксы", которых следовало бы назвать "новыми тюрингами", отстают от всех других немецких племен. С другой стороны, они и их бывшие правители обеспечили себе неизгладимую славу в истории Германии благодаря тому рвению, с которым они присоединились к церковной реформе Лютера, впервые провозглашенной в их гимназиях, и той защите, которую они ей оказали, а также благодаря интеллектуальному развитию, школьному образованию и широкому распространению знаний.

Тот факт, что такие великие мыслители и образованные умы, как Лейбниц, Лессинг и Фихте, родились у подножия Эртцгебирге, доказывает огромную одаренность этого племени. Значительная часть верхних саксов уже 50 лет как объединена с Пруссией, и с тех пор, проникнувшись прусским национальным духом, они не раз составляли контраст со своими соплеменниками в Старой Тюрингии и Верхней Саксонии.

Силезия образует восточную часть центральной Германии. Как и Саксония, она в значительной степени является колонией Тюрингии на славянской почве, но нижние немцы, франки, баварцы, австрийцы также приплыли сюда, чтобы заселить эти регионы. "Силезцы разделяют со всеми центральными немцами основные черты языка, нравов и образа мыслей", хотя все в этой германской нации, посаженной на Верхнем Одере, которая претерпела различные превращения, попав сначала под влияние Польши, а затем Богемии и Австрии и оказавшись под их контролем, естественно, изменилось в соответствии с особенностями страны. Они сохранили что-то южное в своем языке и характере.

Хотя силезские немцы, которых сейчас насчитывается почти три миллиона, долгое время фактически не принадлежали к Германскому рейху и были включены в Германскую конфедерацию только с политической точки зрения Пруссией, они участвовали во всех страданиях и прогрессе немецкого народа, начиная с XIV века. Здесь, как и во всей Центральной и Нижней Германии, реформа нашла большую поддержку. Стоит также отметить, что именно эти силезцы, жившие на краю немецкой родины и смешавшиеся со славянами, произвели в ^{XVII} веке первую реформу поэтического вкуса немцев в двух своих знаменитых поэтических школах. Этот умный и предприимчивый народ является теперь главной опорой прусской монархии; за его присоединение величайшие прусские короли вели три великие войны.

Однако все вышесказанное в первую очередь относится к жителям нижней и средней частей страны. Ведь "верхнесилезцы", на границе Моравии и Богемии, в Судетских горах и в Крконоше, - это совершенно другой класс людей, происходящий из очень древнего, возможно, еще со времен переселения народа. Они и их язык относятся к так называемому верхнесилезскому или судетскому диалекту, не к средним, а к южным немцам, а именно к большой баварско-австрийской ветви.

В древности весь равнинный северогерманский регион от Голландии до России, по-видимому, был заселен германскими племенами. Цимбрены и тевтоны, жившие на Ютском полуострове, вероятно, пришли с этого севера, как и лангобарды, чьи первоначальные поселения обнаружены на нижней Эльбе, а также вандалы в Мекленбурге и Померании, готы в нынешней Пруссии, бургунды, герулы и другие на нижнем и среднем Одере и Вейхзеле.

В ходе миграции эти и другие северные германцы покинули свою страну, чтобы основать империи на юге, и лишь немногие их следы остались на родине, которую заняли наступавшие с востока славяне и литваки. Более половины древней северной Германии, к западу от Эльбы, стали славянами. *Только* северо-западная часть, между Эльбой и Рейном, оставалась германской. В этом уголке римляне познакомились с батавами, фризами, чауси, херусками, бруктеренами и другими нижнегерманскими племенами.

Однако в ходе событий большинство из них было объединено под одним именем - саксы, которые в результате подвигов, совершенных под их знаменем, в конце концов стали настолько известны на всем Севере, что (иногда даже в ^{XII} веке) название "Саксонская земля" использовалось для обозначения всей северной половины Германии, и даже сегодня ирландские кельты на дальнем западе, финны и эстонцы на дальнем востоке используют слова "сакс" и "саксонец" для обозначения примерно того же, что мы называем германцами или германцами.

Первоначальная родина саксов находится на Цимбрийском полуострове, на территории современных Шлезвиг-Гольштейна и Ютландии. Оттуда они распространились сначала на юг и запад и присоединились к вышеупомянутым племенам на Везере под их именем. Часть из них пересекла море вместе с ютами и фризами и превратила Англию в "саксонскую" страну, которая,

однако, следуя своей собственной судьбе, вскоре имела мало общего с материнским народом (поэтому их также называют древними саксами).

До VIII века эти древние саксы вели уединенную жизнь под властью своих государей как языческие, свободолюбивые варвары. На Рейне и Дунае они уже давно стали христианами и были объединены с великой Франконской империей.

В ходе серии кровопролитных войн Карл Великий сначала приручил их. Он включил их в состав франкской монархии и Германской империи, которая впоследствии развилась из нее. Благодаря необычайной энергии, с которой саксы так долго сопротивлялись франкам, они заняли очень важное место в этой империи.

Помимо герцогств Аллеманния и Бавария на юге Германии и герцогства Франкония в центральной Германии, появилось большое "Саксонское герцогство", охватывавшее всю северо-западную Германию между реками Эльба и Рейн. После исчезновения Каролингов и после Конрада I даже саксонцы и их герцоги были удостоены германской императорской короны, которую их королевская семья сохраняла на протяжении нескольких поколений. Они подарили Германской империи одних из самых прочных и славных императоров - Генриха Фогелаара и Отто. Но впоследствии германская императорская корона - вплоть до самого последнего времени - так и не вернулась в северную Германию навсегда.

Не принес никакой пользы и саксонский или плоскогерманский язык этого императорского глосса. Их оттоны, говорившие на этом языке, не смогли добиться его преобладания над уже гораздо более развитыми верхненемецкими диалектами. Первой задачей саксов было не возглавить южную Германию, а восстановить всю бывшую Северную Германию на восток, отбросить глубоко проникшую туда Славонию и основать ряд новых или обновленных германских стран и народов вдоль Балтийского моря вплоть до России.

Если для краткого обзора этих саксонских творений мы сначала рассмотрим их самые ранние поселения, земли к северу от Эльбы, так называемых "*трансальбендийских саксов*", то можно сказать, что нижнесаксонское племя всегда сохраняло там особую прочность, и что его история часто была славной, но также, особенно в последнее время, часто полной страданий.

Против славян-вагров, вторгшихся в их страну, они успешно отбили и превратили их в германцев. В [Дитмаршене](#) они основали крестьянскую республику, слава которой почти сравнялась со славой старых швейцарских кантонов. Они часто героически сражались со своими северными соседями, датчанами, которые постоянно наступали на них, и со временем провели против них славные битвы. И хотя в новые времена их начинания в борьбе с датчанами были неудачными, и последние пришли к ним с разделом и многими мерами, враждебными немецкой национальности, они всегда сохраняли свой нижнесаксонский язык и обычаи и распространяли их даже дальше в датскую страну, далеко за Эйдер, старую немецкую границу, вплоть до Шлесвейка. Даже находясь в политическом подчинении у датчан, они имели такое же влияние на интеллектуальное и материальное развитие Цимбрийского полуострова (Ютландия) и Дании, как немцы Балтийских провинций на Россию. Последнее время отделило их от датчан, с которыми они как бы срослись, и вернуло их к своим старым северогерманским соплеменникам, которым они дали старое название, а затем и ко всей Германии.

Нижние саксы к юго-западу от Эльбы делились на три основных племени - "энгернов", "истфалийцев" и "вестфалийцев", местоположение и места обитания которых определялись в основном Везером. "Энгернами" называли себя саксы в долине самого Везера, "истфалийцами" - те, кто жил к востоку от Везера, а "вестфалийцами" - саксы к западу от Везера, вплоть до Рейна и Эмса.

Названия *Оостфален* и *Энгерн* исчезли. Их потомки с течением времени были разделены между многими князьями и государствами. Однако в конце концов люнебургская ветвь старого саксонского герцогского дома, долгое время счастливый "Ганноверский дом", объединила большую часть бывших Нижней Саксонии Энгерна и Истфалии посредством наследств и договоров в одно политическое образование; его королевский дом пытался создать ганноверский народ и национальное чувство среди связанного с племенами, захваченного населения; точно так же, как баварский королевский дом пытался создать баварский народ и национальное чувство среди захваченных немецких частей. К счастью, в результате последних событий этот процесс на реках Эльбе и Везере был нарушен в той же степени, что и на Дунае, и более широкие симпатии и склонности нашли место в обоих регионах. Пруссия вновь поместила их в великое лоно матери.

Вестфальцы сохранили свое имя и в значительной степени свой старый характер и целеустремленность до наших дней, несмотря на все племенные разделения и гордясь различными владениями, под которыми они находились. Они живут на западных реках Среднего Везера, у истоков Эмса и на большой равнине между Рейнскими и Везерскими горами, с которой в Рейн впадают Рур и Липпе.

Уже самые ранние предки вестфальцев, о которых мы упоминаем, храбрые брюктерцы, оказали ожесточенное сопротивление римлянам. На территории Вестфалии проходили варусские сражения. Позже, когда название "герцогство Саксония" уже исчезло, еще долго существовало крупное "герцогство Вестфалия", а также столь же крупный "Вестфальский крейц" после разделения Германской империи на герцогства. И Наполеон снова воспользовался старым известным народным именем, чтобы окрестить свое, к счастью, недолго существовавшее, "Вестфальское королевство" в Центральном и Верхнем Везерланде.

"Старосаксонская твердость характера, которой всегда отличались вестфальцы", несомненно, стала главной причиной долговечности их имени и славы. Высокий род человеческий и сегодня имеет много общего с германским народом, описанным римлянами. Их образ жизни и манеры древние. Почти все племя вошло в состав Пруссии.

Даже в регионе, который образует долину Рейна от Везеля до Кельна и Бонна, распространились племя, кровь и язык нижних саксов. Но распространенный там диалект, "нижнерейнский", доказывает, что еще ниже по течению Рейна к ним примешивались уже верхнегерманские элементы из Франконии или Средней Германии.

Как нижненемецкие племена, проникнув еще дальше на запад и смешавшись с фризами и батавами, образовали население Бельгии и Нидерландов, я уже пытался показать ранее, а теперь перейду к обсуждению более поздней экспансии нижних саксов на восточную часть северогерманской равнины.

Войны саксов с их восточными славянскими соседями, вероятно, продолжались долгое время, но они начали оказывать влияние на историю развития и приводить к длительным завоеваниям только тогда, когда саксы приняли христианство с конца VIII века и теперь выступили против славян с крещением, с основанием церквей и монастырей, с монахами и крестоносцами.

Некоторые славяне даже проникли на запад через Эльбу на территорию нынешних Люнебурга и Магдебурга и первыми вступили в контакт со славянским потоком, возвращавшимся на восток. Уже во времена Карла Великого они стали подчиняться саксам, и тогда же начал процветать город Магдебург, который стал любимым местом саксонского императора Оттона I и который со своими

архиепископами и городским управлением, которому подражали на всем Востоке вплоть до Польши, должен был оказать такое большое влияние на славянские страны Южной Баварии.

В регионе Славия по эту сторону Эльбы при Генрихе Фогелааре была основана немецкая колония Альтмарк, колыбель курфюршества Бранденбург. Насколько быстро славянский язык рушился в *политике и правлении*, настолько же медленно он исчезал - по крайней мере, в некоторых местах - в языке и *нравах*. Даже в конце прошлого века по эту сторону Эльбы все еще проповедовали и говорили на славянском языке; и даже сегодня в Люнебурге, в центре Нижней Саксонии, есть регион под названием "Вендланд", где славянская одежда, стиль строительства и обычаи все еще в моде.

Даже славянские племена (сорбы), проникшие через среднюю Эльбу в Тюрингию, одолевали саксов и их королей крещением и войной, и саксонские императоры основали несколько маркграфских округов по обе стороны Эльбы (Мерзебург, Мейзен, Лаузитцен и др.), в которые вложили в XI веке знаменитый род нижнесаксонских князей, графов Веттинских.

Через этот саксонский княжеский дом, ведущий свое происхождение от старого саксонского Виттекинда и ставший родовым домом всех нынешних саксонских княжеских семей, название "Саксония" было перенесено на эту немецкую колониальную землю к северу от гор Эртц, несмотря на то, что, как уже говорилось выше, поселенцы в этой области, немецкие дворяне, горожане и землевладельцы, в большинстве своем происходили не из северогерманских нижних саксов, а из средних немцев и тюрингов; Отсюда вытекало, что наконец-то название "саксы", вымершее на фактической родине саксов, осталось за среднегерманским народом, который не получил от саксов по сути ничего, кроме первых князей.

В Славенланд к востоку от Средней Эльбы саксы проникли еще при Карле Великом и короле Генрихе I. Только в середине ^{XII} века они проникли далеко и широко, под руководством своего герцога Альбрехта Медведя, который отвоевал у Альтмарка старое славянское княжество "Бреннабор" (Бранденбург), или отвоевал его навсегда, и сделал его центром маркграфства, ставшего впоследствии главной провинцией и основой могущественного королевства, жители которого, как потомки отважных переселенцев, привлеченные желанием совершать великие подвиги и волей к борьбе, всегда сохраняли воинственный дух.

Посреди песчаной земли старых славянских Гавеллеров, Вильзенов и Укриеров выросла современная королевская и церковная резиденция, в которой проявился рассудительный, но несколько суровый, скорее критический, чем поэтический, яркий, умный, трудолюбивый, активный и творческий характер и дух "современного Маркерства", развившегося и сосредоточившегося на бранденбургских песках, которые с большим трудом были доведены до великой цивилизации, окружавшей Берлин.

Менее воинственным и жестоким, чем омрачение Бранденбургских маршей, было, по-видимому, омрачение земли оботритов на Балтийском море. Там, вскоре после кровопролитных войн Генриха Льва, сломивших их власть, исконно славянские князья приняли христианство, набрали немецкое духовенство, граждан и поселенцев, а также способствовали распространению немецкого языка. На раннем этапе, став немецкими государями, они также вошли в состав империи и дали стране ее нынешнее название - Мекленбург, которое, по преданию, происходит от старинного славянского королевского замка "Микилин-бургт".

Отсюда следует, что Мекленбург, несмотря на то, что с течением времени язык был полностью изменен, все еще имеет примерно те же размеры, которые ему придали старые правители Оботриды, а также что его дворянство в значительной степени славянского происхождения, что крестьяне там все еще жаждут высокой степени зависимости, и в целом все законодательство и социальные условия страны все так же старомодны, как и прежде.

На севере и востоке к "крепким мекленбуржцам" ⁴ и жестким, угловатым, воинственным маркерам присоединяются грубые жители Померании, чья история и вердуитшунг очень похожи на историю их западных соседей.

Поммераны, славянское племя, название которого означает не что иное, как "жители берегов моря", жили по обе стороны нижнего Одера на Балтийском море под властью своих коренных князей, которые, однако, стали немецкими князьями примерно в конце XII века до XVII века, когда это старое славянское племя вымерло в Померании, а его права и земли перешли по наследству к бранденбургским князьям.

Славянский язык и обычаи там постепенно слились с немецкими. Уже в XIV веке нижнесаксонский (плосконемецкий) язык, привнесенный западными и остфальцами, стал государственным языком в Померании, и старая вендская знать слилась с переселившимися туда немецкими дворянскими родами.

Многие поморские города, Штеттин, Кольберг и другие, поставили свое управление и законодательство на одну ступень с нижнесаксонским городом Любеком, законам которого подражали на морских побережьях в той же степени, что и законам Магдебурга, тоже саксонского, внутри страны.

Немецкие помераны описаны старым летописцем Канцовым, который пишет о них уже триста лет, так: "Это искренний, преданный, молчаливый народ, ненавидящий всякую лесть; они скорее добросердечны, чем добры, скорее просты, чем разумны, не легкомысленны, не веселы, но несколько грубоваты и меланхоличны. Они всегда враждуют со своими соседями. Однако, как только первый гнев проходит, он, кажется, утихает. Они с удовольствием приглашают гостей, а те, в свою очередь, с удовольствием приглашают других. Их "грубость", во многих сражениях с французами и другими, хорошо сохранилась, и они приобрели славу ядра прусской армии.

С Померанией, расположенной к востоку от Одера, последовательная экспансия нижнесаксонского племени прервалась, ибо здесь, в устье Вейхзеля, произошла переправа к давно могущественной Польше. Через Восточное Поморье, или так называемое "Померелье", проходит широкая полоса, до сих пор не являющаяся германской, славянской территорией, земля так называемых кассубенов, которую польские короли вместе со всем устьем Вислы и городом Данцигом контролировали в течение долгого времени.

Эта немецкая колония, основанная довольно изолированно от остальной Германии, на Фризском и Куришском Хафе в стране литовцев, при своем возникновении имела мало общего со старыми землями и народом нижних саксов. Он был основан по просьбе загнанных в угол польских князей и по наущению папы римского орденом тевтонских рыцарей, который имел свои владения по всей Германии и привлекал своих членов как из северной, так и из центральной и южной Германии.

Дворяне, которые основали этот орден в устье Мемеля и Куриш-Хафа, имели своих предков среди всех немецких племен, поэтому официальным языком этой колонии стал не низкий, а высокий немецкий. На эту землю рыцарей Тевтонского ордена приезжали поселенцы и переселенцы со

всех концов Германии, иногда из Тюрингии, с Эртских гор, из Богемии, а позднее даже из Зальцбурга. Хотя орден привлекал новых поселенцев со всех регионов, чтобы заселить завоеванные земли, на которых он искоренил старое исконное население литовцев, он предпочитал использовать для этой цели население близлежащих саксонских провинций. Также приезжали горожане и купцы из нижнесаксонских ганзейских городов на морских побережьях и заселяли торговые города Ордена, Эльбинг, Данциг и другие. И вот, наконец, *эта* восточногерманская колония тоже постепенно приобрела преимущественно нижнесаксонский тон и плоский немецкий язык в качестве доминирующего диалекта.

Те же ганзейские мореплаватели и купцы уже с середины ^{XII} века продвинули нижнесаксонскую колонию еще дальше на восток, к реке Дуне, в земли ливенцев. Они и бременские архиепископы основали дочерний ганзейский город Ригу, а также "Орден братьев-меченосцев" ⁵, в который входили в основном жители Саксонии и Вестфалии, и постепенно завоевали и оккупировали Ливонию, Эст и Курляндию.

Однако, поскольку этот маленький орден чувствовал себя слишком слабым в большой стране, он присоединился к Ордену немецких рыцарей в Пруссии и признал его верховную власть. В XIV ^{веке} этот немецкий орден был на пике своего могущества. Он контролировал большую страну, украшенную немецкими городами и принадлежащую немецким землевладельцам; она простиралась от Вислы до окрестностей Новы, "и некоторое время была одним из самых процветающих и лучше всего управляемых королевств в Европе".

Вожди этой империи, гроссмейстеры, имели место и право голоса в Германском императорском совете, и политическое влияние немецкого имени тогда распространялось на север больше, чем когда-либо прежде или с тех пор. С середины ^{XIV} века моральная дисциплина, а вместе с ней и власть благородных рыцарей ордена, пошла на спад. Их немецкая колония-государство распалась и попала под иностранное господство.

Поляки, ранее воевавшие с немцами за обладание этими регионами, завоевали почти все земли, принадлежавшие ордену, сначала Западную Пруссию как свою собственную землю и Восточную Пруссию как феода, затем в ^{XVI} веке Ливонию как свою собственную землю и Курляндию как феода.

В этих провинциях, однако, немецкий характер пустил такие глубокие корни, что при всех сменах правительства и при всех распадах, везде, даже в Лифляндии, где за последние 200 лет сменяли друг друга польские, шведские и русские владыки, он продолжал существовать.

В Восточной Пруссии, которая в ^{XVI} веке была объединена с Бранденбургом в дом Гогенцоллернов благодаря избранию Альбрехта Бранденбургского великим магистром Тевтонского ордена и последующему наследственному провозглашению этого герцогства, сплоченное немецкое население распространилось на половину территории страны. К сожалению, название этого герцогства и окончательно связанного с ним крупного немецкого государства "Пруссия" не стало и не осталось немецким, а произошло от древних литовских жителей региона.

В Восточной Пруссии ("Помереллен"), которая долгое время оставалась польской и вошла в состав Пруссии только в 1772 году (ее столица Данциг - только в 1793 году), немецкое население менее многочисленно. В отдаленных провинциях Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, куда немцы никогда не приходили в большом количестве, сохранилось своеобразное земельное население, а в многочисленных рвах и городах и по сей день процветают немецкие буржуазные и дворянские семьи.

Поскольку коренные славяне, поляки, литовцы, ливы и эстены полностью утратили свое первоначальное дворянство, когда были завоеваны немецкими рыцарями, а немецкие семьи

поделили землю между собой, происхождение дворянства в этих странах более чисто немецкое, чем, например, в Померании и Мекленбурге, где, как уже говорилось, вендское дворянство было истреблено своими государями и лишь постепенно вытеснено. Поэтому ни в Восточной Пруссии, ни в Курляндии и Лифляндии в ролях дворян не встречается столько славянских "ов", "цов", "иц" и "плиц", как в более близких к Германии странах.

Даже среди горожан в значительной степени сохранялся врожденный немецкий национальный дух. Поэтому немецкий дух и там порождал много сил, и развитие Германии получало немалое поощрение и поддержку со стороны этих северо-восточных колоний.

Достаточно вспомнить философского сына шорника из Кенингсбергена, великого Канта. Великий Гердер, а затем и остроумный мыслитель Артур Шопенгауэр также стали немцами из этих северо-восточных провинций, как и великий Коперник, происходивший из вестфальской семьи.

Даже Кёр-, Лийф- и Эстланд дали немецкой литературе и науке немало ученых и поэтов. Я должен также отметить, что высшие классы этих регионов говорят на особенно звучном и приятно звучащем немецком диалекте, так как среди них нет неразвитых немецкоязычных классов, диалект которых мог бы испортить их языки.

В городах Рига, Либау, Ревель среди низших слоев населения до наших дней сохранился родной плоский немецкий диалект.

Даже в российском императорском городе Петербурге, носящем немецкое название, немецкое население, насчитывающее более 60 000 человек, происходило в основном из северной части Германии: купцы и горожане - из ганзейских городов и прусских морских портов, дворяне - с гребней балтийских губерний. В какой-то степени можно рассматривать его как самую крайнюю северогерманскую или нижнесаксонскую колонию на крайнем северо-востоке.

Сколько бы ни было племен и мелких народностей, на которые, как уже говорилось выше, делились германцы во все времена; как бы далеко ни распространился и ни рассеялся народ, все же во все времена проявлялись определенные черты характера и душевного склада, которые были и оставались их изначальными. Уже римские писатели находили много общего между германцами и говорили, что из этого можно сделать вывод, что все они одного племени и крови, что они братья.

Германской нации выпала редкая привилегия быть мастерски изображенной Тацитом в ее естественном состоянии, когда она еще находилась в колыбели. Таким образом, немцы имеют возможность, чего не скажешь обо всех народах, проследить существование и историю этой предрасположенности, свойственной в значительной степени всем германцам, особенности духа и нравов, в очень высокой степени.

Картина, которую рисует Тацит о предках германцев, по сути, верна и сегодня. Некоторые из характеристик, которые он им приписывает, были утрачены среди германцев. Во многих признаках, которые содержатся в его небольшом этнографическом катехизисе, можно распознать зародыши и семена плодов, появившихся позднее и частично созревших только в наши дни. И хотя этот катехизис так стар, его содержание все еще может быть использовано как основа для общей характеристики германцев.

Прежде всего, Тацит восхваляет домашние обычаи и семейную жизнь старых германцев. "Священны, - говорит он, - у них узы брака; их женщины, отказавшись от всех дальнейших надежд

и ожиданий, обладают, как телом и жизнью, только одним мужем, который является последним объектом их чувств и мыслей - они единственные среди варваров, кто берет *только одну* жену".

Разве не склонен я поверить, что старый язычник Тацит именно в этих словах сформулировал основные правила и обеты, которыми наши молодые христианские пары связывают себя друг с другом. Одного этого замечания римлянина достаточно, чтобы доказать, насколько восприимчивы были эти варвары с самого начала к христианству и его более чистой морали.

"Женщины, - продолжает Тацит, - пользуются у германцев большим уважением. Они не презирают ее советов и даже считают, что в женщинах есть что-то святое, что-то пророческое. Были примеры, когда некоторые из них, в том числе германская принцесса Веледа, почитались как святые".

Такой взгляд на прекрасный или слабый пол среди варваров - тоже нечто необычное; это было то, что особенно характерно для германцев. Даже в пылу ссор и войн они прислушивались к своим женщинам. "С германцами случалось, - говорит Тацит, - что их жены молитвами и увещаниями возвращали на место битвы уже побежденных мужчин, и те, опасаясь, что их жены могут попасть в руки врага, сражались за победу".

Это поклонение женщинам оставалось свойственным германским народам на протяжении веков. Вскоре после того, как они овладели Римской империей и присоединились к христианству, поклонение "нашей дорогой жене", Матери Марии, достигло ранее неизвестного уровня во всей Европе, которая была более или менее германизирована. Кроме того, у всех народов, ядром которых изначально было германское дворянство, развивались романтические и рыцарские женские службы, которые отчасти смешивались с поклонением Деве Марии. Глубокое моральное уважение англичан к женщинам, которое также стало свойственно североамериканцам, связано с родиной Веледы.

У немцев женщины пользовались особым уважением ради своих детей. Они воспитывали своих младенцев в собственном лоне и не оставляли их на любовников и слуг, как это было принято в римских странах, как это было принято уже во времена Тацита. "Ее мальчики, - продолжает Тацит, - играют среди домашних животных во дворе под присмотром матери и вырастают крепкими юношами".

Домашнее счастье, либеральная организация домашнего хозяйства, молчаливое совместное управление женщинами, более свободное передвижение и воспитание детей - вот множество чудесных даров, которые темные леса Германской империи преподнесли новой Европе и которые высоко ценятся и сегодня, особенно в германских странах: В Германии, где так много философствовали, думали и писали о доме, домашнем хозяйстве, семье и воспитании, а также в Скандинавии и Англии, где слова "*дом*", "*hjem*", ценятся так же высоко, как в Германии всезначимое "*daheim*".

Один из самых прекрасных рассказов Тацита о немцах содержится в этих нескольких словах: "Никто не смеется над их пороком". Эти слова Тацита можно было бы взять в качестве текста для длинного панегирика германскому существу, которое, как правило, не любило легкомысленного, а к серьезному относилось серьезно; которое было противником потворства и даже не могло вернуть в свой язык слово "*фриволите*". Высмеивание священных вопросов всегда было для немцев предосудительным поступком, и в этом отношении они мало чем отличаются от более насмешливого и легкомысленного характера своих соседей, французов.

Даже то, что говорит Тацит о том, как германцы оплакивали своих мертвых, кажется, было сказано прямо из сердца германца. "Жаловаться и плакать, - говорит он, - они *скоро* перестают, скорбят и

печалются очень *поздно*, - они *вспоминают*". - Разве можно не поверить, что Тацит глубоко заглянул в суть германской психики, которая не имеет страстного характера, не стремится к внешнему проявлению и обнародованию сердечных чувств, скрывает свои печали внутри себя, не знает ни "плача горя", ни греческих или ирландских самоплакальщиков, а только "*носителей горя*". "Они помнят", - говорит Тацит. Тот, кто имел возможность наблюдать за тем, как скорбят наши германские братья, англичане и голландцы, не говоря уже о нас самих, наверняка заметил истинность замечания римлянина о характере германского народа. Одни только слова "*Eingedenk*", "*Erinnerung*", которым немецкие поэты посвятили столько строф, вызывают в нас отклик.

Тацит указывает и на другие особенности германцев, которые вряд ли стоит называть добродетелями. Например, весьма примечательно, что он уже обнаружил в грубом германском народе врожденную привязанность к своим государям. "Занять первое место у своих государей, - говорит он, - очень желательно для всех немцев, и все они ревностны. Они считают себя особенно обязанными защищать и оберегать своих государей, да еще причислять свои собственные подвиги к их славе, и им кажется очень унижительным и позорным для всей их жизни вернуться живыми из битвы *после* падения своего государя".

Если бы Тацит видел, что германцы уже делали и *терпели* ради своих государей и каким мощным мотивом была их любовь и преданность своим государям, даже в их последних героических деяниях, он не нашел бы причин отказываться от этого утверждения.

Тацит также упоминает о многих национальных *пороках* и *недостатках* германцев, которые наблюдаются и по сей день: об излишествах в питье и еде, об игривости, о склонности к суевериям. Он говорит о пристрастии немцев к выпивке почти так же, как мы говорим об индейцах в Америке. "Они настолько неумеренны, - говорит он, - что если бы мы поддерживали эту склонность и давали им столько, сколько они хотят, они бы легко проиграли нам. Ни один народ не предается пирам и удовольствиям пьянства с большей страстью, чем они".

Этот недостаток проявился у германцев раньше, еще до Тацита. Даже Цезарь жаловался, что его германские всадники, которых он взял с собой в битву при Фарсале, не были готовы к бою в день сражения, потому что были нетрезвы. И начиная с битвы при Фарсале южные народы во всех своих столкновениях с немцами жаловались на этот недостаток, который осуждал и Лютер, писавший в своем комментарии к 10 псалму: "Поскольку каждая страна должна иметь своего дьявола, Германии дали винный мешок".

По словам Лихтенберга, в немецком языке есть более 50 выражений для обозначения разновидностей и степеней душевного состояния, вызываемого Бахусом, для которых другие языки относительно бедны. Этими выражениями немецкий язык обозначает даже чувства и ощущения совершенно иной природы, и говорит, например, о том, что в немецком языке есть "вакхическое состояние". Например, он говорит о "*порыве* наслаждения", "*опьянен* похотью", "*жаждет* подвигов"; он наливает чистое вино вместо истины и заявляет о человеке, с которым ничего нельзя сделать, что "*Hopfen und Malz an ihm verloren sei*" (что он выскреб моран); в оригинальной немецкой пословице душа неисправимого человека представляется как пивная пыль. Немецкие поэты даже поют: "wer niemals einen Rausch gehabt, der ist kein braver Mann" (кто никогда не носил Rausch, тот не хороший человек), объявляя его "für einen Narren, der nicht liebt Wein und Gesang" (дураком, который не любит вина и песен). Действительно, я считаю: было бы желание, чтобы половина всех винопитий и панк-песен в литературе немцев, а также пристрастие к родственному, могли быть вычеркнуты из их бытия.

Однако некоторые другие особенности, за которые Тацит укоряет предков германцев, похоже, приняли своеобразный оборот. Он рисует их как настоящих дневных воров. "Заработать в поте

лица то, что можно получить насилием, - говорит он, - считается слабостью". Вряд ли их было так же легко убедить обрабатывать землю, как зарабатывать раны. Когда они не идут на войну или охоту, с ними бездельничает даже самый храбрый. Тогда они живут, полностью отдавшись безделью и сну, в медленном покое".

Можно ли поверить, что из этих ленивых ненавистников медвежьих шкур Тацита со временем вышли самые трудолюбивые люди в мире; люди, которые своим пресловутым трудолюбием делают себя желанными во всех странах, которые выполняют заповедь: в самом прямом смысле слова больше, чем любой другой народ, зарабатывай свой хлеб в поте лица своего; - у которых жажда труда даже превратилась в счастье в труде.

Германцы не дали себя уговорить, как опасался Тацит, а *очень даже легко* стали самыми трудолюбивыми земледельцами в мире. Они не только превратили свои [герцинские](#) леса и грязные болота в фермы и сады, но и везде, куда звали их соотечественники, - в Скифии (Россия), в Дакии и Паннонии (Венгрия), в Америке, - там дикая природа стала дружелюбной и продуктивной.

Не ограничиваясь возделыванием земной поверхности, немцы также усердно обрабатывали почву, а самое трудное занятие - горное строительство - стало поистине немецким национальным ремеслом. На всех горных работах в мире предпочтение отдается трудолюбивым, неутомимым камнедробильщикам и рудокопам, и везде они являются незаменимыми и ведущими в этом искусстве.

Пахать землю, копать, раскалывать, рыться в поисках сокровищ за мизерную плату стало такой характерной чертой немцев, даже среди их литературных и ученых людей, которые повсюду ищут в потаенных уголках, просеивают, собирают, скребут, работают, как на горных работах, и выносят на свет золотые зерна.

Если Тацит и в этом отношении не был пророком, то, с другой стороны, в религиозном созерцании своих германцев он отметил нечто такое, что сохранилось как истинно германское. "Германцы, - говорит он, - считают величие Бога недостойным того, чтобы заключить его в стены или придать ему человеческий облик. Они поклоняются своим божествам в лесах и перелесках, которые для них священны и в которых они с благоговением созерцают нечто таинственное".

Многое из этой естественной религии, описанной Тацитом в столь замечательных терминах, всегда оставалось свойственным германцам, даже после того, как они стали христианами; большая любовь к славному творению Бога, которая также очень хорошо соответствует религиозному учению того, кто сказал: "Посмотрите на лилии в поле, как они растут" - во всех проявлениях природы он (германец) видит след божества. Более половины всех песен, написанных немцами, содержат прославление природы, это весенне-осенние или зимние, ночные, утренние или вечерние песни, в них воспеваются ветра, моря, розы, фиалки, птицы и все, чем дышит, пахнет, шелестит или журчит только мир-душа.- А что касается таинственных лесов и перелесков, о которых упоминает Тацит, то ни один народ не относился к ним с таким высоким уважением и святостью, как германцы. За "тем, что рассказывает лес", за "одиноким лесом", за "мечтами о лесе" и т. д. их поэты всегда были наиболее внимательны и внимательны. Тысячи выражений в немецком языке и бесчисленные темы немецкой поэзии заимствованы из леса, а лесная культура - любимая наука и искусство немцев.

"Храмовая служба и *форма* церквей никогда не проникали в плоть немецкого народа так глубоко, как в плоть романских народов". Их философия была самой универсальной и всеобъемлющей в мире. Их императоры всегда боролись со священниками и папами, которые, в свою очередь, находили защитников во Франции. Они отказались от иконоборчества, навязанного германцам

Римом, когда во времена Лютера их старый, свободный, религиозный дух, "которому не нужны были стены и статуи для божества", который уже в языческие времена не терпел друидских кабинетов, подобных галльским, снова восстал. О том, что эта религиозная свобода была глубокой, национальной заботой германцев, свидетельствует тот факт, что их церковная реформа была настоящей и долгое время единственной революцией, которую они провели твердо и четко, самостоятельно и только для себя и на благо других германских племен, тогда как в своих политических переворотах они почти всегда - вплоть до сегодняшнего дня - получали импульс извне и были почти только подражателями.

Но в человеческой груди, рядом с добром, таится и зло. "Тот же самый непредубежденный немец, подглядывая за душой мира во всех ее откровениях, нередко принимает совершенно противоположное направление - становится несчастным, неизлечимым сомневающимся, мечущимся между верой и неверием, который то строит свои убеждения сердцем, то разрушает их умом и в этой неустойчивости не приходит к *твердой* уверенности и определенности. - Страх перед этим состоянием души, столь распространенным среди немцев, нагнетается целой своеобразной немецкой сагой, навевающей ужас, и Гете избрал этот материал темой своего самого законченного и самого национального немецкого произведения, в котором он был вырван из этой стороны немецкого характера, обнажена и увековечена в классическом виде, и в котором дьявольские чары и колдовство, наряду с натурфилософией и ощущением существования мирового духа, играют такую же большую роль, как и во всей истории развития немецкого народа.

Когда немецкие писатели говорят о контрастах между своими соотечественниками и другими европейскими народами, они часто ссылаются на то, что называют "романским формализмом". Они имеют в виду специфическую форму бытия, резко выраженную национально-физиогномическую направленность всего внешнего облика, манер и образа мыслей французов, итальянцев, испанцев и т. д., а также склонность этих народов пренебрегать своим внутренним содержанием ради внешней формы. В соответствии с этим наши румынские соседи замечают в нас, немцах, большой недостаток формы, во всех наших выражениях и внешности. Они иногда сравнивают себя с улитками, которые построили себе тесный и милый домик, а нас - несколько поэтично - с моллюсками без дома, фигуры или раковины.

Очень ярким доказательством того, что "формализм" не в сердце и душе немцев, является то, что все они имеют так мало общего в своей внешней или физической форме. Среди немцев труднее, чем среди любого другого народа, четко определить национальную физиономию и семейный тип. Есть племена, в которых каждый индивид безошибочно несет на своем лице печать всего племени. Израильтяне все выглядят как братья одного племени. Армяне как будто отлиты в единую форму. С англичанами тоже почти невозможно ошибиться. У итальянцев и испанцев очень резкие черты, явно несущие на себе печать одного и того же. Напротив, внешняя национальная физиогномика, как и география этой "*неясной Аллемании*", есть нечто очень неопределенное и расплывчатое. От Адриатического моря до Гагачьего можно найти самые разные изменения в размерах тела, цвете кожи, цвете волос, форме лица, да в каждой немецкой провинции, в каждом городе и поселке наблюдатели сталкиваются с самыми пестрыми разновидностями и оттенками. Кому-то часто кажется, что у каждого немца есть своя индивидуальная внешность.

Неопределенность и неустойчивость немецкой формы проявляется в том, что она так легко меняется у незнакомых людей. Немцев, долгое время проживших за пределами своей страны, или их детей, родившихся за границей, часто не узнают впоследствии. Очень скоро они полностью перенимают черты иностранного народа. У многих других народов (стоит ли снова упоминать

израильтян - с таким же успехом можно упомянуть англичан или французов) признаки расы все еще отчетливо видны в последних детях.

Как и в своем внешнем облике, немцы гораздо более бесформенны, гораздо менее привязаны, чем другие народы, в своих манерах, в своем общении, во всем социальном общении. "В других странах, не только во Франции, но и в Англии, и даже среди республиканских североамериканцев, можно найти определенную регламентацию в общении, разговоре, стиле письма, во всех частях и внешних проявлениях; регламентация, которая часто кажется немцам тиранической цепью, хотя, когда человек привыкает к ней, она приносит много удобств".

Также и в высших сферах человеческих способностей и производства, в продуктах разума, поэзии и литературе, очевиден так называемый "формализм" других народов и отсутствие у немцев фиксированных и общепринятых форм. В поэзии римляне, как правило, больше, чем немцы, следовали законам привлекательных и искусных форм. Почти все метрические и просодические типы и правила, действующие в Европе, происходят от греков, итальянцев, испанцев и французов. Слабая сторона поэтических произведений немцев заключается скорее в отсутствии изящной внешности, чем во внутреннем содержании. Трагедии немецких поэтов редко обладают нужным эффектом, искусной формой. Их рассказам, повестям и романам также часто не хватает лаконичной формы и хорошей концовки. В них тоже есть что-то от *аллеманской неделикатности*, что-то широкое, расплывчатое и текучее. Французы и англичане упрекали немецких ученых (правда, больше в прошлом, чем сегодня) в том, что они не умеют писать книги, не умеют оформлять и завершать свои работы. Все продукты их ума, казалось, плыли в своеобразных национальных облаках. Как и немецкому семейному лицу, им также не хватало четких очертаний и формы.

То же отсутствие фигуры, формы, заключения, лаконичности и характерного штампа проявилось не только в таких откровениях, глубоко идущих от народного и человеческого духа, как стихи и литературные произведения, но и в таких, казалось бы, незначительных мелочах, как платье и национальный костюм... В течение времени многие европейские народы создали весьма своеобразный стиль одежды, как мужской, так и женской, в отношении покроя и дизайна. Венгры, поляки, русские, да почти все славянские племена, имеют определенный, часто очень живописный, национальный костюм, которого они придерживаются с большой любовью и при использовании которого их патриотическое чувство возбуждается так же сильно, как поэтическое чувство композитора Ариона, когда он говорит: "Только в украшении Аполлон меня восхищает". Некоторые из этих народов до такой степени привязались к своей национальной одежде, что им было труднее отказаться от нее, чем от религии, языка, обычаев и всего остального, что относится к их национальности. В доказательство этого я привожу лишь альтенбуржцев в Тюрингии, потомков сербов, которые до сих пор одеваются по-старославянски, хотя в остальном они стали полностью немцами.

Некоторые народы, став влиятельными, в большей или меньшей степени навязывали свою одежду остальной Европе. Например, когда-то испанцы, в другой раз шведы, совсем недавно французы и отчасти англичане. Немцы никогда не добивались ничего подобного. Многие костюмы и дресс-код той или иной нации полностью или частично перешли в общеевропейскую манеру одеваться. Если проанализировать весь костюм всех слоев европейского общества, то можно обнаружить, что почти все народы нашего континента время от времени вносили в него ту или иную лепту. Немцы, которые мало занимаются внешним видом, составили бы самую незначительную часть.

"Если мы рассмотрим, - говорит Фальк, - немецкие костюмы, от пастухов и пастушек с Бернского нагорья до фризов и голландцев, от Рейна до Мемеля, мы почти везде найдем в формах этих так

называемых немецких народных и деревенских костюмов не что иное, как изгоев костюма эпохи Людовиков XIV и XVI, или, может быть, даже остатки славянского костюма".

В области костюма, да и во всем остальном, что связано с внешним видом, немцу никогда не удавалось сделать ничего путного. Сила немецкого гения была обращена в другую сторону.

Один остроумный писатель, проводя параллель между созвездием наших основных европейских групп и нашей планетарной системой, сравнивает французов и другие романские народы с Меркурием и Марсом, которые близки к Солнцу и движутся по определенным, тесным, узким, четким орбитам; Англию, которая особенно предана поэзии, он сравнивает со знаком Земли. Славена он сравнивает с Ураном и Сатурном. Как и эти звезды, они распространяют тусклый свет, тусклы, далеки и движутся медленно,

Немцев же он причисляет к кометам, потому что, подобно им, они часто улетают далеко от земного солнца в неизмеримое пространство, иногда приближаясь вновь, движимые желанием, когда они с силой и буйством пронизывают свет. Кометоподобный аспект германской природы, стремление к путешествиям, вплетенное в их существо, тесно связано со всем их духом и характером. Ее можно встретить повсюду, как в их истории, так и в повседневной жизни, работе и мыслях.

Как блуждающие звезды, когда-то во времена юности нации их племена вспыхнули и разлетелись во все концы нашего континента. Подобно кометам, их императоры и имперские армии веками вторгались в Италию на юге, таяли и испарялись там в один год, а в другой посылали новые жертвы своей похоти, вызвав, помимо прочего, давнее существование в Германии многочисленного человеческого сословия, так называемых всадников и лакеев, которые охотно следовали издалека на любой зов.

Даже в новейшие времена ни в одной стране не было основано иностранного легиона, который нельзя было бы правильнее назвать немецким. Все соседи всегда набирали войска из Германии, голландцы и англичане - для своих владений в Ост-Индии, французы - для своих африканских завоеваний.

Ни в одной чужой стране не раздавался военный клич, в котором не принимали бы участия смелые и авантурные немцы, причем нередко даже с обеих противоборствующих сторон.

У немцев всегда было много живых и авантурных персонажей другого рода, странствующих ремесленников, бродячих школьников, театралов и путешественников всех мастей. Их художники, артисты и ученые отправлялись в путешествия не только, как англичане и французы, для достижения определенной национальной или деловой цели, но из чисто поэтического желания путешествовать, подобно тому, как перелетные птицы устремляются в неизмеримые пространства, только ради красоты великого творения и преследования общих эстетических или научных целей.

И такие странствия и крики, когда туристы вылетают, как голуби, когда купальщики ищут разнообразия, когда молодежь идет пешком, когда студенческие группы совершают паломничество через Рейн и Пояс, как это бывает каждую весну в Германии, неизвестны ни в Италии, ни во Франции, ни в Испании.

Так много песен, связанных с жадой странствий, так много "Оденов", обращенных к облакам, товарищам неба, к перелетным птицам, журавлям Ибикуса, "ночных песен бродяг", длинных песен о прогулке, об осеннем путешествии или зимней поездке, об остановке на ночлег или

возвращении домой, о разлуках и отъездах, - столько поэтических вопросов к бурлящему ветру, откуда он приходит и куда уходит, - к родникам и рекам, пересекающим один ландшафт, сколько встречается в немецкой литературе, нет ни у одного другого народа. Чистое голубое небо, движущиеся солнце, луна и звезды, бескрайний горизонт и мерцающая даль - все это играет столь же замечательную роль в немецкой поэзии.

Путешествие-новелла - более новый вид литературы, с любовью практикуемый немцами и их английскими братьями, и почти не известный французам и итальянцам. Немцы и англичане, которых, как и немцев, объединяет жажда путешествий, создали и опубликовали больше рассказов о путешествиях, чем все остальные народы вместе взятые. Ни у одной другой нации нет такого количества сборников о новых и удивительных путешествиях по суше и воде, как у немцев.

А когда англичанин Дефо в столь привлекательных формах нарисовал судьбу обитателя острова Робинзона Крузо, этой книгой восхищались, ее читали и ей подражали ни в одной стране так рьяно и так широко, как в Германии на протяжении 150 лет. Даже за последние десять лет лучшие иллюстраторы Германии украсили ее новыми рисунками. По образцу дикого Робинзона с острова Хуан-Фернандес немцы создали также силезских, тюрингских, шварцвальдерских, вестфальских и хартс-робинзонов. Количество подражаний этому роману среди немцев, которым далекий необитаемый остров, уединенная жизнь на природе и в лесу казались столь привлекательными, стало настолько велико, что робинзоновское сиятельство превратилось в отдельную отрасль литературы.

Перо немецких ученых также всегда любило путешествовать на Восток и на Запад, на крайний Север и на жаркий Юг; материал для своих произведений они черпали издалека, чтобы встать на сторону всего чужого. Подобно пчелам, они летали повсюду и черпали мед со всех сторон.

"Немцы ищут по всему миру. Насколько хватает солнечного луча и дуновения ветра, они стремятся увидеть, узнать, понять и распознать все; изучить и присвоить языки, обычаи, особенности, искусства" - многие вещи прижились у немцев только потому, что они пришли "издалека".

Немцы неустанно собирают и копируют все иностранное. Ни одна литература в Европе не богата переводами со всех старых и новых языков, как немецкая. Ни один народ не может похвастаться тем, что сделал продукты духа всех стран и народов своими собственными, как немцы.

"Благодаря своим литературным завоеваниям они открыли духовные сферы народов земного шара, принесли к себе цветы поэзии и плоды науки из самых разных широт и времен", "Таким образом, немецкий язык стал ключом к великим сокровищам, и кажется несомненным, что если бы иностранец хотел овладеть живым языком, на котором он чувствовал бы себя как дома во всех других литературах, он должен был бы выбрать не что иное, как немецкий.

"В результате, при всей своей внешней жесткости, немец приобрел внутреннюю умственную подвижность и гибкость, которая позволяет ему понимать не немца, впитывать самые странные вещи, так легко выражать свои мысли, ставить себя на место других и принимать чужие мысли и взгляды". "И это, - говорит один немецкий писатель (Арндт), - один из самых ценных наших даров". Но все же примечательно, что и здесь крайности встречаются и образуют контрасты. "При всей своей восприимчивости к великим мыслям из книги естественного закона человечества, при всем своем легко возбуждаемом участии в горестях и радостях этого мира, они всегда страдали от совершенно противоположных недугов, от мелочности и мещанства".

Кто поверит, что "самые космополитичные из граждан мира достаточно часто оказывались самыми простыми буржуа". Самые широкие, немецкие скитальцы были также самыми верными домохозяевами. Помимо поистине широчайших взглядов и щедрых чувств, которые были свойственны их великим умам и которые дали одному из их поэтов стих: "Seid umschlungen

Millionen!" среди немцев нередко можно встретить "самые мелочные взгляды, самые недаленовидные головы, самые узколобые умы, людей самого ограниченного понимания".

Германия, страна Лейбница и Канта, в то же время является родиной истинных шеппенштедтеров и шильдаэров. "Такие восхитительные кости (Einfalts-pinsel), - говорит историк немецкой национальности (профессор Вахсмут), - как в Германии, вряд ли можно найти у какого-либо другого народа, ни у англичан, у которых для этого слишком мало наивного ребячества, ни у французов, которым для этого не хватает юмора, ни у славянских рас, у которых, как правило, для этого слишком много хитрости".

Сказки о швабском или померанском простодушии отнюдь не остались у немцев. Напротив, семена для них проросли во всех немецких странах. В каждом племени, в каждой провинции есть свое место для них, известных своей простотой.

Да, у них не только самый открытый и щедрый дух, *рядом* с самым ограниченным интеллектом; но именно их буржуазные хлыщи (Philister, Kannegiesser, Spiessburger), которые в практических делах наталкиваются на тысячу препятствий, обычно являются теми самыми людьми, которые, когда речь заходит о том, что находится далеко от них, провозглашают истинное мировое гражданство.

Поэтому следует полагать, что, по крайней мере отчасти, именно немецкая малочисленность и небольшая государственность стали теплицей их имплантированного космополитизма. Именно потому, что им приходилось слишком много жить в швабском городке, тесно обнесенном стенами, при болезненно маленьком тюрингском дворе, именно по этой причине их дух чувствовал тягу к большому идеальному миру еще сильнее, чем это уже было заложено природой, и поэтому страдал от мировой недостаточности, европейской недостаточности и тому подобных недугов. Если какой-либо народ, то немецкий, чтобы излечиться от подобных недугов и иметь возможность использовать свои "драгоценные дары" и сохранить их от вырождения, нуждался в собирании, концентрации и закалке. -Но даже такому универсальному и космополитичному народу, как немцы, в котором было больше человечности, чем самолюбия и эгоизма, и который населял область Европы, сросшуюся почти со всеми другими народами и державами, было особенно трудно создать национальное и политическое единство.

Они слились друг с другом позже и основали свое внешнее поселение позже, чем большинство других великих народов Европы. "Это был процесс воскрешения, длившийся столетиями, в ходе которого приходилось сталкиваться с самыми разными изменениями и сдвигами".

Благоприятный исход и победа, к которым в конце концов привели попытки немцев достичь единства, были благосклонно подготовлены церковной реформой Лютера. Это великое движение умов, в котором многие другие европейские народы последовали за немцами, несшими знамя, дало им свободу мысли и предоставило их философам местность, по которой они могли свободно передвигаться, на которой они могли процветать. Почти все новые великие мыслители и просвещенные духи Германии, давшие народу славу и силу, происходили из протестантизма, который, надо надеяться, в своем дальнейшем развитии станет закваской немецкого единства в еще большей степени, чем прежде.

Своим переводом Библии и тем, что последовало за ним, Лютер дал немцам начатки общего письменного языка, который постепенно проник на территорию всех немецких племен как язык повседневной жизни и который все они теперь считают своим родным языком, как драгоценное достояние. По мере того как этот язык все больше и больше проникал даже в самые низшие слои

народа, он становился мощным рычагом укрепления национального чувства и объединения. Постепенно, особенно в ^{XVIII} веке, на нем расцвела замечательная литература. Появились великие поэты и писатели, получившие широкое признание в народе и горячо любимые во всех немецких странах.

Как в поэзии и изящной словесности, так и в области других искусств, особенно музыки, среди немцев почти в одно и то же время возникли великие таланты и духи, которые пленили весь народ своими восхитительными сочинениями и вскоре, подобно поэтам, стали почитаться как духовные короли немцев. Подобно поэтам, они стягивали и свивали невидимые кольца вокруг всех племен народа, который таким образом приобрел множество знаменитых людей, которыми он мог гордиться и в восхищении которыми он был единым целым.

То же движение, которое создало общий немецкий язык письменности и литературы, поэтов и мыслителей, также создало среди немцев сильную государственную власть, вокруг которой они могли сплотиться. Начав с малого, протестантская Пруссия все больше распространялась. Уже в XVII и ^{XVIII} веках она совершала великие подвиги при могущественных князьях и оруженосцах, чем заслужила всеобщее уважение оружия немцев, а в начале XIX века славными залпами, хотя и не без помощи иностранцев, вызволила независимость Германии из лап ее наследственного врага за Рейном. Постоянно увеличиваясь в росте, численности и территории, она отныне прославлялась как меч Германии. Однако, поскольку в Германскую конфедерацию, созданную после падения Наполеона, помимо Пруссии вошла еще одна великая держава, единственная полугерманская Австрия, между двумя державами надолго завязалась неопределенная политическая борьба за господство.

Как бы печально ни выглядело в течение всей первой половины ^{XIX} века внешнее или политическое единство немцев, сам народ, следуя однажды принятому образу мыслей, работал над своим внутренним объединением во многих отраслях и сферах жизни. Возникли большие союзы и собрания немецких естествоиспытателей, германистов, токарей, певцов, а позднее и общегерманский "Шютценбунд", объединивший патриотов всех классов и областей страны и не мало способствовавший более тесному братанию всех немецких племен, стран и городов; нация также вскоре стала отмечать память своих самых популярных "духовных королей" "Шиллеровскими праздниками" и тому подобными мероприятиями с общим участием.

Прежде универсальные ученые и исследователи тоже становились все более патриотичными. Прежде всего, они стали более тщательно, чем прежде, изучать свой родной язык, источник всех национальных чувств, его историю, его формирование, его распространение. Прилежно изучались даже отдельные диалекты немецкого языка. И делалось это уже не с мелкими и пристрастными намерениями, как раньше, а в целом, так что появились писатели или поэты на каком-то особом диалекте, создавшие множество прекрасных произведений, например, аллеманский гебель. Например, аллеманский Хебель, или позднее нижнесаксонские Фриц Ройтер, Клаус Грот и т.д., или баварский Кобель, не только добились славы в своей провинции, но их произведениям радовались и аплодировали по всей Германии.

Не менее ревностно они относились к изучению и разъяснению истории своего народа и отечества. Даже Немецкая лига требовала этой работы, помогая реализовать идею, уже задуманную великим немецким Штейном, о подлинном собрании всех источников немецкой истории. Некоторые немецкие князья, например баварские, также были вдохновлены этим рвением и основали фонды с той же целью, такие как Германский музей в Нюрнберге, Историческая комиссия в Мюнхене и так далее. "Поле немецкой истории, наконец," как выражается Гизебрехт, "работало микроскопически". Каждый немецкий исторический вопрос, каждая эпоха истории, каждая немецкая провинция, каждый город получили своего

исследователя, своего "монумента", своих описателей. Все это было следствием общего патриотического подъема в Германии, которому он одновременно способствовал.

В той же мере, в какой они способствовали прояснению политической истории народа, они способствовали и его литературе. Над этим также трудились "с усердной тщательностью", так что почти каждый немецкий поэт, не только Лессинг, Шиллер и Гете, но и почти каждый старый миннезингер, имел свою капеллу, освещенную толпой огней, и что весь народ узнавал в школах и других местах все подробности жизни и творчества своих поэтов и того, как создавались произведения их ума, так сказать, извне.

Однако практичные и умелые пруссаки создали еще более тесные и прочные узы объединения, а именно немецкий "Zollverein", который, пройдя через несколько фаз, постепенно окружил почти все немецкие государства и племена, разрушил многие старые перегородки между государствами и племенами и, наконец, создал почти всеобщее единство в немецкой торговле и движении. Этому в значительной степени способствовала постепенно расширявшаяся сеть железных дорог по всей Германии.

В этом и других отношениях дороги к объединению прокладывались по многим направлениям. Дух немцев, их национальное чувство, их нрав уже стали единым целым. Оставалось лишь придать этому духу внешнюю форму, скрепить *политические* узы единства. События, которые привели к этому, следовали за битвой, и пруссаки снова стали лидерами. Они приняли более либеральное законодательство. Они создали большой парламент, в котором развивались и формировались многие политические таланты. В результате Пруссия вскоре настолько широко и повсеместно стала считаться главой Германии, что уже в 1848 году либерально настроенные и патриотичные люди, собравшиеся во Франкфурте и пытавшиеся создать общий, единый немецкий парламент, предложили ее королю германскую императорскую корону. Но для принятия такой комиссии тогда еще не все было готово. Императорские короны в истории редко создавались парламентскими решениями или дискуссиями ученых и образованных людей. О них также не пишут и не поют. Обычно они рождаются на полях сражений. Конечно, рождение всегда проходило легче, если ему предшествовали певческие общества, поэты и всякие другие полезные занятия, но большинство людей нельзя убедить ни пением, ни разговорами, а делами. Только битвы, которые ведутся за существование народа, пробуждают массы, даже самые кровопролитные, и приносят энтузиазм и дымку высшего даже в самую бедную хижину". Кровь и железо должны были сплавить Германию воедино.

Сначала маленький, враждебный северный народ, который так часто вызывал гнев Германии, был отброшен в ее пределы с блестящим эффектом. Затем Пруссия вступила в борьбу с полуславянской дунайской державой, вела ее с благоприятными результатами и положила конец дуализму господства во внутренних областях Германии, который больше всего мешал единству. Австрия, выросшая вместе со славянами, мадьярами и итальянцами, была вытеснена из Германии в нескольких тяжелых сражениях, и в этой стране теперь существовала только одна воля, одна политическая сила, и притом немецкая. Однако наиболее решительно она действовала в центральной и северной Германии. Южные немцы, аллеманны, швабы и баварцы, немного колебались и еще не знали, что делать.

Но, к счастью немцев, их старые противники по ту сторону Рейна, французы, давно с тревогой и ревностью наблюдавшие за началом объединительных работ в Германии, сплотились и сделали попытку остановить продвижение немцев. Внезапно они напали на Германию, надеясь, как и прежде, найти часть народа на своей стороне. К своему ужасу и смятению, они поняли, что пришли слишком поздно, что из-за всех вышеперечисленных

событий уже произошло немалое слияние и объединение умов и национальных чувств. Немецкие племена и князья последовали за своим знаменосцем Пруссией и одержали - на этот раз самостоятельно и без помощи иностранных держав - ряд самых славных побед над своим наследственным западным врагом. За очень короткую кампанию, проведенную талантливо и увенчанную беспрецедентным успехом, они свергли Францию и вернули себе две старые славные немецкие провинции, которые они когда-то украли у Германской империи и народа. И вот теперь, когда старые границы империи были восстановлены, а вся нация спасена от самой страшной из угрожавших ей опасностей, Пруссия также приняла императорскую корону, предложенную ей благодарными немецкими князьями и народом.

Таким образом, была создана империя, которая, по крайней мере, объединила подавляющее большинство немцев в мощный и единый организм. Пусть не все, чего можно было желать, достигнуто, и пусть не так, как многие ожидали, но все же мы (немцы) получили больше, чем большинство живущих смели мечтать или, в крайнем случае, рассматривать как нечто, что они могли бы получить со временем.

Последствия и результаты великой войны 1870 и 1871 годов оказались удачными не только для немцев, но и для всех народов Европы. Континент не мог чувствовать себя спокойно и умиротворенно, пока его сердце и средние люди были слабы, приглашая постоянные нападения, столкновения и запутывания со всех сторон. Теперь это спокойствие, этот цивилизованный средний народ Европы, прошедший столько школ, обрел силу и вырвал черпак из рук беспокойного, безмятежного народа галлов, старого европейского смутьяна. О том, что современная Германская империя не вошла в круг европейских держав с такими далеко идущими идеями мирового господства, как старая "Римская империя германской нации"; что она хочет только восстановления независимости и утверждения настоящей Германии; что она не думает о внешних германских завоеваниях; что она - империя мира, уже неоднократно заявлял нынешний германский император Вильгельм. Но и простой немецкий народ уже давно доказал, что он порвал с разрушительными тенденциями своего империализма середины века. Он больше не заикливается на поездках в Рим, на дунайских экспедициях и подобных далеких авантюрах. Через все свои органы (поэтов, государственных деятелей, патриотов и т. д.) оно заявило, что не хочет ничего, кроме их немецкой родины, старой немецкой земли и старого немецкого языка. Тем самым она ясно дала понять, что уже давно стремится отделиться от того государства, которое все еще придерживается старой ошибочной германской имперской политики Османов и Гогенштауфов, которое не хочет отказаться от Италии, Венгрии и т.д., которое, напротив, позволяет вести себя под руководством северогерманского государства, которое, подобно благородному германскому королю Генриху Чужестранцу, не хочет ничего, кроме Германии.

Объединение и усиление немцев можно рассматривать как полезное событие для всей Европы, но с этнографической точки зрения можно также с некоторым удовлетворением оглянуться на все процессы развития, через которые прошло большинство основных народов Европы за последние три-четыре столетия, и на результаты, которых они достигли с помощью "принципа национальности", который все больше управляет ими, и все более сильного стремления к приобретению "естественных границ".

Испанцы не только изгнали со своей земли вторгшихся африканцев, но и объединили все мелкие королевства в одну монархию. Они создали общий письменный и разговорный язык, политический и национальный центр в Мадриде, и завоевали естественные границы, образованные морем и Пиренеями.^{7 8} Однако их желание объединить португальцев, своих

братьев, соседей и сожителей на Пиренейском полуострове, в политическом и национальном плане до сих пор не осуществилось.

Итальянцы, выработав общий язык и литературу, недавно очистили весь свой полуостров, включая принадлежащие ему острова, от политического партикуляризма и создали, от Альп до Сицилии, королевство, объединяющее всю нацию.

Французы, отчасти путем завоеваний, отчасти благодаря удачным завещаниям своих королей, объединили все части древней Галлии вокруг своего Парижа и теперь заключены между Вогезами, Пиренеями и Альпами, а также морем, как своими естественными границами.

Голландцы привели к разделению двух основных элементов населения своей страны - германских голландцев и французских валлонов и бельгийцев, границы которых в целом были удовлетворительно обозначены в соответствии с принципом национальности.

Англичане отказались почти от всех своих бывших великих европейских завоеваний и владений на нашей материке, ограничились двумя своими большими островами и все больше объединяют свое население, языковое и политическое, хотя Ирландия всегда следует за ними неохотно.

Датчане покинули Норвегию и Швецию, и великий Скандинавский полуостров политически принадлежит до самого края его исконным обитателям, шведам и норвежцам, которые объединились в двойное государство в своих естественных границах. Также против немцев датчане отступили в пределах естественной территории своего архипелага островов и связанного с ним полуострова Ютландия.

Немцы изгнали шведов из Померании, поляков из Пруссии, датчан из Шлезвиг-Гольштейна и недавно французов из Эльзаса и Лотарингии и почти полностью воссоединили свою старую Германию между Альпами и морем, а также в значительной степени унифицировали в языковом, военном и политическом отношении, хотя многое еще предстоит сделать и завершить.

Русские освободились от татарского господства и основали мощную империю, единую по языку и национальности, между морями, данными им в качестве естественных границ.

Мадьяры с помощью австрийцев изгнали турок из своей страны и под властью австрийской палаты лордов восстановили национальную государственную организацию и добились литературной и языковой независимости.

Точно так же и *греки*, после того как их так долго подавляли и убирали со сцены событий, были вновь введены в круг европейских народов как новый и независимый народ.

Даже *румыны* сумели построить дом между низовьями Дуная и Карпатами и обрели своего рода национальную независимость.

В любом случае, говорю я, для этнографа это весьма примечательные и отрадные результаты принципа национальности, вплетенного в природу, который европейские народы чтят в течение более или менее длительного времени. Однако история и политика еще не разрешили некоторые очень большие этнографические вопросы и узлы, особенно польский вопрос, а также так называемый восточный вопрос, который в основном вращается вокруг основания или восстановления независимости славянских народов европейской Турции. И, конечно, во всей Европе *никогда не* создается ситуации, способной удовлетворить в

деталей все национальные интересы и желания, на которую этнограф и друг ненарушенного развития национального характера мог бы смотреть с безраздельной радостью. Тем более не может автор представленного здесь чернового изображения этих ситуаций и событий надеяться на то, что он в достаточной мере удовлетворил запросы себя и своих читателей. Возможно, кто-то склонится к тому, чтобы применить максимум: *in magnis voluisse sat est*, (В больших делах достаточно хотеть), немного в свою пользу. Пусть ему удастся хотя бы попасть в нужную ноту там и тут и приятно спровоцировать дальнейшие размышления.

1 Бреннер - вершина Реатских Альп в Тироле. ВЕРШИНА.

2 Мы, голландцы, не принимаем это утверждение немцев как доказанное. ВЕРТ.

3 Дитмаршен - название самого западного из шести ландшафтов герцогства Гольштейн. Он расположен между Эльбой, Северным морем и Вестмаршеном. ВЕРТ.

4 Что подразумевается под этим прозвищем, мне неясно. Возможно, они немного грубоваты и при ходьбе ставят ноги далеко друг от друга, так что, например, при ходьбе по снегу образуется широкая колея. ВЕРТ.

5 Духовный орден братьев-меченосцев был основан около 1200 года епископом Альбертом для распространения христианства на севере. В 1237 году он объединился с орденом немецких рыцарей. ВЕРТ.

6 Под *Герцинскими горами* понимают обширную горную цепь, которая начинается в Шварцвальде на Рейне и тянется через Тюрингский лес, Фихтельберг, Богемский лес и Карпаты до Венгрии. ВЕРТ.

7 У испанцев после объединения в единую империю не было особых поводов хвастаться своими королями. Энергичная оборона против французов в первой четверти века позволила испанцам подняться в глазах многих людей, хотя средства, которые они использовали для этого, были сомнительными. К сожалению, с тех пор ничтожные принцы и принцессы не могли контролировать партийные разногласия и использовать богатые ресурсы для процветания. Изгнание Изабеллы обещало светлое будущее, которое, к сожалению, так и не наступило, потому что вместо того, чтобы работать в единстве с желанным королем Амадеушем, восстания и гражданские войны растратили богатство и кровь, потопили благосостояние нации и понизили ее в глазах Европы.

То, что при таких обстоятельствах португальцы, сейчас менее чем когда-либо, были бы склонны к братству с испанцами, говорить не приходится. ВЕРТ.

Ошибка.

Со стр. 42 по стр. 56, находится в начале страницы: *Восточные соседи Европы, читать эллины и новые греки*

На стр. 167 строка 4 и далее читается: *Рас - этот дворец, читай этот дворец принадлежит Рас.*

Колофон

Доступность

Эта электронная книга предназначена для свободного использования любым человеком в любом месте, практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org.

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования любым человеком в любом месте и практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org.

Кодировка

Этот файл имеет старую орфографию. Попытки осовременить текст не предпринимались. Сокращенные слова в конце строки были восстановлены.

Диарезис часто опускался (видимо, у наборщика не хватало их в запасе). В тексте они восстановлены. Ряд немецких умляутов, сохранившихся в переводе, был удален.

В тексте регулярно встречаются инвертированные запятые, назначение которых неясно, а также там, где есть сопутствующий закрывающий или открывающий знак. Они были опущены.

История документа

- 10-ноября 2006 года начата.

Улучшения

В текст были внесены следующие улучшения:

Расположение	Источник	Улучшение
Страница 15	,	.
Страница 16	Инди	Индия
Страница 24	[Нет в источнике]	"
Страница 24	Алгарви	Алгарви
Страница 26	Азия	Азия
Страница 27	[Нет в источнике]	"
Страница 28	Индия	Индия
Страница 28	Азия	Азия
Страница 30	[Нет в источнике]	"

Страница 36	Кальмюкен	Кальмюкен
Страница 37	Кальмюкен	Кальмуккен
Страница 37	Кальмюкен	Кальмуккен
Страница 38	[Нет в источнике]	"
Страница 44	поэзия	поэзия
Страница 45	Феники	Феники
Страница 51	Фессалия	Фессалия
Страница 51	Фракия	Фракия
Страница 51	Македонцы	Македонцы
Страница 51	Фракийцы	Фракийцы
Страница 51	Иллирийцы	Иллирийцы
Страница 51	Сербы	Сербы
Страница 52	Италия	Италия
Страница 52	Италия	Италия
Страница 54	Сербы	Сербы
Страница 54	Галлия	Галлия
Страница 54	Фессалия	Фессалия
Страница 54	Беотия	Беотия
Страница 55	Фракия	Фракия
Страница 57	иллюстрированный	иллюстрированный
Страница 60	на	на
Страница 60	[Нет в источнике]	.
Страница 62	Италия	Италия
Страница 64	Иллирийцы	Иллирийцы,
Страница 65	Тюркен	Турки
Страница 65	[Нет в источнике]	(
Страница 66	поэтический	поэтический
Страница 70	inzich	сам по себе
Страница 71	руины	руины
Страница 71	гражданская	гражданский
Страница 80	"	[удалено]
Страница 84	Дунайская провинция	Дунайская провинция
Страница 85	Дунайская провинция	Дунайская провинция
Страница 85	Мадьяры	Мадьяры
Страница 86	семьи	семьи
Страница 90	Сербский	Сербский язык
Страница 90	Галлия	Галлия
Страница 91	Славонцы	Славонцы
Страница 91	Далматинцы	Далматинцы

Страница 91	Сербия	Сербия
Страница 92	Сербы	Сербы
Страница 92	Сербы	Сербы
Страница 93	Иллирия	Иллирия
Страница 95	Хорватия	Хорватия
Страница 99	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 110	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Стр. 115	-	
Страница 119	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 121	индивидуалки	индивидуалки
Страница 121	"	<i>[удалено]</i>
Страница 125	Deta	Дельта
Страница 141	Хунгарье	Венгрия
Страница 142	Хунгарье	Венгрия
Страница 145	Хунгарье	Венгрия
Страница 145	zijre	его
Страница 152	Сербия	Сербия
Страница 153	Венгрия	Венгрия
Страница 154	Галлия	Галлия
Страница 155	"	<i>[удалено]</i>
Страница 155	Хунгарье	Венгрия
Страница 155	Хунгарье	Венгрия
Страница 158	Хунгарье	Венгрия
Страница 159	Силезия	Силезия
Страница 161	Галлия	Галлия
Страница 161	семья	семьи
Страница 162	один	один
Страница 164	прекрасное	красивая
Страница 167	Пак - этот дворец	этот дворец принадлежит Паку
Страница 177	Андалусия	Андалузия
Страница 181	the	the
Страница 185	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 188	предложение	петь
Страница 188	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 190	погода-	погода
Страница 190	на-	на
Страница 193	дн	сайт
Страница 198	Гонгарье	Венгрия
Страница 199	"	<i>[удалено]</i>

Страница 200	-	
Страница 208	церковь -	церковь
Страница 211	"	<i>[удалено]</i>
Страница 215	tevreêen	tevreên
Стр. 217	валун	Кейен
Страница 222	<i>[Нет в источнике]</i> .	"
Страница 222	Скандинавы	Скандинавы
Страница 224	Иберийцы	Иберийцы
Страница 227	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 228	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 237	Провинции Балтийского моря	Губернии Балтийского моря
Страница 238	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 240	сьерадиен	sieradien
Страница 240	нации	народы
Страница 246	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 252	иерархия	иерархия
Страница 254	<i>[Нет в источнике]</i>	,
Страница 267	Ютландия	Ютландия
Страница 282	Препятствия Нормадена	Орды кочевников
Страница 283	Санскрит	Санскрит
Страница 288	Саутгемптон	Саутгемптон
Страница 312	Иллирийцы	Иллирийцы
Страница 312	Далмация	Далмация
Страница 315	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 319	папство	Папство
Страница 323	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 325	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 329	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 330	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 330	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 334	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 334	изолированный	изолированный
Страница 338	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 345	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 348	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 348	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 359	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 362	инергия	энергия
Страница 370	"	<i>[Удалено]</i>

Страница 370	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 375	настоящее время	настоящее время
Страница 382	<i>[Нет в источнике]</i>	
Страница 383	один	один
Страница 383	может принести	может принести
Страница 385	Иезуиты	Иезуиты
Страница 386	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 390	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 391	"	<i>[Удалено]</i>
Страница 394	,	.
Страница 395	Скандинавия	Скандинавия
Страница 397	Ютландия	Ютландия
Страница 409	Скандинавия	Скандинавия
Страница 410	эрландия	Ирландия
Страница 410	и	один и
Страница 413	"	<i>[удалено]</i>
Страница 415	двойной	double
Страница 417	пересадка	пересаживает
Страница 417	иммигрировавший	иммигрировавший
Страница 425	фиософен	философ
Страница 427	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 427	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 429	ассигновано	ассигнованный
Страница 430	<i>[Нет в источнике]</i>	"
Страница 435	изолированный	изоляция
Страница 452	Ютландия	Ютландия
Страница 452	Ютландия	Ютландия
Страница 452	Ютландия	Ютландия
Страница 452	Ютландия	Ютландия
Страница 452	Ютландия	Ютландия
Страница 455	<i>[Нет в источнике]</i>	,
Страница 455	национальный	национальный
Страница 458	Галлия	Галлия
Страница 465	)	<i>[Удалено]</i>
Страница 468	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 469	asRenatus	как Ренатус
Страница 471n	прозаик	прозаики
Страница 478	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 485	708	1708

Страница 490	Богема	Богемия
Страница 493	Ютландия	Ютландия
Страница 496	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 502	hunpne	их
Стр. 504	Богемия	Богемия
Страница 506	Богемия	Богема
Страница 507	Ютландия	Ютландия
Страница 508	Ютландия	Ютландия
Страница 513	с	с
Страница 519	Венгрия	Венгрия
Страница 528	иллюстрированный	иллюстрированный
Страница 529	часто	часто
Страница 531	Ютландия	Ютландия
Страница 535	Шиеам	Схидам
Страница 537	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 538	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 538	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 539	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 539	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 539	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 540	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 540	<i>[Нет в источнике]</i> .	.
Страница 540	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 540	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 541	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 541	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 542	Аоттердам	Роттердам
Страница 543	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 543	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 543	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 543	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 549	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 549	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 550	Аппингедам	Аппингедам
Страница 551	<i>[нет в источнике]</i>	.
Страница 551	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 557	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 558	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 558	<i>[Нет в источнике]</i>	.

Страница 558	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 559	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 562	Purmerend	Пурмеренд
Страница 566	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 569	<i>[Нет в источнике]</i>	.
Страница 572	<i>[Нет в источнике]</i>	.